

МЕМОАРЫ МАРКІЗЫ ДЕ ЛА ТУР ДЮ ПЕН

МЕМОАРЫ МАРКІЗЫ ДЕ ЛА ТУР ДЮ ПЕН

МЕМОУАРЫ МАРКИЗЫ ДЕ ЛА ТУР ДЮ ПЕН

*Перевод с французского языка
И. В. Шубиной*

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 94
ББК 63.3
М49

Научный редактор Н. П. Таньшина

М49 Мемуары маркизы де Ла Тур дю Пен / пер. с франц. И. В. Шубиной. — М. ; СПб. :
Нестор-История, 2020. — 576 с.
ISBN 978-5-4469-1685-6

Мемуары Генриетты-Люси Диллон, маркизы де Ла Тур дю Пен Гуверне (1770–1853), охватывают последние годы Старого порядка, эпоху Французской революции, годы эмиграции, наполеоновское время, Реставрацию и возвращение Наполеона с острова Эльба. О жизни мемуаристки и ее родных в последующие годы рассказано ее правнуком в предисловии к первому изданию мемуаров. Маркиза де Ла Тур дю Пен в силу своего положения в обществе и семейных связей была непосредственным свидетелем многих исторических событий и поддерживала близкое знакомство с такими заметными фигурами той эпохи, как Талейран, Тереза Тальен, Жермена де Сталь, Клер де Дюрас. Она была принята при дворе в качестве будущей придворной дамы Марии-Антуанетты, а в годы Империи встречалась с Наполеоном, императрицей Жозефиной (кузиной ее мачехи) и императрицей Марией-Луизой. Особый интерес представляют главы, рассказывающие о событиях лета и осени 1789 года, о жизни в Бордо в период революционного террора, об отъезде в Америку, где госпожа де Ла Тур дю Пен с мужем и детьми в 1794–1796 годах жила на ферме и вела хозяйство. Политические и религиозные убеждения, вполне традиционные для ее круга, не мешают ей на удивление трезво оценивать людей и события. Мемуары маркизы де Ла Тур дю Пен представляют интерес не только для историков, но и для широкого круга читателей.

**УДК 94
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4469-1685-6

9 785446 916856

© И. В. Шубина, перевод, предисловие,
комментарий и указатель, 2020
© Л. А. Мосионжик, комментарий и указатель, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

Предисловие переводчика

*Я стояла достаточно близко,
чтобы все видеть и слышать.*
«Дневник пятидесятилетней женщины».
Мемуары маркизы де Ла Тур дю Пен

Название, под которым мемуары маркизы де Ла Тур дю Пен впервые были опубликованы в 1907 году — «Дневник пятидесятилетней женщины», — способно ввести в заблуждение читателя, не знающего, о чем пойдет речь.

Прежде всего, это не дневник, по крайней мере, в нашем сегодняшнем понимании, то есть не записи, сделанные автором непосредственно в те дни, когда происходили описываемые события, или вскоре после того. Мемуаристка начала рассказ о своей жизни в январе 1820 года, а воспоминания ее охватывают период с 1770-х годов по март 1815 года. Ей было пятьдесят, когда она занялась мемуарами, но работа над ними продолжалась еще почти три десятилетия. Дневниковых записей она, судя по всему, никогда не вела, переписку за те годы, о которых идет речь, не имела возможности сохранить, так что полагалась исключительно на свою память, которой не без оснований гордилась.

Обезличенность названия тоже обманчива. Воспоминания предназначались не для сторонней публики, а для единственного из детей, кто еще оставался в живых, — младшего сына Эймара. Это для него мать записывает генеалогию своего отца и историю Диллоновского полка, которым тот командовал, ему, позднему ребенку, рассказывает, какими были его родители и мир, в котором они жили до его появления на свет. С ним она позволяет себе обсуждать бытовые подробности, не стесняясь упоминать о предметах, которых не принято касаться в светской беседе. Обращаясь к сыну, она ни с кем не полемизирует, не излагает свои политические взгляды, не пытается задним числом показаться умнее или дальновиднее, чем на самом деле. И если она подчеркивает те качества, которые считает своими достоинствами — стойкость, работоспособность, желание и умение учиться, преданность родным и друзьям, — то это естественное желание матери выглядеть наилучшим образом

в глазах человека, который для нее всех важнее и дороже. Хотя, надо отдать ей должное, гораздо больше стараний она прикладывает к созданию безупречного образа своего мужа, отца Эймара.

Зачем же нам эта семейная история более чем двухсотлетней давности?

Для очень многих, и исследователей, и просто читателей, это ценнейший и интереснейший источник информации об эпохе Французской революции и наполеоновском времени. Маркиза де Ла Тур дю Пен была непосредственным свидетелем многих исторических событий. Ее положение в обществе и семейные связи обеспечивали ей место в первом ряду, и невиданные грозные зрелища разворачивались у нее на глазах — будь у нее возможность, она бы охотно обошлась без этой привилегии, многим стоившей жизни. Талейран и госпожа де Сталь, генерал Скайлер и императрица Жозефина для нее не абстрактные исторические фигуры, а реальные люди, с которыми ее связывали личные отношения. Политические и религиозные убеждения, вполне традиционные для ее круга, не мешают ей на удивление трезво оценивать людей и события.

Так же трезво, без экзальтации, она рассказывает и о перипетиях своей личной истории, которые сделали бы честь приключенческому роману. Замужество, светская и придворная жизнь; Париж и Версаль, а потом Революция и Террор, все ближе подступающая опасность, аресты и казни знакомых, попытка скрыться в провинции; обыск в доме, где она только что родила дочь; костюм гризетки, который она себе сшила, чтобы ходить по Бордо неузнанной; паспорт на выезд в Америку, полученный в самый последний момент благодаря заступничеству Терезы Тальен; полуторамесячное плавание через Атлантику на утлом суденышке; жизнь на ферме в Америке, где она готовила, обстирывала и обшивала всю семью, да еще и делала масло на продажу...

Богатство и бедность, почет и изгнание, блестящие великосветские приемы и домашний быт небогатой семьи — в жизни мемуаристки было все это, и все это было лишь внешними обстоятельствами, которым надо было подчиняться, но не сдаваться. Когда понадобилось обходиться без кухарки, она взяла кулинарную книгу и стала готовить; когда муж получил назначение префектом в Брюссель, она составила списки всех важных особ, являвшихся с визитами, собрала о них сведения из разговоров и генеалогических книг и спустя месяц знала о брюссельском обществе всё, что было нужно для успешной работы префекта. В любых обстоятельствах она стремилась научиться всему, чему только можно, за любую необходимую работу бралась с готовностью, не давая себе послаблений.

Генриетта-Люси Диллон родилась 25 февраля 1770 года в Париже. Близкие называли ее Люси, в замужестве она стала зваться сначала госпожой де Гуверне, потом госпожой де Ла Тур дю Пен де Гуверне, а после 1820 года — маркизой де Ла Тур дю Пен.

Ее родители состояли в довольно близком родстве (тогда это называлось «кузены», но мать, ровесница отца, приходилась ему двоюродной племянницей) и знали друг друга с детства. Их поженили совсем молодыми, и они относились друг к другу, по словам мемуаристки, скорее как брат и сестра. Их старший сын умер совсем маленьким, Люси осталась единственным ребенком. Отца она почти не видела — шла война в Америке, и он, владетельный полковник Диллоновского полка, воевал то на континенте, то на островах Вест-Индии. Мать, легкомысленная красавица, придворная дама Марии-Антуанетты, блистала в Версале в окружении поклонников. Дядюшка-архиепископ больше интересовался охотой и придворными интригами, чем богословием и попечением о своей пастве. Он открыто жил со своей овдовевшей племянницей госпожой де Рот, бабушкой Генриетты-Люси, и это не слишком смущало тогдашнее общество. Бабка, женщина властная, недобрая и обидчивая, заботилась в первую очередь о своих финансовых интересах.

Воспитанием как таковым никто особенно не занимался, и нравственным ориентиром для Люси, самым близким для нее человеком стала взятая из деревни служанка Маргарита, совершенно неграмотная, но наделенная здравым умом, верная, порядочная и практичная.

Вместе с матерью Люси несколько раз приезжала ко двору, сестра короля Мадам Елизавета брала ее с собой на прогулки по парку. Когда мать, уже больная, поехала на воды в Спа, туда как раз заезжали во время своего заграничного путешествия граф и графиня Северные — наследник российского престола Павел Петрович и его супруга, будущая императрица Мария Федоровна. В мемуарах есть упоминание о том, что та спустя тридцать семь лет припомнила виденную в Спа двенадцатилетнюю девочку, которая прекрасно танцевала гавот и менуэт.

Мать умерла в 1782 году. Отец по-прежнему воевал за океаном, и Люси перешла под опеку бабки. Придирки и наказания приходилось терпеть безропотно — альтернативой был монастырь, обычное тогда решение для «лишних» девочек из приличных семей.

В 1784 году отец вернулся из Америки с будущей новой женой, вдовой графа де ла Туш. Она приходилась кузиной будущей императрице Жозефине, что потом сыграет свою роль в судьбе Люси и ее родных. Из всех детей отца от второго брака выжила только дочь Фанни, которая потом выйдет замуж за наполеоновского адъютанта Бертрана и вместе с ним будет сопровождать императора в ссылку на остров Святой Елены. В 1786 году

отец вернулся в Вест-Индию вместе с женой и маленькой дочерью, оставив дядюшке-архиепископу доверенность с полномочиями выдать Люси замуж «так, как тот сочтет уместным».

Свадьба состоялась в конце весны 1787 года. Жених, граф Фредерик-Серафен де Гуверне (1759–1837), обратил на себя внимание отца невесты во время военных действий в Америке. До сватовства Люси никогда его не видела, но положительное мнение о нем ее отца служило ей лучшей рекомендацией. Брак оказался удачным — можно сказать, необыкновенно удачным по сравнению с семейной жизнью родителей жениха и невесты, да и большинства их знакомых тоже. Супруги прожили вместе полвека, оставаясь друг для друга близкими людьми и надежными спутниками во всех житейских бурях. Подробно описывая свадебные торжества и подарки, полученные от родни, Люси замечает: «Обо всей этой роскоши и элегантности я рассказываю лишь для того, чтобы показать контраст с продолжением моего рассказа. Если я проявила какое-то смирение в несчастьи, то это не потому, что я не знала и не ценила по достоинству ту жизнь, к которой я была предназначена. Я имела все вкусы, проистекающие от уверенности в обладании изрядным состоянием. Однако же воображение мое часто обращалось к несчастью и разорению, и, если бы я в то время писала роман, в жизни моей героини случилось бы многие из событий, которые произошли потом в моей собственной». Муж — это она отмечает особо — подарил ей «прекрасное собрание английских поэтов в 70 томах формата 1/18».

Под руководством тетушки мужа принцессы д'Энен, штатной придворной дамы, Люси делала первые шаги в свете. Она была представлена ко двору и вошла в число тех, кто был на постоянной основе допущен в комнаты королевы; предполагалось, что в будущем она получит должность штатной придворной дамы, которую прежде занимала ее мать.

Надвигающиеся перемены ее тревожили, но не слишком занимали. Она честно напишет потом, что в восемнадцать лет политические дискуссии ей были очень скучны. Ей хватало своих забот — в начале 1788 года у нее случился выкидыш (как она полагала, из-за того, что в Версале, торопясь на королевский прием, она натолкнулась на дверной косяк жестким каркасом платья), а в декабре она родила мертвого ребенка и едва не умерла от родильной горячки.

События лета 1789 года разворачивались у нее на глазах. В августе отец ее мужа был назначен военным министром, а сам Фредерик-Серафен стал заместителем командующего Национальной гвардией Версаля. Это к нему Людовик XVI 6 октября обратился со словами: «Вы остаетесь здесь хозяином. Постарайтесь спасти для меня мой бедный Версаль». Толпу, прорывавшуюся в ту ночь к апартаментам королевы, Люси видела из своих окон.

19 мая следующего, 1790 года родился ее старший сын, получивший имя Юмбер-Фредерик. Из-за слабости после родов ей не позволили кормить его самой, как она того хотела, но остальных пятерых своих детей она будет кормить.

В 1791 году Фредерик-Серафен был назначен послом в Гаагу, но вскоре был отозван. В декабре 1792 года Люси вернулась во Францию, чтобы не лишиться имущества — эмигрантам грозила конфискация.

Франция уже была республикой; шел процесс над королем, закончившийся его осуждением и казнью в январе 1793 года. В марте был арестован отец Фредерика-Серафена; в этот раз его отпустили, но он беспокоился о судьбе сына и настоятельно рекомендовал ему с семьей уехать в провинцию, тем более что Люси снова ждала ребенка. В апреле они с мужем, маленьким сыном и верной Маргаритой уехали в замок Буй неподалеку от Бордо. В августе на замок был наложен секвестр, и Люси с сыном поселилась у знакомых в Бордо. Фредерик-Серафен скрывался у прежних слуг их семьи.

В сентябре 1793 года Люси родила дочь, названную в честь отца Серафиной. Положение в Бордо, где революционный трибунал день за днем выносил смертные приговоры, делалось все более опасным. Благодаря помощи Терезы де Фонтене, подруги комиссара Конвента Тальена, Люси удалось получить для себя, мужа и детей паспорт для выезда в Америку, и в марте 1794 года они отплыли в Бостон на судне «Диана». Плавание продолжалось более полутора месяцев.

Прожив месяц в Бостоне, семья переехала в окрестности Олбани в штате Нью-Йорк. У них были рекомендательные письма к жившему там генералу Скайлеру, который помог им устроиться на первое время. К зиме они купили ферму, на которой прожили до 1796 года. Люси сама вела хозяйство, готовила, стирала, шила. Их навещали приехавший в Америку Талейран и другие французские путешественники. В Америке они узнали о казни отца Люси и отца ее мужа. В 1795 году инфекционная болезнь унесла маленькую Серафину.

В 1796 году семья вернулась во Францию, добравшись морем до Кадиса, а потом проделав долгий путь через всю Испанию. В замке Буй оставались одни стены, все имущество было конфисковано и распродано, вернуть удалось лишь малую часть. Вскоре после приезда Люси родила дочь Шарлотту, которую при гражданской регистрации записали под именем Аликс.

В сентябре 1797 года вышел декрет, предписывающий всем эмигрантам в восьмидневный срок покинуть Францию, и Люси с мужем и детьми снова пришлось уезжать, на этот раз в Англию, где у них были родственники. Вернулись они только в начале 1800 года. На пути через ганноверские земли Люси родила еще одну девочку, Сесиль. Проведя несколько

месяцев в Париже, они вернулись к себе в Буй и там прожили до 1808 года вдалеке от большой политики и высшего света. В Буйе в 1806 году родился младший сын Люси Эймар.

В 1808 году Фредерик-Серафен был назначен префектом департамента Диль, и Люси поехала к нему в Брюссель вместе с дочерьми и маленьким Эймаром; старший сын Юмбер к тому времени уже поступил на службу в Антверпене. В 1813 году, когда ее мужа сместили с поста префекта, Люси поехала в Париж, добилась приема у Наполеона и выхлопотала новое назначение в Амьен. Там они встретили Реставрацию.

По протекции Талейрана Фредерик-Серафен де Ла Тур дю Пен Гувэрне получил место посла в Гааге и одновременно вошел в состав французской делегации на Венском конгрессе, где определялись судьбы европейских стран после победы над Наполеоном.

Мемуары заканчиваются рассказом о высадке Наполеона. Люси в это время находилась в Голландии. О дальнейшей судьбе ее и ее родных известно в основном из сохранившейся переписки Люси с Фелиси де Ларошжаклен, дочерью Клер де Дюрас. Она прожила долгую жизнь, потеряла старшего сына, погибшего на дуэли, и обеих дочерей, умерших от туберкулеза; сопровождала мужа в его дипломатической карьере; воспитывала внуку. Младший сын Эймар за участие в неудавшейся вандейской аванюре герцогини Беррийской был заочно приговорен к смерти. Ему удалось покинуть Францию, и родители присоединились к нему в эмиграции. В 1837 году Люси похоронила мужа. Сама она умерла в Пизе в 1853 году.

* * *

Рукопись матери Эймар де Ла Тур дю Пен завещал своему племяннику Аделену де Лидекерке Бофору, сыну Шарлотты. Сын Аделена Эймар де Лидекерке Бофор, правнук Люси, издал «Дневник пятидесятилетней женщины» в Париже в 1906 году. С тех пор эта книга многократно переиздавалась, была переведена на английский и немецкий. Французское издание, подготовленное в конце XX века при участии Кристиана де Лидекерке Бофора, дополнено перепиской 1815–1846 годов, но сам текст мемуаров сокращен по сравнению с первым изданием. Фрагменты, которые издатель предпочел исключить, касаются в основном подробностей частной жизни — возможно, несущественных для «большой» истории, но по-человечески очень интересных. В переводе, сделанном с французского издания 1913 года, эти фрагменты сохранены.

Предисловие Эймара де Лидекерке Бофора к первому изданию помещено в конце книги, поскольку там рассказано о событиях, случившихся в жизни семьи после 1815 года, которым заканчиваются мемуары.

* * *

Оглядываясь уже на свою, российскую историю последнего столетия, мы ищем и находим немало сходства с тем, что еще на столетие с лишним раньше происходило во Франции. Жизнеописание Генриетты-Люси Диллон, маркизы де Ла Тур дю Пен — еще одна возможность что-то понять для себя и в той, прошлой, и в нынешней жизни.

*Ирина Шубина,
2019 г.*

Дневник матери.

Предисловие научного редактора

История Французской революции, казалось бы, изучена вдоль и поперек. И сейчас уже французские исследователи изучают ночи Революции, животных Революции и даже, уж простите, пятую точку Революции. Однако тема остается неисчерпаемой. Во-первых, по причине того, что проблематика Революции обросла мифами, штампами и стереотипами. Во-вторых, по причине регулярных интерпретаций и реинтерпретаций темы, «поворотов», происходящих в исторической науке. Поскольку для французов Революция — это матрица современной политической культуры Франции, изменения в ее оценке происходят медленно и болезненно. Однако все, даже противники революции как способа трансформации действительности, согласны с тем, что именно Революция явилась событием, сформировавшим современные политико-правовые принципы, ставшие достоянием не только Франции, но и всего человечества. Поэтому перевод на русский язык воспоминаний современницы Революции Генриетты-Люси Диллон, маркизы де Ла Тур дю Пен Гуверне (1770–1853), трижды издававшиеся во Франции (в 1907, 1913 и 1979 гг.), представляет интерес и для российского читателя, поскольку для нашей страны Французская революция всегда была особой темой.

Мемуары всегда интересно читать, причем как специалисту-историку, для которого это особый вид источника, так и обычному человеку, интересующемуся историей. Тем более это воспоминания, написанные знатной дамой, образованной, наблюдательной, блиставшей при дворе, приближенной к королевской семье и оказавшейся втянутой в революционный водоворот, когда на ее глазах разворачивалась настоящая драма целой страны. Несмотря на то что книга называется «Дневником», это именно воспоминания, поскольку маркиза де Ла Тур дю Пен начала свой литературный труд только в 1820 г. (откуда и название — «Дневник пятидесятилетней женщины»), и предназначался он не читателям вообще, а младшему сыну Эймару, единственному из детей, который ее пережил. Писала свой дневник маркиза на протяжении почти тридцати лет.

Эпоха конца Старого порядка и постреволюционной Франции — это время, когда женщина играла заметную роль в обществе. Речь идет о прославленных хозяйках салонов, объединявших вокруг себя представителей

высшего света, интеллектуальную и политическую элиту общества. Можно вспомнить имена герцогини д'Абрантес, мадам Адель де Буань, Доротеи де Дино, герцогини Курляндской, Дельфины де Жирарден. Все они были хозяйками салонов и оставили блестящие свидетельства политической и интеллектуальной жизни той эпохи. Жизнь маркизы де Ла Тур дю Пен была столь бурной, чреватой опасностями, бегствами, что ей было не до светского салона, а ее воспоминания — это прежде всего история семьи и стремление сохранить для сына светлую память о его отце.

Мемуары всегда являются очень субъективным, хоть и очень интересным для исследователя источником, и к содержащейся в них информации надо относиться весьма осторожно. Но в данном случае мы имеем дело с текстом, как уже отмечалось, предназначенным не просто для абстрактных потомков с целью прославить свое имя в веках, а для сына, поэтому это прежде всего семейная история. И пусть имя маркизы де Ла Тур дю Пен не связано с громкими скандалами, придворными интригами, амурными похождениями, что могло бы придать пикантности ее воспоминаниям и усилить читательский интерес, для нас ее дневник — это ценнейший источник по истории семьи, жившей не в романтическую, но страшную эпоху Революции, это история матери и жены, спасавшей свою семью, своих детей, это микроистория, вписанная в историю страны.

Конечно, мемуаристку можно упрекнуть в том, что она описывает события, зная их последствия и конечные результаты, когда все видится иначе, когда все мы мудрее и опытнее. Говоря словами Марка Блока, она видит событие в завершенном виде, что очень важно для историка. А была ли маркиза де Ла Тур дю Пен умна задним числом или описывала по памяти свои подлинные впечатления и мысли той поры, наверное, и предстоит разобраться читателю. В любом случае это ее рефлексия о пережитом опыте, это ее оценка произошедшей в стране Революции. Собственно, тогда эта задача стояла перед всеми французами: пережить этот великий и страшный опыт, отделив зерна, то есть позитивные завоевания Революции, свободу и равенство граждан перед законом, от плевел — анархии, деспотизма и террора.

Генриетта-Люси Диллон (в замужестве госпожа де Гуверне, потом госпожа де Ла Тур дю Пен де Гуверне, после 1820 г. — маркиза де Ла Тур дю Пен) родилась 25 февраля 1770 г., за девятнадцать лет до Революции, а поскольку тогда люди выросли рано, подошла к 1789 году вполне сформировавшимся человеком. По крайней мере, в своем дневнике она предстает женщиной, прекрасно чувствовавшей духовную атмосферу общества: «В самые ранние мои годы я была свидетелем всего такого, что должно было бы испортить мой разум, извратить сердце, развратить меня и уничтожить во мне всякое понятие о морали и религии. С десятилетнего возраста я присутствовала при беседах самых вольных, где высказывались самые

безбожные принципы. Будучи воспитана в доме архиепископа, где повседневно нарушались все правила религии, я знала и видела, что религиозные догмы и доктрины преподаются мне не более серьезно, чем история или география». А мы сразу можем вспомнить Шарля-Мориса Талейрана, епископа Отёнского, знавшего нашу героиню с детских лет, образ жизни которого тоже был далек от христианской аскезы и заботы о пастве. Да что там говорить, даже церковных обрядов этот епископ не знал! Генриетта-Люси так описывала моральное состояние высшего общества той поры: «Бесстыдное царствование Людовика XV развратило высшее общество. Придворная аристократия подавала пример всех пороков. Игра, разврат, пренебрежение моралью и религией открыто выставлялись напоказ. Церковные иерархи, приезжавшие в Париж на съезды духовенства, которые королю пришлось сделать почти ежегодными из-за нужды в деньгах и разстроенных финансов, требовавших получения от церкви безвозмездных даров, тоже были испорчены распутными нравами двора. Почти все епископы назначались из числа высшей аристократии. В Париже они встречались со своей родней, своим кругом, с теми, с кем в молодости состояли в связи, с прежними привычками».

Талейран всегда любил женщин и делал с их помощью карьеру, а дядя Генриетты-Люси, архиепископ Нарбоннский, открыто жил со своей овдовевшей племянницей госпожой де Рот, бабкой Генриетты-Люси, что не особо смущало тогдашнее общество. Как писала наша героиня, «добродетель у мужчин и благонравное поведение у женщин высмеивались и считались неотесанностью», при этом «испорченность нравов распространялась от высших классов на низшие».

Бабка, женщина очень властная, полностью подавляла мать нашей героини, придворную даму королевы Марии-Антуанетты. «Моя бабушка, женщина чрезвычайно высокомерного характера и самой неприкрытой злобы, доходящей временами до ярости, пользовалась тем не менее любовью своей дочери», — так Генриетта-Люси описывала отношения в семье, в которой ей было очень неуютно, тем более что мать умерла, когда девочке было двенадцать лет, и до Люси доходили слухи, что бабушка грозит отдать внучку в монастырь. Единственным близким Люси человеком была ее служанка Маргарита: «Лишь одна душа уберегла меня, может быть, от этой заразы, выправила мои мысли, научила видеть и различать зло, направила мое сердце к добродетели, и была это женщина, не умевшая ни читать, ни писать!» Это состояние недолjublенности и отсутствия родительской ласки будет постоянно вспоминать и Ш.-М. Талейран, но если у нашей героини бабушка будет вызывать ненависть, то для Талейрана именно прабабушка по отцовской линии, из рода Рошешуар-Монтемар, внушка Кольбера, на короткий период его детства станет самым близким человеком. Кстати, сестры Рошешуар

были подругами детства и маленькой Люси, особенно Розали Рошешуар, которая выйдет замуж за герцога Ришелье, знаменитого губернатора Одессы и Новороссийского края. Но властная бабка потребует, чтобы внучка прекратила всяческие отношения с подругами...

Образование Генриетта-Люси получила домашнее, как это было принято для девочек из аристократических семей в то время, но ее пытливая натура тянулась к знаниям. Она изучала английский язык, причем сначала не с выписанной из Англии гувернанткой, а с женой садовника-англичанина, читавшей ей «Робинзона Крузо». Вовсе не случайно она пишет в своем дневнике о мадам де Жанлис, воспитательнице детей герцога Шартрского, в годы Революции ставшего Филиппом Эгалите, отца будущего короля Луи-Филиппа Орлеанского и его сестры Аделаиды. Мадам де Жанлис практиковала модную тогда воспитательную систему в духе Руссо и традиций эпохи Возрождения — формирование всесторонне развитой личности, гармоничное развитие души и тела, знание не только придворного этикета, но ручного труда и ремесел, мощная физическая подготовка. «Как я уже говорила выше, у меня не было детства. В двенадцать лет образование мое было уже очень продвинуто. Я чрезвычайно много читала, но без разбора... Я всегда с невероятным пылом стремилась учиться. Мне хотелось знать все, от кухни до химических опытов, смотреть на которые я ходила к аптекарю, жившему в Отфонтене», — так вспоминала свои университеты Генриетта-Люси. И этот детский опыт ей очень пригодится впоследствии.

В 1781 г. она впервые оказалась в прекрасном Версале: у Марии-Антуанетты родился дофин, наследник престола. «Я ходила посмотреть на бал, который давали в ее честь гвардейцы-телохранители в большой театральной зале Версальского дворца. Она открывала бал об руку с простым молодым гвардейцем, одетая в синее платье, сплошь усеянное сапфирами и бриллиантами, прекрасная, молодая, всеми обожаемая, только что подарившая Франции наследника, не помышлявшая о возможности обратного хода в той блестящей карьере, в которую увлекала ее судьба; а уже тогда она была рядом с пропастью». Это пишет Генриетта-Люси, которой на тот момент было одиннадцать лет. Конечно, это воспоминания не девочки, а уже много пережившей женщины.

Вместе с матерью Люси несколько раз приезжала ко двору. Позже, будучи уже замужней женщиной и дамой двора, она присутствовала и на грандиозном событии — открытии 5 мая 1789 г. Генеральных штатов. Никогда до сих пор маленький городок Версаль не видел сразу так много народа. Из Парижа и множества других городов, городков и местечек в Версаль прибывали бесчисленные любопытные, желающие принять участие во всемирно-историческом зрелище. С большим трудом за кошельки золотых удавалось снять комнату, а за пригоршню монет — купить

соломенный тюфяк. Нашей героине повезло: у ее тетушки было свое жилье в Версале, и она разместилась в ее комнатах.

Открытие Генеральных штатов воспринималось как настоящий праздник: «...мы с веселостью и без беспокойства, по крайней мере видимого, ожидали открытия этой Ассамблеи, которая должна была переродить Францию. Когда я теперь размышляю об этом ослеплении, я представляю его возможным только для людей молодых, как я была тогда. Но как деловые люди, министры, сам король были затронуты этим ослеплением — это необъяснимо». Действительно, тогда вроде бы ничто еще не предвещало грядущих потрясений.

Но Генриетта-Люси пишет свой дневник уже после свершившейся революции, поэтому рассуждает как историк, которому известны причинно-следственные связи. И ей из XIX века видны причины революционных потрясений: «Я не претендую на талант, необходимый для описания состояния общества во Франции перед Революцией. Такая задача была бы выше моих сил. Но, когда в старости я собираю воедино свои воспоминания, я нахожу, что признаки потрясения, разразившегося в 1789 году, стали уже проявляться в то время, с которого мои размышления начали оставлять след в памяти... Чем старше я делаюсь, однако, тем более я полагаю, что Революция 1789 года была лишь неизбежным результатом и, я могу даже сказать, справедливым наказанием пороков высших классов — пороков, доведенных до такого чрезмерного размаха, что, если бы не самое прискорбное ослепление, было бы совершенно несомненно, что всем предстоит сгореть в пламени того вулкана, который они зажгли своими собственными руками». Это рассуждение, на мой взгляд, показательное. Революция лишила ее молодости, спокойной жизни, достатка, когда она, постоянно беременная, была обречена на жизнь беглянки и изгнанницы, а ее близкие гибли на эшафоте. Но Люси не проклинает революцию, не клеветает на нее, она видит пороки французского общества и причины, приведшие к драматической развязке.

Тогда же, в 1789 году, никто и не подозревал, в какую полосу испытаний вступила Франция и что завертевшееся революционное колесо невозможно будет остановить. «Смеясь и танцуя, мы шли к пропасти. Серьезные люди довольствовались тем, что говорили об уничтожении всех злоупотреблений. Франция, говорили они, скоро возродится. Слово „Революция“ не произносилось. Тот, кто осмелился бы его произнести, был бы сочтен безумцем. В высшем обществе эта обманчивая безопасность обольщала мудрые умы, желавшие покончить со злоупотреблениями и казнокрадством. Этим объясняется то, что столько честных и чистых людей, и среди них сам король, первым разделявший их чаяния, надеялись в тот момент, что нам вот-вот предстоит вступить в золотой век», — писала маркиза. Так оно и было, а несчастный король Людо-

вик XVI поначалу был полон самых благородных надежд и искренне желал искоренить изъяны.

«Ах! Легко теперь, спустя пятьдесят лет после этих событий, повидав уже последствия слабости двора, говорить, как надо было тогда действовать! Но в то время, когда никто даже не знал, что такое революция, занять какую-то определенную позицию казалось не таким простым делом. Тот, кто в июне 1789 года гордился, что думает, как добрый патриот, три месяца спустя ужаснулся этому».

К началу революции наша героиня была уже замужней дамой: весной 1787 г. она вышла замуж за графа Фредерика-Серафена де Гуверне (1759–1837), с которым пятьдесят лет будет неразлучна.

Революционные события разворачивались у нее на глазах: находясь за пределами Парижа, она узнала о взятии Бастилии 14 июля; о «ночи чудес» 4–5 августа, упразднившей феодальные повинности и изменившей положение ее семьи: «...мой свекор оказался разорен, и мы так никогда и не оправались от удара, который нанесло нашему состоянию это ночное заседание, подлинная оргия беззаконий». Она была в Версале в ночь с 5 на 6 октября во время знаменитого «похода женщин» на Версаль и насильственного возвращения королевской семьи в Париж. В 1791 г. ее муж был назначен послом в Гаагу. В декабре 1792 г. Люси вернулась во Францию, чтобы не лишиться имущества — эмигрантам грозила конфискация. А ведь многие очень легко покидали страну, наивно полагая, что это совсем ненадолго, не подозревая, в какую мясорубку окажется втянута Франция. «Во Франции все делается по моде; тогда началась мода на эмиграцию. Все начали собирать со своих земель деньги, чтобы увезти с собой крупную сумму. Многие, у кого были кредиторы, собирались таким способом от них ускользнуть. Самые молодые видели в этом готовый повод отправиться путешествовать или же повод присоединиться к своим друзьям и обществу. Никто еще не догадывался о тех последствиях, которые может иметь такое решение».

Между тем революционного Молоха было уже не остановить; революция требует жертв, и требует их непременно. 21 сентября 1792 г. Франция была объявлена республикой; 21 января 1793 г. король Людовик XVI был казнен, а спустя полгода на эшафот поднялась Мария-Антуанетта; в марте был арестован отец супруга Люси, занимавший в начале революции пост военного министра, но в этот раз его отпустили. Люси с мужем и маленьким сыном уезжают в фамильный замок Буй недалеко от Бордо, однако в августе на замок был наложен секвестр, и Люси с сыном была вынуждена поселиться у знакомых в Бордо, между тем как ее супруг скрывался у прежних слуг их семьи.

В сентябре 1793 г. Люси родила дочь Серафину. Положение в Бордо, где революционный трибунал каждый день выносил смертные приговоры

и где она постоянно слышала ужасный стук падающего ножа гильотины, делалось все более опасным. Благодаря помощи Терезы де Фонтене, будущей супруги комиссара Конвента Жана-Ламбера Тальена, Люси удалось получить для себя, мужа и детей паспорт для выезда в Америку, и в марте 1794 г. они отплыли в Бостон на маленьком суденышке «Диана». Плавание продолжалось более полутора месяцев.

В Америке семья пробыла два года, с 1794 по 1796 г. Из Бостона, куда они прибыли, беглецы перебрались в Олбани. В Америке в это же время оказался и Ш.-М. Талейран, которому Дантон выправил паспорт, и тот буквально чудом успел уехать из Франции в Англию, а потом в Америку. Но если Талейран к жизни в Америке не привыкнет, хоть и попытается, как обычно, заработать деньги на финансовых спекуляциях, то Люси и ее муж, не меньшие аристократы, чем он, здесь, в молодом американском государстве, только что завоевавшем независимость, будут вести настоящую жизнь фермеров. Они купили небольшую ферму, у семьи было восемь коров, а Люси научилась делать превосходное масло: «Мое масло вошло в большую моду. Я его аккуратно формовала в небольшие брусочки, используя специальную форму с нашим шифром, и красиво укладывала в чистую корзинку на тонкую салфетку. Это все предназначалось покупателю... Сливки у меня были всегда свежие. Это мне приносило каждый день немало денег...» Вот вам и неприспособленные к жизни аристократы...

Понятно, ферма предполагала иные наряды, нежели Версаль или светские салоны, и наша героиня начала носить ту же одежду, что и ее соседки-фермерши, что тут же сделало ее очень популярной в округе. Наряд ее был таков: «...шерстяная юбка в черно-синюю полоску, кофточка из крашеной в бурый цвет хлопковой ткани, цветной платок, зимой серые или синие шерстяные чулки с мокасинами или мягкими туфлями из кожи буйвола, а летом — хлопковые чулки с туфлями...»

Как-то семью наших фермеров навестил князь Талейран, и Люси оставила яркую и откровенную характеристику этого сноба: «Господин де Талейран был любезен, как он всегда неизменно бывал со мной, и показывал ту приятность в беседе, какой никто никогда не обладал так, как он. Он меня знал с моих детских лет и поэтому держался со мной в некотором роде по-отечески и с чарующей благосклонностью. Можно было внутренне пожалеть о том, что есть столько причин не уважать его. Послушав его час, нельзя было удержаться, чтобы не прогнать все дурные воспоминания, которые он вызывал. Сам по себе ничего не стоящий, он испытывал — и это создавало особенный контраст — отвращение к тому, что было дурного в других. Не зная, кто он такой, по его речам можно было счесть его за добродетельного человека».

Люси даже станет хозяйкой четырех рабов, купив у прежних хозяев сначала мужа, а потом и его жену, соединив тем самым семью. Как пишет

Люси, в соответствии с обычаем, если какой-либо негр был недоволен своим положением, он шел к мировому судье и обращался к своему хозяину с официальной просьбой продать его. Тот, в соответствии с обычаем, должен был позволить ему искать хозяина, который заплатил бы за него условленную сумму. Со своей стороны, негр искал человека, который был бы расположен его купить. Вот она и купила эту пару, а когда настал черед уезжать из страны, поставила перед мужем условие: непременно предоставить рабам свободу.

В Америке она узнала о казни своего отца, Артура Диллона, и своего свекра. В 1795 г. инфекционная болезнь унесла маленькую Серафину. После событий 9 термидора (27 июля) 1794 г. и свержения якобинцев во главе с Максимилианом Робеспьером появилась возможность вернуться во Францию, но семья не спешила. Эти известия, по словам Люси, «...свалились на нас посреди наших мирных занятий, как горящая головня, которая внезапно зажгла в сердцах всех вокруг меня мысли о возвращении на родину, предвкушение лучшей жизни, честолюбивые надежды — в общем, все те чувства, которые одушевляют жизнь мужчин. Я, со своей стороны, испытывала совершенно иные чувства. Франция оставила у меня память только страшную. Я потеряла там свою молодость, порушенную бесчисленными и незабываемыми ужасами». Только угроза того, что замок Буй может перейти в государственную собственность, заставила наших героев поспешить. В 1796 г. через Испанию они вернулись на родину, куда отправился и Талейран, но на другом судне.

Однако в сентябре 1797 г. вышел декрет, предписывающий всем эмигрантам в восьмидневный срок покинуть Францию, и Люси с мужем и детьми вновь пришлось уехать, на этот раз в Англию, где у семьи были родственники. Вернулись они только в начале 1800 г. На пути через ганноверские земли Люси родила еще одну девочку, Сесиль.

Вернувшись во Францию, Люси была представлена Жозефине. Через несколько лет она снова оказалась при дворе, теперь уже Наполеона, который в 1799 г. в ходе переворота 18 брюмера стал Первым консулом, а в 1804 г. провозгласил себя императором. О Наполеоне наша героиня всегда отзывается с уважением и восхищением, он для нее — великий человек. К Жозефине, приходившейся кузиной ее мачехе, она более строга, хотя и отдает должное ее достоинствам. «В Париже я нашла многих своих знакомых, уже вернувшихся из эмиграции. Все молодые люди в этот момент обращали свои взоры к восходящему солнцу — госпоже Бонапарт, поселившейся в Тюильри в апартаментах, отделанных заново, как по волшебству. У нее уже были повадки королевы, но королевы самой милостивой, самой любезной, самой предупредительной. Хотя и не обладая особенно острым умом, она все же хорошо поняла планы своего мужа. Первый консул доверил своей жене миссию привлечь к нему высшее общество.

Жозефина на самом деле убедила его, что сама принадлежала к этому обществу, что было не вполне так. Была ли она представлена ко двору? Была ли в Версале? Мне это неизвестно, но благодаря имени ее первого мужа, господина де Богарне, это было вполне возможно».

Или вот как она описывала свой визит к Жозефине в ее прекрасный Мальмезон: «Однажды утром я поехала в Мальмезон. Это было после сражения при Маренго. Госпожа Бонапарт приняла меня наилучшим образом и после завтрака, устроенного в очаровательной столовой, повела меня посмотреть свою галерею. Мы были там одни. Она воспользовалась этим, чтобы нарасказать мне вгоняющих в сон историй о происхождении имевшихся там шедевров и восхитительных небольших картин. Вот эту прекрасную картину Альбани ее заставил принять в подарок сам папа. „Танцовщицу“ и „Гебу“ она получила от самого Кановы. Вот то и вот это ей подарил город Милан. Я и не подумала тогда, что не стоит принимать ее слова всерьез. Но, испытывая большое восхищение перед победителем при Маренго, я бы больше уважала госпожу Бонапарт, если бы она мне сказала просто, что все эти шедевры были добыты его шпагой. Эта женщина была лгунья по натуре. Даже когда простая правда была бы более интересна или пикантна, чем ложь, она предпочла солгать».

В 1806 г. у Люси родился младший сын Эймар, а в 1808 г. ее муж Фредерик-Серафен был назначен префектом департамента Диль, и Люси поехала к нему в Брюссель вместе с дочерьми и маленьким Эймаром; старший сын Юмбер к тому времени уже поступил на службу в Антверпене.

Наполеон Бонапарт, разведясь в 1809 г. с Жозефиной Богарне, не родившей ему наследника, в 1810 г. женился на Марии-Луизе Австрийской. Генриетта-Люси дала весьма жесткую характеристику новой французской императрице, именуя ее «незначительной женщиной, столь недостойной того великого человека, судьбу которого она разделяла».

Между тем империя Наполеона оказалась колоссом на глиняных ногах. Проницательный Талейран назвал Русскую кампанию «началом конца», а Люси просто поверить не могла, что французская армия могла совершить поход в Россию и дойти до Москвы: «Мы не были готовы к мысли, что французская армия может пойти на Москву. Так, когда господин де Ла Тур дю Пен, съездив на несколько дней в Париж, привез оттуда красивую карту Германии, Польши и России, мы удивились тому, что картограф Лапи добавил на полях небольшой квадратик, на котором располагалась Москва. Карта не доходила до меридиана этого города, и, когда мы ее прикрепили к обоям в гостиной и все стали ее рассматривать, каждый не преминул высказаться, что это совершенно излишняя предусмотрительность со стороны географа. Это было предсказание!»

Судьба наполеоновской империи была предрешена. В 1813 г. супруг Люси был смещен с поста префекта, и она поехала в Париж, добилась

приема у Наполеона и выхлопотала новое назначение в Амьен. Там они и встретили новость об отречении Наполеона в Фонтенбло, вступлении союзников в Париж и реставрации Бурбонов. Ее переживания об этом времени — это чувства патриота своей родины: «Падение великого человека, завоевание нашей страны, унижительная доля принимать у себя победителей — ничто из этого, похоже, ее (речь идет о госпоже де Дюрас. — *Н. Т.*) не беспокоило. Со своей стороны, я испытывала чувство стыда, которое, вероятно, никто больше не разделял». Ее поражал цинизм Талейрана, который, как мы знаем, за свою жизнь успел присягнуть четырнадцати режимам. Люси приводит свой разговор с ним накануне отречения Наполеона: «„Вы видели Императора. Как он? Что он делает? Что он говорит после поражения?“ — „Да оставьте же меня в покое с вашим Императором. Это конченный человек“. — „Как конченный? — произнесла я. — Что вы хотите сказать?“ — „Я хочу сказать, — отвечал он, — что это человек, который будет прятаться под кроватью!“»

После воцарения на французском престоле Людовика XVIII, брата казненного короля Людовика XVI, Генриетта-Люси стала бывать на приемах в Тюильри, где обосновался новый король: «Как проходило мое время после реставрации монархии? Я отправлялась сначала в Тюильри, когда король принимал дам, — это было примерно раз или два в неделю. В качестве прежней придворной дамы королевы я была там принята. Это означало, что вместо того, чтобы смешиваться с толпой женщин, толкавшихся в первой гостиной, так называемой гостиной Дианы, в ожидании, пока король прокатится — ходить он не мог — по тронному залу, я сразу занимала место на расставленных в зале диванчиках вместе с другими дамами, пользовавшимися такой же привилегией. Там были и многие мужчины, которые тоже имели туда доступ, и мы, удобно устроившись, беседовали до момента, пока сакраментальное слово „Король!“ не заставляло нас подняться на ноги и принять более или менее приличную и почтительную позу. Затем мы одна за другой проходили мимо королевского кресла. Король всегда находил что-нибудь смешное или любезное сказать мне».

Тем временем ее муж отправился в Вену, участвовать в составе французской делегации, возглавляемой Талейраном, в работе конгресса, вершившего судьбы Европы. Там участников «танцующего конгресса» и стало известие о высадке Наполеона в бухте Жуан. Наша героиня очень точно обрисовала поведение стран-победительниц, до этого буквально грызшихся на конгрессе: «Каждый бежал со всех ног, и державы, всегда готовые стать врагами, помирились перед лицом общей опасности. Все уже думали только о том, как заставить Францию дорого заплатить за прием, оказанный ею своему герою, который сделал ее столь могучей и славной и в то же время приобрел ей столько врагов».

На этом дневник маркизы де Ла Тур оканчивается. Она проживет долгую жизнь; ее старший сын погибнет на дуэли, а обе дочери умрут от туберкулеза. После Июльской революции 1830 г. и восшествия на престол Луи-Филиппа Орлеанского ее муж-дипломат подаст в отставку, как и многие легитимисты, сторонники свергнутого короля Карла X. Младший сын Эймар за участие в 1832 г. в неудавшемся легитимистском заговоре герцогини Марии Каролины Беррийской, невестки короля Карла X и матери его внука, герцога Бордоского, будет заочно приговорен к смерти. Ему удастся покинуть Францию, и родители присоединятся к нему в эмиграции. В 1837 г. Люси похоронит мужа, а сама умрет в Пизе 2 апреля 1853 г. в возрасте восьмидесяти трех лет...

На страницах этого дневника упоминается еще много других известных имен: это и «железный герцог» — герой Ватерлоо Артур Веллингтон, с которым Люси была знакома с детских лет; и невероятная Жермена де Сталь, властительница дум тогдашней Европы; и маркиза Виктория де Ларошжаклен, вдова одного из лидеров Вандейской войны Луи дю Вержье де Ларошжаклена, оставившая воспоминания об этой войне. Все эти и многие другие исторические персонажи ждут вас на страницах этой книги, написанной просто женщиной и матерью, хоть и настоящей маркизой, жившей в эпоху грандиозных потрясений...

Наталья Таньшина

TOM I

Глава I

I. Намерения автора. — II. Окружение, в котором прошли первые годы жизни мадемуазель Диллон. — Ее двоюродный дед Артур Диллон, архиепископ Нарбоннский. — Ее отец Артур Диллон, шестой владетельный полковник Диллоновского полка. — Ее мать, придворная дама. — Ее бабка госпожа де Рот: ее высокомерный и несдержанный характер, ее ненависть к своей дочери. — III. Воздействие этого на мадемуазель Диллон, автора мемуаров. — Ее грустное детство и ранний жизненный опыт. — Ее уберегает от заразы ее служанка, крестьянка Маргарита. — IV. Нравы в обществе в конце XVIII века, перед Революцией. — Состояние и образ жизни архиепископа Нарбоннского. — Наряды мужские и женские. — Обеды и ужины. Балы, более редкие, чем теперь. — V. Замок Отфонтен: жизнь, которую там вели. — Людовик XVI ревнует к славе отфонтенской охоты. — В десять лет мадемуазель Диллон ломает ногу на охоте. У ее постели для нее разыгрывают театральные пьесы, ей читают романы. — Зарождение у нее вкуса к творениям воображения. — VI. Поездка в Версаль в 1781 году. — Бал гвардейцев-телохранителей по поводу рождения первого Дофина. — Сопоставление этого блестящего благополучия и последующих несчастий. — Королева и дамы семейства Полиньяк. — Дружеские чувства королевы к госпоже Диллон. — VII. Генеалогический очерк о семействе Диллонов, владетельных полковников полка, носившего их имя. — Краткая история Диллоновского полка.

I

1 января 1820 г.

Когда кто-то пишет книгу, это почти всегда делается с намерением, чтобы ее прочли до или после смерти автора. Но я пишу не книгу. Что же тогда? Просто дневник моей жизни. Для не слишком интересного рассказа об одних только событиях хватило бы нескольких листов бумаги; если же составлять историю моих взглядов и чувств, дневник моего сердца, то это дело более трудное, ведь чтобы нарисовать свой портрет, надо познать себя, и не в пятьдесят лет следовало бы начинать. Пожалуй, я стану говорить о прошлом и расскажу о своих молодых годах, отдельными фрагментами и без особого плана. Я не претендую на исповедь; но все же, хоть мне и претит предавать гласности свои ошибки, я хочу показать себя такой, какая я есть, какой была прежде.

Я никогда ничего не писала, кроме писем к тем, кого люблю. У меня нет ни особого порядка в мыслях, ни методичности. Память моя уже сильно

ослабела. Воображение иногда заносит меня так далеко от предмета, которым я хотела бы заняться, что бывает трудно связать обратно нить повествования, разорванную этими блужданиями. Сердце мое еще так молодо, что мне приходится посмотреть на себя в зеркало, чтобы убедиться, что мне уже не двадцать лет. Воспользуемся же тем теплом, которое во мне еще остается и которое немощи возраста могут истребить в любой момент, чтобы поведать о некоторых обстоятельствах жизни бурной, но, возможно, гораздо менее омраченной событиями, ставшими известными публике, чем тайными горестями, в которых я давала отчет одному лишь Богу.

II

В самые ранние мои годы я была свидетелем всего такого, что должно было бы испортить мой разум, извратить сердце, развратить меня и уничтожить во мне всякое понятие о морали и религии. С десятилетнего возраста я присутствовала при беседах самых вольных, где высказывались самые безбожные принципы. Будучи воспитана в доме архиепископа, где повседневно нарушались все правила религии, я знала и видела, что религиозные догмы и доктрины преподаются мне не более серьезно, чем история или география.

Моя мать вышла замуж за Артура Диллона, которому приходилась кухиной по линии матери. Она воспитывалась с ним вместе и смотрела на него только как на брата. Она была прекрасна, как ангел, и ангельская ее доброта вызывала к ней всеобщую любовь. Мужчины ее обожали, и у женщин это не вызывало ревности. Кокетства в ней не было, но она, может быть, проявляла недостаточно сдержанности в отношениях с мужчинами, которые ей нравились и которых свет полагал влюбленными в нее.

Один из них в особенности проводил все время в доме моей бабки и моего дяди-архиепископа, где проживала моя мать. Он сопровождал нас и в деревню. Принц де Гемене, племянник печально знаменитого кардинала де Рогана, в глазах света считался, таким образом, любовником моей матери. Я не думаю, чтобы это было правдой, поскольку герцог де Лозен, герцог де Лианкур, граф де Сен-Бланкар бывали у нее с таким же постоянством. Граф Ферзен, которого называли любовником королевы Марии-Антуанетты, тоже бывал у нас почти что каждый день. Моя мать понравилась королеве, которая всегда поддавалась очарованию всего блестящего; госпожа Диллон была в большой моде — ради одного этого она должна была быть принята в ее свиту. Так моя мать стала придворной дамой. Мне тогда было семь или восемь лет.

Моя бабка, женщина чрезвычайно высокомерного характера и самой неприкрытой злобы, доходящей временами до ярости, пользовалась тем

не менее любовью своей дочери. Моя мать была подавлена, подчинена бабкой, полностью покорна ее власти. Будучи в полной от нее зависимости в отношении своего состояния, она никогда не осмеливалась заявить, что в качестве единственной дочери должна была бы владеть по меньшей мере состоянием своего отца графа Рота, умершего, когда ей было десять лет. Моя бабка силой завладела поместьем Отфонтен, купленным на деньги ее мужа. Она сама, дочь очень небогатого английского пэра, имела от отца лишь какие-то крохи. Но моя мать, выданная семнадцатилетней за молодого человека восемнадцати лет от роду, воспитанного вместе с ней и имевшего за душой лишь свой полк, сама никогда не набралась бы смелости заговорить с бабкой о денежных делах. Королева открыла ей глаза на ее интересы и побудила потребовать отчета. Бабка пришла в ярость, и невообразимая ненависть, какую описывают в романах и трагедиях, заняла в ее душе место материнской любви.

III

Мои первые мысли, первые воспоминания связаны с этой ненавистью. Будучи постоянно свидетельницей ужасных сцен, которые моей матери приходилось переносить, я должна была не подавать виду, что это замечаю. Продолжая наряжать кукол и учить уроки, я стала понимать сложность моего положения. Скрытность, сдержанность стали для меня абсолютно необходимы. Я приобрела привычку скрывать свои чувства и своим умом судить о поступках моих родственников. Когда в пятьдесят лет я возвращаюсь к тем своим суждениям в десятилетнем возрасте, я нахожу их столь обоснованными, что вижу правоту утверждения, повторяемого многими философами, что мы при рождении уже несем в себе разум и суждение более или менее здравые и справедливые.

Я припоминаю, как меня шокировало, что моя мать жаловалась своим друзьям на мою бабку; я находила, что они подливают масла в огонь вместо того, чтобы гасить его. Мой отец вставал на сторону моей матери, мне это казалось совершенно естественным. Но я уже знала, что у него были большие денежные обязательства перед нашим дядей-архиепископом, и его положение казалось мне неудобным. Действительно, поскольку мой дядя, точнее, двоюродный дед, был на стороне моей бабки, я полагала, что мой отец должен чувствовать себя неудобно, разрываясь между долгом перед ним и любовью к моей матери — любовью, впрочем, лишь братской.

Такие мысли в голове десятилетней девочки развили в ней не по годам взрослые идеи и опытность, что весьма опасно. У меня не было детства. Мне не досталось этого беспримесного счастья, этой сладостной беззаботности,

которую мне потом приходилось видеть в детях. Все печальные мысли, все извращения греха, все неистовства ненависти, все гнусности клеветы свободно развернулись передо мной в пору, когда разум мой еще недостаточно сформировался, чтобы ощутить весь ужас этого.

Лишь одна душа уберегла меня, может быть, от этой заразы, выправила мои мысли, научила видеть и различать зло, направила мое сердце к добродетели, и была это женщина, не умевшая ни читать, ни писать!

Ко мне была приставлена добрая молодая крестьянка из окрестностей Компьеня. Она от меня не отходила и любила меня страстно. Небо наделило ее здравым рассудком, верным суждением и силой духа. Принцы, герцоги, сильные мира сего представляли перед судом двенадцатилетней девочки и двадцатипятилетней крестьянки, не знавшей ничего, кроме своей захолустной деревни и дома моих родителей.

Те не подлежащие обжалованию приговоры, которые мы с ней выносили, основывались на моих докладах об услышанном в комнатах у матери и бабки, за столом, в гостиной. Я знала, что Маргарита ни за что не проболтается; она бы скорее умерла, чем скомпрометировала меня неосторожным словом. Благодаря ей я впервые оценила, как хорошо иметь верную подругу. Сколько раз с тех пор я мысленно помещала на одну чашу весов людей, занимавших самое высокое положение в свете, а на другую — мою служанку Маргариту, и сколько раз ее чаша перевешивала!

IV

Нравы и общество настолько переменились со времени Революции, что я хочу теперь описать подробно то, что помню об образе жизни моих родственников.

Мой двоюродный дед, архиепископ Нарбоннский, навещал свою епархию очень редко. Будучи, в силу своего сана, президентом провинциальных Штатов Лангедока¹, он ездил в свою провинцию лишь для того, чтобы председательствовать на заседаниях Штатов, которые продолжались шесть недель в ноябре и декабре. Как только заседания заканчивались, он возвращался в Париж под тем предлогом, что интересы провинции настоятельно требовали его присутствия при дворе, — а на самом деле для того, чтобы вести жизнь вельможи в Париже и придворного в Версале.

Помимо архиепископства Нарбоннского, приносившего 250 000 франков, у него было аббатство Сент-Этьен в Каэне, приносившее 110 000, и еще одно аббатство поменьше, которое он потом обменял на аббатство Синьи, приносившее 90 000. Он получал более 50 000 или 60 000 франков на то, чтобы давать обеды каждый день во время заседаний Штатов. Казалось бы, при таком богатстве он мог бы жить достойно, ни о чем

не беспокоясь, но ему тем не менее все время приходилось изворачиваться. При этом в доме особой роскоши не было. В Париже дом был поставлен по-благородному, но просто. Повседневная жизнь была изобильной, но в разумных пределах.

В то время никогда не устраивали больших обедов, потому что обедали рано, в половине третьего или в три самое позднее. Женщины к обеду бывали иногда причесаны, но никогда не наряжались. Мужчины, напротив, почти всегда были одеты нарядно, причем не во фрак и не в мундир, а в парадный сюртук, расшитый или однотонный, смотря по возрасту и вкусу. Хозяин дома и те, кто вечером не выезжал в свет, бывали во фраках и в утреннем платье, поскольку необходимость надевать шляпу угрожала нарушить тщательно завитые и напудренные букли. После обеда беседовали; иногда устраивалась партия в триктрак². Дамы отправлялись одеваться, мужчины ожидали их, чтобы ехать в театр, если должны были смотреть спектакль из одной ложи. Если оставались дома, то все послеобеденное время принимали визиты, и только в полдесятого приезжали те, кто собирался ужинать.

Вот это был момент, когда начиналась настоящая жизнь общества. Было два сорта ужинов — ужины у тех, кто давал их каждый день, что позволяло некоторому числу людей приходить к столу, когда захотят, и званые ужины, более или менее многолюдные и блестящие. Я говорю о времени моего детства, то есть с 1778 по 1784 год. Все туалеты, вся эlegantность, все, что парижское высшее общество могло предложить изысканного и соблазнительного, все встречалось на этих ужинах. В те прекрасные времена, когда никто еще не думал о представительных органах власти, список приглашенных на ужин был делом очень важным. Сколько интересов надо было учесть! Сколько людей свести вместе! Сколько докучливых гостей не подпустить близко! Чего только не стали бы говорить про мужа, который возомнил бы себя приглашенным в какой-то дом лишь потому, что туда приглашена его жена! Каким глубоким знанием всех условностей и интриг надо было обладать! Я уже не видала таких роскошных ужинов, но я видела, как моя мать наряжалась, собираясь ехать к супруге маршала Люксембурга, в особняк Шуазелей, в Пале-Рояль, к госпоже де Монтессон.

В то время было меньше балов, чем стало потом. Наряды дам, конечно, должны были превращать танец в пытку. Тонкие каблуки в три дюйма высотой, приводившие ногу в такое положение, как если, стоя на цыпочках, тянешься взять книгу с самой верхней полки книжного шкафа; тяжелый жесткий каркас из китового уса, далеко выступающий справа и слева; прическа высотой в фут, поверх которой еще помещалась шляпка, называемая «*пуф*», с перьями, цветами и бриллиантами; целый фунт помады и пудры, при малейшем движении осыпавшейся на плечи, — все

это нагромождение не позволяло танцевать с удовольствием. Но ужин, за которым довольствовались беседой да иногда музицированием, не нарушал дамских уборов.

V

Вернемся к моим родственникам. Мы уезжали в деревню рано, еще с весны, и на все лето. В замке Отфонтен было двадцать пять покоев для приема гостей, и они часто бывали все полны. Однако большой выезд случался только в октябре месяце. Тогда полковники возвращались из своих полков, где провели четыре месяца, за вычетом тех часов, которые тратились на возвращение в Париж, и разъезжались по замкам к родне и друзьям.

В замке Отфонтен была псарня и охотничий экипаж, расходы на который делились между моим дядюшкой, принцем де Гемене и герцогом де Лозеном. Я слыхала, что расходы эти не превышали 30 000 франков, но в эту сумму не входили верховые лошади для господ, а только траты на собак, плата егерям, которые были из англичан, лошади для егжей и прокорм для всех. Охотились летом и осенью в лесах Компьеня и Вилле-Котре. Охота была поставлена так хорошо, что бедный Людовик XVI сильно этому завидовал, и, хотя он был большой любитель поговорить об охоте, нельзя было его сильнее рассердить, чем рассказав о каком-нибудь подвиге отфонтенских гончих.

В семь лет я уже ездила на охоту верхом раз или два в неделю, а в десять лет на охоте сломала ногу в день святого Губерта³. Говорят, я выказала большое мужество. Меня несли пять лье⁴ на носилках из веток, и я даже вздоха не издала. С самого раннего детства я всегда питала отвращение к преувеличенным и показным чувствам. От меня нельзя было добиться ни улыбки, ни ласки к тем, кто не вызывал у меня симпатии; в то же время преданность моя тем, кого я любила, была безгранична. Мне кажется, один лишь вид таких пороков, как двуличие, хитрость, клевета, причиняет мне такую же боль, как если бы мне нанесли рану, оставляющую после себя глубокий шрам.

Время, которое я провела в постели со сломанной ногой, осталось в моей памяти как самое счастливое время моего детства. Друзья моей матери во множестве жили в Отфонтене, где мы остались на полтора месяца дольше обычного. Мне целый день кто-нибудь читал. Вечером у изножья моей кровати разворачивали маленький кукольный театр, и куклы каждый день представляли то трагедию, то комедию, а роли за них говорили из-за кулис светские дамы и господа. Они и пели, если это была комическая опера. Дамы забавлялись, делая куклам на-

ряды. Я до сих пор помню мантию и корону Артаксеркса и полотняную ризу Иоава. Эти забавы были бесполезны; они познакомили меня со всеми хорошими пьесами французского театра. Мне прочитали от начала и до конца *«Тысячу и одну ночь»*, и, наверное, именно в ту пору зародился у меня вкус к романам и всяческим творениям воображения.

VI

Первый раз я была в Версале, когда в 1781 году родился первый Дофин. Как часто воспоминание об этих днях роскоши и блеска королевы Марии-Антуанетты приходило мне на ум, когда рассказывали о тех мучениях и бесчестьях, коих она была несчастной жертвой! Я ходила посмотреть на бал, который давали в ее честь гвардейцы-телохранители в большой театральной зале Версальского дворца. Она открывала бал об руку с простым молодым гвардейцем, одетая в синее платье, сплошь усеянное сапфирами и бриллиантами, прекрасная, молодая, всеми обожаемая, только что подарившая Франции наследника, не помышлявшая о возможности обратного хода в той блестящей карьере, в которую увлекала ее судьба; а уже тогда она была рядом с пропастью. На какие только мысли не наводит подобное сближение!

Я не претендую описывать здесь интриги двора, о которых по своему малолетству я не могла не только судить, но даже и понимать их. Мне уже прежде случалось слышать о госпоже де Полиньяк, к которой королева тогда начинала испытывать привязанность. Она была очень хорошенькая, но не острого ума. Ее золовка, графиня Диана де Полиньяк, постарше годами и большая интриганка, давала ей советы, как войти в фавор. Их друг граф де Водрей, чья привлекательность и приятность в обращении снискали ему расположение королевы, тоже старался в пользу этого возвышения, которое впоследствии так усилилось. Я припоминаю, что господин де Гемене пытался предостеречь мою мать насчет этого зарождающегося фавора госпожи де Полиньяк. Но моя мать безмятежно пребывала в любви у королевы, не помышляя воспользоваться этой благосклонностью, чтобы увеличить свое состояние или составить состояние своим друзьям. Она чувствовала уже натиск той болезни, которой предстояло меньше чем через два года погубить ее. Мучимая постоянно моей бабкой, она не могла снести бремя несчастья, от которого не имела сил избавиться. Что до моего отца, то он был в то время в Америке, командуя на войне⁵ первым батальоном своего полка.

VII

Диллоновский полк поступил на французскую службу в 1690 году, когда Яков II после битвы при Бойне утратил всякую надежду вернуть себе трон⁶. Этим полком командовал мой прадед, Артур Диллон.

Поскольку дети мои, может быть, сохранят эти отрывки, я помещу здесь генеалогию той ветви моей семьи, которая поселилась во Франции, и краткую историю Диллоновского полка.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ДИЛЛОНОВСКОГО ПОЛКА

Теобальд, лорд и виконт Диллон, пэр Ирландии и тогдашний глава этого славного дома, в конце 1688 года набрал на своих землях в Ирландии и снарядил за свой счет полк для службы королю Якову II. В 1690 году этот полк перешел на французскую службу под командованием его второго сына Артура Диллона. Полк был в составе тех ирландских войск, численностью 5371 человек, которые высадились в Бресте 1 мая 1690 года и были отданы Яковом II Людовику XIV в обмен на шесть французских полков.

После капитуляции при Лимерике⁷ в 1691 году численность ирландских войск, перешедших на французскую службу, значительно возросла и перевалила за 20 000 человек. С того времени и вплоть до французской Революции они служили под именем «ирландской бригады» во всех войнах, которые приходилось вести Франции, и всегда с самым блистательным отличием.

Артур Диллон, первый полковник Диллоновского полка, стал генерал-лейтенантом в возрасте 33 лет, получив этот чин, а затем и следующий чин полевого маршала, не по рангу, а за отличия в бою. Он долгое время был комендантом в провинции Дофине, губернатором Тулона, а 28 августа 1709 года разбил возле Бриансона савойские войска под командованием генерала Ребиндера, пытавшиеся вторгнуться во Францию⁸. Он завершил славную карьеру в 1733 году в возрасте 63 лет, оставив пятерых сыновей и пять дочерей.

В 1728 году он передал свой полк Чарльзу Диллону, старшему из своих сыновей. Чарльз Диллон, став главой семьи в 1737 году со смертью своего троюродного брата Ричарда, лорда Диллона, на время сохранил полк за собой, а затем передал его своему брату Генри Диллону.

Генри Диллон со смертью в 1741 году своего брата Чарльза, лорда Диллона, унаследовал его титулы и семейный майорат, но, тем не менее, сохранил за собой командование полком, во главе которого продолжал служить до 1743 года. После битвы при Деттингене⁹ англичане из вспо-

могательных участников, которыми были прежде, превратились в одну из сторон в войне. Лорду Генри Диллону, чтобы сохранить за собой титул пэра Ирландии и не допустить конфискации своих земель, нужно было оставить французскую службу, что он и сделал с согласия и даже по совету Людовика XV.

Джеймс Диллон, рыцарь Мальтийского ордена, третий из братьев, был тогда произведен в полковники этого полка, командуя которым и был убит при Фонтенуа в 1745 году¹⁰.

Эдвард Диллон, четвертый из братьев, прямо на поле боя был произведен Людовиком XV в полковники этого полка и, подобно своему брату, погиб в бою, командуя полком в битве при Лауфельде в 1747 году. В живых оставался только пятый из братьев, Артур-Ричард Диллон, но он незадолго до того принял постриг; он умер в Англии в 1806 году в сане архиепископа Нарбоннского.

Со смертью Эдварда Диллона, убитого при Лауфельде, Людовика XV уговаривали распустить полк под тем предлогом, что не осталось больше Диллонов, чтобы им командовать. Но король ответил, что Генри, лорд Диллон, недавно женился и что он не может согласиться, чтобы из этой семьи ушло владение, которое закрепляют за ней пролитая кровь и доблестная служба, до тех пор, пока есть еще надежда, что семья эта возродится. Вследствие этого Диллоновский полк с 1747 года пребывал последовательно под командованием подполковника и двух полковников до тех пор, пока 25 августа 1767 года его не получил distinguished Артур Диллон, второй сын лорда Генри Диллона, достигший возраста 17 лет.

Во время французской Революции от ирландской бригады оставалось три пехотных полка: Диллоновский, Бервикский и Уолшский. В 1794 году остатки этих полков, в том числе большая часть офицеров, эмигрировавших в Англию, перешли на жалованье Его Величества короля Британии. Диллоновский полк, или та его уцелевшая часть, которой Англии было угодно дать это имя, был отдан distinguished Генри Диллону, третьему сыну лорда Генри Диллона и брату Артура Диллона, последнего полковника этого полка во Франции, погибшего на эшафоте в 1794 году. Этот новый полк набрал пополнение в тех же самых землях, которые дали самых первых его солдат в 1688 году. Вскоре после того он отплыл на Ямайку, где понесенные им потери были столь значительны, что полк уволили со службы¹¹. Полковые знамена и значки были привезены в Ирландию и с должным тщанием переданы в руки лорда Чарльза Диллона, главы семьи и старшего брата командира полка.

ГЕНЕАЛОГИЯ ДОМА ЛОРДОВ ДИЛЛОН

Пэры Ирландии и владельцы полковники Диллоновского полка
на французской службе со времени английской революции 1688 г.
до французской революции 1789 г.

Теобальд, VII лорд и виконт Диллон, женился на Мэри, дочери сэра Генри Тальбота, лорда Маунт Тальбот и брата Ричарда Тальбота, герцога Тирконнелл и вице-короля Ирландии; он умер в 1691 г., а его жена была убита в том же году при осаде Лимерика.

Генри, VIII лорд и виконт Диллон, наследовал своему отцу в 1691 г. В 1689 г. он был одним из представителей графства Вест-Мит в парламенте короля Якова II в Дублине, лордом-лейтенантом графства Роскоммон и командиром полка на королевской службе. Он женился в 1687 г. на Фрэнсис Гамильтон и умер 13 января 1714 г.

Ричард, IX лорд и виконт Диллон, сын Генри, родился в 1688 г. Он женился на леди Бриджет Берк, дочери Джона, графа Кланрикарда. Он умер в 1737 г., оставив единственную дочь Фрэнсис, которая вышла замуж за своего кузена лорда Чарльза Диллона.

Чарльз, X лорд и виконт Диллон, второй владетельный полковник Диллоновского полка, кавалер ордена Святого Людовика. Женился на Фрэнсис, единственной дочери и наследнице своего кузена Ричарда. Она умерла в Лондоне 7 января 1739 г., а ее муж 24 октября 1741 г.; детей у них не было.

Генри, XI лорд и виконт Диллон, третий владетельный полковник Диллоновского полка, кавалер ордена Святого Людовика. Он оставил французскую службу в 1743 г. и на следующий год женился на леди Шарлотте Ли, дочери Джорджа-Генри, 2-го герцога Личфилда, пэра Англии и внука Карла II от герцогини Кливленд. Умер в Лондоне в 1787 г. в возрасте 82 лет, а его вдова 19 июня 1794 г. в возрасте 74 лет. У них было 7 детей.

Джеймс Диллон, четвертый владетельный полковник Диллоновского полка, Мальтийский кавалер и кавалер ордена Святого Людовика. Убит при Фонтенуа в 1745 г., женат не был.

Эдвард Диллон, пятый владетельный полковник Диллоновского полка. Умер в Маастрихте в 1747 г. от раны, полученной в битве при Лауфельде, женат не был.

Чарльз, XII лорд и виконт Диллон, родился в 1745 г., член Личного Совета, губернатор графства Майо, один из пятнадцати кавалеров ордена Святого Патрика. Он женился на Генриетте Финнс, дочери лорда Мелгрейва, и у них родилось двое детей: Генри Огастес, нынешний лорд и виконт Диллон, и Фрэнсис-Шарлотта, вышедшая в 1797 г. замуж за сэра Томаса Уэбба. Лорд Чарльз Диллон умер в Ирландии 2 ноября 1813 г. Внебрачная дочь, на матери которой он женился после смерти своей жены, вышла замуж за лорда Фредерика Боклерка, брата герцога Сент-Олбенса.

Достопочтенный Артур Диллон, шестой владетельный полковник Диллоновского полка, родился 3 сентября 1750 г. Он женился на Терезе-Люси де Рот, своей кузине, от которой у него родилась дочь Генриетта-Люси, вышедшая в 1787 г. замуж за графа де Гуверне. Вторым браком он женился на Мари де Жирарден, вдове графа де ла Туш и кузине Жозефины, жены Наполеона. От второй жены у него родилась дочь Фрэнсис, вышедшая замуж за генерала Бертрапа. Достопочтенный Артур Диллон погиб на эшафоте 13 апреля 1794 г.

Достопочтенный Генри Диллон, полковник Диллоновского полка после его восстановления в Англии и принятия в 1794 г. Родился в 1759 г., женился в 1790 г. на Фрэнсис, дочери Доминика Транта, от которой у него родились два сына и две дочери.

Достопочтенный Артур Диллон, первый владетельный полковник Диллоновского полка на французской службе. Умер 5 февраля 1733 г., генерал-лейтенант, командор ордена Святого Людовика. Он женился на Кристине, дочери Ральфа Шелдона, первого конюшего Якова II. Она умерла в возрасте 77 лет в 1757 г. в доме английских дам в Париже, оставив пять дочерей и пять сыновей.

Артур-Ричард Диллон, родился в 1721 г., был последовательно епископом Эврё, архиепископом Тулузским, архиепископом Нарбоннским: президент клира Франции, с голубой лентой; умер в Лондоне 5 июля 1806 г. в возрасте 85 лет.

Фрэнсис Диллон, монахиня-кармелитка в Понтуазе

Кэтрин Диллон, монахиня-кармелитка в Понтуазе. Была назначена реформировать кармелиток в Сеп-Дени. Умерла настоятельницей этого монастыря в 1758 г., после того как приняла там Мадам Луизу, дочь Людовика XV. Ее прозвали второй святой Терезой.

Мэри Диллон умерла в Сен-Жермен-ан-Лэ в 1786 г.

Бриджет Диллон вышла замуж за графа дю Блезель. Она умерла в Сен-Жермен-ан-Лэ в 1785 г. бездетной.

Лаура Диллон вышла замуж за Люциуса Кэри, лорда и виконта Фолкленда, пэра Шотландии. Умерла в 1741 г., оставив единственную дочь Люси.

Достопочтенная Лаура Диллон умерла в возрасте 14 лет в монастыре бенедиктинок в Монтаржи.

Достопочтенная Фрэнсис Диллон родилась в 1747 г., вышла замуж в 1767 г. за сэра Уильяма Джернингэма.

Достопочтенная Кэтрин Диллон родилась в 1759 г. Монахиня в монастыре бенедиктинок в Монтаржи. Во время Революции она вместе с другими монахинями нашла убежище в Бодни, в Англии, и умерла там в 1794 г.

Достопочтенная Шарлотта Диллон вышла замуж в 1777 г. за Валентина Брауна, впоследствии графа Кенмар. У нее была единственная дочь Шарлотта, теперь леди Шарлотта Гульд.

Достопочтенная Люси Кэри вышла замуж за генерала Эдварда де Рота и имела единственную дочь Терезу-Люси. Генерал Эдвард де Рот умер в 1766 г., а его жена Люси Кэри в 1804 г. в Лондоне.

Тереза-Люси де Рот вышла замуж в 1768 г. за своего кузена, достопочтенного Артура Диллона. Она умерла в 1782 г., оставив одну дочь Генриетту-Люси.

Глава II

I. Болезнь госпожи Диллон. — Ей прописывают воды в Спа. — Гнев ее матери госпожи де Рот. — Вмешательство королевы. — Отъезд в Брюссель. — Виконт Чарльз Диллон и леди Диллон. — Леди Кенмар. — II. Учеба мадемуазель Диллон. — Ее учитель, органист Комб. — Ее пылкое желание всему учиться. — Она предчувствует жизнь, отмеченную приключениями. — Скверные условия, в которых она воспитывается. — Ее разлучают с ее служанкой Маргаритой. — III. Пребывание в Брюсселе. — Визиты к эрцгерцогине Марии-Кристине. — Самая прекрасная в Европе коллекция гравюр. — Пребывание в Спа. — Господин де Гемене. — Герцогиня Инфантадо и маркиза дель Висо. — Граф и графиня Северные. — Английская горничная пытается оказать дурное влияние на мадемуазель Диллон. — Ее предпочтения в чтении. — Ее расположение к преданности. — IV. Возвращение в Париж. — Смерть госпожи Диллон. — V. Мнение автора мемуаров о причинах Революции. — VI. Описание поместья Отфонтен. — Подробности о состоянии. — Госпожа де Рот. — Ее скверный характер. — Печальные последствия этого для ее внуки. — VII. Перемена образа жизни и места жительства. — Покупка поместья Фоли-Жуаёз в Монфермее. — Работы по обустройству этого поместья. — Их влияние на практические познания мадемуазель Диллон.

I

У моей матери был один сын, умерший в возрасте двух лет, и после тех родов она постоянно хворала. Ее мучила молочная лихорадка, которая перешла на печень и лишила ее аппетита. Ее кровь, иссушенная непрерывным огорчением, которое причиняла ей моя бабушка, воспалилась и с силой прилила к груди. Она не берегла себя, ездила верхом, охотилась на оленей, пела вместе со знаменитым композитором Пиччини, который был без ума от ее голоса. И наконец, в апреле месяце 1782 года, когда ей был 31 год, у нее сильно пошла горлом кровь.

Моя бабушка, с недоверием относившаяся к болезням своей дочери, была все же вынуждена тогда признать, что та серьезно больна. Но, с другой стороны, ее неукротимая ненависть и подозрительный характер предрасполагали ее видеть во всех поступках моей бедной матери некий расчет, направленный на то, чтобы выйти из-под ее власти. Вот и в тот раз она была убеждена, что это кровохарканье было притворством, чтобы только не ехать в Отфонтен. Она не соглашалась ни на один час задержать отъезд. Моя мать, на свое несчастье, обратилась к врачу по имени Мишель,

пользовавшемуся тогда большой известностью. Он объявил, что кровь, которой она кашляла, шла из желудка, и прописал ей ехать на воды в Спа. Трудно описать немыслимую ярость моей бабки при мысли, что ее дочь может отправиться туда. Она не желала ее сопровождать и не давала денег на поездку. Я думаю, что это королева тогда пришла на помощь моей матери. Мы выехали из Отфонтена в Брюссель, где провели месяц.

Мой дядя Чарльз Диллон женился на мисс Фиппс, дочери лорда Мелгрейва. Он проживал в Брюсселе, не смея жить в Англии по причине своих многочисленных долгов. В то время он был еще католиком. Это позже он проявил непростительную слабость — сменил веру и стал протестантом, чтобы наследовать своему двоюродному деду по материнской линии лорду Личфилду, который обставил этим условием наследство в пятнадцать тысяч фунтов стерлингов. Супруга Чарльза Диллона была очень хороша собой. Она приезжала в Париж за год до того с леди Кенмар, сестрой моего отца, которая тоже была большая красавица. Они ездили на бал к королеве с моей матерью, и эти три дамы из одной семьи вызывали всеобщее восхищение. Прошел всего лишь год, и все три были уже в могиле. Они умерли одна за другой с промежутком в неделю.

II

Как я уже говорила выше, у меня не было детства. В двенадцать лет образование мое было уже очень продвинуто. Я чрезвычайно много читала, но без разбора. С семилетнего возраста ко мне приставили учителя. Это был органист из Безье по имени Комб. Он начал учить меня игре на клавишине, потому что фортепиано тогда еще не было или, по крайней мере, они были очень редки. У моей матери было фортепиано, чтобы аккомпанировать ее пению, но мне не дозволялось к нему прикасаться. Господин Комб получил хорошее образование; он продолжал свою учебу и признавался мне потом, что часто специально задерживал мои уроки из боязни, чтобы я не превзошла его в том, что он сам в то время изучал.

Я всегда с невероятным пылом стремилась учиться. Мне хотелось знать все, от кухни до химических опытов, смотреть на которые я ходила к аптекарю, жившему в Отфонтене.

Садовник у нас был англичанин, и моя горничная Маргарита каждый день водила меня к его жене, которая учила меня читать на своем языке, чаще всего по «Робинзону»; я была совершенно увлечена этой книгой.

У меня всегда было предчувствие, что меня ждут приключения. Воображение мое без устали представляло разные превратности судьбы. Я измышляла себе необыкновенные ситуации. Я хотела знать все, что может пригодиться в любых жизненных обстоятельствах. Когда моя горничная

навещала свою мать, два или три раза за лето, я заставляла ее рассказывать мне все, что делалось у них в деревне. Потом на протяжении многих дней я только и думала, что бы я делала, будь я крестьянкой, и завидовала судьбе тех женщин, которых часто посещала в деревне, — им не приходилось, как мне, скрывать свои вкусы и мысли.

Постоянная вражда, царившая в доме, держала меня непрерывно в напряжении. Если моя мать желала, чтобы я что-то сделала, бабка мне это запрещала. Каждый хотел, чтобы я для него шпионила. Но моя природная честность восставала при одной мысли о такой низости. Я молчала, и меня обвиняли в бесчувственности, в неразговорчивости. Я была мишенью дурного настроения тех и других, на меня сыпались несправедливые обвинения. Меня били, запирали, подвергали покаянию за сущие пустяки. Образование мое осуществлялось без разбора. Когда я бывала взволнована каким-нибудь замечательным историческим деянием, надо мной смеялись. Каждый день я слышала рассказы о какой-нибудь непристойности или отвратительной интриге. Я видела своими глазами все пороки, я слышала тот язык, на котором они изъяснялись, в моем присутствии никто не стеснялся. Я шла к своей горничной, и ее простой здравый смысл помогал мне во всем разобраться, оценить по достоинству и разложить по полочкам.

Когда мне было одиннадцать, моя мать сочла, что я плоховато говорю по-английски, и взяла мне «элегантную» горничную, которую ради этого выписали из Англии. Ее приезд смертельно меня огорчил. Меня разлучили с моей Маргаритой; хотя она и осталась в доме, но в комнату ко мне больше почти никогда не заходила. Моя любовь к ней от этого только возросла. Я постоянно сбегала, чтобы навестить ее или встретиться с ней где-то в доме, и это стало новой причиной для выговоров и наказаний. Как надо заботиться при воспитании детей о том, чтобы не ранить их чувства! Не стоит полагаться на их видимое легкомыслие. Когда я в пятьдесят пять лет описываю те унижения, которым подвергали мою горничную, у меня сердце переворачивается от негодования, как и в то время. Англичанка, впрочем, была приятная особа. Она мне даже слишком понравилась. Она была протестантка, поведения более чем легкого и кроме романов никогда ничего не читала. Она мне нанесла много вреда...

III

Вернемся к моему рассказу. Мы поехали в Брюссель и поселились в доме у моей тетки. Она была в последнем градусе чахотки, но это ничего не изменило в приятности и поистине небесной красоте ее лица. У нее было двое очаровательных детей, мальчик четырех лет — нынешний лорд

Диллон¹² — и девочка, которая потом стала леди Уэбб. Я с этими детьми много забавлялась. Мне доставляло величайшее удовольствие ухаживать за ними, укладывать спать, укачивать. У меня уже тогда был материнский инстинкт. Я чувствовала, что эти бедные дети скоро лишатся матери. Я не думала, что сама столь близка к такому же несчастью.

Моя мать водила меня к эрцгерцогине Марии-Кристине, которая управляла Нидерландами вместе со своим мужем, герцогом Альбертом Сакс-Тешеном. Пока моя мать вела разговоры с эрцгерцогиней, меня отводили в кабинет, где показывали мне папки с эстампами. Я потом уже подумала, что это, без сомнения, было началом той превосходной, самой прекрасной в Европе коллекции гравюр, которую герцог Альберт оставил эрцгерцогу Карлу¹³.

Мы поехали в Спа. Господин де Гемене приехал к нам туда, зачем — я так никогда и не нашла для себя объяснения. Во время этого путешествия он при каждом случае всячески старался принизить меня в глазах моей матери, чтобы она не испытывала ко мне ни малейшего доверия. Как предположил впоследствии господин Комб, он опасался, что я уже в курсе дурного состояния его дел, о котором моя мать не подозревала, и что я ей об этом расскажу. В Спа мы встретили многих англичан, приходившихся нам родственниками, и в числе прочих лорда и леди Грандисон. Моя мать повстречала там также герцогиню Инфантадо, которая приехала туда вместе с сыновьями ради своей дочери, маркизы дель Висо. Эта молодая дама вследствие злокачественной лихорадки позабыла все, чему ее учили. Ей заново пришлось обучаться чтению и письму. В двадцать лет она была почти как ребенок и играла в куклы. Недолгое время спустя чувства в ней проснулись благодаря страсти, которой она воспылала к господину Спонтену, владевшему герцогством в Брабанте. Он на ней женился; это герцог де Бофор. Она родила четырех дочерей и последними родами умерла. Герцогиня Инфантадо, урожденная Зальм, была очень почтенная особа. Она жила в Париже, чтобы дать образование своим сыновьям — молодому герцогу и шевалье де Толедо. Она часто говорила моей матери, что за этого последнего я выйду замуж, но мне эта шутка не нравилась.

Именно в Спа я впервые попробовала на вкус опасный яд похвал и успеха. Моя мать водила меня в городской зал в те дни, когда там танцевали, и танец маленькой француженки сделался вскоре одной из достопримечательностей Спа.

Граф и графиня Северные¹⁴ тогда только что прибыли туда из самой России и никогда прежде не видели, чтобы девочки двенадцати лет танцевали *гавот*, *менуэт* и прочее, так что им показали этот своего рода феномен. Та самая принцесса, став российской императрицей, спустя тридцать семь лет не забыла тогдашнюю девочку, теперь уже степенную мать семейства. Она мне наговорила множество милостивых слов

о том воспоминании, которое у нее сохранилось о моей грации, а особенно о моей тонкой талии.

Все располагало к тому, чтобы испортить мне и разум, и сердце. Моя английская горничная только и говорила со мной, что о всяких фривольностях, о туалетах, об успехе, о своих любовных победах и о том, какие победы предстоят мне через несколько лет. Она мне давала английские романы, но я, в силу какой-то особой причины, которую мне трудно сейчас осознать, не хотела читать плохих книг. Я знала, что бывают книги, которых девушке не должно прочесть; если бы передо мной о них заговорили, а я бы их знала, я бы не смогла не покраснеть от стыда. Таким образом, я считала, что проще мне будет от их прочтения воздержаться. Впрочем, чувствительные романы мне не нравились. Я всегда питала отвращение к преувеличениям и показным чувствам. Однако же я помню один роман аббата Прево, который произвел на меня большое впечатление; это был «Кливленд». В этой книге есть внушающие восхищение проявления преданности, а эта добродетель всегда более всего была мне по сердцу. Я настолько была расположена испытывать это чувство, что каждый день хотела выказывать его в отношении своей матери. Часто я проливала горькие слезы из-за того, что она не позволяла мне за собой ухаживать, сидеть с ней, оказывать ей все те услуги, которых желало мое сердце. Но она меня отталкивала, удаляла от себя, и я не могла разгадать причины такого отвращения к единственной дочери.

IV

Тем временем воды Спа сокращали дни моей матери. Однако же она не хотела возвращаться в Отфонтен, будучи уверена, что бабка моя встретит ее, как обычно, сценами и вспышками ярости. В этом она не ошибалась. Но поскольку состояние ее всё ухудшалось, ей пришла мысль сменить климат, обычная для тех, кто страдает этой жестокой грудной болезнью. Она захотела отправиться в Италию и попросила прежде о возвращении в Париж. Моя бабка на это согласилась и только тогда начала представлять себе истинное положение своей несчастной дочери. По крайней мере, с этих пор она говорила о ее положении как о безнадежном, каким оно и было на самом деле. По приезде в Париж бабка отдала моей матери свои комнаты, как самые просторные. Она окружила ее заботой, и для меня это так резко контрастировало с обычным ее оскорбительным обращением, коему я была свидетельницей за несколько месяцев до того, что я смогла поверить в истинность проявляемых ею чувств. Думая об этом в зрелом возрасте, я пришла к выводу, что крайности и метания естественны для страстного характера. Когда человек никогда

не властвовал собою и всегда предавался любой склонности, не прилагая ни малейшего усилия, чтобы преодолеть себя, когда его не сдерживает религия и он зависит только от себя самого, нет причин не впасть во все возможные излишества и бесчинства.

За моей матерью очень ухаживали в ее последние дни. Королева приехала ее навестить, и каждый день из Версаля присылали курьера или пажа справиться о ней. Она слабела с каждой минутой. Но, что печалит меня и сорок пять лет спустя, когда я пишу эти строки, никто даже не заговорил ни о святых дарах, ни о том, чтобы пригласить священника. Я сама едва выучила катехизис. В этом архиепископском доме не было даже капеллана. Горничные, хотя среди них были и набожные, слишком боялись мою бабушку, чтобы осмелиться об этом заговорить. Моя мать не думала, что конец ее близок. Она умерла от удушья на руках у моей горничной 7 сентября 1782 года.

Мне сообщили об этом печальном событии наутро. Проснувшись, у своей постели я увидела одну добрую старую даму, дружившую с моей матерью, которая и объявила мне о ее смерти. Она мне сообщила, что бабушка моя уехала из дома и что я должна подняться, отправиться к ней и просить ее о защите и попечении; что отныне моя участь зависит от нее; что она очень не в ладах с моим отцом, который теперь в Америке; что она наверняка лишит меня наследства, если невзлюбит, к чему она весьма расположена. Мое юное сердце восстало против того притворства, к которому эта добрая дама пыталась меня склонить. Ей стоило большого труда уговорить меня позволить ей отвезти меня к моей бабушке. Воспоминание о всех слезах моей матери, которые мне приходилось видеть, об ужасных сценах, которые ей приходилось переносить в моем присутствии, мысль о том, что дурное обращение, которому она подвергалась, сократило ее дни, — все это возбуждало во мне неодолимое отвращение к тому, чтобы отдаться под власть моей бабушки. Однако же эта добрая дама уверила меня, что, если я хоть малостью не ужогу бабушке, суровый монастырь станет мне пристанищем; что мой отец, который, без сомнения, женится снова, чтобы иметь сына, не захочет забрать меня к себе; что меня, возможно, заставят принять постриг и отправят к тетке¹⁵, монахине бенедиктинского монастыря в Монтаржи, которая сама не покидала этот монастырь с семилетнего возраста.

Госпожа Нагль — так звали эту старую даму — в конце концов привезла меня к бабушке. Та разыграла сцену бурного отчаяния, которая оставила у меня самое тяжкое впечатление; я застыла в ужасе. Меня сочли холодной и бесчувственной. Намекали, что я не горюю о матери, и от этого столь ложного обвинения у меня в возмущении сжалось сердце. В один момент передо мной приоткрылся весь размах того двоедушия, на путь которого меня заставляли вступить. Но напомним, что мне было всего лишь

двенадцать лет и что, хотя мой разум был развит гораздо более обычно-го для этого возраста и в образовании своем я уже очень продвинулась, я все же никогда не получала никакого ни нравственного, ни религиозного воспитания.

V

Я не претендую на талант, необходимый для описания состояния общества во Франции перед Революцией. Такая задача была бы выше моих сил. Но, когда в старости я собираю воедино свои воспоминания, я нахожу, что признаки потрясения, разразившегося в 1789 году, стали уже проявляться в то время, с которого мои размышления начали оставлять след в памяти.

Бесстыдное царствование Людовика XV развратило высшее общество. Придворная аристократия подавала пример всех пороков. Игра, разврат, пренебрежение моралью и религией открыто выставлялись напоказ. Церковные иерархи, приезжавшие в Париж на съезды духовенства, которые королю пришлось сделать почти ежегодными из-за нужды в деньгах и расстроенных финансов, требовавших получения от церкви *безвозмездных даров*, тоже были испорчены распутными нравами двора. Почти все епископы назначались из числа высшей аристократии. В Париже они встречались со своей родней, своим кругом, с теми, с кем в молодости состояли в связи, с прежними привычками. Они все учились по большей части в парижских семинариях: в Сен-Сюльпис, в Сен-Маглуар, в Вертю, в Оратуар; и, когда их назначали епископами, они воспринимали это назначение как почетную ссылку, разлучавшую их с друзьями, родными и всеми удовольствиями светской жизни.

Священнослужители второго ранга, рядовые делегаты съезда духовенства, почти все назначались из числа главных епископских викариев или из молодых аббатов, владевших аббатствами; все они принадлежали к тому же классу, из которого назначали епископов. В Париже они набирались принципов и привычек, которые приносили затем в свои провинции, где зачастую подавали пагубный пример.

Так испорченность нравов распространялась от высших классов на низшие. Добродетель у мужчин и благонравное поведение у женщин высмеивались и считались неотесанностью. Я не стану вдаваться в подробности, доказывая то, о чем я здесь говорю. С того времени, которое я описываю, прошло много лет, и эта эпоха превратилась для меня в понятие обобщенно-историческое, в котором воспоминание об отдельных людях уже стерлось, оставив во мне лишь общее, совокупное впечатление. Чем старше я делаюсь, однако, тем более я полагаю, что Революция

1789 года была лишь неизбежным результатом и, я могу даже сказать, справедливым наказанием пороков высших классов — пороков, доведенных до такого чрезмерного размаха, что, если бы не самое прискорбное ослепление, было бы совершенно несомненно, что всем предстоит сгореть в пламени того вулкана, который они зажгли своими собственными руками.

VI

После смерти моей матери мои бабушка и дядюшка уехали в октябре месяце 1782 года в Отфонтен и увезли с собой меня вместе с моим учителем господином Комбом, который один занимался моим образованием.

Я очень любила это владение, которое, как я знала, должно было со временем принадлежать мне. Это было прекрасное поместье, сплошь господские земли, в двадцати лье от Парижа, между Вилле-Котре и Суассоном. Замок, построенный в начале прошлого века на обрывистом холме, господствовал над небольшой прохладной долиной или даже, лучше сказать, над ущельем, открывающимся в амфитеатр Компьенского леса, который образовывал фон этой картины. Луга, леса, рыбные пруды с отличной водой располагались позади великолепного огорода, на который выходили окна замка; замковый двор был наверняка в более ранние времена укреплен. Этот замок, не отличавшийся красотой архитектуры, был удобен, просторен, превосходно обставлен, и всё в нем содержалось в большом порядке.

Когда в 1779 году мой отец отплывал со своим полком воевать на Антильские острова, мои дядюшка, бабушка и мать сопровождали его до Бреста. На обратном пути дядюшка купил в Лориене весь груз одного корабля, пришедшего из Индии; там был японский и китайский фарфор, персидские ткани всевозможных цветов для обивки комнат, шелковые и атласные материи, китайская камка и прочее в этом роде. К большой моей радости, все эти богатства были распакованы и разложены в больших помещениях, где хранилась мебель; старый консьерж пускал меня побродить там вместе с моей горничной, когда погода не позволяла гулять. Он мне часто говорил: «Все это будет ваше». Но, словно втайне что-то предчувствуя, я не привязывалась к мыслям о роскоши. Мое юное воображение охотнее обращалось к мыслям о разорении, о бедности, и эти пророческие мысли, которые никогда меня не покидали, постоянно побуждали меня выучиться всем рукоделиям, подобающим бедной девушке, и избегать занятий девицы, которую называют *наследницей*.

Пока жива была моя мать, жизнь в Отфонтене была очень блестящая. Но после ее смерти все полностью переменялось. В отсутствие моего отца

бабка завладела всеми бумагами моей матери и всей перепиской, которую та хранила.

Так же, как ей не дали увидеться со священником, ей не позволили и позаботиться о своих земных делах; моя бабушка была заинтересована в том, чтобы ни один понимающий человек в эти дела посвящен не был. Состояние моего деда исчезло в ее руках, и все, чем мы владели, сменило статус еще во время детства моей матери. Ей было всего двенадцать лет, когда она потеряла отца, генерала де Рота, который скоропостижно скончался в Отфонтене спустя недолгое время после покупки этого поместья; оно было куплено на имя жены под тем предлогом, что за него было заплачено только из приданого, 10 000 фунтов стерлингов, данного за моей бабушкой ее отцом лордом Фолклендом.

Однако мой дед де Рот унаследовал состояния своей матери, леди Кэтрин де Рот, и тетки, герцогини Пертской; обе они были дочерьми лорда Миддлтона, министра Якова II, о котором историки говорили разное. Еще одна родственница оставила ему особняк в Париже на улице Бак, в котором мы жили, и 4000 ливров ренты, выплачиваемой парижской ратушей. По смерти господина де Рота остались только эти последние два предмета, и моя мать была введена во владение ими.

Мой двоюродный дед-архиепископ жил в доме на улице Бак двадцать лет, не платя своей племяннице ни гроша арендной платы. Под тем предлогом, что она сама там тоже жила, он и за ремонт никогда не платил. Кроме того, когда после смерти моей матери он покинул этот дом и снял себе другой на свое имя, он занял 40 000 франков на срочный ремонт, без которого невозможно было отдать первый дом в аренду. Таким образом, он обременил дом этим долгом, который я была вынуждена выплатить, когда его продавала в 1797 году. А ведь у моего двоюродного деда было к тому времени более чем на 300 000 франков церковных имуществ. Верно, что он оплатил карточные долги моего отца, подверженного этой несчастной страсти, как и двое его братьев, лорд Диллон и Генри Диллон. Я никогда не знала, до каких размеров доходили суммы, отданные моим дядюшкой за эти прискорбные долги, но я слыхала, что они были значительны. Как бы то ни было, по смерти моей матери я не получила ничего, кроме дома на улице Бак, который сдали за 10 000 франков в аренду барону де Сталь, впоследствии женившемуся на знаменитой мадемуазель Неккер, и 4000 франков ренты, выплачиваемой парижской ратушей. Со стороны моего отца мне было нечего ожидать. Он уже истратил свои 10 000 фунтов стерлингов наследства, доставшиеся ему вместе с Диллоновским полком, который он получил по рождению, как наследник своего последнего дяди, убитого при Фонтенуа.

Я должна была, таким образом, ублажать мою бабушку, которая при каждом случае угрожала отдать меня в монастырь. Ее деспотическая власть

ощущалась мною постоянно. Никогда я не видела такой потребности господствовать и подавлять. Она начала с того, что отлучила меня совершенно от подруг моего детства и сама порвала со всеми подругами своей дочери. Вероятно, она нашла в доставшейся ей корреспонденции ответы на вполне оправданные жалобы моей матери на ту жестокую зависимость, в которой она прожила последние годы своей жизни, и нелестные оценки незаконных поступков моей бабки. Она потребовала, чтобы я положила конец всяким сношениям с дочерьми семейства Рошешуар, из которых старшая сестра тогда уже вышла замуж за герцога де Пьенна, впоследствии герцога д'Омона, а младшая — за графа де Шинона, впоследствии герцога де Ришелье; с сестрами де Шовлен, вышедшими замуж за господина д'Имекура и господина де ла Бурдоннэ; с мадемуазель де Куаньи, дочерью графа де Куаньи, которая позже заставила о себе говорить столь скандальным образом; с третьей сестрой де Рошешуар, воспитывавшейся у тетки, герцогини дю Шатле, которая вышла замуж за принца де Каранси, сына герцога де ла Вогийона. Изожряясь в жестокости, моя бабка сделала так, чтобы вина за разрыв отношений с моими юными подругами пала на меня. Будучи силой полностью изолирована, я узнала, что меня обвиняют в неблагодарности, легкомыслии и безразличии, причем мне не было позволено оправдаться.

Мой добрый учитель, знавший мою бабку еще лучше, чем я, был единственным, с кем я могла говорить о своих горестях. Но он с жаром мне объяснял, насколько в моих интересах было ублажать бабку, насколько все мое будущее существование зависело от нее; если бы я стала ей сопротивляться и она бы меня отдала в монастырь, у нее хватило бы еще ловкости возложить ответственность за это решение на меня; вдали от отца, которого война в любой момент могла отнять у меня, я осталась бы совершенно одна, если бы бабка и дядюшка лишили меня своей защиты. Таким образом, я должна была решиться переносить каждодневно все невзгоды того ужасного характера, под власть которого я попала. Я могу сказать, что за пять лет не было и дня, чтобы я не проливала горькие слезы.

Однако чем старше я становилась, тем меньше я от этого страдала, либо благодаря приобретенной привычке к дурному обращению, либо благодаря тому, что мой прежде срока созревший разум, сила характера, то хладнокровие, с которым я переносила вспышки ярости моей бабки, то невозмутимое молчание, которым я встречала ее клевету на всех подряд, а особенно на королеву, — все это производило на нее некоторое впечатление. Может быть, она также боялась, как бы я, вступив в свет, не рассказала обо всем, что мне пришлось вытерпеть. Как бы то ни было, когда я достигла шестнадцатилетнего возраста и она увидела, что я стала выше ее ростом, она стала несколько сдерживать свою ярость. Но она с лихвой рассчиталась за эту сдержанность, как будет видно из дальнейшего.

В конце осени 1782 года дядюшка отправился в Монпелье председательствовать на заседании Генеральных Штатов Лангедока, как он это делал каждый год; эту привилегию своего сана архиепископа Нарбоннского он осуществлял в течение двадцати восьми лет.

Мы остались в Отфонтене, где моя бабушка очень скучала. Ее дурное настроение проявлялось с пугающей силой. Она обнаружила, что с потерей моей матери она потеряла и друзей, которые до тех пор ее окружали и ублажали ради покоя ее дочери, — они, возможно, уменьшили тогда ее страдания, создавая у моей бабушки иллюзию, что она в той же мере, как и моя мать, была предметом их ухаживаний. Но когда бабушка завладела бумагами моей матери и нашла письма этих так называемых друзей, она узнала об их истинных чувствах к ней. Это знание возбудило в ее сердце такую ненависть, на которую она одна была способна, и силу этой ненависти мне предстояло впоследствии ощутить на себе.

Теперь же, когда она чувствовала себя одиноко в замке Отфонтен, некогда столь оживленном и блестящем, когда она видела пустые конюшни и не слышно было ни лая собак, ни рожков егерей, когда ничто более не оживляло открывавшийся из окон замка вид на аллеи, отведенные для прогулок охотничьих лошадей, она поняла, что надо поменять образ жизни и добиться, чтобы архиепископ, заботившийся до тех пор исключительно о собственных удовольствиях и о поддержании своего положения в обществе, приобрел честолюбивые устремления и задумался о делах своей провинции и клира.

Право назначения президента ассамблеи духовенства принадлежало королю. Мой двоюродный дед задумал получить этот пост. Он, без сомнения, обещал сделать предоставление *безвозмездного дара* на каждом съезде духовенства легче, чем это происходило при нескгибаемой добродетели тогдашнего президента кардинала де Ларошфуко, которого поддерживал советами и во всем направлял аббат де Прадт, его племянник.

Бабушка решила для осуществления своих планов убедить моего двоюродного деда, который был полностью у нее в подчинении, поменять образ жизни и переехать. Когда он вернулся из Монпелье, где никогда не оставался дольше времени, строго необходимого для заседаний Штатов, мы поехали к нему в Париж. Мой отец тогда стал губернатором острова Сен-Кристоф¹⁶ после того, как Диллоновский полк внес славный вклад в успех экспедиции французских войск по захвату острова. Я думаю, что в отсутствие отца мой опекунский совет объяснил моему двоюродному деду, что он не может продолжать жить в моем доме, не платя арендной платы и оставляя дом без ремонта, как он это делал. Он решил тогда переехать отсюда и совершенно незаконным образом взял взаймы, как

я уже сказала, 40 000 франков под залог этого дома, где он прожил двадцать лет, не платя ни гроша; эта сумма была истрачена на самый неотложный ремонт. Долг этот обнаружился лишь в Революцию, при его отъезде из Франции, и мне пришлось его заплатить, когда я продавала дом в 1797 году. До тех пор он оплачивал проценты по этому займу, о котором не было сказано ни слова в моем брачном договоре.

Дядюшка купил в пожизненное пользование на свое имя угловой дом на пересечении улиц Сен-Доминик и Бургонь. Его архитектор господин Раймон, преданный моим интересам, советовал купить этот дом в полную собственность на мое имя и обеспечить за дядей право пользования. Но такое устройство дела, которое увеличило бы мое состояние, не вредя его удобствам, ему не подошло, и он оформил дом в пользование на свое имя, находясь в возрасте шестидесяти семи лет. Раймон тогда предложил ему купить для меня хорошенький домик на площади Пале-Бурбон, который тогда как раз строился. Этого он тоже не захотел. Дядюшка тогда только что получил права на доходы с аббатства Синьи, приносившего около 100 000 франков ренты. Он воспользовался этим увеличением своих доходов как поводом, чтобы отдаться страсти к строительству и приобретению обстановки, сменившей у него страсть к лошадям и охоте, которой он более предаваться не мог. Он тратил большие суммы денег на обустройство своего нового дома, который был в очень плохом состоянии.

В то же самое время моя бабушка, которой Отфонтен надоел после того, как она там проскучала два месяца, купила за 52 000 франков дом в Монфермее, недалеко от Ливри, в пяти лье от Парижа. Цена была очень невелика, учитывая, что при доме было 90 арпанов¹⁷ земли. Этот дом, расположенный в красивой местности, назывался Фоли-Жуаёз. Он был построен неким господином де Жуаезом, который начал строить с того, чем обычно заканчивают. Устроив сначала хороший внутренний двор и обнеся его решеткой, он возвел справа и слева два крыла, оканчивающиеся красивыми квадратными павильонами. Тут у него не стало денег, чтобы построить главное здание, и получилось, что эти два павильона сообщались между собой только лишь коридором длиной по меньшей мере сто футов. Кредиторы забрали дом за долги и продали. При доме был очаровательный парк, обнесенный стеной; каждая аллея в нем заканчивалась калиткой, и все эти выходы открывались в лес Бонди, в этой своей части очень милый.

Из Отфонтена были привезены целые телеги мебели, и мы как-то худо-бедно устроились весной 1783 года в Фоли-Жуаёз. В первый год никаких починок там не делали. В то время существовало господское право первой руки, по которому сеньор, в землях которого продавался дом, мог в течение года со дня и даже с часа подписания договора о продаже заступить на место покупателя и простым уведомлением лишить его приобретенной собственности. Хотя со стороны господина де Монфермей, который

только что вступил в наследство после своего отца, президента Окара, таких действий опасаться не приходилось, все же дядюшка и бабка сочли за лучшее выждать год, ограничившись пока посадками и работами в саду.

Лето мы провели за составлением планов вместе с архитекторами и чертежниками, что меня чрезвычайно интересовало. Дядюшка находил удовольствие в том, чтобы знакомить меня со всеми своими проектами. Он говорил со мной о постройках, о садах, о мебели, о всевозможном обустройстве. Он был доволен моей разумностью и поручал мне рассчитывать и измерять вместе с садовниками уклоны, площади и прочее. Он желал, чтобы я входила во все детали смет и проверяла расчеты измерений.

Я была очень рослая для своего возраста, крепкого здоровья и очень деятельная физически и нравственно. Я желала все видеть и все знать, научиться всем рукоделиям, от вышивания и изготовления искусственных цветов до стирки белья и кухонной работы. Я находила время, чтобы ничем не пренебречь, не теряя ни минуты, укладывая по порядку у себя в голове все, чему меня учили, и никогда этого не забывая. Я извлекала пользу из специальных знаний всех тех, кто приезжал в Монфермей. Вот так, обладая хорошей памятью, я приобрела множество познаний, которые были мне необыкновенно полезны в дальнейшей жизни.

Однажды, когда у нас были к обеду несколько важных епископов и зашел разговор об астрономии и о некоторых открытиях, один из гостей не мог припомнить имя ученого, которого преследовали за истину, ставшую теперь бесспорной. Мне тогда было тринадцать лет, так что я не позволяла себе и рта раскрыть, поскольку никогда не любила привлекать к себе внимание. Однако тут я так устала наблюдать, как ни один из этих прелатов не может вспомнить имя, что у меня это имя выскочило. Я очень тихо выговорила: «Это Галилей». Мой сосед за столом, может, уже и лишившийся памяти, но точно не глухой, услышал меня и воскликнул: «Мадемуазель Диллон говорит, что это Галилей». Я была в таком замешательстве, что разрыдалась, убежала из-за стола и больше весь вечер не выходила.

Глава III

I. Ежегодные поездки мадемуазель Диллон в Лангедок с 1783 по 1786 год с ее двоюродным дедом, архиепископом Нарбоннским. — Как путешествовали в то время. — Экипажи. — Еда. — Архиепископ Лиона господин де Монтате: популярность этого прелата в своей епархии. — II. Дорога в Лангедок. — Гостиница в Монтелимаре. — Происшествие при переправе через поток. — Проезд через Конта-Венессен. — Въезд в Лангедок. — Внешность и характер архиепископа Нарбоннского. — Ним: Амфитеатр и Квадратный дом; господин Сегье. — Прибытие в Монпелье. — Господин де Перигор. — III. Представление королю «добровольного дара». Депутация. — Прогулка в Марли. — Процветание Лангедока. — Обустройство в Монпелье. — Аббат Бертолон и его уроки физики. — Обеденный этикет. — Ливрея Диллонов. — Общество Монпелье. — Господин де Сен-При и император Иосиф II. — IV. Возвращение господина Диллона во Францию. — Он женится на госпоже де Ла Туш. — Противодействие этому браку со стороны госпожи де Рот. — Господин Диллон принимает назначение на должность губернатора Тобаго. — Первые проекты замужества мадемуазель Диллон. — Доверенность, оставленная ее отцом архиепископу Нарбоннскому. — V. В Але. — В Нарбонне. — Испуг. — В Сен-Папуль. — Знакомство с семейством Водрей. — Претенденты. — VI. Пребывание в Бордо. — «Генриетта-Люси». — Другое семейство Диллон. — Предчувствия: граф де Ла Тур дю Пен. — Граф де Гуверне.

I

В ноябре месяце 1783 года я узнала, что моя бабка теперь станет сопровождать моего дядю-архиепископа на заседания Генеральных Штатов Лангедока. Это решение доставило мне большую радость. В те времена ежегодный съезд Штатов был очень блестящим событием. Только что был заключен мир¹⁸, и англичане, в течение трех лет лишенные возможности приезжать на континент, ринулись туда толпой, как это было потом в 1814 году. В Италию в те времена ездили гораздо меньше. Красивых дорог через Монсени и Семплон еще не существовало. Пароходов не было. Дорога по горному карнизу вдоль побережья была почти непроходима. Климат юга Франции, прежде всего Лангедока и в особенности Монпелье, был еще в моде.

Меня все радовало в мысли о предстоящем путешествии, можно сказать, первом в моей жизни. Я все еще жалела, что не была в поездке в Бретань, а путешествие в Амьен, куда я ездила попрощаться с отцом в начале войны, было единственным, которое я до того времени совершила.

Я расскажу здесь один раз, как проходила поездка в Монпелье, и не буду повторяться, поскольку каждый раз все бывало примерно так же до 1786 года, когда я туда ездила последний раз.

Наши приготовления в дорогу, покупка припасов, упаковка вещей были для меня занятием и удовольствием; потом, в дальнейшей моей беспокойной жизни, сборы еще успели мне наскучить. Мы выезжали в большой дорожной карете-берлине, запряженной шестерней: дядюшка и бабка сидели сзади, я спереди вместе с состоявшим при дядюшке клириком или секретарем, а на переднем сиденье двое слуг. Эти двое по прибытии бывали утомлены больше, чем те, кто ехал верхом, так как в то время сиденья не имели рессор, а крепились на деревянные столбики, опиравшиеся на раму, вследствие чего езда была тряской, как в телеге. Вторая берлина, тоже запряженная шестерней, везла горничную бабки, мою горничную мисс Бек, двоих лакеев и, на переднем сиденье, двоих слуг. Метрдотель и шеф-повар ехали в почтовой карете.

Было также три курьера, один из которых ехал на полчаса раньше, а двое других вместе с экипажами. Мой учитель господин Комб выезжал за несколько дней до нас дилижансом, называвшимся *тюрготин*, или почтовым экипажем, представлявшим собой род длинной двухколесной тележки с оглоблями. Такой экипаж брал только одного путешественника.

Каждый год министры задерживали моего двоюродного деда в Версале так долго, что он едва успевал добраться до Монпелье к открытию Штатов, которое происходило в определенный назначенный день. Заседания могли начаться только в присутствии архиепископа Нарбоннского, неперменного президента. Однако же, если бы он оказался задержан несчастным случаем или болезнью, на место его должен был бы заступить вице-президент, архиепископ Тулузский, — такой случай доставил бы большое удовольствие занимавшему эту кафедру честолюбцу, впоследствии кардиналу де Ломени.

Задержавшись из-за министров, приходилось ехать так скоро, как только возможно, — необходимость весьма тягостная в эту пору поздней осени. Мы ехали на восемнадцати лошадях, и приказ по почтовому ведомству опережал нас на несколько дней, чтобы лошади для нас были готовы. На ночлег мы останавливались лишь ненадолго. Выехав в 4 часа утра, останавливались только на обед. Почтовая карета и первый курьер опережали нас на час, благодаря чему мы находили стол накрытым, огонь разожженным и несколько хороших блюд приготовленными или подправленными нашим поваром. Он вез из Парижа в своем экипаже бутылки с готовыми соусами и подливами — все, что надо было, чтобы исправить скверные трактирные обеды. Почтовая карета и первый курьер снова пускались в путь при нашем прибытии, и мы, когда останавливались на ночлег, находили все приготовления уже оконченными, как и утром.

В пути бабка брала меня к себе в комнату, что мне очень не нравилось, поскольку она забирала себе лучшую постель, еще и улучшенную за счет половины моей. Она занимала все место у огня, а ее многочисленные туалетные принадлежности совсем не оставляли мне места. Она меня ругала по малейшему поводу и не позволяла мне идти спать сразу по прибытии, хотя я почти каждый день была без сил от усталости, поскольку она не давала мне ни поспать в экипаже, ни даже опереться на подушки. Однажды — кажется, это было в 1785 году — я так сильно заболела в Ниме, что ей там пришлось остаться со мной на два дня. У меня уже не было сил доехать до Монпелье.

Мы останавливались на несколько часов в Лионе, когда тамошний архиепископ был в городе. Однако мой дядюшка не особенно его ценил. Этот прелат был не в ладах с двором и редко ездил в Париж. Я не помню, чтобы я когда-нибудь его там встречала, даже во время съездов духовенства. У него была интрига со знаменитой герцогиней Мазарини, но не это было причиной немилости к нему в те распутные времена, когда строгость нравов составляла исключение среди высшего духовенства. Я полагаю, напротив, что его чурались из-за одного доброго дела, которое он, возможно, совершил хвастовства ради, но которое не стало от того менее полезным. Город Лион обратился с просьбой, чтобы в больницах поставили железные кровати. Министры то ли отказали, то ли не дали разрешения произвести расходы, и тогда архиепископ Лионский господин де Монтазе дал на эти цели из собственных средств 200 000 франков. Министры увидели в этом некий урок, который им не понравился — им, но не королю. Этот превосходный государь был всегда расположен ко всем делам благотворительности, но слабость или робость его характера слишком часто приводила к тому, что он отвергал идеи, с первого взгляда показавшиеся ему хорошими, и вот именно эта чрезмерная скромность и недоверие к своим собственным понятиям и оказались для нас столь фатальными.

Щедрость архиепископа Лионского заслужила ему большую популярность в городе и вызвала ревность его коллег. Они предпочитали тратить свои средства на постройку епископских резиденций или красивых загородных домов, а не на устройство благотворительных заведений; и в тех же самых епархиях, где строились епископские дворцы, способные принять тридцать приглашенных гостей, было немало кюре скудного достатка, чьи дома плохо защищали их от непогоды.

II

Я возвращаюсь к дороге в Лангедок. В то время дорога, идущая вдоль Роны до Пон-Сент-Эспри, была так плоха, что экипажи в любой момент рисковали перевернуться. Форейторы требовали дополнительной платы

при каждой смене лошадей, заявляя, что они нас везли не по главной дороге, а по проселкам, где и проехать нельзя. Мы ночевали в Монтелимаре, где была очень хорошая гостиница, пользовавшаяся доброй славой у англичан, направлявшихся на юг Франции. Там все останавливались на ночь. Бывало иногда, что пересекавшая этот городок речка, через которую обычно переправлялись вброд, так наполнялась от дождей или, весной, от талых вод, что приходилось несколько дней дожидаться конца наводнения.

В коридорах и на лестнице этой гостиницы все стены были покрыты медальонами с именами знатных людей, бывавших там. Чтение этих имен, в особенности тех, кто проезжал там в последнее время и кого мы ожидали встретить в Монпелье, очень меня занимало.

В какой-то год мы подверглись большой опасности при переправе через речку. Воды было столько, что она подняла экипаж, и пришлось открыть дверцы, чтобы она могла протекать насквозь. Мы — я и моя бабушка, — поджав ноги, цеплялись за сиденье. Мужчины забрались на скамью. К рессорам прикрепили деревянные подножки, на которых стояли люди с длинными пиками, чтобы не дать экипажу перевернуться. Все это забавляло тогда меня, юную любительницу приключений, но моя бедная бабушка ужасно трусила и жестоко страдала. К несчастью, страх ее всегда обращался дурным настроением, которое неизменно отзывалось на мне. Когда я вижу прекрасные мосты, по которым мы теперь пересекаем реки, пароходы и все свершения промышленности, мне трудно поверить, что всего лишь пятьдесят пять лет назад я переносила все эти трудности и препятствия, делавшие таким долгим наш путь в Монпелье. Если бы в чувствах и добродетелях наблюдался такой же прогресс, как в промышленности, мы бы уже были ангелами, достойными рая, — но это далеко не так!

От почтовой станции Ла Палюд начиналась область Конта-Венессен, принадлежавшая папе. Я радовалась, видя пограничный столб с нарисованными на нем ключами и тиарой. Мне казалось, что я въезжаю в Италию. Здесь мы покидали большую дорогу на Марсель и дальше ехали по прекрасной дороге, которую папское правительство позволило построить лангедокским Штатам и которая вела в Пон-Сент-Эспри более прямым путем.

В Ла Палюд дядюшка переодевался. Он надевал дорожное облачение из лилового сукна, а когда было холодно, еще и подбитый ватой редингот с подкладкой из шелка того же цвета, лиловые шелковые чулки, туфли с золотыми пряжками, свою голубую ленту и треугольную священническую шляпу, украшенную золотыми желудями.

Как только экипаж проезжал последнюю арку моста Сент-Эспри, пушка на небольшом предмостном укреплении, которое тогда еще сохра-

нялось, давала двадцать один выстрел. Барабаны выбивали сигнал «в поход», гарнизон во главе с офицерами выходил при полном параде, и все светские и религиозные власти являлись к дверям кареты. Если не было дождя, дядюшка выходил, пока запрягали восемь лошадей в его экипаж.

Он выслушивал обращенные к нему торжественные речи и отвечал на них милостиво и с несравненной любезностью. Он имел благороднейшую фигуру, высокий рост, красивый голос и вид одновременно любезный и уверенный. Он осведомлялся о делах, которые могли быть интересны жителям, немногословно отвечал на петиции, которые ему представляли, и никогда ничего не забывал из просьб, с которыми к нему обращались в прошлом году. Все это продолжалось примерно с четверть часа, после чего мы уезжали быстрее ветра, поскольку не только фореиторов добавлялось вдвое, но и править экипажем такой важной персоны считалось большой честью.

Президент местных Штатов в сознании жителей Лангедока стоял далеко впереди короля. Мой дядюшка был чрезвычайно популярен, несмотря на свое изрядное высокомерие, которое, впрочем, проявлялось всегда лишь в отношении тех, кто полагал себя выше его. Так, в пору, когда он был архиепископом Тулузским, а кардинал де Ла Рош Эймон — архиепископом Нарбоннским, тот отказался ехать председательствовать на съезде Штатов, заявляя, что нет средства быть выше господина Диллона и придется нехотя ему уступить.

Мы ночевали в Ниме, где у дядюшки всегда были дела. В какой-то год мы там провели несколько дней у епископа, что дало мне время в подробностях рассмотреть древности и фабрики. Хотя к античным памятникам относились тогда далеко не с такой заботой, как сейчас, *Амфитеатр* тогда уже начали расчищать и раскопали из-под новых построек *Квадратный дом*, где была найдена надпись: «*Каю и Луцию Агриппе, князьям молодежи*». Этим большим открытием город Ним обязан некоему господину Сегье, замечательному археологу; он нашел эту надпись по следам гвоздей, которыми крепились составлявшие ее бронзовые буквы¹⁹.

Дядюшка устраивал так, чтобы приезжать в Монпелье уже после захода солнца, — так удавалось избежать пушечной пальбы в его честь и пощадить самолюбие графа де Перигора, коменданта провинции и королевского комиссара на открытии съезда Штатов, которому такой привилегии не полагалось — жалкая слабость в таком большом вельможе, причем в деле совершенно не личного свойства, а только церемониального этикета. Архиепископ Нарбоннский, наделенный такими прерогативами, в данном случае был ровней графу де Перигору по рождению, но будь он даже из крестьян, все равно пушка стреляла бы в его честь.

Мой двоюродный дед ставил себя выше такого рода тщеславия. Он был слишком умен, чтобы ему предаваться. Графу де Перигору этого качества

не хватало, и двор совершал большую ошибку, отправляя такую посредственность в качестве королевского комиссара отстаивать интересы государственных финансов перед Штатами крупной провинции.

III

Вопрос, стоящий перед Штатами, сводился в конечном итоге к тому, какой денежный взнос можно будет от них получить. Двор всегда имел виды на увеличение *безвозмездного дара*, в котором Штаты имели право отказать, если утеснялись их привилегии. Королевский комиссар обсуждал интересы провинции с синдиками²⁰ Штатов, которых было двое — в мое время это были господа Ромм и де Пюиморен, и тот и другой люди весьма толковые. Они каждый год по очереди ездили в Париж с депутацией Штатов отвозить королю *безвозмездный дар* своей провинции.

Эта депутация состояла, как мне помнится, из одного епископа, одного барона, двух депутатов третьего сословия, одного из синдигов и архиепископа Нарбоннского, который и представлял депутацию королю. Король принимал депутацию в Версале с большой помпой; к приехавшим присоединялись и те лангедокцы, принятые при дворе, которые в это время (дело всегда было летом) оказывались в Париже. После обеда, даваемого у первого камергера, депутацию вели на прогулку в сады Трианона или Марли. По этому поводу там запускали фонтаны. Я однажды сопровождала депутацию, и нас — меня и мою бабуку — для прогулки усадили в кресла на колесах, которые везли швейцарские гвардейцы. Эти самые кресла служили еще при дворе Людовика XIV. После того как мы осмотрели все прекрасные боскеты Марли и полюбовались великолепием фонтанов, в одной из больших гостиных нас ожидало красиво сервированное угощение. Кажется, это было в 1786 году. Это был единственный раз, когда я видела Марли во всем его блеске, хотя потом я там еще не раз бывала. Этого прекрасного места больше не существует²¹. От него не осталось ни малейшего следа, и это столь скорое разрушение служит для нас объяснением тому запустению, которое царит вокруг Рима.

Вернемся в Монпелье. Я не стану входить в объяснения по поводу состава Штатов Лангедока. Пятьдесят семь лет спустя я помню только результаты.

Проехав 160 лье по отвратительным разбитым дорогам, где приходилось с риском для жизни переправляться через реки без мостов, мы наконец пересекали Рону и выезжали на дорогу прекрасную и ровную, как в самом лучшем саду. Мы ехали дальше по превосходным, отлично по-

строенным мостам, по городам, где процветала промышленность, по прекрасно возделанным полям. Контраст был разителен даже на взгляд пятнадцатилетней девочки.

В Монпелье мы жили в красивом, просторном, но очень мрачном доме, располагавшемся на узкой темной улице. Дядюшка арендовал дом со всей обстановкой, и мебель была очень хорошая, обитая красным узорчатым шелком. Комнаты во втором этаже, которые занимал дядюшка, были полностью застелены очень красивыми турецкими коврами, весьма распространенными в то время в Лангедоке. Дом был выстроен по четырём сторонам квадратного двора; одну сторону занимала столовая на пятьдесят кувертов, а другую гостиная того же размера в шесть окон, обитая красивым малиновым узорчатым шелком и с такой же мебелью; в гостиной был огромный камин старинной работы, который сейчас нам был бы очень кстати.

Мы с бабкой жили в нижнем этаже, где уже в 3 часа пополудни делалось темно. Утром мы дядюшку никогда не видели. Мы завтракали в 9 часов, после чего я шла гулять с моей английской горничной. Три последних года я по три раза в неделю ходила в устроенный Штатами прекрасный кабинет физических опытов, где главный профессор, аббат Бертолон, любезно давал уроки для меня одной. Это мне позволяло знакомиться с приборами, выполнять опыты вместе с ним, повторять их заново, расспрашивать обо всем, что приходило в голову, и приобрести вследствие этого гораздо более познаний, чем это было бы возможно на публичных лекциях. Эта учеба интересовала меня чрезвычайно. Я относилась к ней с величайшим прилежанием, и аббат Бертолон был доволен моим умом. Горничная, которая меня сопровождала, почти ничего не понимала по-французски и занималась тем, что протирала и мыла приборы, к большому удовольствию профессора.

Ровно к трем часам надо было быть одетой и даже наряженной к обеду. Мы поднимались в гостиную, где всякий день, кроме пятницы, находили пятьдесят человек приглашенных. По субботам мой дядюшка обедал вне дома, либо у епископа, либо у какого-нибудь важного депутата Штатов. Женщин, кроме моей бабки и меня, никогда не бывало. Между нами двумя сажали самого важного из присутствующих. Когда бывали иностранцы, особенно англичане, их сажали рядом со мной. Я, таким образом, привыкала правильно держаться и вести разговор, находя тот род остроумия, который мог подойти моему соседу, часто человеку важному и степенному или даже ученому.

В то время каждый, у кого был достойно одетый слуга, ставил его прислуживать себе за столом. Ни графинов, ни бокалов на стол не ставили, но на больших обедах на буфете помещали серебряные ведра с бутылками вина и подставку с дюжиной бокалов; те, кто хотел получить бокал того

или иного вина, отправляли за ним своего слугу. Слуга стоял всегда позади стула своего хозяина, имея в руке тарелку и приборы на замену тем, которые использовались.

Считалось невоспитанностью не знать всех нюансов застольного этикета. Я думаю, что я их усвоила с самого раннего детства; когда я первый раз оказалась в провинции и увидела депутатов третьего сословия, действительно гротескных, сопровождаемых столь же гротескными слугами, мне стоило большого труда удержаться от смеха. Но я быстро привыкла к такого рода смешным чертам и часто находила и ум, и образованность под грубой с виду оболочкой.

У меня был свой личный слуга, который одновременно служил мне и куафером. Он носил мою ливрею; мы вынуждены были использовать для слуг красные ливреи, хотя в Англии ливрея была синяя, потому что галуны у нас были в точности такие, как у Бурбонов. Если бы еще и ливреи у нас были синие, они были бы похожи на королевские, а это не позволялось.

После обеда, продолжавшегося не более часа, все возвращались в гостиную, которая была уже полна депутатов Штатов, пришедших *к кофе*. Прием продолжался стоя, и через полчаса мы с бабушкой спускались к себе в комнаты. Часто после этого мы отправлялись делать визиты — в портшезе с носильщиками, единственном средстве транспорта, использовавшемся на улицах Монпелье. Красивого квартала, построенного позднее, тогда еще не существовало. Площадь Пейру была за пределами города, и в окружавших ее больших рвах разводили сады — там никогда не чувствовался холод.

Основу общества Монпелье составляли жены президентов и советников счетной палаты и жены дворян — они весь год жили у себя в поместьях, и съезд Штатов был для них ежегодным развлечением. Кроме них общество включало в себя знатных иностранцев, родственников епископов, приехавших на съезд Штатов, военных и офицеров лангедокских гарнизонов, которые отпрашивались съездить немного развлечься в это время. В городе был театр, куда бабушка водила меня два или три раза, и балы у графа де Перигора, в интендантстве и в нескольких частных домах, но никогда ни у моего дядюшки, ни у кого-либо из епископов.

В мой первый приезд в Монпелье был еще жив старый господин де Сен-При, отец того, который был послом в Константинополе. Его второй сын сменил его на посту интенданта²². Это был красивый старик, очень остроумный, рассказывавший весьма пикантно подробности пребывания в Лангедоке императора Иосифа II в ту пору, когда тот объездил большую часть Франции под именем графа Фалькенштейна. Цветущее состояние этой провинции, прекрасные дороги, совершенство учреждений привели его в высшей степени дурное настроение. Он чрезвычайно ревниво отнес-

ся к тому, как хорошо Штаты управляли провинцией, и старательно выискивал все, что могло бы очернить это управление. Господин де Сен-При рассказывал множество забавных анекдотов. Я уже забыла, а может быть, никогда и не знала, что за интрига привела к смещению второго сына господина де Сен-При с поста интенданта Лангедока. Я к этому еще вернусь.

IV

К возвращению нашему в Париж в начале 1784 года мой отец уже вернулся из Америки. Он был губернатором острова Сен-Кристоф до заключения мира. После возвращения этого острова англичанам он некоторое время пробыл на Мартинике, где сильно привязался к графине де Ла Туш, тридцатилетней вдове флотского офицера, оставившего ей двоих детей, сына и дочь. Она была очень мила и очень богата. Ее мать госпожа де Жирарден была сестрой госпожи де Ла Пажери, которая незадолго до того выдала свою дочь²³ за виконта де Богарнэ, и тот привез жену с собой во Францию. Госпожа де Ла Туш также приехала во Францию со своими двумя детьми²⁴. Мой отец последовал за ней, и с этих пор начали говорить об их браке. У моей бабки это вызвало гнев, который ничто не могло успокоить. Между тем можно было счесть вполне естественным, что мой отец пожелал жениться снова в надежде иметь сына. Ему было тридцать три года, и он владел одним из самых прекрасных во всей армии полков. Этот полк, привезенный во Францию его дедом Артуром Диллоном, не сменил названия, подобно другим полкам ирландской бригады. У него был прекрасный регламент, дававший ему право покинуть Францию *с барабанным боем и развернутыми знаменами*, когда владелец полка этого захочет. Так что мой отец должен был хотеть сына. Без сомнения, было бы лучше, если бы он выбрал себе супругу из какой-нибудь английской титулованной семьи католического вероисповедания, но ему не нравились англичанки, а нравилась госпожа де Ла Туш. Характера доброго и приятного, хотя и очень слабого, она была небрежна и распускала себя, как это свойственно креолкам.

Свадьба состоялась, несмотря на недовольство моей бабки, которая устраивала ужасные сцены. Мой отец настаивал, чтобы я была представлена моей мачехе. Столкнувшись с сопротивлением моей бабки, он от этого отказался, опасаясь, как бы в противном случае мне не пришлось слишком страдать от ее ярости и как бы она не привела в исполнение то решение, которым угрожала ему, когда он заговорил о возможном визите. Она заявила, что если я выйду из дома хотя бы на час, чтобы увидеться с госпожой Диллон, то больше я обратно не вернусь. Единственный раз я была с визитом у своей мачехи в 1786 году, когда мой отец

отправлялся губернатором на остров Тобаго²⁵, куда его незадолго до того назначили.

Он был очень недоволен, что его не назначили губернатором Мартиники или Санто-Доминго, хотя у него были права занять один из этих постов. Во время войны он проявил величайшую доблесть. Его полк одержал первую в этой кампании победу, захватив приступом остров Гренада, губернатор которого лорд Макартни попал к нему в плен. Его действия значительно способствовали захвату островов Сент-Эсташ²⁶ и Сен-Кристоф. Губернатором этого последнего он был в течение двух лет, и, когда при заключении мира в 1783 году остров был возвращен Англии, жители осыпали его свидетельствами своего уважения и признательности, отголоски которых дошли даже до Англии, где отец мой получил этому самые лестные подтверждения во время своего путешествия в эту страну после возвращения в Европу.

Но наш дядюшка-архиепископ, бывший в подчинении у моей бабушки и подталкиваемый ею, вместо того чтобы поддержать своего племянника и помочь ему занять пост губернатора на Мартинике или Санто-Доминго, не оказал ему поддержки и разве что не стал вредить. Таким образом, мой отец согласился на губернаторство на Тобаго, где и проживал вплоть до своего избрания депутатом от Мартиники в Генеральные Штаты. Он покинул Францию в сопровождении своей жены и моей младшей сестры Фанни²⁷ и увез с собой в качестве заведующего канцелярией острова моего учителя господина Комба, что причинило мне сильное огорчение. Мадемуазель де Ла Туш была помещена в монастырь Успения в сопровождении гувернантки, а ее брат — в коллеж в сопровождении учителя.

Перед своим отъездом мой отец говорил с моей бабушкой о плане замужества для меня, который он очень желал осуществить. Он познакомился на Мартинике во время войны с молодым человеком, адъютантом маркиза де Буйе, которого тот очень любил, и мой отец, со своей стороны, очень его ценил. Моя бабушка без раздумий этот план отвергла, несмотря на то что молодой человек был знатного рода и старший сын в семье, под тем предлогом, что он дурного поведения, имеет долги, мал ростом и некрасив. Я была еще так молода, что мой отец не стал настаивать. Он дал моему дядюшке-архиепископу доверенность, предоставлявшую тому полномочия выдать меня замуж так, как он сочтет уместным. Однако же я сама часто думала о той партии, которую предлагал мой отец. Я навела справки об этом молодом человеке. Мой кузен Доминик Шелдон, который воспитывался у моей бабушки и жил с нами, знал его и часто мне о нем говорил. Я узнала, что молодость его, действительно, была несколько излишне бурная, и решила больше об этом не думать.

В 1785 году наша поездка в Лангедок продлилась гораздо более обычного. После заседаний Штатов мы ездили почти на месяц в Алес, к любезному епископу этого города, будущему кардиналу де Боссе. Эта поездка была для меня очень интересной.

Мой дядюшка был весьма популярен в Севеннах, поскольку способствовал заведению промышленности в этой местности. Он водил меня с собой на шахты — угольные и те, где добывали медный купорос. Мне тем более просто было изучить применяемые химические процессы, что мои занятия химией, начатые с господином Шаптальем — тем, который после стал министром внутренних дел, — и уроки экспериментальной физики, в которых я была довольно успешна, дали мне знакомство с этими вопросами. Я много беседовала с инженерами, которые часто обедали у моего дядюшки, и приобретаемые таким образом познания помогали мне оценить различные проекты, которые обсуждались в разговорах в гостинной.

Именно к пребыванию моему в Алесе я отношу начало моей любви к горам. Этот городок, расположенный в очаровательной долине в окружении прекрасных лугов с разбросанными там и сям вековыми каштанами, находится в самой середине Севенн. Мы каждый день отправлялись на экскурсии, которые меня совершенно очаровывали. Местные молодые люди составили для моего дядюшки своего рода конный почетный эскорт. Они надевали диллоновскую английскую форму, красную с желтыми отворотами. Все они были из первейших семейств этих мест. Епископ каждый день приглашал сколько-то из них к обеду. Их жены или сестры приходили вечером. Устраивались музыка и танцы; это пребывание в Алесе было одним из тех периодов моей жизни, когда я более всего развлекалась.

К моему большому сожалению, мы уехали оттуда в Нарбонну, где провели два месяца; раньше я в Нарбонне никогда не бывала. Поскольку я любила знать все интересное о тех местах, где оказывалась, я пустилась на поиски документов, касающихся Нарбонны, со времен Цезаря до кардинала Ришелье, который жил там в свое время в архиепископском дворце, напоминающем средневековый замок²⁸.

Множество людей приняли участие в этой поездке, которой мой дядюшка хотел придать величие. Были приглашены многие члены Штатов Лангедока. Господин Жубер, казначей Штатов, и его невестка, молодая и любезная женщина, с которой я очень подружилась, приехали к нам туда. В доме жило двадцать или двадцать пять человек, не считая гостей из города и окрестностей, приглашаемых к столу. Все это многолюдство было очень кстати, чтобы немного оживить длинные монастырские

галереи, громадные залы и поражавшие воображение бесконечные лестницы. Если бы романы госпожи Радклиф тогда были уже написаны, мы с госпожой Жубер умерли бы от страха.

Я вспоминаю, как однажды вечером я была у нее в комнате в ожидании ужина. Я взяла с собой свою горничную, которая, со своей стороны, взяла себе в сопровождение еще одного моего слугу. Комната госпожи Жубер находилась в конце зала Синода — огромного сводчатого помещения, стены которого до середины высоты закрывали сиденья из темного дуба. Свет проникал в зал через аркады из галереи монастырского двора, примыкавшего к собору; внутри располагались монументальные надгробия архиепископов, умерших столетия назад. Мы уже два часа беседовали у огня, прислушиваясь к ветру со Средиземного моря, который в Нарбонне дует сильнее, чем в других местах, и окружающая обстановка накладывала отпечаток на наш разговор. Тут прозвучал колокол, сзывавший к ужину. Мы взяли подсвечник, но стоило нам открыть дверь, как порыв ветра загасил свечу, и мы в ужасе бросились обратно, думая, что за нами гонится сонм призраков. Наши горничные ушли раньше. Оставшись одни, мы не находили в себе смелости второй раз ступить в зал Синода. Сжавшись в большом кресле, где сживали, может быть, еще Сен-Мар и де Ту, мы ждали, дрожа от страха, чтобы за нами пришли. Испуг наш стоил нам многих насмешек.

Из Нарбонны мы поехали в Тулузу, по дороге остановившись на несколько дней в Сен-Папуле. Дядюшка поехал навестить прекрасный коллеж в Сорезе, во главе которого стоял тогда один весьма достойный бенедиктинец, дом Деспо. Я не сопровождала его в этой поездке; мою бабушку и меня свозили только к бассейну Сен-Ферреол, где берет начало Лангедокский канал.

В Сен-Папуле я познакомилась с семейством Водрей, жившим неподалеку. У них было три дочери и сын, с которым я потом вновь встретилась в Швейцарии пятьдесят лет спустя. Тогда ему было семнадцать или восемнадцать лет, и он был бы рад заполучить элегантную племянницу могущественного архиепископа из метрополии.

Провидение в этом путешествии словно бы разбрасывало на моем пути претендентов на мою руку: в окрестностях Тулузы это был господин де Помпиньян, в Монтобане — господин де Фенелон, которого предложил епископ господин де Бретей. Но время мое еще не пришло, и если бы позволительно было верить в предчувствия или предопределение, то я бы сказала, что мне был дан в том ясный знак в Бордо, где мы пробыли семнадцать дней у архиепископа господина де Сисе, впоследствии ставшего канцлером; я расскажу об этом далее.

Не знаю почему, но Бордо заинтересовал меня более других городов, через которые мы проезжали. Там только что была открыта прекрасная театральная зала. Я туда ходила несколько раз с моей бабкой. Мы сидели в ложе членов городского правления; эти магистраты занимали у себя в городе то положение, которое сейчас занимают мэры городов. Устраивались вечера у разных лиц; прекрасный завтрак был накрыт на борту корабля водоизмещением шестьсот тонн, принадлежащего ирландскому негодянту господину Мак-Харти. Этот совершенно новый красивый корабль отплывал в Индию; ему дали мое имя — «*Генриетта-Люси*».

Я видела также в Бордо старую госпожу Диллон, мать тех Диллонов, которые всегда безосновательно претендовали на то, что они мне родня. Эта дама, происходившая из хорошей английской семьи, вышла замуж за ирландского негодяна по фамилии Диллон, чьи предки были, вероятно, из той части Ирландии, которая вплоть до царствования королевы Елизаветы называлась *Dillon's country*^{*29} — многие тамошние жители, как и в Шотландии, принимали фамилию своего сеньора. Как бы то ни было, этот Диллон потерпел неудачу в каких-то делах и, скопив некоторую сумму, уехал в Бордо, где занялся коммерцией. Он купил дом в Бланкефор, где поселил свою жену, прекрасную женщину, чья необыкновенная красота стала скоро известна всей провинции. Она приезжала на зиму в Бордо; отличаясь изысканными манерами, остроумием, весьма добродетельным поведением и ежегодно рожая по ребенку, она вызывала всеобщий интерес. Ее муж умер, оставив ее беременной двенадцатым ребенком и с очень малым состоянием, но все ее очарование и сила духа были при ней.

Маршал де Ришелье оказывал ей протекцию и рекомендовал ее моему дядюшке, который в то время предпринял путешествие в Бордо. Дядюшка обещал ей устроить ее детей и сдержал слово. Три старших были дочери. Благодаря своей красоте они хорошо вышли замуж: первая за президента Лави, владельца изрядного состояния, вторая за некоего господина де Мартенвиля, финансиста, от которого у нее был сын, ставший впоследствии редактором, как мне кажется, газеты «*Белое знамя*»**, а третья за маркиза д'Омона, который влюбился в нее в Бордо, где стоял гарнизонном его полк. Эти две последние, чрезвычайные интриганки, весьма способствовали успеху своих братьев. Они завладели помыслами моих бабки и дядюшки и побудили их служить интересам их семьи средствами, сомнения в чистоте которых мне часто приходилось слышать.

У моего двоюродного деда был брат Эдвард Диллон, рыцарь Мальтийского ордена. После блестящих безумств молодости он был убит

* Диллоновские земли.

** Le Drapeau Blanc.

в сражении при Лауфельде, будучи полковником Диллоновского полка. От него остались бумаги, подтверждавшие благородное происхождение, которые он должен был представлять при вступлении в Мальтийский орден; было найдено средство использовать эти бумаги для троих из братьев Диллонов: третьего, Роберта, четвертого, Уильяма, и пятого, Фрэнка.

Теобальд, старший из сыновей, поступил в Диллоновский полк, выйдя из пажей, где он был вместе с еще двумя братьями. Он женился в Бельгии. Я встретила его там; он прекрасно устроился в живописном замке неподалеку от Монса.

Второй, Эдвард, своей удачей был обязан красоте лица; это его прозвали «красавчик Диллон». По протекции королевы и герцогини де Полиньяк он поступил в дом графа д'Артуа и оставался в милости до самой своей смерти. Его единственная дочь вышла замуж в Германии за господина де Каройи³⁰ и умерла совсем молодой; она была милая особа. Другие двое братьев стали аббатами и сделались бы, без сомнения, епископами, не случись Революция. Эти Диллоны, все без исключения, были достойные люди, и, обстоятельство замечательное и служащее к их чести, из девяти братьев, которые все имели какую-то службу во Франции, ни один не был замешан в заблуждениях и бесчинствах, которыми столько семей запятнали себя в эти смутные времена.

Возвращаясь к моему предчувствию, я расскажу здесь, что за несколько дней до моего отъезда из Бордо — может быть, даже накануне — мой слуга, причесывая меня, попросил разрешения отправиться в тот вечер в один замок, расположенный недалеко от дороги, чтобы увидеться с прежними товарищами, с которыми когда-то служил в этом же замке. Он мог дожидаться наших экипажей на ближайшей к замку почтовой станции в Кюбзаке, при переправе через Дордонь. Я спросила у него, как называется замок. Он ответил, что замок называется *Буй* и принадлежит он господину графу де Ла Тур дю Пену³¹, который как раз тогда там находился. Его сын был тот молодой человек, за которого мой отец хотел меня выдать замуж и которого моя бабка отвергла. Ответ этот взволновал меня более, чем я могла ожидать при упоминании кого-то, кто был мне до тех пор безразличен и кого я никогда не видела. Я расспросила, где расположен замок, и с огорчением узнала, что с дороги его не видно. Но я точно выяснила, где дорога подходит к нему ближе всего и как выглядит эта местность.

Я была очень озабочена при переправе через реку в Кюбзаке — эта переправа, как я знала, принадлежала господину де Ла Тур дю Пену. С первого шага на берег и до самого Сент-Андре я повторяла про себя, что могла бы быть госпожой всех этих прекрасных земель. Я остерегалась, однако, делиться этими размышлениями с бабкой, которая не встре-

тила бы их благосклонно. Однако они остались у меня в голове. Я часто говорила со своим кузеном господином Шелдоном о господине де Гувверне, которого он встречал на охоте у герцога Орлеанского, будущего Филиппа Эгалите³², как и многих других молодых людей из самого высшего парижского общества. Герцог всегда приглашал нескольких из них после охоты отобедать в свой домик в Муссо, где собиралась довольно дурная компания.

Глава IV

I. Новые планы замужества. — Маркиз Адриан де Лаваль. — Состояние и положение мадемуазель Диллон. — Полки ирландской бригады. — Господин Шелдон доставляет королю захваченные у противника знамена. — II. Портрет мадемуазель Диллон. — Маршал Бирон, командир полка французской гвардии. — Его планы на случай, если бы он имел несчастье лишиться госпожи своей супруги. — Герцог дю Шатле сменяет его в должности командира полка французской гвардии. — III. Разрыв с Адрианом де Лавалем. — Виконт де Флери. — Господин Эсперанс де л'Эгль. — Граф де Гуверне. — Аббат де Шовиньи, посредник в сватовстве. — Мадемуазель Диллон принимает решение о своем замужестве. — Воспоминания. — Графиня де Ла Тур дю Пен. — Маркиз и маркиза де Монконсей. — Подожженный парик Людовика XIV. — IV. Последняя поездка в Монпелье. — Смещение господина де Сен-При с поста интенданта Лангедока. — Первая попытка смещения сословий. — Затворница госпожа Клари. — Мадемуазель Комнин. — Герцогиня д'Абрантес.

I

При возвращении нашем в Париж мне было уже шестнадцать лет, и бабка сообщила мне, что идут переговоры о моем замужестве с маркизом Адрианом де Лавалем. Он недавно стал старшим в семье после смерти своего брата, оставившего вдовой в двадцать лет мадемуазель де Вуайе д'Аржансон и не имевшего от нее детей. Герцогиня де Лаваль, мать Адриана, была большой подругой моей матери. Она желала этого брака, который мне также подходил. Имя Лаваль-Монморанси было приятно моему аристократическому слуху. Молодой Лаваль после смерти брата вышел из семинарии, чтобы поступить на военную службу. Наши отцы были тесно связаны; но главная причина, побуждавшая меня радоваться этому браку, была в том, что я смогла бы покинуть дом своей бабки. Я была уже не ребенок. Мое образование началось так рано, что я в шестнадцать лет была, как другие в двадцать пять. При бабке я вела жизнь совершенно жалкую. Ее вспышки гнева, несправедливости, стеснения, которым я подчинялась под страхом всевозможных ругательств и оскорблений, делали мою жизнь невыносимой. Вынужденная рассчитывать каждое свое движение, взвешивать каждое слово, я могла бы усвоить привычку к осторожности такую, что вырождается уже в притворство. Я была очень несчастна и страстно желала выйти из этого печального положения. Но, имея

привычку размышлять о своей судьбе, я решила не соглашаться с досады на брак, который не отвечал бы моему положению в свете.

Я была признана единственной наследницей своей бабушки, которая в глазах всех старалась произвести впечатление, что она предана моим интересам и занимается исключительно ими; ее характер представлял две диаметрально противоположных черты: необузданную жестокость и двуличие. Она считалась богатой и действительно была богата. Прекрасное поместье Отфонтен, превосходно расположенное в 22 лье от Парижа, представляло собой сплошь господские земли и давало 50 000 франков дохода от ферм, не считая лесов, прудов и лугов; красивый дом, который она недавно купила в 5 лье от Парижа и где мой дядюшка производил обширные починки и переделки; рента парижской ратуши, которую она должна была мне передать при моем вступлении в брак; огромное движимое имущество — все это было гарантировано мне, поскольку моей бабушке было шестьдесят лет при моих шестнадцати.

Кто бы мог заподозрить, что мой дядя со своими 400 000 франков рент нуждался в деньгах и уговорил мою бабушку влезть в долги, чтобы его выручить? Все те, кто желал на мне жениться, были ослеплены этой прекрасной внешней картиной. Место придворной дамы королевы ожидало меня, как было известно, при выходе замуж. Это весило тогда очень много на весах брачных союзов высшего света. *«Быть при дворе»* звучало, как волшебные слова. Придворных дам этого ранга было всего двенадцать. Моя мать была придворной дамой, потому что королева ее лично очень любила, потому что она была невесткой пэра Англии и внучкой другого пэра, лорда Фолкленда, и, наконец, потому что мой отец, доблестный военный, входил в очень небольшое число тех, кто мог сделаться маршалом Франции.

Из трех полков ирландской бригады одни только Диллоновский и Бервикский сохранили свои названия. Я помню, что, когда господин Уолш был назначен полковником и полк получил его имя³³, господин Фиц-Джеймс и мой отец были очень недовольны, ссылаясь на то, что он не принадлежал ни к какой знатной ирландской или английской семье. Герцогиня Фиц-Джеймс — мадемуазель де Тиар — была придворной дамой, как и моя мать, и того же возраста. Но герцог, ее муж³⁴, внук маршала Бервика и сын маршала Франции³⁵, военную репутацию имел посредственную, в то время как мой отец очень отличился в той войне, которая тогда только что окончилась. Вдобавок его произвели в бригадные генералы в двадцать семь лет. Этот чин, впоследствии упраздненный, представлял собой промежуточную ступень между чином полковника и генерал-лейтенанта.

По поводу этих чинов я расскажу один анекдот, показывающий смешную сторону придворного этикета. При захвате острова Гренада, форт которого был взят гренадерской ротой Диллоновского полка, мой кузен

господин Шелдон, которому было тогда всего лишь двадцать два года, так отличился, что командующий армией господин д'Эстен поручил ему отвезти во Францию и доставить королю первые знамена, захваченные на этой войне, — эта миссия была большой честью. Высадившись в Бресте, он сел в почтовую карету и прибыл в Версаль к военному министру, где как раз находился мой дядюшка, к которому он успел отправить курьера. На последней почтовой станции он остановился, чтобы почиститься, надеть свой самый красивый капитанский мундир и навести блеск. Но когда он прибыл к министру, желавшему в ту же минуту повести его к королю, каково же было их удивление, когда оказалось, что *в мундире господина Шелдона не примут!* Одежда, в которой были завоеваны эти знамена, не годилась для того, чтобы их вручать! Королевский камергер не пожелал уступить, и господину Шелдону пришлось одолжить у одного парадный сюртук, у другого шляпу придворного фасона, у третьего придворную шпагу, и только когда он принял вполне штатский вид, ему было позволено положить к ногам короля знамена, в захвате которых он участвовал с риском для жизни. И кто-то еще удивляется, что Революция свергла двор, при котором происходили подобные детские игры! В мундире при дворе появлялись лишь в одном случае: в день, когда перед 1 июня приходили откланяться, отправляясь в свой полк.

II

Вернемся ко мне. Я была, таким образом, можно было сказать, во всех отношениях хорошая партия, и, поскольку я в этой главе говорю о своих личных достоинствах, я думаю, что как раз здесь уместно дать мой портрет. На бумаге он не будет особенно лестным, потому что своей репутацией красавицы я была обязана лишь своим манерам и поведению, а вовсе не чертам лица.

Самым красивым во мне были густые пепельные волосы. У меня были маленькие серые глаза, очень мало ресниц — часть их выпала, когда я в четыре года тяжело болела оспой, редкие светлые брови, большой лоб, нос, который называли греческим, но который был длинным и слишком толстым на конце. Лучшим украшением моего лица был рот, со свежими, обрисованными на античный манер губами и красивыми зубами. У меня они еще все целы в семьдесят один год. Говорили, что физиономия моя приятна, что у меня милая улыбка, но, несмотря на это, все в целом можно было найти некрасивым. Надо думать, что у многих должно было складываться такое впечатление, поскольку я сама считала ужасно некрасивыми многих женщин, которых полагали похожими на меня. Однако же высокий рост, хорошая фигура, чистая кожа, свежий цвет лица давали мне замет-

ное превосходство в собрании, особенно при дневном свете, и верно, что я затмевала других женщин, наделенных внешними достоинствами, намного превосходящими мои.

Я никогда нимало не претендовала считаться самой красивой, и меня никогда не мучило то чувство низкой зависти, которое мне приходилось встречать у стольких женщин. Я самым искренним образом хвалила фигуру, ум и таланты других, давала им советы по части туалетов. Я не скажу, что мне были безразличны или неведомы мои достоинства. Но с самого раннего возраста я определила себе своего рода свод правил, от которого никогда не отступала. Вот как это было.

На больших званых обедах у дядюшки, когда мы оставались летом в Париже из-за съезда духовенства, на котором дядюшка председательствовал, я иногда встречала маршала Бирона, последнего большого вельможу времен Людовика XIV или, по крайней мере, последнего, сохранявшего тогдашние традиции. Ему было восемьдесят пять лет, и меня, пятнадцатилетнюю, он полюбил, находя похожей не знаю уж на какую даму своего времени. Он меня сажал за столом рядом с собой и оказывал мне любезность говорить со мной. Однажды он мне рассказал, что с самой ранней своей юности он тщательно и вдумчиво изучал различные неудобства, причиняемые в свете старостью. В моем возрасте ему чрезвычайно досаждали и докучали некоторые старики, и он принял решение, если ему выпадет судьба состариться, избавить других от того, что заставляло прежде страдать его самого. Он советовал мне поступить так же, и я всегда помнила этот совет. Я ему последовала в вопросах туалета и часто бывала очень тому рада, поскольку нет ничего смешнее и уродливее, чем женщина в возрасте, носящая цветы и украшения, которые лишь еще более открыто выставляют напоказ следы времени на ее лице.

Маршал Бирон был командиром полка французской гвардии³⁶; его обожали в этой части, в которой военного был один лишь мундир. Я еще в детстве видала его в парадном строю во главе гвардейцев, когда они проходили перед королем во время смотра, устраиваемого ежегодно на небольшом поле вблизи моста Нейи, которое называлось Саблон.

У него был большой красивый дом в Париже — теперь это дом Сакре-Кёр — с примыкающим к нему прекрасным садом в три или четыре арпана, где имелись теплицы, полные редких растений. Его ливрейные лакеи, лошади, стол отличались большим великолепием, и он радушно опекал гостей, приезжавших в Париж. Владея ложами в главнейших театральных залах, он никогда сам туда не ходил, но ложи эти всегда были заняты знатными иностранными дамами, в особенности англичанками, которых он предпочитал всем прочим и которых выбирал из числа самых важных. Быть принятым у него считалось особой честью.

Балов он не давал, но устраивал концерты всякий раз, когда какой-нибудь иностранный певец или знаменитый музыкант приезжал в Париж. Он принимал всех с благородством манер, величественным видом и несравненной непринужденностью при всем этом великолепии, неотделимом от его персоны. Однажды в разговоре с моим дядюшкой он произнес, грассируя, как это было заведено в пору юности Людовика XV: «Господин архиепископ (маршалы Франции не говорили архиепископам *«монсиньор»*), если бы я имел несчастье потерять госпожу де Бирон, я бы просил мадемуазель Диллон принять мое имя и позволить мне положить к ее ногам мое состояние». Однако же это несчастье, в котором он легко бы утешился, его не постигло. Его жена, с которой он жил врозь уже пятьдесят лет после какого-то неизвестного мне проступка, пережила его и погибла на эшафоте вместе с его племянницей, герцогиней де Бирон.

Маршал Бирон умер в 1787 или 1788 году. Похороны его были прекрасны, как никакие другие. Это были последние роскошные церемонии монархии.

Преемником его в гвардейскую часть, вместо его племянника герцога де Бирона, которого хотели гвардейцы, назначили герцога дю Шатле, который с первых же минут своего командования сделался непопулярен, пожелав внезапно восстановить воинскую дисциплину, бывшую в этой части в сильном небрежении. Многие солдаты даже не жили в казармах и появлялись там только в свое дежурство. Такое ослабление дисциплины позволяло им заводить дружбу с людьми из буржуазии и из народа, и именно это сделало их так легко революционерами, как только их пожелали совратить³⁷. Господин дю Шатле, по характеру суровый и не слишком толковый, рассматривал полк французской гвардии как обычную воинскую часть, в которой надо было навести порядок. Он с самого начала возбудил к себе ненависть, и революционеры этим воспользовались.

III

Мой брак с Адрианом де Лавалем не состоялся, потому что его дед, маршал Лаваль, выбрал в жены внуку его кузину мадемуазель де Люксембург. Тот женился на ней, когда она была почти еще ребенком, а ему самому едва исполнилось восемнадцать лет. Я об этом сожалела из-за его имени. После, когда меня связала с Адрианом де Лавалем преданная дружба, продолжавшаяся до его смерти, он мне часто повторял, как он был опечален тем, что не женился на мне. Я в ответ не сказала ему правды: хотя мы очень хорошо подходили как друзья, мы, однако, совершенно не были созданы друг для друга.

Моя бабушка предложила мне виконта де Флери, за которого я не желала выйти. Репутация его была дурная; он не имел ни остроумия, ни изысканных манер и принадлежал к младшей ветви не особенно знаменитого семейства. Я его отвергла.

Следующим претендентом был Эсперанс де Л'Эгль, с которым я много виделась, когда мы оба были детьми. Имя его не казалось мне особенно знатным. Может быть, мое решение было неразумным. На самом деле это был очень хороший человек, приятный в домашней жизни; он был в дружбе с Рошешуарами, с которыми мне предстояло встретиться при вступлении в свет, и, наконец, мы оба принадлежали к одному обществу. Поместье его отца, Траси, располагалось в 6 или 7 лье от Отфонтена. Моя бабушка не желала больше ездить в Отфонтен и, без сомнения, согласилась бы уступить мне частично это поместье или, по меньшей мере, дать мне возможность жить там. Все, таким образом, говорило в пользу этого союза, о котором мне говорили только хорошее, и все же я его отвергла.

Браки заключаются на небесах. Я имела в мыслях господина де Ла Турдю Пена³⁸. О нем мне говорили дурное. Я его никогда не видела. Я знала, что он мал ростом и некрасив, что он наделал долгов, играл и прочее; всё это меня в одну минуту отвратило бы от любого другого. И однако же решение мое было принято: я говорила Шелдону, что выйду только за него. Он без конца урезонивал меня насчет того, что он называл моей манией, но не мог меня убедить.

В ноябре месяце 1786 года мы собирались ехать в Лангедок, когда однажды утром моя бабушка сказала мне: «Этот господин де Гуверне опять возвращается со своим предложением. Его бабушка госпожа де Монконсей обложила нас со всех сторон. Его отец сейчас комендант провинции и будет маршалом Франции. Он пользуется величайшим уважением у военных. Архиепископ Ошский, его кузен³⁹, очень нажимает на вашего дядю. Госпожа де Бло, его кузина, что ни день присылает к нам с этими разговорами своего племянника аббата де Шовиньи (впоследствии епископа Ломбезского). Сама королева этого желает, поскольку принцесса д'Энен, дочь госпожи де Монконсей, с ней об этом говорила. Подумайте об этом и примите решение». На что я ответила, не колеблясь: *«Я уже решилась. Я не прошу ничего лучшего»*.

Моя бабушка была поражена. Она надеялась, я полагаю, что я ему откажу. Она не могла понять, как это я его предпочитаю господину де Л'Эглю. По правде говоря, я и сама не могла бы этого сказать. Это был какой-то инстинкт, влечение, данное свыше. Бог меня предназначил ему! И с этих слов, сорвавшихся с моих уст в шестнадцать лет словно помимо моей воли, я почувствовала, что принадлежу ему, что моя жизнь в его владении. Я благословляю небеса за свое решение, когда пишу эти строки в семьдесят один год, пробыв пятьдесят лет его супругой. В самых

разных обстоятельствах, во всех крайностях благополучия и несчастья, никогда мне не приходила мысль, что я была бы счастливее с другим. Я каждодневно благодарила Бога за мужа, которого он мне дал, и теперь, когда я непрестанно его оплакиваю, я умоляю как о единственной и последней милости о том, чтобы присоединиться к нему там, где мы более не разлучимся.

Мы уехали в Монпелье и до нашего отъезда об этом браке больше не заговаривали. В тот год Шелдон сопровождал нас, и я все время, когда мы оставались с ним одни, расспрашивала его о господине де Гуверне. Никакого официального предложения сделано еще не было. Моя бабушка больше об этом не говорила ни слова. Напротив, она с видимым удовольствием смотрела на то, что лорд Джон Расселл, брат герцога Бедфорда, приходил к нам почти каждый вечер вместе с лордом Говером, который впоследствии стал герцогом Сазерлендом. Я слишком хорошо знала ужасный характер своей бабушки, чтобы не понимать, что при малейшем затруднении она разорвет самые лучшие договоренности. Она бы и перед самим королем не отступила. В раздражении она была способна на любую жестокость. Хотя я очень тревожилась и мучилась, я все же не смела ни о чем заговорить, кроме как с Шелдоном, который питал ко мне братскую привязанность и преданность.

Аббат де Шовиньи служил посредником между госпожой де Монконсей и моим дядюшкой. Как и следовало, он никогда не говорил со мной об этом деле, да и я о нем не заговаривала во время тех бесед, которые мы с ним вели и которые я весьма ценила, потому что он был очень остроумен. Однажды вечером в гостиной он вертел в руках конверт от письма, которое на моих глазах только что передал моему дяде. Он разглядывал печать, любуясь на ее рисунок. Я машинально протянула руку, чтобы взять посмотреть, но он удержал конверт в своей руке, глядя на меня в упор, и сказал мне: «Нет, пока еще нет». Я сразу же поняла, что это было письмо от госпожи де Монконсей или, по крайней мере, от кого-то, кто говорил о моем браке. Аббат лукаво потешался над моим замешательством и покрасневшим лицом, и мы весь вечер больше не разговаривали.

На следующее утро моя бабушка мне объявила, что дядюшка получил очень милое письмо от госпожи де Монконсей: что она чрезвычайно желает моего брака со своим внуком, к которому питает живейшую нежность; что она все сделает ради успеха этого дела; но что она имеет не слишком большое влияние на своего зятя, графа де Ла Тур дю Пен, с которым у нее прежде бывали весьма неприятные ссоры. Тогда-то я и узнала, что госпожа де Ла Тур дю Пен, дочь госпожи де Монконсей, на пятнадцать лет старше своей сестры принцессы д'Энен, была особой самого скверного поведения. Ее уже двадцать лет как заперли в монастырь, откуда она почти никогда не выходила. Муж выплачивал ей скромную пенсию, но не ви-

делся с ней. Юридически они не расстались. Родня желала избежать скандала с официальным расследованием, заботясь о репутации ее сестры, которая тогда только что была выдана замуж, в пятнадцатилетнем возрасте, за принца д'Энен, младшего брата принца де Шимэ, а также о ее дочери⁴⁰, сестре господина де Гуверне, на три года старше его, которая была помещена пансионеркой в монастырь в Париже. Я дальше еще расскажу об этой милой особе.

Госпоже маркизе де Монконсей, дочери маркиза де Кюрзе, было тогда восемьдесят пять лет. Мне часто говорили, что даже в этом возрасте она была еще красива. Господин де Монконсей взял ее замуж совсем молодой. Он был военный, как почти все дворяне в то время. Молодость его прошла весьма бурно и беспутно; он был пажом Людовика XIV. Он рассказывал, что как-то раз, освещая дорогу монарху, когда тот выходил от госпожи де Ментенон, и неся по обычаю того времени два зажженных подсвечника в одной руке, он ненароком поджег королевский парик. Когда семьдесят лет спустя он рассказывал эту историю своей дочери, его заново охватил такой страх, что он задрожал.

Господин де Монконсей участвовал во всех войнах конца царствования Людовика XIV и в войнах Людовика XV. Его жена, красивая, умная и мастерица интриговать, весьма способствовала его карьере. Я полагаю, что они прощали друг другу немало проступков. Они часто жили вдали друг от друга. Господин де Монконсей, очень рано произведенный в генерал-лейтенанты, командовал войсками в Верхнем Эльзасе и жил все время в Кольмаре. Он редко приезжал в Париж, где его жена проводила большую часть времени, старательно и успешно проводя его интересы. Я слыхала, что она не пропускала ни одной отправки почты без того, чтобы написать мужу короткое, но полное интересных сведений письмо; а поскольку в те времена еще не было газет, личная переписка была в величайшей цене. Какая жалость, что подобные собрания писем были уничтожены!

В сорок лет господин де Монконсей при обстоятельствах, которые мне, к живейшему моему сожалению, неизвестны, оставил службу и уехал в свое поместье Тессон в Сентонже. Он поселился там и не выезжал до самой своей смерти, наступившей в девяностолетнем возрасте. Жизнь его была поучительна и достойна восхищения; он оставил после себя благотворительные учреждения, более значительные, чем можно было ожидать по его состоянию, которое было вполне достаточным, но не огромным. У него был красивый дом в Сенте, где он проводил три зимних месяца; остальное время он жил в Тессоне, где он сам выстроил дом и разбил парк и сады. Он изредка приезжал в Париж повидаться с женой, у которой там был свой красивый и удобный дом. По его настоятельным просьбам его зять, господин де Ла Тур дю Пен, позволил, чтобы госпожа де Ла Тур

дю Пен изредка покидала свой монастырь и проводила несколько месяцев в Тессоне у отца; но такое случилось лишь два или три раза за сорок пять лет. Госпожа де Монконсей, я думаю, только однажды приезжала к своему мужу. Путешествие показалось ей таким долгим, что повторять его ей не захотелось. Это не мешало им быть между собой в наилучших отношениях, и госпожа де Монконсей, заботясь о том, чтобы держать мужа в курсе всех новостей и интересов, писала ему регулярно, как я уже говорила, с каждой почтой.

Господин де Монконсей очень любил своего внука, который часто приезжал в Тессон и всегда возвращался оттуда с набитым кошельком. Поездки к деду приносили ему и нечто более ценное, чем те деньги, которые тот ему давал: рыцарственные принципы дворянина, законы чести, которые он запечатлел в своем юном сердце и которые никогда в нем не истерлись.

IV

Последний раз я совершила путешествие в Монпелье с 1786 на 1787 год. Для меня оно было блестящим. Интригами, причины и подробности которых я сегодня уже не припоминаю, господин де Калонн, в ту пору генеральный контролер финансов⁴¹, имевший сильную протекцию со стороны королевы, добился смещения интенданта Лангедока господина де Сен-При и отдал эту должность господину де Баленвилье, мужу своей племянницы. Эта перемена в провинции очень не понравилась. Семейство Сен-При пользовалось большим уважением и любовью. Все сожалели об их отъезде. Новое начальство старалось понравиться, изощряясь в тратах и роскоши. Они выписали мастеров из Парижа, прямо из ведомства, называвшегося *«Королевские удовольствия»* или *«Малые затеи»*⁴², и построили у себя в саду красивую бальную залу, где собирали все общество Монпелье, и буржуа, и всех остальных. Это был первый раз, когда испробовано было такое смешение сословий, названное тогда *«фюзьон»*, то есть «слияние». Госпожа Рибан, жена знаменитого парфюмера — у каждого на столике стояла баночка с помадой или флакон с духами его работы, — появлялась там во всем блеске своей красоты. Были замечены там и другие известные лица из буржуазии, что весьма скандализировало старых жен президентов Счетной палаты — единственного судебного органа, который у нас тогда был в Монпелье.

Говоря об этих дамах, я вспоминаю сейчас одну из них, которая вызывала у меня интерес: это была президентша Клари, высокая красивая женщина, бледная и хрупкая, которой тогда могло быть сорок пять или пятьдесят лет. Ее муж, уродливый, как обезьяна, был гораздо старше своей жены и так ревновал ее из-за ее красоты, что четырнадцать лет продержал

ее взаперти. Он не позволял ей ни выходить, ни встречаться с кем-либо, так что распространился слух, что несчастная безумна, — слух, к счастью для бедной президентши, совершенно безосновательный. Она умела рисовать и даже гравировать, и я видела восьмиугольный шкафчик, который в годы заточения доставлял ей и занятие, и удовольствие. Он помещался в доме в угловой башенке. Дерево, вначале покрашенное белым, как делают позолотчики, было затем покрыто очень тонко и ровно темным лаком; потом на подготовленных таким образом досках она резцом нарисовала пейзажи с фигурами, сценами, животными; эти рисунки, тонкие, как самая прекрасная гравюра, виднелись белым на темном фоне. Это было чудесное произведение терпения и таланта. Говорили, что эта работа причинила ей грудную болезнь из-за постоянного вдыхания пыли, которая выходила из-под резца, царапающего лак. Я скорее думаю, что здоровье ее расстроилось из-за того, что она столько лет не выходила на воздух и не имела никаких упражнений.

У господина де Перигора я встречала также мадемуазель де Комнин, происхождение семьи которой была тогда только что признано Парламентом Тулузы⁴³. Она впоследствии стала матерью госпожи д'Абрантес, которая повсюду в своих «Мемуарах» говорит о ее красоте. Но это лишь иллюзия любящей дочери, ведь, если бы она была красива, мне бы это запомнилось, а я этого не помню. Одно лишь имя ее осталось с того времени у меня в голове.

Глава V

I. Созыв ассамблеи нотаблей. — Возвращение в Париж. — Смерть госпожи де Монконсей. — II. Предложение господина де Гуверне принято. — Подготовка. — Визит госпожи д'Энен. — Подписание условий брачного договора. — Наряд в день помолвки. — Правила вежливости того времени. — Политика. — Четверо братьев Ламет. — «Делатели». — III. Первые радости. — Королева и госпожа де Дюрас. — Гнева госпожи де Рот удастся избежать. — Брачный договор. — IV. Граф и графиня де Ла Тур дю Пен. — Два визита. — У королевы. — V. В Монфермей. — Приданое и «корзинка» от жениха. — Комнаты новобрачной.

I

Легко понять, что я испытывала живейшее желание вернуться в Париж, где должна была решиться моя судьба. Мы пустились в дорогу даже раньше, чем я думала. Дядюшка обещал мне в этом году на возвратном пути в Париж поехать через Марсель и Тулон. Эта экскурсия задержала бы нас в пути лишь на несколько дней, а мне позволила бы увидеть любопытные вещи, которые мне очень хотелось узнать. Нам надо было бы только остановиться на день, а не на ночь, у старого епископа в Невере, который наводил на меня изрядную скуку, и тогда путешествие продлилось бы не дольше обычного.

И вот, когда я радовалась этим планам, прибыл курьер с новостью о созыве первой ассамблеи нотаблей⁴⁴. Мой дядюшка входил в их число. Чтобы успеть в Париж, надо было ехать на следующий день после закрытия Штатов и отказаться от намерения увидеть Марсель и Тулон. Этим днем я датирую Революцию. Она началась для меня с сильной досады и на этом не остановилась — дальнейшее было еще посильнее.

Дядюшка, чувствуя легкое недомогание, пожелал заночевать в Фонтенбло, чтобы приехать в Париж не слишком усталым и на следующее утро быть в силах поехать в Версаль. Дом мы нашли, как всегда, готовым, словно бы и не уезжали. Усталость — не усталость, надо было, чтобы все были на своих местах, одеты, напудрены и держались, как обычно. Я держалась так же; приехав в два часа, мы с бабкой в три уже появились в гостиной, чтобы сесть за стол, невзирая на то, что мы только что проехали 210 лье.

Вечером стали приезжать с визитами. Первым был старый граф де Бентхайм, толстый немец, жена которого, прозванная *Государыней*, была подругой моей бабки. После общих слов о скверной погоде, усталости и дорогах мой дядюшка сказал графу: «Так что же, господин граф, каковы парижские новости?» — «О, — отвечал толстый немец, — есть одна новость в обществе: госпожа де Монконсей умерла». Действие, которое произвели на меня эти несколько слов, невозможно описать. Я побледнела, и мой дядюшка, опасаясь, как бы мое волнение меня не выдало, сказал, что я устала и что лучше мне удалиться к себе, что я тут же и сделала. Но когда я взяла дядюшкину руку, чтобы ее поцеловать, как делала это каждый вечер, он сказал мне по-английски, что это ничего не изменит в наших планах.

Несколько дней все только и говорили, что о смерти госпожи де Монконсей, о горе ее дочери, госпожи д'Энен, которая тогда жила с ней, и о горе господина де Гуверне, который ухаживал за ней достойным восхищения образом. Я должна была выслушивать всё это с безразличным видом, хотя была живо заинтересована. Хорошо, что я могла об этом говорить со своей кузиной, Шарлоттой Джернингем, которая тогда только вышла из монастыря урсулинок на улице Сен-Жак, где провела три года, ни разу не покидая монастырских стен. Ее мать приехала в Париж ее забрать, но они остались и уехали уже после моей свадьбы.

II

Господин де Гуверне, в отсутствие своего отца, которого тогда не было в Париже, постарался незамедлительно сообщить моему дядюшке, что кончина его бабушки никоим образом не повлияла на его желание принадлежать к дядюшкиному семейству и что он просит позволения видеть его наедине. И действительно, как-то вечером он пришел, и мой дядюшка остался очень доволен его манерами. Господин де Гуверне настоял, чтобы ему было позволено самолично отправиться сообщить своему отцу, что, когда он, как намеревался, станет просить руки мадемуазель Диллон, ему ответят согласием и сама она, и ее бабка; получив утвердительный ответ от моего дядюшки, он откланялся. Я вхожу во все эти подробности, чтобы обрисовать нравы высшего общества в то время, столь далекое от того, когда я пишу эти строки. Дядюшка поднялся к моей бабке; я была у нее одна, и он обнял меня со словами: «Добрый вечер, госпожа де Гуверне».

Прошло несколько дней, и еще до истечения недели вечером к дядюшке пришли сообщить, что господин де Гуверне ждет его у него в кабинете. «Но это же невозможно!» — воскликнул он. Однако же это было правдой. Господин де Гуверне съездил в Буй, поговорил со своим отцом, добился,

чтобы тот написал письмо с просьбой о браке, получил от него указания по всякому поводу, сел обратно в экипаж и вернулся в Париж. Такая поспешность и усердие показались мне в хорошем вкусе. Было договорено, что он завтра придет с утра к моей бабке, но меня не увидит, как было тогда в обычае, пока не будет подписан договор, разве что нечаянно, но это было маловероятно, поскольку пешком я никогда не выходила и не бывала ни на каких публичных гуляньях или зрелищах.

Назавтра, в тот памятный день, я встала за занавесью и видела, как господин де Гуверне выходил из очень красивого кабриолета, запряженного прекрасной серой лошадью, очень ретивой. Если вспомнить, что мне тогда не было еще и семнадцати лет, можно понять, что такое появление понравилось мне еще больше, чем если бы он прибыл в хорошей карете и в сопровождении лакея, который бы подал ему руку при выходе. В два прыжка он поднялся по лестнице. Утренний костюм его был подобран с большим тщанием: фрак черного или очень темного серого цвета, как того требовал большой траур; воротничок военного образца и военная же шляпа, какую носили одни только полковники, потому что очень приглядно было показать этот высокий чин при молодом лице. Я не нашла его некрасивым, как мне о том объявляли. Его уверенные манеры и решительный вид понравились мне с первого взгляда. Я стояла так, чтобы видеть его, когда он вошел к моей бабке. Она протянула ему руку, которую он весьма почтительно поцеловал. Я не могла слышать слова, которыми они обменялись, и старалась вообразить их себе. Он оставался у моей бабки четверть часа; было договорено подписать договор сразу же, как он будет составлен нотариусами, чтобы позволить господину де Гуверне каждый день бывать у моего дядюшки.

Дело это было закончено лишь через восемь дней. Но еще до того госпожа д'Энен нанесла визит моей бабке. Она спросила меня; я этого ожидала. Я испытывала такой страх перед этой красивой дамой, такой элегантной и импозантной, которая станет рассматривать меня с ног до головы, что при входе в комнату едва держалась на ногах и буквально не видела, куда шла. Она поднялась, взяла меня за руку и обняла. Затем, со свойственной дамам ее времени вольностью, она отошла на расстояние вытянутой руки и воскликнула: «Ах! Прекрасная фигура! Она очаровательна. Моему племяннику очень повезло!» Я испытывала ужасные мучения. Она снова уселась и задала мне множество вопросов, в ответ на которые, я уверена, я наговорила одних глупостей. Уходя, она меня опять обняла и сказала мне два или три комплимента насчет того, каким удовольствием будет для нее ввести меня в свет.

Этот визит состоялся, я полагаю, накануне того дня, когда были подписаны условия брачного договора. Тогда было не в обычае, чтобы девица присутствовала при чтении этого предварительного акта, который подпи-

сывали одни только родственники и нотариусы. Но когда нотариусы вышли, меня пригласили. Моя бабушка подошла к двери, взяла меня за руку, и я ни жива ни мертва прошла через гостиную. Я чувствовала на себе все взгляды, и особенно взгляд господина де Гуверне, на которого я старалась не смотреть. Меня поместили рядом с госпожой д'Энен и моей теткой леди Джернингем, которая сочувствовала моему смущению.

Туалет мой был очень прост; я убедила бабушку оставить его на мой выбор. Тогда носили платья со шнуровкой сзади, подчеркивавшие талию; их называли *ножны* или *футляр*. На мне было такое платье из белой газовой материи, безо всяких украшений, и темно-синий пояс с сужающимися концами из красивой ленты блестящего шелка, привезенной из Англии. Все нашли, что я хоть сейчас на картину. Рассматривали мои волосы, которые были у меня очень красивы. Такое разглядывание было мне невыносимо в присутствии «*высокого и могущественного сеньора будущего супруга*», как его двадцать раз подряд поименовали при зачитании брачного договора.

С этого момента господин де Гуверне каждый день приходил к нам обедать, или на послеобеденное время, или к ужину, когда в Париже, когда в Версале, поскольку мой дядюшка с началом заседаний ассамблеи нотаблей переехал туда.

Моя бабушка и я остались в Париже. Во все дни, кроме воскресенья, мы в половине второго отправлялись в Версаль. Туда мы приезжали к обеду в три часа. Мой дядюшка почти никогда не покидал комитета, в котором он состоял; председательствовал там, как мне кажется, Месье, брат короля, будущий Людовик XVIII. Дядюшка появлялся, только когда садились за стол, и приводил с собой нескольких гостей. Господин де Гуверне приезжал из Парижа и обедал каждый день с нами. Он был в парадном сюртуке и при шпаге, поскольку тогда еще не было принято надевать к обеду фрак и круглую шляпу, особенно в Версале. Никогда приличный человек не пожелал бы показаться там иначе как при шпаге и в парадном сюртуке, разве что только собираясь садиться верхом или отправиться в Париж в кабриолете. И в этом случае старались спуститься во двор по боковым лесенкам, не проходя ни через апартаменты, ни через галереи, ни через кордегардию. Тогда еще не утратили уважения к приличиям. Считалось бы самым дурным вкусом манкировать я уж не говорю этикетом, но даже малейшим нюансом вежливого обращения, которое строго соблюдалось в обществе.

Во время этой ассамблеи нотаблей, которая навела на меня смертельную скуку, политика была единственным предметом всех разговоров. Каждый, кто входил в гостиную, имел предложить верное средство, как покрыть дефицит финансов и исправить злоупотребления, допущенные в государстве. Мой дядюшка желал, чтобы вся Франция была под управлением Штатов, подобно Лангедоку. Господин де Гуверне часто

вмешивался в эти споры с живостью и остроумием, и мне нравилось слушать, как он говорит.

Он представил моему дядюшке своего зятя маркиза де Ламета и двоих из его братьев: Шарля, которого тогда называли Мало — маршал де Дюрас, его крестный, тоже носил это бретонское имя, потому что его воспитателями от купели были Штаты Бретани, и дал его своему крестнику, — и Александра, рыцаря Мальтийского ордена и друга господина де Гуверне. Только позже я познакомилась с четвертым братом, Теодором, который пережил их всех.

Маркиз де Ламет был красивый мужчина тридцати лет, рослый и хорошо сложенный, в обращении серьезный и даже суровый. Он жил почти все время в деревне, в своем красивом замке Энанкур возле Амьена, который он недавно обустроил, или у себя в полку Короны. Это был хороший военный, из тех, кого тогда называли «делателями», — то есть из тех, кто с большим тщанием занимался поддержанием дисциплины, следил за скрупулезным и пунктуальным исполнением приказов, не фамильяничал с подчиненными и имел верное понятие о своих обязанностях. Господин де Гуверне был из их числа. Он занимал тогда только пост заместителя командира полка Руаяль-Комтуа. Лишь когда он женился, ему дали полк Руаяль-Вессо, принесший ему множество неприятностей, как я о том расскажу далее.

III

Как мне припоминается, эта ассамблея нотаблей закончилась к середине апреля⁴⁵. Она во всех отношениях утомляла меня, как и господина де Гуверне, которого галантность или более нежное чувство приводило каждый день в Версаль. Мы нашли средство много говорить между собой и убеждались более и более, что созданы друг для друга. Мы часто потом со счастьем говорили об очаровании тех первых бесед, когда мы оба пытались узнать друг друга, проникнуть в мысли, когда каждый исследовал мнения и вкусы другого, и оба мы выходили равно довольными признанным. Сколько приятных планов мы строили насчет нашей будущей жизни, из которых ни один не осуществился! Мы были слишком счастливы настоящим, чтобы предвидеть бури, которым нам пришлось впоследствии противостоять, но однако же у нас было глубокое ощущение, что, каковы бы ни были удары, которые могут обрушиться на нас двоих, мы в привязанности своей друг к другу найдем силу перенести их, не дрогнув.

Это та пора моей жизни, воспоминания о которой я перебираю со сладостным чувством. Все было блестящим в той картине, которая открывалась перед нашим взором. Мы находили друг в друге то, что отвечало

нашим заветным чаяниям, и помимо взаимного счастья, которое представлялось нам благодаря этому обеспеченным, мы усматривали впереди богатство, красивую и роскошную жизнь, благородное будущее, в общем, все, что может польстить честолюбию мужчины и вкусам женщины.

Господин де Гуверне не разобрался тогда еще вполне в характере моей бабки. Он руководствовался впечатлениями госпожи д'Энен, которая сама опиралась в этом отношении лишь на то, что говорили в свете, поскольку поступила ко двору королевы уже после смерти моей матери.

Ах, как быстро грустные обстоятельства забываются при дворе! Королева оплакивала мою мать двадцать четыре часа, а на следующий день после ее смерти изъявила желание ехать в Комеди Франсез. Герцогиня де Дюрас, дежурившая в ту неделю, сказала ей: «Вашему Величеству было бы лучше ехать в Оперу, поскольку, проезжая мимо Сен-Сюльпис, Ваше Величество бы встретило похоронную процессию госпожи Диллон». Государыня почувствовала укор и осталась в Версале. Герцогиня де Дюрас, урожденная Ноайль, дама выдающейся добродетели, внушала эту добродетель и королеве. Она очень любила мою мать, а впоследствии перенесла эту доброжелательность на меня и всегда меня защищала.

Господин де Гуверне, таким образом, не ведал о характере моей бабки, столь же скрытной, сколь вспыльчивой и мстительной. Когда ею владела ненависть, ее ничто не могло смягчить. Мой отец был среди тех, кого она более всего ненавидела. Она не прощала ему, что он вновь женился, и питала живейшую враждебность к моей мачехе. Она не подозревала о существовании какой-либо близости между моим отцом, моей мачехой и господином де Гуверне. Однажды вечером в Версале, когда мы были одни в гостиной и бабка была, не помню уж по какой причине, настроена очень зло — это настроение у нее проявлялось всегда в непрерывном хождении туда-сюда по комнате, — она заговорила о свадьбе моего отца и о том времени, когда она происходила. Она ее относил к моменту на несколько месяцев позже того, когда она в действительности состоялась в Париже. Господин де Гуверне, удивленный тем, с каким ожесточением она настаивала на неверной дате этого союза, открыл рот и сказал только: «Но, мадам, кому же...» Я почувствовала, что он дальше скажет: «Кому же это знать лучше меня, ведь я был свидетелем у господина Диллона». Я очень испугалась. К счастью, в этот момент бабка, расхаживая по комнате, повернулась к нам спиной. Я инстинктивно воспользовалась этим, чтобы схватить господина де Гуверне за руку; он посмотрел на меня в полном удивлении. Видя, что я приложила палец к губам, и заметив тревогу на моем лице, он умолк. Бабка повернулась и сказала ему: «Ах так, мсье!..» Но он ничего не добавил и предоставил ей продолжать. Очень любопытствуя узнать причину моего волнения, он при первой же возможности спросил меня об этом, и я постаралась, щадя при этом свою бабку, ввести его в курс тех

предметов, о которых не следовало с ней говорить. Этот случай, однако, дал ему понятие о неприятных свойствах ее характера, и он, зная живость характера своего собственного, предчувствовал, что мы не долго останемся вместе с ней, что и произошло на деле.

Ассамблея нотаблей наконец закончилась, и мы вернулись в Париж — лучше сказать, вернулся мой дядюшка. День подписания брачного договора был назначен в первых числах мая. Церемония прошла со всей принятой тогда торжественностью. Родственники, свидетели, нотариусы, туалеты присутствующих — все было очень достойно. Я не смогу уже описать свой туалет, но думаю, что это должно было быть что-то розовое или голубое, потому что белое оставляли для дня свадьбы. Дамы де Ла Тур дю Пен, д'Энен и де Ламет были в черном из-за траура по их матери и бабушке.

IV

Я познакомилась за несколько дней до того с моим будущим свекром. Это был мужчина невысокого роста, державшийся очень прямо и очень хорошо сложенный; в молодости он был хорош собой. Он сохранил прекраснейшие зубы, красивые глаза, уверенный вид и очаровательную улыбку, живое выражение его прекрасной души и чрезвычайной доброты. Он не внушал мне страха, и я изо всех сил старалась ему понравиться. Он был человек простых нравов, скрупулезно исполнявший свои обязанности по должности коменданта провинций Сентонж, Пуату и Пеи д'Онис и все свое свободное время занимавший постройками и посадками в Буге⁴⁶, где больше всего любил жить. Живя со своей женой раздельно, он не имел постоянного дома в Париже, где бывал только проездом, чтобы предстать перед королем и обсудить с министрами государственные дела. Он был нечестолобив; сын его находил, что даже слишком и что он чересчур держится в тени при своих достоинствах. Это был характер старинного склада, из времен святого Людовика. В Семилетнюю войну он служил командиром полка так называемых *французских гренадер*, составленного из элиты всех других полков. Он весьма отличился в боях, и все его чины, вплоть до того положения, которое он тогда занимал, были ему даны без просьбы с его стороны. Его незаинтересованность в наградах шла вразрез со вкусом к интригам, присущим его теще госпоже де Монконсей. Та его не любила. Она нашла его более суровым, чем ей хотелось бы, по отношению к его жене, распутство которой было столь публичным, что он, даже будучи самым мягким из людей, оказался вынужден употребить строгость. Сам очень праведный и добродетельный, он резонно счел своим долгом удалить ее от света, где она подавала столь скандальный при-

мер. Несколько раз госпожа де Ла Тур дю Пен получала от него разрешение побывать у своего отца, и по поводу свадьбы сына господин де Ла Тур дю Пен также соизволил, чтобы она присутствовала. Для нее было большим удовольствием появиться вновь, убранной и нарядной, в украшенной гостиной. Господин де Гуверне и госпожа де Ламет проявляли к ней много заботы и уважения.

После подписания условий брачного договора я нанесла ей визит в сопровождении моей бабки и госпожи д'Энен. Этот последний визит более всего внушил мне страх. Госпожа д'Энен была немного нездорова. У нее было сильное кровохарканье — первые симптомы, как я полагаю, той аневризмы, от которой она умерла спустя тридцать семь лет. Я знала от господина де Гуверне о том, какие порядки заведены в обществе его тетушки, куда мне предстояло быть принятой под ее покровительство, и все рассказанное им приводило меня в крайний ужас. Позже я дам себе удовольствие описать это общество, самое изысканное в Париже, но сейчас эти подробности слишком далеко увели бы меня от нынешнего предмета, то есть моей свадьбы. Прежде чем продолжить, однако, скажу о другом визите, который дал мне все основания быть недовольной собой и своей глупой застенчивостью.

Королева, которая одобряла мой брак, выразила желание меня увидеть. Она во весь голос заявила, что соизволит оказать мне покровительство, и просила моего дядюшку привести меня к ней вместе с госпожой д'Энен, которая и так уже внушала мне крайний страх. Я была очень застенчива, и, когда это состояние, делающее всех такими неуклюжими, овладевало мной, меня охватывала словно бы каталепсия: ноги меня не держали, я не могла шевельнуть ни одним членом. Я могла сколько угодно себя уговаривать, пытаться себя превозмочь, все было бесполезно. Помимо этой своего рода трусости — вероятно, подобным образом бывает парализован страхом солдат, из-за этого покрывающий себя позором в бою — другую особенность моего характера на протяжении всей моей жизни составляет непреодолимое отвращение к неискренности и к выражению чувств, которых человек на самом деле не испытывает. Интуиция мне подсказывала, что королева станет разыгрывать сцену растроганности и умиления, а я знала, что она горевала о моей матери лишь один день. Всё мое сердце восставало от одной мысли о том, что я обязана буду, в своих интересах, играть роль в этой общей сцене. На пути через апартаменты в ту спальню, куда я с тех пор так часто входила, госпожа д'Энен весьма неловко повторяла мне, чтобы я была «мила» с королевой, чтобы не была холодна, что королева будет очень тронута и т.д., — все эти рекомендации только усугубляли мое смущение.

Я оказалась перед королевой, не зная, как туда вошла. Она меня обняла, а я поцеловала ей руку. Она меня усадила рядом с собой и задала мне

множество вопросов о моем образовании, о моих талантах и т. д.; несмотря на чрезвычайные усилия, которые я прилагала, я оставалась безгласна. Наконец, видя крупные слезы, текущие у меня из глаз, она сжалилась над моим смущением и стала говорить с моим дядюшкой и госпожой д'Энен. Моя застенчивость оставила у королевы дурное впечатление, которое, может быть, полностью так никогда и не изгладилось. Мне пришлось потом сильно сожалеть, что, дурно, без сомнения, судив обо мне тогда, она не сочла уместным испытать мою преданность в обстоятельствах, когда судьба Франции, может статься, повернулась бы по-иному благодаря моей молодости и, смею сказать, мужеству.

V

Около 8 или 10 числа мая месяца 1787 года мы отправились в Монфермей. Поскольку этикет требовал, чтобы будущий супруг не ночевал под одной крышей с девицей, на которой собирался жениться, господин де Гуверне приезжал каждый день из Парижа обедать и уезжал уже после ужина. Накануне 21 мая он ночевал в замке Монфермей, любезные владельцы которого предоставили его в распоряжение моих родных. Там нашли приют многие мужчины, а дам устроили в апартаментах очаровательного дома моей бабки. Меня поместили в прекрасных, превосходно обставленных комнатах, обитых великолепной индийской хлопковой материей, где по светло-желтому фону были разбросаны деревья и ветви с цветами, плодами и птицами; все это дополнялось красивой шелковой штофной тканью зеленого цвета.

Там в больших шкафах было сложено прекрасное приданое, подаренное мне бабушкой; его стоимость доходила до 45 000 франков. Оно состояло только из белья, кружев и муслиновых платьев; ни одного шелкового платья там не было. В «корзинке» от жениха, которую подарил мне господин де Гуверне, были драгоценности, ленты, цветы, перчатки, шелковое кружево, штофные ткани — *шалей* тогда не носили, — несколько нарядных шляпок и чепцов, черные и белые газовые мантильи, украшенные шелковым кружевом.

Госпожа д'Энен подарила мне очаровательный чайный столик и сервиз: чайник, сахарница и прочее серебряные с позолотой, а весь фарфор северской работы. Это был подарок, доставивший мне больше всего удовольствия. Он стоил, я думаю, 6000 франков. Господин аббат де Гуверне, дядя господина де Гуверне, подарил мне красивый дорожный несессер для экипажа, а мой дед виконт Диллон — красивую пару серег за 10 000 франков.

Войдя в эти апартаменты, я нашла посреди своей спальни очаровательный столик-жардиньерку⁴⁷ с самыми редкими растениями и с вазами,

полными цветов. Рядом, в небольшом кабинете, где я обычно проводила время, поместили книжный шкафчик с английскими и итальянскими книгами; там было в числе прочего превосходное собрание английских поэтов в 70 томах формата 1/18. Остальные стены кабинета украшали прекрасные английские гравюры в рамках. Все это было от господина де Гуверне, и я его за это очень благодарила.

Обо всей этой роскоши и элегантности я рассказываю лишь для того, чтобы показать контраст с продолжением моего рассказа. Если я проявила какое-то смирение в несчастьи, то это не потому, что я не знала и не ценила по достоинству ту жизнь, к которой я была предназначена. Я имела все вкусы, проистекающие от уверенности в обладании изрядным состоянием. Однако же воображение мое часто обращалось к несчастью и разорению, и, если бы я в то время писала роман, в жизни моей героини случилось бы многие из событий, которые произошли потом в моей собственной.

Глава VI

I. Свадьба в высшем обществе конца XVIII века. — Венчание. — Банты для шпаг, темляки, желуди для епископских шляп, веера. — Наряд новобрачной. — Столы для слуг и крестьян. — II. Представление королеве. — Репетиция с учителем танцев. — Наряд для представления ко двору. — Церемониальные объятия. — Удачное отсутствие герцога Орлеанского. — III. Воскресный церемониал двора. — «Shake hands». — Проявления мелкой женской ревности у королевы. — Портрет короля. — Процессия к мессе. — Искусство ходить по Версальскому дворцу. — Месса. — «Волокуши». — Королевский обед. — Табуреты. — Аудиенции у принцев и принцесс. — Игра в карты у короля. — Сбор милостыни для бедных. — Дух недовольства, свойственный тому времени. — IV. Госпожу де Рот приводят в дурное расположение духа развлечения ее внучки. — Ее враждебность. — Слухи о войне в Голландии.

I

Хотела бы я суметь изобразить нравы времен моей молодости, многие черты которых уже стерлись в моей памяти, и в связи с этой свадьбой в высшем обществе представить его персонажей, мужчин и женщин, важных и притом все же приветливых, любезных, сохраняющих до седых волос желание нравиться, каждый сообразно тому месту, которое он занимал в свете.

В день моей свадьбы мы собрались в полдень в гостиной. Общество состояло, с моей стороны, из моей бабки, моего двоюродного деда, моей тетки леди Джернингем с ее мужем, дочерью и старшим сыном, нынешним лордом Стаффордом, братьев Шелдонов, их старшего брата господина Констебля, моего первого свидетеля, и шевалье Джернингема, друга моей матери и моего тоже, который был у меня вторым свидетелем. Это было все мое семейство. В числе приглашенных были все министры, архиепископ Парижский, архиепископ Тулузский, несколько епископов из Лангедока, бывших в то время в Париже, господин де Лалли-Толлендаль, о котором я скажу далее, и многие другие, чьих имен я не припоминаю.

Семейство господина де Гуверне состояло из его отца и матери, его дяди аббата де Гуверне, каноника благородного капитула Макона, его сестры маркизы де Ламет с мужем и его братьями, его тетки госпожи д'Энен,

его свидетелей шевалье де Куаньи и графа де Баланса, графини де Бло и множества других персон, общим число пятьдесят или шестьдесят.

Все двинулись через двор в часовню. Я шла первой об руку со своим кузенком, молодым Джернингемом. Моя бабка шла следом с господином де Гуверне, а остальные следовали за ними, не знаю уж, как именно. У алтаря нас встречали мой дядюшка и архиепископ Парижский господин де Жюинье. Монфермейский кюре господин де Рианкур, достойный пикардийский дворянин, отслужил мессу без певчих, а мой дядюшка, с дозволения архиепископа Парижского, который ему сослужил, благословил наш брак, произнеся перед тем очень красивую речь своим прекрасным вибрирующим голосом, доходящим до самого сердца. Венчальный покров держали юный Альфред де Ламет, семи лет от роду, и мой кузен Джернингем шестнадцати лет, которому я по возвращении в гостиную подарила прекрасную шпагу.

Все женщины в порядке родства и возраста обняли меня, после чего лакей внес большую корзину, полную бантов для шпаг, темляков, вееров и шнуров для епископских шляп, которые полагалось раздать присутствующим. Обычай этот был очень разорительным. Банты для шпаг, сделанные из самых лучших лент, стоили по 25 или 30 франков за штуку, вызолоченные военные темляки и шнуры для епископских шляп, к которым добавлялись желуди на пояс, — по 50 франков, а веера для женщин были в разную цену, от 25 до 100 франков.

Не забудем про туалет новобрачной. Он был очень простым. На мне было платье белого крепа с красивой отделкой из брюссельского кружева и чепец с длинными лопастьями — тогда надевали чепец, а не фату — да еще букетик флердоранжа на голове и другой сбоку. К обеду я надела красивую шляпку-ток с белыми перьями, к которой был прикреплен букетик флердоранжа.

Собравшиеся беседовали и скучали до обеда, который состоялся в 4 часа. Затем делали обход столов, поставленных во дворе для слуг и крестьян. Для слуг был один стол на сто кувертов, и разноцветье ливрей и галунов создавало очень живописный эффект. Крестьяне и работники, для которых тоже был устроен стол, с радостью выпили за мое здоровье. Я была среди этих людей очень популярна; все они проявляли ко мне большое доверие. Многие из них помнили меня с рождения. Мне случилось во многих обстоятельствах заботиться об их интересах, об их желаниях; не раз я прощала им вину или смягчала гнев моей бабки, которая часто бывала недовольна, и притом несправедливо. Они желали мне счастья в только что заключенном брачном союзе. День завершился прекрасным вечерним концертом.

Назавтра большинство вчерашних гостей разъехались от нас. Я наде-
ла элегантный наряд, подобающий малому трауру, поскольку мне полага-
лось еще месяц носить траур по госпоже де Монконсей. Госпожа д'Энен
сообщила нам о желании королевы, чтобы мое представление ко двору со-
стоялось в следующее воскресенье. Я венчалась в понедельник, а во втор-
ник тетушка уведомила мою бабу, которую заранее о том не спроси-
ли. Госпожа д'Энен добавила, что в четверг утром я должна буду ехать
с нею в Париж, чтобы взять два урока «реверансов» у своего учителя тан-
цев, примерить презентационное платье и навестить маркизу де Ла Тур
дю Пен, которая одна оставалась этой фамилии и должна была меня пред-
ставлять, поскольку моя свекровь больше не бывала при дворе.

Баба приняла это уведомление, не допуская возражений, с очень
разгневанным видом. Она поняла, что владычество ее кончилось, что
я ускользаю из-под ее власти безвозвратно. Она задрожала от ярости при
мысли, что дальше мною станет распоряжаться королева и что госпожа
д'Энен, со своей стороны, призванная направлять меня в свете, будет ре-
шать, как мне себя вести. Однако она не осмелилась показать свое недо-
вольство; перед персонами из моей новой семьи она сдержалась, но мне
легко было видеть, какие бури собираются против меня. Потому весь этот
день я избегала оставаться с ней наедине.

На следующий день я уехала в Париж со своей тетушкой госпожой
д'Энен и два следующих утра провела с господином Юаром, моим учи-
телем танцев. Нельзя вообразить ничего смешнее этой репетиции пред-
ставления ко двору. Господин Юар, толстый мужчина, превосходно при-
чесанный и напудренный, в широкой юбке изображал королеву. Он стоял
в дальнем конце гостиной и диктовал мне, что я должна делать, то прини-
мая на себя роль представляющей меня дамы, то возвращаясь на место ко-
ролевы, чтобы изобразить момент, когда я снимала перчатку и склонялась
поцеловать край ее платья, а она делала движение, чтобы мне помешать.
Ничего не было ни забыто, ни упущено в этой репетиции, которая повто-
рялась три или четыре часа подряд. На мне был парадный наряд: большие
фижмы, лиф, юбка, а поверх утреннее платье; волосы были просто зачеса-
ны наверх. Это была настоящая комедия.

Утром в воскресенье, после мессы, состоялось мое представление
ко двору. На мне был особый наряд, называемый *гран кор*, со специаль-
но изготовленным корсетом без плечиков, зашнурованным сзади, но до-
статочно узким, чтобы шнуровка, шириною внизу в четыре пальца, позво-
ляла видеть сорочку из тончайшего батиста, через которую легко было бы
разглядеть кожу, если бы она была не белая. Эта сорочка имела рукава
всего в три пальца длиной и не имела плечиков, так что плечи оставались

открытыми. Самый верх руки был прикрыт тремя или четырьмя рядами простого или шелкового кружева, спадающими до локтя. Вырез оставался полностью открыт. Мою грудь отчасти прикрывали семь или восемь рядов крупных бриллиантов, которые королева соизволила мне одолжить. Они словно шнуровкой соединяли края выреза корсета. На голове у меня были еще бриллианты в изрядном количестве, в эгретках⁴⁸ и колосках.

Благодаря урокам господина Юара я благополучно справилась со своими тремя реверансами. Мне удалось не слишком неуклюже снять и надеть перчатку. Затем я должна была получить торжественное объятие от короля и его братьев, от герцога де Пентьевра, от принцев Конде и Бурбона и от герцога Энгиенского⁴⁹. На мое счастье, за которое я тысячу раз благодарила небо, герцога Орлеанского не было в Версале в день моего представления ко двору, и мне не пришлось обниматься с этим чудовищем. С тех пор, однако, я его часто видела и даже бывала у него на ужинах в Пале-Рояле.

Этот день представления ко двору был очень утомителен и сопровождался постоянным смущением. На вас неизбежно обращались взоры всего двора, вы подвергались самому недоброжелательному рассмотрению, становились в этот день предметом всех разговоров, а когда придворные возвращались вечером играть в карты, в 7 или в 9 часов, я уже не помню точно времени, то все только на вас и глядели.

Мой презентационный наряд был очень хорош: полностью белый по причине моего малого траура, украшенный только несколькими красивыми гагатами вперемешку с бриллиантами, которые мне одолжила королева; юбка была вся расшита жемчугом и серебром.

В следующее воскресенье я, все еще в трауре, вернулась в Версаль и с тех пор ездила туда почти каждую неделю с моей тетушкой. Хотя королева решила, что свою должность придворной дамы я буду исполнять лишь через два года, я уже с этого времени считалась как бы в должности. Таким образом, по воскресеньям я входила к ней в спальню вместе с дежурными дамами.

III

Возможно, интересно будет описать воскресный церемониал двора, где блистала тогда несчастная королева, ведь этикет с тех пор изменился, и детали эти отошли уже в область истории. За несколько минут до полудня женщины собирались в гостиной, за которой дальше была спальня королевы. Никто не садился, за исключением пожилых дам, к которым тогда относились с большим уважением, и молодых женщин, на счет которых было подозрение, что они беременны. Там собиралось всегда по меньшей

мере сорок дам, а часто и гораздо больше. Иногда мы оказывались тесно прижаты друг к другу из-за огромных фижм, занимавших много места. Обычно принцесса де Ламбаль, управительница дома королевы, приходила и сразу следовала в спальню, где королева совершала свой туалет. Чаще всего она приходила еще до того, как королева принималась за туалет. Принцесса де Шимэ, жена деверя моей тетушки госпожи д'Энен, и графиня д'Оссен — одна *dame d'honneur*, то есть первая по статусу дама, другая *dame d'atours*, ведавшая гардеробом⁵⁰, — также входили в спальню. Через несколько минут к дверям спальни выходил слуга и громко призывал: «Дежурные!» Тогда четыре придворные дамы, дежурившие эту неделю, а с ними те, кто приехал ко двору в промежутке между своими дежурствами, что было постоянно в обычае, и молодые дамы, которым предстояло впоследствии быть призванными к дежурству, такие как графиня де Майе, урожденная Фиц-Джеймс, графиня Матье де Монморанси и я, тоже входили. Королева здоровалась с каждой из нас в отдельности с большой любезностью и благожелательностью, и сразу же после того двери открывались и в спальню пускали всех. Присутствующие выстраивались по правой и по левой стороне, так, чтобы двери оставались свободными, а в середине спальни никого не было. Часто, когда дам собиралось много, стояли в два или три ряда. Но пришедшие первыми ловко отступали к дверям карточной гостиной, через которую королева должна была пройти, направляясь к мессе. В эту гостиную часто бывали допущены несколько удостоенных такой привилегии мужчин из тех, кто уже раньше получал личную аудиенцию или представлял иностранцев.

Так получилось, что однажды королева, неожиданно обернувшись, чтобы сказать кому-то пару слов, заметила меня в уголке у дверей, когда я по английскому обычаю рукопожатия, *shake hands*, пожимала руку английскому послу герцогу Дорсету. Ее сильно рассмешил этот незнакомый ей английский знак доброжелательства, и, поскольку при дворе шутки не умирают, она с тех пор не переставала повторять герцогу, когда мы бывали там оба, что случалось довольно часто: «Вы уже успели *shake hands* с госпожой де Гуверне?»

Эта несчастная государыня сохраняла еще тогда кое-какую мелкую женскую ревность. Она обладала очень красивым цветом лица и хорошей кожей и слегка ревновала к тем молодым женщинам, которые в ярком полуденном свете демонстрировали семнадцатилетние лица, свежее ее собственное. Я была в их числе. Однажды, проходя в двери, герцогиня де Дюрас, которая очень меня опекала, сказала мне на ухо: «Не становитесь против окон». Я поняла ее рекомендацию и на будущее взяла себе это за правило. Впрочем, это не мешало королеве иногда адресовать мне замечания почти что колкие насчет моего вкуса к ярким цветам в одежде и к макам и скабиозам, которые я часто носила. Однако в целом она про-

являла ко мне большую любезность и делала мне комплименты, из тех, что государи имеют привычку вдруг отпускать молодым особам через всю комнату, заставляя их краснеть до корней волос.

Продолжим наше описание воскресной утренней аудиенции. Она продолжалась до сорока минут первого. Тут открывались двери, и слушатель провозглашал: «Король!» Королева, одетая всегда в придворное платье, выходила ему навстречу с видом любезным, доброжелательным и почтительным. Король кивал направо и налево, заговаривал с несколькими знакомыми ему дамами, но никогда с молодыми. У него было такое слабое зрение, что он в трех шагах от себя никого не узнавал. Это был толстый мужчина ростом пять футов и шесть или семь дюймов, с высоко поднятыми плечами и самой скверной осанкой; в повадке его не было ничего высокомерного или царственного, он выглядел, как крестьянин, идущий вперевалку за плугом. Шпага его всегда стесняла, шляпу он не знал, куда деть; наряды его были великолепны, но он, по правде говоря, совершенно ими не занимался, а брал не глядя то, что ему подавали. Сюртук его всегда был из ткани, модной в этом сезоне, богато расшит и украшен бриллиантовой звездой ордена Святого Духа. Он не носил орденскую ленту поверх сюртука, за исключением праздничных дней, торжеств и важных церемоний.

Без четверти час начиналось шевеление, и все шли к мессе. Первый камергер, исполнявший свою должность в этот год, дежурный капитан гвардии и множество других гвардейских офицеров и высокопоставленных придворных чинов шли впереди, причем капитан гвардейцев ближе всех к королю. Затем шли бок о бок король с королевой, достаточно медленно, чтобы по пути сказать пару слов многочисленным придворным, стоявшим вдоль всей галереи. Королева часто заговаривала с иностранками, которые прежде были ей представлены, с художниками или литераторами. Кивок или милостивая улыбка отпускались по счету и с разбором. Дальше шли дамы сообразно рангу. Молодые старались занять место на флангах, поскольку шли по четыре или пять в ряд, а те из них, которые считались «в моде» и к числу которых я имела честь принадлежать, старались идти достаточно близко к стоящим вдоль прохода, чтобы услышать те любезности, которые им по пути бывали втихомолку адресованы.

Большим искусством было суметь пройти по этим обширным апартаментам, не наступив на шлейф платья впереди идущей дамы. Надо было не поднимать ноги, а скользить ими по паркету, всегда начищенному до блеска, пока не пройдете через весь салон Геркулеса⁵¹. После этого шлейф откидывали на фижмах набок и, дождавшись своего лакея с большим мешком из красного бархата с золотой бахромой, торопились по правому или левому проходу занять место как можно ближе к балкону, где находились король, королева и принцессы, присоединившиеся к ним либо

уже в церкви, либо еще в карточной гостиной. Там всегда бывала Мадам Елизавета, а иногда и Мадам⁵². Ваш лакей ставил мешок перед вами; все брали свои молитвенники, но ничего из них не читали, потому что, пока вы разместитесь, уложите шлейф платья и покопаетесь в этом огромном мешке, месса успеет дойти до чтения из Евангелия.

По завершении мессы королева делала глубокий реверанс перед королем, и все пускались в обратный путь в том же порядке, в каком и пришли. Только король и королева теперь останавливались подольше поговорить с кем-нибудь. Мы возвращались в спальню королевы, и те, кто были здесь свои, оставались в карточной гостиной в ожидании обеда. К обеду приступали после того, как король и королева поговорят четверть часа с дамами, приехавшими из Парижа. Мы, дерзкие молодые особы, называли этих последних *волокушами*, потому что у их парадных платьев были юбки длиннее наших, волочившиеся по полу и не открывавшие щиколотку.

Обед подавался в первой гостиной, где стояли небольшой прямоугольный столик с двумя приборами и два больших зеленых кресла, бок о бок вплотную друг к другу. Их спинки были такой высоты, чтобы полностью скрывать сидящих в них людей. Скатерть вокруг всего стола ниспадала до полу. Королева садилась слева от короля. Они сидели спиной к камину, а перед ними в десяти шагах полукругом помещались табуреты, на которые садились герцогини, принцессы и дамы, занимавшие высокие придворные должности и удостоенные привилегии *табурета*⁵³. Позади них, лицом к королю и королеве, располагались прочие женщины. Король ел с аппетитом, но королева не снимала перчаток и не разворачивала салфетку, что было совсем напрасно. После того как король выпивал вина, все удалялись, сделав реверанс. Никакие обязанности не удерживали более дам, приехавших ко двору без дежурства.

Многие особы, которые, не будучи *представлены*, были тем не менее знакомы королю и королеве и к которым Их Величества были весьма приветливы, оставались до конца обеда. Так же обычно поступали и мужчины из свиты короля.

После этого начиналась настоящая гонка, чтобы засвидетельствовать почтение принцам и принцессам королевской семьи, которые обедали гораздо позже. Тут уж выигрывал тот, кто придет первым. Ходили к Месье⁵⁴ — будущему Людовику XVIII, к графу д'Артуа, к Мадам Елизавете, к теткам короля и даже к маленькому дофину, с тех пор как у него появился гувернер, герцог д'Аркур. Эти визиты длились всего лишь по три-четыре минуты, потому что гостиные у принцев были такие маленькие, что приходилось выпроваживать первых пришедших, чтобы дать место другим.

Молодым дамам больше всего нравилась аудиенция у графа д'Артуа. Он сам был молод и обладал той очаровательной повадкой, которую со-

хранил всю свою жизнь. Всем очень хотелось ему понравиться, потому что это был пропуск к славе. Он был на короткой ноге с моей тетушкой и обрщался к ней «дорогая принцесса», когда она входила.

К себе возвращались изрядно уставшими и, поскольку вечером предстояло к 7 часам идти играть в карты, сидели тихо у себя в комнатах, чтобы не нарушить прическу, особенно если она была сделана Леонаром, самым знаменитым из куаферов. Обед у нас в комнатах подавался в три часа пополудни. Тогда это считалось элегантно время. После обеда беседовали до 6 часов, и несколько близких друзей приходили к нам рассказать о новостях, пересудах и интригах, о которых они узнали с утра. Потом мы надевали парадное платье и возвращались в ту же гостиную во дворце, где были утром. Но теперь там находились еще и мужчины.

Нужно было прийти до того, как пробьет 7, потому что королева входила еще прежде боя часов. У дверей ее дожидался один из двух кюре Версаля, который передавал ей кошелек, и она обходила всех, мужчин и женщин, со словами: «Для бедных, пожалуйста». У женщин у всех в руке уже была приготовлена монета в один экю, то есть шесть франков, а у мужчин — луидоры. Королева собирала этот небольшой благотворительный налог, и следовавший за ней кюре уносил для своих бедняков часто до ста луидоров, и уж никогда не меньше пятидесяти.

Я часто слышала, как молодые люди из числа самых расточительных недостойным образом жаловались, что их принуждают к этой благотворительности, в то время как им ничего не стоило поставить на кон в игре сумму в сто раз большую или же с утра бесполезно истратить еще больше.

Но считалось хорошим тоном жаловаться на все. Придворные скучали, жаловались, что устали ходить свидетельствовать свое почтение. Дежурные офицеры гвардейских частей охраны короля, которые все жили в замке, жаловались на то, что вынуждены весь день оставаться в мундире. Дежурные придворные дамы не могли обойтись без того, чтобы съездить поужинать в Париж два или три раза за неделю своего дежурства в Версале. Было вполне принято жаловаться на обязанности, которые надо было исполнять при дворе, при этом пользуясь и даже часто злоупотребляя преимуществами, которые предоставляла служба. Все скрепы ослабевали, а ведь это были, увы, высшие классы, которые подавали пример. Епископы не жили в своих епархиях и пользовались любым предлогом, чтобы приехать в Париж. Полковники, которые обязаны были присутствовать в своих полках всего лишь четыре месяца в году, не оставались там ни на пять минут более необходимого. Мы не отдавали себе в этом отчета, но мятежный дух царил во всех классах.

Военный министр маршал де Сегюр, который был у меня на свадьбе, дал моему мужу месяц отпуска. Таким образом, вместо того чтобы ехать в Сент-Омер, где стоял гарнизоном его полк, он остался со мной в Монфермее.

Там-то, в связи с моим вкусом к верховой езде и экипажам, он и начал яснее понимать характер моей бабки. Госпожа де Монфермей, с которой я очень часто виделась, предложила мне сопровождать ее верхом. Поскольку у нее была очень смиренная лошадь, а лошади господина де Гуверне были слишком ретивы, она предложила свою лошадь в мое распоряжение. Об этом сказали моей бабке, та была очень этим раздосадована, и досада эта обернулась живейшим недовольством против меня, когда она узнала, что мой муж, предупреждая мои желания, подарил мне красивое платье для верховой езды и пожелал, чтобы я ездила с ним на прогулки. Дядюшка мой, который сам уже в седло не садился, со своей стороны, озабочился, чтобы его берейтор выдрессировал для меня великолепную серую лошадь, купленную в Англии. Он мне ее подарил вместе с красивым небольшим экипажем той модели, которую теперь называют *тильбюри*⁵⁵, и я сама правила, разъезжая в этом экипаже по прекрасным аллеям леса Бонди. Моя кузина госпожа Шелдон, поселившаяся на лето у нас, обычно выезжала в экипаже вместе со мной. Мы иногда ездили вдвоем в тильбюри смотреть на охоту маркиза де Полиньяка, дяди герцога; в его распоряжении были собаки и егеря графа д'Артуа, и весной он охотился в нижнем лесу.

В тот месяц отпуска, что господин де Гуверне провел в Монфермее, он часто брал меня с собой верхом следовать за охотой. Все эти забавы молодежи чрезвычайно не нравились моей бабке, расположение духа которой делалось с каждым днем все мрачнее. Я видела ясно, что она начинает питать к господину де Гуверне одно из тех неприязненных чувств, которые были ей свойственны, и я уже предчувствовала, что мы не сможем долго продолжать совместную жизнь.

Она пока еще не освоилась достаточно с моим мужем, чтобы осмелиться впрямую нападать на тех, кого он любил; но стоило ему выйти из комнаты, как она начинала дурно говорить о нашей тетушке госпоже д'Энен и всем ее обществу, жаловалась на то, как неприятно для стареющих людей иметь у себя в доме молодежь и какие неудобства от этого происходят, и, наконец, находила удовольствие в потоках несносных и обидных слов. Господин де Ла Тур дю Пен, со своей стороны, видя меня каждый раз возвращающейся к себе в спальню с красными глазами, добивался узнать причины моего огорчения. Я, сколько могла, отказывалась их объяснять, но ему не много времени потребовалось, чтобы разгадать их. Расспросив

свою тетушку, которая была придворной дамой во дворце вместе с моей матерью, и нескольких других особ, кто был там в то же время, он вскоре узнал о том неблагоприятном поведении по отношению к дочери, в котором публика упрекала госпожу де Рот и о котором открыто говорила королева. Тогда он решил не допускать, чтобы она так же поступала со мной, и с той поры, как мысль эта утвердилась в его голове, я жила в постоянном страхе, чтобы крайняя живость его характера не взяла верх и он не разразился бы каким-нибудь слишком резким выступлением.

Он, однако, сдерживался до дня своего возвращения в полк, который настал в конце июня. Я проводила его в сильной печали и осталась в Монфермее со своими родственниками, мишенью для дурного настроения бабушки, в вечном страхе перед каждодневными сценами. Так что, когда наша тетушка писала ко мне, чтобы я приехала к ней в Париж сопровождать ее в Версаль или выезжать с ней в свет, я не знала уже, как подступиться, чтобы объявить, что я должна отлучиться на два или три дня. После стольких лет я уже не помню мелких подробностей этого рабства и этих постоянных мучений. Письма, которые я писала мужу, не сохранились — я их сожгла в обстоятельствах, которых мы в то время не могли предугадать; я помню только в общем те горести, которые я испытывала ежедневно, и свое желание избавиться от них. Действительно, я предвидела, что характер моей бабушки сделает невозможным наше проживание в доме дядюшки. Та любовь, которую дядюшка мне выказывал, вызывала у нее подозрение. Она опасалась также, как бы мой муж, к которому архиепископ сделался весьма расположен, не взял бы над ним власть. Со времени моей свадьбы она решила поэтому снова поселиться вместе с дядюшкой в Отфонтене, чтобы надежнее удалить его от *опасной* привязанности, которая могла бы привлечь его к нам.

Господин де Ла Тур дю Пен приезжал на неделю в Монфермей в середине августа. Маршал де Сегюр разрешил ему эту отлучку при условии, что он не будет показываться в Париже. Полковникам, стоявшим гарнизоном во Фландрии, грозило тогда остаться в своих полках на несколько осенних и зимних месяцев из-за беспорядков в Голландии, в которые мы, как казалось, должны были вмешаться, что было бы очень хорошо. Но нерешительность короля и слабость правительства не позволили занять определенную позицию, которая могла бы, может статься, дав выход общественному мнению, отвести в другую сторону революционные идеи, зародившиеся в головах французов⁵⁶.

Глава VII

I. Гражданская война в Голландии. — Принцесса Оранская. — Слабость французского правительства. — Франция окончательно бросает патриотов на произвол судьбы. — Скверное впечатление, произведенное этим на общественное мнение. — II. Госпожа де Ла Тур дю Пен в Энанкуре. — Поездка в Лилль. — Кюре, бывший современником госпожи де Ментенон. — Возвращение в Монфермей. — Недоразумение. — III. У госпожи д'Энен. — Ригоризм. — Ложи королевы в разных театрах. — Общество госпожи д'Энен. — Госпожа Неккер и госпожа де Сталь. — «Секта экономистов». — Госпожа д'Энен. — Господин д'Энен и мадемуазель Рокур. — Тогдашнее всеобщее безразличное отношение к безнравственности. — «Соединенные принцессы». — Герцогиня де Пуа. — Госпожа де Лозен, впоследствии герцогиня де Бирон; ее муж, ее библиотека. — Герцогиня Бульонская; калека. — Принц цу Зальм-Зальм. — Шевалье де Куаньи. — IV. Госпожа де Ла Тур дю Пен в обществе. — Госпожа де Монтессон и герцог Орлеанский. — Разрыв госпожи де Ла Тур дю Пен с ее родственниками.

I

Поскольку я пишу не историю, я не стану обращаться к причинам тех междоусобий, которые разделили Соединенные провинции Нидерландов надвое: на сторонников Оранско-Нассауского дома и патриотов. Первые желали для штатгальтера, как первого должностного лица Республики, большей власти, чем та, которой он обладал; вторые желали ограничить эту власть, заключив ее в границы, установленные де Виттами и Барневельдами⁵⁷.

Штатгальтер был человек совершенно ничтожный. Но его жена, дочь великого Фридриха и сестра наследовавшего ему прусского короля, была принцессой с честолюбивыми планами. Она желала надеть корону на голову своего мужа и на свою собственную. Аристократии Гельдерна и провинций Оверэйссел и Утрехт не по нраву было видеть богатство негоциантов Голландии. Принцесса Оранская провоцировала или, по крайней мере, поддерживала их недовольство. Она была уверена в поддержке Англии и Пруссии и совсем не боялась вмешательства Франции, несмотря на ясно выраженное мнение нашего посла графа де Сен-При, который не переставал добиваться от своего слабого двора поддержки патриотической партии, поскольку это была партия *консервативная*. Принцесса Оранская, подталкиваемая Пруссией, которая уже собрала войска у Везеля, возбудила восстание в Амстердаме и Гааге. Штатгальтер под-

вергся оскорблению со стороны якобы патриотов, и его сторонники ответили репрессиями. Посольство Франции было разграблено, а господин де Сен-При укрылся в австрийских Нидерландах. Тогда амстердамские патриоты взялись за оружие. Чтобы у пруссаков был повод вмешаться, принцесса Оранская изобразила испуг, которого ни в коей мере не испытывала, и открыто уехала из Гааги, чтобы укрыться на прусской территории, в Везеле. Патриоты были столь неловки, что попались в эту ловушку. Принцесса, изображая, что не знает об их аванпостах, выставленных на утрехтской дороге, по этой дороге и поехала в надежде, что будет арестована. Этот отважный шаг удался ей свыше всяких ожиданий; ее захватили и отвезли пленницей в Амстердам. Тут же оранжисты взялись за оружие и призвали себе на помощь пруссаков. Те немедленно выступили и дошли до самой Гааги, отмечая свой путь поджогами и грабежом всего, что принадлежало патриотической партии. Напрасно господин де Сен-При слал курьера за курьером в Версаль, чтобы французское правительство ввело войска в Голландию и не бросало партию, которую до сей поры поощряло; напрасно господин Эстергази, поставленный командовать войсками, которые были обещаны патриотам, приехал в Версаль умолять королеву о поддержке. Ничто не могло победить нерешительность короля и слабость его кабинета министров.

Дело затягивалось. Господин Эстергази, с которым королева обращалась, как с другом, и называла его «брат мой», сохранял надежду, что ей удастся добиться вмешательства французского правительства в пользу наших союзников, и послал господина де Ла Тур дю Пена в Антверпен, чтобы уговориться с господином де Сен-При о мерах, которые следовало принять, если будут посланы войска.

Но этот посол слишком хорошо знал свое правительство, чтобы ожидать от него хоть чего-то благородного или решительного. Таким образом, мы недостойным образом покинули голландских патриотов на произвол их несчастной судьбы. Франция ограничилась отзывом посольства, точнее, одного посла, оставив на месте поверенного в делах, которому было позволено носить оранжевую кокарду⁵⁸ под тем предлогом, что он подвергся бы оскорблениям, если бы при выходе из дома он или его люди показались бы без нее. Господину д'Омону, назначенному послом в Гаагу, было приказано даже и не думать о том, чтобы ехать на место службы.

Многие голландские патриоты укрылись во Франции, где не преминули высказать свое справедливое недовольство. Их жалобы были встречены с интересом всеми теми, кто, и так уже будучи недоволен правительством, усматривал надежду улучшить его. Вот так многие добрые французы оказались увлечены желанием, в то время весьма патриотичным, чтобы совершились перемены, казавшиеся необходимыми всем разумным и благонамеренным людям.

Моя золовка госпожа де Ламет, к которой я к тому времени питала самую нежную дружбу, должна была задержаться в Париже до октября месяца 1787 года из-за болезни своего младшего сына, который был при смерти. Поскольку полковники дивизии господина Эстергази имели приказ оставаться в своих полках и господин де Ла Тур дю Пен вследствие этого не мог вернуться, моя золовка предложила мне 1 октября поехать с ней в деревню. Ее брат смог бы приехать к нам туда, поскольку его полк стоял гарнизоном в Сент-Омере, всего в одном дне пути от Энанкура, расположенного между Амьеном и Аррасом. Трудность была в том, чтобы получить согласие на эту поездку у моей бабки, которая с момента отъезда моего мужа опять забрала всю власть надо мной. Я не находила смелости выступить с предложением, а моя золовка тем более. Мы тогда придумали сделать так, чтобы мой муж сам обратился к ней с этой просьбой. Я дожидалась момента, когда моя бабка получит письмо, полагая, что она не посмеет отказать, и была преисполнена решимости не задерживаться ни на мгновение после получения ее согласия, опасаясь сцен, которые последовали бы за этим.

В назначенный день письмо пришло, и моя бабка спросила меня вдруг, без всякого предисловия: «Когда вы едете?» На что я, дрожа, отвечала, что моя золовка меня уже ждет. Мы действительно уехали вместе; наши горничные ехали в моем экипаже, а госпожа де Ламет, ее двое детей и я — в ее.

Я сохранила самые приятные воспоминания об этом путешествии. Я была привычна к тому стеснению, в котором ужасный характер моей бабки держал всех обитателей Монфермея, и, когда я оказалась в обществе своего мужа и его милой сестры, мне показалось, что жизнь моя преобразилась. Они оба были чрезвычайно веселы и остроумны. Мы поехали в Лилль повидать маркиза де Ламета, который стоял там со своим полком Короны. Я никогда так не развлекалась, как во время этой поездки. Я посещала вместе с мужем все военные и гражданские учреждения. Я приобрела много новых идей, которые навсегда укоренились в моей памяти; с усвоенной еще в Лангедоке и сохранившейся навсегда привычкой расспрашивать людей об их специальности я раскладывала в уме по полочкам все подробности жизни военного города и много других знаний: о земледелии этого края, о прядении льна, о его употреблении и т. д. и т. п. Голова моя всегда казалась мне подобием той галереи в Риме, где хранят смальту двадцати тысяч оттенков для изготовления мозаичных картин, и, когда мне нужно какое-то воспоминание, я все еще, несмотря на мой изрядный возраст, благополучно нахожу тот ящичек, откуда его нужно достать.

По возвращении в Энанкур мы нашли тамошнего доброго кюре, девяноста лет от роду, жившего в замке. Свою первую мессу он отслужил

перед госпожой де Ментенон⁵⁹ и отлично помнил, как все было устроено в Сен-Сире. Я сама в детстве побывала в этом достойном восхищения учреждении с Мадам Елизаветой, которая любезно брала меня с собой на прогулку или на охоту, когда я приезжала с матерью в Версаль.

Когда было решено, что Франция покинет голландских патриотов на произвол их несчастной судьбы, командирам полков позволили вернуться в Париж, и мы с мужем пустились в обратный путь в Монфермей, а моя золовка должна была остаться в деревне до начала зимы. В то время было в элегантном обиходе, чтобы полковники путешествовали в форменном рединготе с двумя эполетами, а женщины — в элегантном костюме для верховой езды, однако же с юбкой менее длинной, чем та, в которой ездили на лошади. Весь этот наряд, включая шляпу, следовало доставить из Лондона, потому что страсть к английским модам в то время доходила до крайности⁶⁰. Я, таким образом, имела вид как нельзя более английский, что стало причиной забавного недопонимания.

Моя горничная отправилась в Париж раньше в другом экипаже, а наш курьер сильно нас опережал. Мы с мужем ехали в красивой почтовой карете. Она сломалась напротив главной аллеи парка старой госпожи де Нантуйе, которая с несколькими другими дамами, молодыми и красивыми, ехала по дороге на прогулку в экипаже. Когда мы с мужем выходили из нашей сломавшейся кареты, вид молодого полковника с очень молодой англичанкой породил в уме почтенной дамы совершенно несправедливое подозрение на мой счет. Тем не менее она предложила доставить нас в Бурже, где, как мы ей сказали, нас ожидал экипаж, — туда было всего четверть лье пути. Хотя она не поверила ни слову из сказанного, она все же отправила своих молодых спутниц пешком в замок, чтобы отвезти нас в Бурже в своем экипаже; но всю дорогу она говорила только с господином де Ла Тур дю Пенон, подчеркнуто предполагая, что я не говорю по-французски. Когда мы добрались до почтовой станции и она увидела красивое ландо, запряженное шестерней, со слугами в ливреях моего дядюшки-архиепископа, она была так сконфужена, что мне чрезвычайно хотелось рассмеяться. Я как могла ее благодарила; но бедная дама не смогла помешать этой истории дойти, через ее сына, до Версаля, где тогда еще имели время думать о приятном и забавном.

III

Вскоре после того обнаружилось, что я беременна; из-за этого мы не смогли, как обещались, сопровождать моего дядюшку и бабу в Монпелье, а оттуда вернуться через Бордо и Буй, чтобы повидать там моего свекра. Было устроено так, чтобы на все время отсутствия моих родных мы

поселились у нашей тетушки госпожи д'Энен. Поскольку она вывозила меня в свет, так было и приятнее, и удобнее. В то время было не принято, чтобы молодая женщина в первый год своего замужества появлялась в свете одна. Когда выезжали утром к своим молодым подругам или в лавки, брали с собой в экипаж горничную. Некоторые пожилые дамы доходили в своем ригоризме даже до порицания тех, кто отправлялся вдвоем с мужем погулять на Елисейские поля⁶¹ или в Тюильри; они желали, чтобы в этом случае за дамой следовал ливрейный лакей. Мой муж находил этот обычай невыносимым, и мы никогда не подчинялись этому требованию этикета.

Устроившись в доме у тетушки, где мы чувствовали себя гораздо счастливее и спокойнее, чем у моей бабушки, мы стали почти каждый вечер бывать в театре. Представления тогда заканчивались довольно рано, чтобы зрители могли потом отправиться поужинать. Мы с тетушкой имели дозволение занимать ложи королевы. Такую милость она оказывала только семи или восьми самым молодым дамам своей свиты. У нее были ложи в Опере, в Комеди Франсез и в театре, который тогда назывался Комеди Итальян⁶², — там играли комические оперы на французском языке. Нам надо было просто прочитать *«Журналь де Пари»* и выбрать, в какой театр пойти.

Эти ложи, все три в первом ярусе у авансцены, были обставлены как элегантный салон. Вход в них был через большой кабинет, имевший отопление и освещение. Там был туалетный столик с необходимыми вещами, чтобы поправить прическу, если она растрепалась, столик для письма и пр. Лестница вела в прихожую, где оставались слуги. При входе стоял привратник в ливрее королевского дома. Ждать своего экипажа не приходилось ни одной минуты. Чаще всего мы приезжали в Комеди Итальян на первую пьесу, которая всегда была лучше, а потом ехали в оперный театр на балет. Обо всех этих довольно незначительных подробностях я рассказываю лишь затем, чтобы показать контраст с моим нынешним положением, когда я в семьдесят один год вынуждена отказывать себе в возможности взять дрянной портшез за сорок солей, чтобы в дождливое воскресенье не идти к мессе пешком.

Поскольку я поселилась у тетушки, сейчас самое время рассказать о ее обществе, самом элегантном и уважаемом в Париже; это общество приняло меня к себе с первой зимы моего пребывания в свете. Оно состояло из четырех очень изысканных женщин; их еще с юности связывала дружба, представлявшая для них своего рода религию, возможно, увы, единственную, которая у них была. Они поддерживали и защищали друг дружку; все принимали связи, мнения, вкусы, идеи каждой из подруг; защищали, перед всеми и против всех, молодых женщин, связанных с кем-либо из них. Госпожа д'Энен, герцогиня де Пуа (урожденная де

Бово), герцогиня де Бирон (бабка которой, супруга маршала Люксембурга, умерла незадолго до того) и герцогиня Бульонская (урожденная принцесса Гессен-Ротенбургская) были замечательны и своим образом жизни, и своим положением в свете. Они были то, что тогда называлось выдающиеся умы, философы. Вольтер, Руссо, д'Аламбер, Кондорсе, Сюар и прочие не принадлежали к этому обществу, но их принципы и идеи были там приняты с воодушевлением, и многие мужчины — друзья этих дам бывали в этом кружке литераторов, в то время полностью отделенном от высшего класса придворных.

Пребывание господина Неккера на посту министра более всего способствовало перемешиванию различных классов, до той поры державшихся в отдалении друг от друга. Госпожа Неккер, уроженка Женевы, женщина претенциозная и склонная к педантизму, обосновавшись вместе с мужем в ведомстве генерального контролера финансов, привела туда всех поклонников своего ума... и своего повара. Ее дочь госпожа де Сталь, которой по ее положению супруги посла полагалось возвращаться в придворном обществе, со своей стороны, привлекла к господину Неккеру всех особ, претендовавших на острый ум. Моя тетушка и ее подруги попали в их число. Маршал Бово, отец госпожи де Пуа, был другом господина Неккера. Супруга маршала была одной из *законодательниц* парижского общества; чтобы приобрести в нем какой-то вес, надо было быть принятым и одобренным ею. Она привлекала к себе, с изрядным высокомерием оказывая им протекцию, весь сонм бывших сторонников господина Тюрго, прозванных «*сектой экономистов*».

Но вернемся к нашей тетушке. Когда я выходила замуж, госпоже д'Энен было тридцать восемь лет. В пятнадцать лет она была выдана за принца д'Энен, младшего брата принца де Шимэ; мужу ее было всего семнадцать. Ими восхищались как самой прекрасной парой, какая когда-либо появлялась при дворе. На второй год своего замужества госпожа д'Энен переболела оспой, и эта болезнь, от которой тогда не знали лечения, оставила на ее лице неизгладимый след.

Однако же она была еще очень красива, когда я с ней познакомилась; у нее были хорошие волосы, очаровательные глаза, жемчужные зубы, превосходная фигура и чрезвычайно благородный вид. Ее брачный договор предусматривал раздельное владение имуществом, и до самой смерти своей матери она жила с ней. Господин д'Энен, хотя и имел свои комнаты в доме госпожи де Монконсей и не был юридически разделен с женой, жил, тем не менее, как это часто можно было видеть тогда, к оскорблению всех приличий, с актрисой из Комеди Франсез по имени мадемуазель Рокур, которая его разоряла.

Двор своим безразличием оправдывал такого рода связи. Над ними посмеивались, как над вещью самой простой. Первый раз, когда я поехала

с тетушкой в Лоншан, мы несколько раз в потоке экипажей натыкались на экипаж этой актрисы, абсолютно такой же, как тот, в котором ехали мы сами. Лошади, упряжь, одежда слуг, все было настолько одинаково, что мы как будто видели себя в зеркале. Когда общество настолько испорчено, что все уже кажется естественным и ничто никого не шокирует, как удивляться бесчинствам, до которых дошли низшие классы, имея перед глазами такие примеры. Народ в своих чувствах не признает оттенков, и, когда ему дают повод презирать и ненавидеть того, кто стоит выше, он станет предаваться таким впечатлениям, ничем себя не сдерживая.

Женщины из высшего общества выделялись смелостью, с которой представляли напоказ свои амурсы. Интриги эти становились известны почти сразу, как только зарождались, а когда они бывали длительны, то приобретали уже своего рода признание. Однако в обществе *«соединенных принципов»*, как их называли, бывали исключения из этих предосудительных обыкновений. Госпожу де Пуа, скрюченную, хромую и каждый год подолгу болевшую, никогда не обвиняли ни в какой интриге. Когда я с ней познакомилась, она была еще мила лицом, хотя ей было уже сорок лет. Это была любезнейшая на свете особа.

Госпожа де Лозен, которая потом, со смертью моего почтенного поклонника маршала Бирона, стала называться герцогиней де Бирон, была ангелом доброты и красоты. После смерти супруги маршала Люксембурга, своей бабки, с которой она жила и которая держала самый большой дом в Париже, она купила себе дом на улице Бурбон, выходящий на реку, и обставила его с элегантною простотой, соразмерной как ее изрядному состоянию, так и присущей ее характеру скромности. Она жила там одна, поскольку ее муж, по примеру господина д'Энена, жил с актрисой из Комеди Франсез. После смерти матери, которая своей дружкой и благим влиянием удерживала его в доброй компании, он сошелся с окружением герцога Орлеанского-Эгалите, который развращал всё, что к нему приближалось.

У герцогини де Лозен была весьма любопытная библиотека и множество рукописей Руссо, среди прочего *«Новая Элоиза»*, вся написанная его рукой, а также сколько-то писем и записок от него к госпоже де Люксембург. Мне в особенности помнится письмо, которое он ей написал, объясняя отправку своих детей в приют для подкидышей и оправдывая это невообразимое решение. Софизмы, которые он приводит в поддержку такого варварского поступка, перемешаны там с самыми чувствительными и сочувственными фразами в отношении несчастья госпожи де Люксембург, которая только что потеряла... свою собачку. Я полагаю, что все эти драгоценные рукописи, как и редкие издания из этой коллекции, были переданы в королевскую библиотеку после трагической гибели госпожи де Бирон.

Герцогиня Бульонская была выдана очень молодой за последнего герцога Бульонского, который был слабоумным и безногим. Она жила с ним в особняке герцогов Бульонских на набережной Малаке. Его никогда никто не видел, как тому и следовало быть; он оставался все время в своих комнатах в обществе людей, которые за ним ухаживали. Однако же каждый день его приносили, чтобы он обедал с женой, и я видела иногда их два столовых прибора один напротив другого. Благодарение небу, я никогда не имела несчастья видеть этот бесформенный человеческий сверток на руках у слуг. Летом он жил у себя в прекрасном поместье Наварра, которое потом принадлежало императрице Жозефине. Но госпожа де Бульон, как я полагаю, ездила туда мало или совсем не ездила.

Это была особа удивительного остроумия и приятности и, на мой взгляд, самых изысканных манер. Красива она не была никогда. Она была чрезвычайно худа, почти как скелет, имела плоское немецкое лицо с курносом носом, некрасивые зубы, светло-рыжие волосы. Высокая и неуклюжая, она забивалась в уголок на диване, поджав под себя ноги и скрестив под мантилей длинные худые руки, и вот из этого скопления лишенных плоти костей выходило столько остроумия, такие оригинальные идеи, такой занимательный разговор, что все бывали привлечены и очарованы. Ко мне она была весьма добра, чем я очень гордилась. Она позволяла мне в мои восемнадцать лет приходить и слушать ее, сорокалетнюю, как если бы мы были одного возраста. Ей нравилось, какой большой интерес я проявляла к ее речам. Она, бывало, говорила моей тетушке: «Малышка Гуверне нынче утром приходила развлечься мною». Я знала, что без четверти два надо было уходить, чтобы не встретиться с ее безногим мужем; она от этого была в отчаянии, поскольку, вот уже более двадцати лет имея перед глазами это зрелище, она все еще к нему не привыкла.

И однако же эта некрасивая и остроумная герцогиня имела любовника или даже нескольких. Она даже воспитывала девочку, поразительно похожую на нее, а также на герцога Эммануила цу Зальм-Зальм. Он считался ее любовником на всю жизнь, но, конечно, он был тогда просто ее другом. Высокого роста, такой же худой, как его любовница, мне он всегда казался пресным. Говорили, что он учен. Я охотно этому верю, но сокровища своего ума он скрывал, и ничего из сказанного им никто никогда не вспоминал.

Шевалье де Куаньи, брат герцога — первого конюшего короля, считался еще до моей свадьбы любовником моей тетушки или, по крайней мере, имел репутацию такового. Если даже предположить, что он им когда-то был, то, без сомнения, уже давно от этого оставалось одно название, поскольку в то время у него была другая связь с госпожой де Монсож, вдовой откупщика и матерью очаровательной графини Этьенн де Дюрфор. Впоследствии он на ней женился.

Я очень любила этого толстяка, веселого и любезного. Поскольку ему было пятьдесят лет, я болтала с ним подолгу, как только удавалось. Он мне рассказывал множество анекдотов, которые я запоминала и которые, возможно, позабавили бы, если бы я их рассказала. Будучи предназначена судьбой жить в высшем обществе и при дворе, я с интересом слушала его рассказы, поскольку знание о прошлых временах было мне очень полезно.

IV

В числе моих друзей были люди в возрасте шевалье де Куаньи, графа Тиара, герцога де Гина; удовольствие, которое я проявляла, беседуя с ними, не оставляло их равнодушными. Общество моей тетушки решило, что я должна сделаться *модной* женщиной. Со своей стороны, я решила — и это было для меня очень просто, поскольку я страстно любила своего мужа — никогда не выслушивать ни от одного молодого человека таких речей, которые бы мне не нравились. Я обращалась с ними без высокомерия, без напускной стыдливости, но с фамильярностью такого рода, которая расстраивает всякое кокетство. Аршамбо де Перигор говорил: «Госпожа де Гуверне невыносима; она ведет себя со всеми молодыми людьми так, словно бы это ее братья».

Женщины не становились моими врагами. Никому не завидуя, я так хвалила их достоинства, их остроумие, их туалеты, что выводила из терпения тетушку, которая, несмотря на превосходство своего ума, много ревновала по мелочам в пору своей молодости и теперь вновь начала ревновать, уже на мой счет.

Я знала также, насколько важно расположить в свою пользу старых дам, которые были в ту пору всемогущи. Моя бабка успела нажить себе среди них врагов до того, как покинула общество, или, лучше сказать, до того, как общество ее покинуло. То, что я воспитывалась у нее, было не в мою пользу. Мне надо было плыть против течения во мнении многих особ, которые любили мою мать и в глазах которых протекция моей бабки составляла повод для нареканий, если не прямую вину.

Я возобновила свою детскую дружбу с дочерьми семейства Роше-шуар. Их общество сильно отличалось от общества нашей тетушки, но та не возражала против того, чтобы я поддерживала эти отношения. Я встречалась также с подругами своей золовки, которая, как и я, общалась с окружением тетушки, но имела и некоторых других знакомых, не входивших в этот круг.

Дом, куда мы все ездили и где меня принимали с самой любезной не-принужденностью, был дом госпожи де Монтессон. Господина де Ла Турдю Пена она любила, как сына. После смерти госпожи де Монконсей он

поселился у нее и жил там до самой свадьбы. Она приняла меня с чрезвычайной добротой, и я завязала дружбу с ее племянницей госпожой де Валанс, дочерью госпожи де Жанлис, которая была старше меня на три года и считалась тогда образцом для молодых женщин. Она была на сносях, ожидая второго ребенка, после того как потеряла первого.

Злые языки утверждали, что якобы госпожа де Монтессон, увлекаемая сильной страстью к господину де Валансу, убедила его жениться на своей племяннице, чтобы иметь повод полностью посвятить себя ему. Я не знаю, что об этом думать. Она годилась ему в матери, но нельзя отрицать, что его власть над госпожой де Монтессон была такова, что он стал причиной ее разорения из-за присоветованных им дурных решений в распоряжении ее изрядным состоянием, полученным от герцога Орлеанского.

Известно, что она была вполне законной женой герцога; венчал ее Ломени, архиепископ Тулузский, в парижской церкви Сент-Эташ в присутствии кюре этой церкви. Король не пожелал признать этот брак, и госпожа де Монтессон перестала появляться при дворе. Герцог Орлеанский покинул свою квартиру в Пале-Рояль и поселился в доме на улице Прованс, сообщающемся с домом на Шоссе д'Антен, который он перед тем купил для госпожи де Монтессон. Все внутренние ограды снесли, и два сада были объединены в один. Герцог Орлеанский сохранил, однако, вход с улицы Прованс, где стоял швейцар в его ливрее, а госпожа де Монтессон — свой, со своим собственным швейцаром в серой ливрее, но дворы оставались общими.

Когда я начала появляться в свете, госпожа де Монтессон только что оставила свой вдовий траур, на время которого она переселялась в монастырь Успения Богородицы, поскольку двор не позволил ей носить траур публично и одеть в черное своих людей. Ее дом имел хорошую репутацию. Она принимала самое лучшее и изысканное общество в Париже, от самых старых дам до самых молодых. Она в то время уже не устраивала ни праздников, ни спектаклей, как то было при жизни герцога Орлеанского; я об этом сильно сожалела. Она приняла меня сразу же, как если бы я была ее дочерью, и благодаря ее большой опытности в свете разговоры с ней и ее советы были мне очень полезны. Я не побоялась бы обратиться к ней ни по какому делу и была уверена, что найду в ней защитницу, если бы кто-то стал на меня нападать. Не проходило почти ни дня, чтобы я не видалась с госпожой де Валанс, и часто госпожа де Монтессон оставляла меня обедать, когда время было уже позднее. Бывало и так, что она посылала мне сказать, чтобы я возвращалась пообедать с ней, запросто, в утреннем платье.

Таким образом, за время, что я прожила у госпожи д'Энен, я заняла определенное положение в свете. Мои родственники задержались в Лангедоке, и, когда они вернулись в феврале месяце 1788 года, теперь уже мне оказалось невозможно покинуть дом тетушки, чтобы переехать к ним.

Я должна была оставаться в постели из-за выкидыша. Вызван он был, как я полагаю, избытком крови; возможно, это было следствие моей неосторожности во время поездки в Версаль. Дело было вечером в воскресенье; идя по галерее, я услышала, как бьет 9 часов. Опасаясь, что королева уже вошла в залу, я побежала бегом, задевая *панье*⁶³ платья за косяки дверей, из-за чего меня каждый раз сильно толкало. В тот момент я не почувствовала никакого неудобства и вернулась в Париж, но два дня спустя я заболела. Этот несчастный случай был для меня вдвойне тягостен, и из-за собственного моего огорчения, и из-за того разочарования, которое, как я знала, он должен был причинить моему достойнейшему свекру.

Моя бабка по прибытии в Париж посетила меня. Я еще принуждена была оставаться в постели из-за крайней слабости, но она сделала вид, что считает это игрой, разыгранной, чтобы оставаться у тетушки. Вскоре из разговоров со мной она узнала, каким успехом я пользовалась в свете, какой хороший прием я встречала у многих особ, которых она ненавидела, и с какой предупредительностью и любезностью относились ко мне друзья моей матери. Она была этим смертельно обижена, и с этого-то момента, как я полагаю, она решила воспользоваться первым же поводом, чтобы вынудить нас покинуть дом моего дядюшки. Тем не менее я вернулась в особняк Диллонов. Для меня там была устроена очаровательная квартира в мансардном этаже; к сожалению, вход туда был по маленькой скверной лестнице со множеством поворотов, проходившей возле туалетного помещения моей бабки.

У меня не сохранилась в памяти вся последовательность событий, приведших к разрыву с моими родственниками. Неукротимая ненависть моей бабки к господину де Ла Тур дю Пену, безудержная ревность из-за той любви, которую проявлял к нему мой дядюшка, боязнь, как бы этот последний не позволил себе заговорить с моим мужем о своих делах и не открыл ему, вследствие этого, и дел моей бабки, и всех тех обязательств, которые она на себя приняла в отношении его, — таковы были, по большей части, причины этой катастрофы в нашей домашней жизни. После многих месяцев повторяющихся конфликтов моя бабка, которую подталкивали и подстрекали дурные советчики, велела нам съехать от нее. Невзирая на мои слезы, невзирая на заступничество моего дядюшки-архиепископа, привязанность которого мы успели приобрести, но который слишком боялся моей бабки, чтобы посметь сопротивляться ей, мы принуждены были в июне месяце 1788 года покинуть особняк Диллонов, чтобы никогда больше туда не вернуться.

Тетушка с большой добротой приняла нас к себе. Однако же, несмотря на все невзгоды, которые причинял мне характер моей бабки, я была глубоко опечалена расставанием с родными. Общество разделилось во мнениях: кто-то приписывал мне разные выдуманные вины, а прежние друзья

моей матери с жаром меня защищали. В числе последних была и королева. Господин де Ла Тур дю Пен, как и я, не избегнул нападок. Его обвиняли в резкости, в несдержанности и пр. Этот период был одним из самых тягостных в моей жизни. Я тогда впервые испытала настоящее огорчение, и воспоминание о нем до сих пор причиняет мне сильную боль, хотя я и не знаю за собой никакой вины, которая могла бы стать ему причиной.

Глава VIII

1788. — I. Жизнь в доме госпожи д'Энен. — Лето 1788 года в Пасси. — Вниманье королевы к госпоже де Ла Тур дю Пен. — Распорядок в спальне королевы. — Послы Типпу-Саиба. — II. Господин де Ла Тур дю Пен — командир полка Руаяль-Вессо. — Недисциплинированность офицеров этого полка. — III. Принц Генрих Прусский. — Его вкус к французской литературе. — Представление «Заиры». — IV. Дом семейства Рошешуар. — Господин де Пьенн и госпожа де Рейи. — Граф де Шинон, впоследствии герцог де Ришелье. — V. Неудачные роды госпожи де Ла Тур дю Пен. — Два знаменитых врача. — Хирург Куад. — Концерты в доме семейства Рошешуар. — Бал у лорда Дорсета. — VI. Приближение революционной катастрофы. — Уверенность множества честных людей. — Неудача господина де Ла Тур дю Пена на выборах в Генеральные Штаты. — Господин де Лалли и господин д'Эпремениль — секретари Ассамблеи дворянства. — Председатель господин де Клермон-Тоннер. — Княгиня Любомирская. — Популярность герцога Орлеанского. — Причины антипатии между королевой и герцогом Орлеанским. — Популярность английских мод. — VII. Происхождение господина де Лалли-Толлендаля. — Подавление бунта в полку. — Господин де Лалли в иезуитском коллегииуме. — Как он принял решение добиваться посмертной реабилитации своего отца, генерала де Лалли-Толлендаля. — Влияние, которое на него оказывала мадемуазель Мэри Диллон.

I

1788.

Наша тетушка госпожа д'Энен приняла нас к себе в дом на улице Верней. Комнаты в нижнем этаже, в которых она меня поселила, выходили на небольшой садик, чрезвычайно унылый. Мы не желали быть у нее на содержании. У нас служила кухарка, которая кормила наших слуг и готовила нам, когда тетушка обедала вне дома или в свою неделю была на дежурстве во дворце.

Моя служанка Маргарита, которая никогда меня не покидала, устояла перед всеми предложениями, авансами и даже мольбами моей бабки, чтобы последовать за мной. Я питала к этой достойнейшей девице чрезвычайную любовь и безграничное доверие. Не умея ни читать, ни писать, она была однако же способна на абсолютную преданность и обладала, как я, кажется, уже говорила, поразительно верным суждением о людях и характерах. Она была мне очень полезна. Я бы не смогла обходиться без ее забот; их ничто не могло заменить.

На лето 1788 года мы уехали в Пасси, в дом, который госпожа д'Энен снимала вместе с госпожой де Пуа, госпожой де Бульон и госпожой де Бирон. Тетушка и я жили там постоянно, а остальные дамы наезжали по очереди. Я была в начале беременности и очень береглась, опасаясь нового несчастного случая. Однако я продолжала ездить в Версаль до трехмесячного срока беременности; после этого появляться при дворе было не принято.

Королева была так добра, что освободила меня от обязанности сопровождать ее к мессе, опасаясь, как бы я не поскользнулась на паркетe, если пойду быстрее. Я оставалась у нее в спальне, пока все ходили в церковь, и таким образом я узнала все подробности службы женщин, приставленных к гардеробу королевы. Обязанности их состояли в том, чтобы заправлять постель, выносить то, что оставалось после туалета, протирать столы и прочую мебель. При нынешних нравах это показалось бы странным, но тогда гардеробные служительницы прежде всего открывали громадные двойные занавеси, окружавшие кровать, затем снимали простыни и подушки и бросали их в огромные корзины, обитые внутри зеленой тафтой. Затем четверо лакеев в ливреях приходили перевернуть матрас, который у женщин не хватило бы сил сдвинуть с места. После этого лакеи уходили, а четыре женщины стелили белые простыни и расправляли покрывала. За пять минут все было готово, и, хотя месса, вместе с дорогой туда и обратно, не занимала более двадцати пяти или тридцати минут, я еще довольно долгое время оставалась одна сидеть в кресле у окна. Когда бывало много народу, королева, всегда предупредительная, говорила мне, проходя мимо, пойти сесть в карточной гостиной, чтобы мне не пришлось слишком долго оставаться на ногах и утомляться.

Эти предосторожности помешали мне присутствовать при приеме послов Типпу-Саиба, который проходил с большой пышностью. Они прибыли просить поддержки Франции против англичан. Но мы им ничего, кроме слов, не дали, как и прежде голландцам⁶⁴. Эти трое индийцев оставались в Париже несколько месяцев; их содержали за счет короля и возили повсюду в карете шестерней. Я часто видела их в Опере и в других публичных местах. Они все были хорошего индийского рода, со светло-коричневой кожей и белыми бородами, доходившими до пояса, и носили очень богатые костюмы. В Опере им была отведена прекрасная ложа в первом ярусе. Сидя в больших креслах, они часто клали ноги, обутые в желтые туфли без задников, на барьер ложи, к большой радости публики, которая, впрочем, не видела в этом дурного.

Господина де Ла Тур дю Пена тогда только что назначили командиром полка Руаяль-Вессо⁶⁵. Эта часть отличалась очень плохой дисциплиной — не по поведению солдат и унтер-офицеров, которое было превосходным, а по отношению к службе офицеров, избалованных прежним командиром господином д’Оссеном, мужем придворной дамы королевы, отвечавшей за ее уборы. Когда мой муж, очень строгий в отношении дисциплины, прибыл в свой полк, он обнаружил, что эти господа службу свою не отправляли, хоть и хвалились, что в их числе было двадцать два рыцаря Мальтийского ордена. Обнаружив, что на ежедневных учениях в полку командуют унтер-офицеры и подполковник господин де Кергарадек, господин де Ла Тур дю Пен объявил, что, поскольку сам он ежедневно с восходом солнца является на учения, он ожидает, что и все офицеры будут тоже там присутствовать. Этот приказ вызвал небывалое озлобление. В тот год должен был устраиваться лагерь в Сент-Омере под началом принца Конде. Полк Руаяль-Вессо назначили для примера, чтобы привести в исполнение новые, только что выпущенные тактические предписания. Это отличие, вместо того чтобы польстить офицерам, как было бы должно, вызвало их недовольство, поскольку принуждало их отказаться от привычек к лености и небрежению службой, которые они себе завели попусшением начальства. Они, не боясь стыда, объединились в коалицию, чтобы противостоять всем упрекам и порицаниям командира. Наказания, арест, заключение под караул — ничто не могло их заставить исполнять свой долг. Офицерами даже была принята резолюция не видаться со своим полковником кроме тех случаев, когда они не могли официально этого избежать. Все приглашения к обеду, которые он им посылал, отклонялись. Это был почти что открытый бунт. Так прошло лето. Лагерь был устроен, и полк прибыл туда. Первый же маневр, который полк должен был выполнить для образца, прошел плохо. Господин де Ла Тур дю Пен был в гневе. Он подал отчет принцу Конде о плохом состоянии духа в полку, или, вернее, среди офицеров. Принц объявил, что, если на первых маневрах офицеры не покажут себя лучше, он их всех отправит под арест на все время лагерного сбора, а ротами будут командовать унтер-офицеры. Эта угроза возымела действие. Вдобавок по выходе из лагеря инспектор герцог де Гин дал понять, что для офицеров полка Руаяль-Вессо не будет никаких наград — ни креста Святого Людовика, ни полугодового отпуска — и что полковник останется на зиму в гарнизоне. Тут эти господа подчинились, принесли извинения господину де Ла Тур дю Пену и с тех пор уже вели себя хорошо. К несчастью, они подали дурной пример, которому слишком многие последовали год спустя.

III

Пока все это происходило в Сент-Омере, я очень приятно жила в Пас-си с тетушкой и одной или двумя из ее подруг. Я часто ездила в Париж, а также проводила некоторое время в Берси у госпожи де Монтессон, которая всегда была преисполнена доброты ко мне. Там я очень часто встречала старого принца Генриха Прусского, брата великого Фридриха. Это был человек изрядных военных и литературных талантов, большой поклонник всех тех философов, которых его брат привлек к своему двору, и в особенности Вольтера. С нашей литературой он был знаком лучше природного француза. Он знал наизусть все наши театральные пьесы и повторял тирады из них с ужаснейшим немецким акцентом и с такой смешной неверной интонацией, что нам стоило большого труда удержаться от смеха.

Когда однажды осенью госпожа де Монтессон завела разговор о «*Зауре*»⁶⁶, принц тут же предложил разыграть главные сцены из этой пьесы, причем сам он, по его словам, особенно хорошо изучил роль Оросмана. Немедленно были распределены роли. Принцу Генриху назначено было стать султаном; госпожа де Монтессон в свои пятьдесят пять лет должна была представлять Заиру; господин де Ла Тур дю Пен, произносивший стихотворные монологи как самый лучший актер, получил роль Нерестана. Начали представление. Как в театре, были расставлены кресла, и собранные со всего замка подсвечники образовывали рампу. Зрители были только я да еще несколько молодых особ, родственниц и протеже госпожи де Монтессон, потому что госпожа де Валанс играла роль Фатимы, а господин де Валанс — Лузиньяна. Принц, не жалея нас, не пропустил ни одного стиха. В момент развязки, поскольку под рукой не было никакого орудия для самоубийства, ему дали нож для разрезания книг и придвинули канапе, на которое он упал, умирая. Я никогда не видела ничего смешнее этого представления; принц, однако же, остался им вполне доволен.

Чтобы сделать ему приятное, приглашали известных литераторов: Сюара, Мармонтеля, Делиля, читавшего разные эпизоды из своей поэмы «*Воображение*», тогда еще в рукописи; Эльзеар де Сабран, которому было только двенадцать лет, тогда уже читал басни собственного сочинения. Доброго принца все это очень радовало. Против него было только его некрасивое лицо и немецкий акцент, тем более странный, что он совершенно не знал своего языка и превосходно говорил по-французски.

IV

Поскольку я не пишу историю Революции, я не стану говорить обо всех разговорах, спорах и даже ссорах, которые различие мнений вызывало

в обществе. В мои восемнадцать лет мне эти обсуждения были очень скучны, и я старалась от них отвлечься, ездя как можно чаще в один очаровательный дом, куда влекли меня детские привязанности, возобновившиеся и ставшие очень тесной дружбой, особенно с того дня, как я должна была покинуть своих родственников. Дом семейства Рошешуар был из тех патриархальных домов, каких больше не увидишь, — там смешивались между собой без стеснения, без скуки, без придиорок несколько поколений.

Госпожа де Куртей, очень богатая вдова, выдала свою единственную дочь за графа де Рошешуара. Она жила с дочерью, зятем и их двумя дочерьми в прекрасном просторном доме, который они выстроили на улице Гренель. Госпожа де Рошешуар была близкой подругой моей матери, и я провела свое детство вместе с ее двумя дочерьми, старше меня на два и на четыре года. Старшая вышла замуж в пятнадцать лет за герцога де Пьенна, впоследствии получившего титул герцога д'Омона. Это была милая особа, не красавица, но с приятным лицом. Господин де Пьенн был, в открытую, как это тогда водилось в высшем обществе, любовником госпожи де Рейи; жена его была от этого очень несчастна. Она его любила и изводилась от горя из-за его дурного поведения, но старалась тщательно это скрывать и никогда не жаловалась. Ему принадлежали самые красивые лошади в Париже, но она никогда не могла ими пользоваться. Я часто возила ее в своем наемном экипаже, и, когда мы ездили на прогулку по Елисейским полям, нам встречался герцог де Пьенн в своем фаэтоне с госпожой де Рейи. Бедная герцогиня отводила глаза, и мы ни в коем случае не говорили о том, что только что пришлось видеть нам обеим. Однако же у этих супругов, так мало подходящих друг другу, было двое детей, оба мальчики; из них теперь еще жив только младший, альбинос. Волосы, брови и ресницы у него были словно из белого шелка, а глаза светло-голубые с красным, как у ангорского кролика. Он не мог выносить света, и ему надевали небольшой козырек из зеленой тафты, который он постоянно носил все свое детство. Старший был приятен лицом и очень умен. Он погиб в Крыму.

Я больше всего была дружна со второй сестрой Рошешуар, Розали. Ее выдали замуж, когда ей было двенадцать лет и один день, за внука маршала Ришелье, графа де Шинона, которому тогда было всего пятнадцать. В то время она была еще маленькой девочкой, милой, но худой и очень хрупкого здоровья; он был неприятный мальчик, педант, и мы на наших детских балах терпеть его не могли. Свадьба состоялась еще до смерти моей матери, и я там присутствовала. Сразу же после обеда, устроенного в доме Ришелье, где присутствовали все поколения — от маршала, чей первый брак относился еще к царствованию Людовика XIV, до подружек новобрачной, маленьких девочек моего возраста, — молодой супруг уехал со своим гувернером в путешествие по всей Европе. Уехав в нача-

ле 1782 года, он вернулся во Францию лишь зимой с 1788 на 1789 год. Он сделался к тому времени рослым и красивым молодым человеком превосходных качеств.

В доме семейства Рошешуар радовались его возвращению, но бедная его жена не разделяла этой радости. Сделавшись совершенно горбатой в четырнадцать лет, когда становилась взрослой, она, увы, опасалась, что у ее мужа это уродство вызовет отвращение. Она не обманывала себя иллюзиями, что ее музыкальный талант, ангельский голос, обширное образование, чудесный характер и возвышенный ум могут заставить ее мужа, почти что незнакомого ей, забыть о таком увечье. Она понимала, что ее милого одухотворенного лица, прекрасных волос и жемчужных зубов недостаточно, чтобы компенсировать скрюченную фигуру.

Бедный молодой человек, в довершение несчастья, по возвращении домой обнаружил еще и двух сестер, дочерей своего отца от второго брака, которых природа обделила так же, как и его жену. Одна из них стала впоследствии госпожой де Монкальм, а другая — госпожой де Жюмильяк. Эта троица горбуний внушила ему отвращение к Франции.

При первых признаках зарождающейся Революции он эмигрировал, отправился в Россию и стяжал много славы в войне русских против турок, на которой он служил волонтером в армии императрицы Екатерины II вместе с господином де Дамасом и господином де Ланжероном. Он был при взятии Измаила и изрядно там отличился. После смерти своих деда и отца он был назначен первым камергером.

Вернувшись во Францию в период консульства, он вскоре снова уехал в Россию, откуда вернулся только уже после Реставрации, пробыв много лет губернатором Одессы.

Господин де Ришелье провел в Париже около года, и в ту зиму с 1788 на 1789 год дом семейства Рошешуар был одним из самых приятных в Париже. Там очень часто устраивали музыкальные вечера, для которых нужны были репетиции, еще более приятные, чем сам вечер.

V

В декабре месяце у меня были ужасно тяжелые роды, от которых я чуть не умерла. После двадцати четырех часов сильных мук я произвела на свет мертвого ребенка, задушенного пуповиной при родах. Я не сразу это узнала, поскольку потеряла сознание, а спустя два часа была уже в агонии от родильной горячки, которая свирепствовала тогда среди рожениц в Париже.

Хотя меня лечили первые медицинские светила того времени, акушер господин Боделок и врач господин Бартез, их наука не спасла бы меня

от смерти. Моя служанка Маргарита слышала, как они говорили между собой: «Ни к чему будет и возвращаться, поскольку не пройдет и двух часов, как она умрет». В испуге она сообщила об этом хирургу по имени Куад, который был очень предан господину де Ла Тур дю Пену. Этот хирург предложил моему мужу попробовать спасти меня сильным средством, которое мои восемнадцать лет давали мне силу вынести; но, как он добавил, нельзя было терять ни минуты. Господин де Ла Тур дю Пен в отчаянии согласился на все. Мне дали вначале большую дозу ипекакуаны⁶⁷, под действием которой я пришла в себя. Потом мне дали не знаю еще какие лекарства, и вечером я была уже вне опасности — вопреки приговору знаменитых врачей, которые, оставив меня, впоследствии хвалились, что это они меня спасли. Я долго оставалась очень слаба и охвачена печалью от потери моего ребенка, девочки. Обо мне всячески заботились. Со мной сидели и составляли мне компанию, сменяя друг друга, то мои подруги, то подруги тетюшки, и к концу зимы я вернулась к светской жизни и к музыкальным занятиям в доме семьи Рошешуар.

Эти музыкальные вечера собирали очень изысканное общество. Они устраивались раз в неделю, но отдельные отрывки из ансамбля до того репетировались по несколько раз. За фортепиано садилась госпожа Монжеру, знаменитая пианистка того времени; тенором выступал певец из итальянской оперы; другой итальянец, Мандини, пел басом; госпожа де Ришелье была примадонной, я пела партию контральто, господин де Дюрас — баритона, хоровые партии исполняли другие любители. Виотти аккомпанировал на скрипке. Так мы исполняли самые трудные финалы. Все не жалели сил, и Виотти был чрезвычайно строг. В дни репетиций мы имели также судьей господина де Рошешуара, музыканта в душе, который не оставлял незамеченной ни одной ошибки.

Час обеда застигал нас часто в середине финала. При звуке колокола каждый брал свою шляпу; тут входила госпожа де Рошешуар со словами, что обеда хватит на всех. Мы оставались, и после обеда репетиция возобновлялась. Получался, таким образом, уже не утренник, а целый музыкальный день.

Вечером в день представления присутствовало всегда пятьдесят человек всех возрастов. Госпожа де Куртей оставалась у себя в кабинете и играла в триктрак со своими старыми подругами. Время от времени они заходили в музыкальную гостиную посмотреть на то, что называли *прекрасной молодежью*.

Теперь, живя вдали от света, я не могу сама судить о нынешнем обществе. Если верить тому, что рассказывают, приходится сомневаться в том, чтобы сегодня в отношениях существовали такая легкость, такая гармония, такой хороший тон, такое отсутствие всякой претенциозности, какие царили тогда в лучших домах Парижа. Там большую часть времени

смешивались три поколения, друг друга не стесняя и не вредя друг другу. В то время, когда я пишу эти строки, такие собрания, где смешивались бы все возрасты, похоже, отошли в прошлое, и, как сожалел господин де Талейран, старые дамы уже не появляются в свете.

Мне кажется, что как раз весной того года английский посол герцог Дорсет уступил место лорду Говеру и его очаровательной жене леди Сазерленд. Перед отъездом из Парижа он дал прекрасный бал. Ужин был устроен за маленькими столиками, расставленными по всей галерее, которую украсили зелеными ветвями. На приглашениях герцог весьма дерзко поместил внизу такие слова: «*Дамам быть в белом*». Такого рода приказ мне не понравился. В знак протеста я заказала себе красивое платье из синего крепа, украшенное цветами того же цвета. У меня были синие банты на перчатках и веер похожего оттенка. В прическе, сделанной Леонаром, были синие перья. Это небольшое безумство имело успех. Мне без конца повторяли: «*Цвет времени — синяя птица*». Сам герцог Дорсет потешался над этой шуткой, говоря, что у ирландцев бледный вид.

VI

Среди этих удовольствий приближался май 1789 года, и мы могли бы сказать, как в «*Танкреде*»⁶⁸:

...Все эти радостные клики
Сменятся скоро горестными воплями.

Смеясь и танцуя, мы шли к пропасти. Серьезные люди довольствовались тем, что говорили об уничтожении всех злоупотреблений. Франция, говорили они, скоро возродится. Слово «*Революция*» не произносилось. Тот, кто осмелился бы его произнести, был бы сочтен безумцем. В высшем обществе эта обманчивая безопасность обольщала мудрые умы, желавшие покончить со злоупотреблениями и казнокрадством. Этим объясняется то, что столько честных и чистых людей, и среди них сам король, первым разделявший их чаяния, надеялись в тот момент, что нам вот-вот предстоит вступить в золотой век.

Теперь, когда долгая жизнь позволила мне увидеть, как разворачивались все эти события, глубокое ослепление несчастного короля и его министров оставляет меня в недоумении. Несомненно, что герцог Орлеанский начал свои закулисные маневры задолго до Генеральных Штатов. Однако же брошюра, которую он разослал в разные места, где у него были поместья, казалась продиктована патриотизмом и свидетельствовала о добрых намерениях. Брошюру развозили многие особы из общества,

назначенные представлять герцога на местных ассамблеях дворянства. Эти представители могли быть избраны депутатами Генеральных Штатов. Господин де Ла Тур дю Пен поехал в Немур с виконтом де Ноайлем, братом принца де Пуа; но господин де Ноайль выиграл выборы у моего мужа, который проиграл также и в Гренобле, где выступал представителем своего отца. Его отец был избран от Сентонжа.

Как я помню, в силу своего рода предчувствия я была очень довольна тем, что господин де Ла Тур дю Пен не попал в состав этого собрания, оказавшегося для нас столь пагубным. Довольна я была попросту из-за того, что бесконечные политические дискуссии, при которых мне приходилось каждый день присутствовать, вызывали у меня глубокую скуку. Завсегдатаи общества нашей тетушки и сама она не иссякали соображениями насчет того, какие средства применить для исправления злоупотреблений и для лучшего распределения налогов. Особенно настаивали на необходимости составить новую конституцию Франции по образцу английской, которую очень мало кто знал. Сам господин де Лалли, хотя и утверждал, что знает ее превосходно, в подробностях не разбирался, но однако же считался своего рода оракулом. Сила его красноречия очаровывала дам, которые слушали его с наслаждением. Моя тетушка была без ума от него и не сомневалась, что он будет иметь успех в Генеральных Штатах.

Он был избран депутатом Ассамблеи от парижского дворянства. Я присутствовала на одном из первых заседаний этой Ассамблеи. Нас было двадцать или тридцать женщин; мы прятались за занавесями трибун, устроенных в окнах зала. Одно замечательное происшествие привлекло внимание к господину Лалли. При выборе бюро два первых имени, вынутых из урны для голосования на посты секретарей Ассамблеи, были имени господина де Лалли и господина д'Эпремениля, президента парижского парламента⁶⁹. Так вот, этот господин д'Эпремениль был докладчиком по тому роковому делу, по которому в 1766 году был отправлен на эшафот генерал де Лалли⁷⁰. Во многих судах, в которые сын покойного господин де Лалли обращался, добиваясь реабилитации отца и кассации судебного постановления, господин д'Эпремениль выступал против него и действовал всеми средствами, чтобы сохранить в силе обвинительный приговор, причем проявлял такое неистовое ожесточение, что они глубоко возненавидели друг друга. Это были огонь и вода. Так что, когда этих двоих провозгласили секретарями и они встали со своих мест в глубине зала, чтобы усесться рядом друг с другом за столом бюро, в зале стали слышны заинтересованные разговоры по поводу господина де Лалли. Все с восторгом зааплодировали, когда он, обратив к Ассамблее краткие слова благодарности за свое избрание, сказал, что все личные разногласия должны исчезнуть перед интересами государства.

Выборы председателя Ассамблеи также стали большой сенсацией. Этот высокий пост достался господину де Клермон-Тоннеру, молодому человеку, отличавшемуся как приятным лицом и красноречием, так и редкими качествами ума и характера. Он произнес прекрасную речь, без сомнения, импровизированную, поскольку вряд ли он ждал избрания председателем Ассамблеи, из членов которой был самым молодым. Его красивое лицо, отличная речь, красноречие произвели на молодую и красивую княгиню Любомирскую, сидевшую рядом со мной, такое впечатление, что это оказалось для нее фатальным. С этого момента в ней зародилась безумная страсть к господину де Клермон-Тоннеру. Она с тех пор не хотела уезжать из Парижа и стала, вследствие этого, одной из первых жертв Террора.

Когда вслед за ужасной зимой, которая была такой тяжкой для бедняков⁷¹, настала весна 1789 года, герцог Орлеанский-*Эгалите* был очень популярен в Париже. В прошедшем году он продал большую часть картин из прекрасной дворцовой галереи, и кругом говорили, что 8 миллионов выручки от этой продажи были пущены на облегчение несчастий народа в ту суровую зиму. Напротив, ничего или почти ничего не говорили о благотворительности принцев королевской семьи, короля и королевы. Эта несчастная государыня была полностью в руках семейства Полиньяк. Она не ездила больше на спектакли в Париж. Народ никогда не видел ни ее, ни ее детей⁷². Король, со своей стороны, тоже никогда не показывался. Затворившись в Версале или охотясь в окрестных лесах, он ни о чем не подозревал, ничего не предвидел, ничему не верил.

Королева ненавидела герцога Орлеанского, который и раньше плохо о ней говорил. Он желал женить своего сына герцога Шартрского на ее королевском высочестве. Но граф д'Артуа, будущий Карл X, также претендовал на руку этой принцессы для своего сына герцога Ангулемского, и королева предпочитала эту партию. Таким образом, предложение герцога Орлеанского было отвергнуто, и он был этим смертельно обижен. В Версале он бывал нечасто, и я не припомню, чтобы мне когда-то приходилось его встречать у королевы в тот час, когда туда приходили принцы, то есть перед мессой. Поскольку, с другой стороны, у него на квартире в Версале его никогда не было, я не была ему официально представлена. Так что, когда он встречал меня у госпожи де Монтессон вместе с госпожой д'Энен, его обычной шуткой было спросить у нее мое имя. Это не мешало мне присутствовать на ужинах в Пале-Рояле, которые в ту зиму были довольно блестящими.

Я была и за ужином, устроенным, чтобы обновить новое столовое серебро, которое герцог Орлеанский заказал у Артура, знаменитого ювелира того времени. По моим воспоминаниям, ужин показался мне слишком легким и слишком английским по форме, но такова была мода. Все должно было быть скопировано с наших соседей, от конституции до лошадей

и экипажей. Некоторые молодые люди — Шарль де Ноайль и другие — даже старались говорить по-французски с английским акцентом и изучали, чтобы усвоить, манеры, походку и все внешние признаки англичанина. Они завидовали, как особенному счастью, тому, что я часто в общественных местах вызвала восклицание: «Вот англичанка!»

VII

Поскольку я начала говорить о господине де Лалли в тот момент, когда он стал заметной персоной, имеет смысл рассказать о его происхождении и о необыкновенном повторении незаконнорожденности от отца к сыну, которое, возможно, не встречалось больше ни в какой другой семье.

Джерард Лалли, прадед того Лалли, о котором я говорю, был бедным мелким ирландским дворянином, примкнувшим к партии Якова II. Я полагаю, что он происходил из земель моего двоюродного прадеда лорда Диллона⁷³, отца того Диллона⁷⁴, который умер без наследников мужского пола и единственная дочь которого⁷⁵ вышла замуж за моего двоюродного деда Чарльза⁷⁶. Супруги умерли бездетными, оставив наследство моему деду⁷⁷.

Дочь моего двоюродного прадеда лорда Диллона дала себя соблазнить Джерарду Лалли, который был, вероятно, любезен и красив. От их связи родился сын, и лорд Диллон потребовал, чтобы Джерард Лалли женился на его дочери и признал ребенка, — вот первый случай незаконнорожденности.

Незаконнорожденный сын Джерарда Лалли отличился в волнениях и войнах Якова II, который сделал его баронетом и позволил ему набирать солдат в землях его деда. Он сопровождал Якова II во Францию и умер, если я не ошибаюсь, в Сен-Жермене. Хотя женат он никогда не был, он тоже оставил незаконнорожденного сына, которого ему родила одна дама из Нормандии, имени которой я так и не узнала, — второй случай незаконнорожденности.

Этот Лалли, получивший от Якова II титул баронета, был знаменит своей огромной силой, и мне приходилось слышать о его необыкновенных подвигах. Однажды в армии его полк отказался от выданного хлеба, потому что тот был плохого качества. Сэр Джерард Лалли строит полк в боевой порядок и выходит один перед строем гренадер, держа в одной руке кусок хлеба, а в другой пистолет. Он сначала откусывает хлеб, глотает, а затем протягивает кусок первому гренадеру. Тот отказывается. Лалли прицеливается ему в сердце, стреляет, и тот падает мертвым у его ног. Тогда Лалли протягивает хлеб второму гренадеру. Ошеломленный солдат взял его, и с тех пор о бунте речь не шла.

Незаконнорожденный сын сэра Джерарда Лалли стал генералом Лалли, был приговорен к смертной казни и казнен в 1766 году, а реабилитирован в 1781-м.

Он начал воевать в двенадцать лет, отличился во всех войнах царствования Людовика XV и сопровождал принца Чарльза-Эдварда в славной кампании 1745 года, которая закончилась несчастным поражением при Каллодене в 1746 году⁷⁸.

Говорили, что по возвращении во Францию он был сильно влюблен в мою бабу. С уверенностью можно сказать, что самая нежная дружба связывала его с мадемуазель Мэри Диллон, старшей сестрой моего двоюродного деда, архиепископа Нарбоннского. Мадемуазель Мэри Диллон осталась незамужней и умерла очень старой в Сен-Жермен-ан-Лэ в 1786 году.

Она очень долго была в ссоре со своим братом-архиепископом. Эта ссора, вызванная вначале разногласиями в денежных вопросах, продолжилась в результате пагубного вмешательства госпожи де Рот, моей бабушки, опасавшейся влияния на архиепископа мадемуазель Диллон, которую она ненавидела. Так что я увиделась с мадемуазель Диллон лишь за год до ее смерти. Она тогда уже помирилась с моим дядюшкой, и мы часто ездили ее навестить в Сен-Жермен.

Но вернемся к Лалли и к третьему случаю незаконнорожденности, на которую они, кажется, были обречены. До отъезда генерала Лалли в Индию губернатором французских владений у него была любовная интрига с некоей графиней де Мольд, урожденной Салюс, женой фламандского владетельного дворянина из окрестностей Арраса или Сент-Омера и теткой тех Салюсов, с которыми мы поддерживали отношения в Бордо. Он имел от нее сына, которого отдал на воспитание под вымышленным именем в иезуитский коллегий в Париже. Пребывание в этом учебном заведении имело следствием драматическое событие, которое оказало решающее влияние на судьбу ребенка.

Мадемуазель Мэри Диллон, которая, как я уже сказала, была в большой дружбе с генералом Лалли, была посвящена в его интригу с графиней де Мольд и занималась ребенком, который не знал ни своего происхождения, ни имени своего отца. После казни генерала де Лалли один ирландский офицер по имени Драмголд, которому мадемуазель Диллон поручила денежные дела, связанные с пенсионом молодого человека, пришел его навестить. Иезуиты сыграли очень пагубную роль в процессе и осуждении господина де Лалли. И господин Драмголд, вполне убежденный, как и все находившиеся на французской службе ирландцы, что тот был осужден несправедливо, явился в коллегий сильно взволнованным и озабоченным; ему до крайности претила необходимость сказать молодому человеку, не знавшему об обстоятельствах своего рождения, что его вскоре должны перевести в другое заведение. Но едва он оказался с ним наедине,

как этот двенадцатилетний ребенок начал ему говорить о состоявшейся накануне казни господина де Лалли, одобряя ее и приводя, не по возрасту красноречиво, все аргументы в ее оправдание, которые высказывались у него в коллегии. Господин Драмголд, слыша такие речи из уст сына казненного и будучи не в силах сдержаться, воскликнул: «Несчастный, это был твой отец!» При этих словах юный де Лалли упал замертво и несколько часов оставался без сознания. Проявилась серьезная болезнь, от которой он был при смерти, и как раз во время своего выздоровления он решил подать кассацию на приговор и посвятить себя реабилитации своего отца. С этого момента все его занятия, чтение, мысли были обращены к этой цели.

Генерал де Лалли признал сына в своем завещании. Сын принял его фамилию и в восемнадцать лет начал выступать в суде, добиваясь реабилитации отца, и составлять мемуары, которые по справедливости считались образцами аргументации и красноречия. В течение двадцати лет это было его единственным занятием, единственным помышлением. Получив по наследству от отца очень небольшое состояние, он жил с мадемуазель Диллон в Сен-Жермене, и ему оказывали большую протекцию маршал Ноайль и маршал Бово, оба друзья мадемуазель Диллон. Когда в 1785 году мой дядюшка помирился с мадемуазель Диллон, мы встретились у нее в Сен-Жермене с господином де Лалли, с которым я не была до того знакома. Ему было тогда тридцать пять лет, у него было очень красивое лицо, но его женоподобный вид мне не понравился. Выступив лично в трех парламентах в защиту отца, он незадолго до того выиграл свой процесс, в ходе которого сделался знаменит своим красноречием и приобрел заслуженное уважение за то постоянство, с которым добивался успеха своего дела. Было бы только справедливо сказать, что честь его поведения в большой мере принадлежит мадемуазель Диллон. Особа замечательного ума и превосходного характера, она приобрела абсолютное влияние на господина де Лалли и полностью посвятила себя его интересам в своей одинокой жизни в Сен-Жермене. В 1786 году он ее потерял; она оставила ему все, чем могла располагать, — это было только движимое имущество. Кроме того, она устроила так, чтобы он продолжал жить в той квартире, в которой она жила в Сен-Жермене; эту квартиру Людовик XIV предоставил ее отцу, когда тот прибыл в этот замок с Яковом II. Она родилась там, как и ее десять братьев и сестер, из которых архиепископ Нарбоннский был младшим. Мой отец, когда вернулся с островов, очень сожалел, что так распорядились этой квартирой, колыбелью его семьи во Франции. Господин де Лалли показал бы больше деликатности, если бы не принял, в числе оставленных ему вещей, множества семейных сувениров, которые не имели ценности для него, но которые мы с моим отцом высоко ценили из-за их происхождения.

Глава IX

1789. — I. Госпожа де Жанлис и павильон в монастыре Бель-Шасс. — Воспитание юных принцев Орлеанских. — Памела. — Генриетта де Серсей. — Дочь госпожи де Жанлис. — Любопытное происхождение госпожи Лафарж. — II. Скачки в Венсене. — Первые скопления народа. — Поджог складов Ревельона. — Милосердный поступок. — III. Обустройство в Версале. — Первое заседание Генеральных Штатов: поведение короля и королевы. — Мирабо. — Речь господина Неккера. — Слабость двора. — Отъезд господина Неккера. — IV. 14 июля 1789 года: как госпожа де Ла Тур дю Пен узнала о восстании; его первые последствия. — V. Возвращение госпожи де Ла Тур дю Пен в Париж. — Воды в Форже. — 28 июля: страх, охвативший в этот день все население. — Господин и госпожа де Ла Тур дю Пен успокаивают население Форжа. — В Гайфонте госпожу де Ла Тур дю Пен принимают за королеву. — Население вооружено.

I

1789.

Зима 1789 года, холодная и бедственная для народа, была оттого ничуть не менее богата удовольствиями, спектаклями и балами.

В это время обстоятельства сложились так, что я сделала одно любопытное знакомство. Госпожа де Жанлис, *«гувернер»* юных принцев Орлеанских и Мадемуазель, жила вместе с этой последней в монастыре Бель-Шасс в специально для этого выстроенном павильоне, выходящем в конце улицы Бель-Шасс на улицу Сен-Доминик. Этот павильон, совсем маленький, состоял из одного нижнего этажа, куда попадали прямо с улицы, поднявшись на несколько ступенек под навесом; под этот навес могли въезжать экипажи, если кучер был не слишком неловок. Внизу лестницы помещалась монастырская привратница, которая открывала решетку. Вестибюль, где оставались слуги, служил приемной. Считалось, что здесь вы уже на территории монастыря. Госпожа де Жанлис занимала этот павильон, по размеру меньше дома Сент-Люс в Лозанне, вместе с мадемуазель д'Орлеан, которой было тогда тринадцать лет. При ней были Памела, будущая леди Эдвард Фиц-Джеральд, о которой я буду говорить ниже, и Генриетта де Серсей; обе девочки воспитывались вместе с принцессой. Принцы, воспитание которых тоже было поручено госпоже де Жанлис, в павильоне не ночевали. Они приходили туда утром в очень ранний час,

а вечером после ужина уходили со своим младшим гувернером и ночевали в Пале-Рояле. Поскольку я часто с ними встречалась и была очень дружна с госпожой де Валанс, дочерью госпожи де Жанлис, госпожа де Монтессон приглашала меня к себе, когда у нее бывали юные принцы. Госпожа де Жанлис очень меня полюбила и пожелала, чтобы я участвовала в небольших танцевальных вечерах, которые устраивались в ту зиму раз в неделю. Они всегда заканчивались до 11 часов, и ужина после них не подавали.

Герцог Шартрский начинал уже появляться в свете, то есть присутствовал иногда на ужинах в Пале-Рояле. Он поступил в военную службу и имел голубую ленту ордена Святого Духа. Это был толстый мальчик, совершенно некрасивый и неловкий, с бледными обвисшими щеками, по виду скрытный, серьезный и робкий. Говорили, что он образован и даже учен. Но в то фривольное и беззаботное время немного было нужно, чтобы пустить пыль в глаза. Было бы несправедливо утверждать, однако, что система воспитания госпожи де Жанлис, какой бы странной она ни казалась тогдашнему свету, не имела, среди многих нарочитых и смешных вещей, и хорошей стороны, особенно если сравнивать ее с системой, принятой герцогом де Сераном, гувернером детей графа д'Артуа, для своих двоих учеников, которых никто никогда не видел и которые оставались столь же чуждыми Франции, как если бы им предстояло царствовать в Китае. Принцы Орлеанские, напротив, посвящали свои прогулки и рекреации всему, что могло служить их образованию. Ремесла, машины, библиотеки, частные коллекции, монументы, искусства — ничто им не было чуждо. Они учились, забавляясь. Им создавали популярность, и дальнейшие события показали, что тот из троих, который остался в живых, извлек из этого пользу. В то время, о котором я говорю, двое младших были еще детьми. Я много раз присутствовала за их ужином в те дни, когда устраивались танцевальные вечера. Другие приглашенные уходили ужинать к себе домой или к друзьям, потому что в Бель-Шасс никогда не было и речи, чтобы что-то поесть или выпить, кроме разве что стакана воды. Застолье принцев было чрезвычайно, можно сказать, даже чрезмерно скромным. Госпожа де Жанлис в нем не участвовала, а Генриетта де Серсей и Памела находили милым развести свой суп большим стаканом воды, а потом крошить туда кусочки сухого хлеба.

На одном балу, устроенном госпожой де Монтессон для юных принцев, я была особенно хорошо одета и служила предметом восхищения гостей; хозяйка предложила юному герцогу Шартрскому потанцевать со мной. Он очень этому сопротивлялся; говорят даже, что он расплакался. Он так не стеснялся, когда надо было надеть на себя корону.

Поскольку я назвала имя Памелы, скажем немного о ее происхождении. Госпожа де Жанлис давала понять, что взяла к себе это дитя из Англии, но никто не сомневался в том, что это была дочь ее и герцога Орле-

анского-Эгалите. Как ни странно, однако, у меня есть основания полагать, что утверждение госпожи де Жанлис было правдой. Моя тетка леди Джернингем близко знала в Шропшире, где у ее мужа были земли, одного священнослужителя, *clergyman*, также бывшего в связи с госпожой де Жанлис. Однажды этот *clergyman*, будучи в своем приходе, получил от госпожи де Жанлис письмо, в котором она ему писала, что «по причинам личного свойства и чрезвычайной важности она желает принять на себя воспитание ребенка от пяти до шести лет, девочки, внешность которой должна соответствовать подробному описанию, которое дано в письме. Родителям ребенка назначена изрядная сумма при условии соблюдения строжайшей тайны. Они не должны даже знать имени особы, которой будет поручено воспитание этой девочки; той предстоит получить воспитание, совершенно превосходящее ее состояние, и ее ожидает высокое положение».

Кюре нашел ребенка, отвечающего описанию госпожи де Жанлис, и отправил в назначенное место в Лондон. Леди Джернингем не сомневалась, что этот ребенок и была Памела. Она была несравненно хороша собой в пятнадцатилетнем возрасте, когда я с ней познакомилась. В лице ее не было ни малейшего изъяна, ни даже несовершенства. Она была словно младшая дочь Ниобы. Все ее движения были грациозны, улыбка ангельская, зубы жемчужной белизны. В восемнадцать лет, в 1792 году, она вскружила голову лорду Эдварду Фиц-Джеральду, пятому сыну герцога Лейнстера, который на ней женился и увез в Ирландию, где он стоял во главе инсургентов, *United Irish Men*. После смерти своего мужа она вернулась на континент и поселилась в Гамбурге, где вышла замуж за американского консула господина Питкерна. Я позже еще буду о ней говорить.

Воспитывавшаяся вместе с ней Генриетта де Серсей, племянница госпожи де Жанлис, была толстая девушка, не лишенная остроумия и наделенная тем достоинством, что нимало не ревновала к Памеле. Однако же она ее не любила, как я полагаю, и сожалела о тех заботах, которыми окружала ее госпожа де Жанлис. Прилежно используя предоставленную ей возможность получить образование, она обладала выдающимися познаниями и талантами. Я знаю от госпожи де Валанс, что Луи-Филипп в восемнадцать лет был в нее влюблен и после смерти своего отца Эгалите хотел на ней жениться, но она отказала ему и вышла замуж в 1793 году в Гамбурге за негоцианта господина Матисена. После года супружества она повстречала молодого швейцарца по имени Фингерлин, занимавшегося коммерцией в том же городе, и они вызвали своим поведением такой скандал, что старый Матисен с ней развелся. Тогда она вышла замуж за своего любовника Фингерлина, с которым дальше всегда жила хорошо и имела много детей. Госпожа де Жанлис говорит о ней и о ее дочерях в своих мемуарах.

Странно в этом семействе было то, что госпожа де Жанлис, у которой действительно была дочь от Эгалите, возненавидела ее с самого детства, и, когда ее законная дочь вышла замуж за господина де Валанса, она поручила ей это дитя, тогда восьми или десяти лет от роду, под тем предлогом, что ее воспитание послужит для обучения госпожи де Валанс тому, как ей впоследствии воспитывать своих собственных детей. Эта девочка, считавшаяся подкидышем, была, таким образом, сестрой госпожи де Валанс по матери и сестрой Луи-Филиппа по отцу. Она была весьма разумна и очень неразговорчива. Я не знала никакого другого имени ее, кроме Эрмины. Госпожа де Валанс выдала ее замуж за биржевого маклера по фамилии Коллар, который приобрел, неизвестно как, довольно изрядное состояние. От этого брака родилось несколько дочерей. Все они были хорошо устроены. Дочерью одной из них, госпожи Каппель, приходится печально знаменитая госпожа Лафарж.

II

Весной 1789 года, после зимы, столь жестокой к беднякам, и еще до открытия Генеральных Штатов, все были как никогда расположены развлекаться, не стесняясь нищеты народа. В Венсене были устроены бега, на которых лошади герцога Орлеанского выступали против лошадей графа д'Артуа. Как раз когда мы с госпожой де Валанс возвращались с последнего заезда в ее экипаже и проезжали по улице Сент-Антуан, мы и оказались посреди первого народного сборища той эпохи — того, при котором было разгромлено обойное заведение почтенного мануфактурщика Ревельона⁷⁹. Только гораздо позже я узнала объяснение этого бунта, который был устроен подкупом.

Когда мы проезжали через толпу в четыреста или пятьсот человек, запрудившую улицу, вид ливрей Орлеанского дома, в которые были одеты люди госпожи де Валанс, поскольку господин де Валанс занимал пост первого конюшего при герцоге Орлеанском, возбудил энтузиазм этого сброда. Они на мгновение остановили нас с криками: «Да здравствует наш отец! Да здравствует наш король Орлеанский!» Я тогда мало обратила внимания на эти возгласы. Они мне пришли на память несколько месяцев спустя, когда я удостоверилась в планах этого ничтожества герцога Орлеанского. Я не сомневаюсь, что народное возмущение, разорившее Ревельона, было подстроено, чтобы избавиться от этого достойного человека, который давал работу трем или четырем сотням рабочих и пользовался большим уважением в Сент-Антуанском предместье.

Вот его история, как он сам ее рассказывал. В ранней юности он работал, я уж и не знаю, по какому ремеслу, в этом предместье, где он всег-

да и жил. Однажды, отправляясь на дневную работу, он встретил бедного отца семейства, рабочего, как и он сам, которого вели в тюрьму за неуплату кормилице. Тот был в отчаянии, оставляя свою жену и детей в ужасной нищете, которую его пребывание в тюрьме еще усугубило бы. Ревельон, воодушевляемый чувством, что Провидение послало ему эту встречу не случайно, бежит к старьевщику, продает ему свои инструменты, свою одежду, всё, что у него есть, выплачивает долг и возвращает отца семье. «С этого момента, — рассказывал он, — мне всё удавалось. Я разбогател, у меня работает четыре сотни рабочих, и я могу заниматься благотворительностью, сколько захочу». Это был человек простой, справедливый, обожаемый своими рабочими. Не знаю, что с ним стало после вечера того рокового дня, когда были сожжены и разрушены все его печатные станки, машины и склады.

III

По завершении выборов каждый постарался устроиться в Версале. Все члены Генеральных Штатов стали искать себе квартиру в городе. Те из них, кто служил при дворе, перевезли своих домочадцев и хозяйство в помещения, отведенные им во дворце. У моей тетушки было там свое помещение, и я жила с ней в этих комнатах. Они были расположены очень высоко над галереей Принцев. Окно комнаты, которую я занимала, выходило на крыши, но зато окно моей тетушки выходило на террасу, и оттуда открывался очень красивый вид. Мы ночевали там только с субботы на воскресенье. Господин де Пуа, как губернатор Версаля, располагал хорошеньким домиком в Зверинце, к которому примыкал красивый сад. Он предоставил его во временное пользование моей тетушке, которая устроилась там со всеми своими слугами, своим поваром и лошадьми своими и моими, то есть с моими верховыми лошадьми и моим английским конюхом. Это жилье было очень приятным. Все, кого мы знали, устраивались в Версале, и мы с веселостью и без беспокойства, по крайней мере, видимого, ожидали открытия этой Ассамблеи, которая должна была переродить Францию. Когда я теперь размышляю об этом ослеплении, я представляю его возможным только для людей молодых, как я была тогда. Но как деловые люди, министры, сам король были затронуты этим ослеплением — это необъяснимо.

У меня не сохранилась в памяти причина, по которой я не сопровождала королеву со всей ее свитой в процессии, состоявшейся после мессы Святому Духу⁸⁰. Я ходила смотреть на эту процессию, которая проходила, как было в обычае, через плац перед дворцом, перемещаясь из одного версальского прихода в другой. Мы с госпожой де Пуа занимали одно

из окон в большой конюшне. Королева выглядела опечаленной и раздраженной. Было ли это какое-то предчувствие? Господин де Ла Тур дю Пен был так разозлен, что его не избрали депутатом Генеральных Штатов, что даже не захотел присутствовать на открытии. Зрелище было великолепное; его так часто описывали в мемуарах того времени, что я не стану о нем рассказывать. Король был одет в костюм кавалеров ордена Святого Духа, как и все принцы, с той только разницей, что его наряд был богаче украшен и усыпан бриллиантами. В повадках этого доброго государя не было никакого достоинства. Он плохо держался, раскачивался на ходу; движения его были резки и лишены грации, а его чрезвычайно слабое зрение, притом, что тогда было не в обычае носить очки, заставляло его гримасничать. Речь его, очень короткая, была произнесена тоном довольно решительным. Королева отличалась большим достоинством, но можно было видеть по почти что конвульсивному движению ее веера, что она была очень взволнована. Она часто бросала взгляд в ту сторону залы, где сидели депутаты третьего сословия, и по виду словно пыталась различить какую-то фигуру меж этих людей, среди которых у нее уже было столько врагов. Через несколько минут после того, как король вступил в залу, случилось происшествие, которое я видела своими собственными глазами вместе со всеми присутствовавшими там, но не припомню, чтобы мне приходилось читать о нем в рассказах о том достопамятном заседании.

Все знают, что маркиз де Мирабо, не сумев добиться своего избрания ассамблеей дворянства Прованса из-за ужасающей репутации, которую он там по справедливости заслужил, был избран от третьего сословия. Он вошел в залу один и направился сесть в середине рядов скамей, поставленных одна за другой; на этих скамьях не было папок с документами. Послышался очень тихий, но всеобщий ропот, перешептывание. Депутаты, уже усевшиеся впереди него, подвинулись на один ряд вперед, сидевшие сзади сдвинулись назад, а сидевшие по бокам отодвинулись в стороны, и он остался в одиночестве посреди отчетливо заметного пустого пространства. Презрительная улыбка мелькнула на его лице, и он уселся. Это положение сохранялось несколько минут, а потом, поскольку толпа членов ассамблеи прибывала, это пустое пространство заполнилось понемногу вынужденным приближением тех, которые вначале отодвинулись. Королеве, вероятно, сообщили об этом инциденте, который, возможно, оказал больше влияния на ее судьбу, чем она тогда подозревала; этим были вызваны те любопытные взгляды, которые она бросала в сторону депутатов третьего сословия.

Речь господина Неккера, министра финансов, показалась мне удручающе скучной⁸¹. Она продолжалась более двух часов. В мои девятнадцать лет это казалось мне вечностью. Женщины сидели на довольно широких ступенях амфитеатра. Опереться было совершенно не на что, разве что

на колени особы, сидевшей позади и выше. Первый пролет был, естественно, отведен дамам, служившим при дворе и не находящимся на дежурстве. Это заставляло их сохранять безупречную осанку, что было очень утомительно. Я думаю, я никогда так не уставала, как во время этой речи господина Неккера, которого его сторонники превозносили до небес.

Все этапы начала Учредительного собрания известны. О них сказано в истории, а я не пишу историю. Мой муж вернулся 1 июня в свой полк, как и другие полковники. Он стоял гарнизоном в Валансьене и поэтому не входил в состав войск, которые были собраны у ворот Парижа под командованием маршала де Брөльи и которыми в нужное время не воспользовались вследствие фатальной слабости, которая проявлялась всегда в такой момент, когда необходима была бы твердость. Королева умела только показывать свое недовольство, а действовать никогда не решалась. Она отступала. Правдой будет сказать также, что эти нападки на королевскую власть были еще так новы, что ни король, ни королева не усматривали в них тревожных симптомов. Небольшое возмущение из-за продовольствия в начале царствования, которое окрестили «мучной войной»⁸², представлялось им самым большим бесчинством, на которое может пойти народ.

Кое-кто уже предвидел, что Учредительное собрание заведет дело дальше, чем думалось поначалу, но все еще верили в возможность легко подавить дух обновления, проникавший повсюду, и, когда король прибыл в Собрание 23 июня, он не сомневался, бедный государь, что при его появлении сторонники нововведений расточатся⁸³. Если бы кто-нибудь пришел сказать ему, что его армию разлагают, что весь полк французской гвардии целиком охвачен возмущением, что кто-то нарочно останавливает поставки продовольствия, чтобы устроить в Париже голод и подтолкнуть население к бунту⁸⁴, такой человек был бы сочтен безумцем. Ах! Легко теперь, спустя пятьдесят лет после этих событий, повидав уже последствия слабости двора, говорить, как надо было тогда действовать! Но в то время, когда никто даже не знал, что такое революция, занять какую-то определенную позицию казалось не таким простым делом. Тот, кто в июне 1789 года гордился, что думает, как добрый патриот, три месяца спустя ужаснулся этому.

Ничто не нарушилось в сетях этикета, окутывавших двор. В гостиных слышались споры, кое-кто уже обменивался колкостями, и всё; а что до меня, то мне политические разговоры были очень скучны. Каждый день я писала мужу, передавая услышанные мною речи. Этих писем, которые оченьгодились бы мне при написании мемуаров, я не сохранила. Если бы они были у меня сегодня перед глазами, я нашла бы, без сомнения, что они воспроизводили пересуды окружавшего меня общества, в котором женщины, словно эхо, повторяли слова своих друзей. Первым событием, которое стало казаться мне серьезным, был уход господина

Неккера с поста министра⁸⁵. Меня более поразили чрезвычайные обстоятельства этого ухода, чем его последствия. Я была в ведомстве генерального контролера финансов накануне того дня, когда мы с тетушкой должны были отправиться навестить маршала Бово в его загородном доме в Валь, у дальнего края террасы Сен-Жермен. Его дочь госпожа де Пуа была там с несколькими особами самого высокого ранга, которые все принадлежали к *секте философов*. Это увеселение в мои девятнадцать лет совершенно мне не улыбалось. Супруга маршала Бово, дама серьезная, склонная к педантизму и мало снисходительная, внушала мне ужасную робость. Было абсолютно необходимо понравиться ей во всем, от туалетов до разговора. Там были сын госпожи де Пуа Шарль де Ноайль и его кузен Амеде де Дюрас, оба на год старше меня; мы с ними были бы рады выйти в сад и там немного посмеяться, но расписание всех занятий и передвижений и строгие требования приличий не допускали такого нарушения правил. Однако вечером мы музицировали вместе с госпожой де Пуа, которая была превосходной музыкантшей, а супруга маршала забавлялась, глядя на меня и свою маленькую негрityанку Урику. Я брала девочку к себе на колени, она обвивала руками мою шею и прислоняла свое маленькое личико, черное, как эбеновое дерево, к моей белой щеке. Госпожа де Бово не могла наглядеться на это представление, которое мне было чрезвычайно скучно, поскольку я всегда питала отвращение к притворству.

Когда мы завтракали в садовом павильоне, подошел очень обеспокоенный лакей и спросил у маршала, не знает ли он, где господин Неккер. Он сообщил, что накануне, вернувшись с совета, министр сел в экипаж вместе с госпожой Неккер, сказав, что они едут ужинать в Валь, и что с тех пор его больше не видели и не знают, где его найти; еще он добавил, что весть об этом уже начинает распространяться и что под окнами ведомства генерального контролера финансов в Версале начинают собираться группы людей. Во все места, куда предположительно могли поехать господин и госпожа Неккер, был отправлен верховой, но об их присутствии нигде не сообщали. Это исчезновение вызвало большое беспокойство, и тетушка пожелала вернуться в Версаль, точнее сказать, в Зверинец, где мы жили. По прибытии туда тайна была нам открыта. Лошади господина Неккера вернулись в Версаль после того, как отвезли хозяев в Бурже. Там они сели в почтовую карету, чтобы ехать в Швейцарию через Нидерланды. Покидая таким образом пост министра, господин Неккер имел намерение скрыться от проявлений своей популярности, которые его отъезд не преминул бы вызвать. Мне потом случалось слышать обвинения, что этот поступок был отмечен излишним самолюбием; лично я считаю, что господин Неккер действовал вполне добросовестно и что он, предвидя к тому же, что все стремительно движется к катастрофе, не желал возбуждать народ, который начинал уже внушать страх.

Госпожа де Монтессон была в Париже и намеревалась уехать в Берни, где собиралась провести лето. При ее любви к светскому обществу она, без сомнения, предпочла бы поселиться на этот сезон в Версале, где тогда помещался центр всего общества и всех дел и куда собирались все, кто мог. Но ее положение в отношениях с двором не позволяло ей это сделать. С другой стороны, невыносимо уже было жить в Париже, где постоянно пытались вызвать беспокойство по поводу продовольствия — одно из средств, которые употребляли революционеры, чтобы поднять народ на восстание. От Берни можно было добраться до Версаля по дороге Со за два часа; она решила там поселиться с госпожой де Валанс и взяла с меня слово, что я к ней туда приеду на месяц-полтора.

IV

Таким образом, 13 июля я отослала верховых лошадей с английским конюхом, почти не говорившим по-французски, и приказала ему проехать через Париж, чтобы захватить вещи, в которых он нуждался. Я упоминаю об этой мелочи в подтверждение того, что мы не имели ни малейшего представления о событиях, которые должны были случиться в Париже на следующий день. Говорили только о беспорядках у дверей нескольких булочников, которых народ обвинил в фальсификации муки. Присутствие небольшой армии, собранной на поле Гренель и на Марсовом поле, успокаивало двор, и, хотя там каждый день происходило дезертирство, это никого не тревожило.

Мое личное положение позволяло мне узнавать обо всём; господин де Лалли, влиятельный член Учредительного собрания, проживал в домике в Зверинце вместе со мной и тетужкой; я каждый день ездила ужинать в Версаль к госпоже де Пуа, муж которой, капитан гвардии и член Учредительного собрания, видел короля каждый вечер при отходе ко сну или при отдаче приказаний; если подумать обо всем этом, то остается только удивляться тому, что я сейчас расскажу.

Наша уверенность в своей безопасности была так глубока, что 14 июля в полдень, да и в более поздние часы ни я, ни тетужка даже не подозревали о малейших беспорядках в Париже, и я села в экипаж с горничной и одним слугой, собираясь ехать в Берни по большой дороге на Со через лес Веррьер. Это правда, что по этой дороге — она ведет из Версаля в Шуази-ле-Руа — не встречается ни одной деревни и она весьма пустынна. Мне еще помнится, что в Версале я пообедала рано, чтобы доехать до Берни и иметь достаточно времени устроиться в отведенных мне комнатах до ужина, который в деревне подавали в 9 часов. Такие рассуждения еще более показывают, в каком крайнем неведении мы пребывали.

Добравшись до Берни и въехав на первый двор, я была удивлена, не увидев никакого движения; конюшни были пусты, двери закрыты, и во дворе замка тоже было пусто. Привратница, которая хорошо меня знала, слышав подъезжающий экипаж, вышла на крыльцо и воскликнула с обеспокоенным и растерянным видом: «Ах, Боже мой, мадам! Госпожи здесь нет. Никто не выехал из Парижа. Стреляла пушка Бастилии. Там было смертоубийство. Покинуть город невозможно. Ворота перекрыты баррикадами, их охраняют французские гвардейцы, которые взбунтовались вместе с народом». Можно себе представить мое удивление, которое было еще сильнее беспокойства. Но поскольку, несмотря на мой девятнадцатилетний возраст, непредвиденные обстоятельства нимало меня не обескураживали, я приказала экипажу разворачиваться и ехать на почтовую станцию в Берни; я знала тамошнего почтмейстера как достойного человека, преданного госпоже де Монтессон и ее друзьям. Я сказала ему, что хочу немедленно вернуться в Версаль. Он мне подтвердил рассказ привратницы, состоявший из одних предположений, поскольку из Парижа никто не выезжал. Видны были только городские флаги, вывешенные на заставах, да часовые внутри, которые кричали: «Да здравствует нация!» и имели на шляпах трехцветные кокарды.

Мой наемный кучер заявил, что ни за что на свете не вернется в Версаль. Я тогда велела запрячь четырех почтовых лошадей и взять двоих почтовых фореиторов, за которых почтмейстер мне отвечал, что они парни решительные. Мы галопом поскакали в Версаль и приехали туда к 11 часам. У тетушки была мигрень, она лежала в постели. К госпоже де Пуа она еще не ездила. Господин де Лалли еще не вернулся. Она ничего не знала. Увидев у своей постели меня, она подумала, что ей снится кошмар или что я сошла с ума. Я-то должна признаться, что меня более всего беспокоила судьба моего английского конюха и трех лошадей. Я до смерти боялась, как бы они не оказались принесены в жертву на алтарь нации.

На следующее утро мы в ранний час уже были в Версале. Тетушка пошла узнавать новости. Я отправилась с той же целью к своему свекру и там узнала обо всем, что произошло: о взятии Бастилии, о бунте полка французской гвардии, о смерти господина де Лоне, господина де Флесселя и многих других, менее известных лиц, о несвоевременной и бесполезной атаке эскадрона полка Руаяль-Альман под командованием принца де Ламбеска на площади Людовика XV⁸⁶. Наутро депутация народа принудила господина де Лафайета встать во главе организовавшейся «национальной гвардии». Потом, через несколько дней, пришла весть, что господин Фулон и господин Бертье также были убиты⁸⁷. Гвардейский полк прогнал всех своих офицеров, которые не пожелали присоединиться к новой организации. Их место заняли унтер-офицеры, и это преступное нарушение субординации, примеру которого последовала потом вся фран-

цузская армия, имело для Парижа, тем не менее, то преимущество, что в первый момент восстания было уже организованное войско, которое не позволило сброду предаться бесчинствам, которые без его вмешательства непременно произошли бы.

Небольшая армия с поля Гренель была распущена; полки, поредевшие из-за дезертирства, были отправлены по гарнизонам и понесли в провинции привитый им в Париже пагубный дух недисциплинированности, который дальше уже ничто не могло вывести.

V

Семь или восемь дней спустя после 14 июля господин де Ла Тур дю Пен тайком приехал из своего гарнизона в Версаль, беспокоясь о своем отце и обо мне. В Валансьене, где был заперт его полк, каждый час появлялись все новые, самые лживые и противоречивые рассказы о происходящем. Военный министр граф де Пюисегюр и его инспектор герцог де Гин не осудили его за это небольшое нарушение. По просьбе его отца он получил отпуск; отцу в это время, когда он уже предвидел возвышение, желать которого не позволяла ему его скромность, было удобно иметь рядом своего сына. Тем не менее после поездки короля в Париж по требованию Коммуны⁸⁸ и возвращения господина Неккера, вызванного обратно в надежде успокоить умы, мой муж, считавший, что его отцу не следует принимать предложенный пост военного министра, пожелал удалиться из Версаля, чтобы не влиять на решение отца.

Мне были прописаны воды в Форже, в Нормандии, чтобы укрепить здоровье, поскольку последние роды, при которых я была так сильно больна, оставили у меня большую слабость в пояснице; боялись даже, что у меня более не будет детей, отчего я приходила в отчаяние. Поэтому мы поехали в Форж, и месяц, который мы там провели, был одним из тех моментов в моей жизни, от которых у меня остались самые счастливые воспоминания. Мы отправили туда своих верховых лошадей и каждый день совершали долгие прогулки по прекрасным лесам и живописной местности, окружающей этот городок. Мы привезли с собой множество разных книг, и мой муж, неутомимый читатель, читал мне, пока я работала с той прилежностью и вкусом к рукоделию, которые не покинули меня и теперь, в преклонном возрасте, когда я пытаюсь собрать воедино эти воспоминания. В Форже не было никакого общества, кроме одной приятной женщины, имя которой я позабыла. Она горько вздыхала, видя перед собой наш союз и очарование нашей семейной жизни, в то время как ее муж, которого она страстно любила, оставался у себя в гарнизоне на другом конце Франции, без надежды получить полугодовой отпуск ранее чем

через полтора года. Мы также часто встречали верхом одного офицера, не знаю какого полка. Он был из этих краев и, указывая нам красивые направления для прогулок, делился своими честолюбивыми замыслами поступить в ряды королевских телохранителей — он и не думал, что это желание должно было вскоре исполниться.

28 июля был один из тех дней Революции, когда произошло нечто самое необыкновенное и менее всего объясненное. Чтобы это понять, надо было бы предположить, что всю Францию накрыла огромная сеть, так, что в один и тот же момент, вследствие одного действия, беспорядки и террор распространились в каждую коммуну королевства. Вот что произошло в этот день в Форже, как и повсюду, и чему я была сама очевидицей. Мы занимали скромную квартиру в очень низко расположенном втором этаже; она выходила на небольшую площадь, через которую шла дорога на Нефшатель и Дьепп. Было семь часов утра, и я была уже одета и готова садиться в седло; я дожидалась мужа, который в этот день отправился к источнику один, поскольку я, не знаю уж почему, не захотела его сопровождать. Я стояла перед окном и смотрела на большую дорогу, по которой он должен был вернуться, как вдруг я увидела с другой стороны приближающуюся толпу людей, которые бегом выбежали на площадь прямо под моим окном — наш дом был угловой, — подавая признаки отчаянного страха. Женщины стонали и рыдали, мужчины в гнев отпускали ругательства и угрозы, кто-то воздевал руки к небу с криком: «Мы погибли!» Посреди толпы верховой обращался к людям с какой-то речью. Он был одет в скверный зеленый кафтан, по виду разорванный, и без шляпы. Его серая в яблоках лошадь была вся в мыле, и на крупе у нее было несколько кровоточащих царапин. Остановившись под моим окном, он опять начал речь, выкрикивая, как шарлатаны на площадях: «Они будут здесь через три часа, они всё грабят в Гайфонтене, они поджигают амбары и т. д. и т. п.». И после двух или трех таких фраз он вонзил шпоры в бока своей лошади и ускакал во весь опор в сторону Нефшателя.

Поскольку я не боязлива, я спустилась вниз, села на лошадь ипустилась шагом по той улице, по которой прибывали понемногу люди, полагавшие, что настал их последний день. Я заговаривала с ними, стараясь их убедить, что нет ни слова правды в том, что им было сказано, что невозможно, чтобы австрийцы, о которых им говорил тот обманщик, дошли до середины Нормандии и никто даже не слышал об их наступлении. Добравшись до церкви, я встретила кюре, который направлялся туда, чтобы бить в набат. В этот момент прискакал верхом господин де Ла Тур дю Пен, за которым мой конюх съездил к источнику, и с ним тот офицер, о котором я говорила выше. Они меня обнаружили сидящей на лошади и держащей за воротник сутаны кюре, которому я объясняла, какое безумие пугать его паству набатом, вместо того чтобы убедить людей, присоеди-

нив свои усилия к моим, что их страхи беспочвенны. Тогда мой муж взял слово и сказал всем этим собравшимся людям, что ничего из только что объявленного им не имеет под собой ни малейшего основания; что мы, чтобы их успокоить, съездим сейчас в Гайфонтен и привезем оттуда вести, а они в ожидании нашего возвращения чтобы не били в набат, а возвращались по своим домам. Мы действительно поехали все трое манежным галопом, а вслед за нами мой конюх, который после 14 июля, когда он оказался в Париже, полагал безумцами всех французов, языка которых он не понимал. Он почтительно приблизился ко мне, приподняв шляпу, и спросил: «*Please, milady, what are they all about?*»*

За час мы добрались до городка, где якобы должны были найти австрийцев. На безлюдной дороге к площади некий человек, вооруженный дрянным ржавым пистолетом, остановил нас со словами: «Стой, кто идет?» Став перед нами, он стал нас спрашивать, не находятся ли в Форже австрийцы. Получив от нас отрицательный ответ, он повел нас на площадь, крича всему населению городка, которое там собралось: «Это неправда! Это неправда!» В этот момент какой-то толстяк, по виду буржуа, приблизившись ко мне, воскликнул: «Э, гражданин, да это же королева!» Тут со всех сторон раздались крики, что надобно меня отвести в коммуну, и, хотя я нимало не была испугана этой ситуацией, меня гораздо больше страшила опасность, которой подвергалась толпа женщин и детей, бросающаяся под ноги моей лошади, животного очень беспокойного. К счастью, какой-то подмастерье слесаря, выйдя из мастерской, подошел посмотреть на меня и стал смеяться, как сумасшедший, говоря им, что королева по меньшей мере вдвое старше этой юной девицы и вдвое толще; он сам ее видел два месяца назад, и это не она. Это уверение вернуло мне свободу, и мы тут же уехали обратно в Форж, где уже пошли разговоры, что мы захвачены врагом. По прибытии мы нашли мужчин вооруженными всем, что они смогли себе достать, и национальная гвардия была уже организована. Это и была цель, которой стремились достичь, и по всей Франции в один и тот же день и почти что в один и тот же час население оказалось вооружено.

* Пожалуйста, миледи, что это они все затеяли?

Глава X

I. Господин де Ла Тур дю Пен — отец возглавляет военное министерство. — Официальные обеды. — Начало эмиграции. — Ночь 4 августа. — Разорение семейства де Ла Тур дю Пен. — Распорядок в доме военного министра. — Госпожа де Монморен и госпожа де Сен-При. — Ведомство генерального контролера финансов и госпожа де Сталь. — II. Организация национальной гвардии в Версале: ее командующий господин д'Эстен, заместитель командующего господин де Ла Тур дю Пен, начальник штаба господин Бертье. — Публичная казнь. — Празднование дня святого Людовика в 1789 году. — Освящение знамен национальной гвардии в церкви Нотр-Дам-де-Версаль. — Национальная гвардия Парижа и господин де Лафайет. — III. Обед телохранителей во дворце. — Дофин обходит столы. — Ленточка госпожи де Майе. — IV. День 5 октября. — Король на охоте. — Париж идет на Версаль. — Меры по обороне. — Парижские женщины в Версале 5 октября. — Бунт национальной гвардии Версаля. — Планы отъезда королевского семейства в Рамбуйе. — Захват министерств. — Колебания короля. — Господин де Лафайет у короля. — Спокойствие восстановлено. — V. День 6 октября. — Вооруженная банда захватывает дворец. — Расправа с телохранителями. — Покушение на убийство королевы. — Присутствие герцога Орлеанского среди повстанцев. — Отъезд королевского семейства в Париж. — Король поручает охрану Версальского дворца господину де Ла Тур дю Пену. — Сантерр. — Госпожа де Ла Тур дю Пен находит убежище в Сен-Жермене.

I

Через несколько дней после тех событий, о которых я только что рассказала, мой муж получил письмо о назначении его отца военным министром. Мы немедленно поехали обратно в Версаль. Так началась моя публичная жизнь. Мой свекор поселил меня в здании военного департамента и поставил во главе своего дома, чтобы принимать общество у себя за столом; я этим занималась вместе со своей золовкой, которая также жила в министерстве, но она через два месяца должна была нас покинуть. Мы с мужем занимали прекрасную квартиру в первом этаже. Я была так привычна к большим обедам по Монпелье и Парижу, что новое мое положение меня нисколько не смущало. Кроме того, мне надо было только принимать гостей, ни во что другое я не вмешивалась. В неделю бывало по два обеда на двадцать четыре куверта, на которые приглашали всех членов Учредительного собрания по очереди. Женщины никогда не приглашались. Госпожа де Ламет и я сидели одна против другой, а по сторонам

от нас помещали четырех самых значительных персон из числа гостей, стараясь всегда выбирать их из всех партий. Все время, пока мы были в Версале, мужчины все без исключения присутствовали на этих обедах в парадных сюртуках, и я помню господина Робеспьера в сюртуке цвета зеленого яблока, с превосходно убранной головой в густых белых волосах. Один Мирабо у нас не был, и его никогда не приглашали. Ужинать я часто выезжала либо к своим коллегам, либо к персонам, поселившимся в Версале на время Национального собрания, как его называли.

В самый день 14 июля граф д'Артуа со своими детьми покинул Францию и уехал в Турин к своему тестю⁸⁹. Многие лица, принадлежавшие к его дому, отправились с ним, в числе прочих и господин д'Энен, капитан его гвардии. Королева, опасаясь, чтобы какие-нибудь народные волнения не подвергли опасности семейство Полиньяк, побудила их также покинуть Францию. Госпожа де Полиньяк тогда подала в отставку с должности гувернантки королевских детей и увезла с собой свою дочь герцогиню де Грамон. Я видела эту бедную молодую женщину накануне отъезда; она всего лишь пятнадцать дней как разрешилась от бремени сыном, Аженором. Сына она оставила мужу, который квартировал в казармах, как капитан гвардии. Я в точности не знаю, почему она сама не осталась с ним. Должно быть, не любя мужа, она предпочла последовать за матерью и увезти с собой двух своих дочерей. Она вышла за герцога де Грамона, когда ей было от роду двенадцать лет и один день, и в двадцать два года была уже матерью троих детей. Я рассталась с ней тогда и больше никогда ее не видела, но память о ней всегда была мне приятна, потому что характер у нее был такой же ангельский, как и внешность. Лицом она была божественно красива, но ей не хватало роста, хотя она держалась очень прямо. Герцогиня Бульонская имела обыкновение говорить, что ей мерещатся у нее крылышки под подбородком, как у херувимов.

Во Франции все делается по моде; тогда началась мода на эмиграцию. Все начали собирать со своих земель деньги, чтобы увезти с собой крупную сумму. Многие, у кого были кредиторы, собирались таким способом от них ускользнуть. Самые молодые видели в этом готовый повод отправиться путешествовать или же повод присоединиться к своим друзьям и обществу. Никто еще не догадывался о тех последствиях, которые может иметь такое решение.

Однако же, когда ночью 4 августа по предложению, внесенному виконтом де Ноайлем, были уничтожены феодальные права⁹⁰, это должно было бы показать самым недоверчивым, что Национальное собрание не остановится на таком едва начавшемся отнятии собственности. Мой свекор оказался разорен, и мы так никогда и не оправились от удара, который нанесло нашему состоянию это ночное заседание, подлинная оргия беззаконий. Его земли в Ла Рош-Шале, возле Кутра, были все отданы

в ренту, в поземельный оброк и под мельницы; там была переправа через реку, и все это вместе приносило в год 30 000 франков, а расходов было только на жалование управляющему, который принимал зерно — зерно привозили к условленному дню или выплачивали деньгами его рыночную цену. Такая форма землевладения, с двумя владельцами на одном участке земли, была очень распространена в юго-западной части Франции. Поначалу не было установлено полностью отнять собственность; установили только, по какому тарифу можно было ее выкупить для себя. Но еще до истечения установленного срока выплаты причитающейся суммы было решено, что платежей не будет. Таким образом, все было потеряно.

Помимо этих 30 000 франков ренты с Ла Рош-Шале мы потеряли переправу через Дордонь в Кюбзаке, приносившую 12 000 франков, ренты с земель в Буге, Амблевилле, Тессоне и Сеневьере, прекрасном поместье в Керси, господские земли которого мой свекор был вынужден продать на следующий год. Так один росчерк пера нас разорил. С тех пор мы жили только всякими ухищрениями, продажей того, что осталось, и службой, расходы по которой бывали почти всегда больше, чем доходы от нее. Вот так с годами мы и опустились шаг за шагом в глубину пропасти, где и останемся до конца нашей жизни.

В тот момент я еще не подозревала, что моя бабка, еще шесть месяцев назад поселившаяся в Отфонтене вместе с моим дядюшкой-архиепископом, тоже лишит меня полностью своего состояния, на которое я имела все основания рассчитывать. Мой дядюшка не был избран в Генеральные Штаты, декрет об отнятии собственности сократил его доходы лишь на 5000 или 6000 франков, и у него еще оставалось 420 000 франков ренты с церковных владений, из которых он, должно быть, и четверти не тратил, удалившись от дел и живя на покое; я не могла представить, что в следующем году, покидая Францию, он оставит 1 800 000 франков долгов, которые поглотят состояние моей бабки.

Все последствия постигшего нас разорения поначалу еще не чувствовались. Мой свекор на посту министра получал 300 000 франков содержания, помимо содержания наместника и коменданта провинции. По правде говоря, он жил на широкую ногу, и помимо двух обедов на двадцать четыре куверта каждую неделю у нас было еще два элегантных ужина, на которые я приглашала по двадцать пять — тридцать женщин, старых и молодых; эти застолья служили только к удовольствию моему и моей золовки, поскольку чаще всего мой свекор, встававший очень рано, отправлялся почивать сразу по возвращении из совета. Это, впрочем, не мешало его коллегам с женами бывать у нас.

Несмотря на мою молодость, все эти дамы обращались со мной очень хорошо. Графиня де Монморен, жена министра иностранных дел, была особенно любезна и добра ко мне, и я подружилась с ее дочерью баронес-

сой де Бомон. Графиня де Сен-При и ее достойнейший муж, министр королевского дома, приняли меня как старую знакомую, вспомнив, что видели меня в Лангедоке в пору моей ранней юности и даже еще в детстве, в Париже, у моего дядюшки. То же я могу сказать и об архиепископе Бордо господине де Сисе, который был тогда министром юстиции.

Госпожа де Сен-При была по матери гречанка. Дочь прусского посланника в Константинополе и одной дамы из греческого квартала *Фанар*⁹¹, она покинула родной квартал, только выйдя замуж за господина де Сен-При, бывшего тогда послом Франции при Порте. Хотя в своей гостиной она вела себя, как французская дама, в домашней жизни она сохраняла все привычки гречанки и часто одевалась по-гречески, что очень меня забавляло. У нее было много детей, и в тот момент, о котором я говорю, она была опять беременна. Не больше года прошло, как она приехала из Константинополя, новизна еще сохраняла для нее свое очарование, и ее все еще удивляла независимость женщин, которые во Франции были маломальски свободны.

Я почти не видела госпожу де Ла Люцерн, муж которой был военноморским министром. Она была дочь господина Анграна д'Аллере, королевского судьи по уголовным делам, и чувствовала себя очень неуместной в Версале, куда дворянство мантии никогда не ездило. У меня не осталось никаких воспоминаний об этом доме, кроме того, что они были люди очень респектабельные и пользовались всеобщим уважением.

Госпожа Неккер, жена министра финансов или, лучше сказать, первого министра, держала дом примерно так же, как мы. Но она почти не выезжала и поэтому каждый день принимала за ужином депутатов, ученых, а вперемешку с ними поклонников своей дочери, которая держала в салоне у матери литературный кружок и со всем пылом юности предавалась одновременно политике, науке, остроумию, интригам и любви. Госпожа де Сталь жила у отца, в министерстве финансов в Версале, и являлась ко двору лишь по вторникам, в день, когда давалась аудиенция послам. Она в то время поддерживала более чем приятельские отношения с Александром де Ламетом, который тогда еще был другом моего мужа. Эта дружба, связывавшая их с юных лет, меня беспокоила. Я была очень плохого мнения о моральных качествах этого молодого человека; меня особенно тревожило его растущее влияние в политике. Моя золовка разделяла мои чувства в отношении своего деверя, и, когда по прошествии нескольких месяцев мой муж открыто разошелся с ним и его братом Шарлем, мы обе были этому очень рады.

Не имея никогда ни малейшей претензии на остроумие, я ограничивалась тем, что с осторожностью применяла здравый смысл, коим наделило меня Провидение. Я была в близких отношениях с госпожой де Сталь, но они не доходили до того, чтобы делиться секретами. Мой муж,

которому она достаточно доверяла, чтобы все ему говорить, рассказал мне многие подробности ее жизни. Я извлекла из этого пользу для себя, сохраняя с ней отношения близкого знакомства, но не дружбы.

У нас бывали иногда разговоры, о которых забавно вспомнить. Она не могла понять, как это я не в восторге от своей внешности, цвета лица, фигуры, и, когда я ей признавалась, что не ценю эти личные достоинства больше, чем они того стоят, поскольку с возрастом они пройдут, она наивно восклицала, что, если бы она ими обладала, она бы пожелала перевернуть мир. Особым для нее удовольствием было воображать обстоятельства, которые тогда представлялись еще сказочными, и спрашивать меня: «Поступили бы вы так или этак?» И поскольку я в своих ответах показывала себя всегда расположенной воплотить на практике идеи преданности, жертвенности, самоотречения и мужества, которые внушало ей ее богатое воображение, она утверждала, что у меня романтический склад ума. Менее всего она могла понять, как это можно чувствовать себя готовой на все возможные жертвы ради собственного мужа; единственным объяснением, которое она находила, было: «По всему судя, вы его любите, как любовника».

Эта женщина представляла собой редкостную смесь, и я часто пыталась уяснить себе, как соединяются в ней достоинства и пороки. Впрочем, слово «пороки» слишком сурово. На ее изрядные достоинства страсти бросали тень, но и только. Страстям она отдавалась тем более легко, что для нее каждый раз было своего рода приятной неожиданностью, когда мужчина искал в ней наслаждений, на которые ее некрасивое лицо, казалось бы, должно было навсегда удалить всякую надежду. Я имею все основания полагать, что она сдавалась без боя первому же мужчине, который показывал себя более равнодушным к красоте ее рук, чем к чарам ее ума. Однако же напрасно было бы думать, что я считаю ее настоящей распутницей, поскольку она, несмотря ни на что, требовала определенной деликатности чувств и была способна на страсти весьма сильные и преданные, пока они длились. Вот так она страстно любила господина де Нарбонна, который ее бросил, как мне помнится, недостойным образом.

II

Части национальной гвардии организовались по всему королевству по примеру парижской, главнокомандующим которой был господин де Лафайет. Сам король пожелал, чтобы сформировалась такая часть в Версале и чтобы все служащие министерств в нее вступили, надеясь, что от этого дух там станет лучше и что все эти люди, существование кото-

рых зависело от двора, будут настроены не бросить его. Выбор командира для этой части был неудачен. Во главе ее был поставлен граф д'Эстен, приобретший к тому времени определенную репутацию, которой он далеко не заслуживал. Я знала от своего отца, что следовало думать об этом назначении. Господин Диллон служил под его командованием в начале войны в Америке и имел самые положительные доказательства тому, что господину д'Эстену не хватало не только умения, но и храбрости. Однако же по возвращении во Францию он был осыпан милостями, в то время как моего отца, которому он был обязан своим первым успехом, поскольку именно Диллоновский полк захватил Гренаду, ждали после войны лишь разочарования и несправедливости. Главнокомандующим национальной гвардии Версаля господин д'Эстен был назначен по ходатайству королевы. Но мой свекор, желая сохранить хоть какое-то влияние на это войско и надеясь, что это окажется возможно, назначил своего сына заместителем командующего. Это означало, что реальное командование будет в его руках, поскольку господин д'Эстен, который по надменности и высокомерию брезговал иметь дело с этим войском, состоявшим из буржуа, занимался своими обязанностями лишь в те дни, когда не мог этого избежать. Он не принимал никакого участия ни в организации службы, ни в назначении офицеров. Начальником штаба туда был назначен Бертье, будущий князь Ваграмский, очень способный штабной офицер. Это был храбрый человек, обладавший талантом организатора, но слабость его характера делала его мишенью для всевозможных интриг. Он предложил в офицеры версальских торговцев, уже записавшихся в революционную партию, и они стали сеять раздор в войске.

Уже тогда, в августе, стали обнаруживаться преступные происки, направленные на устроение нехватки продовольствия; были захвачены и арестованы многие агенты. Двое из них предстали перед судом и на основании их собственных признаний были приговорены к повешению. В день казни на площади собрался народ. Приставы, которых было слишком мало, чтобы поддерживать порядок и не дать черни освободить приговоренных, из предосторожности решили вернуть их в тюрьму, и казнь была отложена до следующего дня. Народ разломал виселицу и разграбил лавки булочников, виня их в том, что они выдали тех, кто хотел их соблазнить. Однако же сила должна была остаться за законом, и в день, назначенный для казни осужденных, господин де ла Тур дю Пен, вместо господина д'Эстена, не пожелавшего приехать в Версаль, собрал национальную гвардию и приказал ей обеспечить охрану, чтобы казнить преступников. Поднялся сильный ропот, но его непоколебимая твердость взяла верх. Когда он объявил гвардейцам, что те, кто откажется выступить, будут сей же час вычеркнуты из списков и что он сам встанет во главе отряда, они не посмели более сопротивляться. Народ, узнав

таким образом, что начальник национальной гвардии не тот человек, чтобы дать себя напугать криками толпы, более не препятствовал казни. Тех двоих повесили, а национальные гвардейцы сочли, будто совершили кампанию, которая покроет их славой. Господин де Ла Тур дю Пен, которому никогда прежде не приходилось исполнять смертные приговоры, вернулся домой очень подавленный тем печальным зрелищем, свидетелем которого он только что стал.

В день святого Людовика⁹² было в обычае городским старшинам и чиновникам города Парижа приходить поздравлять короля с праздником. В этом году национальная гвардия пожелала тоже быть допущенной к этой почетной церемонии, и ее главнокомандующий господин де Лафайет отправился в Версаль со всем своим штабом, вместе с господином Байи, мэром Парижа, и всем муниципалитетом. Рыночные торговки рыбой тоже пришли, по обычаю, принести королю букет. Королева приняла и тех и других с подобающей церемонией в зеленой гостиной, примыкающей к ее спальне. Этикет, принятый на такого рода приемах, соблюдался, как обычно. Королева была в обычном платье, с большим количеством украшений и множеством бриллиантов. Она сидела в большом кресле со спинкой, а под ноги ей была поставлена небольшая скамеечка. Справа и слева помещались несколько герцогинь на табуретах, в парадном платье, а позади вся свита королевы, женщины и мужчины.

Я встала достаточно близко, чтобы все видеть и слышать. Дворецкий объявил: «Город Париж!» Королева ожидала, что мэр опустится перед ней на одно колено, как делал в прошлые годы; но господин Байи при входе совершил только очень глубокий поклон, на который королева ответила не вполне любезным кивком. Мэр произнес небольшую речь, очень хорошо написанную, в которой говорил о преданности, о привязанности, а также немного об опасениях народа по поводу каждодневно угрожающей нехватки продовольствия.

Затем вышел вперед господин де Лафайет и представил свой штаб национальной гвардии. Королева покраснела, и я увидела, что она в крайнем волнении. Она пробормотала дрожащим голосом несколько слов и кивком дала знак пришедшим удалиться. Они ушли очень ею недовольные, как я узнала потом; эта несчастная государыня никогда не понимала всей серьезности положения, в котором она находилась, и не рассчитывала последствий, давая волю тем чувствам, которые испытывала. Этих офицеров национальной гвардии одно милостивое слово завоевало бы на ее сторону, но они ушли от нее в дурном настроении и распространили свое недовольство по Парижу, тем еще усилив недоброжелательство в отношении королевы, которое намеренно подогревалось и которое исходило в первую очередь от герцога Орлеанского.

Торговки рыбой тоже были приняты плохо и решили отомстить.

Национальная гвардия Версаля, как и части национальной гвардии по всему королевству, пожелала иметь свои знамена, и было решено, что их торжественно освятят в Нотр-Дам-де-Версаль. Депутация главных офицеров во главе с господином д'Эстеном явилась ко мне просить, чтобы я собирала пожертвования на этой церемонии освящения. Было заранее договорено, что я любезно соглашусь на их просьбу. Но моя решимость чуть было не пропала прямо посреди благодарственной речи, когда я заметила позади господина д'Эстена вооруженного до зубов Симона, молодого дворцового слугу, который ведал комнатами моей тетушки и часто приносил нам ужин. Все эти непотребства были тогда еще внове и для молодежи казались только в удовольствие. Если бы мне кто-нибудь сказал, что скромный майор национальной гвардии Бертье, отец которого был интендантом в военном министерстве, станет владетельным принцем Невшательским и женится на немецкой принцессе, я бы посмеялась над такой выдумкой; но нам пришлось повидать много и более необыкновенного!

Итак, я пошла на эту весьма торжественную и блестящую церемонию, на которую собрались депутаты всех воинских частей, присутствовавших в Версале. За время этой мессы с долгими песнопениями сколько я передумала о тех событиях, что совершались вокруг! Всего лишь за четырнадцать месяцев до того, в день Пятидесятницы, я собирала пожертвования в часовне Версальского дворца при собрании капитула кавалеров ордена Святого Людовика, в присутствии короля и всех принцев крови, многие из которых уже покинули Францию.

Мне навстречу выступил и подал руку незнакомый красивый молодой человек, очень смущенный своей ролью; он мог быть, как Симон, дворцовым слугой или каким-нибудь торговцем из Версаля. Я не спросила его имени. Пожертвований было собрано много, так что юре и его бедняки остались весьма довольны. Мне большего и не надо было. Мои аристократические идеи были несколько в расстройстве от той роли, которую меня определили играть. Но так хотел мой свекор и так пожелал король. Этого было достаточно, чтобы я согласилась без возражений. Я была одета в красивое платье, вызвавшее много комплиментов в мой адрес, и нам пришлось еще дать обед штабу национальной гвардии Версаля, который был мне невыносим из-за какого-то предчувствия.

Лето наконец шло к завершению. Я была в начале беременности, которая обещала быть благополучной. Я себя чувствовала хорошо, и, поскольку мой свекор имел двенадцать упряжных лошадей, которыми совсем не пользовался, мы с моей золовкой использовали их для прогулок по прекрасным лесам, окружающим Версаль.

Каждый день шли разговоры о мелких возмущениях в Париже из-за продовольствия, которое становилось все труднее доставать, и никто

не мог объяснить причину такой нехватки. Она, без сомнения, была вызвана происками революционеров.

Двор, словно пораженный слепотой, не предвидел никаких роковых событий. Национальная гвардия Парижа вела себя недурно. Ядро ее составил полк французской гвардии, за вычетом офицеров; эти гвардейцы, так сказать, привили некоторые военные привычки тем буржуа, которые вошли в состав части. Сержанты и капралы французской гвардии, поставленные на офицерские должности, стали инструкторами, и эта гвардия сразу оформилась как воинская часть. Господин де Лафайет красовался на своей белой лошади и по глупости своей даже не подозревал, что герцог Орлеанский устраивает заговор и мечтает взойти на трон. Абсурдная несправедливость полагать, что господин де Лафайет мог быть устроителем событий 5 и 6 октября 1789 года. Он полагал, что царствует в Париже, но царствование его закончилось в тот день, когда король и Национальное собрание переехали туда. Тогда на него возложили ответственность, которой он не желал. Он был занят по горло делами революционеров, и они увлекали его за собой помимо его воли. Я изложу далее свои воспоминания о тех днях, когда слабость короля стала причиной всех несчастий.

III

В Версаль был вызвал Фландрский пехотный полк, которым командовал маркиз де Лузиньян, депутат Национального собрания. После того сбора пожертвований, о котором я говорила выше, телохранители — тогда на дежурстве была рота герцога де Грамона — пожелали дать от имени своего полка обед офицерам Фландрского полка и национальной гвардии⁹³. Они попросили предоставить им для этого большую залу дворцового театра, расположенную в конце галереи, ведущей в часовню. Эту великолепную залу можно было превратить в балльную, настелив пол в партере; при этом ложи оказывались вровень с полом. Сцену закрывала роскошная декорация, вся в золоте, повторявшая вид самой залы. Я ее прежде уже видела, когда телохранители давали бал для королевы по поводу рождения первого дофина⁹⁴. Им дали позволение устроить свой стол в этой зале. Обед начался довольно поздно, и весь театр был блестяще освещен; впрочем, это все равно пришлось бы сделать, поскольку окон там не было.

Мы с моей золовкой пошли, ближе к концу обеда, взглянуть на это зрелище; вид был великолепный. В этот момент пили за здоровье, и мой муж, вышедший нам навстречу, чтобы проводить нас в одну из лож в передней части зала, успел шепнуть, что собравшиеся очень разгорячены и что говорились непочтительные речи.

Внезапно было объявлено, что король и королева сейчас придут на банкет; это был неосторожный поступок, оказавший самое неблагоприятное действие. Королевская чета действительно появилась в центральной ложе вместе с маленьким дофином, которому было около пяти лет. Раздались восторженные крики: «Да здравствует король!» Других криков я не слышала, вопреки тому, что кое-кто утверждал. Один офицер-швейцарец подошел к ложе и попросил королеву передать ему дофина, чтобы совершить круг по зале. Она согласилась, и бедный малыш совершенно не боялся. Офицер поставил ребенка на стол, и тот очень храбро обошел его весь, улыбаясь и совершенно не пугаясь криков, раздававшихся кругом. Королева была не настолько спокойна, и, когда ей его вернули, она его нежно обняла. Мы ушли после того, как король и королева удалились. Поскольку все выходили в это время, мой муж, боясь, как бы меня не затолкали в толпу, присоединился к нам. Вечером нам донесли, что некоторые дамы, находившиеся в галерее, ведущей в часовню, и в их числе герцогиня де Майе, раздали белые ленты со своих шляпок каким-то офицерам. Это было большое безрассудство, поскольку назавтра непотребные газеты, которых много уже существовало, не преминули дать описание версальской оргии, после которой, добавляли они, всем участникам были розданы белые кокарды. Мне потом приходилось видеть, как эти абсурдные сказки повторяли серьезные исторические книги; однако же вся эта необдуманная шутка ограничивалась бантиком, который госпожа де Майе, молоденькая девятнадцатилетняя сумасбродка, сняла со своей шляпки.

IV

4 октября хлеба не было у многих булочников в Париже, и это вызвало большие волнения. Одного из этих несчастных повесили прямо на месте, несмотря на усилия господина де Лафайета и национальной гвардии. В Версале, однако, не встревожились. Сочли, что это возмущение будет подобно тем, которые уже были прежде, и что национальной гвардии, которая казалась надежной, будет достаточно, чтобы удержать народ⁹⁵. Сообщения, поступившие королю и президенту Палаты, были настолько успокаивающими, что 5 октября в 10 часов утра король отправился на охоту в леса Верьер, а я, позавтракав, поехала к госпоже де Валанс, которая поселилась в Версале, чтобы там дожидаться родов. Мы с ней отправились на прогулку в экипаже в сад Мадам Елизаветы в конце большого проспекта. Выходя из экипажа, чтобы перейти поперечную аллею, мы увидели, как мимо нас во весь опор скачет верховой. Это был герцог де Майе; он крикнул нам: «Париж идет сюда с пушками». Это известие очень нас испугало, и мы сразу же вернулись в Версаль, где к тому времени уже подали тревогу.

Мой муж ушел в Национальное собрание, ничего еще не зная. Было известно, что в Париже много шума, но больше ничего нельзя было узнать, потому что народ собрался у застав, держал ворота закрытыми и не позволял никому выходить. Господин де Ла Тур дю Пен, ища в кулуарах залы заседаний того, с кем он хотел поговорить, проходил мимо какого-то толстяка, которого он поначалу не узнал, и услышал, как тот говорил принцу Огюсту д'Аренбергу, которого тогда еще называли графом де ла Марком: «Париж идет сюда с двенадцатью пушками». Этот толстяк был Мирабо, тогда тесно связанный с герцогом Орлеанским. Господин де Ла Тур дю Пен побежал к своему отцу, уже находившемуся на совещании с другими министрами. Первым делом во всех направлениях, куда охота могла завести короля, были посланы люди, чтобы сказать ему вернуться. Мой свекор принял помощь многих особ, приехавших в Версаль по своим делам и предложивших себя на роль ординарцев. Мой муж пошел собирать национальную гвардию, которой далеко не доверял. Фландрскому полку было приказано вооружиться и занять плац. Телохранители оседлали лошадей. Были отправлены курьеры вызвать швейцарцев из Курбева. Поминутно посылали кого-нибудь на дорогу узнать, что происходит. Приходили вести, что бесчисленная толпа мужчин и еще больше женщин движется на Версаль и что за этим своего рода авангардом идет национальная гвардия Парижа со своими пушками, а следом еще великое множество народа без всякого порядка. Оборонять мост в Севре было уже поздно. Национальная гвардия этого города уже сдала его женщинам и отправилась брататься с гвардией Парижа. Мой свекор хотел, чтобы послали Фландрский полк и рабочих перекрыть парижскую дорогу. Но Национальное собрание объявило, что будет продолжать заседание до окончательного решения, король отсутствовал, и никто не мог взять на себя инициативу пойти на столкновение.

Мой свекор, будучи в отчаянии, как и господин де Сен-При, восклицал: «Мы дадим себя тут захватить, а может быть, и поубивать без сопротивления». В это время били сигнал сбора национальной гвардии. Она собралась на плацу и строилась в боевой порядок спиной к решетке Королевского двора. Фландрский полк стоял левым флангом к большой конюшне, а правым к решетке. Посты внутри главного двора и у свода часовни занимали швейцарцы, большой отряд которых всегда находился в Версале. Калитки в решетках повсюду были закрыты. Все выходы из дворца забаррикадировали, а ворота, которые не поворачивались на петлях со времен Людовика XIV, впервые были закрыты.

Наконец, около 3 часов, прискакал галопом по главному проспекту король со своей свитой. Этот несчастный государь, вместо того чтобы остановиться и обратиться с какими-нибудь добрыми словами к прекрасному Фландрскому полку, мимо которого он проезжал под крики «Да здрав-

ствует король!», не произнес ни слова. Он заперся в своих комнатах и более оттуда не выходил. Национальные гвардейцы Версаля, для которых это была первая кампания, начали перешептываться и говорить, что не станут стрелять в народ Парижа. Пушек в Версале не было.

Авангард из трех-четырех сотен женщин начал прибывать и заполнять проспект. В большом числе женщины зашли в помещение Национального собрания и сказали, что пришли за хлебом и за депутатами, чтобы увести их в Париж. Многие из них, пьяные и очень уставшие, устроились на трибунах и скамьях в зале. Наступала ночь, и раздалось несколько выстрелов. Стреляли из рядов национальной гвардии в сторону моего мужа, их начальника; гвардия отказывалась подчиниться его приказанию оставаться на посту. Одна пуля попала в господина де Савоньера и раздробила ему локоть. Я видела, как этого несчастного относили в комнаты к госпоже де Монморен, поскольку не отходила от окна и присутствовала при всех этих событиях. Мой муж чудом уцелел; поняв, что его солдаты его покидают, он занял место впереди телохранителей, построившихся в боевой порядок перед малой конюшней. Но их было так мало — там была только рота господина де Грамона, — что на совете сочли невозможной никакую оборону. Когда мой муж доложил о дурном расположении национальной гвардии, совет согласился, что она станет брататься с гвардией Парижа, как только та появится, и что поэтому лучше будет не собирать ее вновь.

В этот момент мой свекор и господин де Сен-При выступили с предложением, чтобы король со своим семейством укрылся в Рамбуйе и там ждал предложений, которые сделают ему парижские повстанцы и Национальное собрание. Король сначала принял этот план. В соответствии с ним рота телохранителей в 8 или 9 часов была вызвана в Королевский двор; она прошла туда через калитку в решетке на улице Оранжерии, потом проследовала на террасу, пересекла малый парк и через Зверинец вышла на большую дорогу в Сен-Сир. В Версале из телохранителей осталось лишь столько, сколько было необходимо для смены караулов при комнатах короля и королевы. Швейцарские гвардейцы и швейцарская сотня оставались на своих постах.

И тут те две или три сотни женщин, которые уже час как крутились возле решеток, обнаружили маленькую дверцу, ведущую на потайную лестницу, которая под главным корпусом здания, где мы находились, выходила на Королевский двор. Наверное, какой-то сообщник показал им этот проход. Женщины бросились туда всей толпой, по дороге опрокинув швейцарского гвардейца, стоявшего на посту наверху лестницы, заполнили двор и вошли в квартиры четырех министров, которые жили в этой части здания. Их проникло к нам туда так много, что они заполнили вестибюль, прихожие и лестницу. В это время как раз вернулся мой муж, чтобы сообщить новости своей сестре и мне. Увидев нас в такой скверной

компании, он очень беспокоился и решил увести нас во дворец. Моя золовка предусмотрительно еще раньше отправила своих детей к одному депутату из числа наших друзей, жившему в городе. Следуя за господином де Ла Тур дю Пенom, мы поднялись на галерею, где к тому времени уже собралось многие жившие во дворце люди. Смертельно встревоженные, они пришли к королевским комнатам, чтобы быть поближе к новостям.

Тем временем король, как всегда, колеблясь при принятии решения, уже расхотел ехать в Рамбуйе. Он спрашивал совета у всех вокруг. Королева, в такой же нерешительности, никак не могла собраться с духом на это ночное бегство. Мой свекор встал на колени перед королем, заклиная его обезопасить и свою особу, и свою семью. Министры остались бы вести переговоры с восставшими и Национальным собранием. Но этот добрый государь только повторял, теряя драгоценное время: *«Я не хочу никого подвергать опасности»*. В какой-то момент думали уже, что он вот-вот уступит, и был дан приказ подогнать экипажи, которые были уже два часа как заложены и ожидали в большой конюшне. Конечно, трудно себе вообразить, чтобы из всех конюших короля, собравшихся вокруг, ни у кого не возникло мысли, что народ Версаля может воспротивиться отъезду королевской семьи. Однако же именно так и произошло. В тот момент, когда собравшаяся на плацу толпа народа из Парижа и Версаля увидела, как открываются ворота со двора больших конюшен, раздался всеобщий крик испуга и ярости: «Король уезжает!» Одновременно все бросаются к экипажам, режут упряжь, уводят лошадей, и пришлось идти во дворец сказать, что отъезд теперь невозможен. Тогда мой свекор и господин де Сен-При предложили наши экипажи, которые стояли заложеными за оградой на улице Оранжери. Но король и королева отвергли это предложение, и каждый остался молча ждать в расстройстве и ужасе, предвидя еще большие несчастья.

Мы вместе с остальными, не разговаривая, ходили туда-сюда по галерее, бывшей свидетельницей всех самых пышных торжеств монархии со времен Людовика XIV. Королева оставалась в спальне вместе с Мадам Елизаветой и Мадам. Карточный салон, едва освещенный, был заполнен женщинами, тихо переговаривавшимися между собой, сидя кто на табуретах, кто на столах. Я пребывала в таком возбуждении, что не могла ни мгновения оставаться на месте. Я поминутно заходила в залу, называвшуюся «Бычий глаз»⁹⁶, откуда были видны все входящие и выходящие из комнат короля, в надежде встретить своего мужа или свекра и узнать от них что-то новое. Ожидание казалось мне невыносимым.

Наконец в полночь мой муж, уже давно находившийся во дворе, пришел объявить, что господин де Лафайет, подошедший к ограде Королевского двора с национальной гвардией Парижа, просит допустить его поговорить с королем; он доложил также, что та часть этого отряда, которая

состоит из солдат прежнего гвардейского полка, проявляет большое нетерпение и малейшее промедление может создать неудобную, а то и опасную ситуацию.

Король тогда сказал: «Пусть господин де Лафайет поднимется». Господин де Ла Тур дю Пен во мгновение ока оказался у ограды, и господин де Лафайет, сойдя с лошади и с трудом держась на ногах от усталости, поднялся к королю в сопровождении семи или восьми человек, не больше, из своего штаба. В большом волнении он обратился к королю в следующих выражениях: «Сир, я подумал, что лучше будет прийти сюда и умереть у ног Вашего Величества, чем без пользы погибнуть на Гревской площади». Это были его собственные слова. На это король спросил: «Так чего же они хотят?» Господин де Лафайет ответил: «Народ просит хлеба, а гвардия хочет снова занять свои прежние посты на службе Вашего Величества». Король сказал: «Ну так что же, пусть занимают эти посты».

Эти слова были мне переданы в ту же минуту. Мой муж спустился обратно вместе с господином де Лафайетом, и национальная гвардия Парижа, состоявшая, можно сказать, исключительно из французских гвардейцев, тотчас же заняла свои прежние посты. Таким образом, у каждой двери наружу, где стоял часовой из швейцарцев, поставили по часовому из парижских гвардейцев, а остальные составили аванпост численностью в несколько сот человек, который был отправлен встать бивуаком, как было принято, на плац, в длинное строение, где было несколько больших залов, выстроенных и раскрашенных в виде палаток.

В это время парижский народ покидал окрестности дворца и направлялся в город и в тамошние кабачки. Множество людей, измученных усталостью и промокших до костей, искали приюта в конюшнях и каретных сараях. Женщины, заполонившие ранее министерства, съели всё, что удалось для них достать, и улеглись спать на полу в кухнях. Многие плакали, говорили, что их силой заставили идти и что они не знают, зачем пришли. Руководительницы женщин, похоже, нашли приют в зале Национального собрания, где и оставались всю ночь вперемешку с депутатами, которые сменяли друг друга, чтобы заседание оставалось непрерывным.

Кажется, господин де Лафайет, после того как расставил посты национальной гвардии, зашел еще ненадолго в Национальное собрание, а оттуда уже вернулся во дворец к госпоже де Пуа, комнаты которой были недалеко от часовни, в галерее, которая туда ведет. Мой муж, с которым они вместе спускались от короля, расстался с ним на выходе со двора. Что до господина д'Эстена, то он весь вечер так и не появлялся; он оставался в кабинете короля, не заботясь совершенно о национальной гвардии Версаля, словно и не был ее главным командующим. Господин де Ла Тур дю Пен собрал тех немногих офицеров своего штаба, на которых мог положиться;

в их числе был майор Бертье. Но большинство в этот поздний час уже разошлись либо к себе, либо к знакомым.

Король, которому доложили, что Версале царит совершеннейшее спокойствие, что было действительно так, отпустил всех, кто еще оставался в зале «Бычий глаз» и в его кабинете. Служители пришли в галерею сказать дамам, которые там еще были, что королева удалилась к себе. Двери затворились, свечи погасли, и мой муж отвел нас в комнаты тетушки, не желая вести обратно в министерство из-за женщин, спавших в приемных, — они нам внушали большое отвращение.

Поместив нас в безопасности в этих комнатах, он спустился обратно к своему отцу и уговорил его идти спать, сказав, что будет сам бодрствовать всю ночь. Действительно, он зашел к себе, чтобы надеть редингот поверх мундира, поскольку ночь была холодная и сырая, а потом, взяв круглую шляпу, спустился во двор и стал проверять посты, обходя дворы, переходы и сад, чтобы удостовериться, что повсюду всё спокойно. Он не слышал ни малейшего шума ни вокруг дворца, ни на прилегающих улицах. Караулы на разных постах сменялись с должной бдительностью, и гвардия, вновь разместившаяся в большой палатке на плацу и расставившая свои пушки батареей перед воротами, отправляла службу в том же порядке, что и до 14 июля.

Таково точное описание того, что происходило в Версале 5 октября. Вина господина де Лафайета, если он в чем и был виноват, состояла не в том, что он на час прилег, не раздеваясь, поспать на диване в гостиной у госпожи де Пуа — в чем его столько упрекали, — а в том полнейшем неведении, в котором он пребывал относительно заговора герцога Орлеанского. Устроители заговора направлялись в Версаль одновременно с ним, а он о том и не подозревал. Сам же презренный герцог, побывав 5 октября неоднократно в Национальном собрании, уехал вечером в Париж, или, по крайней мере, все выглядело так, будто он туда уезжает.

На самом деле, как будет видно далее, я получила верное доказательство его присутствия в Версале во время совершившейся попытки убить королеву.

V

Господин де Ла Тур дю Пен, сделав ночной обход постов и не услышав ничего такого, что заставляло бы опасаться малейшего беспорядка, вернулся в министерство. Однако вместо того, чтобы пойти к себе в кабинет или в спальню, которая выходила, как и моя спальня, на улицу Гран-Коммён, он остался в столовой и устроился у открытого окна, на воздухе, опасаясь заснуть. Уместно пояснить здесь, что двор Принцев тогда был ограж-

ден решеткой, и возле калитки стоял на посту один из телохранителей, поскольку именно с этого места начиналась охрана особы короля — служба, возложенная на телохранителей и швейцарскую сотню. Внутри этого маленького дворика был проход, сообщавшийся с Королевским двором, чтобы телохранителям, стоявшим на посту у свода часовни, в Королевском дворе, в углу Мраморного двора, не приходилось для смены караула выходить за решетку Королевского двора, а потом входить через калитку в решетке двора Принцев. Далее будет видно, как необходимо было убийцам знать этот проход.

Начинало светать. Было уже больше 6 часов; во дворе царила полнейшая тишина. Господин де Ла Тур дю Пен стоял, облокотившись на подоконник, и ему показалось, будто он слышит шаги людей, поднимающихся по пандусу, который вел с улицы Оранжери на большой двор. Каково же было его удивление, когда он затем увидел, как толпа оборванцев входит через калитку в решетке, в то время как эта калитка должна была быть заперта на ключ. Значит, ключ этот был отдан им предательством. Они были вооружены топорами и саблями. В то же мгновение мой муж услышал ружейный выстрел. За то время, которое ему потребовалось, чтобы спуститься по лестнице и приказать открыть дверь министерства, убийцы расправились с телохранителем господином де Валлори, стоявшим на часах у решетки двора Принцев, и прошли через тот проход, о котором я только что говорила, направляясь к кордегардии Королевского двора. Часть из них, не более двух сотен, бросилась на мраморную лестницу, а остальные накинудись на часового, которого его товарищи-телохранители бросили без защиты — сами они заперлись в казарме, и убийцы не стали пытаться выломать дверь. А ведь этих телохранителей было десять или двенадцать человек; они могли застрелить или зарубить саблями нескольких из этих негодяев и помочь своему товарищу. Они же ничего не сделали, и несчастный часовой, сделав свой выстрел из мушкета и убив им ближайшего из нападавших, был сейчас же растерзан другими. Совершив это гнусное дело, нападавшие побежали догонять другую часть банды, которая к этому моменту прорвалась через караул швейцарской сотни, стоявший наверху мраморной лестницы. Этих гигантов много упрекали в том, что они не оборонили лестницу своими длинными алебардами. Но возможно, что на посту у лестницы стоял лишь один гвардеец, как это было заведено, — настолько все были уверены, что ничего не случится и что прочные решетки, все накрепко запертые, продержатся достаточно долго, чтобы можно было занять оборону.

Никаких особых мер предосторожности принято не было, как видно из того, что убийцы, добравшиеся до верха мраморной лестницы и ведомые, без сомнения, кем-то, знавшим дорогу, повернули в комнату охраны королевы, где наткнулись на единственного гвардейца, стоявшего там

в карауле. Этот гвардеец бросился к двери спальни, которая была заперта изнутри, и успел несколько раз стукнуть в нее прикладом своего мушкетона, крича: «Мадам, спасайтесь, вас идут убивать». Потом, решив задорого продать свою жизнь, он встал к двери спиной; разрядив сначала в нападавших мушкетон, он дальше отбивался саблей, но скоро был изрублен на месте этими негодяями, которые, к счастью, не имели огнестрельного оружия. Он упал против двери, и, поскольку тело его мешало убийцам ее выбить, они выбросили его в окно, и это его спасло. Брошенный там, он пролежал без чувств до самого отъезда короля в Париж и потом был подобран друзьями. Этот храбрец по имени Сент-Мари был еще жив во время Реставрации.

В это время мы с моей золовкой спали в одной из комнат нашей тетушки госпожи д'Энен. Я была очень утомлена, и моя золовка с большим трудом добудилась меня, когда ей послышался шум снаружи. Она просила меня пойти послушать к окну, выходившему на водосточный желоб, чтобы понять, откуда этот шум. Мне пришлось встряхнуться, потому что я была очень заспана, но потом я забралась на окно и выбралась на желоб, выступавший далеко от стены и мешавший мне видеть улицу. Оттуда я отчетливо услышала, как несколько голосов кричали: «Смерть им! Смерть! Убивайте телохранителей!» Я была совершенно потрясена. Мы с золовкой обе спали не раздеваясь, так что тут же бросились в спальню к тетушке, которая ничего не могла слышать, поскольку ее окно выходило в парк. Она перепугалась не меньше нас. Мы сразу позвали ее слуг; пока те просыпались, успела прибежать моя преданная добрая Маргарита; бледная как смерть, она опустилась на первый попавшийся стул, восклицая: «Ах, Боже мой! Нас сейчас всех поубивают!» Этот ее возглас не прибавил нам спокойствия. Бедная женщина настолько запыхалась, что едва могла говорить. Однако через минуту она сказала нам, что вышла из моей спальни в министерстве, намереваясь пойти ко мне узнать, не нуждаюсь ли я в ее услугах, поскольку мой муж накануне ей говорил, что я останусь во дворце. Спускаясь по ступенькам террасы, она обнаружила там многочисленную толпу подонков. Один из них — он был с длинной бородой, и его знали как натурщика из Академии художеств — был занят тем, что отрезал голову только что убитого телохранителя. Проходя мимо решетки по улице Оранжери, она увидела, как подошел некий *господин* в заляпанных грязью сапогах и с хлыстом в руке, — это был не кто иной, как герцог Орлеанский, которого она отлично знала, поскольку ей часто случалось его видеть. Вдобавок и те негодяи, что его окружали, выражали свою радость при виде его криками: «Да здравствует наш король Орлеанский!», в то время как он рукой подавал им знак замолчать. Добрая моя Маргарита добавила, что убежала оттуда, подумав, что ее белый фартук и чистое платье посреди этой толпы оборванцев могут обратить на нее

внимание, причем ей пришлось переступить через тело гвардейца, упавшего поперек калитки в решетке двора Принцев.

Она только успела закончить этот волнующий рассказ, как пришел мой муж. Он нам рассказал, что, как только увидел проникших в Королевский двор убийц, сразу побежал в расположение гвардии, стоявшей на плацу, чтобы подать сигнал сбора. От него мы также узнали, что королева смогла спастись, убежав в комнаты короля по малому переходу, устроенному под залой «Бычий глаз», — он служил для сообщения между ее спальней и спальней короля. Мой муж уговорил нас покинуть комнаты тетушки, по его мнению, расположенные слишком близко от комнат короля и королевы, и отправиться к госпоже де Симиан, которая нашла приют в доме у одной своей бывшей горничной неподалеку от Оранжереи. Господин аббат де Дамас пришел за нами и отвел нас туда. Я уходила в полном отчаянии, тревожась из-за всяческих опасностей, которые угрожали моему мужу. Ему пришлось приказать мне отправиться к этой женщине; он обещал держать меня в курсе того, что с ним будет происходить.

По прошествии двух часов, которые мне показались столетиями, он, верный своему слову, прислал ко мне своего лакея сообщить, что короля и королеву увозят в Париж и что министры, административные органы и Законодательное собрание покидают Версаль, а ему самому приказано остаться, чтобы не допустить разграбления дворца после отъезда короля; для этой цели ему оставили батальон швейцарцев, национальную гвардию Версаля, командующий которой господин д'Эстен к тому времени успел подать в отставку, и батальон национальной гвардии Парижа. Пока что он мне настрого запретил выходить из моего убежища. Я оставалась там одна несколько часов, поскольку тетушка отправилась к госпоже де Пуа, которая также уезжала в Париж, а моя золовка оставила меня, чтобы сходить за своими детьми и встретиться с мужем. Тот только что приехал из Энанкура и хотел, чтобы она тотчас же уезжала в деревню. Я думаю, что за всю мою жизнь, по крайней мере, до сих пор, мне не выпадало таких тяжелых часов, как в то утро. Крики «Смерть!», которыми я была разбужена, все еще отдавались у меня в ушах. Малейший шум заставлял меня вздрогнуть. Воображение мое тут же представляло мне все опасности, которым мог подвергаться мой муж. Даже моей служанки Маргариты не было со мной, чтобы придать мне храбрости. Она вернулась в министерство, чтобы помочь моим людям упаковать наши вещи, которые должны были отправиться в Париж в фургонах моего свекра.

Я ничего не знала о госпоже де Валанс, кроме того, что накануне вечером у нее начинались роды. Однако никакая опасность не должна была ей угрожать, потому что она жила в конюшнях Орлеанского дома, ливрея которого служила охранной грамотой. Но как она могла быть перепугана в такой момент! Мои предчувствия не обманывали меня. Один

из телохранителей был убит прямо под окном ее комнаты, расположенной в низкой антресоли. Она была в таком потрясении, что схватки у нее прекратились, как будто она и не должна была родить. Она отправилась в Париж через Марли и лишь спустя три дня родила свою дочь Розамонду, которая потом стала в замужестве госпожой Жерар.

К 3 часам госпожа д'Энен вернулась за мной и сообщила, что печальный кортеж отбыл в Париж; перед экипажем короля убийцы несли насаженные на пики головы убитых ими телохранителей. Экипаж окружали национальные гвардейцы Парижа, сменившие свои шляпы и перевязи на взятые у телохранителей и швейцарцев; они шли вперемешку с женщинами и народом. Этот отвратительный маскарад медленно двигался до самого Тюильри, а следом ехали все экипажи, которые удалось достать для перевозки Национального собрания.

Садясь в экипаж, Людовик XVI сказал господину де Ла Тур дю Пену: «Вы остаетесь здесь хозяином. Постарайтесь спасти для меня мой бедный Версаль». Эти слова были для него приказом, которому он твердо решил следовать. Он держал совет с командиром оставленного ему батальона национальной гвардии Парижа — человеком весьма решительным и проявлявшим самую добрую волю... Это был Сантерр!

Я покинула свое убежище и вместе с тетушкой вернулась в министерство. В Версале уже царила страшная пустота. Во дворце не было слышно ничего, кроме звука закрываемых дверей, окон и ставен, которые не закрывались со времен Людовика XIV. Мой муж принимал все меры для обороны дворца, будучи убежден, что с наступлением ночи те чуждые и зловещие фигуры, которые мы видели слоняющимися по улицам и во дворах, пока еще открытых, соберутся вместе, чтобы предать дворец разграблению. Боясь за меня при ожидаемых им беспорядках, он потребовал, чтобы я уехала вместе с тетушкой.

Мы не хотели ехать в Париж, опасаясь, что там могут запереть ворота и я тогда окажусь отрезана от мужа и не смогу к нему вернуться. Мое желание было оставаться в Версале. С ним рядом мне было ничего не страшно. Но он беспокоился о роковых последствиях, которые могли бы иметь для меня во время беременности новые страхи, подобные тому, который я только что испытала. Мое присутствие, как он говорил, парализовало бы его усилия, которые его долг был приложить, чтобы оправдать доверие короля. В конце концов он меня уговорил ехать в Сен-Жермен и там ожидать развития событий в квартире господина де Лалли в замке. Эту квартиру, принадлежавшую моей семье, оставила ему со всей мебелью моя двоюродная бабка мадемуазель Диллон.

Мы с тетушкой поехали туда в скверной двуколке, сопровождаемые горничной, которая сама была из Сен-Жермена. Лошади и экипажи моего свекра отбыли в Париж, а в Версале ни за какие деньги нельзя было

достать транспорта. Путь занял долгие три часа. Трясая дорога, а потом 180 ступеней, по которым мне пришлось подниматься в квартиру, где старая консьержка была весьма удивлена моим появлением, — все это оставило меня совершенно без сил. Я чувствовала себя очень плохо, и к исходу ночи появились уже все признаки угрожающего выкидыша. Ужасное кровоупускание, которое мне сделали, предотвратило это несчастье, но я так от этого ослабела, что мне пришлось потом несколько месяцев приходить в себя.

Глава XI

I. Госпожа де Ла Тур дю Пен поселяется в Париже. — Господин де Лалли и мисс Хэлкетт. — Военное министерство размещается в особняке Шуазелей. — Недисциплинированность в армии. — Рождение Юмбера-Фредерика де Ла Тур дю Пена. — Женитьба Шарля де Ноайля. — Милости королевы к госпоже де Ла Тур дю Пен. — II. Праздник Федерации. — Парижский гарнизон. — Делегации. — Энтузиазм парижского населения. — Состав национальной гвардии. — Господин де Лафайет. — Епископ Отёнский. — Месса. — Зрелище, которое представляло собой Марсово Поле. — Королевское семейство. — III. Поездка в Швейцарию. — Полина де Пюлли. — Приключение в Доле. — У господина де Мале, командира национальной гвардии этого города. — Дольская коммуна. — Четыре дня в плену. — Вмешательство офицеров полка Руаяль-Этранже. — Отъезд из Доля. — Женевское озеро. — IV. Бунт в гарнизоне Нанси. — Господин де Ла Тур дю Пен послан парламентаром. — Господин де Мальсень, комендант города, бежит из-под стражи. — Подавление бунта. — Опасность, которой подвергся господин де Ла Тур дю Пен. — Последствия эмиграции офицеров. — V. Пребывание в Лозанне. — Ле Паки. — Гостиница в Сешероне. — Возвращение в Париж через Эльзас.

I

Через две недели я уехала в Париж и поселилась у тетушки на улице Верней, ожидая, пока будет готов бывший особняк Шуазелей, отведенный для военного департамента.

Мой свекор временно размещался в доме недалеко от Лувра, принадлежавшем, как мне кажется, департаменту королевских развлечений, или *«Малых забав»*. Я каждый день ездила туда обедать и выполнять обязанности хозяйки салона. Но, даже чувствуя себя лучше, я все еще оставалась так пугающе бледна, что при виде меня многие знакомые со мной люди принимали обеспокоенный вид. Я совершенно потеряла аппетит. Мои муж и свекор приходили в отчаяние, не находя ничего такого, что бы я захотела поесть. Однако же беременность моя продолжалась, хотя видно этого не было и все кругом отказывались этому верить.

Наша тетушка уговорила господина де Лалли, который был полностью в ее власти, покинуть Национальное собрание после Революции 6 октября. Она заставила его также уехать из Франции вместе с господином Мунье. Они оба поселились в Швейцарии. Это был в высшей степени неверный шаг — оставить свой пост во время сражения; хотя их

лишние два голоса, скорее всего, никак не воспрепятствовали бы последующим событиям, они, должно быть, оба упрекали себя в том, что уступили побуждению, как можно было бы заподозрить, продиктованному страхом. Как бы то ни было, тетушка последовала за господином де Лалли в Швейцарию, и именно тогда она и уговорила его жениться на его прежней любовнице мисс Хэлкетт, племяннице лорда Логборо, бывшего тогда лордом-канцлером в Англии. Сделано это было только с целью узаконить дочь, которую ему родила эта женщина за несколько лет до того, ибо он не питал к ней ни уважения, ни любви. Но в момент своего отъезда из Лозанны, чтобы присоединиться к мадемуазель Хэлкетт в Турине, он ужасным образом заболел оспой, от которой чуть не умер, и только искусство господина Тиссо его спасло. Свадьба, таким образом, была отложена и состоялась лишь год спустя.

В начале зимы мы переехали в бывший особняк Шуазслей, великолепный дом, где мне были отведены отличные комнаты, совершенно отдельные от квартиры моего свекра, но сообщавшиеся с ней через дверь, которая открывалась в одну из гостиных. Отдельная красивая лестница вела только в мои комнаты. Это был как бы отдельный хороший дом с видом на сады, которые теперь все застроены. Мой муж, которому его отец поручил множество важных дел, был очень занят. Я его видела только за завтраком — мы с ним завтракали наедине — и за обедом.

Когда мы переехали в Париж, мой свекор перестал давать большие обеды. Но у него каждый день бывало за столом от двенадцати до пятнадцати человек — то депутатов, то иностранцев, то каких-нибудь важных персон. Обед подавали в 4 часа. Через час после обеда, поговорив в гостиной с несколькими гостями, приехавшими, по версальскому обыкновению, *к кофе*, мой свекор уходил к себе в кабинет. Я тогда возвращалась в свои комнаты, откуда потом выезжала в свет.

Королева, приехав в Париж, отказалась от своих лож в театрах, и это проявление досады, вполне естественное, но весьма неловкое, еще более восстановило против нее парижан. Эта несчастная государыня не умела применяться к чувствам людей или не желала этого делать. Она открыто демонстрировала свое дурное настроение тем, чье присутствие было ей не по нраву. Позволяя себе таким образом совершать необдуманные поступки и не просчитывая их последствия, она вредила интересам короля. Она была наделена большим мужеством, но ума имела мало, а ловкости в обращении не имела совсем, и главное, совершенно напрасно не доверяла как раз тем, кто был более всего расположен ей служить. После 6 октября, не желая признать, что угрожавшая ей ужасная опасность была результатом заговора, устроенного герцогом Орлеанским, она вымещала свое недовольство на всех жителях Парижа без различия, избегая любых поводов появляться на публике.

Я очень сожалела об утрате возможности пользоваться ложами королевны, к чему я уже привыкла. Опасаясь толпы, я за всю зиму с 1789 на 1790 год не побывала ни на одном представлении. Часто я собирала у себя на квартире по восемь — десять человек на небольшие ужины, в которых мой свекор никогда не принимал участия, поскольку ложился спать очень рано, а утром очень рано вставал.

Именно в первые месяцы 1790 года демагогическая партия употребила все средства для разложения армии. Каждый день приходила какая-нибудь неприятная новость: в одном полку разграбили полковую кассу, другой отказался сменить гарнизон; здесь эмигрировали офицеры, там город направил депутата в Национальное собрание с просьбой перевести стоявший у них полк под тем предлогом, что-де офицеры в нем *аристократы* и не братаются с буржуа. Мой бедный свекор погибал под грузом трудов, которых требовали эти тягостные новости. Многие офицеры, не взяв отпуска, покидали части и уезжали из Франции, и этот пример недисциплинированности, которую унтер-офицеры использовали в своих интересах, поощрял возмущение.

19 мая я разрешилась от бремени здоровым мальчиком, который потом на протяжении двадцати пяти лет составлял мое счастье. Его крестной матерью стала госпожа д'Энен, приехавшая из Швейцарии к моим родам, а крестным отцом — мой свекор. Назвали его Юмбер-Фредерик. Священники тогда еще могли служить, не принося присяги⁹⁷, и мой сын получил крещение в приходе Сент-Эташ. Мне не позволили кормить его самой, как я того хотела, поскольку первые месяцы беременности стали слишком большим испытанием для моего здоровья и я была еще очень слаба. Им занялась, таким образом, добрая кормилица, приехавшая из Вильнев-Сен-Жоржа, и вскоре он набрал полноту, которой ему не хватало при рождении, когда он был лишь кожа да кости.

Выздоровление было довольно долгим, что помешало мне присутствовать при бракосочетании Шарля де Ноайля, старшего сына госпожи де Пуа, с Натали де Лаборд, младшей дочерью богатого банкира. Это был изрядный мезальянс, женитьба ради денег, которую пытались изобразить женитьбой по любви. Но никто не обманывался — каждый знал, что куда сильнее прекрасных глаз Натали здесь действовали звонкие монеты из денежного ящика ее отца. Господин де Лаборд уже выдал старшую дочь за господина д'Эскара, впоследствии ставшего герцогом д'Эскаром, и у него оставалось теперь только два сына, поскольку двое младших погибли в начале экспедиции господина де Лаперуза.

Шарль де Ноайль был очень хорош собой. Поскольку со мной он был близок, как брат, он заехал ко мне показаться в своем свадебном наряде по пути из особняка Муши, где он жил, в особняк Лабордов на улице Артуа, совсем рядом с улицей Гранд-Бательер, где жила я. Сегодня этот

наряд нашли бы очень смешным. Вот каков он был: парадный сюртук из богатой шелковой ткани василькового цвета, с восхитительной вышивкой шелковой гладью, изображавшей очаровательную гирлянду из роз; прекраснейшие кружева на жабо и манжетах; голова убрана множеством буклей; шпага на боку и шляпа-треуголка. Таков был церемониальный наряд, который тогда еще не изменили.

Двор в Париже был устроен по-прежнему, как было принято в Версале, за исключением мессы, к которой больше не ходили с тех пор, как обнародован был декрет, обязывавший священников приносить присягу. Обед проходил, как в Версале. Когда я оправилась от родов, я поехала в парадном наряде к королеве. Она приняла меня с величайшей любезностью. Госпожа д'Энен, уезжая в Швейцарию, подала в отставку, и стоял вопрос о том, чтобы мне заменить ее в должности. Но королева этому воспротивилась. Уже говорили о том, чтобы назначить моего мужа посланником в Голландию, и, поскольку я, естественно, должна была сопровождать его туда, королева высказала мнение, что мне не стоит и начинать службу, чтобы тут же ее прервать. «Кроме того, — добавила она, — кто знает, не подвергну ли я ее опять каким-нибудь опасностям, вроде тех, что случились 5 октября?»

II

Я уже не помню, чем была вызвана мысль устроить, как тогда говорили, *федерацию*, или братание всех воинских частей государства, направив в Париж самого старшего из служащих в каждом чине, чтобы все они там собрались 14 июля, в годовщину взятия Бастилии. «Монитор» публиковал отчет о заседании, на котором было принято это решение.

Части национальной гвардии, организовавшиеся по всему королевству за прошедший год, также направили депутации, состоявшие из самых старших по рангу офицеров и старейших по возрасту простых гвардейцев. Подготовительные работы были начаты в конце июня.

Марсово поле напротив военной школы выглядело в то время как хорошо выровненный газон, где проходили упражнения учеников школы и маневры полка французской гвардии.

Ни в Париже, ни в его окрестностях тогда не было гарнизона. Французская гвардия была единственной войсковой частью, стоявшей в городе. Ее численность составляла, я полагаю, не более 2000 человек. Гвардия выделяла отряд в Версаль, который каждую неделю менялся. В Курбеуа⁹⁸ стоял полк швейцарской гвардии, но этих гвардейцев в Париже никогда не видели. В гвардейском полку телохранителей было четыре роты. Только одна несла службу в Версале. Остальные стояли в соседних городах:

Шартре, Бовэ, Сен-Жермене. Никакие другие войска никогда не появлялись ни в Версале, ни в Париже, где военную форму видели лишь на сержантах-вербовщиках из разных полков. Эти сержанты располагались обычно либо под Новым мостом, либо на набережной Ферай, поджидая случая завербовать молодого рабочего, недовольного своей участью, или какого-нибудь негодая, от которого они избавили бы Париж.

Мой муж получил от своего отца поручение сделать смотр всем депутациям и озаботиться их размещением, пропитанием и даже развлечением, поскольку всем театрам было дано приказание зарезервировать бесплатные места для старых солдат и ложи для офицеров. Большое число их было поселено в Доме инвалидов и в военной школе. Народ Парижа с восторгом участвовал в работах, предпринимаемых на Марсовом поле. В две недели все было закончено. Большой земляной цирк или амфитеатр, который теперь можно там видеть, возвели двести тысяч человек всякого состояния и возраста, мужчин и женщин. Такое необыкновенное зрелище никогда уже не повторится. Начали с того, что обвели контур цирка и подняли его на четыре фута, используя землю, взятую с арены. Но этого оказалось недостаточно, и привезли еще земли с поля Гренель и с возвышенных мест между военной школой и Домом инвалидов, которые таким образом были выровнены. Тысячи тачек толкали люди всякого сословия. В Париже тогда еще существовали монастыри, и их монахи носили облачения своих орденов. Можно было видеть, как публичные девки, легко отличимые по их одежде, впрягались в двухколесные тележки, называемые «самосвалами», заодно с капуцинами или францисканцами, а рядом прачки заодно с кавалерами ордена Святого Людовика; и это сборище всех классов общества обходилось без всякого беспорядка, без малейшей ссоры. Каждый был движим одной и той же мыслью о братстве. Каждый владелец упряжных лошадей присылал их на несколько часов в день, чтобы возить землю. Во всем Париже не было приказчика из лавки, который не пришел бы на Марсово поле. Все другие работы были приостановлены, все мастерские стояли пустые. Работа шла до самой ночи и возобновлялась опять при первом свете дня. Огромное множество работников оставалось ночевать, устроив бивуак в боковых аллеях. Передвижные кабачки со столами, уставленными грубой снедью, и бочки с вином заполняли большие рвы вокруг Марсова поля. Наконец, 13 июля вечером, мы с моей золовкой, недавно приехавшей в Париж, отправились в военную школу, чтобы устроиться там в небольшой квартире, выходившей окнами на Марсово поле, и завтра поутру быть наготове. Мой свекор распорядился отослать туда прекрасный ужин и еще провизии, чтобы подать плотный завтрак военным, которые пожелают посетить нас во время церемонии. Эта предусмотрительность оказалась тем более кстати, что из Тюильри забыли привезти хоть что-нибудь для детей короля, и, когда обычный час их

обеда настал еще до окончания этого лживого представления, назначенного соединить навсегда короля с его народом, господин Дофин был очень рад воспользоваться нашим угощением.

Бедный принц был одет в маленький мундир национального гвардейца. Проходя мимо группы офицеров этих войск, собравшихся внизу лестницы в ожидании короля, королева милостиво сказала им, указав на своего сына: «У него еще нет колпака». — «Нет, мадам, — ответил один из офицеров, — но зато их много у него на службе». Эта первая национальная гвардия действительно состояла из всех благоразумных элементов парижского населения. Считали, что это средство поставить заслон революционному духу. Все негоцианты, крупные торговцы, банкиры, владельцы собственности, члены высших классов, которые еще не покинули Францию, состояли там. В обществе все мужчины моложе пятидесяти лет были туда записаны и исправно несли службу. Сам господин де Лафайет, на которого было столько нападков, не думал тогда о республике для Франции, каких бы идей он ни вывез из Америки насчет этого рода правления. Он желал в той же мере, как и любой из нас, установления разумной свободы и уничтожения злоупотреблений. Но я уверена, что он не имел тогда ни помышления, ни желания ниспровергнуть трон; и никогда он такого желания не имел. Однако беспредельная ненависть, которую королева питала к нему и демонстрировала всякий раз, когда осмеливалась, ожесточила его настолько, насколько это было возможно при его мягком до глупости характере. Тем не менее слабым он не был, и его поведение в период Империи вполне это доказало. Он устоял перед всеми демаршами, предложениями, ласкательствами Наполеона. Реставрация была к нему несправедлива. Дофина унаследовала ту ненависть, которую питала к нему королева. Она охотно приняла все те абсурдные выдумки, которые рассказывали на его счет, от истории о том, что он проспал 6 октября 1789 года, до упреков в том, что он был тюремщиком короля после бегства королевской семьи в Варенн. Но вернемся к церемонии федерации 1790 года.

На Марсовом поле был возведен алтарь, и там служил мессу наименее достойный уважения из французских прелатов. Аббат де Перигор, будущий князь Талейран, был назначен епископом Отёнским, когда господин де Марбеф занял кафедру в Лионе. Хотя он был официальным представителем клира, что обеспечивало епископское звание после пяти лет исполнения этих обязанностей, король, по справедливости недовольный его поведением на церковном посту, отказался поставить его в епископы. Своим отказом этот государь проявил твердость, весьма далекую от его обычного характера, но продиктованную в данном случае его религиозной совестью. Однако, когда отец аббата граф де Талейран, просьбам которого король до тех пор не внимал, оказался на смертном одре и попросил об этой

милости как о последней, король не мог уже дольше сопротивляться. Он назначил аббата де Перигора на епископскую кафедру в Отёне.

Именно он и служил мессу на церемонии федерации 1790 года. Его брат Аршамбо прислуживал ему, и, хотя он с жаром это отрицал, когда присоединился к принцам в Кобленце, я его видела своими глазами у подножия алтаря, в расшитом сюртуке и со шпагой на боку.

Невозможно представить себе это собрание. Войска, выстроенные в строгом порядке посреди арены; множество различных мундиров вперемешку с сияющими новизной мундирами национальной гвардии; плотно стоящая на окружающем цирк валу толпа, которая во время довольно сильного дождя развернула тысячи зонтиков всех цветов, какие можно вообразить; все это представляло собой самое удивительное зрелище, и я наслаждалась этим зрелищем из окон военной школы.

Перед балконом в середине здания была выстроена красивая, богато украшенная трибуна. Она выступала до самой выемки, устроенной в цирке, и приближала королевскую семью и к алтарю, и к зрителям. Несчастное королевское семейство включало в себя в тот день короля, королеву, двоих их детей, Мадам Елизавету, Месье и Мадам. Я тогда всего два месяца как родила и была еще очень слаба, поэтому я не стала спускаться на трибуну. Но я находилась на пути королевы, и, поскольку я уже давно привыкла различать выражение ее лица, я видела, что она совершает над собой большое насилие, чтобы скрыть свое дурное настроение; все же это не удавалось ей в достаточной мере для соблюдения ее интересов и интересов короля.

III

К концу июля 1790 года я уже достаточно оправилась от родов. Тетушка пожелала вернуться в Лозанну, и мой муж, зная о моем желании посетить Швейцарию, позволил мне поехать туда на полтора месяца. Госпожа де Валанс, поведение которой было тогда еще примерным, находилась в Сешероне, недалеко от Женевы, вместе с госпожой де Монтессон, которая проводила там лето. Ей нужно было сделать прививку своей старшей дочери Фелиси, будущей госпоже де Сель, которой тогда было три года; другая ее дочь, родившаяся через несколько дней после 5 октября, была еще слишком мала, чтобы подвергаться этой операции. Было договорено, что она поселится в небольшом домике отдельно от своей тетки и что я к ней приеду и проведу с ней какое-то время. Я согласилась на эту небольшую поездку, оставив моего сына с его доброй кормилицей и с Маргаритой в здании военного министерства, и не подозревала тогда, что буду терзаться тревогой, едва уехав из Парижа. Моя горничная, которая тогда

была на сносях, со мной не поехала. У меня был лишь один слуга и маленькая карета вроде почтовой, с оглоблями, поскольку колясок тогда еще не знали.

Тетушка взяла с собой молодую кузину, только что вышедшую из монастыря, Полину де Пюлли. Ее мать, кузина моих тетушки и свекрови, была очень дурного поведения, и тетушка совершила весьма полезное дело, взяв на себя попечение об этой пятнадцатилетней девице, отличавшейся умом и изрядной образованностью. Она хорошо знала латынь и, как сама она говорила в простоте сердца, читала Тацита в то время, как ее причесывали⁹⁹. До этих пор ее жизнь проходила между монастырем в Орлеане и старым дядюшкой-священником, который жил в том же городе. Таким образом, она ничего не знала о современной жизни. Она полагала, что увидит в Лозанне римскую колонию, о которой говорится у Цезаря¹⁰⁰, и радовалась, что посетит Альпы, в надежде еще увидеть там следы слонов Ганнибала. Ее малое знакомство с делами настоящего времени в сочетании с большим остроумием и воображением делало ее очень забавной и оригинальной. Сидя в экипаже между тетушкой и мной, она очень нас развлекала и на второй день нашего путешествия полагала себя уже на краю Европы. Вскоре ей представился случай убедиться, что она во Франции, причем во время революции.

Мы имели при себе все возможные паспорта, как для гражданских властей, так и для национальной гвардии и военного командования. Однако неосторожность тетушки едва не обошлась нам дорого. Почтовая станция в Доле, где меняли лошадей, находилась за пределами города, на дороге в Безансон. Мы проехали через весь город по довольно пустынной улице, и, не считая ругани прохожих, кричавших: «Вот еще кто-то из этих собак-аристократов уезжает!», выехать из города нам удалось беспрепятственно. Мы уже во многих местах подвергались такому обращению и привыкли к этому.

По прибытии нашем на почтовую станцию тетушка стала спрашивать у смотрителя, ведет ли эта дорога в Женеву. Тот отвечал, что туда ведет дорога на Русс и, чтобы попасть на нее, надо опять пересечь весь город. Напрасно я предупреждала тетушку, что мы, согласно указанному в наших паспортах, должны выехать из Франции через Понтарлье. Она отвечала, что это неважно, и, как только запрягли лошадей, приказала разворачиваться и ехать опять через город, чтобы попасть на дорогу на Русс, под тем предлогом, что она назначила господину де Лалли встречу в Женеве и там же будет и господин Мунье.

Таким образом, мы опять въехали в город. Но мы не знали, что надо будет проезжать через рынок, который разворачивался на главной площади. Нам пришлось ехать шагом из-за скопища корзин и людей; сначала нас встречали ругательствами, но по мере того, как мы продвигались

дальше, собиралась гроза, и внезапно какой-то голос выкрикнул: «Это королева!» Нас тут же остановили, выпрягли лошадей, а почтового курьера стащили с седла с криками: «На фонарь!» Дверцу экипажа открыли, нам приказали выйти, что мы и сделали не без опасений. Я заявила, что я дочь военного министра и требую, чтобы меня отвели к местному коменданту или чтобы послали за ним. Тетушка сказала, что у нее письмо от господина де Лафайета к командиру национальной гвардии господину де Мале. Кто-то крикнул: «Вон его дом!», и, действительно, мы увидели двух часовых возле двери, над которой развевался большой трехцветный флаг. Дверь была в двух шагах от нас. Я потащила за собой тетушку и Полину, и мы вошли в дом, куда толпа не осмелилась последовать за нами из почтения к популярному командиру, который, однако же, не торопился встать на нашу защиту. Мы прошли через прихожую, в которой никого не было. Оттуда мы попали в столовую, где стоял обильно накрытый стол на семь или восемь кувертов, только что покинутый в спешке. Два или три опрокинутых стула свидетельствовали о том, как торопились обедающие удалиться. Салфетка, упавшая на пол возле одной из дверей, указала нам путь, по которому последовали беглецы. Тетушка отказалась идти дальше, но произнесла громким голосом, обратившись в сторону этой двери, что хотела бы передать письмо от господина де Лафайета командиру Мале. В ответ не раздалось ни звука. Спустя четверть часа тетушка, заметив шнурок звонка, дернула за него в надежде, что кто-нибудь придет. О том, чтобы уйти, не было и речи; мы видели на площади народ, собравшийся вокруг наших экипажей, хотя и не могли разобрать, что там происходит. Мы с Полиной в тот день не завтракали. Видя, что тетушка смирилась и села на стул со словами: «Придется ждать», мы тоже уселись, но к столу, и стали есть оставленный там обед. Прекрасное рагу под белым соусом, кусочек паштета и превосходные фрукты утолили аппетиты наших двадцати и пятнадцати лет, и мы от всего сердца посмеялись над своим приключением и над трусостью командира национального ополчения.

Наконец, после трех часов ожидания, увидев из окна, что наши экипажи увезли, мы уже собирались подняться на этаж выше той комнаты, где мы находились, хотя никто так и не ответил на звонок, за шнурок которого мы дергали много раз. Вскоре вошел некий сурового вида мужчина, похожий на крупного буржуа, в сопровождении еще двух или трех человек почтенного возраста. Обратившись к тетушке, он спросил ее имя, а затем, указав на меня, произнес: «Это ваша дочь?» Тетушка им ответила, что я невестка военного министра, что я знаю, что в Доле стоит гарнизоном кавалерийский полк, и желаю говорить с его командиром, который, без сомнения, добьется от президента коммуны — так тогда называли то должностное лицо, которое позже стали называть мэром — на-

шего освобождения. В этот момент ее собеседник заявил, что он и есть президент коммуны. Он добавил, что народ очень возбужден, что имя тетушки кажется ему вымышленным, что многие считают, что она — это королева, и т. д. и т. п., и еще множество глупостей в том же роде. Тетушка, поняв, что нас хотят удержать в плену, предложила средство всё разъяснить, отправив курьером в Париж одного из ее слуг, и попросила, чтобы в ожидании его возвращения нам было позволено поселиться в какой-нибудь гостинице. Один из членов коммуны, сопровождавших президента, предложил поселить нас у себя. Это было более надежное убежище, чем гостиница, где мы могли подвергнуться оскорблениям народа. Получив наше согласие, он подал мне руку, чтобы вести меня, поскольку мысль о том, что офицеры могут решиться встать на мою защиту, производила на него большое впечатление и, возможно, внушала страх.

Таким образом, выйдя из негостеприимного дома командира национальной гвардии, где мы без его согласия съели его обед, мы были отведены нашим хозяином в его дом, где он нас поселил в комнатах совсем простых, но очень хороших. Туда к нам пришли горничная и наши трое слуг. Пока мы писали в Париж о наших злоключениях — тетушка господину де Лафайету, а я своему мужу — и пока наш повар, умевший скакать во весь опор, готовился выезжать, была собрана коммуна, чтобы сделать нашему посланцу паспорт, который обеспечил бы ему безопасность. Тут же оформили и протокол, в котором восхвалялись «гражданские доблести жителей Доля, которые не сочли должным выпускать за границу подозрительных лиц, насчет которых было сильное подозрение, что они не те, за кого себя выдают. Человек, бывавший прежде в Париже, утверждал, что самая старшая — это королева, самая младшая могла быть королевской дочерью, а та, что постарше — то есть я, — Мадам Елизаветой». В эту красивую историю верил весь город.

Хозяин наш взял с нас слово, что мы не станем пытаться выйти, что было равносильно запрещению, и мы смирились с тем, что останемся в нашем печальном жилище в нижнем этаже, выходившем в крохотный садик, куда солнце едва проникало в полдень.

На следующее утро двое членов коммуны пришли нас допросить. Они нам задали множество вопросов, пересмотрели наши документы, наши письменные приборы, наши папки с бумагами. У меня потребовали отчета обо всех вещах, которые у меня были в почтовой карете; спрашивали, почему у меня столько *новых башмаков*, если я, как утверждала, должна была пробыть в Швейцарии всего лишь полтора месяца, и множество подобных абсурдных глупостей, в ответ на которые я смеялась им в лицо. Наконец мне пришлось на мысль сказать им, что городские офицеры, которых отправляли в Париж на церемонию федерации и которые должны были уже вернуться в свой полк, вероятно, обедали у моего свекра

и могли бы меня узнать. Эта идея показалась им блестящей, и они отправились за этими офицерами.

К концу первого дня нашего заключения явились, таким образом, офицеры полка Руаяль-Этранже, которые предложили мне свои услуги и защиту. Самые молодые были готовы выхватить сабли, чтобы защищать двадцатилетнюю женщину, дочь их министра. Те, что постарше, хотели увести меня в расположение полка. Там, как они говорили, была отличная квартира, где мы бы хорошо устроились в ожидании возвращения нашего курьера.

Я уговорила их не показывать своего недовольства, заверяя, что мой свекор будет очень сердит на меня, если я допущу, чтобы они ради меня пустились в действия, которые могут угрожать общественному спокойствию. Но я не могла воспрепятствовать тому, чтобы весь день эти офицеры по очереди приходили к нам, так что к концу четвертого дня члены муниципалитета уже поняли, что сделали глупость, арестовав нас, и дали нам разрешение уехать. Несколько часов понадобилось, чтобы погрузить наши вещи обратно в экипажи, и, поскольку мы хотели ночевать в Нионе, мы решили отправляться только назавтра утром, в 5 часов. Экипажи не подъехали к дому, где нас удерживали, а ждали нас за пределами города, и я надеялась, что мы сможем выйти пешком, инкогнито, благодаря утреннему часу. Но когда я надевала шляпу, я услышала в вестибюле звон сабель, задевающих о каменные плиты пола. Все офицеры были там, и нам, хочешь не хочешь, пришлось принять их эскорт для сопровождения к нашим экипажам. К счастью, никого из жителей мы не встретили. Во мне ни кровинки не было, потому что некоторые из этих молодых людей были так возбуждены, что схватились бы за сабли при малейшем недобром взгляде. Так что я испытала большое облегчение, когда после множества благодарностей и любезностей мы пустились в путь в сторону гор Юра.

Триумф наш настал тем же вечером. Председатель Национального собрания отписал мэру или президенту коммуны, сильно выговаривая ему за наш арест. Господин де Лафайет отправил послание командиру национальной гвардии, который с такой осторожностью воздержался от вмешательства. Мой свекор поручал заботу о нашей безопасности подполковнику, местному военному коменданту; так что мы поздравили себя с тем, что быстрый отъезд избавил нас от утомительных почестей, которые были бы нам оказаны в возмещение несправедливого задержания.

Мы добрались в Нион в полночь, переехав границу без всяких осложнений. Господина де Лалли тетушка там не нашла. Он был в Сешероне; мы договорились отправиться туда назавтра утром. Полину и меня поместили в небольшой комнатке, и я проснулась на самой заре, с нетерпением готовясь увидеть прекрасное озеро, описания которого мне столько раз

приходилось читать. Невозможно выразить мое волнение и восхищение, когда я, подбежав к окну и открыв ставни, увидела прекрасную водную гладь в лучах восходящего солнца. Когда я теперь, в возрасте семидесяти одного года, после столь долгой и бурной жизни, пишу эти строки на берегах того же озера, сколько дум вызывает у меня его красота, остающаяся прежней, и как сильно я чувствую ничтожность существования человеческого. Неизменность есть только в величии творения, а наша жизнь, жизнь бедных тварей — это лишь мгновение!.. Только это мгновение надобно правильно употребить для вечности.

IV

Назавтра мы прибыли в Сешерон, где нашли господина де Лалли и господина Мунье. Я получила там письма от своего мужа, который, как мне показалось, тревожился из-за возмущения нескольких гарнизонов в Лотарингии, в особенности гарнизона Нанси, к которому принадлежали полки Королевский пехотный и Шатовьё-Сюисс¹⁰¹. У меня это тогда не вызвало беспокойства. Господин Мунье уговорил тетушку съездить в Шамони; мы выехали на следующий день и вернулись в Женеву лишь через пять или шесть дней.

По возвращении в Сешерон я нашла письмо от мужа, пересланное мне из Лозанны, где, как он полагал, я должна была находиться с тетушкой. Он объявлял мне о своем отъезде в Нанси с приказами от короля к господину де Буйе. Тому предписывалось собрать несколько французских и швейцарских полков и идти маршем на Нанси, где полки Королевский пехотный и Шатовьё-Сюисс затворились в городе, разграбив перед тем полковые кассы и арестовав коменданта города господина де Мальсена. Один кавалерийский полк, входивший в состав гарнизона, присоединился к восставшим. Было решено действовать с примерной строгостью. У меня эти новости вызвали живейшую тревогу, и я выразила желание ехать в Лозанну, куда мне адресовали письма. Тетушка, разделявшая мое беспокойство, легко согласилась ехать туда, и мы отправились на наемных лошадях, поскольку почтового сообщения между Женевой и Лозанной тогда еще не было.

В Роле, где мы остановились, чтобы дать отдохнуть лошадям, нам сказали в гостинице, что там находится господин Плантамур из Женевы, едущий в Нанси. Тетушка попросила о приватном разговоре с ним. Через некоторое время она вошла в комнату, где находились мы с Полиной; вид у нее был очень расстроенный, что еще усилило мою тревогу. Она рассказала мне, что в Нанси был бой, но подробности неизвестны. Господин Плантамур ехал в Нанси, чтобы отвезти туда ту сумму денег,

которую восставший полк Шатовё разграбил из полковой кассы, а старый генерал, чье имя носил полк, пожелал возместить из своих собственных средств. Но тетушка не стала передавать мне ходивший слух, что при Нанси был убит сын военного министра. Это показалось ей неправдоподобным. Она думала, что, если бы такое несчастье действительно случилось, мне бы об этом сообщили с курьером. Тем не менее она пребывала в сильном возбуждении; мы выехали в Лозанну, но она так и не поделилась со мной своими терзаниями. Позднее она мне призналась, что никогда в жизни так не страдала, как на пути из Роля в Лозанну.

По приезде в Лозанну господин де Лалли, добравшийся туда раньше нас, передал мне несколько писем, написанных моим мужем уже после возвращения его в Париж. Он рассказывал мне обо всем, что произошло в Нанси. Подробности этих событий — уже история. Я перескажу, однако, те из них, которые имеют отношение к господину де Ла Тур дю Пену. Он выехал из Парижа, получив от короля приказ действовать в отношении восставшего гарнизона с величайшей суровостью, если после неоднократных призывов к сдаче тот будет упорствовать в своем возмущении.

Маркиз де Буйе, снискавший себе изрядную военную репутацию во время войны в Америке, был командующим в Лотарингии и Эльзасе. Ему было предписано собрать те пехотные и кавалерийские полки, в которых он мог быть уверен, и идти к Нанси. Господин де Ла Тур дю Пен, которого он отправил парламентом в город, пришел к коменданту города господину де Мальсеню, которого бунтовщики удерживали под арестом, как и других офицеров, оставшихся верными своему долгу. Исчерпав все средства к примирению, он вышел из города, чтобы сообщить генералу неприятную новость, что три полка упорствуют в сопротивлении. Бунтовщики не посмели его задержать, то ли потому, что держать его у себя было бы для них неудобно, то ли из осторожности, надеясь позже, если им не удастся победить, прибегнуть к его вмешательству для сдачи. Господин де Ла Тур дю Пен присоединился к господину де Буйе в Туле, где войска готовились идти на Нанси. То, что господин де Мальсень оставался в городе под арестом, вызывало большую тревогу. Я не помню уже, как он сумел заполучить своего оседланного коня так, что охрана его ничего не заметила. Факт тот, что он спокойно явился к воротам, как человек, мирно отправляющийся на прогулку, и часовой его пропустил. Выбравшись за ворота, он поехал по известной ему проселочной дороге и выехал на большую дорогу из Нанси в Люневилль, где стоял гарнизонном кирасирский полк, в котором он прежде служил. От Нанси до Люневилля пять лье по почтовой дороге. Первые три лье он проскакал манежным галопом, но потом, увидев, что его преследуют, прищпорил коня. На подъезде к Люневиллю он побоялся, что его остановят при проезде через мост. Увидав в этот момент по другую сторону реки кирасир, выехав-

ших на маневры, он направил своего коня в воду и переправился вплавь. Те, кто его преследовал, побоялись сделать то же самое и в сильном замешательстве вернулись в Нанси.

Господин де Буйе, избавившись от опасений поставить под угрозу жизнь господина де Мальсеня, на следующий день выступил маршем на Нанси. В авангарде шел швейцарский полк Сали-Самад. Подойдя к воротам, представлявшим собой простую арку с решеткой, головной отряд увидел роту Королевского полка, которая охраняла пушку, выставленную посреди ворот. Перед ними находился молодой офицер, кричавший своим: «Не стреляйте» и подававший знаки, что желает вступить в переговоры. Господин де Ла Тур дю Пен вышел вперед. Но в то же мгновение восставшие солдаты стали стрелять, и канониры запалили фитиль своей пушки, заряженной картечью. Выстрел, попавший в колонну швейцарского полка вдоль, убил много народу, главным образом офицеров, которые почти все находились в первых рядах. Под господином де Ла Тур дю Пен был убит конь, и он упал, ужасно ударившись. Его сперва сочли мертвым, но потом его камердинер, который находился там, не будучи военным, нашел его в поле, куда лошадь унесла его, прежде чем свалиться. В это время войсковая колонна штурмом брала ворота и вступала в город. Молодой офицер господин Дезиль, пытавшийся помешать бунтовщикам стрелять, попал под выстрелы своей стороны. Он остался на месте, получив семнадцать ран. Умер он, однако, лишь полтора месяца спустя, от последствий одной-единственной из этих ран, из которой не сумели извлечь пулю.

Полк Шатовье, сдавшись, попросил о том, чтобы им самим было позволено судить себя, как это предусматривалось уставом швейцарских полков. Военный совет, состоявший из офицеров трех швейцарских полков, проходил на открытом воздухе на следующий день после боя, и двадцать семь самых ярых бунтовщиков были приговорены и казнены на месте. Два французских полка были расформированы, и солдаты разосланы по другим полкам. Нескольких восставших солдат расстреляли, многих отправили на галеры, но все это не остановило повстанческого движения в войсках. Армия была потеряна для королевской власти в тот день, когда мысль об эмиграции пришла в головы офицерам и они сочли возможным, не подвергнув себя бесчестию, бросить свои знамена, вместо того чтобы противостоять грозе. Унтер-офицеры с готовностью заняли их места, и так составилось ядро армии, которая потом завоевала Европу.

Мой муж, как только гарнизон Нанси сложил оружие, отправился в Париж с сообщением об этом. Его отец повел его к королю прямо с дороги, всего заляпанного грязью, и в этот раз было сделано отступление от правил этикета, запрещавших показываться при дворе в мундире.

Во время этих событий я была в Лозанне, где две недели провела в развлечениях. Там находилось много англичан, устраивавших у себя танцы. Я была на одном балу у девиц О'Гриди, с которыми потом через несколько лет снова встретилась в Голландии. Именно в то время я познакомилась с госпожой де Монтолье, сочинительницей безвкусных романов, бывших тогда в большой моде. Моя внешность ей очень понравилась, и она наделила ею многих своих героинь, теперь уже позабытых. Я познакомилась также со знаменитым господином Гиббоном, при виде гротескного лица которого я с трудом могла удержаться от смеха, а еще с господином Тиссо, столь же любезным, сколь и ученым, и с господином Палье, который впоследствии столь несчастным образом погиб в Авиньоне, убитый разбойниками вместе со многими из своих родных. В Лозанне было много эмигрантов. Поскольку общество их мне не нравилось из-за их склонности к преувеличениям, я поспешила присоединиться к госпоже де Монтессон, как только она устроилась на жительство неподалеку от Женевы, в Ле Паки, и поселилась вместе с госпожой де Валанс в небольшом домике, стоявшем отдельно от дома госпожи де Монтессон. Как раз в этом домике делали прививку маленькой Фелиси, которой было тогда около четырех лет, чтобы отделить ее от ее сестры Розамонды, будущей госпожи Жерар.

Гостиница в Сешероне была тогда в большой моде. Многие знакомые мне эмигранты поселились там на лето: герцог де Гин со своей дочерью герцогиней де Кастри, старый граф де Понс с женой, не понимавшие ни слова из того, что делалось во Франции, и многие другие, которых я уже не помню. Несколько молодых людей, сопровождавших графа д'Артуа в Турин и успевших уже соскучиться в Пьемонте, приехали в Швейцарию. Среди них были Аршамбо де Перигор, внезапно переместившийся от алтаря Федерации в эмиграцию, принц де Леон, ставший впоследствии герцогом де Роганом, господа де Куртиврон. Они принесли в швейцарские нравы, в ту эпоху куда более простые, чем теперь, высокомерие и наглость парижского высшего общества; они надо всем насмеялись и постоянно казались удивлены, что существует в мире еще что-то, кроме них и их манер; они говорили «эти люди» о жителях страны, предоставившей им надежное и достойное убежище; они были уверены, что все просто счастливы принимать их у себя, и с жалостью смотрели на тех, кто не торопился им подражать.

Надеюсь, что я сама не была такой смешной, хотя не могу утверждать, что не впадала иногда в такие же заблуждения, присущие в целом людям, которых я знала и среди которых проходила моя жизнь.

К счастью, я всего три или четыре недели пробыла в Женеве или, точнее, в Ле Паки. Мой муж приехал за мной и увез меня обратно в Париж.

Поскольку он торопился, желая проехать через Эльзас и встретиться там с господином де Буйе, мы выехали из Женевы рано утром, чтобы на пути через Швейцарию у нас было несколько светлых часов для осмотра Берна, Золотурна и Базеля.

Господин де Буйе выехал нам навстречу между Хюнингом и Нёф-Бризахом, и я терпеливо ожидала, прогуливаясь по дороге, пока мой муж с ним разговаривал. Посвятив утро осмотру Страсбурга, мы приехали ночевать в Саверн, а оттуда поехали в Нанси. Проезжая через этот город при свете луны, мы ехали мимо дома, где умирал несчастный господин Дезиль. У дверей был поставлен часовой, чтобы никто не разговаривал под его окном. Он умер несколько дней спустя. Мы проделали путь от Нанси до Парижа без остановок, и я нашла свое милое дитя в добром здравии и очень похорошевшим. У него была прекрасная кормилица, и моя служанка Маргарита бесподобно заботилась о ней и о ребенке; это качество всегда неизменно отличало ее.

Глава XII

I. Жизнь в Париже. — Госпожа де Ноайль. — Эмигранты. — Господин де Ла Тур дю Пен — отец покидает пост военного министра. — Его сын отказывается занять этот пост и получает назначение полномочным посланником в Голландию. — Жизнь на улице Варенн. — Братья Ламеты руководят захватом особняка де Кастри. — Дуэль Барнава и Казалеса. — В Энанкуре. — Бегство в Варенн. — Мемуар господина де Ла Тур дю Пена, написанный с целью убедить короля отказаться подписывать конституцию. — II. Отъезд в Голландию. — Семейство Ламет. — Женитьба Мало. — Оранжевая кокарда. — Семейство Фогель. — Полная удовольствий жизнь в Гааге. — Дюмурье отзывает господина де Ла Тур дю Пена. — III. Его сменяет господин де Мольд. — Его секретарь — брат Фукье-Тенвиля. — Распродажа мебели. — Принц Штаремберг. — Известие о битве при Жемаппе. — Эрцгерцогиня Мария-Кристина тайно покидает Брюссель. — Испуг и бегство эмигрантов, нашедших приют в этом городе. — IV. Декрет против эмигрантов. — Бегство господина де Лафайета, Александра де Ламета и господина де Ла Тур Мобура. — Посланник Соединенных Штатов в Гааге, Шорт. — Госпожа де Лафайет в Оломоуце. — Артур Диллон приносит присягу на верность королю. — V. Возвращение госпожи де Ла Тур дю Пен во Францию. — Господин Шнец. — В Антверпене. — Город во власти солдатни. — Нелепое обмундирование французской армии под Антверпеном. — Притеснение со стороны господина Моретона де Шабрийяна в Брюсселе. — Нежданный завтрак. — Ночь в Монсе. — Эдуард, негр герцога Орлеанского, и его эскадрон. — Верность Замора.

I

Я вернулась к своей парижской жизни в здании военного министерства. Почти каждое утро я ездила верхом. Меня сопровождал мой кузен Доминик Шелдон. Я часто бывала в театре с молодой госпожой де Ноайль, мать которой, госпожа де Лаборд, никуда не выезжала. Да и гордость семейств де Муши, де Пуа и де Ноайль не удовлетворялась бы таким сопровождением. Звонкие экю мадемуазель де Лаборд пришлось очень кстати, но от ее родственников семья предпочитала держаться в стороне. Ее свекор герцог де Пуа, очень меня любивший, находил очень приятным, чтобы я сопровождала его невестку, которая в шестнадцать лет с некоторым почтением склонялась передо мной двадцатилетней. Герцогиня де Пуа, со своей стороны, выказывала мне много дружелюбия и доброты и с удовольствием смотрела на то, что жена ее сына выезжает в свет со мной. Мне всегда была совершенно чужда та мелочность души, которая

побуждает ревновать к успеху других молодых женщин, и я искренне наслаждалась успехом госпожи де Ноайль. Натали была мне как младшая сестра, и мы с ней часто бывали причесаны и одеты одинаково.

Я не могу, однако, припомнить, почему я никогда не ездила в Меревилль, роскошное жилище господина де Лаборда в Босе. Но я часто ужинала в доме семейства Лаборд на улице Артуа вместе с госпожой де Пуа. Там всегда можно было услышать очень хорошую музыку в исполнении всех лучших артистов Парижа. Что же до моих друзей из семейства Роше-шуар, то их еще не было в Париже — они довольно поздно возвращались из своего прекрасного замка в Куртее.

Моему свекру с каждым днем министерская должность внушала все большее отвращение. Все полки армии, за малым исключением, восстали. Большинство офицеров, вместо того чтобы противопоставить усилиям революционеров неуклонную твердость, подавали в отставку и уезжали из Франции. Эмиграция превращалась в дело чести. Офицеры, оставшиеся в своих полках или в своих провинциях, получали от эмигрировавших офицеров письма с упреками в трусости и недостаточной преданности королевской семье. Старым дворянам, укрывшимся в своих поместьях, посылали по почте пакеты с маленькими прялками и оскорбительные карикатуры. Им пытались навязать представление о том, что покинуть своего суверена есть их долг. Им обещали интервенцию бесчисленных армий из-за рубежа. Король, слабость которого была равна его доброте, стал бы терзаться угрызениями совести, если бы остановил этот поток. И вот всякий день ему приходилось узнавать об отъезде еще кого-то из его партии и даже принадлежащего к его двору.

Мой свекор, не имея сил противостоять интригам Национального собрания и не находя в короле той твердости, которую вправе был бы ожидать, решил оставить пост министра. Моему мужу было предложено стать его преемником. Он только что закончил план организации армии, который был полностью его творением. Сам король находил, что автор плана был способен привести его в исполнение. Мой муж отказался. Он не хотел заступать на место своего отца, опасаясь, как бы это не было дурно истолковано.

Тогда-то ему и дали место полномочного посла в Голландии. Дело было в последние дни декабря 1790 года. Но было решено, что он заступит на свой пост лишь после того, как король примет Конституцию, последние поправки в которую Национальное собрание должно было внести до конца зимы.

Покинув здание военного министерства, мы поселились в доме у нашей тетушки госпожи д'Энен на улице Варенн, рядом с улицей Бак. Она распорядилась перевезти туда всю свою мебель из дома на улице Верней, который она сдала в аренду. Дом у нее был очень удобный. Мы поселились

там вместе с моей золовкой госпожой де Ламет, ее двумя детьми и моим свекром. Мой муж сохранил верховых лошадей и одну лошадь для своего кабриолета, а мой свекор не пожелал больше держать экипаж и оставил только двух упряжных лошадей для кареты, чтобы возить мою золовку и меня. Моя золовка де Ламет почти никогда не выезжала по вечерам. Но каждое утро она ездила на заседания Национального собрания, где садилась на трибуне, устроенной конюшим короля господином де ... — я забыла его имя — в зале, одна из стен которой примыкала к его комнатам в манеже Тюильри. Известно, что именно в этом помещении устроили залу заседаний, когда Национальное собрание было переведено в Париж.

Я тоже присутствовала иногда на заседаниях Национального собрания, но не регулярно, как моя золовка. Утренние часы я употребляла с большей пользой. У меня был учитель рисования, учитель танцев, учитель итальянского языка, а если погода позволяла, то я ездила верхом с 3 часов до темноты. Когда мой кузен Шелдон мог сопровождать меня, я ездила в Булонский лес; чаще всего я по полю Гренель доезжала до Медонского леса, и в эти дни я брала чистокровного коня, чрезвычайно резвого, аллюры которого мне очень нравились. Но в Булонском лесу с ним мне было одно мучение, потому что он не выносил, чтобы какая-нибудь лошадь шла впереди него, и был всегда готов броситься вскачь.

Однажды весной 1791 года я возвращалась с долгой прогулки в одиночестве, в сопровождении только моего английского конюха. Около половины пятого, собираясь въехать на улицу Варенн, чтобы попасть домой, я обнаружила, что она перекрыта постом национальной гвардии. Тщетно я им говорила, что живу на этой улице, и требовала объяснений, по каким причинам приняты такие меры, угрожающие оставить меня без обеда; мне отвечали только, что был шум в доме семейства де Кастри и что проезд запрещен. Я направилась тогда по улице Гренель, в надежде, что тамошний пост, который я увидела издали, будет сговорчивее, но и там гвардейцы оказались столь же непреклонны. Пост на улице Сен-Доминик обошелся со мной не лучше. Наконец на улице Университета я нашла проезд открытым и смогла проехать по улице Бургонь, заявив часовому, поставленному на углу улицы Варенн, что еду от господина де Лафайета.

Добравшись до дома семейства де Кастри, я узнала, что бунтовщики, подговоренные Шарлем и Александром де Ламетами и ведомые их секретарем, негодным итальянцем по имени Кавальканти, напали на особняк де Кастри после дуэли, имевшей место в то утро между правым депутатом господином де Кастри и Шарлем де Ламетом¹⁰². Последний был легко ранен в руку. Двое Ламетов, желая произвести впечатление, что они народные кумиры, организовали это выступление за тысячу франков и несколько бочек дешевого вина. Бунтовщики проникли в комнаты герцога де Кастри, который тогда жил в доме один. Его отец-маршал, бывший

военно-морской министр, одним из первых покинул Францию. Он поселился в Лозанне, и я его там видела прошлым летом. Его жена герцогиня де Кастри также находилась в Швейцарии вместе со своим отцом герцогом де Гином и увезла с собой своего сына, тогда еще совсем ребенка. К счастью, бедного герцога дома не было. Всю мебель из его комнат побросали в окно. Стекла были перебиты, рамы выломаны и выброшены во двор. Остались одни стены.

Этого разорения можно было бы избежать, если бы не леность господина де Лафайета; мне хотелось бы верить, что его бездействие не имело никакой другой причины. Один знакомый мне англичанин, тогда капитан, а впоследствии генерал Харди, повстречал воинство Ламетов на улице Севр. Осведомившись из чистого любопытства о цели их экспедиции, он счел за лучшее побегать к господину де Лафайету, который жил на площади Пале-Бурбон, там же, где был устроен штаб национальной гвардии. Прибежав туда и поднявшись к главнокомандующему, он был ужасно возмущен тем, с каким хладнокровием тот принял известие об опасности, угрожавшей дому господина де Кастри. Он с таким промедлением отдавал необходимые для подавления возмущения приказания, что национальная гвардия прибыла на место, лишь когда все уже закончилось, и выставление караулов у всех выходов, когда противник уже отступил, было воспринято как насмешка. Моя золовка видела из своего окна, как Кавальканти подстрекал народ, и вынесла из этого убеждение, что устроителями беспорядков были братья ее мужа. Она прекратила, как и мы, видеться с ними; мы с ними даже больше не здоровались при встрече.

Некоторое время спустя я шла по направлению к баням возле Королевского моста и услышала, как кто-то меня окликает. Я обернулась, и каково же было мое удивление, когда позади себя я увидела Александра де Ламета, который мне сказал так, словно бы виделся со мной накануне, и тем же фамильярным тоном, который он употреблял в разговоре со мной прежде: «Барнав только что дрался с Казалесом и тяжело его ранил». Я ему не ответила и продолжала путь. Известие было верным. К счастью, пуля попала в пуговицу на треуголке господина де Казалеса, и он получил лишь сильную контузию. Потом, много лет спустя, я спросила у господина де Ламета, почему, когда мы уже год как полностью прекратили отношения, он обратился ко мне, чтобы сообщить об этой дуэли. Он мне признался, что это было сделано из партийного духа и желания причинить мне боль.

Весной 1791 года мой муж готовился к отъезду в Голландию. Мы упаковывали вещи, и наши сундуки были отправлены в Роттердам морем. Своих верховых лошадей мы продали, и я выехала вместе с сыном и его кормилицей в Энанкур, где уже находилась моя золовка. Господин де Ла Турдю Пен приехал туда на некоторое время, а потом вернулся в Париж

заканчивать свои дела. Но господин де Монморен сообщил ему о пожелании короля, чтобы он выехал только на следующий день после того, как Конституция, которую должны были вскоре представить, получит его королевское одобрение. Таким образом, господин де Ла Тур дю Пен остался в Париже. Я съездила туда к нему на несколько дней, чтобы увидеть непристойный парад, с которым останки Вольтера переносили в Пантеон.

Я спокойно жила в Энанкуре с золовкой, когда однажды утром, в 9 часов, мой негр Замор вошел ко мне в спальню в большом волнении. Он мне сообщил, что только что мимо ограды проехали два никому не известного человека с сообщением, что вчера вечером король, его дети, королева и Мадам Елизавета покинули Париж и уехали в неизвестном направлении¹⁰³. Это известие очень меня обеспокоило, и я пожелала поговорить с этими людьми. Я побежала к решетке, ограждавшей двор, но они уже исчезли, и неизвестно было, куда они подевались. Я думаю, что они укрылись в деревне; она располагалась посреди пикардийских равнин, и они, таким образом, не могли выбраться оттуда незамеченными. Наверняка они прятались там до вечера.

Я была очень встревожена. Я опасалась, как бы мой муж не оказался под угрозой. Поэтому я приняла решение отправить Замора курьером в Париж, чтобы узнать хоть что-то наверняка. Он выехал через час, но еще до его возвращения я получила по почте записку от господина де Ла Тур дю Пена, который подтверждал полученное известие. Его зять приехал из Амьена, где тогда находился, и мы провели два дня в неописуемом волнении. Мы не знали, чем кончилось дело, и дни казались нам столетиями. Зять не позволял нам поехать в Амьен, опасаясь, что там могут закрыть ворота и мы не сумеем вернуться в деревню. Мы надеялись, что король переехал границу, но не осмеливались рассчитывать, какой эффект эти события произведут в Париже. Я была на вершине беспокойства за мужа, но все же не смела поехать к нему, потому что он мне это запретил; и тут вечером третьего дня мы узнали от человека, приехавшего из Амьена, об аресте короля и его возвращении пленником в Париж. Час спустя приехал Замор с длинным письмом от моего мужа, который был в отчаянии.

Я не стану здесь пересказывать подробности этого несчастного бегства, столь неуклюже организованного. Все его обстоятельства переданы в мемуарах о том времени. Но от Шарля де Дамаса я узнала, что в момент ареста он просил королеву передать ему в седло господина Дофина, которого он мог бы спасти, но она не захотела это сделать. Несчастливая государыня, не доверявшая самым верным своим слугам!

В Париже королю предлагали взять с собой двух верных молодых людей, привычных к курьерской службе на почтовых лошадях, вместо двоих телохранителей, которых он брал с собой и которые никогда не ездили ни на чем, кроме эскадронных лошадей. Он отказался. Все это бегство, ор-

ганизованное господином де Ферзенем, который был глупец¹⁰⁴, представляло собой череду оплошностей и неблагоприятных поступков.

Месье и Мадам поехали другой дорогой, их вез господин д'Аваре. Людовик XVIII опубликовал бурлескные подробности их путешествия¹⁰⁵.

Лишь после двухмесячного затворничества король решился принять представленную ему Конституцию. Мой муж составил длинный мемуар, чтобы убедить его отвергнуть ее. Мемуар был полностью написан его рукой, но не подписан. Господин де Ла Тур дю Пен передал его королю из рук в руки. Его нашли после 10 августа в пресловутом железном шкафу¹⁰⁶. Король надписал наверху: «Представлено господином де Г., чтобы убедить меня отвергнуть Конституцию». Кто-то из друзей распространил слух, что инициал относился к господину де Гувьону, убитому в первом бою начавшейся войны, и это под его именем, как я полагаю, мемуар был опубликован, когда напечатали документы, содержавшиеся в железном шкафу.

После принятия Конституции, во время второй сессии Собрания, называемого Законодательным, наступило несколько месяцев передышки, и я убеждена, что, если бы война не была объявлена, если бы эмигранты вернулись, как того, по-видимому, желал король, крайности Революции прекратились бы. Но король и королева верили в искренность держав. Каждая из партий взаимно обманулась, и Франция выжила и обрела славу в защите своей территории. Как говорил Наполеон Сийесу: «Если бы я был на месте Лафайета, король до сих пор сидел бы на троне и, — добавил он, хлопнув того по плечу, — вы, аббат, с радостью служили бы для меня мессу».

II

Мы уехали в Гаагу в начале октября 1791 года. С нами ехала моя золовка со своими двумя детьми и их гувернером. Здоровье ее было очень расстроено, и чахотка, от которой ей предстояло умереть на следующий год, тогда уже сильно развилась. Поскольку она очень любила светскую жизнь, мысль о том, чтобы провести зиму одной в Энанкуре, была ей невыносима. Своего жилья в Париже у нее уже не было. До Революции она жила в доме Ламетов на улице Нотр-Дам-де-Шан вместе со всей семьей. В этом доме мать четверых братьев Ламетов, сестра маршала де Брольи, вырастила своих детей. В то время, о котором я рассказываю, это была уже пожилая женщина, много лет вдовевшая, поскольку Александр, младший из ее сыновей, своего отца не застал. Она была изумительно остроумна и толкова. Маршал, ее брат, помог ей добиться назначения ее сыновей в четыре разных полка, в чем тогда не было ничего необыкновенного.

Но с несправедливостью и абсурдностью, свойственными партийному духу, братьев Ламетов позже много обвиняли в неблагодарности по отношению к двору. При этом забывали, что они были племянники единственного на тот момент маршала Франции, пользующегося заслуженной репутацией¹⁰⁷ и могущего в случае войны быть призванным к командованию армиями, и было вполне естественно, чтобы эти молодые люди быстро продвинулись в военной карьере. Кстати, трое младших прошли с отличием всю войну в Америке, и один из них, Шарль, был там тяжело ранен. Зять моего мужа, старший из четверых, поселился у себя в поместье, уйдя в отставку с поста командира пехотного полка Короны, когда мой свекор ушел с поста министра. Второй, Теодор, тоже ушел из армии; он еще жив, когда я пишу эти строки в 1841 году. Третий, Шарль, которого во времена нашей молодости звали Мало, женился на мадемуазель Пико, единственной дочери и наследнице плантатора с Санто-Доминго, жившего в Байонне.

История этого брака довольно оригинальна. По возвращении из Америки, еще хромая и пользуясь при ходьбе костылем после ранения в колено, из-за которого ему хотели отрезать ногу, но он на это не согласился, Шарль де Ламет услышал об этой самой девице Пико, которая воспитывалась в монастыре в Париже. Ему сказали, что ей шестнадцать лет, что она хорошенькая и что монахини ею очень довольны. Никому не говоря ни слова о своих планах, он садится в экипаж и едет в Байонну, снабженный письмом нашего друга господина де Брукана, администратора в ведомстве королевского домена, который был связан с господином Пико. Он является к тому в мундире и говорит: «Мсье, посмотрите на меня. Мне двадцать пять лет, я полковник и племянник маршала де Брольи. Я прошел всю войну. У меня очень маленькая доля в наследстве, как у всех младших сыновей в Пикардии, но я из нее еще не проел ни одного су. Если вы согласитесь, чтобы я стал вашим зятем, я думаю, вам не придется в этом раскаиваться». Эта прямота покорила господина Пико. Он был бывший военный и ответил в том же тоне: «Если вы понравитесь моей дочери, дело слажено. Представьте ей». Тут же он написал письмо в несколько строк настоятельнице монастыря. Полчаса спустя Мало уже был на пути в Париж. Господин Пико поехал туда вслед за ним и обнаружил, что дочь его уже успела взглянуть на приятное лицо этого оригинального претендента на ее руку и была вполне расположена выйти за него. Она была очень хорошенькая, хотя и мала ростом. Но после первой беременности она внезапно сделалась чрезвычайно толста и дальше только делалась все толще до самой своей смерти.

С тех пор как французское посольство было почти что изгнано из Голландии и граф де Сен-При в 1787 году уехал в Антверпен, куда, как я говорила, к нему направили господина де Ла Тур дю Пена, Франция оставалась

представлена в Гааге одним лишь временно исполняющим обязанности дипломатического представителя господином Кайяром. Это был опытный дипломат. Он оказался очень полезен моему мужу, который до тех пор никогда не занимался дипломатией иначе как в виде чтения исторических сочинений, любимого предмета его занятий. Но характер господина Кайяра был мало схож с характером господина де Ла Тур дю Пена. Осторожный до боязливости, он удерживался на своем посту, лишь преувеличивая опасности в своих депешах и убеждая таким образом господина д'Омона, два года как назначенного посланником в Голландию по протекции теток короля, что появиться в Гааге французскому посланнику смертельно опасно. С того дня, как партия штатгальтера, при помощи английского золота и прусских солдат, возобладала над партией патриотов, побежденные и победители носили отрезок оранжевой ленты либо в бутоньерке, либо на шляпе. Женщины привязывали совсем маленькую ленточку к поясу или шейному платку, а слуги носили как кокарду. Один лишь испанский посланник, по приказу своего двора, отказался снизойти до этого или, лучше сказать, пойти на такую низость. Мой муж заявил посланнику, что последует примеру дома Бурбонов. К тому же, с тех пор как не знаю уж по какому декрету во Франции были отменены ливреи, посланникам за рубежом было разрешено использовать ливрею короля, и мы приняли такую ливрею для своих слуг. Недопустимо было нацепить на королевскую ливрею Бурбонов знаки частного лица; ведь штатгальтер представлял собой всего лишь первого военного офицера Республики, хотя и происходил, без всякого сомнения, из очень хорошего рода, и жена его была королевским высочеством. Может быть, оставшаяся обида мешала испанскому двору принять ливрею Оранского дома. Как бы то ни было, эта дипломатическая миссия была единственная, которая не приняла оранжевую ленту. Господин де Монморен, наш превосходный и слабый министр иностранных дел, когда к нему обратились по этому вопросу, ответил моему мужу: «Ну ладно, попробуйте, на ваш страх и риск».

И вот мы приехали в Гаагу в 9 часов вечера, и после ужина мой муж пошел вместе с господином Кайяром к испанскому посланнику. Он сообщил ему, что по его примеру не станет носить оранжевую ленту и люди его тем более не станут ее носить. И вдобавок, заявил он, его люди не станут носить и французскую кокарду, потому что ее цвета совершенно похожи на цвета голландской патриотической партии, и это могло бы вызвать раздражение у гаагского народа, полностью преданного оранжистам. Решение это понравилось испанскому посланнику графу де Льяно, человеку твердого характера.

На следующее утро кормилица моего сына вышла с ребенком на прогулку. Несколько человек из народа находились у решетки двора и смотрели, есть ли на ней оранжевая лента. Не увидев ленты, они стали

выкрикивать ругательства по-голландски, которых кормилица, совершенно не зная этого языка, не поняла. Тем не менее она испугалась и сразу же вернулась в дом. Когда подъехали экипажи, которые должны были везти господина де Ла Тур дю Пена к Великому Пенсинарию¹⁰⁸, собралась небольшая толпа человек в пятьдесят, но больше для того, чтобы полюбоваться весьма элегантным костюмом нашего негра Замора. Господин Кайяр до тех пор носил оранжевое. Теперь он умирал от страха и винил в опрометчивости моего мужа, которого очень забавлял его испуг.

Верительные письма вручались Великому Пенсинарию, первому министру Соединенных провинций согласно конституции страны. Тот уже передавал их в Генеральные Штаты, где их регистрировал секретарь. Обязанности секретаря исполнял тогда господин Фагель. В знаменитом семействе, занимавшем эту должность с самого ее учреждения, то есть со времени установления Республики, тогдашний секретарь был старшим из пяти братьев. Позже он стал послом короля Нидерландов, который относился к нему как к другу. Из этих пяти братьев живы теперь, когда я пишу эти строки в 1841 году, только третий, Роберт, голландский посланник в Париже, да один из его племянников.

Сам штатгальтер, когда мы прибыли в Гаагу в октябре месяце 1791 года, был в Берлине, где он только что женил своего старшего сына на юной прусской принцессе. Они все вернулись в Гаагу спустя несколько недель, и тогда началась череда празднеств, балов, ужинов и развлечений всякого рода, превосходно подходивших для меня в двадцать один год. Я привезла из Франции много элегантных вещей. Скоро я вошла в большую моду. Мне старались во всем подражать. Я очень хорошо танцевала, имела большой успех на балах и радовалась этому, как ребенок. Никакая мысль о будущем меня не смущала. Я была в первых рядах на всех светских собраниях. Принцесса Оранская не считала ниже своего достоинства одеваться, как я, и поручать причесывать себя моему камердинеру. Эта полная успеха жизнь, которой суждено было продлиться так мало, опьяняла меня.

Когда в марте месяце 1792 года министром иностранных дел был назначен Дюмурье, первой его заботой стало отомстить не знаю уж за какую личную обиду, причиненную ему моим свекром в бытность того министром. Для этого он сместил моего мужа под тем ложным предлогом, что тот якобы не проявил достаточной твердости в требовании возмещения за будто бы имевшее место оскорбление французского флага. Господин де Ла Тур дю Пен получил известие о своем отзыве довольно оригинальным образом. Дюмурье назначил его преемником некоего господина де Бонка-рера, французского резидента при епископе-суверене Льежа. О назначении министр объявил ему такой запиской: «Наконец, мой дорогой Бонка-рер, мы выставили господина де Ла Тур дю Пена за дверь, и я назначил вас на его место». И вот, по ошибке секретаря, эта записка, вместо того что-

бы быть отправленной по назначению в Льеж, была прислана моему мужу в Гаагу. Вскрывая свои депеши, присланные с той же почтой, он обнаружил там свою отставку, о которой немедленно подал уведомление Великому Пенсинарию ван дер Шпигелю.

Мы сразу же сняли хорошенький небольшой домик без мебели для нас, моей золовки и ее детей. Она не хотела возвращаться во Францию, предпочитая оставаться со мной в Голландии. В тот же день вся мебель, которая принадлежала нам и которую мы не хотели продавать, была перевезена в этот дом. Остальные предметы обстановки, а также вина, фарфоровые сервизы, лошади и экипажи остались в особняке французского посольства, с тем чтобы выставить их на продажу после прибытия нового посланника в случае, если он не захочет их у нас перекупить. Мой муж, не имея посольского секретаря, так как господин Кайяр был незадолго перед тем отправлен в Петербург исполняющим обязанности дипломатического представителя, передал архивы в руки своего личного секретаря, который был не кто иной, как господин Комб, мой бывший наставник, заботившийся о наших интересах больше, чем мы сами могли бы о них позаботиться.

Господин де Ла Тур дю Пен уехал затем в Англию к своему отцу, который тогда только что прибыл туда, чтобы уговорить его приехать к нам в Гаагу. Из Англии он направился в Париж, откуда с каждой почтой писал мне письма все более и более тревожные.

III

Господин Бонкарьер, которого Дюмуре назначил посланником в Гаагу, не прибыл на свой пост. Его заменили господином де Мольдом. Тот прибыл около 10 августа и встретил плохой прием. Ему не отдавали визитов, за исключением английского посла, держава которого еще не была в состоянии войны с Францией. Он не захотел взять ничего из наших вещей и прислал ко мне своего секретаря сообщить, что он не позволяет устроить их распродажу в гостиных на нижнем этаже особняка французского посольства, хотя сам он занимал только антресоль вместе с одной прислугой, которая служила ему и домоправительницей. Этот секретарь, хоть и показал себя очень грубым, тогда не вызвал у меня такого ужаса, который воспоминание о нем вызывало потом. Это был брат Фукие-Тенвиля.

Поскольку погода стояла очень хорошая, я испросила разрешение устроить распродажу нашей мебели на Корте Ворхаут, красивом променаде перед воротами посольства. Это стало событием в Гааге. Все мои друзья там были; самые мелкие вещи продались за безумную цену; ни одной мелочи не осталось, и я собрала более чем вдвое больше той суммы, которой

мне все это стоило. Деньги были отданы в руки господина Мольера, почтенного голландского банкира. Он сохранил их для меня и позднее отправил их мне в Америку.

Наша тетушка госпожа д'Энен, эмигрировавшая в Англию, очень уговаривала меня приехать туда к ней, но здоровье моей золовки так заметно ухудшалось, что я не желала ее покидать. С другой стороны, мой свекор думал приехать к нам в Голландию. Мой муж провел несколько дней в Гааге между 10 августа и убийствами сентября 1792 года¹⁰⁹, а потом его отец вызвал его к себе в Лондон.

Поскольку я имела случай узнать многие подробности, касающиеся бегства находившихся в Бельгии¹¹⁰ несчастных эмигрантов после битвы при Жемаппе¹¹¹, я расскажу о них здесь.

Я была очень дружна с принцем Штарембергом, австрийским посланником в Гааге. Этот молодой человек, всего двадцати восьми лет от роду, был так легкомыслен, что больше заботился о своем туалете и лошадях, чем о делах своего посольства. Курьер из Брюсселя почти каждый день привозил ему депеши от князя Меттерниха — отца того, который до сих пор еще *правит* в Австрии, — аккредитованного при эрцгерцогине Марии-Кристине, правительнице Нидерландов. Господин де Штаремберг переправлял эти депеши в Лондон через Хеллевутслёйс. Этот молодой дипломат без всякого опасения делился со мной всем, что он узнавал нового. Его жена, урожденная д'Аренберг, привозила меня ко двору принцессы Оранской всякий раз, когда там собиралось общество, и дипломатический корпус выказывал мне такую дружбу и любезность, что казалось, будто я по-прежнему к нему принадлежу. Поскольку у меня сохранились очень богатые туалеты, я могла повсюду бывать без особых расходов. При мне тогда оставались только моя служанка Маргарита, которая ухаживала за моим сыном, и мой верный Замор, который с горем пополам меня причесывал, поскольку самой мне это было делать трудно. Что же до моей бедной золовки, то она рано ложилась в постель и после обеда уходила наверх в свои комнаты вместе со своими детьми и их аббатом.

Однажды у принцессы собиралось общество, и Штаремберги должны были за мной заехать. Я сидела уже одетая в своей комнате, когда вошел безумно взволнованный принц Штаремберг со словами: «Все потрясно. Французы нас разбили наголову. Они теперь занимают Брюссель». Он рассказал мне новости, пока мы садились в экипаж, и рекомендовал не подавать вида при дворе, где никто еще не знал об этих важных событиях. Но когда принцесса Оранская вошла и подошла ко мне, я увидела, что ее уже проинформировали. Она спросила, какие у меня новости, приложив свой веер к моей руке, и наши взгляды встретились со значением. Она уже предвидела, какую участь готовит ей будущее.

Бегство эмигрантов, которых более тысячи нашло убежище в Брюсселе, было самым печальным и прискорбным на свете. Успокоенные заявлениями министров эрцгерцогини, которые обещали известить их загодя о приближении французов, они жили там без всякой боязни. С той беззаботностью и непредусмотрительностью, жертвами которой они так часто становились, они полагали себя в полной безопасности в Брюсселе, несмотря на отступление пруссаков в Шампани. Господин де Вобан, от которого я знаю эти подробности, возвращался к себе около полуночи через Королевскую площадь, когда ему послышался будто бы звон подков множества лошадей во дворе дворца, располагавшегося тогда там, где сейчас музей. Он подождал, спрятавшись за выступом здания, и через некоторое время увидел, как все экипажи двора, фургоны, телеги, нагруженные багажом, выезжают и направляются в тишине к тем воротам города, которые называются Намюрскими. Убедившись, что эрцгерцогиня тайно покидает Брюссель, он побежал предупредить самых ближних французов. Те, кто были в тот вечер при дворе, не желали верить в такое вероломство. Однако нескольких мгновений хватило, чтобы убедить их. Трудно дать верное представление о том смятении, которое тут началось, и о страхе, охватившем всех этих несчастных, торопившихся бежать. Ночь прошла в заботах о том, чтобы упаковать те немногие вещи, которые у каждого были. При первом свете дня все лодки, экипажи, телеги были наняты за непомерную цену, чтобы везти одних в Льеж, других в Маастрихт. Самые разумные, как и самые состоятельные, решили перебираться в Англию. Среди беглецов находилось много тех, кого я знала. Многие из них, сохранившие прежние манеры Парижа и Версаля, демонстрировали печальное зрелище самого шокирующего бесчувствия в отношении своих товарищей по несчастью. Я с усердием старалась помогать самым несчастным, но мало заботилась о самых богатых, не скрывая, что, когда у человека есть средства выбраться и он думает только о себе, на меня рассчитывать нечего. Эту критику я адресовала, в частности, господину и госпоже де Шале. Они мне этого никогда не простили.

IV

В последние дни 1792 года Конвент издал декрет против эмигрантов и назначил им короткий срок, чтобы возвратиться, под страхом конфискации имущества. Мой достойный свекор был в Лондоне и думал приехать к нам в Гаагу, где его дочь и я с нетерпением ждали его. Известие об этом декрете изменило его планы. Он написал нам, что ни из каких личных соображений он не желал бы повредить своим детям и что он возвращается в Париж. Это отцовское письмо содержало такие пронизанные

меланхолией выражения, что можно было бы счесть его продиктованным предчувствиями, если бы даже тогда, после сентябрьских убийств, казалось бы возможным предвидеть те крайности, до которых должна была дойти Революция.

Почему-то я не сказала еще о бегстве господина де Лафайета, Александра де Ламета и господина де Ла Тур-Мобура¹¹². Они все трое в спешке покинули армию, которой командовал господин де Лафайет, и отправились за границу с глупой доверчивостью, которая не поддается объяснению. Явившись к австрийским аванпостам, они были тут же арестованы. Их хотели использовать как заложников, чтобы гарантировать безопасность короля и его семьи, после 10 августа заключенных в Тампле. Александр де Ламет получил разрешение написать своей невестке, которая тогда, как я уже говорила, была со мной в Гааге, чтобы попросить у нее денег. Господин де Лафайет, со своей стороны, написал господину Шорту, американскому посланнику в Гааге. Я в тот же день увиделась с господином Шортом и предложила ему прибегнуть к услугам одного человека, отличавшегося, как мне было известно, исключительной ловкостью и сноровкой. Он звался Дюлон и уже много лет состоял на службе французского посольства, с которым и теперь был связан. Он был очень предан мне лично, и я узнавала от него все новости, которые приходили к новому французскому посланнику, и чуть ли не содержание его депеш. Дюлон обещался устроить побег господину де Лафайету, которого держали в Льеже, но нужны были быстрота, секретность и деньги. Как он сказал, чтобы взяться за это дело, требовалось минимум двадцать тысяч франков. Господин Шорт отказал в этой сумме. Сам господин де Лафайет интересовал меня умеренно, но, поскольку я знала его как друга госпожи д'Энен, отказ господина Шорта вмешаться ради друга Вашингтона возмутил меня. Господин Шорт сам был очень богат и мог взять эту сумму из своих собственных денег. Он отверг все предложенные комбинации, и за это его очень винило его правительство. Господина де Лафайета и двоих его товарищей перевели в тюрьму в Оломоуце, где они оставались до подписания договора Кампо-Формио.

В конце Террора госпожа де Лафайет, каким-то чудом избежавшая эшафота, на который взошли в один день 22 июля 1794 года ее бабка — супруга маршала Ноайля, ее мать герцогиня д'Айен, ее сестра виконтесса де Ноайль, мать Алексиса, а перед ними, 27 июня того же года, маршал Муши с женой, приехала в Вену со своими двумя дочерьми и получила от австрийского императора¹¹³ позволение быть заключенной в Оломоуце вместе со своим мужем и переносить все тяготы его участи. В этом добровольном пленении она выказала смирение и мужество, которые внушила ей одна только религия, поскольку ее муж всегда относился к ней с самым жестоким безразличием и она, конечно, не могла забыть его прежние многочисленные измены.

Мой отец, командовавший войсками, которые стояли в лагере Фамар, между Кенуа и Шарлеруа, не последовал примеру господина де Лафайета. При известии о парижских событиях августа 1792 года — нападении на Тюильри и свержении монархии — он отдал приказ своим войскам заново принести присягу на верность королю и сам принес такую присягу. Результатом этого благородного проявления своих убеждений стало его смещение с поста 23 августа 1793 года с приказом явиться в Париж¹¹⁴. Мои попытки помешать ему это сделать остались тщетными, и опасения мои оправдались вполне. Я всегда упрекала себя, что не поехала к нему, чтобы силой увезти его с собой в Гаагу. Бог решил иначе! Бедный отец!

V

Поскольку я владела домом в Париже, где тогда жил шведский посол, и рентами, выплачиваемыми государством и городом Парижем, мой муж опасался, как бы меня не внесли в список эмигрантов, который был выпущен незадолго до того. Он прислал ко мне в Гаагу доверенного камердинера, чтобы сопроводить меня в Париж, и поручил ему сказать мне, что на границе с Бельгией, в нескольких лье от Антверпена, я найду бывшего адъютанта моего отца, который стал теперь одним из адъютантов Дюмуре, с приказом обеспечить мне должное почтение и даже при необходимости эскорт. Я простилась с моей бедной золовкой — она умерла два месяца спустя — и уехала вместе с сыном, которому тогда было два с половиной года, верной моей Маргаритой, камердинером и Замором. Зимние холода усиливались, что делало путешествие очень тягостным. Я в то время была еще совсем непривычна к трудностям — этакая хрупкая прекрасная дама и петиметр в женском роде. Во время пребывания в Гааге мне льстили, курили фимиами, и я тогда думала, что пошла на величайшую жертву, согласившись отказаться от услуг моей элегантной горничной и камердинера-парикмахера. Правду сказать, я догадывалась, что, возможно, в Париже у меня не будет уже экипажа, что я не поеду больше на бал, что мне даже придется, может быть, провести зиму в деревне. Я обещала себе переносить эти невзгоды с мужеством и твердостью, в противоположность эмигрантам из Парижа, с которыми я провела два месяца и которые, после того как *весело жили в Брюсселе*, как они сами говорили, рассчитывали так же жить и в Лондоне, цели их путешествия. Я рассказываю о своих слабостях и иллюзиях, чтобы мой сын мог судить, зная о моей отправной точке, исправила ли я их.

1 декабря 1792 года, забившись в глубину превосходной дорожной кареты, завернутая в меховые плащи и медвежьи шкуры, вместе с моим маленьким Юмбером, который тоже был весь в мехах, как лапландец, и моей

служанкой Маргаритой, я выехала из Гааги, рассчитывая ночевать, кажется, в Горкуме. Весь день мы слышали грохот пушек. Мой камердинер говорил, что это, должно быть, французы осаждают цитадель Антверпена, но им долго еще ее не взять, потому что гарнизон там очень сильный и город хорошо обеспечен припасами. На следующий день в Бреде, городе еще на голландских землях, слышался тот же грохот канонады. Все же, поскольку никаких тревожных новостей опубликовано не было, я без страха поехала дальше и на границе австрийских Нидерландов встретила господина Шнеца, храброго воина и друга моего отца, чье общество доставило мне большую радость.

Он приехал туда накануне и был удивлен, что никаких известий еще не поступило из Антверпена. «Может быть, город уже взят», — говорил он, смеясь, но сам тому не веря. Однако, когда к полудню грохот пушек прекратился, он заявил, выражаясь военным языком, что этот оплот австрийской державы... капитулировал, что было правдой¹¹⁵. Действительно, французский пост у внешних ворот города доказал нам, что мы овладели этой крупной крепостью, и, приехав в гостиницу «Добрый пахарь» на огромной площади Меир, мы с большим трудом получили там комнату. Только благодаря вмешательству генерала, имя которого я не припомню, один офицер уступил мне комнату, в которой он уже поселился и из которой с неохотой приказал вынести свой багаж. Поднимаясь по лестнице, я встретила толпу офицеров, молодых и старых, от которых мне пришлось услышать более чем нескромные слова насчет причин покровительства, оказанного мне их генералом.

Мы с моей служанкой Маргаритой, запершись в этой комнате на ключ, попытались уложить спать маленького Юмбера, очень напуганного шумом, который слышался в доме. Господин Шнец пришел предложить мне поужинать и уверял, что мне нечего опасаться, поскольку генерал, друг моего отца, поставил в коридоре охрану. Сама эта предосторожность, которую он посчитал необходимой, еще более напугала меня. Однако надо было ей подчиниться. Господин Шнец, видя, что ужин меня не прельщает, ушел. Маргарита убаюкала Юмбера, а я забаррикадировала дверь кроватью и всем, что смогла найти в комнате.

В этот момент яркий свет, который, как я думала, происходил от иллюминации, привлек меня к окну, выходившему на площадь. Зрелище, представшее моим глазам, никогда не изгладится у меня из памяти. Посреди обширной площади был зажжен костер, пламя которого поднималось до верха домов. Множество солдат, пьяных, шатающихся и спотыкающихся, толпилось вокруг, подбрасывая в огонь все, что могло гореть из домашней утвари. Одни кидали туда остоны кроватей, комоды, буфеты, другие — ширмы, одежду, полные корзины бумаг, потом множество стульев, столов, позолоченных кресел, отчего пламя с каждым мгновени-

ем делалось все сильнее и ярче. Женщины с непокрытыми распущенными волосами, ужасные видом, мешались с этой неистовой толпой, раздавая ей вино, может быть, изысканное, за которым они ходили в погреб богатых жителей Антверпена. Беспорядочный смех, грубые проклятия, непристойные песни добавлялись к страшной картине этого дьявольского празднества. Все рассказы, которые мне приходилось читать о городах, взятых штурмом, о грабежах, о настоящем вследствие этого ужасном беспорядке, воплощались предо мной в живую реальность. Я всю ночь простояла в ужасе, как замороженная, перед этим окном, от которого не могла оторваться, несмотря на отвращение, которое внушала мне эта страшная картина.

К утру господин Шнец сообщил мне, что по распоряжению генерала нам надо ехать в Монс, где мы будем ночевать. Я была так потрясена только что виденными событиями, что не посмела попросить о том, чтобы ночевать следующую ночь в Брюсселе, что позволило бы мне повидаться с моей теткой, леди Джернингем, которая тогда была в этом городе вместе со своей дочерью, будущей леди Бедингфельд. Так что было решено, что в Брюсселе мы только поменяем лошадей.

На выезде из Антверпена новое зрелище поразило меня своей оригинальностью. Между передовой линией укреплений и первой почтовой станцией в Контихе мы проехали через всю французскую армию, вставшую на бивуак. Эти победители, заставлявшие уже дрожать прекрасные армии Австрии и Пруссии, имели вид совершенной разбойничьей орды. Большинство были без мундиров. Конвент, реквизировав все сукно со складов в Париже и других крупных городах, заказал спешно пошить шинели для солдат из тканей самых разных оттенков. Эта мешанина цветов, громадная ожившая радуга, выделялась необычным контрастом на снегу, покрывавшем землю. Таким гигантским ярким цветником можно было бы любоваться, если бы красные колпаки на головах у большинства солдат не напоминали обо всем том, чего с их стороны следовало опасаться. Только офицеры были в форме, но без того блестящего шитья, на которое потом так щедр был Наполеон.

Мы вынуждены были ехать почти все время шагом, так что путь показался мне долгим. Дороги, разбитые артиллерией, были загромождены пушками и фургонами с грузом и с ранеными. Мы медленно продвигались вперед среди криков, ругани возчиков и грубых шуток солдат. Мне видно было, что Шнец беспокоится и сожалеет, что не взял эскорт. Наконец, на закате дня, мы добрались до Мехелена, где провели ночь спокойнее, чем в Антверпене, хотя и там еще было много войск.

На следующее утро мы выехали в Брюссель, через который должны были только проехать. Но господин де Моретон де Шабрийян, комендант города, решил иначе. В момент, когда лошади были уже запряжены

и господин Шнец получил визу на мой паспорт, пришел приказ от генерала меня задержать. Лошадей выпрягли, и, когда я пожелала выйти из экипажа, чтобы найти приют в здании почтовой станции, часовые, поставленные с обеих сторон, меня не выпустили. Господин Шнец тут же отправился в штаб-квартиру, чтобы выяснить причины такого притеснения. Было, однако, позволено, чтобы мой сын, который громким криком требовал завтрака, вместе со своей няней пошел в дом смотрителя станции, и я одна осталась в заключении в экипаже.

Прошло два часа, и я начала уже скучать, когда дверца экипажа открылась, и дама, имени которой я так и не смогла узнать, когда жила потом в Брюсселе, поставила на переднее сиденье экипажа чрезвычайно элегантный поставец с превосходным завтраком: масло, паштет, пирожное, кофе, и все на прекрасном фарфоре и с серебряными приборами тонкой работы. Никогда в жизни ничья забота не показалась мне более любезной и милостивой. Полчаса спустя дверца открылась снова, и таинственная дама, не говоря ни слова, забрала свой поставец и исчезла в доме, расположенном напротив почтовой станции. Много лет спустя, вернувшись в Брюссель, я старалась всеми силами разыскать эту любезную даму, которой я не видела даже лица, но поиски мои остались тщетны.

Наконец, по истечении трех часов, господин де Шабрийян дал разрешение на мой отъезд, так и не пожелав объяснить свою странную начальственную причуду. Это был светский человек, которого я сто раз встречала, но никогда с ним не говорила. Он очень плохо видел и был весьма революционно настроен.

Тревоги мои на этом не закончились. Мы прибыли в Монс поздно и с большим трудом нашли ночлег. Все гостиницы были полны. В конце концов в одной из них мне с моей служанкой предложили две маленьких комнатки с окнами на улицу на очень низко расположенном втором этаже. Занимавшие их офицеры, как нам сказали, только что уехали. Господин Шнец и двое моих слуг должны были ночевать в глубине обширного двора, так что мы с моей служанкой оказывались отделены от них. Такое расположение меня совершенно не устраивало, но пришлось согласиться. Мой ребенок совсем устал. Я уложила его в свою постель, а сама не стала раздеваться. Сон, тем не менее, начал меня уже одолевать, когда от шума на улице рядом с моими окнами я проснулась. В дверь дома стучали с удвоенной силой, ужасно при этом ругаясь. Вскоре затем я услышала, как хозяин гостиницы кричит, что в комнате спит жена генерала, а в гостинице находится адъютант, который ее сопровождает. Пьяный мужской голос отвечал, что он сейчас сам в этом удостоверится. Говорящего окружали множество других, пребывавших в том же состоянии, и я, бросившись в изножье кровати, увидела, как две руки хватаются за балкон, чтобы попытаться влезть. Я застыла от ужаса, но все-таки не потеряла головы.

Громкими криками призывая мою служанку, я приготовилась бросить в нападавшего большое полено, которое горело в камине. В этот момент я услышала, как он свалился обратно на улицу, и то ли он при этом поранился, то ли его товарищи побоялись, что их накажут, но они его увели, и страх мой утих.

Наутро господин Шнец пошел подавать жалобу, что меня очень мало заботило, но было, как он утверждал, необходимо для сохранения его собственной ответственности.

Выезжая оттуда, мы встретили эскадрон, состоящий из одних негров, которые все были на прекрасных лошадях и превосходно экипированы. Командовал ими красавец негр герцога Орлеанского-Эгалите. Он звался Эдуард и был хорошо знаком с моим негром Замором, который попросил разрешения провести день со своими сородичами. Я опасалась, что его завербуют и больше я его не увижу, но я ошибалась. Этот славный малый весь день принимал угощение от своих товарищей, но вечером вернулся ко мне и не преминул мне рассказать, своими наивными словами, обо всем, что делалось, чтобы его прельстить. Верность мне возобладала в нем, за что я ему была очень благодарна.

Остаток моего путешествия прошел без каких-либо происшествий, заслуживающих упоминания. Господин Шнец оставил меня, кажется, в Пероне, и я направилась в Энанкур, где встретилась с зятем моего мужа маркизом де Ламетом.

Глава XIII

I. Самоанализ. — II. Притеснения на французских дорогах. — Жизнь в Пас-си. — Отношения господина Диллона с жирондистами и с Дюмуре. — 21 января 1793 года. — III. Господин де Ла Тур дю Пен — отец в Парижской Коммуне. — Портрет Артура Диллона. — Уединенная жизнь в Бюе. Семейное счастье. — IV. Бордо и федералисты. — Баронство Кюбзаге. — Арест господина де Ла Тур дю Пена — отца. — Его сын и невестка находят приют в Каноле у господина де Брукана. — Окрестности Бордо и революционная армия. — Жестокая казнь господина де Лавессьера в Ла Реоли. — Гильотина в Бордо. — V. Рождение Серафины. — Господин де Ла Тур дю Пен скрывается. — Акушер Дюпуи. — Госпожа Дюдон и комиссар Изабо. — VI. Арест господина де Брукана. Его охрана и винный погреб. — Обыск в Каноле. — Где находит себе приют жалость! — Времяпровождение госпожи де Ла Тур дю Пен и господина Дюпуи в Каноле. — VII. Очная ставка королевы и бывшего военного министра. — Его сын спешно покидает Буй. — Дорожное происшествие в Сен-Жени. — Три месяца взаперти в Мирамбо.

I

В Голландии меня баловали, мною восхищались, курили мне фимиам. Стоило мне пересечь границу и вернуться во Францию, как Революция со всеми ее опасностями явилась мне мрачной и угрожающей.

Да, действительно, я оказалась теперь в той же комнате, откуда уезжала за пятнадцать месяцев до того с помыслами, свободными от любых забот, но насколько же мои нынешние чувства отличались от тех, что я испытывала тогда!

Обращая суровый взгляд на прошедшие годы, я упрекала себя за бесполезность моей прошлой жизни. Предчувствуя, можно сказать, что меня ожидает иная судьба, я твердо решила навсегда удалить от себя мысли беззаботной юности, корыстную лесть света и обманчивый успех, которого я прежде для себя желала.

Горькая печаль овладела мало-помалу моим сердцем, когда я осознала легковесность той жизни, которую вела до этого момента. Мне представилось, что во мне есть способности для карьеры более полезной. Так что я не стала отчаиваться, а, напротив, ощутила, что в такое бедственное время существо мое должно стремиться к тому, чтобы перековать себя и стать выше.

Я с удовольствием воображала себе все обстоятельства, в которых мне потребуется проявить большое мужество. Все подвиги преданности, все

опасные предприятия представлялись моему уму. Я не исключала никакой из этих возможностей, полагая, что их осуществление сделало бы мою жизнь лучше, позволив посвятить ее исполнению моих обязанностей, какими бы тягостными или опасными они ни были.

У меня было чувство, что я ступаю таким образом на путь, начертанный для меня Провидением. Господь в эти смутные дни просветил мою душу неведомо для меня. Но позже, когда Он оказал мне милость приблизить меня к Нему и познать Его, я вспомнила о той перемене, которую произвели во мне эти часы серьезных размышлений. С этого момента моя жизнь стала иной, мои моральные установления преобразились. Будь благословен Господь, судивший меня достойной служить ему и давший мне впоследствии силу и постоянство всегда безропотно подчиняться его воле!

II

В очень поздний час я приехала в Энанкур, где находился зять моего мужа. Свое собственное положение он видел в очень мрачных красках и был весьма доволен, что его жена и дети находятся за пределами Франции. Было договорено, что я остановлюсь в Энанкуре на двадцать четыре часа и получу бумаги, позволяющие мне безопасно добраться до Парижа, — в частности, свидетельство о моем пребывании в Энанкуре со времени отставки господина де Ла Тур дю Пена. Мои надежды, что он сам раньше меня придет к господину де Ламету, не оправдались, потому что путешествовать по Франции было уже и трудно, и опасно. Нужно было не просто выправить паспорт, но и привести, чтобы этот паспорт получить, поручителей, которые под свою личную ответственность засвидетельствовали бы, что вы едете именно туда, куда указали. Кроме того, чтобы попасть в ближние окрестности Парижа, нужно было иметь при себе карточку безопасности, предъявления которой мог потребовать любой пост национальной гвардии. В общем, множество мелких притеснений, в дополнение к крупным, делали невыносимым пребывание во Франции.

Таким образом, я выехала из Энанкура одна и на следующий день не без затруднений приехала в Пасси. Смотритель почтовой станции в Сен-Дени сначала решительно отказался отправлять меня в Пасси, куда мне было нужно, под тем предлогом, что мой паспорт был выписан в Париж и следовало везти меня туда самой короткой дорогой. Я была мало привычна к таким вещам и боялась себя скомпрометировать, но после часа переговоров и объяснений мой камердинер сообразил показать свою собственную карточку безопасности, выданную в Пасси, и нам позволили ехать, взяв плату за два или три лишних почтовых перегона.

В Пасси я наконец встретила с моим мужем, который поселился в доме, принадлежащем госпоже де Пуа. Поскольку дом был слишком велик для нашего семейства, мы имели удобную возможность держать закрытыми все окна, выходившие на улицу, так что здание казалось необитаемым. Входили мы через небольшую дверь для консьержа. Там было еще два или три других выхода, и дом, таким образом, представлял собой хорошее убежище; еще более подходящим для нас делало его то обстоятельство, что это был крайний дом в деревне со стороны Отёя, и мы имели удобное сообщение с моим свекром, который после возвращения из Англии поселился там у маркиза де Гувэрне, своего родственника и друга. Дом этого последнего, называвшийся *Тюильри*, стоял на отшибе между Отёем и Пасси. К счастью, мы могли туда добираться по тропинкам, на которых никогда не встречалось ни души. Старый кабриолет и довольно скверная лошадь — я так никогда и не узнала, чья она была — давали нам возможность съездить в Париж, не посвящая в тайну нашего убежища всех кучеров фиакров.

Я ездила туда каждый день после завтрака вместе с мужем, которому надо было заниматься делами своего отца и своими. Обедали мы по большей части в Париже, либо у моего отца, либо у госпожи де Монтессон, дом которой был для нас всегда открыт.

Мой отец жил в меблированных комнатах на Шоссе д'Антен. Он делал всё возможное, чтобы служить королю: встречался с его судьями, собирал их у себя, старался организовать партию, которую позднее называли *жирондистами*, объяснял им, что в их собственных интересах сохранить королю жизнь, вывезти его из Парижа и держать как заложника в какой-нибудь крепости внутри страны, где он не сможет иметь сообщения ни с иностранными державами, ни с роялистами, которые тогда начали уже организовываться в Вандее. Но партия *террористов*, которую мой отец не надеялся переубедить, а в особенности парижская Коммуна, целиком орлеанистская, были слишком могущественны, чтобы человеческие усилия смогли что-то изменить в их ужасных намерениях.

Мой несчастный отец пытался изо всех сил воздействовать на Дюмуре, который приехал в Париж в середине января. Но тот обманул его пустыми обещаниями. Он был всецело предан партии Эгалите и его сына, военным наставником которого он с гордостью себя числил. Его приезд в Париж не имел иной цели, кроме как служить им.

Я не стану пересказывать всю скорбную череду тревог и разочарований, через которые мы прошли в январе месяце 1793 года¹¹⁶. Эти события стали историей, и каждый уже рассказал о них сообразно своему мнению. Да будет мне позволено только очистить здесь доброе имя моего отца от тех отвратительных обвинений, которыми его не постеснялись очернить. Он встречался с судьями Людовика XVI лишь толь-

ко для того, чтобы спасти если не свободу, то хотя бы жизнь короля, и в самое утро суда он был уверен, что голосование за тюремное заключение до наступления мира обеспечено. И действительно, так и получилось бы, если бы не трусливые отказы, случившиеся в момент голосования. Мы находились у моего отца во время этого достопамятного заседания, и нашу тревогу никакое описание не способно передать. После оглашения приговора мы уехали, но все-таки еще ждали, что вот-вот разразится восстание, надеждой на которое он себе льстил. Все в Париже, кто разделял наш образ мыслей, планировали, каждый в отдельности, замешаться в ряды национальной гвардии, чтобы привести ее в движение, благоприятное для несчастного государя; но эти действия, если и имели место, остались тщетными.

Утром 21 января ворота Парижа были закрыты, с приказом ничего не отвечать тем, кто будет спрашивать через решетку о причинах этой меры. Мы с моим мужем вполне о них догадались и, стоя у окна, выходящего на Париж, прислушивались, не принесет ли нам шум мушкетной пальбы надежду, что это великое преступление не совершится без сопротивления. Нас охватило оцепенение, мы едва смели переговариваться между собой. Мы не могли поверить в совершение такого злодеяния, и мой муж был в отчаянии, что выехал из Парижа, не допустив мысли о подобной катастрофе. Увы! В царубийственном городе по-прежнему царила полнейшая тишина. В половине одиннадцатого ворота открыли, и все пошло как обычно. Великая нация только что осквернила свои анналы преступлением, которое столетия будут ставить ей в упрек!.. и ни малейшего нарушения не случилось в людских привычках.

Мы пешком направились в Париж, стараясь сохранять спокойное выражение лица и ничего не говорить. Обойдя стороной площадь Людовика XV, мы пошли к моему отцу, потом к госпоже де Монтессон и к госпоже де Пуа. Никто почти не разговаривал, в таком ужасе мы все были. Казалось, что каждый несет часть бремени того преступления, которое только что совершилось.

Вернувшись рано в Пасси, мы встретили у себя в доме Матье де Моранси и аббата де Дамаса. Оба они находились на месте казни в рядах своего батальона национальной гвардии. Скомпрометировав себя какими-то словами, они покинули Париж, опасаясь ареста, и пришли просить нас спрятать их до тех пор, пока они не смогут либо уехать, либо вернуться к себе. Они боялись, что к ним придут домой с обыском — это был первый вид притеснений, за которым через несколько месяцев следовал арест. В ходе обыска изымали бумаги всякого рода и относили в секцию, где часто самая секретная переписка служила развлечением для молодых национальных гвардейцев, находившихся там на дежурстве.

В середине марта мой свекор был арестован в Тюильри и препровожден в Парижскую Коммуну вместе с маршалом Муши и маркизом де Гуверне. Похоже, что из-за одинакового имени этого последнего перепутали с моим мужем. Действительно, маркиза де Гуверне допрашивали по поводу дела в Нанси и ставили ему в вину смерть добрых патриотов. После множества вопросов их отпустили, но мой свекор, беспокоясь более о судьбе своего сына, чем о своей собственной, решил, что нам следует уехать в Буй. Оттуда мой муж смог бы перебраться в Вандею или добратся вместе с нами до Испании. Этот последний вариант казался тем лучше, что наш достойнейший друг господин де Брукан уже год как жил в Бордо. Сохранив свой пост директора продовольственных поставок, он в то время занимался снабжением армии, воевавшей в Испании под командованием генерала Дюгюмье.

Мы решились, таким образом, уехать. Я покидала своего отца с глубочайшей печалью, хотя была тогда еще далека от мысли, что обнимаю его в последний раз. Разница в возрасте в девятнадцать лет между нами была так незначительна, что он казался скорее моим братом, чем отцом. У него был орлиный нос, очень маленький рот, большие черные глаза, светло-каштановые волосы. Госпожа де Буффлёр говорила, что он похож на попугая, который ест вишенку. Благодаря высокому росту, красивому лицу, великолепной осанке он выглядел еще совершенно молодым. Он обладал благороднейшими манерами и держал себя, как вельможа. Оригинальность его ума и легкий характер делали его приятнейшим в обращении человеком. Он был моим лучшим другом, будучи в то же время товарищем моего мужа, который никак не мог отвыкнуть говорить ему «ты». Господин де Ла Тур дю Пен имел обыкновение говорить в шутку, глядя на отличную выправку моего отца, что прозвище «красавчик Диллон», данное Эдуарду Диллону, есть двойная узурпация — имени и красоты.

Мой свекор с нетерпением ждал, чтобы мы поскорее оказались подалее от Парижа, и уговаривал нас ехать как можно раньше. 1 апреля 1793 года мы пустились в путь. Ни одна из мелких неприятностей, обычных в то время, нас не миновала, хотя паспорта у нас были сплошь покрыты визами, которые заново ставились почти при каждой перемене лошадей. Но мы ехали на почтовых, и этот аристократический способ передвижения уже вредил нам во мнении добрых патриотов. Было решено, что мы поедем малыми перегонами, потому что я была на третьем месяце беременности и, пережив выкидыш в прошлом году в Гааге, боялась снова повредить себе.

Наконец, в середине апреля, мы приехали в Буй, и я была очень рада оказаться в этом месте, которым так дорожил мой бедный свекор. На раз-

ные улучшения и постройки в этом поместье он потратил столько, что даже расстроил свое состояние. Его положение в то время позволяло ему украшать приют, в котором он рассчитывал спокойно окончить свою чистую и почтенную жизнь. Однако, как только его назначили министром, он в тот же день приказал распустить всех рабочих, работавших в Буе, и инструкции его были столь строги, что нам показывали еще леса каменщиков и тачки землекопов на том месте, где они были оставлены в день получения приказа¹¹⁷.

Дом от этого понравился мне ничуть не меньше. Четыре месяца, которые мы там провели, остались в моей памяти, а особенно в моем сердце, как самые сладостные в моей жизни. Хорошая библиотека занимала наши вечера, и мой муж, который читал часами без усталости, вечерами преподавал мне курс истории и литературы, столь же занимательный, сколь и познавательный. Я работала над приданным для ребенка и оценила тогда пользу того, что в юности научилась всем обычным женским рукоделиям. Наше семейное счастье было беспримесным и более полным, чем когда-либо прежде в нашей совместной жизни. Уравновешенность, прекрасный характер, приятность ума моего мужа, соединявшее нас взаимное доверие, наша полнейшая преданность друг другу делали нас счастливыми, несмотря на все опасности, которыми мы были окружены. Никакие грозящие нам удары нас не пугали, если только мы должны были встретить их вместе.

За этими счастливыми днями в моей жизни последовало немало превратностей. Большие несчастья постигли меня с тех пор. В тот самый момент, когда в старости я пишу эти строки, я тоже несчастна, и, может быть, еще более, чем в какую-либо другую пору моей жизни. Но страдания мои не продлятся уже долго. Если бы только Бог дал мне однуединственную милость, о которой я его с жаром умоляю, я бы с миром сошла в могилу. Тот, кем я дорожу более, чем любым другим человеком, любимым мною в этом мире, поймет меня, читая эту молитву своей нежной матери.

IV

Город Бордо, волнуемый жирондистами, не голосовавшими за смерть короля, был в состоянии полувосстания против Конвента¹¹⁸. Многие роялисты в этом участвовали, в надежде побудить южные департаменты, а особенно Жиронду, примкнуть к движению, которое недавно объявилось в западных областях. Но Бордо было далеко до энергичного мужества Вандеи. Тем не менее организовался вооруженный отряд из 800 или 1000 молодых людей из лучших семейств города. Они упражнялись

на откосах крепости Шато-Тромпетт, шумели по вечерам в театре, но никто не кричал: «Да здравствует король!» Подстрекатели этой партии преследовали одну цель: сделаться независимыми от Парижа и Конвента и установить, по образцу Соединенных Штатов, федеративное правление на всем юге Франции. Господин де Ла Тур дю Пен съездил в Бордо, повидал всех руководителей этой планируемой федерации и вернулся в таком отвращении от этих разговоров, что отказался присоединиться к предприятиям, в которых должны были участвовать даже цареубийцы¹¹⁹ вроде Фонфреда и Дюко.

В конце лета, когда беременность моя была уже на большом сроке, нас начали беспокоить из муниципалитета Сент-Андре-де-Кюбзака. Когда перед Революцией снесли старый замок, чтобы обустроиться в новом¹²⁰, нотариусу по имени Сюрже было поручено привести в порядок бумаги моего свекра. И вот этот мошенник-нотариус пустил слух, что баронство Кюбзаге было условным пожалованием со времен Эдуарда III и что у нас в бумагах имеется соответствующий акт. Он говорил правду, но это пожалование не было пожалованием из королевских земель. На самом деле баронство было обменено на город Сент-Базей на Гаронне, поскольку англичан беспокоило военное значение этого города на недавно завоеванных землях. Сир д'Альбре, которому принадлежал Сент-Базей, совершил превосходную сделку, уступив его в обмен на баронство Кюбзаге, первейшее во всей Гиени, с прекрасными сеньориальными правами в девятнадцати сопредельных приходах.

Сюрже составил по этому поводу мемуар и, надо думать, отослал его в Париж, потому что спустя два месяца, когда в Бордо прибыли народные представители или комиссары Конвента, они первым делом наложили секвестр на Буй.

Возможность обыска в замке или размещения там гарнизона во время моих родов страшила моего мужа. Кроме того, он желал, чтобы у меня был хороший акушер и сиделка из Бордо. Мой свекор был только что арестован. Замок Тессон возле Сента опечатали, а прекрасный дом, которым мы владели в самом Сенте, захватили власти департамента Нижняя Шаранта, чтобы устроить там свои бюро.

В этих условиях нам показалось благоразумным принять предложение нашего достойнейшего друга господина де Брукана поселиться в принадлежащем ему небольшом домике в четверти лье от Бордо. Этот дом, называвшийся Каноль, с точки зрения безопасности обладал большими преимуществами. Он стоял на отшибе, посреди виноградника, а вокруг с трех сторон были проселочные дороги, ведущие в разные стороны, а с четвертой — довольно большой песчаный пустырь. Поблизости не было никаких деревень, и вся эта местность, называемая О-Брион, представляла собой более или менее обширные виноградники разных владельцев, почти

езде примыкающие один к другому. Таким образом, кажется, 1 сентября 1793 года мы уехали в Каноль, и господин де Брукан, которому нужно было самому находиться в Бордо, чтобы контролировать поставки продовольствия, приходил каждый день обедать с нами.

Однажды он собрал в Каноле нескольких городских и департаментских депутатов. И те и другие только и говорили, что о своих планируемых подвигах в борьбе против революционной армии, которая продвигалась вперед, отмечая свой путь отрубленными головами. Заблудившись в абстракциях, они не хотели быть ни роялистами, как вандейцы, ни революционерами, как Конвент. Забывая о том, что уже стояло у дверей, несчастные полагали, что Тальен и Изабо дадут им время разобраться в своих мыслях, в то время как те ехали с единственной целью снести им головы, что и было сделано три дня спустя.

Эта армия палачей, везущая с собой гильотины, была уже в Ла Реоли, где устроила несколько казней. Я расскажу для примера лишь об одной, заслуживающей упоминания из-за своей жестокости. Господин де Лавессьер, дядя госпожи де Салюс, был безобидный человек, удалившийся в деревню после уничтожения парламента Бордо, членом которого он был. У него и его жены, первойшей красавицы в Бордо, было двое сыновей, еще детей. Всех арестовали. Мужа приговорили к смерти, и, пока его казнили, его жену выставили к позорному столбу напротив гильотины, и детей ее привязали рядом с ней. Палач, более человечный, чем судьи, встал перед ней, чтобы она не видела, как падает смертоносный нож. Вот каковы были люди, под власть которых нам предстояло вскоре попасть!

Если бы я не была на девятом месяце беременности, мы бы тогда, возможно, поехали в Испанию. Но даже если считать, что нам удалось бы уехать, надо было бы еще проехать через всю французскую армию. И потом, можно ли было предполагать, что город с 80 000 жителей без сопротивления покорится 700 негодяям, подкрепленным всего лишь двумя пушками, в то время как перед городскими воротами стояла батарея из многих пушек, а за ней отборный отряд, составленный из самых уважаемых людей города. Войском негодяев командовал генерал Брюн, один из устроителей резни в Авиньоне, который спустя годы погиб там же, став жертвой справедливого возмездия.

Укрываясь в Каноле, я с нетерпением ожидала родов, поскольку мой муж решил не покидать меня, пока я не разрожусь, и опасность его пребывания рядом со мной возрастала день ото дня. Утром 13 сентября в Бордо вступила революционная армия. Менее чем через час все руководители федералистов были арестованы и заключены в тюрьму. Тут же начал заседать революционный трибунал; он заседал шесть месяцев, и не было ни дня, чтобы не погиб кто-нибудь невинный.

Гильотина была поставлена на постоянное место на площади Дофин¹²¹.

Сопровождавший ее небольшой отряд одержимых вступил в Бордо, не встретив ни от кого сопротивления, а ведь пушечные выстрелы по плотной колонне, которая входила в город по улице Фобур-Сен-Жюльен, без сомнения, заставили бы их отступить. Но жители, которые накануне клялись, как истинные гасконцы, сопротивляться, не вышли на пустынные улицы. Самые отважные закрыли свои лавки, молодые люди попрятались или сбежали, и вечером в городе царил ужас. Он был таков, что после вывешенного приказа всем имеющим оружие любого рода под страхом смерти принести его на следующий день до полудня на луг перед Шато-Тромпетт по улицам поехали телеги, на которые каждый торопливо бросал все свое оружие; среди сданного можно было заметить и такое, которое, может быть, уже два поколения как не использовалось. Все это оружие было свалено в указанном месте, но никому не пришло в голову, что было бы мужественнее воспользоваться им для своей защиты.

V

Во время всех этих событий я ночью родила девочку; я назвала ее Се-рафиной, по имени ее отца, от которого она едва успела получить благословение. В тот момент, когда она появлялась на свет, стало известно об аресте многих людей в окрестных загородных домах. Служанка моего акушера пришла из города сказать, что его ищут, собираясь арестовать, и что дом его опечатан. Чтобы акушер и мой муж могли в случае опасности спастись, уйдя виноградниками, в эту ночь на подходе к дому была поставлена надежная женщина слушать, не приближается ли кто. Мой страх был сильнее боли, с которой я родила бедное дитя. Спустя час после ее рождения ее отец покинул нас, и никто не мог предвидеть, что сулило будущее и мне, и ему и когда мы с ним сможем встретиться. Ужасная минута! В том состоянии, в котором я находилась, она должна была бы стать для меня фатальной, но, к счастью, здоровье мое от этого не пострадало. Я испытывала одно желание: выздороветь как можно скорее, чтобы быть готовой к любым событиям. Бедный хирург, не смея возвратиться к себе домой, спрятался в комнате новорожденной. Для него поставили кушетку в глубине заброшенного алькова, скрытого за кроватью служанки и колыбелью Юмбера.

На третий день после этих событий господин де Брукан, наш друг и домохозяин, вернулся в свой дом в Бордо. Он был очень опечален смертью мэра Бордо господина Сэжа, который накануне погиб на эшафоте. Будучи первым лицом в городе по богатству и уважению, которым он пользовался, мэр стал первой жертвой разгрома муниципалитета.

В связи с этим расскажу здесь, что отца и сына Дюдонов, бывших прокуроров и генеральных адвокатов Парламента, было решено отправить в Париж, чтобы там предать казни. Жена господина Дюдона-сына, уверенная в своей красоте и очаровании, вместе с двумя маленькими сыновьями пошла к представителю Изабо, бывшему капуцину, бросилась к его ногам и просила не отправлять ее мужа в Париж вместе с отцом, а дать ему возможность сбежать и перебраться в Испанию. Негодяй пообещал ей это, потребовав в уплату 25 000 франков золотом и дав срок несколько часов. Собрать такую значительную сумму в золоте за один день было тогда непростым делом. Республика к тому времени успела начеканить очень мало золотой монеты, а хранить луидоры и тем более пускать их в обращение было запрещено под страхом смерти. Госпожа Дюдон в отчаянии бросилась ко всем, кого только знала из всех классов общества, и сумела собрать требуемые 25 000 франков. И вот она возвращается к Изабо с этими деньгами, он забирает их и объявляет ей, что ее муж будет вечером *за пределами тюрьмы*. Жестокая насмешка! На самом деле несчастный к тому времени уже полчаса как покинул тюрьму — чтобы взойти на эшафот.

Можно представить, насколько должны были потрясать меня такие подробности, когда я узнавала их, лежа в постели и не имея иного общества, кроме моего врача, который сам был поражен ужасом. Каких только страхов я не испытывала за судьбу моего мужа, от которого не получала никаких известий. В такой момент, когда последствия родов и влияние молока так опасны для женщин, все эти тревоги, которым не было успокоения, могли свести меня с ума. Господь судил иначе! Он сберег меня для всех горестей, которые могут постигнуть мать, и для всех материнских радостей, сохранив мне прекрасного сына, который, я надеюсь, закроет мне глаза.

VI

Я уже сказала, что господин де Брукан вернулся в свой дом в Бордо. Едва он туда вошел, как за ним пришли, чтобы арестовать и отвести в тюрьму. Он заявил, что занимается всеми вопросами поставок продовольствия для армии, направленной воевать в Испанию, а потому его арест сильно повредил бы этим делам и генерал, командующий армией, был бы этим очень недоволен. Эти весомые доводы, или, скорее, боязнь того, что находящиеся в Париже коллеги господина де Брукана по продовольственной компании могут пожаловаться в Конвент, склонили комиссаров к тому, чтобы поместить его под домашний арест. Это было, конечно, заключение, поскольку он не мог выходить, но он сохранял свободу внутри дома, который был очень велик и в котором он располагал многими средствами для

побега в случае совсем уже неминуемой опасности. 25 человек из городской гвардии, поставленные в караул у его двери, были почти все из его квартала и почти все чем-нибудь ему обязаны. Действительно, его доброта и любезность были неисчерпаемы, и в Бордо его обожали.

Ему надо было кормить этих 25 человек в течение всего срока своего ареста, который продлился большую часть зимы. Каждый день караульных меняли. В первый момент испуга им неосторожно доверили ключи от погребов с провизией и вином. Они не оставили ни одной бутылки от изрядного запаса редких и изысканных вин, собранного господином де Бруканом за то время, что он владел этим домом; он получал их из разных краев, какие в подарок, а какие покупал. Одной из шуток этих верных стражей было разбивать каждую опустошенную бутылку в углу двора, и я видела там перед своим отъездом, в марте месяце следующего года, кучу осколков стекла такую большую, что вывезти их не хватило бы трех или четырех больших тачек. Эти мелкие подробности я рассказываю лишь затем, чтобы обрисовать нравы того необыкновенного времени; и я еще знаю далеко не всё, что могло бы его охарактеризовать.

На следующую ночь после ареста господина де Брукана, ближе к полуночи, когда он собирался ложиться, к нему явился муниципальный чиновник вместе с руководителем секции и несколькими гвардейцами и потребовал следовать вместе с ними в Каноль, где они желали провести обыск в его бумагах. Он объяснял, что бывает в Каноле лишь на короткое время по утрам, чтобы посетить свой сад и распорядиться о работах на винограднике, и что он, таким образом, не имеет там постоянного жительства, но это не помогло, и ему пришлось идти без возражений. Он был в крайнем затруднении. Он знал, что мое имя, мое положение в свете, положение моего свекра, который недавно был приведен на очную ставку с королевой в ходе процесса над несчастной государыней, составляли достаточно оснований для проскрипции. Моя гибель казалась ему неизбежной; он не находил никакого средства избавить меня от угрожавшей мне участи и приходил в отчаяние, думая о моем муже, которого он нежно любил и который вверил меня его заботам. Однако отступить назад было невозможно. К счастью, среди его охраны находился один человек, очень ему преданный; угадав его озабоченность, он побежал вперед и подал тревогу.

Я спокойно спала, потому что в двадцать три года люди спят даже у эшафота. Вдруг я чувствую, как меня трясет старая доверенная служанка; вся в слезах и бледная как смерть, она восклицает: «Головорезы идут сюда, чтобы все обыскать и опечатать! Мы все погибли!» И с этими словами она сует мне под подушку довольно большой сверток и исчезает. Я ощупываю сверток и распознаю мешочек, в котором было около 500 или 600 луидоров; господин де Брукан мне говорил, что берегает его на случай срочной нужды либо для себя, либо для господина де Ла Тур

дю Пена или для меня. Это не добавило мне спокойствия, однако же я опасалась, достав сверток из укрытия, нечаянно показать его девице, которая ухаживала за моим ребенком. Я и сама ей не доверяла, и вдобавок врач, господин Дюпуи, недавно обнаружил, что она исполняла при мне роль шпиона. Поскольку эта женщина была многим обязана лично ему, он надеялся все же, что она меня пощадит.

У моей служанки Маргариты была трехдневная лихорадка¹²²; она не спала в комнате у детей, а занимала комнату в другой части дома. Мою маленькую дочь трех дней от роду я велела положить ко мне в постель. Свою кровать и кроватку Юмбера служанка придвинула к алькову, куда забился бедный Дюпуи, ни жив ни мертв, полагая, что пришел его последний час. Приняв эти меры, я снова легла в постель — перед тем я поднялась, хотя шел всего третий день после родов, — и мы стали с твердостью ждать врага. Господин де Брукан говорил потом, что всю свою оборону я будто бы сосредоточила в некоем платочке из розового батиста, который был у меня на голове. Несмотря на эту шутку, я полагаю, что вид я имела очень нехороший.

Комната в нижнем этаже, где я помещалась, была недалеко от входа в дом. Дверь из нее вела в гостиную, где мой верный Замор готовил второпях остатки паштета, а главное, вина и ликеры, чтобы привести наших гонителей в доброе расположение духа. Наконец, после получаса или, лучше сказать, столетия ожидания, они прибыли. Сначала предметом их внимания стало расположение дома и окрестности; затем они прошли в гостиную. Я услышала стук их деревянных башмаков — ношение кожаных туфель и сапог свидетельствовало тогда об отсутствии патриотизма, — а затем их позорные речи. Кровь стыла у меня в жилах, когда я думала о всех опасностях, которым я подвергаюсь. Каждое мгновение мне казалось, что кто-то берет за ручку моей двери. Я прижимала к себе мое бедное дитя, а глаза мои были в ужасе прикованы к этой двери, которая могла внезапно распахнуться, чтобы впустить кого-то из этих лютых зверей. Наконец я отчетливо услышала, как один из них спрашивает: «А что в этой комнате?», а господин де Брукан отвечает: «Тише!» Что говорилось дальше, я не расслышала. Господин де Брукан пересказал мне позже окончание разговора. По вдохновению ему пришла мысль рассказать им, что юная дочь его друзей доверилась ему, чтобы родить тайно в этом уединенном доме, что она всего три дня как родила и что она очень хрупкого здоровья и сильно больна.

Как жалость смогла найти себе место в этих кровожадных душах? Тем не менее они ее в себе ощутили, и те же люди, которые утром видели, как падают двадцать невинных голов, и даже не подумали о пощаде, теперь сняли башмаки, чтобы не шуметь, когда при осмотре верхнего этажа оказались над моей комнатой. Спустя два часа, которые были для меня

часами пытки, выпив и съев все, что было в доме, они ушли, уводя своего пленника и передавая роженице свои грубые комплименты.

Я осталась одна в Каноле со своим славным доктором, который начал уже успокаиваться, хотя опасности еще совсем не закончились, как раз наоборот. Но я всегда замечала, что люди, которые легко пугаются, так же легко и успокаиваются. И теперь, когда миновала большая опасность, связанная с приходом муниципальной гвардии, к доктору вернулась его безмятежность. Это был человек умный, добродетельный и религиозный. Он превосходно изучил свое искусство, и я, согласно принятому мной правилу никогда не пренебрегать возможностью чему-то научиться, воспользовалась этим, чтобы много узнать из медицины и хирургии. Поскольку у нас не было никакой книги по этим наукам, он устно прочел мне небольшой курс акушерства и операций. Взамен я давала ему уроки шитья, вышивания и вязания. Он был очень ловок в ручной работе и быстро достиг успехов в этих рукодельях. Спустя недолгое время ему пришлось после отъезда из Каноля больше полугода скрываться у крестьян в Ландах, где у него не было ни одной книги и никакой работы; как он мне потом говорил, он умер бы от скуки, если бы, благодаря преподанной мной науке, не оказался способен занять свои дни изготовлением чулок и рубашек для всей семьи, которая его приютила.

VII

Вечером по моей просьбе добрый врач читал мне газеты. Чтение это было тогда ужасным. Еще более ужасным оно стало для меня, когда мы однажды обнаружили отчет об очной ставке моего почтенного свекра с королевой. Там описывался гнев Фукье-Тенвиля, когда господин де Ла Тур дю Пен продолжал именовать ее «королевой» и «Ее Величеством» вместо «женщины Капет», как желал того государственный обвинитель. Мой испуг дошел до предела, когда я узнала, что господин де Ла Тур дю Пен, когда у него спросили, где находится его сын, ответил простодушно, что тот находится в своем поместье возле Бордо. Результатом этого слишком правдивого ответа стал приказ, направленный в тот же день в Сент-Андре-де-Кюбзак, арестовать моего мужа и отправить в Париж.

Он находился в Буге, и у него был всего один час, чтобы спастись. К счастью, предвидя такую возможность, он держал наготове в конюшне довольно хорошую лошадь под тем предлогом, что ему надо съездить к арендатору. Переодевшись, как мог, он уехал с намерением добраться до поместья Тессон возле Сента и спрятаться там в замке, который хоть и был под секвестром, но там оставался превосходный консьерж со своей женой. Недостатка в деньгах он не испытывал: у него было около 10 000

или 12 000 франков ассигнациями. Он ехал шагом всю ночь. Погода была ужасная, лил проливной дождь, гром грохотал не переставая. Вспышки молний слепили и пугали его лошадь, довольно норовистую.

На выезде из почтовой станции Сен-Жени на дороге из Блэ в Сент его окликнул человек, стоявший перед ничем не примечательным домом: «Что за погода! Гражданин, не хотите зайти переждать грозу?» Господин де Ла Тур дю Пен согласился, сошел с лошади и привязал ее под навесом небольшого сарая, расположенного, к счастью для него, как это будет видно из дальнейшего, совсем рядом с дверью.

«Вы очень рано запрягаете быков», — сказал он старому крестьянину. «Да уж, — ответил тот. — Еще трех часов нет, но я хочу добраться до места рано утром». — «А, так вы едете на ярмарку в Понс, — нашелся с ответом мой муж, — и я тоже еду туда; я еду за зерном для Бордо». С этими словами они вошли в дом. У огня сидел какой-то пожилой человек, как казалось, ожидавший крестьянина. С четверть часа прошло в разговорах о дороговизне зерна и скота. Тут человек, сидевший у огня, вышел из дома и через десять минут вернулся опоясанный трехцветным шарфом. Это был мэр. «У вас, гражданин, без сомнения, есть паспорт?» — спросил он моего мужа. «Да, конечно, — храбро ответил тот, — без этого не ездят». С этими словами он достал негодный паспорт на имя Гуверне, которым он пользовался все лето при переездах из Сент-Андре в Бордо и обратно. «Но, — заявил мэр, осмотрев бумагу, — в вашем паспорте нет визы, чтобы ехать в Нижнюю Шаранту. Останьтесь здесь до утра. Я проконсультируюсь с муниципальным советом». После этого он уселся на прежнее место.

Мой муж почувствовал, что погиб, если не проявит отвагу. Во время этого разговора хозяин дома, которого разговор, по виду, тяготил, подошел к открытой двери и произнес громко, словно бы говоря сам с собой: «А, вот и погода прояснилась!» Мой муж поднялся совершенно спокойно. (В то время, мой милый сын, ваш отец не был еще таким, каким вы его запомнили. Ему было тридцать четыре года, он был очень проворен и в ловкости мог поспорить с самыми умелыми наездниками.) Незаметно, продолжая говорить о том, что гроза утихла, он подошел к двери, оставшейся открытой, протянул руку наружу и отвязал повод своей лошади. Одним прыжком он вскочил на нее, вонзил шпоры ей в бока и был уже далеко к тому моменту, как бедный мэр покинул свое кресло, стоявшее у огня, и добрался до выхода из дома. Правда, паспорт остался у него в руках как залог, но он не стал об этом говорить, что, возможно, было благо-разумно в то время, когда что угодно давало повод для подозрений.

Господин де Ла Тур дю Пен не решился ехать через Понс, где в тот день была ярмарка. Он остановился в Мирамбо, у жившего там прежнего конюха своего отца, в котором он был уверен. Этот человек, по имени Тетар, держал небольшую гостиницу и раз в неделю водил деревенский

дилижанс в Сент. Он предлагал спрятать моего мужа у себя, но у него были маленькие дети, и он боялся, что они проболтаются. Он предложил лучше попросить убежища у его шурина, состоятельного владельца слесарной мастерской, женатого и бездетного. Тот согласился за довольно крупную сумму и после заключения сделки спрятал моего мужа у себя в чулане без окон, сообщающемся со спальней, которая служила также и кухней.

Я после побывала в этой ужасной норе. Один лишь тонкий дощатый пол отделял ее от мастерской, где работали подмастерья и где находились горн и меха. Когда слесарь с женой уходили из своей спальни, они всегда уносили ключ с собой, а мой муж должен был лежать у себя на постели, чтобы не допустить ни малейшего шума. Ему также рекомендовали не зажигать света, опасаясь, что его могут заметить снизу из мастерской. Вечером мастерскую закрывали, и тогда он выходил ужинать с мужем и женой. Конюх часто привозил ему новости, иногда газеты или даже книги, за которыми ездил в Тессон.

Вот так мой бедный муж провел первые три месяца нашей разлуки. Смотритель почтовой станции в Сенте, на преданность которого он мог положиться, не советовал ему ехать в Вандею. Помимо чрезвычайной трудности проезда через линии войск Республики, окружавшие Вандею с юга, настроения роялистов достигли такой степени преувеличения, что человека, остававшегося на службе короля после принятия Конституции — а это был случай господина де Ла Тур дю Пена, — могли и не принять в их ряды. С другой стороны, мой муж мог туда поступить только под вымышленным именем. Открыто примкнув к вандейцам, он подписал бы смертный приговор и своему отцу, и мне.

Глава XIV

I. Неизвестный нахлебник. — Господин Равез. — Замок Буй опечатан. — II. Убежище в Бордо в доме Бони. — «Максимум» и «секционный хлеб». — Вывешивание списков на домах. — Очереди у дверей лавок булочников и мясников. — Аресты англичан и американцев. — «Прекрасная гризетка». — III. Неожиданная протекция. — Госпожа Тальен. — Разговор с Тальеном. — Его обвиняют в том, что он защищает аристократов. — IV. Крестьянин из Сентонжа. — Господин де Ла Тур дю Пен находит убежище в Тессоне. — Новое бегство. — Недолгий приют у почтмейстера Буше. — Возвращение в Тессон. — V. Празднество «Богини Разума» в Бордо. — Господин Мартель в революционном трибунале. — «Карточки безопасности». — Облавы. — Господин де Шамбо. — Оригинальный план бегства. — Госпожа де Морен. — Отличные омлеты.

I

Обыск в Каноле, как я уже сказала, не повредил моему здоровью, а только усилил во мне желание оправиться от родов как можно скорее. Через восемь дней я уже гуляла по саду с моим эскулапом. Там возле изгороди, за которой проходила тропинка между двумя участками, была свалена огромная куча обрезанных виноградных побегов. Мы заметили, что некоторые прутья, опирающиеся на землю, нарочно выдернуты из общей кучи и прислонены к изгороди, а в получившейся таким образом норе земля выглядит недавно истоптанной. Там видны были также остатки хлебных корок, и это навело нас на мысль, что кто-то днем прятался в этой норе и, может быть, страдал от голода. Тогда мы решили принести туда провизии. Вечером мы оставили там изрядно нагруженную тарелку, хлеб и бутылку вина, а назавтра с приходом ночи господин Дюпуи обнаружил бутылку пустой, а провизию съеденной. Мы с живым интересом занимались этими заботами несколько дней. Но прошла неделя, и однажды вечером наша провизия осталась нетронутой. Мы очень опечалились, представляя себе все, что могло случиться с нашим неведомым пансионером.

В скором времени, вполне оправившись, я захотела пойти поблагодарить самую ближнюю мою соседку, с которой я познакомилась до родов и которая проявила ко мне большое сочувствие. Она звалась госпожа Бейермон и жила в хорошеньком домике в пятидесяти шагах от Каноля; однажды вечером я туда пошла. Господин Бейермон, ее муж, был очень

напуган всем тем, что происходило в Бордо. Опасаясь особенно, что в квартале Шартрон, где они жили, вскоре могут устроить так называемую *облаву*, он вместе с женой укрылся в этом уединенном доме. В тот момент, когда я входила в дверь, некий молодой человек, приехавший из Лиона, красноречиво и с жаром что-то говорил. Звук его голоса и очаровательное лицо поразили меня. Я не посмела спросить его имя, поскольку в те смутные времена такой вопрос был бы непростительной нескромностью. Впоследствии я узнала, что это был господин Равез.

Как говорилось выше, нотариус Сюрже подал мемуар в муниципалитет Сент-Андре-де-Кюбзак, доказывая, что поместье Буй было королевским доменом, переданным в обмен. Муниципалитет, чтобы показать себя с лучшей стороны, донес об этом народным представителям, которые немедленно отдали приказ о конфискации. Без всякого уведомления они явились в Буй и наложили там такое множество печатей, что не осталось ни единой неопечатанной двери. Однако одна превосходная девица, которую я оставила в замке, уже успела спрятать самое ценное из белья и вещей, которые там были, и потом отправляла мне их в Бордо каждую неделю небольшими пакетами.

II

К этому времени я начала опасаться, как бы мое продолжительное пребывание у господина де Брукана не привлекло слишком много внимания. Я боялась особенно, чтобы мое присутствие у него в доме не скомпрометировало в конце концов его самого; сам он, как я знала, никогда не пошел бы на то, чтобы дать мне это понять.

Эта ситуация часто бывала предметом моих разговоров с родственником господина де Брукана господином де Шамбо, который сам был под большим подозрением и вынужден скрываться. Он нашел потайное убежище у одного человека, державшего непритязательные меблированные комнаты на площади Пюи-Полен. Этот человек, молодой и деятельный, был вдовцом, единственного ребенка оставил у тещи и жил в своих меблированных комнатах совершенно один, с одним старым слугой. Он занимался делами эмигранта господина де Сансака, которого выдавали за умершего, чтобы его имущество считалось унаследованным его незамужней сестрой. Звали молодого человека Бони, и он изображал из себя бешеного демагога. Он носил грубую меховую куртку, называемую *карманьола*, сабо и саблю, ходил в секцию, в якобинский клуб и обращался ко всем на «ты».

Господин Шамбо поговорил с ним о том, что меня заботило. Я не знала, куда мне укрыться: мой муж был в бегах, отец и свекор в тюрьме, дом

конфискован, а мой единственный друг господин де Брукан находился под домашним арестом. В двадцать четыре года, с двумя маленькими детьми, что ожидало меня?

Бони пришел со мной встретиться в Каноль. Мое печальное положение вызвало у него сочувствие. Он предложил мне укрыться у него. Дом его был пуст, и господин де Брукан советовал мне не отказываться от его предложения, так что я согласилась. Он отвел мне квартиру весьма унылую и обветшалую, с видом на маленький садик. Я поселилась там со своими двумя детьми, их нянькой и моей дорогой Маргаритой, которую по-прежнему терзала лихорадка, и ничто не могло ее исцелить. Моего негра Замора выдали за свободного чернокожего, ожидающего момента, чтобы идти в армию. Мой повар поступил подручным на службу к народным представителям, что не мешало ему жить у Бони и готовить мне обед и ужин. В том же доме занимали комнаты два курьера, возившие депеши в Байонну; они могли оказаться очень полезны в нужный момент. В целом такое положение было не скажу чтобы лучшим, но наименее плохим из возможных.

Расположение квартиры позволяло мне заниматься музыкой, не опасаясь быть услышанной. Поскольку я почти все время была одна, это стало для меня большим развлечением. Я знала одного очень хорошего учителя пения по имени Феррари, итальянца по происхождению, который признался мне, что он агент принцев, и представил к тому доказательства. Он был очень остроумный и оригинальный человек и обладал большим талантом.

Проход в мою комнату, довольно большую, был через что-то вроде дровяного склада, где я распорядилась сложить большой запас дров, доставленных из Буя втайне от зрителей секвестрированного имущества. Дрова эти привозили наши крестьяне, воровавшие их для меня. Одна местная женщина, всецело преданная нашим интересам, занималась посредничеством и приезжала в Бордо дважды в неделю как торговка овощами. Она вела с собой осла, у которого корзины были до половины заполнены одеждой и бельем, а сверху заложены капустой и картофелем. Она очень ловко ухитрялась уверить акцизных чиновников, что это вещи, взятые у врагов народа. Иногда она оставляла им часть вещей, а мне отдавала остальное.

Мой муж находил возможность писать мне каждую неделю, передавая письма с пятнадцатилетним мальчиком, приезжавшим в Бордо. Письмо без адреса прятали в хлеб, который мальчик приносил в меблированные комнаты на Пюи-Полен якобы для кормилицы. Поскольку он приезжал всегда в один и тот же день, повар ждал его в час прилива. Бедный мальчик ничего не знал о подоплеке дела. Ему сказали просто, что в доме живет кормящая женщина, которой врач запретил есть секционный хлеб.

Здесь уместно будет рассказать, что же такое понималось под *секционным хлебом*¹²³.

В тот самый день, когда комиссары вступили в город, был опубликован и вывешен так называемый *максимум*. Это было распоряжение, согласно которому на все съестные припасы любого рода устанавливались очень низкие цены, с запрещением под страхом смерти нарушать установленное. В результате все поступления провизии немедленно прекратились. Торговцы, имевшие у себя зерно, прятали его, чтобы только не продавать дешевле, чем сами купили, и вина за голод, естественное следствие такого прекращения обмена, была возложена на их непатриотичное поведение. Тогда в каждой секции для выпечки хлеба назначили одного или нескольких булочников, и им был дан строгий приказ давать его только тем, у кого есть выданная в секции карточка. Несколько булочников, не желавших подчиниться, были казнены, другие закрыли свои лавки. То же самое было и с мясниками. Было установлено количество мяса, хорошего или плохого, на которое человек имел право, если у него была карточка вроде той, что предназначалась для булочника. Торговцы рыбой, яйцами, фруктами, овощами ушли с рынков. Бакалейщики попрятали свои товары, и фунт кофе или сахара можно было достать только по протекции.

Чтобы избежать мошенничества при выдаче карточек, было приказано на дверях каждого дома вывесить афишу, также выдаваемую в секции, с именами всех живущих в доме. Наверху этого листа бумаги, обведенного трехцветным бордюром, значилось: «*Свобода, равенство, братство или смерть*». Каждый старался написать предусмотренное приказом как можно неразборчивее. Наша афиша была написана преувеличенно изящным почерком и приклеена очень высоко, чтобы прочесть ее было трудно. Многие другие были написаны такими бледными чернилами, что после первого дождя делались нечитаемыми. Карточки на хлеб были индивидуальными, но разрешалось одному человеку приходить в лавку с карточками на весь дом. Мужчины получали фунт хлеба, дети до десяти лет только полфунта. Кормящие имели право на два фунта, и эта привилегия, которой я пользовалась, увеличивала порцию моего бедного Замора. Трудно поверить в такую степень абсурдности и жестокости, а главное, в то, что целый город покорно подчинился такому режиму.

Секционный хлеб, приготовленный из смеси разных сортов муки, был черный и липкий; теперь не всякий стал бы такой давать даже собакам. Его выдавали сразу из печи, и все выстраивались за ним в *хвост*, как это называлось. Удивительно, однако, что народ находил своеобразное удовольствие в этом общем собрании. Все жили в таком ужасе, что едва осмеливались обменяться парой слов, встретившись на улице, а этот *хвост* представлял собой, можно сказать, разрешенное собрание, где дрожащие

от страха люди могли поговорить с соседями или узнать новости, избегая неосторожных вопросов.

Другая характерная черта французов — их способность с легкостью подчиняться любой власти. Вот так, когда перед мясной лавкой собирались две или три сотни человек, ожидающих каждый своего фунта мяса, их ряды безропотно раздавались, чтобы пропустить людей, уносящих прекрасные аппетитные куски к столу народных представителей, в то время как большинство из этой толпы могло рассчитывать лишь на отбросы. Мой повар, которому иногда поручалось ходить за провизией для этих негодяев, говорил мне вечером, что не понимает, как это его не убили. Та же картина была и у булочника, и, хотя завистливые взгляды и провожали корзину с белыми булочками, предназначенными нашим господам, ни одной жалобы, по крайней мере, не раздавалось.

Я уже не помню, вследствие каких политических обстоятельств однажды были арестованы все английские и американские негодяи, жившие в Бордо. Их заключили в тюрьму, как и всех подданных этих двух стран, рабочих, слуг и прочих, кого удалось захватить. Эта мера заставила меня опасаться быть принятой за англичанку, как это часто со мной бывало прежде. Бони очень серьезно встревожился и посоветовал мне больше не выходить днем в шляпке, а одеваться, как местные девушки в Бордо. Эта идея переодевания мне понравилась. Я заказала себе кофточки с корсажами, которые шли к моей талии, очень тогда стройной; в сочетании с красным платком на голову и на шею они настолько полно меня преображали, что я встречала знакомых людей и оставалась неузнанной. Так я стала смелее ходить по улицам.

Господина де Брукана, по-прежнему остававшегося под домашним арестом, очень забавляли дерзкие замечания, которые отпускали его двадцать пять охранников по поводу ежедневных визитов к нему *прекрасной гризетки*.

III

Тем не менее мое положение в Бордо становилось день ото дня все опаснее, и я сегодня не могу понять, как я тогда избежала гибели. Мне советовали попытаться добиться снятия секвестра с Буя, но любое объявление моего существования казалось мне слишком опасным, и я пребывала в самой прискорбной нерешительности, когда Провидение послало мне особую протекцию.

В Бордо приехала госпожа де Фонтене, называвшаяся тогда гражданкой *Терезией Кабаррюс*¹²⁴. За четыре года до того я однажды встречалась с ней в Париже. Жена Шарля де Ламета, с которой они вместе

воспитывались в монастыре, показала мне ее как-то вечером на выходе из театра. Мне она тогда показалась четырнадцатилетней и в памяти у меня осталась как девочка. Говорили, что она развелась, чтобы сохранить свое состояние, но это было скорее для того, чтобы воспользоваться и даже злоупотреблять своей свободой. На водах в Пиренеях она познакомилась с Тальеном, тот оказал ей не знаю уж какую услугу, и она вознаградила его безграничной преданностью, которую даже не пыталась скрывать. Приехав к нему в Бордо, она поселилась в Английском доме.

Через день после того, как она там поселилась, я написала ей следующую записку: «Женщина, встречавшаяся в Париже с госпожой де Фонтене и знающая, что она столь же добра, сколь и прекрасна, просит ее о краткой беседе». Она устно ответила, что эта дама может прийти, когда захочет. Полчаса спустя я была у ее двери. Когда я вошла, она подошла ко мне и, посмотрев мне в лицо, воскликнула: «Боже мой! Госпожа де Гуверне!» Потом, порывисто обняв меня, она предложила себя *к моим услугам* — таково было ее выражение. Я рассказала ей о своем положении. Она сочла его еще более опасным, чем я думала, и заявила, что мне надо бежать, что она не видит другого средства спасти меня. Я ответила ей, что не смогу решиться уехать без мужа, а кроме того, опасаясь пожертвовать безвозвратно состоянием моих детей, если оно будет оставлено на произвол судьбы. Она мне сказала: «Повидайтесь с Тальеном. Он вам скажет, что надо делать. Вы будете в безопасности, как только он узнает, что вы здесь для меня представляете первейший интерес». Я решила просить его о снятии секвестра с Буя от имени моих детей и о разрешении мне уехать туда с ними. После этого я ушла от нее, уверенная в том сочувствии, которое она ко мне проявила, и спрашивая себя, почему она его испытывает.

Госпоже де Фонтене тогда не исполнилось еще двадцати лет. Ни одно человеческое существо не выходило из рук Создателя столь прекрасным. Это была совершеннейшая женщина. Все ее черты носили отпечаток превосходной художественной правильности. Ее волосы цвета черного дерева казались созданными из тончайшего шелка, и никакой изъян не портил ее прекрасного лица, отличавшегося несравненной ровной белизной. Очаровательная улыбка открывала восхитительные зубы. Высокий рост напоминал о Диане-охотнице. Малейшее ее движение отличалось несравненной грацией. Что до ее голоса, гармонического, с легким иностранным акцентом, то его очарование не в силах выразить никакие слова. Делалось больно при мысли, что столько молодости, красоты, грации и ума досталось в обладание человеку, который каждое утро подписывал смертные приговоры ни в чем не повинным людям.

На следующее утро я получила от госпожи де Фонтене такое короткое послание: «Нынче вечером, в 10 часов». Я провела весь день в неопишуе-

мом возбуждении. Улучшила ли я свое положение? Или я себя погубила? Должна ли я готовиться к смерти? Следует ли мне немедленно бежать? Все эти вопросы теснились у меня в голове, вызывая ужасное смятение. А бедные мои дети? Что станет с ними без меня и без их отца? Наконец Господь сжалился надо мной. Я набралась смелости и в 9 часов взяла под руку господина де Шамбо, встревоженного еще более меня, хотя он и не смел мне это показать. Он довел меня до двери госпожи де Фонтене и обещал прогуливаться по бульвару, пока я оттуда не выйду.

Я поднялась в дом. Тальен еще не приходил. Ожидание было мучительным. Госпожа де Фонтене не могла со мной разговаривать. У нее было несколько человек, мне не знакомых. Наконец послышался шум *экипажа*, и ошибиться было невозможно, поскольку только этот экипаж разъезжал в такое время в этом большом городе.

Госпожа де Фонтене вышла, спустя некоторое время вернулась и, взяв меня за руку, произнесла: «Он вас ждет». Если бы она мне объявила, что там меня ждет палач, я бы чувствовала то же самое. Она открыла дверь в небольшой коридор, в конце которого я увидела освещенную комнату. Ноги мои пристыли к паркету, и это не фигуральное выражение. Невольно я остановилась. Госпожа де Фонтене подтолкнула меня в спину и сказала: «Давайте же! Не будьте ребенком!» Потом она повернулась и ушла, закрыв за собой дверь. Мне пришлось идти вперед. Я не смела поднять глаз. Все же я дошла до угла камина, на котором стояли две зажженные свечи. Без опоры на мраморный камин я бы упала. Тальен стоял, опираясь на другой угол. Тут он сказал мне довольно мягким голосом: «Чего вы от меня хотите?» Я пробормотала свою просьбу насчет отъезда в наше поместье в Буй и насчет снятия секвестра, наложенного по ошибке на имущество моего свекра, у которого я жила. Он мне резко ответил, что это его не касается. Потом, оборвав свою речь, произнес: «Но вы, значит, невестка того, у которого была очная ставка с женщиной Капет?.. А отец у вас есть?.. Как его зовут?.. А! Диллон, генерал?.. Всем этим врагам Республики одна дорога», — добавил он, делая при этом знак рукой, словно отрезая голову. Негодование овладело мной и возвратило мне всю мою смелость. Я отважно подняла глаза на это чудовище. Перед собой я увидела человека двадцати пяти — двадцати шести лет, с красивым лицом, которому он старался придать суровое выражение. Густые светлые кудри выбивались со всех сторон из-под большой шляпы военного образца, крытой вошеной тканью и увенчанной трехцветным султаном. Одет он был в длинный узкий редингот из грубого синего сукна, поверх которого висела на перевязи сабля, а крест-накрест с ней был надет длинный шелковый трехцветный шарф.

«Я пришла сюда, гражданин, — сказала я ему, — не для того, чтобы выслушать смертный приговор моим родным, и, поскольку вы не удовлетворите мою просьбу, мне не следует более докучать вам». При этом

я поприветствовала его легким кивком. Он улыбнулся, словно говоря: «Вы очень отважны, что так со мной говорите». Потом я вышла в ту же дверь, через которую он вошел, не возвращаясь обратно в гостиную.

Вернувшись к себе, я считала свое положение скорее ухудшившимся, чем улучшившимся. Гибель моя казалась мне неотвратимой, раз Тальен меня не защитит. Госпожа де Фонтене, однако же, констатировала, что я произвела хорошее впечатление на Тальена, и не отчаивалась так легко. Она затеяла с ним ссору, виня его в том, что он недостаточно хорошо со мной обошелся, и сказала ему, что я решила больше к ней не ходить, опасаясь встретить его там. Тогда он обещал, что я не буду арестована, но в то же время сказал госпоже де Фонтене, что, по его сведениям, его коллега Изабо доносит на него в Комитет общественного спасения в Париж как на умеренного и защитника аристократов.

IV

В середине зимы слесарь, у которого прятался мой муж, приехал в Бордо, чтобы купить железа. Он приходил ко мне, и я засвидетельствовала ему мою благодарность и доверие. Я показала ему своих детей, чтобы он смог сказать их отцу, что нашел их здоровыми. Это был добрый сентонжский крестьянин, человек простой, невежественный, ничего не понимающий в положении в стране и не понимающий, почему у себя в Мирамбо он ест прекрасный белый хлеб, а в Бордо нынче утром ему дали хлеб такой черный, что собака его от такого бы отказалась. Он удивлялся, что вместо добрых луидоров, которые были у него в сундуке, с него за покупку железа требуют одну только бумагу, и не мог понять, для чего на продовольствие установлена фиксированная цена. Ожидая времени прилива, чтобы вернуться в Блэ, он гулял по Бордо и, на несчастье, оказался на площади Дофин, где совершались казни. На роковую лестницу поднималась дама. Он спросил, каково ее преступление. «Это аристократка», — отвечали ему. Это превосходное основание, которого он не понимал, показалось ему достаточным. Но вскоре он увидел, что к той же участи приговорен крестьянин, такой же, как он сам. Весь дрожа, он снова спросил: «А этот что сделал?» Ему объяснили, что этот человек дал приют дворянину и за одно это приговорен к смерти вместе с ним.

Тут в судьбе этого несчастного он увидел судьбу, которая ожидает его самого. Он позабыл, что привело его в Бордо, ушел из города пешком, вернулся к себе домой ночью и объявил моему мужу, что не может ни часа более оставлять его у себя, что жизнь его и его жены поставлена на карту. Он побежал разбудить своего деверя-конюха, которому не удалось его переубедить. Тот, видя, что его родственник совершенно потерял голову, и сам

слыхав днем, что гильотина собирается в так называемое *патриотическое путешествие* и через несколько дней прибудет в Мирамбо, решился действовать. Он запряг лошадь в телегу, набросал туда соломы, спрятал под ней моего мужа и окольными путями поехал в Тессон, тот замок моего свекра, который был опечатан, но консьерж Грегуар и его жена знали туда тайной вход. Одно из окон домика, который они занимали, выходило на дорогу. Конюх постучал в ставни. Было еще темно. Мой муж влез в окно, и эти храбрые люди, полностью ему преданные, встретили его с радостью. Они поместили его в комнате, примыкающей к их спальне и имеющей с ней общий камин. Это позволяло топить весь день, не привлекая внимания извне. Муж мой, который всегда мерз, очень оценил такое расположение.

В Тессоне была хорошая библиотека, опись которой еще не была составлена, как и опись всего движимого имущества в замке. Опечатаны были только наружные двери, так что внутри замка можно было ходить повсюду, если только не открывать жалюзи. Таким образом, господин де Ла Тур дю Пен имел сколько угодно книг. Он даже нашел возможность забрать оттуда бумаги и старые письма своего отца, публикация которых могла бы иметь неприятные последствия. Однако безмятежно наслаждаться этим относительно приятным убежищем ему было не суждено.

Через семь или восемь дней в муниципалитет Тессона пришел приказ сделать опись всего имущества, находящегося в замке, который был довольно велик и превосходно обставлен. Отец господина де Ла Тур дю Пена унаследовал его от господина де Монконсея, своего тестя, который прожил там сорок лет и принес туда всё благородное великолепие и роскошную элегантность царствования Людовика XIV. Составление описи должно было продлиться два дня, и, поскольку расположение комнат было хорошо известно местным жителям, нельзя было надеяться, что что-нибудь будет упущено или что малейший закоулок останется неосмотренным.

Грегуар не стал скрывать от несчастного изгнанника своих опасений. Он заявил ему, что не знает места, где мог бы его спрятать, и не знает никого в деревне или в окрестностях, кто согласился бы его принять. С обоюдного согласия они решили, что Грегуар отправится в Сент к смотрителю почтовой станции Буше, бывшему берейтору госпожи де Монконсей, который был очень привязан к моему мужу, поскольку знал его еще маленьким в доме у его деда, и попросит его либо принять беглеца у себя, либо переправить его в восставшие департаменты.

Грегуар ушел рано утром пешком, в ужасное ненастье, хотя ему было уже за семьдесят. Буше он не нашел. Тот был все время в дороге, поскольку водил обозы армии, собиравшейся против вандейцев. Но его сестра, также преданная нашим интересам, согласилась принять у себя моего мужа и спрятать его на время отсутствия своего брата, хотя и понимала,

что речь идет о жизни и состоянии их обоих. Грегуар, даже не передохнув, вернулся в Тессон и ночью вместе с моим мужем снова отправился в Сент; этот городок не был обнесен стеной, и туда можно было проникнуть по тропинкам, известным Грегуару.

Я не сказала еще, что, пока мой муж находился в Мирамбо, я прислала ему полный костюм революционера, наполовину крестьянина; вырядившись в него, он сам себя не узнавал.

Мадемуазель Буше приняла его очень хорошо, но с преувеличенными предосторожностями, из чего он сделал вывод, что она была бы рада, чтобы он как можно меньше времени оставался в этом доме. Грегуар вернулся в Тессон. Он мне потом часто повторял, что никогда в жизни не испытывал такой усталости и что в конце своего четвертого путешествия среди зимы, в ненастную погоду и по почти непроходимой дороге, он думал, что на дороге и умрет.

Опись в замке Тессон закончилась через три дня, со всеми строгостями, которые предвидел Грегуар, и всё на некоторое время успокоилось. Наутро четвертого дня мадемуазель Буше вошла совершенно растерянная в комнату, где она спрятала моего мужа, и сообщила ему, что брат ее приедет нынче вечером, а с ним приедут генералы и их штабы, так что все комнаты в доме будут заняты и она не может более оставить его у себя. В Сенте он не знал никого, кто пожелал бы дать ему убежище, и только немедленное бегство, по ее словам, могло обеспечить ему спасение. Господин де Ла Тур дю Пен понял, что бедная женщина ужасно напугана и хотела бы любой ценой освободиться от столь неудобного постояльца. Ему ничего не оставалось, как безропотно принять свою несчастную участь, и с наступлением темноты он ушел один. Дорога была ему хорошо знакома, но на подходе к Тессону он решил пойти по тропинке через парк, чтобы обойти стороной деревню. Ночь была такая темная, что он ошибся дорогой, и вскоре лай собак известил его, что он оказался на площади перед церковью. Чтобы выйти на подъездную дорогу к замку, ему надо было найти доску, перекинутую через ров у начала этой дороги, и, пока он наощупь искал ее, шум всполошил всех деревенских собак. Он уже слышал, как кое-где открываются ставни, чьи-то голоса зовут собак, спрашивают: «Кто там?», но тут он нашел переход. Он торопливо удалился, и вновь настала тишина. Потом он подобрался к окну Грегуара, который был рад его принять и поместил его обратно в ту комнату, которую он занимал раньше. В течение двух месяцев он жил там, часто получая от меня весточки в письмах, которые я посылала Грегуару. Что весьма удивительно для той эпохи, не было слышно, чтобы на почте нарушали тайну переписки или чтобы письма не доходили до адресата. Я в Бордо часто получала письма от госпожи де Валанс, находившейся тогда в заключении в Париже; в них она мне пересказывала все сплетни той тюрьмы, где ее держали.

Тем временем в Бордо Террор достиг своего апогея. Госпожа де Фонтене начинала уже беспокоиться за себя и опасаться, как бы Тальена не отозвали из-за доносов Изабо. Я разделяла ее тревогу — если бы ее опасения оправдались, мы бы обе погибли. Незадолго до того в один момент были уничтожены все драгоценные вещи, которыми обладали городские церкви, и это уничтожение ознаменовалось отвратительной процессией. В самые прекрасные уборы, найденные в ризницах кафедрального собора, Сен-Серен и Сен-Мишель — в этих старинных церквях, ровесниках города, со времен Галлиена сохранялись самые редкие и драгоценные предметы, — обрядили собранных отовсюду публичных девок и негодяев. Эти мерзавцы прошли по набережным и главным улицам. На телегах везли то, что они не смогли надеть на себя. Так они дошли, предшествуемые *Богиней Разума*, которую представляла не знаю уж какая мерзкая тварь, до площади Комедии и там сожгли все эти великолепные украшения на огромном костре. И каков же был мой ужас, когда в тот же вечер госпожа де Фонтене рассказала мне как ни в чем не бывало: «А вы знаете, что Тальен мне нынче утром говорил, что из вас получилась бы прекрасная богиня Разума?» Я с омерзением ответила ей, что предпочла бы умереть, на что она пожала плечами в сильном удивлении.

Эта женщина была однако же очень добра, и у меня были случаи в этом убедиться. Однажды вечером я нашла ее одну в чрезвычайном смятении и возбуждении. Она ходила по комнате, вздрагивая от малейшего звука. Она мне сказала, что господин Мартель, негоциант из Коньяка, жену и детей которого она очень любила, был отдан под трибунал, выносивший смертные приговоры, и, хотя Тальен ей обещал и головой своей клялся его спасти, она боялась Изабо, который хотел его погубить. Наконец, спустя час, прошедший в почти что судорожном нетерпении, которым в конце концов заразилась от нее и я, мы услышали, как кто-то приближается бегом. Смертная бледность залила ее лицо. Дверь открылась, и задыхающийся человек произнес: «Он оправдан!» Это был Александр, прежде секретарь господина де Нарбонна, а теперь секретарь Тальена. Тут, схватив меня за руку, она потащила меня за собой на лестницу, не взяв ни шляпки, ни шали. Мы выбежали на улицу, и она даже не сказала мне, куда мы направляемся с такой поспешностью; мы шли так быстро, что задыхались. Мы пришли к незнакомому мне дому, и она бросилась туда, как безумная, крича: «Он оправдан!» Я последовала за ней в гостиную, где женщина лежала на канapé, как мертвая, в окружении двух или трех девушек. От этого крика она очнулась и бросилась наземь, припадая к коленям госпожи де Фонтене и целуя ее ноги; девушки цеплялись за ее платье. Никогда столь патетическая сцена не представлялась моему взгляду. Рассказывая о том,

что господин Мартель должен предстать перед революционным трибуналом, его шурин за час до того говорил мне, как настоящий негоциант: «Я бы не застраховал его и за 90 процентов!»

Идя вечером к госпоже де Фонтене, я брала под руку своего негра, потому что у него была карточка безопасности, а после определенного часа — кажется, после 7 часов — каждый встречный патруль имел право потребовать у вас предъявить ее. Я сама теперь выходила только в темноте, чтобы избежать опасности, которой подвергали меня английская внешность и осанка. Однажды вечером я прогуливалась с господином Броньяром, знаменитым парижским архитектором, который устроил себе вызов в Бордо для строительства театральной залы. Хотя я была с ним хорошо знакома, он никогда не приходил ко мне, как, впрочем, и мой итальянский учитель, до наступления темноты. И вот в тот вечер, когда мы с господином Броньяром проходили по Паве-де-Шартрон, весьма далеко от моего жилища, он вдруг воскликнул, шаря у себя в карманах: «Ах! Я забыл свою карточку безопасности!» Меня охватил страх, что мы встретимся с патрулем, и я отпустила его руку, чтобы возвращаться к себе. «Вас же примут, — сказал он со смехом, — за...» Но ничто не могло меня успокоить, и ему пришлось удовольствоваться тем, чтобы следовать за мной в отдалении, посмеиваясь над моими страхами. Об этих мелких подробностях я рассказываю, чтобы показать, как удалось всех обработать и приучить к соблюдению установлений Террора.

К счастью, в нашем неприметном доме табльдота не держали, иначе мы бы рисковали попасть в *облаву* — такого рода операции тогда практиковались, как я уже говорила. Такая неприятность случилась с господином де Шамбо, когда он навещал одного из своих друзей. Когда он пришел в отель, где этот друг жил, там за столом собралось двадцать семь человек. Среди них находился один, которого хотели арестовать. Поскольку его не знали в лицо, полицейские агенты вошли, затворили двери, вызвали фиакры, погрузили в них по шестеро в каждый всех, кто находился в доме, и отвезли в форт А¹²⁵. Господин де Шамбо оставался там двадцать восемь дней под стражей, в постоянной тревоге. Двоих из его соседей по камере, с которыми он не был знаком, увели однажды утром на допрос, и больше они не вернулись, из чего он заключил, что они взошли на эшафот. Сам он ждал смерти каждый день. К счастью, никто его не опознал. По прошествии двадцати восьми дней к нему в камеру вошли и сказали: «Можете выходить, если хотите». Можно догадаться, захотел ли он.

Феррари был, как положено итальянцу, чрезвычайным трусом, хотя у него и были хорошо спрятанные и зашитые за подкладку сюртука бумаги, аккредитующие его как тайного агента регента, будущего Людовика XVIII. Он был настолько ловок, что сумел втереться даже к народным представителям. Там он часто говорил о том, что ему необходимо

вернуться в Италию *вместе со своей дочерью*. Действительно, среди прочих способов выбраться из Франции, которые мы с ним придумывали, мы составили план взять паспорт для отъезда в Тулузу ему и мне, с моим мужем в качестве слуги. Я должна была выдавать себя за его дочь, овдовевшую и везущую своих детей в семью мужа, в Италию. В главных городах по пути, таких как Тулуза и Марсель, мы бы давали концерты. Я пела достаточно хорошо, чтобы суметь сойти за певицу, не вызывая возражений. Каждый день мы репетировали разные отрывки, которые предполагали исполнять; из их числа мне особенно запомнился один дуэт Паизиелло, *Nei giorni tuoi felici**, который, по нашему мнению, должен был иметь большой успех.

Нашим аккомпаниатором на этих репетициях был один талантливый молодой человек, господин де Морен. Он прежде играл заметную роль в той ассоциации молодых людей Бордо, которая столь посредственно себя показала, и был из-за этого сильно скомпрометирован. Он никогда не ночевал две ночи подряд в одном месте. Выходил он только после наступления темноты, старательно избегая патрулей, потому что карточки безопасности у него не было. Я подозреваю, хотя я его об этом и не спрашивала, что иногда он ночевал у нас в доме. Когда днем он находил приют в каком-нибудь доме, где провизии не хватало, он вечером приходил ко мне, умирая от голода. Я ему отдавала остатки моего обеда и моего белого хлеба из Сентонжа, а часто еще и яйца, которые у меня всегда были, поскольку мне их доставляли крестьяне из Буя. С трюфелями, которые мой повар брал из запасов с кухни народных представителей, из этих яиц получались отличные омлеты. В нашем убежище это было постоянным предметом шуток и смеха.

Действительно, надо было быть молодыми и французами по крови, чтобы сохранять веселость, когда к горлу приставлен нож, как было у нас у всех, и в такое время, когда при прощании никто не смел сказать «До завтра!» иначе как с оговорками.

* В твои счастливые дни.

Глава XV

I. Внушающее опасения положение госпожи де Ла Тур дю Пен в Бордо и ее мужа в Тессоне. — Свидетельства проживания за подписями девяти свидетелей. — «Очаровательная кормилица». — Избегнутая опасность опознания. — II. Как госпожа де Ла Тур дю Пен решила уехать в Америку. — Американское судно «Диана». — Опасная миссия. — Приготовления к отъезду. — III. Завтрак в Каноле. — Нежданный визит. — Под руку с Тальеном. — Часы господина Сэжа. — IV. Паспорт гражданина Латура. — Тревожное ожидание. — Санкюлот Бони в Тессоне. — Возвращение. — Встреча. — Как господин де Ла Тур дю Пен добрался из Тессона в Бордо.

I

Тем временем ситуация становилась час от часу тревожнее. Ни дня не проходило без казней. Я жила достаточно близко от площади Дофин, чтобы слышать барабанный бой, которым отмечалась каждая упавшая голова. Я могла их сосчитать еще до того, как вечерняя газета сообщала мне имена жертв. Сад, в который выходило окно моей комнаты, другой стороной примыкал к саду бывшей церкви, где обосновался клуб *Друзей народа*, и, когда вечернее заседание бывало бурным, крики, аплодисменты и брань собиравшихся там негодяев долетали до меня.

Известия, которые я получала от моего мужа, рисовали мне его положение в Тессоне как очень небезопасное. В любой момент Грегуару угрожало размещение в замке войск, военного госпиталя или иного подобного учреждения, что заставило бы моего мужа снова спасаться бегством. О том, чтобы вызвать его ко мне в Бордо, нельзя было и думать из-за той девицы, которая ухаживала за моим ребенком. Дюпуи вновь передал мне из своего убежища, чтобы я ее остерегалась. Однако же я не смела прогнать ее, опасаясь худшего.

Одно последнее обстоятельство показало мне, что я не так неизвестна в Бордо, как надеялась. Мой поверенный в делах написал мне из Парижа, что недавно введен в действие закон об *удостоверениях жительства* за подписью девяти свидетелей, которые надо было возобновлять каждые три месяца под страхом конфискации собственности, принадлежащей вам в коммунах, где вы не проживали. У меня был дом в Париже, занимаемый шведским посольством, и государственные ренты, которые уже были

урезаны на треть. Мне, таким образом, надо было сходить за этим удостоверением. Бони взял на себя труд собрать девять свидетелей, из которых ни один в жизни меня не видел, но они поверили ему на слово. Все вместе мы утром пошли в муниципалитет; в залу, где находилось около дюжины служащих, все в красных колпаках, я зашла с величайшим отвращением. Я села у огня, пока Бони занимался составлением акта и проставлением подписей свидетелей. Он попросил, чтобы меня не заставляли ждать, потому что я *кормящая*, и человеколюбие этих кровопийц было тронутو этим обстоятельством. Один из них даже бросился к моим ногам и, силой сняв с меня деревянные сабо, насыпал туда теплой золы, что было любезностью, принятой в Бордо среди простонародья. Потом, подойдя к шкафу, он вытащил оттуда хорошенькую белую булочку и вручил мне, назвав меня *милой кормилицей*. Взгляд, брошенный Бони, дал мне понять, что я не должна отказываться. Я взяла булочку со стыдом, потому что увидела по другую сторону от печи бедную старую даму, закутанную в светло-голубую атласную накидку с оторочкой из лебяжьего пуха; она ждала, может быть, уже два часа, не завтракав, и наверняка проклинала молодую гризетку с ее кокетливым полушелковым платком, завязанным возле уха, красной кофточкой, короткой юбкой и сабо. Наконец настал момент подписывать мне, и муниципальный служащий с удивившим меня почтением уступил мне свой стул, чтобы я села писать. Затем, к моему большому огорчению, удостоверение было прочитано вслух с начала до конца, и, когда прозвучало имя Диллон, один из этих мерзавцев прервал читающего со словами: «А! Так гражданка, видимо, сестра или племянница всех этих эмигрантов с той же фамилией, которые числятся у нас в списке?» Я собиралась уже ответить, что нет, когда начальник бюро резко произнес: «Ты сам не знаешь, что говоришь. Она им даже не родственница». Я посмотрела на него с удивлением, а он, передавая перо для подписи, сказал мне тихо: «Вы племянница архиепископа Нарбоннского. Я сам из Сореза»¹²⁶. Я поблагодарила его легким наклоном головы, но подумала, уходя, что мне надо уезжать из Бордо, раз меня там так хорошо знают.

II

Я была доведена до крайности. Я видела, что Бони беспокоится о моей участи. Несколько способов бежать были признаны невозможными. Каждый день казнили людей, которые полагали себя в безопасности. Несчастные молодые люди из Ассоциации все до последнего были арестованы или выданы один за другим, а затем казнены без суда сразу же после установления личности, поскольку все они скопом были поставлены вне закона. Я проводила ночи без сна, думая при каждом шуме, что это пришли

меня арестовать. Из дома выходить я больше почти не решалась. У меня пропадало молоко, и я боялась заболеть в момент, когда мне как никогда нужно было здоровье, чтобы суметь действовать, если это окажется необходимо. И наконец, однажды утром, придя к господину де Брукану, оставшемуся по-прежнему под домашним арестом, я стояла в задумчивости, опершись на стол, как вдруг взгляд мой упал машинально на развернутую утреннюю газету. Там, в разделе коммерческих новостей, я прочла: «Судно „Диана“ из Бостона, водоизмещением 150 тонн, отчалит через восемь дней без груза, с одним балластом, с разрешения военно-морского министерства». В то время в порту стояло восемьдесят американских кораблей, гнивших там уже год, не имея возможности получить разрешение поднять паруса. Не говоря ни слова, я тут же выпрямилась и собиралась выйти, когда господин де Брукан, что-то писавший, поднял глаза и спросил меня: «Куда же вы так быстро?» — «Я еду в Америку», — отвечала я и вышла.

Я тут же отправилась напрямик к госпоже де Фонтене и сообщила ей о своем решении. Она одобрила его, тем более что у нее были плохие новости из Парижа. На Тальена донес туда его коллега, и его могли отозвать в любой момент. Эта вероятная отставка стала бы, по ее мнению, сигналом к усилению жестокостей в Бордо, и она сама не желала оставаться в городе, если Тальен уедет. Таким образом, нельзя было терять ни минуты, если мы желаем спастись.

Я вернулась к себе, вызвала Бони и сказала ему, что мне надо найти человека, в котором он был бы уверен, чтобы съездить за моим мужем. Он не колебался ни минуты. «Поручение это опасное, — сказал он. — Я знаю лишь одного человека, который мог бы за него взяться, и этот человек я сам». Он ручался мне в успехе, и я доверилась его рвению и уму. Он рисковал своей жизнью, которая оказалась бы под угрозой, как и жизнь моего мужа, если бы их обнаружили; но, поскольку в этом случае и мою жизнь не пощадили бы, я не испытывала никаких угрызений совести, принимая его предложение.

Я не стала терять ни минуты. Я пошла к одному старому арматору¹²⁷, другу моего отца, который был также посредником по фрахту. Он был мне очень предан и взялся договориться о месте на «Диане» для меня, моего мужа и наших двоих детей. Я хотела бы взять с собой свою служанку Маргариту, но у нее уже шесть месяцев была трехдневная лихорадка, и никакие лекарства не помогали от нее избавиться. Я боялась, как бы путешествие по морю в такое неподходящее время — это были последние дни февраля — не оказалось для нее роковым. Кроме того, каково бы пришлось ей, уже немолодой и привычной к удобствам даже более, чем я, в стране, языка которой она не знала! Поэтому я решила ехать без нее. Когда я вернулась к господину де Брукану, уже все устроив, он чрезвычайно удивился. Он сказал мне, что ему только что вернули свободу

по приказу из Парижа и он сам рассчитывает уехать через несколько дней. Он предложил мне назавтра отправиться завтракать в Каноль, куда он сам не возвращался со времени обыска.

Вернувшись снова к себе, я доверилась моему доброму Замору, потому что самым трудным было суметь упаковать наши вещи незаметно от служанки, которая сразу донесла бы на нас в секцию. Она спала вместе с моей девочкой, которой тогда было около шести месяцев, в длинной комнате со шкафами, где я сложила под замком все вещи, которые мне присылали из Буя, и те, которые я сама привезла оттуда, когда приехала поселиться в Каноле. Эта комната имела с одной стороны дверь в мою спальню, а с другой — в спальню Маргариты. Из этой последней был выход на лестницу, ведущую в погреб. Бони, как всегда предусмотрительный, ничего мне не говоря, давно уже устроил так, чтобы я могла, если бы пришли меня арестовывать, спуститься в этот погреб, заставленный старыми ящиками, и спрятаться там на несколько часов. К счастью, опасаясь служанки, я всегда держала все шкафы закрытыми. Так что я договорилась с Замором, что назавтра, пока я буду в Каноле, куда заберу с собой служанку и детей, он достанет все вещи и снесет их по лестнице в погреб, чтобы упаковать в находящиеся там ящики. Я ему рекомендовала следить, чтобы нигде не обронить ни одной нитки, иначе это могло бы выдать, что шкафы недавно открывали. Он исполнил всю эту операцию со всегдашней своей разумностью.

III

Назавтра я отправилась в сопровождении господина де Шамбо завтракать в Каноле у господина де Брукана. Когда мы все трое сидели за столом, дверь в сад отворилась, и мы увидели госпожу де Фонтене под руку с Тальеном. Я очень удивилась, ведь она не сказала мне о своем плане. Брукан был ошеломлен, но быстро пришел в себя. Что до меня, я старалась преодолеть волнение, еще более усилившееся при виде человека, вошедшего вместе с Тальеном, позади него. Он приложил палец к губам, глядя на меня, и я отвела глаза. Это был господин де Жюмилляк, которого я хорошо знала; скрываясь в Бордо я уж не знаю под каким именем в качестве служащего, он сопровождал комиссара. Тальен, вежливо поприветствовав Брукана и извинившись, что позволил себе пройти через его сад по пути к дому шведского консула, подошел ко мне с предупредительностью старых придворных и самым любезным образом сказал: «Мадам, говорят, что я могу сегодня загладить нанесенные мною вам обиды, и я совершенно расположен это сделать». Тут я позволила себе смягчиться и, оставив принятый поначалу холодный высокомерный тон, объяснила ему тоном

приемлемо вежливым, что у меня есть денежные дела на Мартинике — это было почти правдой — и я хотела бы туда поехать, чтобы заниматься ими, и что я прошу у него паспорт для себя, своего мужа и детей. Он спросил: «Но где же ваш муж?» На что я ответила со смехом: «С вашего разрешения, гражданин комиссар, я вам этого не скажу». — «Ну, как хотите», — вежливо отвечал он. Чудовище вело себя мило. Его прекрасная любовница пригрозила ему, что больше не станет с ним встречаться, если он меня не спасет, и эти слова обуздали на время его жестокость.

После нескольких минут разговора зашла речь о том, чтобы пойти к шведскому консулу господину Вангеймерту. Господин де Брукан предложил пройти через небольшую песчаную пустошь, разделявшую два участка. Он послал человека предупредить консула. Я извинилась и сказала, что не пойду, под тем предлогом, что мне надо было заняться ребенком, которого служанка принесла в Каноль. Но госпожа де Фонтене, не сводя с меня своих больших черных глаз, сказала мне: «Идите же!», и я поняла с ужасом, что должно произойти. Она сама взяла под руку де Брукана, а Тальен подал руку мне!.. Не могу выразить, что я испытала в этот момент. Я и теперь, спустя пятьдесят лет, дрожу, когда пишу эти строки. Если бы под угрозой была одна моя жизнь, если бы жизнь моего мужа не зависела от того, откажусь ли я или приму эту предложенную мне руку, я бы ее оттолкнула. Сделав над собой усилие, я ее приняла и воспользовалась этим моментом, чтобы окончательно устроить свое дело. После того я стала говорить с ним о гражданке Терезии Кабаррюс — так он ее называл. Но вот вам непоследовательность человеческого ума! Я поостереглась говорить ему, что она, будучи женой советника Парламента, не принадлежала к категории лиц, представленных той королеве, которую он и его сподвижники только недавно сгубили на эшафоте; это ему не понравилось бы.

Бедный господин Вангеймерт и его очаровательная дочь, которая потом стала госпожой Бетманн и жила во Франкфурте, были ни живы ни мертвы от этого *любезного визита* комиссара. Однако они хорошо держались, только красивый цвет лица мадемуазель Вангеймерт уступил место смертельной бледности. Я очень старалась не создать у нее впечатления, что я *принадлежу к обществу* Тальена, и едва улучила момент шепнуть ей словечко, чтобы объясниться по этому поводу. Все прошли в бильярдную, где Тальен сыграл две или три партии, из которых одну с бедным Бруканом, который промахивался на каждом ударе, хотя был очень хорошим игроком.

Наконец Тальен объявил, что у него назначена встреча и ему пора уходить. Он вытащил часы и посмотрел, который час. «Какие у вас красивые часы», — сказала госпожа де Фонтене. «Да, — отвечал он. — Это одни из этих новых часов Бреге, ценой от 7000 до 8000 франков; их не надо за-

водить, если только позаботиться не оставлять их более чем на двадцать четыре часа без движения. Хотите себе?» — добавил он, протягивая ей часы. «Ах, спасибо!» — ответила она, как если бы он подарил ей цветок, взяла часы и убрала их к себе в сумочку. Это происшествие внушило мне глубокое отвращение, потому что это был поступок продажной куртизанки. К счастью, взгляд ее не был направлен на меня, потому что негодование, которое она могла прочесть на моем лице, возможно, уничтожило бы в один момент все ее благоволение ко мне. В то время, увы, жизнь целой семьи зависела от улыбки женщины и каприза существа, которое представлялось вам облаченным в испачканный кровью покров.

По завершении этого визита, который, как мне казалось, длился целый век, мы возвратились в Каноль с господином де Бруканом; господин де Шамбо спрятался, когда пришел Тальен. Когда мы остались одни, меня поразила перемена в выражении лица де Брукана. Он бросился на канapé в таком волнении, что это меня встревожило, и, поскольку людям всегда свойственно предполагать в глубине души, что переживания их друзей относятся к ним, я со смертельным беспокойством спросила его о причинах его волнения. «Увы! — сказал он. — Вы видели эти часы, которые Тальен отдал госпоже де Фонтене? Так вот, это часы бедного Сэжа!» То был мэ́р Бордо, близкий друг де Брукана, ставший одной из первых жертв Террора в Бордо. «Когда его приговорили, он положил их на стол этого кровавого трибунала со словами: „Вот, возьмите, я не хочу, чтобы они достались палачу“. И Тальен их взял и положил себе в карман»¹²⁸.

Понятно, какое отвращение вызвал у меня этот рассказ. Мне хотелось бы думать, что гражданка Терезия не знала этой истории, когда принимала подарок.

IV

Через два часа после моего возвращения в Бордо Александр, секретарь Тальена, принес мне приказ, согласно которому муниципалитету Бордо предписывалось выдать паспорт гражданину Латуру и его жене, с двумя малолетними детьми, для следования на Мартинику на борту судна «Диана». Теперь, когда я заполучила эту драгоценную бумагу, мне оставалось только вызвать в Бордо моего мужа; если бы эти бумаги не были в порядке, американский капитан не захотел бы взять его на борт.

Путешествие из Тессона в Бордо было столь же трудным, сколь и опасным. Бони, как я сказала выше, ни минуты не медлил и отбыл в Блэ, как только начался отлив. Он еще раньше добыл себе обычный паспорт, потому что без этого нельзя было ни выехать из пределов департамента, ни въехать в департамент Нижняя Шаранта, где в десяти лье от границы

с Жирондой находится Тессон. Но после въезда обратно в Жиронду для поездок в любом направлении достаточно было обычной карточки безопасности, в которой не было описания внешности. У Бони, конечно, была его собственная карточка безопасности, но ему нужна была еще одна для моего мужа. Тогда он пошел к одному своему другу, который в то время был болен и лежал в постели, и взял у него на время карточку под тем предлогом, что куда-то задевал свою. Бедный больной у себя в постели даже не догадывался о том, какой опасности подвергался; если бы моего мужа арестовали с этой карточкой, ее действительный владелец, несомненно, отправился бы на эшафот. В паспорте Бони было указано, что он едет за зерном, которое в Нижней Шаранте имелось в избытке, а в Бордо его совершенно не было, и булочники замешивали в хлеб муку всякого рода, овсяную, бобовую и прочую.

Бони уехал вечером. Если есть у меня какой-то враг в этом мире, я не пожелала бы ему иного наказания, чем испытывать то смертельное беспокойство, которое я переживала три последующих дня. В то время, когда кровь лилась потоками каждый день, когда столько несчастных жертв гибли из-за предательства и трусости тех, кто был прежде ими благодетельствован, я отдала жизнь того, кто был мне дороже всех на свете, в руки человека, с которым была знакома от силы полгода. Он так хорошо играл роль революционера — была ли это только роль? Может быть, это добрые его чувства были притворными? Я старалась прогонять эти ужасные подозрения, но чем больше я представляла себе опасность, угрожающую жизни Бони, который поехал за несчастным изгнанником, опасность, на которую он шел только ради меня, тем менее понятной и объяснимой я находила такую преданность, если только все это не имело целью его выдать. Мне потом рассказывали, что чувство непреодолимой силы, которое Бони мне никогда не давал даже заподозрить и безнадежность которого он сам понимал, до такой степени возвысило его душу, что внушило ему эту необыкновенную преданность. Ничто не позволяет мне принять такое объяснение. Говорили, кстати, что он был очень привязан к мадемуазель де Сансак, дела которой он вел; но она была на много лет старше его, и здоровье ее было вконец расстроено. С другой стороны, он страстно любил свою молодую жену, умершую родами в восемнадцатилетнем возрасте менее чем за год до того, и не похоже было, чтобы он уже утешился в этой потере.

Как бы то ни было, я рассчитала каждое мгновение, которое у него должно было уйти на совершение этого полного опасностей путешествия. Я в тревоге отсчитывала минуты, и вечером третьего дня, около 9 часов, считала возможным уже надеяться, что судно из Блэ, приходящее каждый день с приливом, привезет столь долгожданного путешественника. Пожиравшее меня лихорадочное нетерпение не давало мне оставаться в доме.

Я пошла в темноте с господином де Шамбо на пристань в Шартрон, куда, как я знала, причаливает судно из Блэ. Темно было так, что невозможно было различить речную воду. Я не осмеливалась ничего спросить, потому что знала, что во всех местах на реке, где можно высадиться, полно шпионов полиции. Наконец, после долгого ожидания, мы услышали, как пробило половину десятого; господин де Шамбо, у которого не было с собой карточки безопасности, заметил мне, что у нас осталось только полчаса, чтобы безопасно вернуться в дом. В этот момент мимо нас проходили два матроса, говорившие по-английски. Я рискнула спросить у них на их языке, какой сейчас прилив. Они, не колеблясь, ответили, что уже час, как начался *отлив*. Потеряв на этот день всякую надежду, я в печали вернулась домой и провела ночь в тревоге, воображая себе все препятствия, которые могли задержать Бони и его несчастного спутника. Сидя на кровати рядом с милыми моими двумя детьми, я прислушивалась к малейшему шуму, который мог бы вновь зажечь во мне надежду. Увы! Никогда еще в доме не было так тихо.

Пока я так дрожала от беспокойства и нетерпения, пока меня одолевали ужасные видения, как моего мужа опознают, арестовывают, ведут в трибунал и тащат на эшафот, он спокойно спал в удобной постели, которую Бони приготовил для него еще до отъезда в уединенной незанятой комнате того же дома. Утром служанка, придя одевать мою девочку, сказала мне с безразличным видом: «Кстати, мадам, тут господин Бони пришел и спрашивает, встали ли вы уже». Я сделала над собой огромное усилие, чтобы не вскрикнуть, и можно понять, что туалет не занял у меня много времени. Тут вошел Бони и рассказал мне, что они добрались до Блэ слишком поздно, чтобы попасть на обычное судно, на котором, вдобавок, моего мужа могли опознать. Он нанял рыбацкую лодку, хотя оставалось еще три часа отлива. Ветер был благоприятный и очень сильный, они пустились в море и вскоре догнали, а потом и обогнали обычное судно. Таким образом, они прибыли еще до того времени, когда я их ожидала в отчаянии на берегу реки.

Я умирала от нетерпения войти в комнату, где находился тот, кого я любила больше всего на этом свете. Но Бони посоветовал мне одеться, как если бы я собиралась выходить, чтобы обмануть няньку, и эта необходимая предосторожность показалась мне пыткой. Наконец, спустя полчаса, я вышла под предлогом, что собираюсь сделать какие-то покупки, и прошла к Бони, а он меня провел по потайной лестнице в комнату моего мужа. Наконец мы встретились, после шести месяцев самой мучительной разлуки!

Моя жизнь отмечена светлыми воспоминаниями, которые сияют, как прекрасная звезда в ночной тьме. День нашей встречи относится к их числу. Мы не были спасены. Нам угрожала опасность даже более

непосредственная, более близкая, более верная, чем все те, которым мы подвергались прежде. Однако же мы были счастливы, и смерть, которую мы могли видеть совсем близко, более не пугала нас теперь, когда нам можно было надеяться, что если она поразит нас, то поразит нас вместе.

Я хотела узнать подробности их полного опасностей путешествия. Мой муж мне рассказал.

Бони по прибытии в Тессон совершенно напугал добрую госпожу Грегуар своим нарядом санкюлота, красным колпаком и саблей. Она без зазрения совести отрицала присутствие моего мужа в Тессоне. Бони мог сколько угодно умолять, заклинять, говорить обо мне, о моих детях — ничто не могло ее поколебать. Исчерпав все аргументы, он надорвал подкладку своего жилета, вытащил оттуда бумажку, положил ее на стол и вышел во двор. На бумажке были написаны моей рукой только несколько слов: «Доверьтесь подателю сего. Через три дня мы будем спасены». Добрая госпожа Грегуар, как только этот разбойник, как она его называла, вышел из комнаты, побежала отнести эту записку бедному затворнику. Мой муж, прочитав ее, велел впустить Бони. Госпожа Грегуар очень боялась, ведя этого незнакомца, которого она не могла решиться считать спасителем, в комнату, откуда господин де Ла Тур дю Пен не выходил уже два месяца.

Ночью мой муж надел крестьянскую одежду, которую я ему прислала раньше, и они с Бони ушли пешком по дорогам, знакомым господину де Ла Тур дю Пену. До большой дороги на Блэ они добрались на заре. Пройдя несколько лье по этой большой дороге, которая, как все дороги во Франции в то время, была до последней степени разбита, мой муж объявил, что дальше идти не в состоянии, и лег на обочине. Бони, видя его бледным и обессиленным, подумал, что он вот-вот умрет, и пришел в крайнее отчаяние. К счастью, мимо ехал на телеге крестьянин, направлявшийся на рынок в Блэ. Успокоенный костюмом патриота Бони, он согласился подвезти двух путешественников на своей телеге, и они приехали в Блэ достаточно отдохнувшими, чтобы добраться пешком до порта. В это ужасное время все представляло опасность, и двое мужчин, один из которых походил на нищего, не могли предложить лодочнику нанять его барку для себя одних, не вызвав подозрений. Но Бони подумал обо всем. Он рассказал, что послан не знаю уж какой коммуной, расположенной выше Бордо, чтобы купить зерна для народа. Поэтому никто не удивился, что он берет для себя барку и из человеколюбия подвозит бедного больного гражданина, бежавшего из восставших департаментов. Эта последняя фраза была необходима, чтобы избежать подозрений, которые могло вызвать у хозяина барки отсутствие гасконского акцента у господина де Ла Тур дю Пена.

Когда по прошествии долгих лет припоминаешь, до какой степени подозрительности, абсурдности, безрассудства и страха были доведены умы во Франции в ту эпоху, справедливо называемую эпохой *Террора*, это

трудно понять. А ведь самых простых рассуждений, доступных десяти-летнему ребенку, хватило бы, чтобы рассеять смятение и страх разумных людей. Люди не задавали себе, например, вопроса: «Как это в Бордо умирают от голода, в то время как по другую сторону реки припасов первой необходимости имеется в избытке?» Никто не мог это объяснить, и, уж верно, ни один крестьянин из Блэ или Рояна не осмелился бы привезти пару мешков муки в большой город, рискуя быть названным *скупищиком*. Ни в каких мемуарах того времени эти факты не объяснялись. Я оставляю этот труд Истории и возвращаюсь к истории своей.

Глава XVI

I. Выдача паспорта в мэрии. — Тальен отозван, а Изабо визирует паспорт, сам того не зная. — Жюльен Тулузский и его сожаления. — Господин де Фонтене и бриллианты его жены. — Последние приготовления. — II. Прощание с Маргаритой. — Господин де Шамбо едет с нами. — Посадка в лодку с «Дианы». — Встречи с военными кораблями. — Избегнутая опасность опознания в Пойяке. — III. «Диана» и ее экипаж. — Размещение на борту. — Неудобный способ укладываться спать. — Капитан Пиз и алжирские пираты. — «Аталанта». — «Диана» ускользает от нее. — У Азорских островов. — Судьбоносный отказ капитана высадить пассажиров там. — IV. Светлыми кудрями и фривольными мыслями пришлось пожертвовать. — Кухня на «Диане» и кок Бойд. — Опасения по поводу продовольствия. — Корабельная собака. — Лоцман. — Бостонский рейд. — Радость прибытия.

I

Я уже рассказывала, как за два месяца до того получила удостоверение жительства на имя Диллон Гуверне, за подписями девяти свидетелей. Теперь надо было получить паспорт на имя Латур, не упоминая имени Диллон, слишком известного в Бордо. Я решила заменить имя Диллон на Ли, которое мой дядя лорд Диллон добавлял к своему с тех пор, как наследовал лорду Личфилду, своему двоюродному деду, а моему двоюродному прадеду. Отступить было некуда. Паспортное бюро закрывалось в 9 часов, и мы пошли в коммуну в 8 часов 30 минут. Было совершенно темно. Это было 8 марта 1794 года. Мой муж шел довольно далеко впереди вместе с Бони. Я шла следом в сопровождении одного из друзей Бони, неся на руках шестимесячную дочь и держа за руку сына, которому не было еще четырех лет. По причине английского или американского имени, которым я желала назваться, я была одета, как дама, но очень бедно, и на голове имела старую соломенную шляпку. Мы вошли в зал ратуши, где было полно народу. Именно там выдавали карточку или разрешение, по предъявлении которого паспортное бюро выдавало паспорт. Я дрожала от страха, что какой-нибудь житель Сент-Андре-де-Кюбзак или Бордо нас узнает. Поэтому мы с господином де Ла Тур дю Пенем старались держаться подальше друг от друга и избегать освещенных мест в зале.

Получив карточку, мы поднялись в паспортное бюро и при входе туда услышали, как какой-то служащий восклицает: «Ну нет, на сегодня хва-

тит; остальные приходите завтра». Любая задержка стоила бы нам жизни, как будет видно далее. Бони наклонился над столом со словами: «Если ты устал, гражданин, я буду писать за тебя». Тот согласился, и Бони составил общий паспорт на семейство Латур. В бюро было еще много народу. Когда муниципальный служащий в красном колпаке произнес: «Гражданин Латур, сними шляпу, чтобы мы составили описание твоей внешности», мое сердце забилося так сильно, что мне чуть не стало плохо. К счастью, я сидела в темном уголке бюро. В ту же минуту мой сын поднял глаза и прижался ко мне, закрывая ручками лицо. Но я думала, что он просто испугался этих людей в красных колпаках, и ничего ему не сказала.

Паспорт был подписан, и мы унесли его с живейшим удовлетворением, хотя до спасения было еще далеко. Чтобы нам не оставаться обоями в одном и том же доме и чтобы на завтра не пришлось идти через весь Бордо утром, при ярком свете, было договорено, что господин де Ла Тур дю Пен переночует у голландского консула господина Мейера, который жил в крайнем доме у пристани в квартале Шартрон и был нам полностью предан. Господин де Брукан ждал нас на улице и отвел моего мужа туда. Я же, отведя детей домой, отправилась к госпоже де Фонтене, где рассчитывала встретить Тальена, который должен был завизировать наш паспорт. Ее я нашла в слезах. Тальен получил приказ о своем отъезде и уже два часа как уехал. Она сама должна была уезжать на следующий день и не скрывала от меня своих опасений, как бы свирепый Изабо, коллега Тальена, не отказался визировать наш паспорт. Но Александр, секретарь Тальена, клялся головой, что тот его завизирует. Он рассказал, что Изабо всегда подписывает бумаги в 10 часов, по выходе из театра, и, поскольку торопится к ужину, совершенно не смотрит на документы, которые ему подадут. Провидение в доброте своей пожелало, чтобы Изабо попросил у Тальена оставить ему секретарем Александра, который не только был ему очень полезен, но и сумел даже сделаться необходимым.

В тот момент, когда я входила к госпоже де Фонтене, Александр выходил оттуда, неся бумаги на подпись. Он взял паспорт и засунул его среди множества других бумаг. В тот день Изабо, очень озабоченный прибытием нового коллеги, которого ждали на завтра, подписал все не глядя, и Александр, как только освободился, побежал сразу к госпоже де Фонтене, где я ожидала ни жива ни мертва. Я находилась там не одна. Там был еще какой-то незнакомый мне человек весьма озабоченного вида. Человек этот был не кто иной, как господин де Фонтене. Презрев самую элементарную деликатность, он пришел просить свою жену спасти его. Александр вошел, держа в руке развернутый паспорт. Он настолько запыхался, что упал в кресло, не в силах выговорить ничего, кроме слов: «Вот он!» Госпожа де Фонтене от всего сердца обняла его, и я тоже, потому что на самом деле именно он был нашим спасителем. Я с тех пор никогда его

больше не видела; возможно, он головой заплатил за услуги, оказанные многим людям, которые его потом и не вспоминали.

Молодой комиссар Конвента, приехавший назавтра, звался Жюльен Тулузский¹²⁹. Его прислали в Бордо, чтобы сильнее разжечь там патриотизм. Ему было девятнадцать лет, и его жестокость превзошла все, что эти ужасные времена показали самого чудовищного. Мы имели честь причинить ему своим отъездом жгучую досаду. Он рвал на себе волосы от бешенства, узнав, что мы от него ускользнули, поскольку, как он объявил, мы были указаны в *его инструкциях*.

Александр собирался уходить, и, поскольку было уже около полуночи, я поднялась, чтобы идти вместе с ним. Госпожа де Фонтене меня удержала, сказав, что отправит меня домой с сопровождающим, но сначала хочет мне показать кое-что красивое. Я прошла за ней в ее спальню, куда вместе с нами молча пошел и господин де Фонтене. Из ящика комода она достала платок и развернула его на столе. Потом, открыв красивую шкатулку с отделениями, она стала вынимать из нее великолепнейшие бриллиантовые уборы и, показывая мне их по одному, затем бросала в кучу на платок. Освободив таким образом все отделения шкатулки и не оставив там ничего, она связала узлом концы платка и протянула его господину де Фонтене со словами: «Берите всё». И действительно, он всё взял и вышел, так и не раскрыв рта. Я была в большом удивлении. Она это заметила и, отвечая на мои мысли, сказала мне: «Часть из этого прежде подарил мне он; остальное мне досталось от матери. Он тоже уезжает завтра в Америку».

Я бы не стала рассказывать об этом деле, которое меня не касается, если бы два года спустя, оказавшись в Мадриде, я не узнала, что господин де Фонтене, пожелав там продать некие бриллианты, был заподозрен в соучастии в краже тех бриллиантов, которые были похищены из хранилища в Париже. Мой рассказ с достоверностью показывает, что подозрение это было несправедливым. Но господин де Фонтене, вероятно, стыдясь того, что его жена вышла за Тальена, не пожелал признаться, что это она дала ему бриллианты, и не упомянул о том времени, когда он их получил, по доброй воле и без обиняков, в моем присутствии.

Ночь я провела за сбором кое-каких вещей, которые Замор унес рано поутру. Я притворилась, что раздевалась, и старалась не разбудить служанку. Когда мы остались одни, мой сын, лежавший на соседней со мной кровати, сел в постели и позвал меня. Я очень перепугалась, опасаясь, что он заболел, и тут же подошла к нему. И тут, обняв мою шею своими ручками и прижавшись губами к моему уху, он мне сказал: «Я же видел папу, но я ничего не сказал из-за этих злых людей!» Значит, ужас в паспортном бюро подействовал даже на ребенка, которому не было четырех лет.

Весь наш багаж уже три дня как был на борту, а моя шпионка даже не догадывалась, что все шкафы и ящики опустели. Я с нежностью простилась с моей Маргаритой. Думая лишь обо мне, она была счастлива, что я избегну угрожающих мне опасностей. Я оставила ее под защитой господина де Брукана, который хорошо знал, как я к ней привязана. Наконец 10 марта, взяв на руки дочь и держа за руку сына, я сказала няньке, что поведу их в аллеи Турни, которые в то время еще были обычным местом прогулок детей, и вернусь через час или два.

Вместо этого я направилась к откосам Шато-Тромпетт, где встрети-лась с господином де Шамбо, как было у меня с ним договорено. Он также получил место на нашем корабле. Я уже говорила, что господин де Шамбо прятался в Бордо под вымышленным именем, и там ему грозила неминуе-мая опасность быть узнанным. Он недавно получил известие, что его отец, добрый гасконский дворянин, живший у себя в поместье возле Оша, арес-тован и посажен в тюрьму по доносу слуги, состоявшего при нем трид-цать лет. Из бумаг, захваченных при аресте, стало известно, что его сын, попав в плен в ходе кампании 1792 года, эмигрировал, но потом вернулся во Францию и прячется в Бордо.

Таким образом, господину де Шамбо надо было покинуть этот город как можно скорее. Но какое убежище избрать? Утром того дня, когда мы должны были идти за паспортом, я находилась у господина де Брукана вместе с господином де Шамбо. Говоря с ним о его положении, я в шутку сказала ему: «Если бы я вам дала доверенность, чтобы управлять моим до-мом на Мартинике, вы бы взяли паспорт, чтобы тоже сесть на „Диану“». Эта идея была воспринята лучше, чем я предполагала. Господин де Бру-кан пошел к своему нотариусу, была составлена доверенность, я ее подпи-сала своим подлинным именем, и час спустя у господина де Шамбо был на руках хороший паспорт, подписанный, вероятно, и даже наверняка, са-мим комиссаром Изабо. Паспорт этот он получил в одиннадцать часов утра, а в полдень господин де Шамбо был уже готов к отъезду, имея все-го багажа дюжину рубашек, а в кошельке двадцать пять луидоров, кото-рые ему дал господин де Брукан. Он был счастлив скрыться и в свои двад-цать пять лет обладал добрым нравом, был деятелен и готов со сноровкой взяться за любое дело. Это был приятный и любезный товарищ по несча-стью. Дружеские чувства, которые внушал ему мой муж, превратились в настоящее поклонение, которому он ни на мгновение не изменял.

Я нашла его возле Шато-Тромпетт в сопровождении мальчишки, ко-торый нес его портманто, совсем ничего не весившее. Он взял за руку Юм-бера, и, когда, дойдя до края квартала Шартрон, мы увидели лодку с «Ди-аны», мы оба испытали такую радость, какая не часто случается в жизни.

Господин Мейер, у которого ночевал мой муж, ждал нас. Мы нашли там сидящими за завтраком доброго господина де Брукана, госпожу де Фонтене и еще трех или четырех человек, в числе которых был один советник парижского парламента, которого де Брукан прятал у себя в продовольственной компании; я так и не узнала его настоящего имени. Над ним сильно подшучивали, потому что на него возложена была *поставка продовольствия* для нас, но он за три дня не нашел ничего, кроме одного ягненка, который с блеянием был приведен. На самом деле недостаток припасов был такой, что мы ничего не смогли для себя достать. Несколько горшочков с гусиными ножками, несколько мешков с картофелем и бобами, горшочки с вареньем в небольшом ящике и пятьдесят бутылок вина из Бордо составляли все наше богатство. У капитана Пиза было, конечно, несколько бочек сухарей, но они были еще из Балтимора, полуторагодовой давности. Господин Мейер дал мне небольшой мешочек свежих сухарей, который я берегла на суп для моей девочки. Но все это было не важно по сравнению с результатом: жизнь моего мужа спасена!

Госпожа де Фонтене радовалась на дело своих рук. Ее прекрасное лицо было омыто слезами радости, когда мы садились в лодку. Она потом говорила мне, что этот момент, когда мы выражали ей свою благодарность, остался самым прекрасным из тех, что сохранила ее память.

Когда капитан сел у руля и крикнул: «Off!»*, меня охватила несказанная радость. Я сидела напротив моего мужа, которому я сохранила жизнь, двое моих детей были у меня на коленях, и ничто не казалось мне невозможным. Бедность, труд, невзгоды, с ним мне ничто не было трудно. Ах! Ничего нельзя возразить — когда матрос оттолкнулся веслом от берега, это был самый счастливый момент в моей жизни.

Корабль «Диана» спустился с предыдущим отливом до Бек д'Амбез¹³⁰, где мы должны были до него добраться. По приказу свыше предписывалось сначала пристать к военному кораблю, стоящему на якоре, словно часовой, посреди реки, у входа в порт. Капитан приготовился показать свои бумаги и наши паспорта. Это был неприятный момент. Мы не смели ни заговорить по-французски, ни поднять глаза на палубу военного корабля. Капитан один поднялся на борт. Он не знал ни слова по-французски, хотя вот уже год как сидел в Бордо под *эмбарго*. С палубы прокричали: «Пусть женщина поднимется и переведет»; потом последовали несколько грубых слов, вопрошающих, молодая она или старая. Меня охватил смертельный страх. Наш капитан наклонился над балюстрадой и сказал: «Don't answer»**. Я не поднимала глаз. В этот момент подошел французский корабль, полный людей в военной форме и спешно куда-то направляющий-

* Отчаливай!

** Примечание оригинала: «Не отвечайте!»

ся. Капитан, воспользовавшись этим, забрал свои бумаги, прыгнул в лодку, и мы удалились так быстро, как только могли.

Наконец мы нашли наш кораблик, «Диану», и как смогли устроились на борту. Второй отлив отнес нас к Пойяку. Там нам пришлось еще перенести визит двух других сторожевых кораблей. Мой муж, которого уже мучила морская болезнь, улегся. Офицеры, поднявшиеся на борт, были очень вежливы, хотя и задавали много вопросов. Им очень понравился мой ягненок, который, к несчастью, был еще живой. Они без затей попросили его у меня, обещав прислать взамен козу, которую я была бы очень рада заполучить для своих детей. Но ягненка они увезли, а коза так и не приехала, потому что мы вскоре подняли якорь, чтобы подойти ближе к Пойяку, где море было не такое бурное. Моему мужу стало лучше.

Поскольку ветер был встречный и не похоже было, чтобы он собирался смениться, капитан предложил нам отправиться обедать на берег, где мы могли бы найти и купить что-то для пополнения своих запасов провизии. Мы согласились и после того, как отправили на борт несколько караваев хлеба, уселись за стол. В конце обеда служанка, которая до того не появлялась, подала десерт. Через какое-то время, обращаясь к моему мужу, она сказала: «Гражданин, ваше лицо мне знакомо, но я не знаю, где я вас видела». И она задумалась, потирая лоб: «А! Да, это было на ярмарке в Бурге». Я тихо сказала капитану: «Давайте немедленно уйдем». Он поднялся, и мы за ним. Но проклятая служанка побежала за нами с криком: «О! Теперь я вспомнила, это было на ярмарке в Сент-Андре-де-Кюбзак. Мне даже тогда называли ваше имя, но я его уже забыла». На этом можно было бы успокоиться, но я успокоилась не настолько, чтобы не испытать огромного облегчения, когда оказалась вновь в своей каюте на «Диане» и поклялась больше не ступать на берег, пусть даже ветер остается противным хоть целый месяц. К счастью, так не случилось, и на завтра мы оставили Кордуанскую башню¹³¹ далеко позади.

III

Маленький бриг, на который мы погрузились, имел водоизмещение всего сто пятьдесят тонн, как большая барка. Его единственная мачта была очень высокая, как на всех кораблях американской постройки. Поскольку груз его состоял только из двадцати пяти наших ящиков и дорожных сундуков, его ужасно раскачивало. Таким образом, обучение мореплаванию далось мне очень тяжело.

Мы договорились с капитаном, что нас будут кормить. Но, поскольку он был в таком же неблагоприятном положении, как и мы, он не смог

раздобыть никаких припасов, кроме тех, которые его грузополучатель смог ему достать со складов морского флота.

При отплытии из Бордо один из матросов упал с мачты в трюм и сильно расшибся; он был негоден для работы. Чтобы выполнять маневры, осталось только трое. Всего экипаж состоял из этих трех матросов, юнги, выполнявшего обязанности прислуги, капитана, молодого и не очень умелого, его помощника, который был, как и он, с острова Нантакет, и одного старого моряка по имени Харпер, который, правда, был не с этого корабля, но капитан по каждому случаю спрашивал у него совета.

Капитанская каюта, в которой помещался только сам капитан, была, как можно догадаться, очень маленькой. Нам он отвел одну каюту для меня с мужем и одну для господина де Шамбо. Сам он спал у себя в каюте на своего рода сундуке, который днем служил скамьей. Мой муж не вставал со своей койки в течение тридцати дней. Он ужасно страдал от морской болезни, да еще и от скверной еды. Единственная пища, которую он мог переносить, был чай на воде и несколько кусочков сухаря, размоченных в подслащенном вине. Когда я задумываюсь об этом по прошествии стольких лет, я не представляю, как я сама смогла выносить усталость и голод. Я кормила ребенка, вдобавок мне было всего двадцать четыре года, так что аппетит у меня не мог не быть превосходным, а в этой жизни, такой новой для меня, у меня не было даже времени поесть.

К счастью, движение корабля укачивало мою бедную девочку. Она спала почти весь день. Но из-за этого же, когда ночью она чувствовала меня рядом с собой, она не давала мне отдыха, и я и получаса подряд не могла проспать. Боясь ее придавить во сне, я придумала привязывать себя плотняной лентой, обернутой вокруг туловища, к дощатому бортику койки, так что я не могла уже ни повернуться, ни сменить позу. Таким образом, моя девочка имела столько места, сколько ей было нужно. Поначалу такой способ укладывания был для меня настоящей пыткой, однако вскоре я к нему привыкла, и через несколько дней мне уже казалось, что я никогда и не спала иначе.

Американцы в то время воевали с алжирцами, которые уже захватили у них несколько кораблей¹³². Наш капитан был в таком ужасе перед этими корсарами, что в двух лье от Кордуанской башни он взял курс на север и заявил, что ничто на свете не успокоит его, пока он не окажется севернее Ирландии. Он мало полагался на французский флот как защиту от пиратов, надеясь только на флот Англии, неудовольствие которой, как он думал, алжирцы не рискнут на себя навлечь.

Таким образом, во время страшной непогоды весеннего равноденствия мы плыли в двух десятках лье от берегов Франции, что внушало нам беспокойство. Мы узнали еще в Пойяке, что французский фрегат — кажется, «Аталанта», — повстречав на выходе из порта Ла-Рошели американский

корабль, на котором плыли пассажирами несколько французов, захватил этих людей и отвез в Брест, где все они были гильотинированы.

Эта веселая история делала для меня соседство с берегами Франции малоприятным. Но, сколько я ни пыталась уговорить капитана взять курс на его родину, он только и думал, что об алжирцах и рабстве; да еще вдобавок господин де Ла Тур дю Пен, будучи того же мнения, что и он, тоже советовал ему продолжать идти на север.

Однажды мы сидели в каюте со светом среди дня, потому что ветер нагонял волну в окошки и пришлось закрыть люки, и тут матрос, несший вахту на палубе, произнес изменившимся голосом слова, очень для нас страшные: «Frenchman of war ahead»*. Капитан в один прыжок оказался на палубе, приказав нам не показываться. Раздался пушечный выстрел. Это было начало разговора о нашей жизни и смерти, который затевал фрегат. Он объявил себя как французский корабль и поднял флаг. На нашем корабле как можно быстрее развернули свой, и после обычных вопросов мы слышали, как наш капитан отвечает: «No passengers, no cargo»**; вопросов с французского корабля мы не могли различить. С «Атланты» ему ответили: «Поднимитесь на борт». Капитан отвечал, что волнение слишком сильное. Море действительно разбушевалось, и, поскольку мы спустили парус, нас болтало так, что нельзя было стоять на ногах без опоры. Тогда внушительная «Аталанта» закончила разговор одним словом: «Follow***», — и пошла прежним курсом. Мы развернули обратно свой единственный парус, чтобы покорно пойти за ней.

Капитан, спустившись обратно в каюту, весело сказал нам: «Через час будет темно, да вот и туман поднимается». Никогда еще туман не был встречен с такой радостью. Вскоре мы в темноте потеряли фрегат из виду, и, поскольку мы шли таким тихим ходом, как только было можно, несмотря на сделанный с фрегата пушечный выстрел, словно говоривший: «Идите же сюда!», фрегат постепенно уходил от нас вперед. Оттуда нам просигналили, что они идут в Брест и мы должны следовать за ними. Как только стемнело, мы пустились в прямо противоположном направлении, и, поскольку ветер, весьма сильный, был для нас благоприятен, мы понеслись на всех парусах на северо-запад, не заботясь о том, верное ли это направление на Бостон, куда мы должны были идти.

Этот инцидент совершенно сбил нас с курса, и, поскольку окружавшие нас густые туманы не позволяли определить положение судна в течение двенадцати или пятнадцати дней, один только цвет воды указал нам, что мы находимся в окрестностях Ньюфаундлендской банки. Сильный западный ветер по-прежнему нас относил. Провизии начинало недоставать,

* Французский военный корабль впереди по курсу.

** Пассажиров нет, груза нет.

*** Следуй за мной.

и воду нам стали выдавать по рациону. Мы повстречали английский корабль, шедший из Ирландии. Наш капитан поднялся к ним на борт. Вернулся он с мешком картофеля и двумя небольшими горшочками масла для меня и моих детей. Сравнив свое положение с положением, определенным английским капитаном, он заключил, что мы находимся в пятидесяти лье к северу от Азорских островов. Действительно, уже несколько дней, чувствуя себя вне досягаемости алжирцев, наш капитан правил на юго-запад, с попутным северо-восточным ветром.

Узнав об этом, мой муж стал уговаривать его высадить нас на Азорских островах, откуда мы могли бы перебраться в Англию. Капитан так и не согласился на это. Провидению было угодно иначе. Как я благодарил его за это впоследствии! Однако же тогда мы роптали, слепые люди! Если бы мы попали в Англию, мы бы оказались там в момент экспедиции на Киберон¹³³. Мой муж, без сомнения, принял бы в ней участие вместе со своими двумя друзьями, господином д'Эрвилли и господином де Кергадеком. Он погиб бы с ними.

Но Господь не желал лишить меня всех тех лет семейного счастья, которыми он меня благословил впоследствии на этой земле. Хотя он и отнял у меня детей, которые у меня были тогда, и тех, которые после сделали меня такой счастливой и гордой матерью, я надеюсь, что, может быть, оставит он мне, чтобы закрыть мои глаза, того из них всех, которого я больше всех любила, единственного оставшегося у меня сына, и моих двух внуков, которых я подлинно обожаю. Из этих двух одна, внучка, была поручена моим заботам, и я ее воспитала. Я отношусь к ней как к своему собственному ребенку и в то же время как к дражайшей подруге.

IV

Моя жизнь на корабле, как бы ни была она тяжела, была мне, однако же, полезна в том смысле, что она вынужденно удалила от меня все мелкие удовольствия, которым не знаешь цены, когда всегда ими владел. Действительно, лишенная всего, не имея ни минуты досуга между заботами о детях и о больном муже, с тех пор, как оказалась на борту, я не только не занималась тем, что называется *туалетом*, но не могла даже снять полупелюшечный платок, стягивавший мне голову. Мода тогда еще требовала избытка пудры и помады. Однажды, уже после встречи с «Аталантой», я захотела причесаться, пока моя дочь спала. Я обнаружила, что мои волосы, которые были очень длинные, так перепутались, что от мысли привести их в порядок придется отказаться. Предугадывая, видимо, прическу *под Титуса*, я взяла ножницы и остригла волосы совсем коротко, на что мой муж очень гневался. Потом я выбросила их в море, а с ними

и все ффривольные мысли, которые мои прекрасные светлые кудри могли во мне зародить.

Временем отдыха для меня на корабле было время, которое я проводила на кухне — это было что-то вроде кузова дорожной кареты без дверей, привязанного к мачте. Там можно было сидеть, а котлы кипели на плите, топившейся снаружи. Иногда случалось, что неудачный поворот руля заливал нас волной, но нам там было тепло, по крайней мере, ногам. Я говорю «нам», потому что на этой очаровательной кухне я была не одна. Матрос, удостоенный звания повара, приходил за мной и устраивал меня рядом с собой в кухне, где я оставалась на час или два варить бобы, привезенные еще из Балтимора и год уже пролежавшие на складах в Бордо. Матроса звали Бойд, ему было двадцать шесть лет, и под маской жира и дегтя, покрывавшей его черты, можно было различить очень красивое лицо. Сын фермера из окрестностей Бостона, он имел образование, заметно превосходящее то, которое человек того же класса имел бы во Франции. Он сразу понял, что я *lady**, желающая приобрести познания во всем, что делалось в сельской местности в его стране. Именно ему я обязана тем, что не оказалась чужда ни одному из своих занятий, когда мне пришлось стать фермершей. Мой муж говорил со смехом: «Бобы превратились в пюре, потому что моя жена забылась с Бойдом».

Когда воду стали выдавать по rationу, он мне обещал, что у нас не будет в ней недостатка, что было очень полезно для моего мужа, который мог только пить чай, иначе у него снова начиналась морская болезнь. Я лично очень страдала от нехватки пищи. Сухари достигли такой степени твердости, что я не могла больше их есть, не раздирая в кровь десны. Когда я пыталась размочить их, оттуда вылезали черви, которые вызывали у меня ужасное отвращение. Для детей я сухари размалывала и делала из них кашу, для которой сохраняла те два горшочка с маслом, которые нам дали на английском корабле. Из-за нехватки пищи у меня пропало молоко, и я видела, как моя дочь чахнет на глазах, а сын, плача, просит у меня хоть одну из наших картофелин, последнюю из которых он съел уже много дней назад. Это положение было ужасно. Меня не покидал страх, что мои дети умрут от голода.

Уже десять дней мы не могли определить свое положение, и туман был такой густой, что даже на нашем маленьком кораблике не видно было бушприта. Капитан не знал, где мы находимся. Старый Харпер уверял, что чует бриз с берега, но мы думали, что это он старается нас успокоить.

Наконец, 12 мая 1794 года, на утренней заре, при теплой погоде и спокойном море, мы поднялись посидеть на палубе с детьми, чтобы развлечься и подышать воздухом. Туман был по-прежнему такой же густой, и капитан утверждал, что, к какой бы земле мы ни пристали, до нее еще

* Дама.

по меньшей мере пятьдесят или шестьдесят лье. Я заметила, тем не менее, волнение собаки, черного терьера, которого я очень полюбила и который со мной подружился, к большому раздражению капитана, его владельца. Бедное животное выбегало вперед, лаяло, опять возвращалось ко мне, облизывало моему сыну руки и лицо, снова бежало вперед. Это странное поведение продолжалось уже час, когда мимо нас прошло маленькое палубное судно — pilot-boat* — и человек, который там был, прокричал по-английски, что мы «если не изменим курс, то налетим на мыс». Ему бросили канат, и он запрыгнул на борт. Невозможно описать нашу радость при виде этого бостонского лоцмана.

Сами того не зная, мы оказались на входе на этот великолепный рейд, о котором самое прекрасное озеро Европы не даст ни малейшего представления. Из моря, волны которого разбиваются с яростью о скалы, попадаешь через узкий проход, по которому не могут пройти рядом два судна, в спокойную воду, ровную, как зеркало. Поднявшийся легкий ветер с берега показал нам, словно при смене декораций в театре, дружественную землю, которая скоро должна была нас радушно принять.

Восторг моего сына невозможно описать. Он в течение шестидесяти дней слышал разговоры об опасностях, которых мы, благодарение небу, избежали. Его разум четырехлетнего ребенка позволял ему догадываться, что теперь придется обходиться без многих приятных вещей, чтобы не попасться этим людям в красных колпаках, которых он так испугался и которые угрожали убить его отца. Воспоминание о прежнем белом хлебе и добром молоке часто тревожило его юное воображение. Он находил малоприятным, что этого у него больше нет, и это смутное воспоминание о прошлом вызывало у него беспричинный плач. Но когда он увидел из того узкого прохода, по которому мы входили, зеленые луга, цветущие деревья и всю роскошную красоту растительности, радость его была ни с чем не сравнима.

Да и наша радость, хотя и более уравновешенная, была оттого не меньшей.

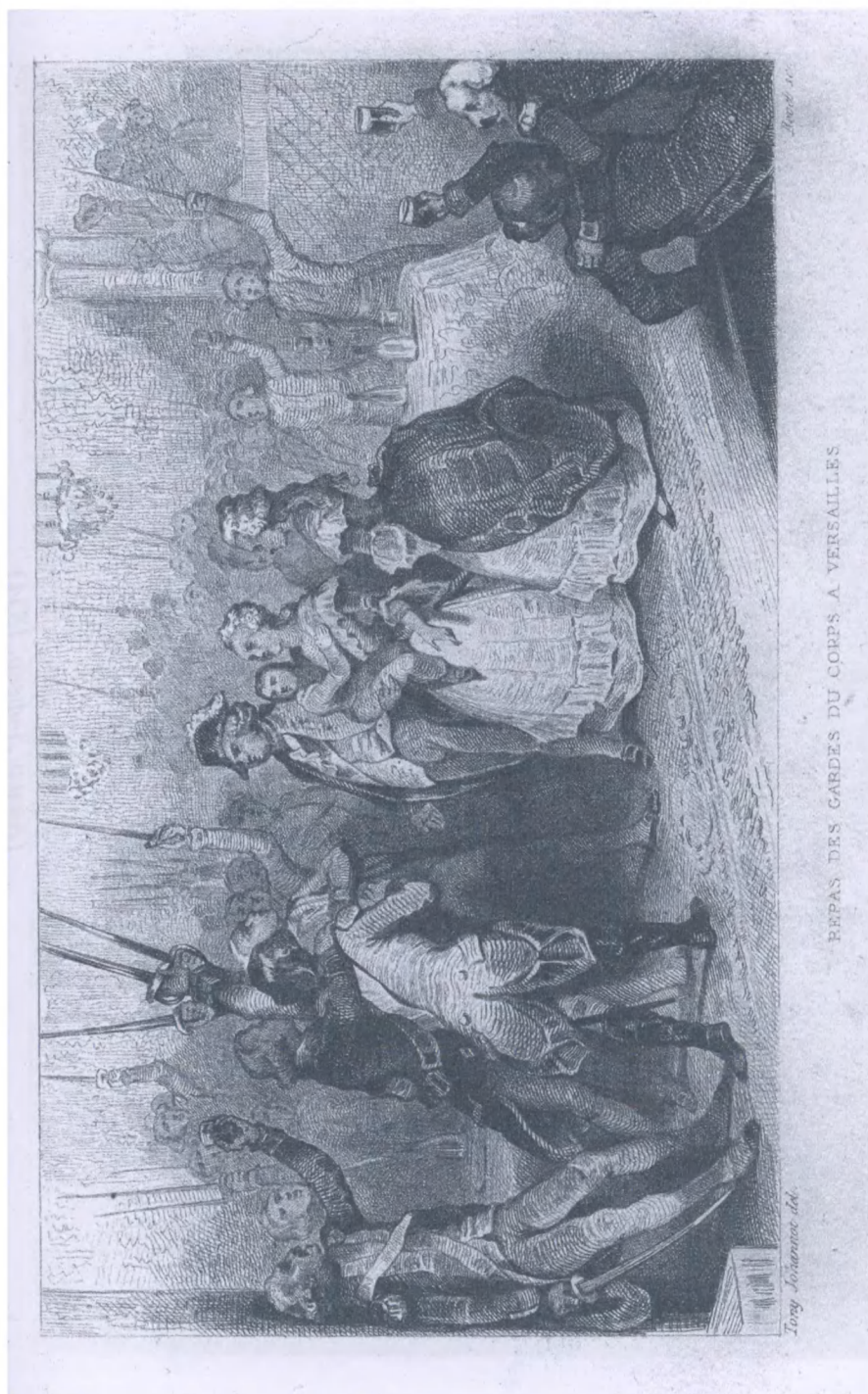
* Лоцманская лодка.

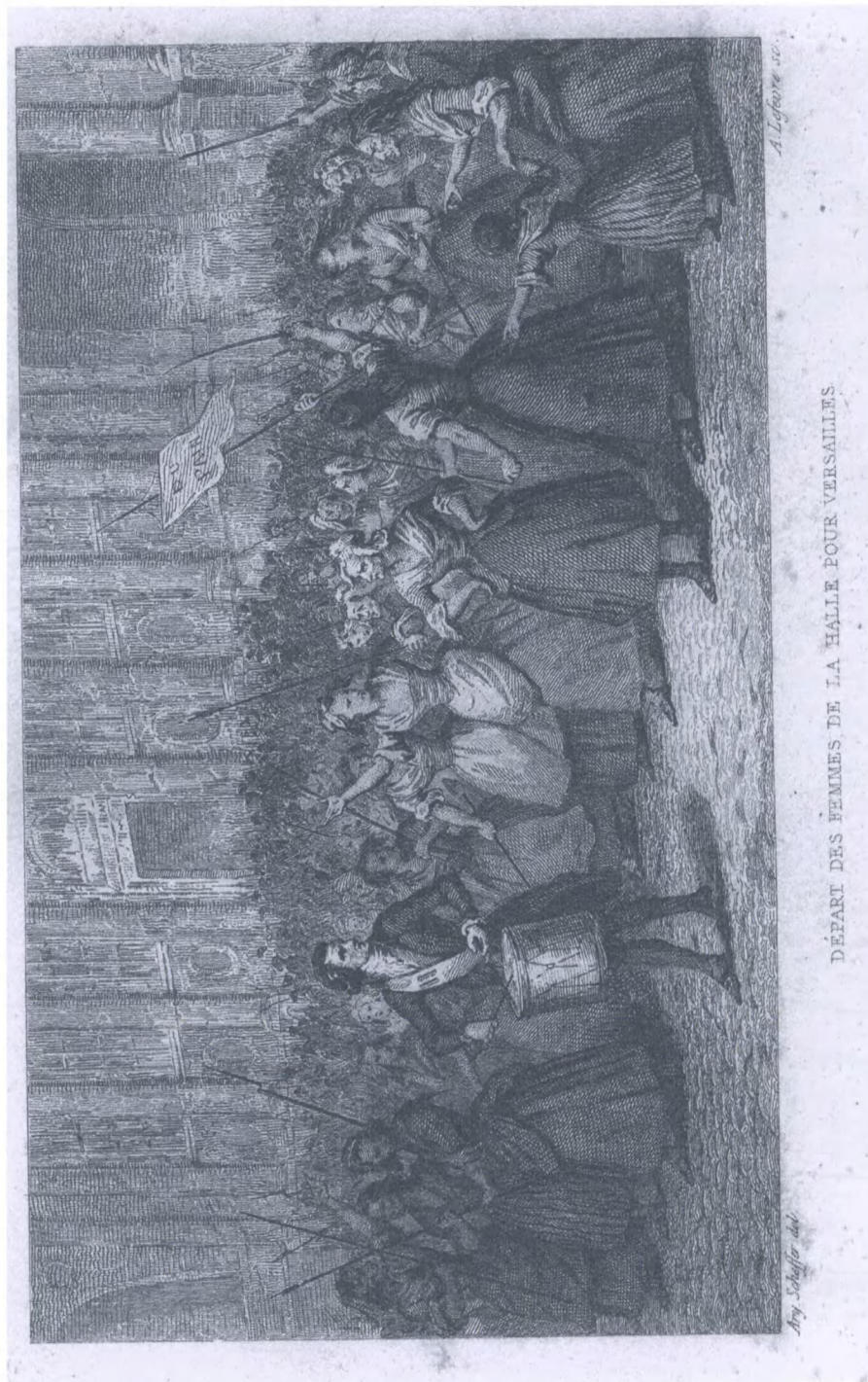
Разграбление дома Ревельона в парижском предместье Сент-Антуан 28 апреля 1789 г.
(Огюст Бланишар, 1834)

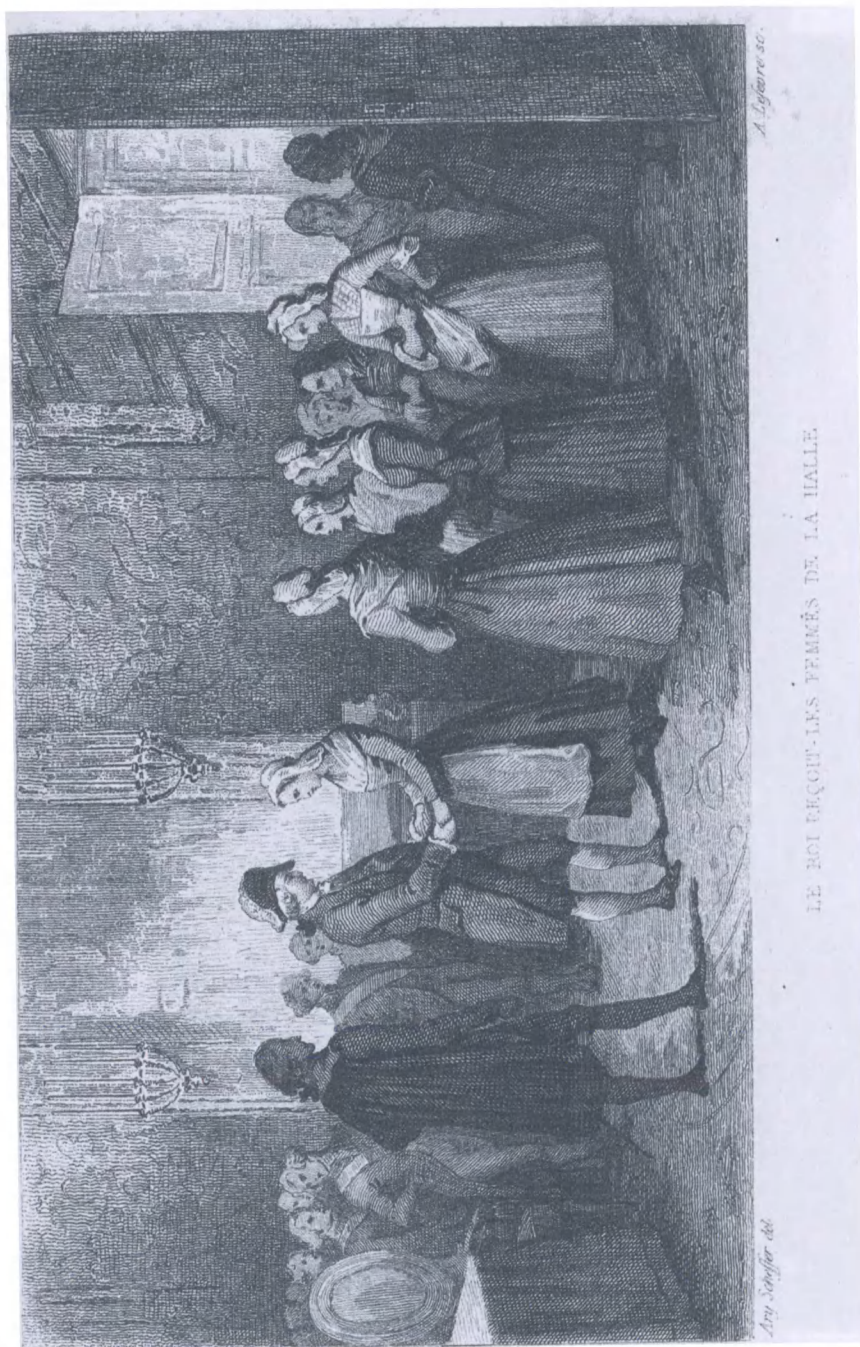

Выступление Мирабо на заседании Генеральных Штатов 23 июня 1789 г.
(Огюст Бланишар, 1834)

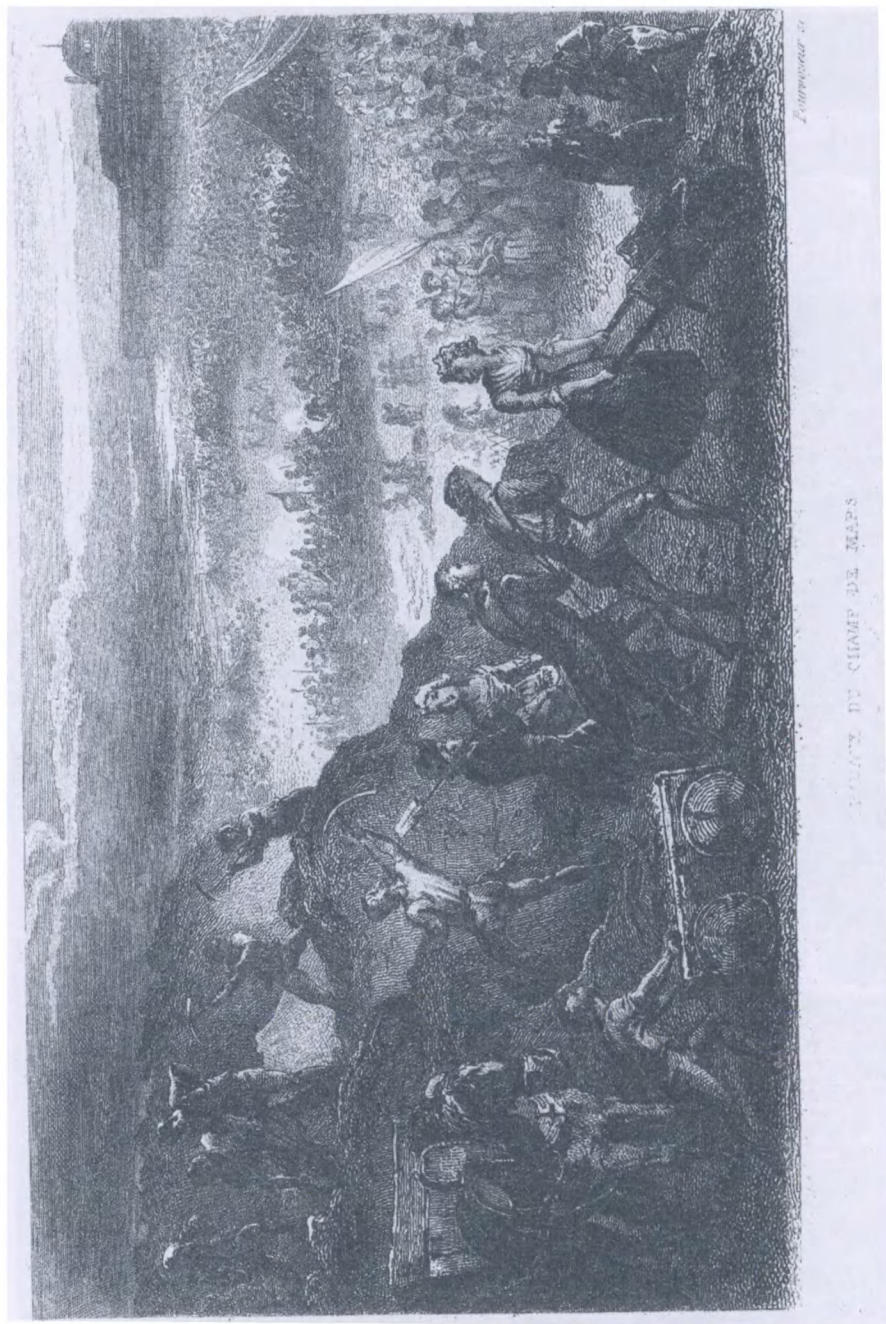

Банкет полка телохранителей в Версале 3 октября 1789 г.
(Альфред Ревель, 1834)

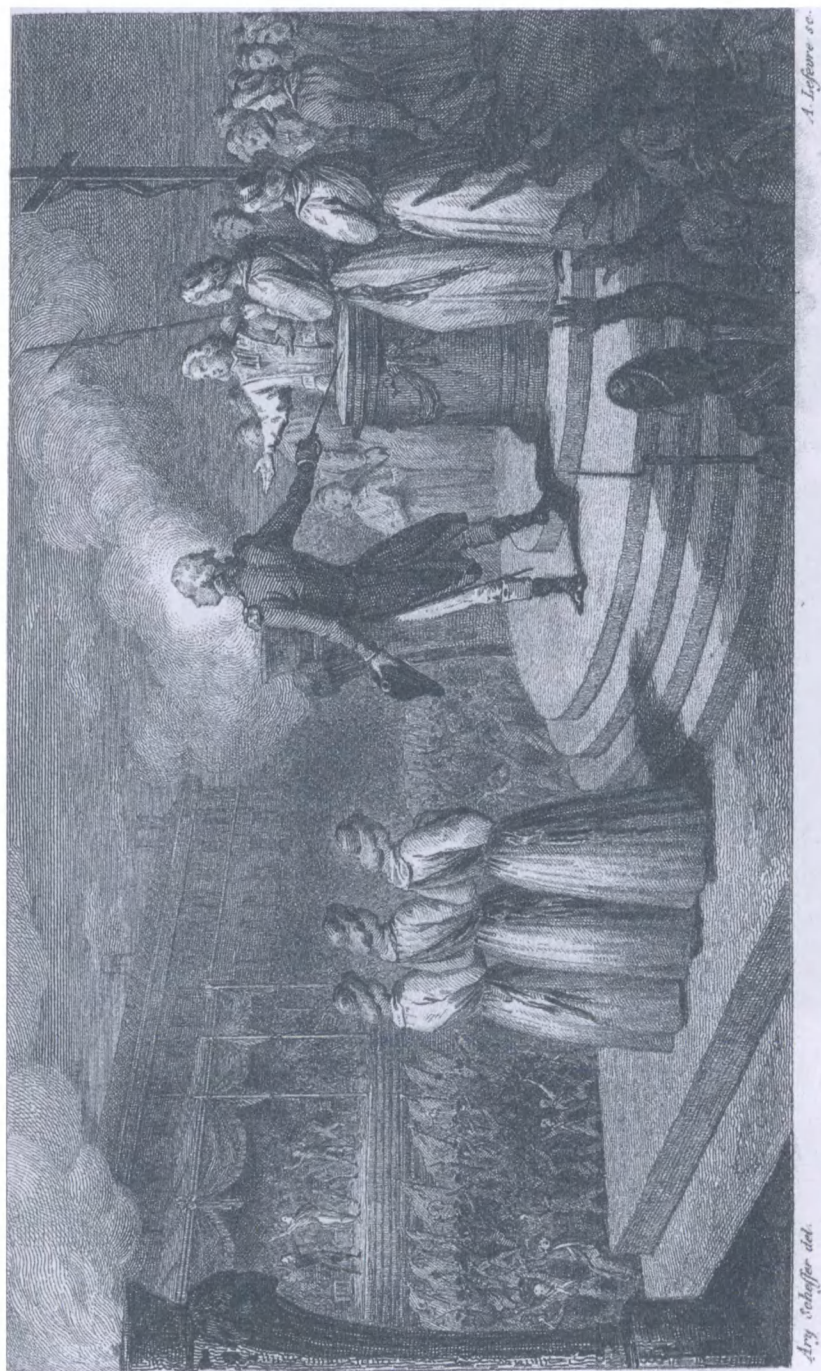

Парижские женщины у короля
(Ашиль Лефевр, 1834)

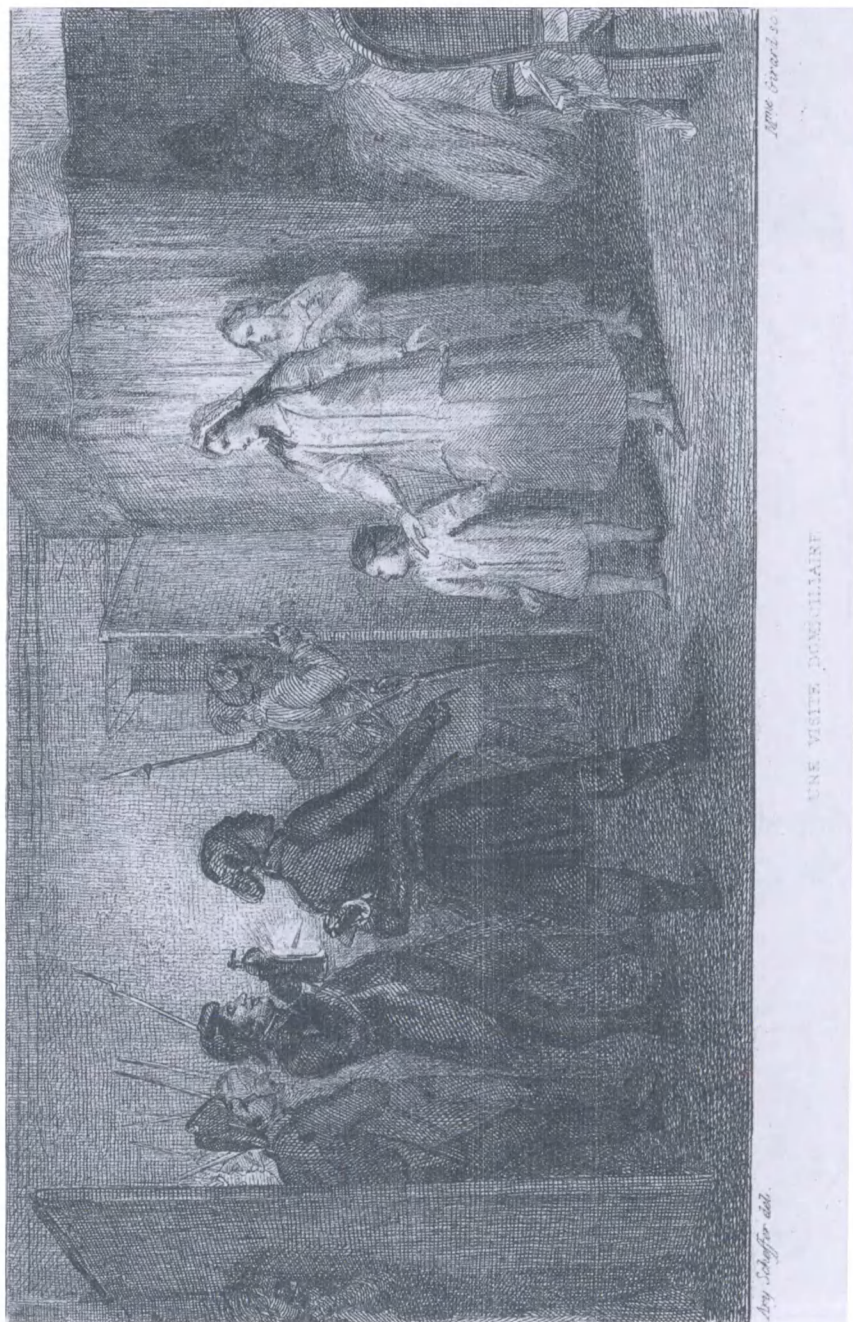
Работы на Марсовом поле в Париже перед праздником Федерации 1790 г.
(Жан Франсуа Пурвуаёр, 1834)

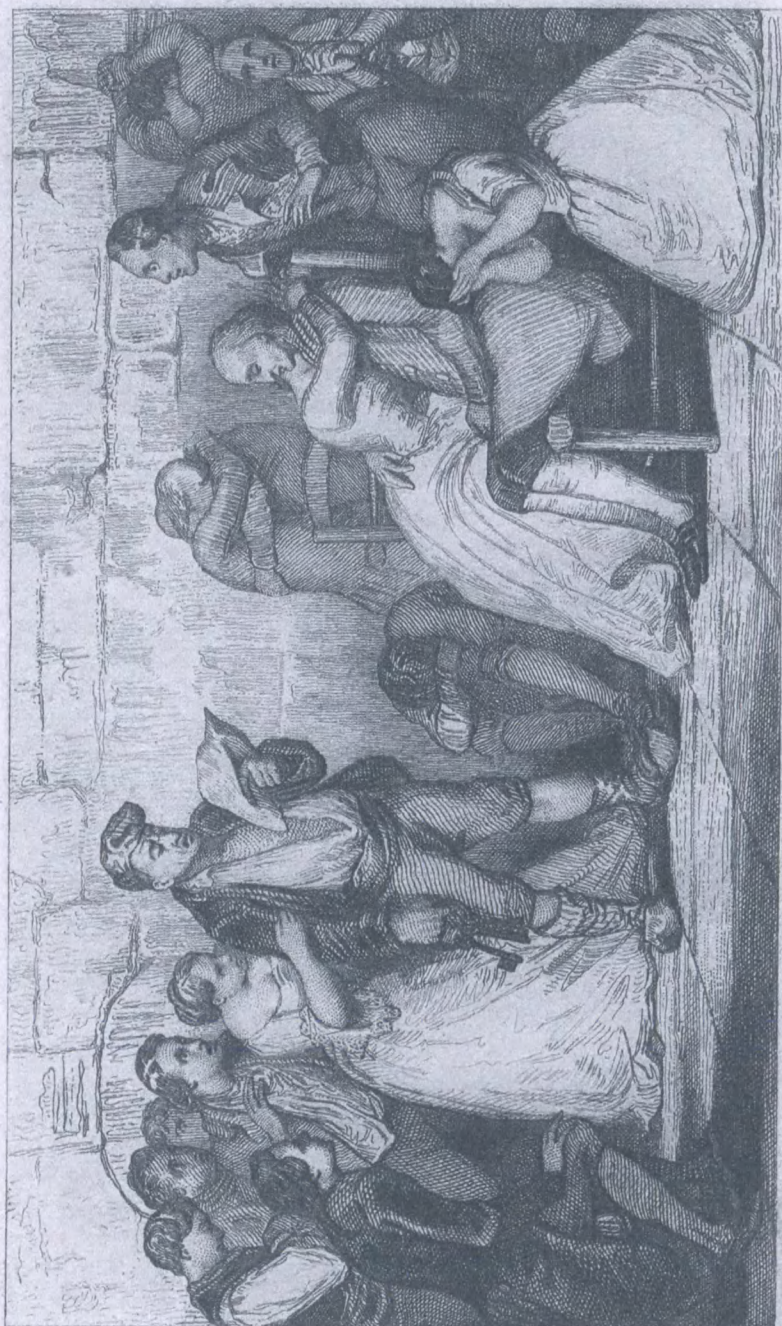
Праздник Федерации в Париже в 1790 г.
(Ашиль Лефевр, 1834)

**Интерьер революционного комитета
(Шарль Модюи, 1834)**

Обход домов во время Террора
(Луиза Жирар, 1834)

LECTURE DU JOURNAL DU SOIR OU APPEL DES CONDAMNÉS

Чтение вечерней газеты с именами осужденных
(Филибер Ланглуа, 1834)

Тереза Галъен

*Император Наполеон I
(гравюра на основе официального портрета работы Франсуа Жерара)*

*Императрица Жозефина
(гравюра на основе официального портрета работы Франсуа Жерара)*

Императрица Мария Луиза

TOM II

Глава I

I. Несмотря на свой изрядный возраст, автор приступает ко второй части своих мемуаров. — II. «A welcome breakfast». — Любопытство бостонских французов остается не удовлетворено. — Прощание с экипажем «Дианы». — Радость оказаться в дружественной стране. — Удовольствие от хорошего завтрака после двух месяцев лишений. — Временное жилье в Бостоне. — III. Господин Гейер. — Собака Блэк. — Доброе отношение жителей Бостона к новоприбывшим эмигрантам. — Генерал Скайлер. — Распродажа ненужных вещей. — IV. История любви. — V. Отъезд в Олбани. — Госпожа де Ла Тур дю Пен узнает о смерти своего отца. — Девственный лес. — Деревянный дом. — Прекрасная семья. — Тост за здоровье Вашингтона. — Гостиница в Лебаноне. — Господин де Шамбо делит кровать с незнакомцем. — VI. Прибытие в Олбани. — Поджог города, устроенный неграми. — Любезный прием, оказанный генералом Скайлером и семейством Ренсселер. — Сбывшийся сон. — «Petroop». — Госпожа Ренсселер. — Талейран в Америке.

I

Лукка, 7 февраля 1843 года

Наверное, весьма самонадеянно продолжать писать свои мемуары в семьдесят три года без десяти дней. Но, закончив сегодня перебирать ту часть, которую я уже написала на отдельных листках, я предупреждаю вас, мой милый сын, что если только у меня сохранится еще немного сил, разума и зрения, чтобы направлять мою руку, то вы, даст Бог, получите и остальное — с пометками или без. Предприятие такого рода требует прежде всего памяти, а ее, как мне кажется, я не совсем потеряла. Вы знаете, что я сохранила память как о прошлом, так и о настоящем, и эта последняя оживляет во мне воспоминания, может быть, столь же тягостные, как и воспоминания о временах более давних, каковы бы ни были несчастья, омрачившие мою долгую жизнь.

Но оставим предисловия. Вернемся ко входу на бостонский рейд, где я оставила вашего брата Юмбера в восторге от того, что он вновь видит коров, луга, деревья в цвету и все то, что успело к тому времени уже стереться из его юного воображения.

Что же до нас, людей рассудительных, то должна признаться, к нашему стыду, что наши восторги были полностью сосредоточены на только что пойманной лоцманом огромной рыбине, которая вместе с кувшином молока, свежим маслом и белым хлебом должна была составить то, что капитан назвал *a welcome breakfast**. Пока мы с волчьим аппетитом все это поедали, судно наше продвигалось вслед за лодкой в великолепную гавань. В двух кабельтовых от берега наш капитан бросил якорь, после чего оставил нас, обещав вернуться вечером, когда найдет для нас жилье.

У нас не было ни одного рекомендательного письма, и мы терпеливо ожидали его возвращения. Свежая провизия прибывала со всех сторон. Прибыло также и множество французов, которым не терпелось узнать новости, и они забрасывали нас вопросами, на которые мы могли дать лишь очень неудовлетворительные ответы. Один желал знать, что делается в Лилле, другой — в Гренобле, третий — в Меце, и все были удивлены и чуть ли не разгневаны тем, что наши ответы были лишь о Париже или о Франции в целом. Это были по большей части люди совсем незнатные: разоренные торговцы, искавшие работу мастеровые. Нам все они казались более или менее революционерами, а они, в свою очередь, считали нас аристократами, избежавшими казни, которой мы, по их мнению, вполне заслуживали за свое прошлое тиранство. Они отъехали от нас в очень дурном расположении духа, и мы были избавлены от них на все время, что оставались в Бостоне.

Остаток дня мы провели за приведением в порядок своих вещей. Вечером вернулся капитан. Он нашел нам небольшую квартиру на Рыночной площади, а его арматор через него предложил нам свои услуги. Мой муж решил пойти к нему назавтра, когда мы сойдем на берег. Капитан сказал, что это человек богатый и уважаемый, и мы были рады оказаться под его покровительством.

Вы не усомнитесь, что на следующее утро рассвет застал меня уже проснувшейся. Я одела и умыла детей и, как только лодка была готова, распрощалась с каждым из членов экипажа лично сердечным *shake hands*. Эти славные люди очень о нас заботились. Юнга плакал горючими слезами, расставаясь с моим сыном. Каждый выражал сожаление о расставании, а я очень сожалела, что не могу забрать собаку по имени Блэк, которая ко мне привязалась. Я спросила своего приятеля Бойда, не захочет ли капитан отдать мне ее. Он меня уверил, что я получу отказ, и я поэтому не осмелилась просить.

Надо пережить все те страдания, которые нам выпадали последние два месяца, все лишения, которые я переносила до того, все беспокойство

* Приветственный завтрак.

о положении моего мужа и о моей собственной безопасности, все тревоги, вызванные постоянным страхом неминуемой смерти, которая оставила бы двоих моих бедных детей без всякой помощи и поддержки, чтобы оценить ту радость, с которой я ступила на эту дружественную землю. Наш добрый капитан радовался этому так же, как и мы. Он повел нас сначала в один из лучших трактиров, где заказал приготовить отличный завтрак, и мы нашли там все, чего были так долго лишены. Тем, кто никогда не испытывал ни в чем недостатка, это чувство может показаться весьма тривиальным, но я, с их позволения, все же признаюсь, что при виде изобильно накрытого стола испытала такое живое удовольствие, какого не припомню ни при каких других обстоятельствах.

Затем мы направились на ту квартиру, которую выбрал для нас наш любезный капитан. Там мой муж меня оставил, а сам пошел к арматору нашего судна.

III

Господин Гейер был один из богатейших владельцев недвижимости в Бостоне. Хотя после заключения мира он вернулся в свою родную страну, чтобы здесь пользоваться своим состоянием, но до этого он считался среди сторонников Англии и не принимал никакого участия в восстании против английской родины-матери. По примеру многих других бостонских негоднителей он даже увозил в Англию свою семью. Мой муж был очарован той сердечностью, с которой господин Гейер его принял.

Я забыла сказать, что в Пойяке мы стояли рядом с кораблем, ожидавшим, как и мы, попутного ветра; он направлялся в Англию. Я написала второпях несколько слов для госпожи д'Энен, которая поселилась в Лондоне, прося ее писать нам в Бостон к господину Гейеру, адрес которого мне дал капитан. Наше путешествие через океан длилось так долго, что тетушка успела ответить, и мы, сойдя на берег, нашли письма, которые указали нам будущее место нашего жительства в Соединенных Штатах. Я скоро к этому вернусь.

В доме, где находилась выбранная для нас капитаном квартира, жили три поколения женщин: миссис Пирс, ее мать и ее дочь. Дом стоял на Рыночной площади, самой людной и оживленной в городе. Квартира наша включала в себя по одну сторону от узенькой лесенки небольшую гостиную с двумя окнами, выходившими на площадь, а по другую сторону хорошую спальню для нас с мужем и детей. Окна спальни выходили на расположенную на отшибе верфь, где на постройке корабля работали плотники. За ней простиралась уже сельская местность. Дальше будет понятно, почему я вхожу во все эти подробности.

У этих достойных дам мы поселились с пансионом, и они кормили нас очень хорошо, на английский манер. Девица Салли, которая очень любила детей, забрала у меня мою дочку, пожелав ухаживать за ней; бабушка забрала к себе Юмбера, который для своего возраста был уже очень большой и необыкновенно умный. Начало было как нельзя более удачное. Вечером этого первого дня мы уже оказались устроены так, будто никакого горя и тревоги и не случилось в нашей жизни.

Посреди ночи я проснулась от собачьего лая; собака скулила и скреблась в дверь кухни, которая выходила на верфь. Голос собаки показался мне знакомым. Я поднялась и открыла окно. В лунном свете я смогла узнать собаку Блэк. Я тут же спустилась и открыла ей дверь. Когда она вошла, я заметила, что она совсем промокла; бедное животное явно долгое время провело в воде. И действительно, на следующий день я узнала, что ее весь день держали на борту на цепи, но в 10 часов вечера матрос решил, что можно ее отвязать, и она тут же выпрыгнула в море. «Диана» между тем стояла на якоре более чем в миле от причала. Похоже, что славная собака преодолела это расстояние вплавь, а потом, отыскав нас в этом незнакомом ей городе, нашла в доме дверь, которая была ближе всего к комнате, где мы спали. Капитан из своего рода добросовестного суеверия не стал противиться привязанности, которая была так доказана. Блэк больше нас не покидала и потом вернулась вместе с нами в Европу.

Утром следующего дня после нашего прибытия господин Гейер пришел меня навестить вместе со своей женой и дочерью. Он довольно хорошо говорил по-французски, но дамы на этом языке не знали ни слова. Они были очень рады обнаружить, что их язык мне знаком не хуже, чем им самим. Их доброжелательное радушие не нуждалось в рекомендательных письмах. Опасности, которые мы пережили во Франции, вызывали всеобщее сочувствие, и многие полагали даже, что в нашей истории было что-то чудесное. Мои коротко остриженные на затылке волосы казались началом приготовления к казни. От этого проявляемый к нам интерес еще возрос. Напрасно я уверяла, что ничего такого не было. Добрых жителей Бостона невозможно было разубедить.

Тогда, сорок пять лет назад, город еще выглядел совершенной английской колонией. Однако же именно там произошло то восстание против родины-матери, с которого все началось. Нам с гордостью показывали колонну, воздвигнутую на вершине холма — там собрались жители, чтобы принять первые решения в отношении несправедливых налогов, которыми Англия угнетала колонию. Показывали также и ту часть порта, где был сброшен в море груз чая с двух кораблей, чтобы только не платить несутетные налоги, которыми был обложен этот товар¹³⁴, и красивую лужайку, где собиралось первое войско, и то место, где дано было первое сражение, — *Bunker's hill*. Однако же самые богатые и видные горожане,

хотя и подчинились новому правительству и не высказывали возражений против отделения от прежнего отечества, все-таки сожалели о нем. Узы привязанности и родства еще побуждали их держаться Англии. Они сохраняли беспримесно английские нравы, и многие из них уехали в Англию и вернулись только после установления мира. Народ называл их *лоялистами*¹³⁵. К их числу принадлежали господин Джеффрис, брат знаменитого редактора *Edinburgh Review*, и семейство по фамилии Расселл, старавшееся показать свое близкое родство с герцогом Бедфордом. Все эти люди приняли нас с несравненной доброжелательностью и проявляли к нам живейший интерес.

Господин Гейер предложил нам поселиться на принадлежащей ему ферме в восемнадцати милях от Бостона. Может быть, нам было бы лучше согласиться. Но мой муж желал быть поближе к Канаде, где ему хотелось бы поселиться. Он говорил по-английски с трудом, хотя понимал всё превосходно, и мысль о том, что в Монреале тогда, как и теперь, обычно употребляемым языком был французский, вызвала у него желание переехать в окрестности этого города.

Мы как раз получили письма из Англии. Наша тетушка госпожа д'Энен, сожалея, что нам не удалось приехать к ней в Англию, пересылала нам письма одной американки из числа ее друзей, госпожи Черч, в которых та рекомендовала нас своим родственникам, жившим в Олбани. Госпожа Черч была дочерью генерала Скайлера, приобретшего изрядную репутацию в войне за независимость. Он взял в плен генерала Бергойна со всеми подкреплениями, которые тот привел из Канады на помощь английской армии, закрепившейся в Нью-Йорке, а капитуляция Саратоги принесла ему необыкновенную популярность¹³⁶. С тех пор как установился мир, генерал Скайлер, голландец по происхождению, жил у себя в поместье со всем своим семейством. Его старшая дочь вышла замуж за главу семейства Ренсселер, обосновавшегося в Олбани и владевшего огромным состоянием в этом графстве.

Итак, госпожа Черч, видя величайшую материнскую заботу нашей тетушки, с которой ее связывала самая нежная дружба, написала своим родителям, и мы получили по прибытии в Бостон письма генерала Скайлера, в которых он настойчиво приглашал нас незамедлительно ехать в Олбани и заверял, что там мы с легкостью найдем, где поселиться. Он предлагал нам всяческую поддержку со своей стороны в этом деле. Таким образом, мы приняли решение, погрузили свои вещи на корабль для доставки морем в Нью-Йорк, а оттуда по реке Гудзон до Олбани, а сами остались в Бостоне ждать известия об их прибытии к месту назначения, прежде чем пускаться в путь по суше. Мы предпочли преодолеть эти пятьсот миль таким способом; это обходилось не дороже и притом позволяло нам посмотреть страну.

Прежде чем отправлять вещи, мы вынуждены были все ящики распаковать и потом уложить заново. Замор, торопясь сложить вещи в ящики, не имел времени их разобрать. Там было множество предметов, не нужных людям, которые, подобно нам, собирались всерьез поселиться в сельской местности, в таких же условиях, в каких живут в Европе крестьяне. Ничто не предвещало, что революционная буря позволит нам скоро вернуться в Европу, и я, признаюсь, была счастлива, что мой муж нашел в Соединенных Штатах такой прием, который удалил от него всякую мысль о переезде в Англию; какое-то предчувствие заставляло меня опасаться, что мои родственники примут меня плохо.

Из привезенных нами вещей я продала в Бостоне всё, за что можно было выручить какие-то деньги. Поскольку «Диана» шла без груза, наш багаж нам ничего не стоил, а он был довольно значителен. Мы уменьшили его более чем наполовину. Одежда, ткани, кружева, пианино, ноты, фарфор — всё, что оказалось бы лишним в небольшом хозяйстве, было переведено в деньги, а затем в векселя на надежных людей в Олбани.

IV

Мы прожили в Бостоне месяц, почти каждый день бывая в гостях у милых людей, которые относились к нам с большой заботой и предупредительностью. Меня навестили несколько креолов с Мартиники, знавших моего отца. Один из них, женившийся в Бостоне, пригласил нас провести несколько дней у него в сельской местности, и мы с удовольствием туда съездили. Он жил в деревне Врентэм, на полпути между Бостоном и Провиденсом. Местность эта была очаровательна по своему расположению, свежести и плодородию. Рассеянные по озерам островки, покрытые лесом, смотрелись плавучими садами; деревья, ровесники сотворения мира, купали свои ветхие стволы и молодые побеги в хрустальной воде. Мы, конечно, только и думали, что о распашке целины, плугах и картофеле, но если бы среди нас случился поэт, то его воображение нашло бы для себя в этих местах еще и историю любви... Впрочем, я ее сейчас расскажу.

Салли В..., молодая и красивая девушка, получившая хорошее воспитание в Англии, собиралась замуж за молодого офицера по имени Уильям. Шел последний год войны; полк молодого человека получил приказ грузиться на суда и незамедлительно идти на соединение с английской армией в Бостоне. Свадьбу отложили. Но Салли была этим так сильно опечалена, что ее отец, у которого она была единственная дочь, согласился взять места на корабле, отправлявшемся в Провиденс, в восемнадцати милях от Бостона, где должен был высадиться батальон Уильяма, чтобы там устроить свадьбу.

После благополучного путешествия отец с дочерью пристали к берегу в Провиденсе. Первое, что они увидели, сойдя на причал, были носилки и телеги с ранеными. Салли в тревоге стала расспрашивать встреченного солдата о судьбе Уильяма. Тот без обиняков отвечал, что при отступлении он был убит, но тело его найти не смогли. Бедная девушка в одночасье лишилась рассудка, и с тех пор он к ней так и не возвращался. Ее пытались запереть; тогда она приходила в ярость, билась головой о стены или отказывалась совсем от еды. После нескольких тщетных попыток такого рода ее решили оставить на свободе. Она тут же сделалась смирной и спокойной и, движимая одной навязчивой мыслью, пешком направилась в Бостон. Ее родственники организовали вдоль дороги для нее приюты, где ее кормили и одевали; сама она этого не замечала. Когда я ее увидела, она шла медленно по дороге с посохом в руках, по-прежнему с мыслью, что где-то под листвой, в высокой траве, за кустом она найдет тело Уильяма. Приходя в Бостон, она всегда шла в одно и то же место на причале и некоторое время смотрела на море в надежде, что тот, кого она ждет, сейчас сойдет на берег. Затем она снова пускалась в путь и возвращалась в Провиденс, ночью прося приюта у знакомых людей. Госпожа Мадей, у которой в доме я находилась, была одной из тех, кто принимал ее у себя и кому она оказывала предпочтение. Несчастная согласилась войти в дом и выпить немного молока, но спустя короткое время печально сказала: «У меня нет времени остаться», — и ушла.

Уже двадцать лет бедная женщина совершала это путешествие каждую неделю. Мне она показалась сорокалетней. Она была высока ростом, красива и очень бледна; одета чисто и закутана в большой плащ. Она меня до крайности заинтересовала. Во Франции дети стали бы дразнить несчастную или обижать ее. Здесь они обращались с ней почтительно, подносили ей цветы, фрукты, брали за руку, чтобы отвести под навес, если шел дождь. Но даже зимой она не соглашалась ночевать в комнате. Она предпочитала какой-нибудь амбар или хлев, при условии, что дверь оставляли открытой. Я припоминаю, что потом ее нашли на дороге мертвой. Увы! Бедная Салли! Вот так она вновь обрела Уильяма!

V

Мы выехали все трое вместе с детьми в первых числах июня и пятнадцать дней спустя прибыли в Олбани. Мы проехали через весь штат Коннектикут¹³⁷, любуясь его плодородием и богатством. Но полученное роковое известие так опечалило меня, что я была ничему не рада. Перед отъездом из Бостона господин де Ла Тур дю Пен узнал о смерти моего отца. Он дождался, пока мы пустились в путь, прежде чем сообщить это

мне, в надежде, что движение и вынужденное отвлечение в какой-то мере смягчат удар. Только в Нортгэмптоне, столице штата Коннектикут¹³⁸, где мы остановились ночевать, он решился мне сказать об этом ужасном событии, боясь, что я прочитаю о нем в какой-нибудь газете. И в самом деле, все новости из Франции, в каком бы порту Федерации они ни были получены, немедленно перепечатывались в американских газетах.

Смерть отца причинила мне сильную боль, хотя я этого давно ожидала. Мы с ним уже много лет очень редко виделись, но я все равно питала к нему самую нежную любовь. Я написала своей мачехе на Мартинику; она жила там вместе с моей сестрой Фанни, которой тогда было двенадцать лет. Спустя долгое время я получила от госпожи Диллон ответ, в котором она извещала меня о своем отъезде в Англию вместе с Фанни и мадемуазель де Ла Туш, своей дочерью от первого брака. Письмо было очень холодное; моя мачеха совершенно не беспокоилась о том, в каких условиях я живу в Америке.

Несмотря ни на что, как это бывает всегда, когда видишь что-то новое, меня отвлекла от моего горя красота лесов, через которые нам пришлось ехать на пути к Лебанону, нашей последней остановке на ночлег перед прибытием в Олбани. Пятьдесят миль сплошных густых лесов, которые тогда отделяли штат Коннектикут¹³⁹ от соседнего штата, как я полагаю, Нью-Йорк, и которых теперь, без сомнения, больше не существует, открывали моим глазам не виданное мною ранее зрелище. Здесь были деревья на всех стадиях роста — от едва пробивающихся из земли до падающих наземь от старости. По этим великолепным лесам была проложена дорога шириной всего в две тележных колеи. Она представляла собой простую просеку, на которой деревья, срубленные под корень, были повалены налево и направо, чтобы оставить свободный проезд. Одному Богу ведомо, как нас трясло, когда попадались пни, срубленные не вровень с землей. Необыкновенное плодородие этой девственной земли породило множество растений-паразитов, диких лоз и лиан, переходящих с одного дерева на другое. В менее затененных местах купы рододендронов, усыпанных то лиловыми, то бледно-сиреневыми цветами, и шиповника всех сортов цветными пятнами выделялись посреди лужаек, покрытых мхом и цветущими травами, а в низинах, орошаемых небольшими ручьями, *creeks*, цвели в изобилии всевозможные водные растения. Эта юность природы настолько очаровала меня, что я провела весь день в непрерывном восторге.

В середине дня мы остановились позавтракать в трактире, недавно устроенном посреди этих огромных лесов. В Америке, когда выстроен неприятный дом в лесу и поблизости от дома есть дорога, даже если по этой дороге за весь год пройдет только один человек, все равно первой тратой для хозяина становится приобрести вывеску, а первой забо-

той — поставить столб, чтобы ее повесить. Затем к столбу прибивают по-ниже вывески ящик для писем, и это место, через которое вы проезжаете по едва проложенной дороге, на карте уже называется *городом*.

Деревянный дом, где мы остановились, достиг уже второй стадии цивилизации, поскольку это был *frame house*, то есть дом с окнами, в которых вставлены стекла. Но в памяти моей он оставил неизгладимый след в первую очередь из-за несравненной красоты семейства, которое там жило. Там обитали три поколения. Во-первых, супруги, муж и жена лет сорока — сорока пяти, оба образец силы и элегантности, наделенные той изысканностью и совершенством форм, какие можно найти лишь на полотнах великих мастеров. Вокруг них толпились восемь или десять детей, девочек и мальчиков, от девушки-подростка, напоминающей прекрасных мадонн Рафаэля, до ангелоподобных малышей, от которых не отказался бы Рубенс. И, наконец, в том же доме жил дедушка самого почтенного вида; годы покрыли его голову сединой, но никакой старческой немощи в нем не было.

В конце завтрака, за которым сидели все вместе, он поднялся, снял шапку и с почтительным видом произнес: «Выпьем за здоровье нашего любимого Президента — *our beloved President*». Тогда не нашлось бы хижины, в какой бы лесной глуши она ни была затеряна, где этим проявлением любви к великому Вашингтону не заканчивалось бы любое застолье. Иногда еще добавляли и здравицу в честь *маркиза*. Господин де Лафайет оставил по себе добрую память в Соединенных Штатах.

В Лебаноне существовало заведение с серными ваннами, уже довольно значительное. Гостиница была очень хорошая, а главное, безупречно чистая. Но роскошь белых простыней была тогда еще неизвестна в этой части Соединенных Штатов. Потребовать постельного белья, не бывшего в употреблении, представлялось фантазией, которой никто бы не понял, и более того, когда кровать была более или менее широка, вам запросто предлагали пустить туда второго постояльца. Именно это случилось в Лебаноне тем же вечером с господином де Шамбо. Посреди ночи внезапно слышались французские ругательства, которые мог отпускать только он. Утром он нам рассказал, что около полуночи его разбудил некий господин, без церемоний улегшийся на свободную часть двуспальной кровати, на которой он спал. Рассерженный этим вторжением, он тут же соскочил с кровати с другой стороны и провел ночь на стуле, слушая храп своего соседа, которого его гнев нисколько не беспокоил. Его злоключения стали предметом всеобщих насмешек. Когда вечером мы добрались до Олбани, ему отвели маленькую комнатку для него одного; это его утешило.

Город Олбани, столица графства, за два года до того был почти дотла сожжен неграми, устроившими заговор. Рабство в штате Нью-Йорк тогда еще было отменено только для детей, которые рождаются в 1794 году и позже, по достижении ими двадцати лет. Эта очень разумная мера, с одной стороны, обязывала владельцев рабов вырастить и воспитать их, а с другой стороны, давала рабу время своим трудом возместить хозяину затраты на свое воспитание. Один из этих чернокожих, большой негодяй, прежде надеялся, что решение законодателей даст ему свободу без всяких условий, и теперь решил отомстить. Он собрал еще несколько таких же мерзавцев, и они порешили в назначенный день поджечь город, который в то время был по большей части выстроен из дерева. Этот ужасный план удался даже больше, чем они надеялись. Огонь занялся сразу в двадцати местах. Дома, склады, товары — все сгорело, несмотря на рвение жителей, во главе которых трудился старый генерал Скайлер со всем своим семейством. Маленькая негритянка двенадцати лет была арестована в тот момент, когда поджигала склад соломы при конюшне своего хозяина. Она назвала имена сообщников. Назавтра суд собрался на еще дымящихся развалинах того здания, где он обычно заседал, и приговорил чернокожего главаря и шестерых из его сообщников к повешению, что и было приведено в исполнение немедленно.

Семейства Ренсселер и Скайлер совершили подвиги просвещенной благотворительности, подавая пример в восстановлении разрушенного. Из Нью-Йорка пришли обозы с товарами, кирпичом, мебелью, и красивый новый город восстал из пепла старого. Поднялись каменные, а по большей части кирпичные дома, крытые цинковым и железным листом, и, когда мы приехали в Олбани, от пожара уже не оставалось никакого следа.

Дома генерала Скайлера и его зятя Ренсселера, оба стоявшие особняком и окруженные садами, не пострадали. Там мы нашли прием столь же лестный, сколь и доброжелательный. Генерал Скайлер, увидев меня, сказал: «Ну вот, теперь у меня будет шестая дочь». Он входил во все наши планы, желания и интересы. Как и все его домочадцы, он прекрасно говорил по-французски. Здесь уместно будет рассказать об этом семействе или, вернее, о семействе его зятя, которое занимало важное положение в графстве Олбани, населенном первоначально голландцами.

Когда Вильгельм III еще не взошел узурпатором на трон Англии, а был только принцем Оранским и штатгальтером Голландии, голландские поселенцы поднялись по реке Северной, или Гудзон, и обосновались при впадении в нее ее притока Мохок на прекрасной равнине — *flats*, — которая простирается от Олбани до *Халф Мун Пойнт*, места, где сливаются две реки. Юный паж Вильгельма по имени Ренсселер, из благородной се-

мы, проживавшей в Гельд्रे, сумел заслужить благосклонность своего господина. Однажды, прислуживая принцу за столом, он сказал ему, что видел сон. Вильгельм захотел узнать его содержание, и Ренсселер рассказал, что видел во сне, как шел за принцем, неся шлейф его королевской мантии, когда того короновали английским королем. На это принц Оранский ответил, что если такова будет его судьба, то паж сможет попросить его о любой милости с уверенностью, что он ее получит.

Годы и обстоятельства обернули сон Ренсселера явью. Он обратился к Вильгельму III за исполнением обещания и, подав ему карту графства Оранж в Соединенных Штатах, попросил в концессию земли в краю мохавков. Король взял карандаш и начертил прямоугольник длиной сорок две мили и шириной восемнадцать, посреди которого протекала река Северная¹⁴⁰.

Ренсселер приплыл в Америку с оформленным актом передачи земель и обосновался в Олбани, где жило тогда всего лишь несколько колонистов. Он привлек еще поселенцев, уступая им земли бессрочно под плату зерном или деньгами, но такую небольшую, что она служила лишь для утверждения права господина и сюзерена. Кроме того, отдельные участки земли и фермы он продал и тем значительно увеличил свое состояние, которое в революцию только еще прибавилось.

Когда мы высадились в Америке, старший из Ренсселеров, глава семейства, разделившегося на множество ветвей, которые все были богаты, был как раз женат на старшей дочери генерала Скайлера. Народ прозвал его *Petroon*, что по-голландски значит «господин». Вечером в день нашего приезда в Олбани мы прогуливались по длинной красивой улице, в конце которой виднелся участок, обнесенный простым выкрашенным в белый цвет забором. Там был ухоженный парк, засаженный красивыми деревьями и цветами, посреди которого располагался хороший дом, очень простой по архитектуре, без всякой претензии на изысканность и внешнюю красоту. Позади дома виднелись обширные хозяйственные постройки, придававшие всей усадьбе вид превосходной богатой фермы, содержащейся в большом порядке. Я спросила у мальчика, который открыл нам загородку, чтобы мы могли спуститься к реке, кто владелец этого большого дома. «Но это же дом *Petroon'a*», — сказал он, пораженный вопросом. «Я не знаю, что такое *Petroon*», — сказала ему я. «Как это вы не знаете! — воскликнул он, воздевая руки к небу. — Как можно не знать, что такое *Petroon*! Кто же вы такие? *Who are you, then?*» И он удалился в каком-то возмущении и страхе оттого, что говорил с людьми, не знающими *Petroon'a*.

Два дня спустя нас принимали в этом доме с добротой, предупредительностью и дружелюбием, которые и потом не ослабевали ни на мгновение. Госпожа Ренсселер, женщина лет тридцати, хорошо говорила

по-французски, поскольку выучила язык, сопровождая своего отца в штаб американских и французских войск. Она была наделена превосходным умом и редкостным умением судить о людях и вещах. Она уже не первый год не выходила из дома, а иногда месяцами оставалась прикованной к креслу из-за разрушенного здоровья и приступов болезни, которая еще через несколько лет свела ее в могилу. Просто читая газеты, она узнала о состоянии партий во Франции, об ошибках, которые привели к Революции, о пороках высших классов общества, о безумии средних классов. С необыкновенной проницательностью она поняла лучше нас самих причины и результаты волнений в нашей стране. Ей не терпелось познакомиться с господином де Талейраном, который тогда только что прибыл в Филадельфию, будучи выслан в восьмидневный срок из Англии¹⁴¹. С присущей ему демонической остротой ума он рассудил, что Франция еще не завершила прохождение через различные фазы Революции. Он вез нам важные письма из Голландии, которые доверила ему госпожа д'Энен. Среди прочего она писала мне, что господин де Талейран приехал провести в стране подлинной свободы то время, пока Франция страдает от жестокого безумия. Господин де Талейран поручал спросить у меня, где он смог бы меня найти по завершении путешествия внутрь страны, которое он намеревался совершить в компании своего друга господина де Бомера и одного англичанина-миллионера, приехавшего из Индии.

Глава II

I. Жизнь на ферме ван Бюрен. — Господин де Шамбо поступает в ученики к столяру. — Госпожа де Ла Тур дю Пен узнает о смерти своего свекра. — Обучение занятиям фермерши. — Опасная переправа. — II. Покупка фермы. — Временное жилье в Трое. — «Log house». — Неожиданный визит господина де Талейрана. — III. Известия о 9 термидора. — Госпожа Аршамбо де Перигор. — Мнение госпожи де Ла Тур дю Пен о господине де Талейране. — Господин Лоу. — Министр финансов так беден, что не может содержать семью. — Предложение весьма любезное и оригинальное. — IV. Начало зимы: снегопад и замерзание рек. — Первые встречи с дикарями. — Переезд на ферму. — Покупка первого негра, Минка. — V. Обустройство на ферме и ремонт дома. — Деятельность госпожи де Ла Тур дю Пен. — Покупка негра Прайма. — Двое счастливых: негритянка Джудит и ее муж.

I

Поскольку мы не хотели оставаться в Олбани, генерал Скайлер взял на себя заботу найти нам ферму поблизости, которую мы могли бы купить. В ожидании этого он посоветовал нам на три месяца поселиться с пансионом у одного знакомого ему фермера, неподалеку от фермы его брата, полковника Скайлера, где тот жил со своими двенадцатью детьми. Таким образом, наше пребывание в Олбани продлилось лишь несколько дней, после чего мы отправились к господину ван Бюрену. Это была для нас школа американских обычаев: мы поставили условием, что будем жить вместе с членами семьи таким образом, чтобы они ни в малейшей мере не меняли заведенного в доме порядка. Кроме того, было договорено, что госпожа ван Бюрен будет меня занимать работой по хозяйству, как если бы я была одной из ее дочерей. Господин де Шамбо тогда же пошел в ученики к столяру в только еще зарождающийся городок Трой, в четверти мили от фермы ван Бюрен. Он уходил туда в понедельник с утра и возвращался только вечером в субботу, чтобы провести воскресенье с нами. До нас только что дошло известие о трагической гибели моего свекра. Тогда же господин де Шамбо узнал и о смерти своего отца. Я сама сшила себе траурные платья, поскольку была большой мастерицей шить. Наша добрая хозяйка, оценив мою ловкость в обращении с иглой, была очень рада задаром иметь к своим услугам умелую работницу; нанять такую в Олбани обошлось бы ей по пиастру за день плюс прокорм, включая два раза в день чай.

Мой муж съездил посмотреть несколько ферм. Прежде чем выбирать, какую из них купить, мы ожидали прибытия сумм, отправленных нам из Голландии. Генерал Скайлер и господин Ренсселер рекомендовали господину де Ла Тур дю Пену разделить эти суммы на три равные части: одна треть на покупку фермы, другая на обустройство, покупку негров, лошадей, коров, земледельческих орудий и мебели, а третья, вместе с теми деньгами, что оставались у нас от привезенных из Бордо 12000 франков, на разные непредвиденные обстоятельства, потерю негров или скота, и на жизнь в первый год. Такое распределение стало для нас правилом.

Лично для себя я решила добиться, чтобы я была способна сама вести хозяйство у себя на ферме. Я начала с того, что приучила себя никогда не оставаться в постели после восхода солнца. Летом в 3 часа утра я была уже на ногах и одета. Спальня моя открывалась на небольшой лужок, выходявший дальше к реке. Когда я говорю «открывалась», то имею в виду не окно, а дверь, которая была вровень с землей. Со своей кровати я могла не сходя с места видеть проходящие суда.

Ферма ван Бюренов, старый голландский дом, располагалась в прекрасном месте на берегу. Со стороны суши она была совершенно изолирована, но имела удобное сообщение с другим берегом реки. Через реку, на дороге в Канаду, стояла большая гостиница, где можно было получить все сведения, газеты и извещения о продаже. За день там проходило две-три *stages*, то есть почтовых кареты. У ван Бюрена было две пироги, а река текла всегда так спокойно, что ее можно было пересечь в любой момент. Никакая дорога не пересекала земли фермы, ограниченные на расстоянии в несколько сотен туазов горой, покрытой прекрасным лесом, который тоже принадлежал ван Бюрену. Мы иногда говорили, что эта ферма нам подошла бы, но она стоила дороже, чем мы могли на это выделить. Это единственное, что помешало нам ее купить, так как, по общему в Америке правилу в то время — и я думаю, что оно действует и сейчас, — как бы ни был человек привязан к своему дому, ферме, лошади или негру, если вы предложите ему на треть больше стоимости имущества, то можете быть уверены, что оно достанется вам; в этой стране всему есть цена.

От фермы вела тропинка в только еще зарождающийся городок Трой. Примерно четверть мили эта тропинка шла через заросли травы, которую косили каждый год осенью на подстилку для коров. Буйство растительности на землях, прилегающих к реке, было поразительно. Так, эта трава, которая при нашем приезде была высотой всего пять или шесть дюймов, к моменту нашего отъезда два месяца спустя, в сентябре, выросла высотой от восьми до десяти футов. Путники шли в ее тени. Мне впоследствии случалось ехать верхом через поля маиса, где стебли намного превосходили высотой меня вместе с лошастью.

Через несколько дней после того, как мы поселились у ван Бюренов, мне понадобилось сходить в Трой, чтобы купить кое-какие вещи. Мне сказали идти по тропинке, никуда не сворачивая. Я дошла так до устья небольшой речки, *creek*, впадавшей в Гудзон. В ней плавало полно бревен, предназначавшихся для лесопилки, которая недавно была устроена выше по течению. Эти бревна были связаны вместе и не могли разойтись друг от друга. Я, однако, была еще мало привычна к такому и опасалась ступить на этот подвижный мост, тем более что прилив стоял высокий. Я заметила, что тропинка кончалась у самой воды и на противоположном берегу начиналась снова, а на самих бревнах были следы, что кто-то там прошел. Значит, через речку переправлялись здесь. Блэк меня сопровождала; собака уже несколько раз сбегала туда и обратно, но она была совсем легкая, а я? Мне, однако, было стыдно вернуться домой и признаться, что я не осмелилась переправиться. Конечно же, надо мной все стали бы смеяться. Это был для меня скверный момент. Наконец, рассудив, что, если бы здесь была опасность, меня бы предупредили, я ступила на первое бревно. Оно немного подалось, но я увидела, что это все, что может мне тут грозить, и что в итоге опасность не так страшна. Я не стала никому рассказывать о своих колебаниях и впоследствии каждый день переправлялась по этому переходу без всяких забот.

II

В сентябре мой муж заключил сделку с фермером, земли которого находились на другой стороне реки, на дороге из Троя в Скенектади, в двух милях от берега. Нам понравилось расположение фермы на холме, возвышающемся над обширными землями. Дом был новый, красивый и в очень хорошем состоянии. Обрабатывалась только часть земель. Там было сто пятьдесят акров посевов, столько же леса и пастбищ, небольшой огород в четверть акра, засаженный овощами, и, наконец, прекрасный сад, засеянный красным клевером и засаженный десятилетними яблонями на сидр, которые все обильно плодоносили. С нас запросили 12 000 франков. Генерал Скайлер не счел эту сумму запредельной. Ферма находилась в четырех милях от Олбани, на дороге в город Скенектади, который тогда очень хорошо развивался; иными словами, это было *a thriving situation*, «бойкое место», что в тех краях значило очень много.

Владелец не желал съезжать, пока не ляжет снег. Поскольку мы договаривались с ван Бюренами, которым явно успели надоесть, только на два месяца, нам надо было найти себе другой приют на время с 1 сентября до 1 ноября. Мы нашли в Трое за небольшие деньги маленький деревянный домик посреди большого двора, огороженного дощатым забором,

и поселились там. Поскольку нам надо было купить кое-какую мебель для фермы, мы купили ее сразу же. Эти вещи, вместе с привезенными нами из Европы, позволили нам сразу же устроиться в доме. Я наняла одну белую девушку, очень достойную. Она собиралась замуж через два месяца и согласилась поступить ко мне на службу в ожидании момента, когда ее жених построит *log house*, бревенчатый дом, где они станут жить после свадьбы.

Рисунок дал бы о *log house* лучшее представление, чем описание на словах, но вот что под этим понималось. Выравнивают площадку квадратной формы размером четырнадцать или пятнадцать футов и для начала строят там печь из кирпича. Это первое, что составляет комфорт дома. Затем возводят стены из толстых бревен прямо с корой, в которых вырубают выемки, чтобы они точно соединялись одно с другим. На этих стенах устраивается крыша с проемом для печной трубы. Дверь делается на южную сторону. Таких домов много можно увидеть в Швейцарии, на пастбищах в Верхних Альпах, где их используют исключительно как укрытия для скота и приставленных к нему пастухов. В Америке они представляют собой первую стадию постоянного жилья, а часто и последнюю, поскольку везде есть свои обездоленные, и в процветающем городе эти *log houses* становятся прибежищем бедняков.

Бетси, таким образом, дожидалась, пока ее будущий муж построит дом, где ей предстоит жить. Он был работник, бравшийся за любую работу. Нанимался он поденно, иногда обрабатывал сады и огороды горожан, державших в городе магазины, где продавались самые разнообразные товары: гвозди и ленты, муслин и солонина, иголки и плужные лемеха. В остальное время он занимался еще какой-нибудь работой. Этот человек зарабатывал в день до одного доллара или пиастра. Теперь он наверняка уже разбогател и стал землевладельцем.

Однажды в конце сентября я была у себя во дворе с топориком в руках — я разрубала кость бараньей ноги, которую собиралась насадить на вертел и изжарить на ужин. Бетси была не мастерица готовить, так что мне было доверено всех кормить, и я старалась справиться с этим делом как могла, помогая себе чтением поваренной книги *Cuisine bourgeoise*¹⁴². Вдруг позади меня раздался громкий голос, который произнес по-французски: «Невозможно более величественно насаживать баранину на вертел». Обернувшись, я увидела господина де Талейрана и господина де Бомеца. Приехав накануне в Олбани, они узнали от генерала Скайлера, где мы живем. От его имени они передали нам приглашение прийти к ужину и провести завтрашний день у него вместе с ними. Они собирались задержаться в городе только на два дня. С ними был один англичанин из числа их друзей, и он очень торопился вернуться в Нью-Йорк. Поскольку господина Талейрана так позабавил вид моей баранины, я настояла, чтобы

он наавтра пришел есть ее вместе с нами. Он согласился. Оставив детей на попечение господина де Шамбо и Бетси, мы отправились в Олбани. Этим и ограничивается моя встреча с господином де Талейраном, которую госпожа д'Абрантес и госпожа де Жанлис обставили такими глупыми и до смешного романтическими обстоятельствами.

III

По дороге мы много разговаривали обо всем подряд, как обычно делают при встрече, когда некоторое время не виделись. Последние новости из Европы, которых они не получали во время своего путешествия на Ниагару — они вернулись только накануне вечером, — были ужаснее, чем когда-либо. В Париже кровь лилась потоком. Мадам Елизавета погибла. У нас у всех были родные и друзья, ставшие жертвами Террора. Чем это кончится, мы не могли предугадать.

Когда мы пришли к доброму генералу, он был у себя перед домом и издали махал нам, крича: «Идите, идите сюда! Важные новости из Франции!» Мы вошли в гостиную, и каждый схватил себе по газете. Там сообщалось о революции 9 термидора, смерти Робеспьера и его сторонников, окончании кровопролития и справедливой казни революционного трибунала. Мы поздравляли друг друга. Но глубокий траур, в который мы с мужем были облачены, был печальным свидетельством тому, что эта справедливость небес свершилась слишком поздно для нас; посему эти события давали нам меньше причин для личного удовлетворения, чем господам де Талейрану и де Бомецу.

Господин де Талейран особенно радовался, что его невестка госпожа Аршамбо де Перигор избежала казни, но гораздо позже в тот вечер, взяв со стола газету, которую считал уже прочитанной, он нашел там скорбный список жертв, казненных в самый день 9 термидора, утром, во время заседания, где был обличен Робеспьер, — и там было ее имя. Эта смерть больно поразила его. Его брат, совершенно не заботившийся о судьбе своей жены, уехал из Франции еще в 1790 году, и, поскольку их состояние принадлежало его жене, он считал более *уместным*, а главное, более удобным, чтобы она осталась, во избежание конфискации. Эта достойная женщина послушалась; а когда после приговора ей предложили объявить себя беременной, что стало бы ее спасением через несколько часов, она не пожелала это сделать. У нее оставалось трое детей: одна дочь, госпожа Жюст де Ноайль, ныне герцогиня де Пуа, и двое сыновей, Луи, который погиб в армии при Наполеоне, и Эдмон, который женился на младшей из дочерей герцогини Курляндской. Если бы мы не узнали об этом страшном событии, наш вечер у генерала Скайлера был бы из самых приятных.

Господин Лоу, спутник господ де Талейрана и де Бомеца, мог считаться самым большим оригиналом среди англичан, которые все более или менее оригиналы. Это был высокий блондин лет сорока — сорока пяти, с красивым меланхолическим лицом. Когда какая-нибудь мысль его занимала, обрушья вокруг него дом — он бы и глаз не поднял. Вечером, возвращаясь в гостиницу, он вдруг сказал господину де Талейрану:

— Дорогой мой, мы послезавтра не уедем.

— А почему? Вы ведь уже заплатили за место на шлюпе, который пойдет вниз по реке в Нью-Йорк.

— О, это всё равно. Я не хочу уезжать. Эти люди из Троя, за которыми вы ходили...

— Что же?

— Я хочу увидеться с ними еще несколько раз. Вы завтра к ним пойдете?

— Да.

— Я вечером туда за вами зайду. Я хочу посмотреть на эту женщину у нее дома.

После этого он снова замолчал, и его уже не могли разговорить.

На следующее утро, позавтракав у нашего по-отечески заботливого генерала, господин де Талейран с моим мужем вернулись в Трой. Я опередила их, уехав туда еще с утра, поскольку мне надо было приготовить обед для нашего гостя. Управляемая негретенком двуколка, напоминающая «барочки», разъезжающие по дорогам Тосканы, только с одной лошадью — экипаж, который можно было легко достать в Олбани за один доллар, — вернула меня к моим обязанностям кухарки и дворецкого.

Господин де Талейран был любезен, как он всегда неизменно бывал со мной, и показывал ту приятность в беседе, какой никто никогда не обладал так, как он. Он меня знал с моих детских лет и поэтому держался со мной в некотором роде по-отечески и с чарующей благосклонностью. Можно было внутренне пожалеть о том, что есть столько причин не уважать его. Послушав его час, нельзя было удержаться, чтобы не прогнать все дурные воспоминания, которые он вызывал. Сам по себе ничего не стоящий, он испытывал — и это создавало особенный контраст — отвращение к тому, что было дурного в других. Не зная, кто он такой, по его речам можно было счесть его за добродетельного человека. Один его изысканный вкус к приличиям мешал ему говорить мне такие вещи, которые бы мне не понравились, и, если, как бывало иногда, такие слова у него выскальзывали, он тут же спохватывался и говорил: «Ах, да! Действительно, вы же этого не любите».

Вечером господин Лоу в сопровождении господина де Бомеца пришел к нам пить чай. У меня уже была корова, и я им подавала превосходные

сливки. Мы пошли прогуляться. Господин Лоу подал мне руку, и у нас с ним завязался долгий разговор.

Господин Лоу, брат лорда Лэндаффа, еще совсем молодым уехал в Индию, где в течение четырнадцати лет занимал должность губернатора Патны или чего-то в этом роде. Там он женился на вдове-брахманке, очень богатой, и от нее у него было двое сыновей, еще маленьких. Жена его умерла, оставив ему значительную сумму. Вернувшись в Англию, он заскучал и надумал поехать в Америку, чтобы потратить на приобретение земель в этой стране часть привезенных из Индии капиталов. Он хотел удостовериться в том, что новый народ заслуживает того уважения, с которым он думал к нему отнестись. Я в этом сомневалась и не скрывала от него своих сомнений, но он не разделил мою точку зрения. Его воображение создало химерический образ Америки, от которого он не хотел отказываться. Он был идеолог по натуре, но в остальном человек остроумный, образованный, поэт и историк. Он написал по-английски много интересного из истории Великого Могола и перевел с языка хинди поэму последнего тамошнего правителя, которому выкололи глаза, а потом он сидел в тюрьме не знаю уж сколько лет. Пообещав мне завтра прислать этот перевод, он погрузился в глубокую задумчивость и больше ничего не говорил до конца прогулки. Только при входе в дом он горестно вздохнул и воскликнул: «*Poor Mogol!*»*

Через день после того мы пошли к госпоже Ренсселер, чтобы провести там день вместе со всем семейством Скайлер. На господина де Тайлера произвел огромное впечатление выдающийся ум госпожи Ренсселер; слушая ее суждения о событиях и людях, он не мог поверить, что она не прожила много лет в Европе. Было также очень интересно слушать, как она говорила об Америке и о революции в этой стране, о которой она имела очень обширные и глубокие познания благодаря своему зятю полковнику Гамильтону, другу и ближайшему доверенному лицу Вашингтона.

Полковника Гамильтона ждали в Олбани, где он собирался провести какое-то время у своего тестя генерала Скайлера. Он только что покинул пост министра финансов, который занимал со времени установления мира; это ему Соединенные Штаты были обязаны наведением должного порядка в этой части управления страной. Господин де Талейран его знал и был о нем самого высокого мнения. Но он находил очень странным, что столь значительный человек, наделенный такими превосходными талантами, ушел с министерского поста и вернулся к профессии адвоката, объясняя это тем, что должность министра не давала ему средств содержать семью с восемью детьми. Такой повод казался господину Талейрану по меньшей мере странным и, говоря прямо, даже несколько глупым¹⁴³.

* Бедный Могол!

Когда закончился обед, господин Лоу взял господина де Талейрана за руку и увел в сад на довольно долгое время. Их отъезд был назначен на следующий день, и они составили план прийти попрощаться с нами утром в Трой. После разговора с господином де Талейраном господин Лоу сослался на то, что ему надо написать несколько писем, и вернулся к себе в гостиницу. Тогда господин де Талейран, отведя нас с мужем в уголок в гостиной, поведал нам, что господин Лоу сказал ему такие слова: «Мой дорогой друг, мне очень нравятся эти люди (имея в виду нас), и я намерен одолжить им тысячу луидоров. Они только что купили ферму. Им нужен скот, лошади, негры и прочее. Они не будут возвращать мне долг, пока живут в этой стране... да я и не взял бы ничего... Я испытываю потребность быть им полезным, чтобы чувствовать себя счастливым, а если они мне откажут... у меня слабые нервы... я от этого заболею. Они окажут мне подлинную услугу, приняв мое предложение». Потом он добавил: «Эта женщина, так хорошо воспитанная! И она сама готовит... доит корову... стирает белье... Эта мысль мне невыносима... она меня убивает... Я уже две ночи не сплю».

Господин де Талейран был человеком слишком хорошего вкуса, чтобы посмеяться над таким свойством характера. Он вполне серьезно спросил у нас, что ему следует ответить. По правде говоря, мы были глубоко тронуты этим предложением, при всей оригинальности его изъясления. Мы попросили, чтобы он передал своему другу нашу искреннюю благодарность и заверил его, что в настоящий момент мы можем справиться со всеми нуждами нашего устройства; если же впоследствии, в силу каких-то непредвиденных обстоятельств, мы окажемся в затруднительном положении, мы обещаем обратиться к нему. Это обещание, переданное ему в тот же вечер, немного его успокоило. Наутро он пришел попрощаться с нами. Он, бедный, был так смущен, будто совершил какой-то дурной поступок. Я от всего сердца обменялась с ним рукопожатием, *heartly shake hands*, ни о чем другом не заговаривая. Он принес мне свой перевод поэмы Могола английскими стихами. К моему большому удивлению, я узнала в нем в точности историю Иосифа и влюбленной жены Потифара, которая есть в Библии.

IV

Мы с нетерпением ждали, когда выпадет снег и когда река замерзнет на три или четыре месяца. Замерзание совершается сразу, и для того, чтобы лед был прочен, нужно, чтобы он в двадцать четыре часа схватился на толщину в два-три фута. Эта особенность не есть следствие широты того места, а связана исключительно с его расположением и большим

количеством лесов, покрывающих этот огромный континент на север и запад от поселений Соединенных Штатов. Весьма вероятно, что теперь, в 1843 году, когда великие озера почти все окружены возделанными землями, климат тех мест, где мы жили, заметно изменился. Как бы то ни было, тогда все происходило так, как я опишу ниже.

С 25 октября по 1 ноября небо покрывалось таким плотным скоплением туч, что становилось темно. Ужасно холодный северо-западный ветер гнал эти тучи с огромной силой, и каждый готовился к зиме, убирая в укрытие все то, что не должно было оказаться под снегом. Из реки вытаскивали лодки, пироги и паромы; те, у которых не было палубы, переворачивали вверх килем. В этот момент все развивали бурную деятельность. Потом начинал падать снег, такой густой, что за десять шагов не видно было человека. Река обычно к тому времени уже два или три дня стояла. Первым делом было разметить вешками из еловых веток широкую дорогу вдоль одного из берегов. Отмечали также места, где берег был не обрывистый и можно было съехать на замерзшую воду. В стороне от вешек спуститься было бы опасно, потому что во многих местах лед у берега не набирал достаточной прочности.

Мы приобрели себе *мокасины* — что-то вроде мягких туфель из бизоньей кожи, которые делают и продают дикари. Цена их бывает иногда довольно высока, если они расшиты окрашенной корой или иглами дикобраза.

Как раз при покупке этой обуви я и увидела в первый раз дикарей. Это были последние уцелевшие из народа *мохавков*, территория которых была куплена или захвачена американцами после заключения мира. *Онондага*, селившиеся возле озера Шамплейн, тоже в то время продавали свои леса и разбредались. Время от времени к нам заходили некоторые из них. Я, признаюсь, была несколько удивлена, когда впервые повстречала совершенно голых мужчину и женщину, спокойно идущих по дороге, причем никто не находил это странным. Я к этому скоро привыкла, а когда поселилась у себя на ферме, то видела дикарей летом почти каждый день.

Мы воспользовались первым же моментом, когда дорога была размечена и наезжена, и приступили к переезду. Пришли деньги, которых мы ждали из Голландии, а моя бабушка леди Диллон (тогда она была еще жива) прислала мне, хотя она никогда меня не видела, триста луидоров, на которые мы купили пахотные орудия. У нас уже было четыре хороших лошади и двое рабочих саней. Третьи сани служили для перевозки людей и назывались *the pleasure sledge*, «сани для катанья». Туда могло поместиться шесть человек. Это было что-то вроде низкого короба. В задней части помещалась первая скамья, немного шире самих саней; она была устроена поверх ящика, в который складывали небольшие вещи, и имела спинку выше головы седока, которая защищала нас

от ветра. Другие скамьи, числом две, были просто из досок. Ноги укрывали бизоньи и овечьи шкуры. В такие сани запрягали двух лошадей, и они ехали очень быстро.

Собрав этот санный поезд, мы отправились устраиваться на ферме, хотя продавцы еще жили там. Их мало заботило наше удобство, и они не торопились переезжать. Нам пришлось их буквально выталкивать прочь.

В это время мы купили негра, и эта покупка, казавшаяся делом самым простым, произвела на меня такое новое впечатление, что я всю жизнь буду помнить малейшие подробности этого события.

Законодатели, как я уже сообщала выше, решили, что негры, рожденные в 1794 году, получают свободу в двадцатилетнем возрасте. Но некоторые были уже освобождены, либо своими хозяевами в вознаграждение за что-то, либо по каким-то другим причинам. Вдобавок установился обычай, от которого ни один хозяин не смел уклониться под страхом того, что все от него отвернутся. Если какой-то негр был недоволен своим положением, он шел к мировому судье и обращался к своему хозяину с официальной просьбой продать его. Тот, в соответствии с обычаем, должен был позволить ему искать хозяина, который заплатил бы за него условленную сумму. Хозяин мог установить трех- или шестимесячный срок, но редко кто делал это, не желая держать у себя работника или слугу, о котором известно, что он желал бы это место покинуть. Со своей стороны, негр искал человека, который был бы расположен его купить. Обычно он находил нового хозяина еще до того, как извещать прежнего, у которого он не желал оставаться. С нами так и получилось. Бетси, пользовавшаяся очень хорошей репутацией, везде нас хвалила и жалела, что ей приходится нас покинуть. Несколько отданных ей ленточек и старых платьев за недорого приобрели мне репутацию потрясающей щедрости, слух о которой распространился даже среди фермеров прежней голландской колонии. Один молодой негр желал уйти от хозяина, у которого он родился, чтобы избежать сурового обращения своего отца, тоже негра, и матери. Он принес нам официальный акт, позволяющий ему искать другое место. Наведя справки, мы узнали, что с ним действительно обращались очень строго, и, поскольку его отец сам просил нас купить сына, мы согласились.

Мы сели в свои желто-красные сани, запряженные двумя превосходными вороными лошадьми, и поехали за четыре мили от нашей фермы на участок, *a tract of land*, где по соседству стояло восемь или десять ферм, владельцы которых все носили фамилию Лансинг. Это необычное обстоятельство было связано с тем, что первый колонист купил кусок земли в то время, когда земли, покрытые лесом, продавались по четыре или пять су за акр. Распашка купленной земли, начатая им, была продолжена его детьми. Эти дети потом построили на участках, расчищен-

ных и распаханых уже ими, свои дома, во всем похожие на родительский. Из-за этого там нередко приходится бродить целый день от фермы к ферме, встречая везде владельцев под одной фамилией и так и не находя того, кто вам нужен.

Тем не менее, зная имя, под которым наш негр был крещен, если только он был действительно крещен, мы добрались до красивого дома господина Генри Лансинга — дома кирпичного, что составляет большое отличие, которым мы не обладали. Там мы спросили у госпожи Лансинг негра по имени Минк, который пожелал поступить к нам на службу. Как настоящая голландка, не затронутая вырождением, она поспешила спросить, на скверном английском, привезли ли мы деньги. Мой муж тут же отсчитал на стол 1000 франков, которые я держала у себя под плащом, и тогда появился господин Лансинг. Это был человек высокого роста, одетый в превосходный костюм серого домотканого сукна, *home spun*. Он позвал Минка, взял его руку и вложил ее в руку моего мужа со словами: «Вот твой хозяин». По исполнении этого мы сказали Минку, что пора ехать. Но госпожа Лансинг приготовила нам по стаканчику мадеры с печеньем, и совершенно необходимо было это проглотить, чтобы нас не сочли плохими соседями. В разговоре папаша Лансинг узнал, что мой муж представлял французского короля в Голландии, его родной стране — *mother-country*, как он ее называл. Это чрезвычайно прибавило ему уважения к нам. Затем мы откланялись и нашли Минка уже устроившимся в санях. Он перед тем поднялся к себе в комнату и оделся в свой лучший наряд. Одежда эта принадлежала ему самому; он не взял с собой ничего, купленного на деньги хозяина, даже мокасин. Все прочие свои личные вещи, помещавшиеся в шапке, он уложил в ящик под сиденьем саней, а потом повернулся, приложив руку к шляпе, как сделал бы самый стильный английский кучер, и спросил у меня, показывая на лошадей: «Это мои лошади?» Получив утвердительный ответ, он взял вожжи и во весь опор припустил к новому месту жительства, гораздо менее озабоченный, чем я. Мне никогда прежде не приходилось покупать человека, и я была все еще под впечатлением того, как это произошло.

V

Через несколько дней продавцы покинули ферму, оставив нам дом грязный и в беспорядке, что было с их стороны очень плохо. Это были английские поселенцы, то есть люди, приехавшие с побережья. Они покинули свой участок, прожив там несколько лет, потому что он стал для них мал и они собирались расчистить и распахать целину по другую сторону реки. Эти люди не сумели собрать достаточно средств, чтобы разные

поколения семьи смогли разделить и поселиться отдельно. То, что они продолжали жить все вместе, было знаком бедности, дурного поведения или недостатка ума. Американцы как пчелы: рой за роем должны периодически покидать улей навсегда.

Оставшись в своем доме одни, мы потратили некоторую сумму на его обустройство. Дом имел только один этаж на высоте пять футов от земли. Когда его строили, сначала была устроена стена, уходящая на шесть футов в землю и выступающая на два фута над землей. Эта часть образовала погреб и помещение для молочной. Выше этого уровня дом был деревянный; такое можно часто видеть и до сих пор в швейцарском Эмментале. Промежутки в деревянном каркасе были заполнены сырцовым кирпичом, просушенным на солнце, образуя очень плотную и теплую стену. По нашему заказу стены внутри покрыли подкрашенной штукатуркой; получилось очень красиво.

Господин де Шамбо с большой пользой провел четыре месяца в учениках у столяра и стал действительно очень хорошим работником. Впрочем, ему невозможно было и помыслить о небрежности, поскольку моя деятельность не допускала никаких поправок. Они с моим мужем могли применить ко мне слова, сказанные господином де Талейраном о Наполеоне: «Тот, кто придал бы этому человеку немного лени, сделался бы благодетелем вселенной». Действительно, за все то время, что я прожила на ферме, здорова я была или больна, солнце никогда не заставало меня в постели.

Минк, ища себе нового места, пытался избежать, как я говорила, суровости своего хозяина и своего отца. Он испытал жестокое разочарование, когда несколько дней спустя его отец явился на ферму, чтобы тоже переговорить с нами о цене на себя. Это был негр лет сорока пяти — сорока восьми, имевший отличную репутацию работника разумного, деятельного и разбирающегося в земледелии. Он ловко и справедливо рассчитал, что при господах из высшего сословия, но без опыта, он с легкостью станет хозяином в доме и необходимым человеком. Его ум, действительно превосходный, часто подсказывал ему нововведения, о которых старый Лансинг не желал даже слышать. Ему страстно хотелось оказаться у новых людей, которые не руководствовались бы одними предрассудками, как его хозяин-голландец, не допускавший ни малейшей перемены в обычаях столетней давности.

Мы спросили совета у генерала Скайлера и господина Ренсселера. Они оба знали этого негра по его репутации. Они порадовались за нас, что он так хочет нам принадлежать, порекомендовали нам его взять и даже посоветовали обращаться к нему со всеми вопросами по ведению хозяйства на ферме. Мы его купили очень задешево из-за его возраста, потому что больше уже не допускалось продавать негра, когда ему исполнилось пятьдесят лет. Господин Лансинг даже выдвинул эту причину, чтобы не прода-

вать его нам. Но негр, достав свое свидетельство о крещении, доказал, что ему только сорок восемь.

Мы были довольны, что он поселился у нас на ферме. Один только его сын не разделял нашего удовлетворения. Звался он Прайм; он приобрел это прозвище за свое превосходство во всех делах. Чтобы закончить с историей нашего обустройства и наших негров, я скажу, что мы купили еще двоих, устроив тем самым их счастье. Впрочем, они вполне его заслуживали. Из этих двоих одна была женщина. Будучи уже пятнадцать лет замужем, она потеряла всякую надежду воссоединиться с мужем, которого обожала, потому что ее хозяин, грубый и злой, всегда отказывался ее продать. После того как Прайм присоветовал нам купить мужа, превосходного по характеру и хорошего работника, я решила для себя, что должна заполучить также и жену. Негритянка мне была необходима. У меня было слишком много работы, а поденщица обошлась бы мне слишком дорого.

Таким образом, однажды утром я отправилась в санях с мешочком серебра за этой негритянкой, по имени Джудит, к ее хозяину Вильбеку. Он был братом поверенного господина Ренсселера. Я ему сказала, что узнала от *Petron*'а о его намерении продать негритянку Джудит. Он стал это отрицать, ссылаясь на то, что она ему очень нужна в хозяйстве. Я ему ответила, что он сам знает, что нельзя отказаться продать негра, когда тот этого просит; эта женщина выразила такое желание, но он ее избил чуть ли не до смерти, и она до сих пор от этого больна. Он грубо ответил, что она может искать себе хозяина, когда выздоровеет. «Велите ее позвать, — сказала я, — она уже нашла хозяина». Она пришла. Узнав, что я купила ее мужа и что я желаю купить и ее тоже, чтобы воссоединить их, бедная женщина в изнеможении опустилась на стул. Тут уже Вильбек, знавший о моих связях с господином Ренсселером, не стал больше упорствовать. Я отсчитала ему деньги и предупредила Джудит, что ее муж завтра придет за ней и ее маленькой дочерью. Девочка, которой было три года без нескольких месяцев, должна была по закону следовать за матерью. Таким образом у нас сложилась негритянская семья. Нам действительно выпало большое счастье. И женщина, и мужчина были превосходного характера, деятельные, трудолюбивые, разумные. Они всей душой привязались к нам, потому что негры, когда они хорошие, не бывают хорошими наполовину. Можно было положиться на их преданность до смерти. Джудит было тридцать четыре года; она была чрезвычайно некрасива, что не мешало ее мужу быть без ума от нее. Господин де Шамбо устроил им отдельную комнату в амбаре — роскошь, о которой они никогда не смели и мечтать.

Я с удовольствием думаю об этих добрых людях. Прослужив мне верой и правдой, они подарили мне, как об этом будет сказано ниже, то, что я называю по справедливости *самым прекрасным днем в моей жизни*.

Глава III

I. Новые знакомства: господин Бонами и господин Дежарден. — Масло госпожи де Ла Тур дю Пен. — Семейство поселенцев. — Домашняя жизнь. — Полезный подарок. — II. Приход весны. — Дикари. — Их верность данному слову. — Их страсть к рому; отвратительная сцена. — «Old Squaw». — III. Визит господина де Новиона. — «Squaw John». — Переправа на пароме, вызвавшая сильный испуг. — Маленький Юмбер у госпожи Эллиссон. — IV. Квакеры-трясуны. — Поездка в их поселение. — V. Госпожа де Ла Тур дю Пен одевается как фермерша. — Визит господина де Лианкура и господина Дюпети-Туара. — VI. Жестокий поступок. — Господин де Талейран и банкир Моррис. — Планы поездки в Филадельфию и Нью-Йорк.

I

В Олбани жили две французских семьи, с которыми мы завели знакомство. Меж собой они были совсем непохожи. Одна была семья мелкого торговца по имени Женец, человека совсем простого, приехавшего в эти края с некоторыми денежными средствами и всевозможным галантерейным товаром. Он держался очень любезно, хотя по сути это был изрядный негодяй, скрытый революционер. Но, поскольку он сдавал большую квартиру одному французско-креолу из числа наших друзей, мы с ним обращались, как с соотечественником.

Этот креол из Сан-Доминго¹⁴⁴ был хорошо знаком с моим отцом, у которого я его сама встречала в Париже. Звали его Бонами. Он был вчистую разорен пожаром в Капе¹⁴⁵; ему удалось сохранить лишь небольшие средства, помещенные во Франции, и его жена, уроженка Нанта, нашла там приют вместе с двумя дочерьми. Она в этом городе и умерла, а дочерей, еще маленьких, забрали на воспитание их дяди. Господин Бонами, будучи объявлен эмигрантом, не мог вернуться ни в Сан-Доминго, ни во Францию. Он искал способа обеспечить себе в Америке средства к жизни после того, как закончатся те 10 000 или 12 000 франков, которые он смог спасти из Капа. Это был человек очень приятный, образованный и даже ученый, преисполненный остроумия, веселости и легкости в обращении. Он часто бывал у нас. Прайм привозил его в санях, возвращаясь с рынка, куда ездил почти каждый день продавать груз дров, а также масло и сливки к завтраку.

Мое масло вошло в большую моду. Я его аккуратно формовала в небольшие брусочки, используя специальную форму с нашим шифром, и красиво укладывала в чистую корзинку на тонкую салфетку. Это все предназначалось покупателю. У нас было восемь коров, которых хорошо кормили, и наше масло не делалось хуже в зимнюю пору. Сливки у меня были всегда свежие. Это мне приносило каждый день немало денег, а полные сани дров давали по меньшей мере два пиастра*.

Прайм, хотя и не умел ни читать, ни писать, вел расчеты с такой точностью, что никогда не бывало ни малейшей ошибки. Он часто привозил с собой из Олбани купленное там свежее мясо, и мой муж с его слов записывал, сколько он выручил и сколько потратил.

Господин Бонами приезжал обычно в субботу и оставался у нас на ферме до понедельника. Однажды, в начале весны, его пребывание продлилось дольше. Падение с лошади задержало его у нас более чем на две недели.

Другая семья жила в Олбани в ожидании отъезда в Блэкriver, возле озера Эри, где они намеревались поселиться. Глава семьи господин Дежарден был агентом компании, владевшей огромными землями; эти земли компания перепродавала отдельными мелкими участками бедным ирландским, шотландским и даже французским колонистам, которых направляли ей нью-йоркские негоданты.

Чтобы понять, как это было устроено, посмотрим на одну группу таких колонистов, с которой я познакомилась.

Эта группа состояла из мужа с женой, мальчика лет пятнадцати — семнадцати и двух девочек. Я видела, как они уходили пешком по снегу; первые трое несли на спине груз, увязанный, как заплечная корзина. Муж вел в поводу скверную лошадь, запряженную в небольшие сани, на которые он нагрузил два бочонка — один с мукой, другой с солониной, топоры, огородный или какой-то другой инструмент, несколько свертков и обеих девочек.

Добравшись до Кентукки, штата ныне столь цветущего, а тогда пустынного, они должны будут обратиться к представителю того человека, который им продал или сдал в аренду их участок земли под ферму. Первым их делом станет рубка деревьев для строительства бревенчатого дома, *log house*. Пока что их поселят у себя соседи. Затем им предстоит расчистить землю от кустарника, подпалив подлесок; в огне сгорят заодно и нижние ветки деревьев. Когда растает снег, они пройдут по углям бороной и посеют пшеницу. Ничего другого не требуется для хорошего урожая. По-немногу большие деревья, у которых сгорели только нижние ветки, будут использованы на строительство изгородей, *fences*, разделяющих владение на несколько участков; из этих участков тот, который лучше всего

* Испанский пиастр того времени стоил чуть больше 5 франков.

орошается, станет лугом и пастбищем. И вот уже семья на пути к процветанию. Путешественник, проезжающий мимо, увидит, как из хижины выходят семь или восемь детей всех возрастов, свежих и бодрых, живущих на кукурузной муке, молоке и масле, и все они уже с четырех лет стараются быть полезными.

Обычно за такое владение выплачивается небольшая рента зерном или деньгами. Наша ферма выплачивала пятнадцать бушелей зерна натурой или деньгами *Petroon*'у Ренсселеру, и так же обстояло дело на всех фермах его огромных владений, простиравшихся на восемнадцать миль в ширину и на сорок две в длину.

Господин Дежарден привез из Европы полный комплект обстановки и, в числе прочего, хорошую библиотеку в тысячу или полторы тысячи томов. Он позволял нам брать книги, и мой муж или господин Шамбо читали мне по вечерам, пока я работала.

Мы завтракали в 8 часов, а обедали в час дня. Вечером, в 9 часов, мы пили чай с тартинками с нашим превосходным маслом и прекрасным сыром *stilton*, который прислал нам господин де Талейран. К этой посылке он приложил для меня подарок, который доставил мне величайшее удовольствие, — красивое и добротное дамское седло с уздечкой, попоной и прочими принадлежностями. Никогда еще подарок не приходился так кстати. Дело в том, что при покупке фермы нам достались еще две красивые кобылки одинаковой масти и роста, но очень разные по характеру.

Одна была смиренная, как ягненок, и, хотя она никогда до того не знала удил, я на нее села в тот же день, как ее впервые оседлали. За несколько дней я ее вывездила так, будто это была манежная лошадь. У нее были очень приятные аллюры, а когда надо было, она шла за вами, как собака. Другая кобыла была какой-то демон; господин де Шамбо, кавалерийский офицер, при всем своем умении не смог ее укротить. Только к весне с ней удалось совладать, поставив ее пахать между двух сильных лошадей и за ноздри закрепив головы всех трех животных к одной толстой палке. Первые разы ее это так бесило, что через десять минут она уже была вся в поту. Однако со временем ее удалось усмирить. Это была отличная кобыла, стоящая по меньшей мере 25–30 луидоров.

II

Раз речь зашла о весне, интересно будет рассказать, с какой быстротой она наступала в этих краях. Широта 43 градуса тут начинала снова ощущаться в полную силу. Северо-западный ветер, господствовавший всю зиму, в первых числах марта внезапно прекратился. Стали дуть бризы с юга, и снег растаял с такой быстротой, что на два дня дороги преврати-

лись в бурные потоки. Поскольку наше жилище стояло на склоне холма, мы вскоре были уже избавлены от белого покрова. Зимой траву защищал от мороза слой снега толщиной в три-четыре фута, так что теперь меньше чем за неделю луга зазеленели, покрылись цветами, а леса наполнились бесчисленным разнообразием растений, неизвестных в Европе.

Дикари, зимой совсем не появлявшиеся, стали вновь заходить на фермы. Один из них с началом холодов попросил у меня разрешения нарезать веток какого-то дерева вроде ивы с побегами толщиной в палец и длиной в пять-шесть футов; за это он обещал мне за зиму сплести корзины. Я совершенно не рассчитывала на выполнение этого обещания, сильно сомневаясь в том, что дикари до такой степени рабы своего слова, хотя меня в этом и уверяли. Я ошибалась; сошел снег, и не прошло и восьми дней, как мой индеец появился с грузом корзин. Из них он мне отдал шесть, вставленных одна в другую. Первая, круглая и очень большая, была так хорошо сплетена, что держала налитую воду, как глиняный горшок. Когда я хотела заплатить ему за корзины, он наотрез отказался и согласился взять только миску оставшейся после сбивания масла сыворотки, которая дикарям очень по вкусу. Меня предупреждали, чтобы я никогда не давала им рома, к которому они питают неумеренную страсть; мне, кстати, и самой случилось как-то в Трое быть свидетельницей отвратительной сцены.

Один дикарь, проходя по городу со своей женой, остановился перед маляром, занятым отделкой местной лавки. Несколько молодых людей попросили его нарисовать у себя на коже черным и красным те узоры, которые он наносит, отправляясь на войну. Он согласился при условии, что ему дадут *кварти* рома. Эта английская мера соответствует французским полутора литрам¹⁴⁶. Он с большой серьезностью уселся на скамью, и его жена, взяв кисточку, нарисовала ему на коже очень ровно полумесяцы, змей, изображения солнца и другие знаки. После этого он издал воинский клич, клич сбора, клич к атаке и так далее... До этих пор все было довольно забавно, и ничего более. Но тут он потребовал обещанную плату, и ему принесли *кварти* рома. Он взял и выпил единым духом все до капли, после чего сразу свалился замертво на песок у реки. Его жена, с необыкновенным терпением, присущим дикарским женщинам, уселась рядом с ним и так, не шевелясь, просидела несколько часов. Очнувшись от своего забытья, он устремился к реке, чтобы смыть покрывавшие его цветные рисунки. Но вода, вместо того чтобы смыть их, только смешала и размазала краски по его телу. Зрелище было ужасное. Только тут он понял, что над ним посмеялись, а этого дикари никогда не прощают. Он ушел, произнося угрозы и проклятия, и разумные люди говорили тем, кто устроил эту шутку, что если он когда-нибудь, хоть через двадцать лет, найдет случай отомстить, то непременно это сделает.

Поэтому тем, кто ко мне приходил, я рома ни в коем случае не давала. Зато у меня в старой коробке хранились остатки искусственных цветов, перья, разноцветные ленточки, бывшие когда-то в моде дутые стеклянные бусины, и я их раздавала женщинам, которых это очень радовало. Среди них была одна очень старая, отвратительная на вид. Ее называли *Старая Скво*, и, когда она появлялась, моя негрятка теряла покой. Старуха пользовалась репутацией колдуньи и гадалки. Когда в хозяйстве были куры, насиживающие яйца, стельные коровы или супоросные свиньи, когда бывали посеяны семена овощей или затевалось какое-то важное дело, при появлении в это время *Старой Скво* считалось важным задобрить ее каким-нибудь подарком, который она могла бы употребить для своего наряда.

Старая женщина всегда, даже в цивилизованной жизни, представляет собой нечто очень некрасивое. А теперь представьте себе семидесятилетнюю *Старую Скво* с седыми волосами, которых никогда не касался гребень, и черной дубленой кожей; она всю свою жизнь провела голая, открытая непогоде во всякое время года, имея из одежды только что-то вроде передника из грубого синего сукна и небольшое шерстяное покрывало, наброшенное на плечи и закрепленное за два угла под подбородком с помощью деревянной застежки, гвоздя или шипа акации, — оба предмета одежды заменялись только тогда, когда превращались в лохмотья. И однако же эта женщина, говорившая довольно хорошо по-английски, страстно любила украшения. Ей все годилось — кусок старого розового пера, бантик, старый искусственный цветок; все приводило ее в хорошее расположение духа. А если ей вдобавок позволяли на минутку посмотреть на себя в зеркало, то можно было надеяться, что она будет благосклонна к вашим наседкам и коровам, что сливки у вас не свернутся, а масло выйдет красивого желтого цвета.

В то же время эти дикари, едва усвоившие несколько английских слов, переходя все лето от одной фермы к другой, были не менее чувствительны к хорошему обращению и дружескому приему, чем какой-нибудь вельможа при дворе. Они скоро поняли, что мы не принадлежим к тому же классу, что другие фермеры по соседству. Они говорили про меня: «*Mrs Latour... from the old country... great lady... very good to poor squaw*»*.

Это слово *squaw* означает «дикий». Оно применяется без различия к любому существу или предмету, происходящему из краев, куда европейская цивилизация еще не проникла. Так, оно применяется к перелетным птицам: *squaw pigeon*, *squaw turkey*** , и к тем предметам, которые приносят дикари: *squaw basket**** и т. д.

* Миссис Латур... из старой страны... большая леди... очень добрая к бедному дикарю.

** Дикий голубь, дикая индейка.

*** Дикарская корзина.

Как-то раз к нам приехал один француз, офицер из полка моего мужа, господин де Новион. Он только что приплыл из Европы и был очень рад узнать, что его бывший командир полка стал фермером. Он привез с собой кое-какие деньги и охотно употребил бы их на приобретение небольшой фермы по соседству с нами. Но, не имея никакого понятия о сельском хозяйстве, не зная ни слова по-английски, без жены и детей, он не обладал качествами, необходимыми для разумного обустройства. Господин де Ла Тур дю Пен все это ему объяснил, но он все же пожелал поехать по окрестностям. Мы выехали вместе верхом. Проехав несколько миль, я спохватилась, что забыла хлыст, а господин де Новион мне помочь не мог, поскольку у него не было с собой ножа, чтобы срезать мне палочку. Лес там был довольно густой. Тут я заметила, что за кустом сидит один из моих приятелей, и окликнула его: «Squaw John».

Невозможно описать изумление, почти что испуг господина де Новиона, когда он увидел, как из кустов выходит и протягивает мне руку мужчины высокого роста, на котором из всей одежды есть только полоса синего сукна, пропущенная между ног и закрепленная за веревку, служащую поясом. Удивление его еще усилилось, когда он увидел, с какой фамильярностью тот обращается со мной и с каким хладнокровием мы с этим индейцем вступили в разговор, в котором он сам не понимал ни слова. Мы продолжали ехать шагом, и я не успела еще дать своему спутнику объяснений по поводу моего необычного знакомого и его странного костюма, как Squaw John уже легко спрыгнул с пригорка на дорогу и вежливо подал мне в качестве хлыста палочку, с которой успел снять кору своим томагавком.

Господин де Новион, я в этом не сомневаюсь, про себя решил никогда не селиться в краю, где случаются подобные встречи. «А если бы вы были одна, мадам?» — воскликнул он. «Я была бы совершенно так же спокойна, — отвечала я. — И, между прочим, если бы я сказала ему бросить в вас свой топорик, чтобы защитить меня, он сделал бы это не колеблясь». Такая жизнь, похоже, ему не улыбалась. По возвращении он доверительно сообщил моему мужу, что у меня странные друзья, а что до него самого, то он принял решение и отправится на жительство в Нью-Йорк, где цивилизация, кажется, более продвинулась.

Эта длительная прогулка меня утомила и стала причиной возобновления перемежающейся лихорадки, от которой я страдала уже два месяца. Я ею заболела после пережитого большого испуга, о котором забыла рассказать.

Однажды весенним днем мне надо было поехать в Трой за каким-то хозяйственным припасом. Негры работали в поле вместе с моим мужем,

а господин де Шамбо был в своей столярной мастерской. Я пошла на конюшню, сама оседлала и заузда свою кобылу, как мне это часто приходилось делать, и выехала манежным галопом. На обратном пути я вместе с лошадыю переправилась на пароме через реку и отправилась навестить одну свою знакомую, которая жила на мельнице в миле от города. Она меня оставила пить чай, и, поскольку было уже поздно, я поехала обратно к парому довольно резво, и мне сделалось очень жарко. Когда надо было уже отчаливать, на паром зашли четыре огромных быка, направлявшихся с погонщиком в Олбани, хотя Мэт, паромщик, не хотел их пускать, видя, что моя кобыла пугается. Первым моим побуждением было сойти обратно на берег, но день клонился к закату, и я опасалась, что мой муж будет беспокоиться. Таким образом, я осталась. И вот посреди реки эти четыре громадных быка, разумеется, не привязанные, все наклонились пить с одной стороны парома. Паром накренился, и мы чуть не опрокинулись. Мэт подошел ко мне и сказал: «Отпустите вашу лошадь и ухватитесь за мой пояс». Я до этого не сознавала нависшей опасности, но при этих словах у меня кровь застыла в жилах. К счастью, в этот критический момент один из пассажиров вытащил нож и ткнул им в бедро одного из быков. Животное от внезапной боли бросилось в воду, трое остальных последовали за ним, и паром выровнялся, хотя и зачерпнул воды столько, что она стояла в нем по щиколотку.

Мэт хотел дать мне выпить стаканчик рома, но я отказалась, и очень напрасно. В большой спешке я опять уселась верхом на свою кобылу и галопом вернулась на ферму. Сразу по приезде моя негритянка заставила меня выпить горячего питья. Несмотря на это, на завтра у меня началась лихорадка, возобновлявшаяся потом каждый день в тот же час и на одно и то же время. Ничто не могло меня вылечить, ни превосходная хина, которую господин де Талейран прислал мне из Филадельфии, ни snadо-бья французского хирурга по имени Руссо. Этот Руссо был, возможно, не больший врач, чем я сама. Но он был француз и оказал нам кое-какие услуги, и уже одно это внушало мне некоторое доверие.

Приступы лихорадки, длившиеся по пять-шесть часов, сильно вредили моим делам по хозяйству. Они меня ослабляли и лишали аппетита; хотя я и не оставалась никогда в постели, меня трясло от холода при 30 градусах, и я делалась неспособна ни к какой работе. В этих обстоятельствах мне пришла на помощь одна добрая девушка-соседка, жившая с родителями в лесу неподалеку от нас. Она была по ремеслу портниха и превосходно шила. Утром она приходила к нам на ферму и оставалась весь день, не требуя иной платы, кроме еды.

Моему сыну тогда уже исполнилось пять лет, хотя, судя по его росту, ему можно было дать все семь. Он превосходно говорил по-английски, даже гораздо лучше, чем по-французски. Одна дама из Олбани, жена

англиканского священника, дружившая с семейством Ренсселер, очень его полюбила. Он уже много раз проводил у нее послеобеденное время. Однажды она мне предложила забрать его к себе на все лето, обещая научить его читать и писать. Она меня убеждала, что в деревенской жизни у меня нет времени им заниматься, что он подхватит от меня лихорадку, и приводила много других доводов, чтобы склонить меня уступить ее желанию.

Эта дама звалась госпожа Эллисон. Ей было сорок лет, и она никогда не имела детей, что было для нее неутешным горем. В конце концов я согласилась доверить ей Юмбера, и он жил у нее очень счастливо, окруженный заботой. Это решение избавило меня от большого беспокойства. На ферме я постоянно боялась, как бы с ним не случилось несчастья из-за лошадей, которых он очень любил. Не было почти никакого средства помешать ему ходить вместе с неграми в поле, а особенно водиться с дикарями, с которыми он постоянно хотел уйти. Мне рассказывали, что индейцы иногда похищают детей. Когда я видела, как они часами напролет сидят неподвижно у моей двери, я воображала себе, что они поджидают благоприятного момента, чтобы забрать моего сына.

IV

К нам во двор часто заезжал красивый фургон с грузом отличных овощей. Он принадлежал *квакерам-трясунам*, жившим в шести или семи милях от нас. Возчик этого фургона каждый раз у нас останавливался, и я никогда не упускала случая поговорить с ним об их образе жизни, обычаях и вере. Он пригласил нас посетить их хозяйство, и однажды мы решились туда съездить. Известно, что эта квакерская секта принадлежит к реформированной секте старых квакеров, которые нашли приют в Америке вместе с Пенном.

После войны 1763 года одна англичанка объявила себя апостолом реформы. У нее появилось много последователей в штатах Вермонт и Массачусетс. Многие семьи передали свое имущество в общий фонд и купили земли в еще не заселенных частях страны. Но по мере того, как расчистка лесов приближалась к их поселениям, они продавали свои хозяйства, чтобы забраться еще дальше. Однако решение уехать они принимали только тогда, когда непосредственно рядом с ними поселялся какой-нибудь землевладелец, не входящий в их секту.

Те, о которых я говорю, были тогда со всех сторон укрыты несколькими милями леса, и им пока не приходилось опасаться соседей. Хозяйство их ограничивалось с одной стороны лесами площадью 20 000 акров, принадлежащими городу Олбани, а с другой стороны рекой Мохок.

Они, конечно, теперь уже не живут в той местности, где я с ними познакомилась, а ушли дальше, за озеро. Их поселение отпочковалось от главного, Лебанон, расположенного в большом лесу, через который мы ехали из Бостона в Олбани.

Наш негр Прайм, который знал все дороги в окрестностях, отвез нас к ним. Мы ехали сначала по меньшей мере три часа через лес по едва заметной дороге; потом, после заставы, обозначающей границу владений квакеров, дорога делалась более видной и ухоженной, но нам пришлось еще проехать большое расстояние по лесу, перемежавшемуся там и сям лугами, где на воле паслись коровы и лошади. Наконец мы выехали на обширную поляну, окруженную со всех сторон лесом; через нее протекал большой ручей, а посередине располагалось поселение, состоящее из множества красивых деревянных домов и кирпичных зданий церкви, школ и общинного дома.

Квакер, с которым мы познакомились раньше, встретил нас доброжелательно, хотя и с некоторой сдержанностью. Прайму указали конюшню, где он мог поставить лошадей, поскольку постоялого двора там не было. Мы были предупреждены, что нас никто ничем не угостит и что разговаривать с нами будет только наш проводник. Он отвел нас сначала в великолепный, превосходно обработанный огород. Все там имело вид чрезвычайно благополучный, но без малейшего украшения. Множество мужчин и женщин занимались уходом за посадками и прополкой огорода, продажа овощей с которого составляла главный источник доходов общины.

Мы посетили школы для мальчиков и для девочек, огромные общинные конюшни, молочные помещения, производства масла и сыра. Повсюду можно было наблюдать порядок и абсолютное молчание. Дети, мальчики и девочки, были все одеты в одежду одной формы и одного цвета. Женщины, какого бы возраста они ни были, все носили одинаковые одежды из серой шерстяной материи, очень опрятные и чистые. Через окна можно было видеть ткацкие станки, только что окрашенные куски сукна, мастерские закройщиков и швей. Но не было слышно ни единого разговора, ни единой песни.

Наконец прозвонил колокол. Наш проводник сказал нам, что он объявляет начало молитвы, и спросил, не хотим ли мы присутствовать. Мы охотно согласились, и он отвел нас к самому большому из домов, внешне ничем не отличававшемуся от других. У двери меня отделили от моего мужа и господина де Шамбо; нас поместили в противоположных концах огромной залы, по разные стороны от камина, где пылал жаркий огонь. Дело было в начале весны, и холод еще чувствовался в этих больших лесах. Зала эта имела, наверное, от ста пятидесяти до двухсот футов в длину и пятьдесят в ширину. Входили туда через две боковых двери. Там было

очень светло; стены, выкрашенные в голубой цвет, были совершенно ровные, без всяких украшений. В каждом конце залы на небольшом возвышении стояло деревянное кресло.

Я сидела в углу у камина, и мой проводник сказал мне хранить молчание — это было тем более легко, что я там находилась одна. Оставаясь в полнейшей неподвижности, я имела возможность любоваться полом, устроенным из еловых досок без единого сучка, редкой белизны и совершенства. На этом красивом полу были сделаны идущие в разных направлениях линии из начищенных до блеска медных гвоздей, вбитых вплотную друг к другу, шляпками вровень с полом. Я раздумывала про себя, каково могло бы быть назначение этих линий, когда при последнем ударе колокола обе боковые двери открылись, и я увидела, как с моей стороны входят пятьдесят или шестьдесят девушек или молодых женщин; впереди шла одна уже пожилая, которая села в одно из кресел. Ни одного ребенка с ними не было.

Мужчины так же выстроились с противоположной стороны, где находились господин де Ла Тур дю Пен и господин де Шамбо. Тут я заметила, что женщины стояли вдоль линий, отмеченных гвоздями, стараясь, чтобы носки обуви не выходили за линию. Они оставались неподвижны до того момента, когда сидящая в кресле женщина издала что-то вроде стоны или крика, который не был ни речью, ни песнопением. Тут все перешли на другое место, и я поняла, что услышанный мною приглушенный крик должен был означать некую команду. После нескольких перемещений все остановились, и старая женщина пробормотала довольно длинную череду слов на совершенно непонятном языке; но к ним, как мне показалось, были примешаны несколько английских слов. После этого совершился выход в том же порядке, что и вход. Осмотрев таким образом поселение во всех подробностях, мы распрощались с нашим доброжелательным проводником, уселись в свою повозку и поехали обратно к себе, мало что узнав о гостеприимстве квакеров.

Когда тот квакер, который возил на продажу овощи и фрукты, проезжал мимо нашей фермы, я у него всегда что-нибудь покупала. Он ни разу не пожелал взять деньги у меня из рук. Если я делала замечание, что запрошенная им цена слишком высока, он отвечал: «Сколько вам будет угодно» — «Just as you please». Тогда я клала на угол стола ту сумму, которую считала достаточной. Если цена его устраивала, он брал деньги; если нет, он садился в свою повозку и уезжал, не говоря ни слова. Это был человек весьма почтенного вида, всегда опрятно одетый в сюртук, камзол и панталоны из серого домотканого сукна, *home spun*, которое они производили сами.

Одно обстоятельство сразу сделало меня очень популярной. С того дня, как я поселилась на ферме, я сразу стала, не проявляя никакого удивления по поводу случившейся со мной метаморфозы, носить ту же одежду, что и мои соседки-фермерши: шерстяную юбку в черно-синюю полосу, кофточку из крашенной в бурый цвет хлопковой ткани, цветной платок, зимой серые или синие шерстяные чулки с мокасами или мягкими туфлями из кожи буйвола, а летом — хлопковые чулки с туфлями; волосы расчесывала на две стороны, как носят теперь, и закрепляла прическу гребнем. Платье и корсет я надевала, только если отправлялась в город. Среди вещей, которые я привезла в Америку, было два или три платья для верховой езды. Я их использовала, чтобы преобразаться в *элегантную даму*, только когда предстояло съездить с визитом к Скайлерам или Ренсселерам, потому что обычно мы обедали и потом оставались у них на весь вечер, особенно если светила луна, а тем более когда лежал снег. В последнем случае дорога, уже наезженная, представляла собой колею глубиной в фут или два, из которой лошади никогда не выбивались.

Многие наши соседи имели привычку заезжать к нам на двор, когда ехали в Олбани. Зная их всех, мы против этого не возражали. Вдобавок, поболтав с ними, я всегда узнавала какие-нибудь новости. Они, со своей стороны, любили поговорить *of the old country**. Им также нравилось любоваться на то, как мы украшали свое хозяйство. Особенное восхищение вызывал элегантный деревянный домик для наших свиней, шедевр господина де Шамбо и моего мужа. Восхищение это гости выражали возвышенным слогом, который нас всегда забавлял: «*What a noble hog sty!*»**

В начале лета 1795 года нас посетил герцог де Лианкур. Он очень любезно рассказал об этом визите в своем «Путешествии по Америке». Он тогда приехал из новых поселений, основанных после войны за независимость на берегах реки Мохок и на территории, уступленной племенем онейда. Господин де Талейран дал ему письма к Скайлерам и Ренсселерам. Он пробыл у нас один день, и я предложила отвезти его в Олбани, чтобы познакомить с этими двумя семьями. Принял ли он всерьез мою шерстяную юбку и полотняную кофточку? Не знаю; факт, что, только когда он увидел меня выходящей в красивом платье и шляпке очень хорошей работы, хотя никакая модистка к ней руку не приложила, и когда мой негр Минк подал красивую повозку, запряженную двумя превосходными лошадьми в начищенной до блеска упряжи,

* О старой стране.

** Какой благородный свинарник!

он, похоже, начал понимать, что мы еще не совсем сделали нищими. И в этот момент уже я воскликнула, что ни за что на свете не поведу его к дамам семейств Ренсселер и Скайлер, если он не приведет себя хоть немного в порядок. Действительно, в одежде, покрытой грязью и пылью, порванной во многих местах, он имел вид потерпевшего кораблекрушение беглеца от пиратов, и никто бы и не подумал, что под этим странным нарядом скрывается первый камергер двора. Мы с ним договорились: я согласилась отвезти его к дамам Ренсселер и Скайлер, а он согласился открыть свой чемодан, оставленный в гостинице в Олбани, и одеться более подобающим образом. Пока он занимался своим туалетом, я успела сделать один визит в городе. Преображение господина де Лианкура оказалось не таким полным, как он меня обнадеживал. Я особенно его попрекала нанковыми панталонами с дырой на колене, должно быть, привезенными из Европы, настолько они были застираны.

Когда мы закончили с визитами, он мне обещал вернуться на следующий день к нам на ферму, и я его оставила в Олбани, забрав с собой его товарища по путешествию, господина Дюпети-Туара, который остался у нас на несколько дней, пока господин де Лианкур осматривал окрестности города.

Господин Дюпети-Туар, очень любезный человек, приехал тогда из Каролины, из того французского поселения под названием Asilum, с которым все так неудачно сложилось¹⁴⁷. Компаньоны не договорились между собой и плохо распорядились своими средствами. По истечении года пришлось все продать с убытком, и каждый тянул на себя. Господин Дюпети-Туар, чрезвычайно остроумный и веселый человек, рассказывал нам самые комические истории об этом неудавшемся освоении новых земель, и три или четыре дня, которые он провел на ферме, оставили у нас добрую память. Через несколько лет ему предстояло погибнуть славной смертью при Абукире.

Что до господина де Лианкура, то его я больше не видела. Перемежающаяся лихорадка, от которой я все время страдала, мало располагала к поездкам и прогулкам. Вдобавок этот вельможа и филантроп, с его претензиями все время указывать местным жителям, не желая от них ничему научиться, чрезвычайно мне не понравился. Друзья, к которым мы ходили вместе с ним, оценили его не более моего. Остроумная госпожа Ренсселер с самого начала сочла его человеком весьма посредственным. Меня станут упрекать в неблагодарности за то, что я так плохо о нем говорю, в то время как он обо мне отзывается самым лестным образом в своей книге, от чтения которой, к стыду своему признаюсь, у меня в памяти остался лишь тот пассаж, где говорится обо мне.

Лихорадка моя начинала проходить, приступы делались короче, когда из-за переживаний, вызванных неслыханной жестокостью одного из наших соседей, она возвратилась сильнее прежнего. Этот человек имел красивого пса ньюфаундлендской породы. Пес ко мне привязался и не хотел уходить с фермы. Хотя я каждый вечер отправляла его к хозяину с Праймом, который, отправляясь ночевать к своей жене, проходил мимо дома владельца пса, это был напрасный труд. Уже через час, если его не сажали на привязь, пес появлялся снова. Я не знала, каким способом его заставить не уходить от хозяина. И вот однажды, когда я была дома одна с моей негритянкой, мы увидели, как владелец бедного животного едет мимо верхом на лошади, к которой за постромки прицеплен валеk с крюком. Бедный *Трим* — так звали собаку — подбежал к нему приласкаться и последовал за ним со двора. Через какое-то время послышался жуткий вой. Мы с Джудит выбежали со всех ног и с ужасом увидели, что этот жестокий человек привязал несчастного пса за все четыре лапы к крюку на вальке и скачет галопом, волоча бедное животное по каменистой дороге. Крики понемногу затихли вдали, но меня это так взволновало, что два часа спустя у меня случился приступ лихорадки сильнее всех, что бывали до тех пор.

Через несколько дней после визита господина де Лианкура, в июне, мы получили от господина де Талейрана письмо с извещением о факте, который мог бы иметь для нас серьезные последствия, а заодно и об одной важной услуге, которую он в этих обстоятельствах нам оказал. Остаток средств, которые мы должны были получить из Голландии, в сумме от 20 000 до 25 000 франков, был переведен на фирму Морриса в Филадельфии. Господин де Талейран принял на себя заботу забрать оттуда эти деньги и ожидал для этого разрешения от моего мужа. По случайности, воистину судьбоносной, он узнал однажды вечером, когда кто-то ему об этом проговорился, что господин Моррис на следующий день должен был объявить себя банкротом. Не теряя ни минуты, он пошел к банкиру, силой вломился в дверь, в которую его не впускали, и прошел в кабинет хозяина. Он сказал ему, что знает о его положении, и заставил передать ему в руки голландские векселя, которые тому были присланы лишь на хранение. Господин Моррис подчинился его убеждению, опасаясь бесчестия, которому подвергся бы за обман доверия, ведь господин де Талейран не преминул бы сделать эту историю достоянием гласности. Он поставил единственным условием, чтобы господин де Ла Тур дю Пен подписал ему декларацию о выплате средств. Теперь господин де Талейран вызывал моего мужа в Филадельфию для улаживания этого дела. Мне он советовал тоже приехать, поскольку он, по его словам, проконсультировал-

ся с несколькими врачами насчет моей упорно не проходящей лихорадки, и все высказывали мнение, что избавить меня от нее может только путешествие.

У господина Лоу был в Нью-Йорке хороший дом. Он уже много раз предлагал нам приехать навестить его. До жатвы оставался еще месяц. Господин де Шамбо был в курсе всех дел на ферме. Ничто, таким образом, не препятствовало этой поездке. Наша соседка Сьюзи, та девушка, о которой я уже говорила, согласилась заменить меня и заботиться о моей дочке. Что до моего сына Юмбера, остававшегося у госпожи Эллисон в Олбани, то он и не заметил бы нашего отсутствия.

Глава IV

I. Что навело Фултона на мысль применить пар для движения судов. — Поездка в Нью-Йорк. — Река Гудзон. — Вест-Пойнт. — Предательство генерала Арнольда и казнь майора Андре. — II. Пребывание в Нью-Йорке. — Госпожа де Ла Тур дю Пен сожалеет, что не увидела генерала Вашингтона. — Господин Гамильтон. — Интересные разговоры у господина Лоу. — Народные волнения в Нью-Йорке. — Желтая лихорадка. — Спешный отъезд. — Генерал Гейтс. — Шлюп садится на мель. — Двое неопытных фермеров — III. Возвращение на ферму. — Смерть Серафины. — Возвращение к религии. — IV. Сбор яблок и производство сидра. — История коня. — Сбор урожая маиса и «frolics». — Приготовление к зиме. — Стирка на ферме. — Приготовление масла. — V. Замерзание реки: необходимые предосторожности. — Непорядочный дипломат: как госпожа де Ла Тур дю Пен получила портрет королевы и другие вещи.

I

Пароходы в то время еще не были изобретены, хотя движущая сила пара уже применялась на некоторых фабриках. У нас даже был паровой механизм для вращения вертела — *steam jack*, — который прекрасно работал и которым мы пользовались еженедельно для приготовления либо воскресного ростбифа, либо огромных белых и бурых индеек, порода которых намного превосходит европейскую. Но Фултон тогда еще не применил свое открытие к кораблям, и, поскольку я уже взялась за эту тему, я здесь расскажу, каким образом пришла ему эта мысль.

Между Лонг-Айлендом и Нью-Йорком есть морской пролив шириной в милю, а может быть, и более, и небольшие суда беспрестанно пересекают его, когда позволяет погода. Течения там нет, поскольку это не река; сме-на приливов и отливов чувствуется только по подъему воды и не мешает движению судов.

Один бедный матрос потерял в сражении обе ноги. Он был еще молод, здоров и сохранил большую силу в руках. Ему пришла мысль укрепить поперек своей лодки, сделанной из коры, круглую палку с лопастями на концах справа и слева. Сидя на корме лодки, он двигал эти лопасти. Фултон заметил эту хитроумную систему, когда однажды оказался в лодке бедного матроса, переправляясь на Лонг-Айленд в Бруклин, и тогда у него впервые появилась мысль применить пар для движения судов.

В Олбани была очень значительная торговля, для которой товары перевозились большими шлюпами или бригами. Почти все суда имели на корме хорошие каюты и салон и брали пассажиров. Путь вниз по реке до Нью-Йорка занимал примерно двадцать шесть часов, но во время подъема воды надо было вставать на якорь. Все старались отчалить из Олбани на утренней заре. Поэтому мы заночевали на борту одного из этих бригов и еще до восхода солнца были уже далеко от места отплытия. Гудзон, или Северная река, восхитительно красив. Его берега, усеянные домами и красивыми небольшими городками, расходятся широко в стороны перед цепью очень высоких и крутых гор, которая проходит по всей длине североамериканского континента и носит разные названия: Черные горы, Аппалачи, Аллегени. Перед входом в ущелье река образует большой водоем шириной в несколько миль, напоминающий ту часть Женевского озера, которую называют *le Fond du lac*, с той лишь разницей, что горы начинаются у края водоема, и вход в реку, расположенный между двумя скалистыми пиками, заметен только тогда, когда окажешься уже совсем рядом. Глубина воды в этом замечательном протоке так велика, что большой фрегат мог бы причалить к берегу, не опасаясь задеть дно. Все утро следующего после посадки на корабль дня мы плыли среди этих прекрасных гор. Потом отлив кончился, и мы сошли на сушу, чтобы посетить историческое место Вест-Пойнт, знаменитое предательством генерала Арнольда и казнью майора Андре.

Эта история, несомненно, известна, но я все-таки вкратце ее перескажу.

Американский генерал Арнольд до того момента не давал никаких оснований сомневаться в своей верности делу независимости Соединенных Штатов, и ему было доверено защищать место, где река Гудзон протекает через горы. Это то самое ущелье, которое стал бы форсировать Бергойн, если бы генерал Скайлер не заставил его сложить оружие в Саратоге.

Английский генерал Клинтон был заперт в Нью-Йорке, где его блокировала американская армия под командованием Гейтса. Занятие Вест-Пойнта было тем более важным для англичан, что это восстановило бы их сообщение с Канадой, доставшейся им во владение после позорного мира 1763 года. Захватить эту позицию было бы спасением для английской армии, и, по-видимому, были причины подозревать, что алчность Арнольда окажется сильнее патриотизма. С ним начали переговоры; их должен был вести молодой майор английской армии Андре, который уже не раз бывал у Арнольда в Вест-Пойнте. Когда генерал Гейтс узнал об этом, он отправил военный корабль к тому месту на реке, где Андре должна была подобрать лодка. Моряки с лодки предупредили Андре о присутствии американского корабля и убедили его, не предвидя печальных последствий своих советов, надеть одежду матроса. Но лодка не успела пройти и четверти мили, как была остановлена американским

кораблем, и майор Андре оказался захвачен в плен. Поскольку он был переодет матросом, его признали шпионом и как шпиона приговорили к повешению.

Генерал Гейтс предложил обменять его на предателя Арнольда, который спасся, уйдя через горы. Англичане отказались; они слишком нуждались в его услугах, чтобы отдать его. Они пожертвовали Андре, казнь которого стала предметом многих сожалений в прозе и в стихах. Молодому человеку было всего лишь двадцать лет. Он был очень хорош собой и замечательно образован. Его смерть стала причиной или поводом для жестоких репрессий со стороны англичан.

Хотя я побывала во множестве разных мест и любовалась многими величественными явлениями природы, я никогда не видала ничего, что можно было бы сравнить с проходом через горы у Вест-Пойнта. Теперь он, без сомнения, потерял часть своей красоты, особенно если вырублены прекрасные вековые деревья, купавшие свои ветви в речной воде. Утесы этих гор были непригодны для земледелия, и потому я надеюсь, из любви к природе, что прозаическая страсть к сведению лесов под пашню их не затронула.

II

Мы прибыли в Нью-Йорк утром третьего дня пути и там у господина Лоу нашли господина де Талейрана. Они оказали нам самый дружеский прием. Обоих напугало, как я похудела и переменялась. Поэтому они и слышать не захотели о том, чтобы мне, как было намечено, ехать в Филадельфию; эта поездка должна была бы совершаться в почтовой карете, и мне пришлось бы две ночи провести в дороге. Мой муж отправился туда один, а меня поручили заботам миссис Фостер, домоправительницы господина Лоу. Эта превосходная женщина потчевала меня всеми укрепляющими средствами из своего медицинского арсенала. Четыре или пять раз в день она являлась с чашечкой какого-то отвара и, сделав реверанс на английский манер, произносила: «*Pray, ma'am, you had better take this*»*. Я охотно подчинялась, так надоели мне стенания господина де Талейрана насчет моего угасания.

Три недели, проведенные в Нью-Йорке, остались в моей памяти как приятнейшее время. Мой муж вернулся через четыре дня. Он успел полюбоваться прекрасным городом Филадельфией. Но я гораздо более завидовала тому, что он видел великого Вашингтона, который был моим героем. Я до сих пор не могу утешиться, что не видела в лицо этого великого человека, о котором мне так часто говорил его большой друг господин Гамильтон.

* Прошу вас, мадам, вам надо это принять.

В Нью-Йорке я снова встретила со всем семейством Гамильтонов. Я присутствовала при их прибытии в Олбани в фургоне, которым правил сам господин Гамильтон, когда после своего ухода с поста министра финансов он вернулся к адвокатской практике — она давала ему больше шансов оставить своим детям хоть небольшое состояние. Господину Гамильтону было тогда от тридцати шести до сорока лет. Хотя он никогда не бывал в Европе, он говорил на нашем языке, как настоящий француз. Его выдающийся ум и здравомыслие составляли приятное сочетание с оригинальностью господина де Талейрана и живостью господина де Ла Тур дю Пена. Каждый вечер эти три замечательных человека, а с ними член Учредительного собрания господин Эммери, господин Лоу и еще два или три известных лица, собирались после чая посидеть на террасе; завязывался разговор, который продолжался до полуночи, а то и дольше, под прекрасным звездным небом 40-й параллели. То господин Гамильтон рассказывал о времени начала войны за независимость, подробности которого в скучных мемуарах этого глупца Лафайета лишились всякой остроты, то господин Лоу говорил о своем пребывании в Индии, об управлении Патной, где он был губернатором, о своих слонах и паланкинах, то мой муж затевал спор по поводу абсурдных теорий членов Учредительного собрания, которыми господин де Талейран без сожаления жертвовал; темы для беседы не иссякали. Господину Лоу эти вечера доставляли такое удовольствие, что, стоило нам заговорить об отъезде, он впадал в ужасную грусть и говорил своему дворецкому Фостеру: *«Foster, if they leave me, I am a dead man»**.

Мы завязали отношения с одной очень интересной семьей французских негодантов. Господина и госпожу Олив окружали восемь очаровательных детей, старшему из которых не было еще и десяти лет, а младшему — не более восьми или десяти месяцев. Муж был не лишен остроумия, а жена прекрасна, как мадонна Рафаэля, и так добра, так любезна!.. Я часто ездила их повидать в хорошенький домик, который они себе купили в сельской местности, чтобы жить там летом. Меня отвозил туда экипаж господина Лоу, который всегда был в моем распоряжении.

Чтобы нам не пропустить ни одного нью-йоркского развлечения, во время нашего там пребывания случился еще и бунт. Народное возмущение было вызвано, если я правильно помню, торговым договором, который законодательное собрание штата Нью-Йорк только что заключило с Англией¹⁴⁸. Господин Гамильтон был сторонником этого договора. Против него выступил один полковник по фамилии Смит, народный вожак. Народ собирался на площадях. Двое вожakov воодушевляли речами своих сторонников. Я в компании других женщин сидела на ступеньках помоста, с которого господин Гамильтон обращался к народу, столпившемуся

* Фостер, если они меня покинут, я покойник.

на площади. В него бросили камнем и попали в голову, но большого вреда не нанесли. Он все равно продолжил свою речь, вызвавшую огромный энтузиазм. Потом все разошлись по домам, а он спокойно подал мне руку, чтобы отвести меня домой, избегая, однако же, улиц, где располагалась партия Смита. Меня очень позабавила эта картина республиканского правления по сравнению с тем, что я видела у нас. Американцы установили у себя свободное правление без революции, а мы, французы, имели революцию, но не имели управления.

Так прошло три недели, когда однажды вечером распространился слух, что появилась желтая лихорадка на какой-то улице совсем рядом с Бродвеем, где жили мы. В ту же ночь мы ощутили то ли первые признаки болезни, то ли последствия неумеренного поедания бананов, ананасов и других фруктов с Карибских островов, доставленных тем же кораблем, что привез лихорадку; и мой муж, и я чувствовали себя ужасно. Опасаясь, что нас может потом не выпустить санитарный кордон, я решила немедленно уезжать, и, едва рассвело, мы с уже уложенным дорожным сундуком отправились договариваться о местах на борту шлюпа, готового поднять паруса. Затем мы вернулись к господину Лоу проститься. Он тогда решил тоже уехать, под тем предлогом, что ему надо было посетить участки, купленные им в новом городе Вашингтоне, который тогда начинали строить. В эти приобретения он вложил большую часть своего состояния. Наш отъезд был столь поспешным, что я даже не увиделась с господином де Талейраном: он еще и не думал вставать, когда мы уже были далеко от Нью-Йорка.

Мы прошли в противоположном направлении, но с тем же восхищением, прекрасный проход через горы у Вест-Пойнта и на этот раз совершили долгую прогулку по суше за те шесть часов, что наш корабль простоял на якоре. Мы поднялись на холм, где располагался трактир, место последнего разговора Арнольда с Андре. Я видела в Нью-Йорке старого генерала Гейтса. Он был знаком со всеми французскими офицерами и рад был о них поговорить. Мне, однако же, рекомендовали не затрагивать в разговоре болезненную для него тему инцидента с майором Андре — не то чтобы он упрекал себя за тот приговор, вынесенный в соответствии с правилами военной юстиции, но это напоминало ему об ужасных репрессиях, учиненных англичанами, которые убили многих американских пленных.

Мы уже прошли большой водоем выше прохода через горы, когда наше плавание было прервано происшествием, довольно частым в летнее время, при низкой воде. На исходе прилива корабль сел на песчаную мель и, хоть и не получил никаких повреждений, застрял неподвижно посреди реки. Капитал объявил, что следующий прилив может быть недостаточно высок, чтобы снять его с мели; вероятно, придется ждать прихода другого судна, направляющегося вниз, чтобы оно взяло

нас на буксир и вытащило шлюп в фарватер, с которого тот сошел из-за неудачного поворота руля.

Перспектива оставаться несколько дней без движения посреди этой большой реки показалась нам не особенно приятной. Мне тогда припомнилось, что поблизости, на берегах небольшой речки по соседству с городом, мимо которого мы только что прошли, поселились креолы с Сан-Доминго, знакомые господина Бонами. Капитан мне сказал, что мы остановились как раз напротив устья этой речки, и предложил дать лодку, чтобы отвезти нас к этим французам, которых мы знали, потому что они у нас бывали. Предложение это было немедленно принято, и в следующее мгновение мы уже были в лодке с единственным дорожным сундуком, составлявшим весь наш багаж. Мы вошли в речку и три или четыре мили шли между двух крутых скалистых берегов, сошедшихся так близко, что растения-паразиты с верхушек деревьев и дикий виноград гирляндами перекидывались с одной стороны на другую. Это было очень приятное плавание. Оно завершилось у небольшой фермы, где нам дали фургон, чтобы добраться до места назначения. Наши компатриоты, двое еще довольно молодых мужчин, были столь же обрадованы, сколь и удивлены этим неожиданным визитом. Они не имели никакого представления о той жизни, которую для себя избрали. Очень мало зная английский язык и не имея возможности применить в этих краях никакие приемы ведения сельского хозяйства, употребляемые в Сан-Доминго, они оба чуть не погибли зимой от холода и скуки. Из пожара в Капе им удалось спасти кучу великолепных ненужных мелочей, составлявших контраст с бедностью и беспорядком их житья, где из женщин была лишь одна старая негритянка. Мы заночевали у них, долго проговорив об их ферме и хозяйстве. Наутро нам подали завтрак в красивых фарфоровых чашках, разрозненных и надколотых; я предпочла бы им хороший набор одноцветного фаянса, как у нас. Затем их фургон отвез нас на большую дорогу, а дальше мы уже добрались до своего дома. По нашему приглашению они поехали с нами до Олбани, а потом и на нашу ферму, где с большим удивлением обнаружили, что мы вполне в состоянии продать им несколько мешков овса и дюжину бушелей картофеля.

III

Свой дом я нашла в полном порядке, хотя господин де Шамбо нас не ждал, и моя бедная дочка чувствовала себя очень хорошо. Этот месяц, что я отсутствовала, показался мне долгим, несмотря на очень приятное общество, в котором я находилась. Желтая лихорадка очень свирепствовала в тот год в Нью-Йорке, и я была довольна, что так поспешно уехала.

Я с новым пылом предалась моим сельским занятиям; моя лихорадка отступила благодаря перемене воздуха, и силы ко мне вернулись. Возобновилась работа в молочной, и красивые рисунки, оттиснутые на моем масле, возвестили покупателям о моем возвращении. Наш сад обещал принести великолепный урожай яблок, а в амбаре было запасено зерна на целый год. Наши негры, побуждаемые нашим примером, работали добросовестно. Они были лучше одеты и лучше накормлены, чем у всех наших соседей.

Я чувствовала себя очень счастливой в моем положении, когда Бог послал мне удар самый неожиданный и, как я тогда воображала, самый жестокий и ужасный, какой только можно вынести. Увы! С тех пор я перенесла удары более суровые! Моя маленькая Серафина была отнята у нас внезапной болезнью, очень распространенной в этой части американского континента: мгновенный паралич желудка и кишечника, без лихорадки, без судорог. Она умерла в несколько часов, оставаясь в полном сознании. Когда она почувствовала себя плохо, господин де Шамбо тут же поскакал верхом в Олбани за врачом. Но врач, как только ее увидел, лишил нас всякой надежды; по его словам, эта болезнь тогда была очень распространена в тех краях, и лекарства от нее не знали. Маленький Скайлер, еще накануне полдня после обеда игравший с моей дочкой, пал жертвой той же болезни несколько часов спустя и присоединился к ней на небесах. Его мать его обожала и называла его «муженьком» моей дорогой девочки. Это ужасное событие погрузило нас в смертельную печаль и отчаяние. Мы забрали к себе Юмбера, и я пыталась отвлечься от своего горя, занимаясь его воспитанием. Ему тогда было пять с половиной лет. Ум его был очень развит. Он отлично говорил по-английски и бегло читал на этом языке.

Ни в Олбани, ни в окрестностях не было католического священника. Мой муж, не желая обращаться к протестантскому священнику, сам отдал последний долг нашей девочке и похоронил ее на небольшом огороженном участке, предназначенном служить кладбищем обитателям фермы. Место это располагалось посреди нашего леса. Почти каждый день я приходила припасть к этой земле, последнему приюту ребенка, который был мне так дорог, и именно там, сын мой, ожидал меня Бог, чтобы переменить мое сердце.

До этой поры в своей жизни, хотя я была далека от безбожия, я не думала особенно о религии. При моем воспитании со мной о ней никогда не говорили. В первые годы моей молодости у меня часто бывали перед глазами самые худшие примеры. В парижском высшем обществе я была свидетелем скандалов столь частых, что они стали для меня обычны и более уже не вызывали волнения. Таким образом, всякая мысль о морали словно бы замерла в моем сердце. Но пробил час, когда я должна была признать руку, наносящую мне удар.

Я не смогла бы точно описать то превращение, которое совершилось во мне. Мне казалось, что некий голос кричит мне, что я должна переместить все мое существо. На коленях у могилы я умоляла свое дитя, чтобы оно испросило у Бога, призвавшего его к себе, прощения для меня и немного утешения в моем горе. Молитва моя была услышана. Бог оказал мне милость, дав познать его и служить ему; он дал мне мужество смиренно склониться под ударом, поразившим меня, и приготовиться без жалоб перенести новые горести, которыми он, в справедливости своей, сочтет уместным испытать меня в будущем. С того дня Божья воля находила меня покорной и смиренной.

IV

Хотя всякая радость пропала из нашей домашней жизни, нам тем не менее надо было продолжать свои труды, и мы с мужем оба изо всех сил старались найти отвлечение в обязанности не оставаться ни на минуту праздными. Приближался сбор яблок. Урожай обещал быть очень обильным. Сад наш выглядел великолепно; на деревьях было яблок не меньше, чем листьев. Прошлой осенью мы проделали то, что в Бордо называют «обработка», *une façon*. Эта работа состоит в том, чтобы лопатой перекопать квадрат размером в четыре-пять футов вокруг каждого дерева; здесь этого никогда не делали. Американцы, на самом деле, не имели никакого представления о том воздействии, которое это оказывает на растения. Так что, когда мы им говорили о наших виноградниках, где эту операцию проводят по три раза подряд, нас считали выдумщиками. Но когда весной они увидели, как наши деревья покрываются цветами, они стали считать нас колдунами.

Еще один умный ход принес нам большую известность. Вместо того чтобы покупать для своего сидра новые бочки, сделанные из очень пористого дерева, мы отыскивали в Олбани множество бочек от бордо и несколько таких, на которых было написано «коньяк», — они нам были хорошо знакомы. Потом мы обустроили свой погреб с таким же тщанием, как если бы там должно было храниться вино из Медока.

Нам дали на время мельницу для давления яблок. В нее запрягали старого коня двадцати трех лет от роду, которого отдал мне генерал Скайлер. Я еще не рассказывала историю этого коня. Вот она.

Конь этот прошел всю войну, и ему хотели дать умереть своей смертью. Дело к тому и шло, когда наш негр Прайм увидел его на пастбище, еле волочащего ноги; от него остались кожа да кости. Прайм уговорил меня выпросить его у генерала, который был рад нам его отдать даром. Это было великолепное животное *чистых кровей*, как теперь говорят,

но у него совсем не осталось зубов. Прайму пришлось потрудиться, чтобы заставить бедного коня пройти те четыре мили, что отделяли его пастбище от нашей конюшни. Каждый день он стал давать ему смесь вареного овса и маиса, рубленое сено, морковь и т.д. Обилие всех этих лакомств вернуло прекрасному животному молодые силы. Спустя месяц я могла каждый день ездить на нем, а вскоре он уже мог довезти меня до Олбани манежным галопом, ни разу не сбившись с ноги. Все отказывались верить, что это тот же самый конь. Этот ловкий трюк очень укрепил репутацию Прайма. Но вернемся к нашим яблокам.

Мельница, на которой их давили, была очень примитивная: два куска дерева с нарезанными зубьями, которые цеплялись друг за друга, и наш конь, впряженный в поворотный брус, их крутил. Яблоки сыпались из воронки на зубья, и, когда сок наполнял большую бадью, его относили в погреб, чтобы вылить в бочки.

Вся операция была совсем простая, и, поскольку нам выпала очень хорошая погода, этот сбор урожая оказался приятным развлечением. Мой сын, сидя весь день верхом на коне, был совершенно убежден, что без него ничего бы не было сделано.

По окончании работы у нас образовалось, за вычетом запасов для себя, от восьми до десяти бочек на продажу. Наша репутация честных людей, подразумевавшая, что мы не разбавляли свой сидр водой, подняла его цену более чем вдвое против того, что он стоил обычно. Он был сразу же распродан. Что до того, который мы оставили для себя, то с ним мы обращались, как обращались бы с белым вином у себя в Бье.

Вслед за урожаем яблок настало время урожая маиса. Его у нас было в изобилии, потому что это растение лучше всего родит в Соединенных Штатах, где оно не пришлое, а местное. Поскольку початок нельзя оставлять в листьях более чем на два дня, фермеры собираются вместе с соседями, чтобы все закончить разом и быстро. Это называется «веселье», *frolick*. Прежде всего подметают пол в амбаре так тщательно, словно собираются задать там бал. Потом, с наступлением вечера, зажигают несколько свечей, и собравшиеся, человек тридцать чернокожих и белых, берутся за работу. Кто-то один постоянно поет или рассказывает истории. В середине ночи каждому подают кружку вскипяченного молока, в которое перед тем влили сидра, чтобы оно свернулось. Туда добавляют еще пять или шесть фунтов сахара-сырца, если хозяева особенно щедрые, а если нет, так патоки, и пряности: гвоздику, корицу, мускатный орех и прочее. Наши работники употребили этой смеси, к большой нашей славе, огромный котел, используемый обычно для стирки белья, заели гренками и ушли от нас в 5 часов утра в уже довольно сильный холод, приговаривая: «*Famous good people, those from the old country!*»* Наших негров

* Очень славные люди, эти, из старой страны!

часто приглашали на подобные *frolicks*, но моя негритянка туда никогда не ходила.

Когда весь наш урожай был собран и убран под крышу, мы начали вспашку и работы, которые выполняют перед зимой. Дрова, предназначенные на продажу, убрали под навес; сани починили и заново покрасили. Я купила штуку толстой фланели в сине-белую клетку, чтобы сшить по две рубашки каждому из моих негров. Портной, работающий за поденную плату, поселился на ферме, чтобы сшить им хорошие куртки и плащи с капюшоном на теплой подкладке. Этот человек ел за одним столом с нами, потому что он был белый. Он бы наверняка отказался, если бы ему предложили есть вместе с *рабами*, хотя они были несравненно лучше него одеты и манеры у них были лучше, чем у него. Но я воздерживалась от малейших замечаний по поводу этих обычаев. Мои соседи поступали так, я следовала их примеру, и в наших с ними отношениях я всегда избегала намекать на то место, которое я могла бы занимать в обществе. Я была владелица фермы в 250 акров. Я жила, как те, у которых было столько же земли, ни больше, ни меньше. Эта простота и самоотречение заслужили мне больше уважения, чем если бы я стала изображать важную даму.

Из всех хозяйственных забот меня больше всего утомляла стирка. Мы с Джудит одни делали всю эту работу. Каждые две недели Джудит стирала белье негров, свое собственное и кухонное. Я стирала свое, мужа и господина Шамбо, а потом гладила всё. Эта последняя часть работы была очень мне по вкусу. Я ее делала превосходно, как самая лучшая гладильщица. В ранней моей юности, еще до замужества, я часто в Монфермее ходила в бельевую и там, словно из какого-то предчувствия, училась гладить. Будучи от природы очень ловкой в работе, я вскоре умела столько же, сколько те девушки, которые показывали мне, как что делать.

Я никогда ни минуты не теряла зря. Каждый день я вставала на расвете, и зимой, и летом, и туалет мой много времени не занимал. Негры, прежде чем отправиться на работу, помогали негритянке подоить коров: их число доходило у нас до восьми. В это время я занималась в молочной снятием сливок с молока. В те дни, когда мы делали масло, два раза в неделю, Минк оставался дома, чтобы крутить ручку маслобойки; эта работа была слишком тяжелой для женщины. Вся остальная работа по приготовлению масла, а она была довольно утомительна, лежала на мне. У меня была замечательная коллекция мисок, ложек, деревянных лопаточек, изготовленных моими добрыми друзьями-дикарями, и моя молочная считалась самой чистой и даже самой элегантной в этих краях.

Зима в тот год наступила рано. С первых дней ноября с запада начала подниматься черная завеса, предвещающая снег. Восемь дней стоял сильный холод, что было весьма желательно, и река стала: еще до выпадения снега она за одни сутки покрылась льдом толщиной в три фута. Когда пошел снег, он был такой густой, что за десять шагов нельзя было разглядеть человека. Осторожные люди не бросаются закладывать свои сани, чтобы проложить путь по дороге. Эту работу оставляют тем, кто больше всех спешит, кого дела вынуждают ехать в город или на реку. И перед тем, как рискнуть выехать на лед, тоже ждут, пока съезды с берега на реку будут размечены еловыми ветками. Без этой предосторожности было бы очень опасно пытаться это сделать, и каждый год бывают несчастия из-за опрометчивой езды. Действительно, прилив возле Олбани и до самого впадения реки Мохок поднимается на семь-восемь футов, так что лед зачастую не опирается на воду.

Случалось, что сани безрассудных возниц, которые гнали с берега на реку рысью или галопом, уходили под лед, вместо того чтобы выехать на его поверхность; люди погибали, и не было никакого средства их спасти.

У нас зима прошла так же, как и предыдущая. Мы часто ездили обедать к Скайлерам и Ренсселерам, дружба которых к нам не охладевала. Господин де Талейран, снова поселившийся в Филадельфии, сумел отыскать, довольно необычным образом, некоторые принадлежавшие мне вещи: портрет королевы в медальоне, шкатулку, которая до сих пор хранится у вас, и часы, прежде принадлежавшие моей матери. Он знал от меня, что наш гаагский банкир известил меня о том, что передал эти вещи одному молодому американскому дипломату — я забыла его имя, к счастью для него, — чтобы тот доставил их мне. Но сколько господин де Талейран ни искал этого человека, найти его никак не удавалось. Наконец, однажды вечером, будучи в Филадельфии с визитом у одной знакомой дамы, он услышал от нее о портрете королевы, который господин Х. приобрел в Париже и дал ей, чтобы показать знакомым. Она хотела узнать у господина Талейрана, похож ли этот портрет. Едва он его увидел, как сразу же признал, что это мой. Он его забрал, объявив даме, что портрет не принадлежит молодому дипломату. Затем он сразу же направился к нему и без предисловий потребовал у него шкатулку и часы, которые гаагский банкир передал ему вместе с портретом. Молодой человек смутился и в итоге все отдал. Господин де Талейран отослал эти вещи к нам на ферму.

Глава V

I. Известия из Франции: возвращение конфискованного имущества. — Решено возвращаться во Францию. — Сожаления госпожи де Ла Тур дю Пен. — Она дает свободу своим рабам. — II. Отъезд в Европу. — Ожидание в Нью-Йорке. — Капитан Барре, командующий французским военным шлюпом. — «Мария-Хосефа». — Пассажиры. — Корабельная швея. — Прибытие в Кадис. — III. Карантин. — Таможенный досмотр. — Забавное удивление испанцев. — Маленький Юмбер и монахи. — Господин Лэнгтон. — Консул Республики — бывший маркиз. — Как в то время путешествовали по Испании. — Сеньор семи лет от роду. — Бой быков. — IV. Отъезд из Кадиса. — Дом господина Лэнгтона. — Испанский экипаж. — Гостиницы. — Девочка, выбравшая неудачный момент для своего появления на свет. — Нежелание испанцев выступать свидетелями. — V. Крещение. — Собор Кордовы. — Остановка в живописном месте. — Сьерра-Морена. — Города Ла Карлота и Ла Каролина. — Аранхуэс. — Мадрид. — Семейства Лэнгтон и Андилья. — Маршал Периньон. — Мадемуазель Кармен Лэнгтон.

I

Пиза, 14 мая 1843 г.

В конце зимы 1795–1796 годов я заболела корью и чувствовала себя довольно скверно, тем более что была в начале беременности. Мы опасались, как бы Юмбер тоже не заболел, но он не заразился, хотя и спал в моей комнате. Я вскоре выздоровела, и как раз в этот момент мы получили из Франции письма от Бони. Он сообщал, что им с господином де Бруканом совместными усилиями удалось добиться снятия секвестра с Буя.

Была объявлена реституция имущества осужденных. Моя свекровь по соглашению со своим зятем маркизом де Ламетом, действовавшим от имени своих детей, вступила во владение землями Тессона и Амблевилля и домом в Сенте, которые ранее были отобраны властями департамента Нижняя Шаранта. Но когда они подали запрос о снятии печатей с Буя, им отказали, ссылаясь на отсутствие владельца. Они ответили, что владелец поселился в Америке *с паспортом* и что ни господин де Ла Тур дю Пен, ни я, лично владеющая домом в Париже, не были внесены в список эмигрантов. После многих ходатайств нам была дана отсрочка на год, чтобы явиться лично. В противном случае Буй подлежал продаже как государственное имущество, если только господину де Ламету не удалось бы заявить на него права своих детей как внуков

прежнего владельца. В этой связи нам настоятельно советовали вернуться как можно скорее. В то же время, поскольку устойчивость французского правительства тогда внушала еще очень мало доверия, нам рекомендовали не садиться на корабль, направляющийся во Францию, а вернуться через Испанию, с которой Республика только что заключила мир, как представлялось, надолго¹⁴⁹.

Эти депеши свалились на нас посреди наших мирных занятий, как горящая головня, которая внезапно зажгла в сердцах всех вокруг меня мысли о возвращении на родину, предвкушение лучшей жизни, честолюбивые надежды — в общем, все те чувства, которые одушевляют жизнь мужчин. Я, со своей стороны, испытывала совершенно иные чувства. Франция оставила у меня память только страшную. Я потеряла там свою молодость, порушенную бесчисленными и незабываемыми ужасами. В душе моей уже не было и никогда больше не появлялось никаких других чувств, кроме двух, которые владеют ею безраздельно: любви к моему мужу и к моим детям. Религия, бывшая с той поры единственным двигателем всех моих поступков, приказывала мне не ставить ни малейшего препятствия отъезду, который меня страшил и тяготил. Своего рода предчувствие подсказывало мне, что впереди меня ждут новые невзгоды и беспокойства. Господин де Ла Тур дю Пен даже не подозревал, насколько сильно я сожалела, когда назначен был срок нам покинуть нашу ферму. Я поставила лишь одно условие этому отъезду: дать свободу нашим неграм. Мой муж согласился на это и отдал это счастье мне одной.

Эти бедные люди, видя приходящие из Европы письма, уже догадывались о каких-то переменах в нашей жизни и терзались беспокойством и тревогой. Когда я позвала всех четверых в гостиную, они входили туда с дрожью. Джудит, на сносях в ожидании второго ребенка, держала на руках трехлетнюю Марию. Я ждала их там одна. С волнением я им сказала: «Друзья мои, мы возвращаемся в Европу. Что нам делать с вами?» Бедные люди были сражены наповал. Джудит, зарывав, опустилась на стул; трое мужчин прятали лица в ладонях, оставаясь неподвижны. Я продолжила: «Мы были вами так довольны, что будет справедливо, чтобы вы были вознаграждены. Мой муж поручил мне сказать вам, что он дает вам *свободу*». Услышав это слово, наши достойные служители были так поражены, что несколько секунд не могли выговорить ни слова. Потом все четверо бросились на колени к моим ногам, восклицая: *«Is it possible? Do you mean that we are free?»** Я отвечала: *«Yes, upon my honor, from this moment, as free as I am myself»***.

Кто мог бы описать волнение души в такой момент! Я никогда в жизни не испытывала ничего, столь милого сердцу. Те, кого я только что освободила, в слезах окружали меня, целовали мои руки, ноги, платье; потом их

* Возможно ли это? Вы хотите сказать, что мы свободны?

** Да, клянусь честью, с этого момента вы так же свободны, как я сама.

радость разом прекратилась, и они сказали: «Мы бы предпочли пробывать рабами всю жизнь, только чтобы вы остались здесь».

Назавтра мой муж отвел их в Олбани к судье для церемонии освобождения, *manumission*, которая должна была проводиться публично. Все негры города собрались, чтобы при ней присутствовать. Мировой судья, который был одновременно управляющим господина Ренсселера, был очень не в духе. Он пытался настоять на том, что Прайму уже исполнилось пятьдесят лет и по закону нельзя его освобождать, не обеспечив ему пенсию в сто долларов. Но Прайм это предусмотрел и предъявил свою выписку о крещении, свидетельствующую, что ему только сорок девять лет. Их поставили на колени перед моим мужем, и он возложил каждому руку на голову, разрешая освобождение, в точности как в Древнем Риме.

Наш дом и принадлежащие к нему земли мы передали в аренду тому же человеку, у которого их приобрели, а большую часть движимого имущества продали. Лошади пошли за довольно высокую цену. Я раздала на память много мелких фарфоровых вещиц, которые привезла из Европы. Что до моей бедной Джудит, то ей я оставила старые шелковые платья — они, без сомнения, должны были достаться еще ее потомкам.

II

В середине апреля мы сели в Олбани на корабль, чтобы спуститься по реке до Нью-Йорка. С нежностью и благодарностью мы распрощались со всеми теми, кто в течение двух лет окружал нас всяческими заботами, дружбой и предупредительностью. Сколько раз, когда два года спустя мне пришлось отправиться в новое изгнание, я сожалела о своей ферме и своих добрых соседях!

В Нью-Йорке мы отправились к господину Оливу и его жене, которые приняли нас в своем милом сельском домике. Мы нашли там господина де Талейрана, который, как и мы, решил вернуться в Европу. Госпожа де Сталь, возвратившаяся в Париж и жившая там с Бенжаменом Констаном, торопила его вернуться и пойти на службу к Директории, которой нужна была его ловкость в делах. Мы какое-то время полагали, что сможем взять каюту на том же корабле, что и он. Но, узнав о нашем намерении высадиться в испанском порту и уже оттуда добираться до Бордо, он изменил свои планы, чтобы даже на короткое время не оказаться под властью католического короля — тот мог бы, и не без причины, счесть его не слишком достойным епископом. Поэтому он решил плыть на корабле, направлявшемся в Гамбург. Ни один корабль не шел в Корунью или в Бильбао, как нам хотелось. Был один-единственный превосходный английский корабль водоизмещением в четыреста тонн, который шел в Кадис и должен был со дня

на день поднять якорь. За неимением лучшего мы решили договориться о месте на нем. Он шел под испанским флагом, хотя принадлежал англичанину, как и его груз — кажется, это была пшеница. Владелец, господин Энсдел, бывший арматор китобойных судов, сам плыл на нем пассажиром. По-французски он не знал ни слова, но капитан, родом с Ямайки, говорил по-английски. Вдобавок он сразу же нашел очень толкового переводчика в лице моего сына, который, хоть и всего шести лет от роду, был ему очень полезен. Занимаясь своим обустройством на корабле, мы все же провели еще три недели у госпожи Олив в компании господина де Талейрана.

На рейде стоял французский военный шлюп под командованием капитана Барре, отца которого мой муж знал по дому старого герцога Орлеанского. Это был очень приятный человек, хотя и настоящий морской волк. Он каждый день приплывал за нами на своей лодке и возил нас на прогулку по всему рейду, остерегаясь, однако, приближаться к Сэнди Хук, где капитан Кокрэйи, ставший впоследствии адмиралом, поджидал его уже два месяца, чтобы перехватить, если он попытается выйти с рейда. Мы побывали на его шлюпе, вооруженном пятнадцатью пушками. Он был как игрушка, такой там был порядок и чистота. Как я была бы рада вернуться в Европу на этом красивом корабле!

Но нас ждала «Мария-Хосефа». 6 мая 1796 года мы взошли на борт все четверо, и в тот же день на корабле подняли паруса. Там было еще несколько пассажиров, в том числе господин де Лавор, эмигрант, бывший офицер конституционной гвардии Людовика XVI, после множества опасностей спасшийся от резни 10 августа. Поскольку он был из Бордо, между ним и моим мужем сразу же установилась некая связь. Еще было французское семейство, негоциант с женой. Жена, как и я, находилась в интересном положении, но на гораздо большем сроке беременности. У негоцианта плохо шли дела в Нью-Йорке, и теперь он направлялся в Мадрид в надежде, что там они пойдут лучше. Жена его была молода, мила, довольно хорошо воспитана, но ленива. И, наконец, был еще молодой человек из Парижа по имени Ленорман, невеликого ума, над которым мы посмеивались на протяжении всего плавания. Перечисленные мною лица, господин Энсдел и капитан составляли компанию за столом в главной каюте.

От морской болезни я не страдала, погода стояла прекрасная, и я весь день занималась делом. Таким образом я быстро исчерпала весь взятый с собой запас рукоделия для себя и своего мужа. Тогда я объявила всем, чтобы они несли мне работу как швее дамского и мужского платья, и каждый что-нибудь принес. Были заказы на шитье рубашек, обметывание галстуков, вышивание меток на белье. Плавание через океан продлилось сорок дней, потому что капитан, не слушая мнения господина Энсдела, уклонился на юг под влиянием течения. Этого времени мне хватило, чтобы привести в порядок весь гардероб экипажа.

Наконец, к 10 июня, мы увидели мыс Сан-Висенте, а на следующий день вошли на рейд Кадиса. Капитан, по своему неумению и невежеству, затянул наше плавание по меньшей мере на две недели, позволив течению отнести нас к африканскому побережью, откуда очень трудно потом вернуться обратно на север. Он полагал себя так далеко от земли, что даже не подумал отправить матроса на верхушку мачты высматривать берег. Когда на рассвете показался сильно возвышающийся над морем мыс Сан-Висенте, капитан был очень смущен.

III

Мы пристали к борту трехпалубного французского корабля, называвшегося «Юпитер»; он находился там в составе французского флота, которому не давали выйти в море английские военные корабли превосходящей численности, курсировавшие каждый день почти в виду порта.

Приплывшее санитарное судно уведомило нас, что мы восемь дней будем оставаться на борту в карантине. Мы предпочли это пребыванию в лазарете, где нас бы пожирали всевозможные насекомые, которыми изобилует Испания. Если бы нашелся корабль, следующий в Бильбао или в Барселону, мы бы договорились о проезде на нем. Путешествие тогда было бы короче, менее утомительно и стоило бы дешевле.

Господин де Шамбо не был вычеркнут из списка эмигрантов и не мог вернуться во Францию. Он хотел отправиться в Мадрид, где у него были знакомые, но охотно поехал бы с нами до Барселоны, поскольку это сильно приблизило бы его к Ошу — городу, возле которого у него были владения.

Неопределенность наших планов составляла предмет наших разговоров во время карантина, продолжавшегося десять дней. Он мог продлиться и гораздо дольше, поскольку один из наших матросов дезертировал и его невозможно было представить для осмотра. Этот человек, француз по национальности, служил прежде на военном шлюпе и был захвачен в плен после сражения. Он узнал одного матроса на борту «Юпитера», с которым мы стояли совсем близко, и поговорил с ним через рупор. В ту же ночь он вплавь перебрался на «Юпитер», и, когда санитарные служащие на следующее утро проводили смотр, от него оставались только рубашка и штаны. Это было все его движимое имущество. Из-за этого инцидента наш карантин был продлен до того дня, когда подтвердилось, что отсутствующий находится на французском корабле.

Карантин чуть не стоил мне жизни. Весь день к кораблю подплывали торговцы фруктами, и я вместе с госпожой Тиссерандо то и дело спускала на веревке корзину за фигами, апельсинами и земляникой. Такое

злоупотребление фруктами вызвало у меня ужасную дизентерию, и я себя очень плохо чувствовала.

Наконец было получено разрешение на свободное передвижение — то, что называется *libre pratique*. Капитан высадил нас на сушу, и никогда в жизни я не испытывала такого смущения, как тогда. При высадке нас с госпожой Тиссерандо отвели в маленькую комнатку, открывающуюся на улицу, а в это время все наши вещи досматривали с самой преувеличенной строгостью. Наши цветные платья и соломенные шляпки вскоре собрали вокруг огромную толпу людей всякого возраста и состояния; всем, от матросов до монахов, от грузчиков до господ, не терпелось увидеть двух особ, которых они считали, без сомнения, за диковинных животных. Что до наших мужей, то их держали в той комнате, где происходил досмотр нашего багажа. Мы, таким образом, были одни с госпожой Тиссерандо и с моим сыном. Он не боялся и задавал мне множество вопросов, особенно о монахах, которых он прежде никогда не видел. В какой-то момент он воскликнул, когда мимо проходил молодой монах с безбородым лицом: «*Oh, I see now, that one is a woman*»*.

Это нескромное любопытство побудило меня и мою спутницу прежде всего одеться, как одеваются испанки. Еще до того, как отправиться в гостиницу, мы пошли купить себе черные юбки и мантильи, чтобы можно было выходить на улицу, не скандализируя местных жителей. Мы поселились в гостинице, считавшейся лучшей в Кадисе, но тем не менее при виде тамошней грязи я, привычная к американской скрупулезной чистоте, испытала такое отвращение, что охотно вернулась бы на корабль.

Я вспомнила, что одна из сестер бедного Теобальда Диллона, убитого в Лилле в 1792 году, была замужем за английским негодяем господином Лэнгтоном, жившим в Кадисе. Я написала ему вежливую записку, и он тут же приехал и был с нами очень любезен. Госпожа Лэнгтон находилась тогда в Мадриде у своей дочери баронессы д'Андиля, в сопровождении своей младшей дочери мадемуазель Кармен Лэнгтон. Тем не менее господин Лэнгтон пригласил нас к себе обедать. Он хотел даже поселить нас у себя, но мы не согласились. Я слишком плохо себя чувствовала, чтобы стеснять себя и говорить комплименты. Было договорено отложить обед до первого же дня, когда я почувствую себя лучше.

На следующий день после прибытия мой муж понес наш паспорт на визу к генеральному консулу Франции. Это был некий господин де Роксанти, прежде граф или маркиз, превратившийся в ярого республиканца и чуть ли не террориста. Он задал моему мужу множество вопросов и записывал его ответы. Это все очень походило на допрос. Потом, без сомнения, с целью захватить его врасплох, он произнес: «Гражданин! — Тогда еще употреблялось это обращение. — Сегодня мы получили из Франции прекрасные новости.

* А, теперь я вижу — это женщина!

Этого негодяя Шаретта наконец схватили и расстреляли!» — «Жаль, — отвечал господин де Ла Тур дю Пен, — одним достойным человеком меньше». Тут консул замолчал, подписал паспорт и напомнил нам, что его надо будет снова представить на визу в посольство Франции в Мадриде. Позже мы узнали, каким образом он отрекомендовал нас в Байонне.

В то время Испания, заключив мир с Французской Республикой, выпустила большую часть своей армии, вероятно, даже не заплатив солдатам. Дороги кишели разбойниками, особенно в горах Сьерра-Морена, через которые нам предстояло ехать. Путешественники двигались только караванами из нескольких экипажей. Военной охраны не брали — она могла бы оказаться в сговоре с разбойниками, которые прежде были солдатами, — но те путешественники, которые ехали верхом вместе с караваном, вооружались до зубов. В составе каравана было обычно от пятнадцати до восемнадцати крытых повозок, запряженных мулами.

Таким образом мы и выехали из Кадиса. Мы с моим мужем и сыном занимали одну такую повозку — *carro* — и ехали все, лежа вдоль нее на своих матрасах с корабля. Под нами, на полу повозки, находился наш багаж, покрытый слоем соломы, которая также заполняла промежутки между сундуками. Кровля, искусно сплетенная из тростника и прикрытая просмоленным полотном, защищала нас от солнца днем и от сырости ночью, так как во многих случаях мы предпочитали ночевать в повозке, а не в гостинице.

Но я забежала вперед, говоря о нашем отъезде, потому что мы пробыли в Кадисе восемь дней. Каждый вечер мы гуляли над морем по красивому променаду Аламеда, где можно было вдохнуть немного свежего воздуха после целого дня жары в 35 градусов. Мой маленький Юмбер сопровождал меня, и однажды мы повстречали юного сеньора семи лет, в расшитом шелковом парадном кафтане, при шпаге, с напудренным лицом и шляпой под мышкой. Мой сын смотрел на него с большим удивлением, спрашивая себя, не одна ли это из тех ученых обезьянок, на которых я водила его смотреть в Нью-Йорке, а потом воскликнул: «*But, it is a real boy, or is it a monkey?*»*

Незабываемым зрелищем для него, как и для меня, стал великолепный бой быков в день Святого Иоанна. Этот испанский национальный праздник так часто описывали, что я не буду здесь это делать. Цирк был огромен и вмещал не менее четырех-пяти тысяч человек, которые сидели на расположенных уступами скамьях и были укрыты от солнца натянутым полотном, наподобие велума в римских амфитеатрах. Насосы постоянно смачивали это полотно, разбрызгивая очень мелкий дождик, который не проникал через него насквозь. Поэтому, хотя зрелище началось после полуденной мессы и продолжалось до заката солнца, я не помню, чтобы в какой-то момент я страдала от жары.

* Но ведь это же настоящий мальчик? Или это обезьянка?

Было заколото десять быков, таких прекрасных и породистых, что каждый из них составил бы состояние американского фермера. Матадор, красивый молодой человек двадцати пяти лет, был первейший в своем ремесле в то время. Благодаря его невероятной ловкости мы не испытывали за него никакого беспокойства, несмотря на ужасную опасность, которой он подвергался. Конечно, в то мгновение, когда двое соперников остаются один на один и смотрят друг на друга в упор перед тем, как бык бросится на матадора, сильнейшее волнение охватывает всех зрителей. Слышно, как муха пролетит. Но надо понимать, что матадор не наносит удар шпагой. Он только направляет ее острие, на которое бык сам бросается. Это зрелище стало эпохальным в моей жизни; ни одно другое не оставляло у меня такого глубокого впечатления. Я не забыла ни малейшей подробности, и воспоминание о нем присутствует в моей памяти так же ясно, как если бы я побывала там вчера.

IV

В день, назначенный для отъезда, караван двинулся вперед без нас, а мы с моим мужем и сыном остались, чтобы пообедать у господина Лэнгтона. Он позаботился подготовить лодку, которая должна была потом отвезти нас на другую сторону бухты, чтобы догнать наш караван в порту Санта-Мария. Там была назначена ночевка, поскольку в ходе этого долгого путешествия нам предстояло двигаться не быстрее, чем человек идет пешком.

Я так мучилась ужасной дизентерией, к которой еще присоединилась лихорадка, что мой муж не знал, как я смогу ехать, но пути к отступлению не было. Багаж наш был погружен. Мы оплатили половину дороги до Мадрида. Паспорт наш был завизирован, и господин де Роксант, республиканский консул, плохо посмотрел бы на любую задержку с отъездом — он бы счел это предлогом уж не знаю к чему. Поскольку я всегда полагала, что любую болезнь можно пересилить, кроме, разве что, сломанной ноги, то мне даже и мысли не пришло остаться в Кадисе. Таким образом, мы поприсутствовали при отъезде наших спутников, отправлявшихся ночевать в Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария, а затем отобедали у господина Лэнгтона.

Его дом, устроенный на английский манер, был превосходен по чистоте и благоустройству. Господин Лэнгтон из испанских обычаев принял для себя только те, которые помогали избежать неудобств жаркого климата. Дом был выстроен вокруг квадратного двора, засаженного цветами. В нижнем этаже были устроены по одной стороне арки, а на втором этаже — открытая галерея. Полотнище, натянутое вровень с крышей, прикрывало весь двор. Посередине бил фонтан, достигающий этого полотнища, которое, таким образом, сохранялось всегда влажным и сообщало

всему дому приятную прохладу. Признаюсь, меня очень тяготила мысль о том, что мне на седьмом месяце беременности надо пускаться в долгое путешествие по жаре в 35 градусов, вместо того чтобы остаться в этом приятном месте. Но жребий был брошен; надо было ехать. После этого прощального обеда мы под вечер сели в лодку и спустя полтора часа, благодаря попутному ветру, уже добрались до Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария. Там мы нашли наш караван, состоявший из четырнадцати экипажей и шести или семи идальго, вооруженных с ног до головы.

Второй день пути завершался в Хересе, отстоявшем всего лишь на пять лье. Поскольку мне нужен был отдых, мы решили опять не ехать с караваном, а догнать его вечером в Хересе. Таким образом, мы рано пообедали в красивом месте в Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария, а потом все трое сели в *calesa*, или кабриолет, вроде тех, которые я вижу здесь в Пизе, где пишу эти воспоминания. Экипаж наш был запряжен рослым мулом. На нем не было уздечки, что показалось мне странным, зато на голове его раскачивался высокий плюмаж с прицепленными бубенцами. Мальчик с хлыстом в руке легко вскочил на оглоблю, произнес несколько каббалистических слов, и мул пустился рысью такой резвой, как хороший охотничий галоп. Дорога была великолепная, мы неслись, как ветер, мул покорно подчинялся голосу своего маленького погонщика, обходя препятствия и лавируя по извилистым улочкам деревень, которые мы проезжали на диво осмотрительно. Сначала меня охватил страх, но потом я подумала, что так ездить в обычае в этой стране, и смирилась.

По прибытии в Херес мне любопытно было узнать, сколько мог бы стоить такой мул, как тот, который нас вез; мне ответили, что от шестидесяти до семидесяти луидоров. Мне это показалось дорогое.

Назавтра путешествие началось по-настоящему. Мое недомогание все еще продолжалось, но, поскольку я ехала, лежа на хорошем матрасе, и дорога была великолепная, я страдала не больше, чем если бы оставалась на месте. Мы останавливались на два часа на обед в ужасных трактирах, и два или три раза случалось, что мы предпочитали провести ночь у себя в повозке, только чтобы не ложиться в отвратительно грязные постели.

Мы приближались к Кордове, когда у бедной госпожи Тиссерандо начались роды. Это было в четырех лье от города, на большой равнине без всяких признаков жилья. Она благополучно разрешилась от бремени девочкой, которую погонщик мулов обмыл вином из своего бурдюка. У нас не было ничего, чтобы ее завернуть, потому что ее бедная мать лежала как раз на сундуках с бельем. Ждать было нельзя, остальной караван ушел вперед и удалился уже на такое большое расстояние, что оставаться позади становилось очень опасно, особенно на этой кордовской равнине, пользовавшейся плохой репутацией. Нам как раз незадолго до того рассказывали за обедом весьма прискорбные истории, случившиеся совсем недавно.

Погонщик мулов передал мне в руки бедную малышку, совсем голую. Я, как могла, запеленала ее в галстуки наших спутников, и мы пустились снова в путь рысью, чтобы догнать хвост своего каравана. Бедная роженица смертельно страдала от такой тряски, но приходилось это терпеть.

В Кордову мы прибыли к ночи. Поскольку мы следовали на некотором расстоянии позади каравана, все остальные путешественники были уже размещены, когда гостиничные служители подошли к нашей повозке. Увидев больную, они решили, что это жертва убийства. А следует знать, что местные жители в обстоятельствах, когда совершено преступление и их могут привлечь в качестве свидетелей в суде, предпочитают разбежаться, чтобы потом со спокойной душой говорить, что ничего не видели. Посему собравшиеся поставили свои фонари на землю и скрылись. Напрасно погонщик мулов, угадав их побуждения, звал их — они больше не появились. Я провела часть ночи за разбором сундуков нашей больной, чтобы достать оттуда необходимые вещи и устроить ее и новорожденную. Но сначала надо было поесть, а в этой гостинице предлагались только спальные места. Спали, конечно, те, кому удавалось заснуть, потому что в доме вас поджидали миллионы обитавших там насекомых. Нам пришлось отправиться на поиски какого-то кабачка, где мы с трудом в этот неурочный час добыли себе хлеба и несколько ломтей поджаренного на сковороде сала.

V

Наутро караван задержал на час свой отъезд, чтобы я смогла окрестить бедную малышку, которая, несмотря на все превратности, была вполне жива. Благодаря этой церемонии я повидала великолепный собор Кордовы, подробно описанный господином де Кюстином и столь многими другими. Легко догадаться, что я, путешествуя столь неудобным образом, больная и на седьмом месяце беременности, совершенно не была расположена осматривать памятники в жару, которая царит в Андалусии с полудня до 3 часов, то есть в то время, когда мы останавливались. Так что эту восхитительную церковь я увидела только благодаря нашей новокрещенной девочке. После крещения, которое совершалось «с погружением», поскольку ребенка окунали в купель с головой, мы целый час бродили по этому лесу колонн. Потом пришли погонщики мулов нас поторопить. Они везли с собой провизии на те два раза, что мы должны были в этот день останавливаться поесть на открытом воздухе, поскольку в той части страны, по которой нам предстояло ехать, не было никакого жилья.

По выезде из Кордовы на расстоянии часа пути дорога идет среди обильно орошаемых садов, рощ лимонных деревьев и мавританских олив, пока не достигает старой городской стены, остатки которой еще видны.

Подобно границам античного Рима в Италии, это дает представление о том, какую огромную площадь занимал когда-то этот великий мавританский город.

Мы обедали, как нам и было заранее объявлено, возле колодца, посреди пастбища, сплошь покрытого баранами. Глазом нельзя было охватить эту равнину, простиравшуюся на несколько лье и заросшую где мягкой травой, где мелкими карликовыми миртами. Вокруг колодца росли несколько гранатовых деревьев, покрытых цветами. В этой остановке в пути было что-то восточное, что мне особенно понравилось. По мне, она была гораздо лучше, чем трехчасовое пребывание в отвратительных грязных трактирах, где жара чувствовалась еще сильнее.

Назавтра и в последующие дни мы шли через Сьерра-Морену и повидали два красивых маленьких городка — Ла Карлоту и Ла Каролину. Они были построены для немецких поселенцев, приглашенных в Испанию господином де Флорида Бланка, главным министром Карла III, и мы заметили, что кое-какие германские черты лица там еще не вполне стерлись. Нам встречались светловолосые дети, чья смуглая кожа, совершенно испанская, контрастировала с голубыми глазами. Оба эти городка живописны, выстроены в определенном порядке и в красивых местах. Дорога, огражденная на крутых склонах мраморным парапетом, отличается восхитительной красотой. В то время это была единственная дорога, соединявшая юг Испании с Кастилией.

К моему большому сожалению, через Толедо мы не проезжали. К обеду, кажется, пятнадцатого дня путешествия мы прибыли в Аранхуэс. Там мы провели остаток дня, любясь свежей тенистой листвой, прекрасными плакучими ивами и зеленеющими лугами, которые представляются путнику, приходящему из высушенной и прокаленной июльским солнцем Андалусии, какими-то зелеными оазисами среди пустыни. Это Тахо, пока еще небольшая речка, чья вода искусно разведена по этой прекрасной долине, поддерживает здесь такую приятную свежесть. Двор в то время отсутствовал в Аранхуэсе; тем не менее, по какой-то причине, которую я уже забыла, дворец мы не посетили.

На следующий день мы уже были в Мадриде, простояв сначала два часа в Пуэрта дель Соль в ожидании, пока закончат осматривать, обыскивать и инспектировать вещи и пассажиров всех четырнадцати экипажей нашего каравана. Тем, кто уже прошел осмотр, все равно не разрешали уехать. Кастильское хладнокровие ничем не нарушается. Проявлять нетерпение было бы бесполезно. Таможенники этого бы даже не поняли. Наконец был дан сигнал к отправке, и нас отвезли в гостиницу Сан-Себастьян, не слишком хорошую, расположенную в переулке.

Мы заняли довольно приличную комнату. Мой муж немедленно отправил письма и пакеты, которые господин Лэнгтон передал с нами для

своей жены и двух дочерей. Потом я совершила туалет более тщательный, чем в повозке, намереваясь после ужина отправиться повидать этих дам. Но они нас опередили. И получаса не прошло, как в комнату вошли две прекраснейших на свете особы, баронесса д'Андиля и мадемуазель Кармен Лэнгтон. Их мать была больна и не могла выйти из дому. Их сопровождал зять-вдовец, покойная жена которого, третья дочь Лэнгтонов, по рассказам, была еще красивее своих сестер. Они отнеслись к нам с бесподобной добротой и любезностью, а их зять предложил нам поселиться в небольшой меблированной квартире в том же квартале, где жили эти дамы. Он взял на себя все необходимые хлопоты и предоставил себя в наше распоряжение на все время нашего пребывания в Мадриде. Нам предстояло там прожить не менее месяца или полутора, поскольку мы ожидали писем и ответов из Бордо на письма, написанные нами из Кадиса.

Тем временем беременность моя шла своим чередом, и я хотела к родам, до 10 ноября, быть в Буге. Мой муж на следующий день после приезда отправился к послу Директории, чтобы уладить дела с паспортом. Поскольку он сохранял еще весьма живое воспоминание о гражданине Роксанте, бывшем графе или маркизе, его очень приятно удивил любезный прием, оказанный послом. То был генерал Периньон, впоследствии ставший маршалом. Он прежде служил под началом моего отца, и тот способствовал его карьере. Он этого не забыл и выказал моему мужу много любезности. Однако же его благодарность не простиралась до того, чтобы почтить меня своим визитом. Сеньоры былых времен еще не вошли тогда в моду, как это стало потом.

Мы пробыли в Мадриде полтора месяца, и все это время семейства Лэнгтон и Андила окружали нас заботой и вниманием. Зять госпожи Лэнгтон господин Брун, жена которого умерла за год до того, сводил нас посмотреть все интересные места в городе, и каждый вечер госпожа д'Андиля возила нас на Корсо, а потом оттуда поест мороженого в модном кафе в нижнем конце улицы Алькала. Господин Брун показал нам портрет своей жены. Она была столь же, если не более красива, чем ее сестры. Он был неутешен, потеряв ее в двадцать два года.

Мадемуазель Кармен Лэнгтон была красива изысканной ангельской красотой. Она была просватана за молодого испанского сеньора, но он заболел и умер за несколько дней до даты, назначенной для заключения этого союза, основанного на взаимной склонности. Мадемуазель Кармен Лэнгтон была в смертельной печали. Однажды вечером, когда она отвозила меня домой, кучер ошибся улицей и проехал мимо дома, в котором ей предстояло жить со своим женихом и в котором он умер. Этот инцидент глубоко ее потряс. Долгий глухой стон вырвался из ее груди, ее прекрасное лицо побледнело, как у алебастровой статуи. Эта очаровательная особа отличалась благородством чувств и ума не менее, чем красотой лица.

Глава VI

I. Отъезд из Мадрида. — Господин де Шамбо расстается со своими друзьями. — Экипаж «*collieras*», в который запрягают семь мулов. — Эскориал. — Дом принца. — Ла Гранха. Господин Рутледж. — Прибытие в Сан-Себастьян. Бони встречает нас там. — II. Опасения госпожи де Ла Тур дю Пен при возвращении во Францию. — Прибытие в Байонну. — Допрос и путевой лист. — Волосы, имеющие большую ценность. — Встреча с господином де Бруканом. — Прибытие в Буй. — Разорение в замке. — Спасенная библиотека. — Приезд Маргариты. — Ее жизнь во время Террора. — Рождение Шарлотты. — III. Отлучка господина де Ла Тур дю Пена. — Страх перед «нагревателями». — Расстроенное состояние. — Как было продано владение Сеневер. — Утрата памятных семейных вещей. — IV. Поездка в Париж. — Баррас и контрреволюция. — Опустошение в замке Тессон. — Господин де Талейран становится министром иностранных дел благодаря госпоже де Сталь. — Легкомысленные заговорщики: «черные воротнички». — Неосторожные речи. — V. Завтрак у господина де Талейрана. — Галантность турецкого посла по отношению к госпоже де Ла Тур дю Пен. — Тальен ревнует свою супругу. — Невероятная неблагодарность господина Мартеля.

I

Наконец мы получили письмо от Бони с указанием дня, когда он будет нас ждать в Байонне. На этот раз мы подрядили для себя и своего багажа возвращавшийся во Францию экипаж, так называемый *collieras*. Господин де Лавор, которому пришло подтверждение его исключения из проскрипционных списков, предложил поехать с нами, и мы согласились, хотя нам это совсем не подходило. Господин де Шамбо был вынужден остаться в Мадриде. Нежная дружба, которую он к нам питал и которую столько раз доказывал, сделала эту разлуку очень тягостной для него и для нас. Почти три года он разделял все превратности нашей жизни, наши интересы, наши труды и горести. Мой муж смотрел на него, как на брата. На протяжении этих долгих лет изгнания помыслы наши были общими. Наш отъезд причинял нашему бедному другу ужасные страдания. Денег у него не было; никто не позаботился их ему прислать. К счастью, мы были в состоянии оставить ему пятьдесят луидоров, и счастливый случай устроил так, что его приютили в доме графини де Гальвес, где он оставался до 1800 года.

Мы выехали из Мадрида в 2 часа пополудни, чтобы на ночевку остановиться в Эскориале. *Collieras* представлял собой старую добрую берлину,

запряженную семью мулами, которыми управляли — или, вернее сказать, направляли их или подгоняли — кучер, помещавшийся на своем сиденье, и фореитор-подручный с длинным хлыстом. Этот последний запрыгивал то на одного, то на другого из мулов, которые не имели поводьев и слушались голоса. Я полагаю все же, что два дышловых мула имели вожжи, но пять остальных точно не имели. Один из них, седьмой, шел отдельно впереди. Он назывался «генералом» и вел за собой всех остальных.

В четверти лье от Мадрида кучер спохватился, что забыл свой плащ. Несмотря на удушающую жару, он не желал сделать больше ни шагу, пока фореитор на одном из мулов не съездил за плащом. Это очень нас задержало, и мы добрались до Эскориала лишь довольно поздно ночью.

Почти весь следующий день был посвящен осмотру восхитительного монастыря, который уже столь многие описывали. Ни одно из тех описаний, которые мне с тех пор случалось читать, не показалось мне точным в духовном отношении. Они не передают той печальной благоговейной отрешенности, которую вызывает в душе это место, шедевр всех искусств посреди пустыни. Кажется, все чудеса собраны в этом уединении лишь затем, чтобы обратить нас к мысли о тщете и ничтожности человеческих деяний. Священник показывал нам подземную часовню, где захоронены испанские короли начиная с Филиппа II. Впоследствии, когда развернулись события, разорвавшие Испанию на части, я была поражена, насколько пророческими оказались его слова. Проведя нас среди могил, которые все походили одна на другую, он указал нам одну, остававшуюся свободной — она была предназначена для правящего короля Карла IV, — и, положив при этом руку на саркофаг, крышка которого поддерживалась открытой с помощью клиновидного куса мрамора, сказал по-итальянски: «Кто знает, будет ли он когда-нибудь здесь?» В тот момент слова эти не привлекли моего внимания. Но много позже, когда этот несчастный государь был изгнан со своего трона, это пророчество вспомнилось мне.

Со времени открытия Америки и перуанских золотых и серебряных копеек короли Испании каждый год делали церкви Эскориала великолепный подарок из этих двух металлов. Таким образом ее сокровищница стала самой богатой во всей Европе. Глядя на расположенные по годам предметы, поступившие за время существования этого роскошного обычая, наблюдатель заметит постепенное снижение вкуса от первых вещей работы Бенвенуто Челлини до последних, совсем недавних.

В верхней части главного алтаря располагался барельеф из массивного серебра, изображавший апофеоз святого Лаврентия, патрона Эскориала. При всем своем несравненном великолепии в качестве произведения искусства он доставлял мало удовольствия. Я говорю «доставлял», потому что следует предполагать, что несчастья Испании повлекли за собой уничтожение всех этих шедевров. В застекленных шкафах из прекрас-

нейшего ост-индского дерева были разложены различные предметы бого-служебного назначения. У меня сохранилось отчетливое воспоминание о дароносице в форме карты мира, увенчанной крестом, середина которого была украшена огромным бриллиантом, а концы — четырьмя крупными жемчужинами. Были монстранцы, сплошь сверкавшие драгоценными камнями. Нам показали пасхальное облачение из красного бархата, целиком расшитое мелким жемчугом разной величины сообразно рисунку. Многие, возможно, не оценили бы этого великолепия, поскольку любой кусок ткани, расшитой или затканной серебром, производил больше эффекта, однако на этом одноцветном бархате было жемчуга на несколько миллионов.

Мы поднялись на амвон, где можно было посмотреть восхитительные церковные книги, составленные из пергаментных листов с полями, расписанными учениками Рафаэля по его рисункам. Тома ин-фолио, переплетенные в бурую выворотную кожу, с серебряными накладками на уголках, располагались в своего рода открытом буфете; их отделяли один от другого тонкие дощечки. Из-за большого веса их было бы трудно вытащить из ячейки. Чтобы сгладить это неудобство, на дно каждой ячейки были помещены небольшие ролики из слоновой кости, насаженные на железные спицы, на которых они могли вращаться. Таким образом, чтобы вытащить одну из этих книг, хватало малейшего усилия. Я ни в одной библиотеке не видела такого приспособления.

Прекрасная серебряная статуя Христа в натуральную величину работы Бенвенуто Челлини находилась на верхней галерее Эскориала. Обойдя в восхищении эту великолепную церковь, я осталась перед статуей одна, пока мой муж и господин де Лавор пошли осматривать монастырский двор и библиотеку, где можно было увидеть прекрасную картину Рафаэля, прозванную *«Жемчужина»*. В Мадриде меня не предупредили, что женщине нельзя без специального разрешения заходить в библиотеку, расположенную внутри монастырского двора. Я очень об этом жалела.

Я довольно долго ожидала своих спутников, так что моему уму было время потеряться во множестве размышлений. Я думала о красоте этой церкви, потом о проигранной французами битве при Сен-Кантене¹⁵⁰, в память о которой жестоким отцом дона Карлоса был построен Эскориал. Так что, когда мой муж тронул меня за плечо со словами: «Пойдем посмотрим на дом принца!», я была чуть ли не огорчена, что меня отвлекли от моих мыслей. Мой сын, будучи мальчиком, сопровождал отца и был очень горд возможностью рассказать мне об увиденном.

Мы направились к дому принца, выстроенному Карлом IV в бытность его принцем Астурийским; там он укрывался от строгого испанского этикета, когда двор находился в Эскориале. Это был очень элегантный небольшой домик; в наши дни скромный биржевой маклер вряд ли

удовольствовался бы таким. Красивая мебель, изящные столики, украшения сомнительного вкуса и множество драпировок самого дурного свойства придавали ему такой вид, будто в домике проживала девица. Какой контраст с восхитительной церковью, в которой мы только что были! На меня это произвело очень неприятное впечатление.

Мы вернулись в гостиницу и вскоре выехали, чтобы ночевать в Гранхе, где находился двор. Там мы должны были забрать пакеты от американского посланника господина Рутледжа для его консула в Байонне. Он пригласил нас отужинать, и на следующий день мы направились в Сеговию, очень живописный небольшой городок с замком, от которого мы видели только двор, окруженный аркадами в мавританском стиле.

Остаток нашего путешествия прошел без особых событий. Мы останавливались на один день в Виттории, чтобы полечить мула-«генерала», без которого мы не могли двигаться, потом еще на день в Бургосе, где я сходила посмотреть собор, и наконец прибыли в Сан-Себастьян, где нас ожидал Бони.

II

Я не испытывала никакой радости от возвращения во Францию. Напротив, те страдания, которые я перенесла за последние полгода моего пребывания там, оставили во мне непреодолимое ощущение ужаса и отвращения. Я думала о том, что мой муж возвращается разоренным, что дела, находящиеся в расстройстве, будут неприятно занимать его и что мы обречены жить в большом опустошенном замке, поскольку в Буе все было распродано. Моя свекровь была еще жива. Она вступила во владение Тессоном и Амблевиллем. Не имея никакого ума, будучи очень недоверчива и очень упряма, она в деловых вопросах не доверяла никому. Как я сожалела о своей ферме, о своем покое! У меня взаправду сжималось сердце, когда я переехала мост через Бидассоа¹⁵¹ и ощутила себя на территории Республики, *«единой и неделимой»*.

Вечером мы прибыли в Байонну. Едва только мы вошли в гостиницу, как за господином де Ла Тур дю Пенон явились двое национальных гвардейцев, чтобы отвести его к местной власти, которую в то время представлял, кажется, президент департамента. Такое начало внушило мне большие опасения. В сопровождении Бони мой муж предстал перед собравшимися членами трибунала и был подвергнут допросу о его мнениях, планах, действиях, причинах и основаниях его отъезда и возвращения. Он сразу же заметил, что господин де Роксант успел на него донести, и открыто об этом заявил, сказав в то же время, как доволен он был приемом, оказанным послом в Мадриде. После переговоров, продолжавшихся

по меньшей мере два часа — мне показалось, что они тянулись целый век, так я беспокоилась, сидя в гостинице, — мой муж возвратился. Ему было разрешено продолжать путь до Бордо, но с чем-то вроде официального маршрутного листа, где были отмечены все этапы, и с требованием визировать этот лист на каждой остановке. Таким образом, если бы я устала или почувствовала себя плохо, чего нельзя было исключить на моем большом сроке беременности, об этом надо было бы получить официальное подтверждение у местных властей.

Бони оставил нас и вернулся в Бордо почтовой каретой. Мы наняли скверного возчика, который вез нас короткими перегонами. За всю дорогу случилось лишь одно происшествие. В Мон-де-Марсан я пригласила парикмахера, чтобы он меня причесал, и он, к моему большому удивлению, предложил мне 200 франков в обмен на мои волосы. По его словам, парики из светлых волос были в Париже в такой моде, что он наверняка заработал бы по меньшей мере 100 франков, если бы я согласилась ему продать свою голову. Я, разумеется, отвергла это предложение, но оно вызвало у меня большое почтение к моим волосам, которые в то время, скажу без скромности, были очень красивы.

В Бордо мы снова встретились с нашим достойнейшим Бруканом. Он преуспел во время войны с Испанией, а теперь снова участвовал в поставках продовольствия для армий, воевавших в Италии. Он принял нас с той нежной дружбой, которой никогда ни на мгновение не изменял. Но мне не терпелось оказаться у себя дома, и я договорилась со своим добрым доктором Дюпуи, чтобы тот приехал ко мне. Затем, когда закончилось дело со снятием секвестра, мы приехали в Буй, чтобы там уже снять печати.

В первый момент, признаюсь, моя философия подверглась серьезному испытанию. Этот дом я оставила прекрасно обставленным, и, хотя в нем и не было ничего элегантного, все было устроено удобно и изобильно. Теперь я нашла его абсолютно пустым: ни единого стула, чтобы присесть, ни единого стола, ни единой кровати. Я едва не впала в отчаяние, но от жалоб не было бы проку. Мы принялись разбирать наши ящики с вещами с фермы, которые давно уже прибыли в Бордо, и вид этих незамысловатых предметов мебелировки посреди обширного замка вызвал у нас немало философических размышлений.

Назавтра многие жители Сент-Андре, которым стало стыдно за то, что они тогда ходили на распродажу нашей мебели, пришли предложить нам выкупить ее за те же деньги, в которые она им обошлась. Таким образом мы вернули себе, на разумных условиях, то, что нам больше всего подходило, когда считали, что покупатели приобрели эти вещи лишь из любопытства. Что же до добрых республиканцев, то они и не стали предаваться такому антинациональному попустительству. В числе наиболее ценных вещей был комплект кухонной посуды и утвари. Его перевезли в округ,

в Бург, с намерением отослать потом на монетный двор. Нам его вернули, как и библиотеку, которая также была вывезена в округ. Мы очень приятно провели несколько дней, расставляя книги на полках, и еще до приезда доктора Дюпуи все наше обустройство в доме было завершено, как если бы мы уже год прожили в Буе.

В это время, к моему большому счастью, приехала моя милая служанка Маргарита. Госпожа де Валанс, выйдя из тюрьмы в Париже, вызвала ее к себе, чтобы ухаживать за своими двумя дочерьми. Но как только эта прекрасная женщина узнала о моем возвращении, ничто не могло удержать ее от приезда ко мне. Я с огромным удовольствием увидела ее снова. Ей удалось избежать опасностей Террора, несмотря на ее аристократический белый фартук. Спустя месяц после моего отъезда в Америку она приехала в Париж, где ее приютила одна знакомая горожанка. Через несколько дней она вышла на улицу, одетая, по своему обыкновению, как служанка из богатого дома, с фартуком снежной белизны. Не успела она сделать несколько шагов по мостовой, как какая-то кухарка с корзиной толкнула ее в один из тех темных закоулков, которые в Париже называют «аллеями», и сказала ей: «Несчастная! Вы что, не знаете, что с таким фартуком вас арестуют и отправят на гильотину?» Моя бедная служанка была поражена тем, что из-за привычки, которая была у нее всю жизнь, ей грозила теперь смертная казнь. Она поблагодарила спасшую ее женщину, спрятала свой антиреспубликанский фартук и поспешила купить несколько локтей полотна, чтобы, как она сама говорила, замаскироваться.

Недолгое время спустя, проходя по Вандомской площади, она заметила двоих детей шести-семи лет, игравших перед дверью для прислуги. Они ей показались хорошенькими, и она с ними заговорила. От них она узнала, что они живут с немощным дедом, у которого дома стоит охрана, что их папа и мама в тюрьме, что вся домашняя прислуга их покинула и они остались с бабушкой одни. Прекрасному сердцу Маргариты большего не требовалось. Она сказала детям отвести ее к их бабушке, и он подтвердил правдивость их рассказа. Она предложила ему остаться у него на службе, чтобы ухаживать за ним и за детьми. Он с радостью согласился, и два часа спустя она уже устроилась у них. В этом доме она прожила до самой смерти Робеспьера. После этого ее взяла к себе госпожа де Валанс. Как только я вернулась, она приехала ко мне, как я уже сказала. Она добралась до Буя в самое время, чтобы принять мою дорогую дочь Шарлотту, которую я родила 4 ноября 1796 года. Я назвала ее Шарлоттой, потому что она была крестницей господина де Шамбо. В регистре коммуны, однако же, она была записана под именем Аликс, и впоследствии это было единственное имя, которое она могла использовать в официальных документах.

В декабре месяце, когда я оправилась от родов, мой муж съездил в Тессон, Амблевилль и Ла Рош-Шале, где у нас оставались лишь старые развалившиеся башни, вместо 30 тысяч франков поземельных оброков и рент, которые давали эти земли. Я оставалась одна в большом замке в Буе с Маргаритой, двумя служанками и старым Бике, который напивался каждый вечер. Недостроенную часть первого этажа закрывали лишь несколько жалких досок. Это было время, когда по всему югу Франции наводили страх банды разбойников, прозванных «шофферами», то есть «нагревателями». Каждый день о них рассказывали новые ужасы. В двух лье от Буя они сожгли ступни негоцианту из Бордо господину Шику, заставляя его выдать, где он держит свои деньги. Много лет спустя я видела этого несчастного торговца, опирающегося на костыли. К стыду своему должна признаться, что я холодела от ужаса. Сколько раз, сидя у себя на постели, я полночи прислушивалась к лаю сторожевых собак, думая, что в любой момент разбойники вломятся через окна первого этажа, закрытые лишь тонкими досками. Кажется, никогда в жизни у меня не было такого тягостного времени. Как я жалела о своей ферме, о своих добрых неграх, о прежнем спокойствии! Дни мои были не лучше, чем ночи. Я думала о своем муже, который посреди зимы ехал где-то на скверной лошади по дорогам, которые в южных провинциях Франции были ужасны, особенно в те времена.

Наши дела, которые никак не налаживались, тоже постоянно меня беспокоили. Моему мужу советовали не принимать отцовского наследства без описи — ах, если бы Богу было угодно, чтобы он так и поступил! Но трагические обстоятельства, в которых мы потеряли моего свекра, и то глубокое уважение, которое господин де Ла Тур дю Пен питал к его памяти, отвратили его от такого решения. Наследство включало в себя земли Буя, некоторые части Ла Рош-Шале и наши права на состояние моей свекрови, которая отписала его нам по нашему брачному договору.

Я не буду входить в подробности нашего разорения, которые теперь уже не могу припомнить, да и прежде я их в точности не знала. Я знаю только, что, когда я выходила замуж, считалось, что мой свекор имеет 80 тысяч франков рент. Во время своего пребывания на посту министра он продал одно владение в Керси, называвшееся Сеневер. Эти земли, прежде дававшие доход от 15 до 20 тысяч франков, с отменой поземельного оброка и рентных платежей утратили большую часть своей ценности. Они были куплены бывшим администратором монетного двора в Лиможе господином Нориссаром. В контракте было указано, что покупатель не приобретает права на поземельный оброк и рентные платежи в случае, если они будут восстановлены.

Владение в Ла Рош-Шале, возле Кутра, не включало в себя никаких господских земель. Там были только рентные платежи. Мой свекор держал там управляющего, который занимался сбором этих платежей, и большой амбар для хранения платежей натурой, которые по мере поступления шли на продажу. Доход от этого владения составлял 30 тысяч франков чистыми. Проезжая через Ла Рош-Шале по пути на съезд Генеральных Штатов, мой свекор за ренту в 2400 франков продал какому-то мельнику то, что осталось от старого замка, чтобы строить мельницы на реке, принадлежавшей к этим землям. Переправа через реку была еще раньше отдана в аренду за сумму от 1000 до 1100 франков.

Три месяца спустя мельник объявил себя землевладельцем. Мой свекор подал на него в суд, чтобы заставить его оплатить материалы, из которых он строил мельницы. Процесс тянулся долго, и, когда он при Наполеоне дошел до Государственного Совета, мы его проиграли.

Таким образом, вот как можно оценить наши потери:

В Ла Рош-Шале	30 000 франков
Переправа в Кюбзаке	12 000 франков
Сборы и ренты в Буге	6 000 франков
Сборы и ренты в Тессоне	7 000 франков
Сборы и ренты в Амблевилле	3 000 франков
Итого	58 000 франков

К этому можно было бы добавить дом в Сенте — прекрасный жилой дом в полном порядке, от сдачи которого внаем можно было бы получать 3000 франков. Его захватили власти департамента, и, когда спустя несколько лет нам его вернули, он был приведен в такой упадок, что потерял всю свою ценность.

Мы потеряли также всю обстановку замка в Тессоне. Господин де Монконсей оставил его моему свекру. Тот его не только поддерживал в хорошем состоянии, но и сделал значительные прибавления, поскольку замок помещался в его комендантском округе Пуату, Сентонжа и Онис, и он вел там все свои публичные дела и устраивал большие приемы. Эта обстановка была продана тогда же, когда и обстановка замка в Буге, то есть в те месяцы, которые прошли между приговором и казнью моего свекра и датой декрета, по которому имущество осужденных было возвращено их детям. Именно в эти несколько месяцев была распродана, можно сказать, почти вся обстановка французских замков, за исключением библиотек, которые были вывезены в главные города кантонов, а впоследствии возвращены владельцам. Эти распродажи нанесли ужасный удар по семейной памяти. Никто уже не нашел больше той комнаты, в которой он родился, той кровати, на которой умер его отец, и бесспорно, что пропажа всех этих памятных вещей из-под отцовского крова много способствовала упадку духа аристократической молодежи.

Мы прожили в Буге всю зиму и часть весны. К июлю 1797 года мой муж признал необходимым отправиться в Париж, чтобы закончить улаживание своих дел с господином де Ламетом. Движимая словно каким-то предчувствием, я попросилась сопровождать его. Госпожа де Монтессон, как всегда преисполненная доброты ко мне, устроила так, что госпожа де Валанс предложила мне пожить в Париже у нее. Сама она на лето поселилась в деревне, в доме недалеко от Сен-Дени, который недавно купила. На те полтора месяца, которые мы рассчитывали провести в Париже, чтобы потом вернуться в Буй к сбору винограда, не требовалось много багажа. Мы взяли с собой только самое необходимое для нас самих и детей.

Множество эмигрантов к тому времени вернулись под чужими именами. Госпожа д'Энен, возвратившаяся под именем женевской торговки модным платьем мадемуазель Вотье, поселилась у госпожи де Пуа в Сент-Уэне. Госпожа де Сталь, которую защищал член Директории Баррас, и многие другие тоже находились в Париже.

Господин де Талейран звал нас туда и в особенности уговаривал приехать моего мужа. Начинали уже говорить о контрреволюции, в которую все верили. Сформировалось правительство, и в составе обеих палат, Совета Пятисот и Совета Старейшин, насчитывалось много роялистов¹⁵². Ими был полон салон Барраса, влиятельного члена Директории, где обязанности хозяйки исполняла герцогиня де Бранкас. И хотя другие члены Директории не выказывали расположения следовать примеру своего коллеги, можно с уверенностью сказать, что дело Бурбонов никогда не имело так много шансов на успех, как в то время.

Мы выехали в одном экипаже, мой муж, я, моя служанка Маргарита и наши двое детей: Юмбер семи с половиной лет и восьмимесячная Шарлотта, которую я сама кормила.

Несколько дней мы провели в Тессоне. Замок был в ужасном запустении. Оттуда не только вынесли всю мебель, но и оборвали обои, из многих дверей вынули замки, унесли жалюзи с окон, плиты с кухни, решетки для жарки из печей. Это было настоящее опустошение. К счастью, Грегуар сложил на кроватях у себя, своей жены и дочери все матрасы, которые ему удалось спасти, и они пригодились, чтобы устроить для нас постели во время нашего пребывания в Тессоне.

Я с большим волнением встретила с добрым семейством Грегуар, которое с такой заботой и преданностью прятало моего мужа. До того, проезжая через Мирамбо, я повидала слесаря Потье и его жену, у которых господин де Ла Тур дю Пен прожил три месяца в каморке, где невозможно было читать из-за темноты. Я вновь возблагодарила Бога за то, что он позволил ему избежать всех опасностей этого ужасного времени Террора.

Память о нем так глубоко врезалась в мое сознание, что я еще очень часто видела в кошмарных снах, что моего мужа ищут, преследуют из комнаты в комнату, и внезапно просыпалась в холодном поту и с болезненно бьющимся сердцем.

Наконец мы прибыли к цели своего путешествия. Госпожа де Валанс приняла меня с радостью, и госпожа де Монтессон, которая еще не уехала в деревню, встретила меня с большой добротой. В Париже немного необычности всегда привлекает внимание, так что я там сразу *«произвела эффект»*.

Только мы вышли из экипажа и сели с мужем ужинать в комнате госпожи де Валанс, как к нам пришли сказать, что приехал господин де Талейран. Он был очень рад нас видеть и через некоторое время сказал: «Ну так что, Гуверне, чем вы намерены заняться?» — «Я? — удивился господин де Ла Тур дю Пен. — Но я же приехал сюда улаживать свои дела». — «А! — сказал господин де Талейран. — А я-то думал...» Тут он сменил тему и заговорил о каких-то незначительных пустяках. Через несколько мгновений, обращаясь к госпоже де Валанс, он заговорил, надо было видеть, с каким беззаботным видом: «А кстати, вы знаете, что правительство сменилось? Назначены новые министры». — «Надо же! — сказала она. — И кто же это?» И тогда, после минутного колебания, словно бы он забыл имена и искал их в памяти, он произнес: «Ну да, вот же: такой-то назначен военным министром, такой-то — министром военно-морского флота, такой-то — министром финансов...» — «А кто же министр иностранных дел?» — спросила я. «Иностранных дел? Ну... конечно же, я!» После этого он взял свою шляпу и ушел¹⁵³.

Мы с мужем переглянулись без удивления, потому что со стороны господина де Талейрана ничто не могло нас удивить, разве что ему случилось бы совершить какой-то поступок дурного вкуса. Он оставался в высшей степени знатным сеньором, служа правительству, составленному из последних подонков. Назавтра он уже устроился в министерстве иностранных дел так, как будто десять лет занимал пост министра. Министром его сделало вмешательство госпожи де Сталь, в то время всемогущей благодаря своей связи с Бенжаменом Констаном. Он приехал к ней, бросил на стол кошелек, в котором было всего несколько ливров, и сказал ей: «Вот остаток моего состояния! Я должен завтра же быть министром, или я застрелюсь!» Ничто из сказанного не было правдой, но это было драматично, а госпоже де Сталь это нравилось. Кстати, назначение оказалось получить нетрудно. Члены Директории, а в особенности Баррас, чувствовали себя польщенными, заполучив такого министра.

Я не буду здесь рассказывать историю 18 фрюктидора¹⁵⁴. Ее можно прочитать во всех мемуарах того времени. Роялисты питали большие

надежды, и интриги плелись во всех направлениях. Возвратились многие эмигранты. Они носили знаки принадлежности к союзу, которые все были прекрасно известны полиции: черный бархатный воротник на сюртуке, завязанный не помню уж каким узлом уголок носового платка и т. д. И вот такими вот абсурдными средствами они полагали спасти Францию. Госпожа де Монтессон специально приезжала из деревни, чтобы устраивать обеды для расположенных к этому делу депутатов. Господин Брукан, наш превосходный друг, тоже был среди тех, кто давал такие обеды, где велись невероятно неосторожные разговоры. Мы с мужем каждый день встречались со знакомыми нам людьми; необычность той жизни, которую я вела в Америке, и высказываемое мною желание туда вернуться ввели меня в течение месяца в большую моду.

Наша тетушка госпожа д'Энен вернулась, как я уже говорила, под чужим именем, с женевским паспортом. Она жила у госпожи де Пуа, которая сама поселилась на лето в Сент-Уэне, в доме, который ей предоставили в пользование. Мы туда съездили на несколько дней к большому удовольствию Юмбера, который очень скучал в Париже, где ему приходилось сидеть дома.

Я была поражена чрезвычайной неосторожностью, с которой за столом, в присутствии слуг, велись разговоры о планах и надеждах роялистов. Вслух называли по именам вернувшихся по поддельным бумагам эмигрантов, которые были встречены утром в Париже. Точно так же не обходили молчанием тех депутатов Совета Пятисот и Совета Старейшин, на которых, как полагали, можно было рассчитывать. Меня находили смешной и педантичной, когда я говорила, будучи в том уверена, что от господина Талейрана не остается скрыто ничего из того, что затевается, если и правда что-то затевается, и что ему это даже смешно.

Я также виделась почти каждый день с госпожой де Сталь. Несмотря на свою более чем близкую связь с Бенжаменом Констаном, она работала на роялистскую партию или, точнее, на совершение сделок. Однажды я обедала у нее с восемью или десятью самыми уважаемыми депутатами; в их числе были господа Барбе-Марбуа, Порталис, Вилларе де Жуазе, Дюпон де Немур и защитник королевы Тронсон де Кудрэ. Этот последний сказал Бенжамену: «Вы ведь каждый день бываете у Барраса; вы знаете, что у нас все налажено». На что тот ответил строчкой из стихов господина де Лалли: «Они и волоса не тронут на твоей голове».

«Да, конечно, в это я верю, потому что у меня парик», — ответил Тронсон де Кудрэ. Вот так шутили и обсуждали свои дела те несчастные, которые спустя две недели отправились на кайенскую каторгу.

Пока все это продолжалось, в Париж прибыло турецкое посольство, и господин де Талейран устроил великолепный завтрак для посла и его свиты. За стол не сажались. Вместо этого по одной стороне большой гостиной был устроен буфет ступеньками, поднимавшимися до середины высоты окон; на нем изысканные блюда всякого рода перемежались вазами с самыми редкими цветами. По другим сторонам гостиной располагались диваны, и, когда гости на них садились, слуги приносили и ставили перед ними маленькие круглые столики с яствами. Господин де Талейран провел посла к одному из диванов, где тот уселся, согнув ноги на восточный манер, и предложил ему через переводчика выбрать даму, в компании которой ему было бы угодно завтракать. Тот не колеблясь указал на меня. Мне нечем тут гордиться, поскольку среди тех, кто присутствовал на завтраке, ни одной не был к лицу яркий свет августовского полдня, а мой цвет лица и светлые волосы такого освещения не боялись. Тем не менее я была в чрезвычайном замешательстве, когда господин де Талейран пришел за мной и отвел к этому мусульманину, который с большой грацией подал мне руку. Это был красивый мужчина пятидесяти — шестидесяти лет, хорошо одетый, как тогда одевались турки, и увенчанный огромным тюрбаном из белого муслина. Во время завтрака он держался очень галантно, и я окончательно его покорила, отказавшись от стакана малаги. Он наговорил мне множество любезностей через своего греческого переводчика господина Ангело, известного всему Парижу. Среди прочего он спросил меня, люблю ли я ароматы. Когда я ответила, что мне нравится то, что во Франции называется «пастилками из сераля», он взял мой платок, развернул его у себя на коленях, а затем, покопавшись в огромном кармане своей меховой шубы, набрал две полных горсти маленьких, размером с горошину, пастилок, которые турки имеют обыкновение класть в свои трубки, выложил их на платок и отдал мне.

На следующий день он мне прислал через господина де Талейрана большой флакон розовой эссенции, а также отрез очень красивой зеленой с золотом ткани турецкой работы. Этим ограничивался мой триумф, о котором говорили один день. Ни одна из дам, которых называли «дамами Директории» — герцогиня де Бранкас, госпожа Тальен, госпожа Бонапарт и пр., — не была приглашена на этот завтрак.

Вы догадываетесь, сын мой, что моей первой заботой по прибытии в Париж было повидать госпожу Тальен, которой мы были обязаны жизнью. Я нашла ее в маленьком домике, называвшемся «Хижина», на краю парка Кур-ля-Рен. Она приняла меня очень приветливо и сразу же пожелала объяснить мне, как вышло, что она «оказалась должна» выйти замуж за Тальена, от которого у нее был ребенок. Совместная жизнь с этим

новым супругом ей уже казалась невыносимой. По всему судя, его мрачность и подозрительность не имели себе равных. Она мне рассказала, что однажды, вернувшись домой в час ночи, он в припадке ревности чуть было ее не убил. Видя, что он заряжает пистолет, она бросилась бежать и попросила убежища и защиты у господина Мартеля, которому в Бордо спасла жизнь, но тот отказался ее принять. Она горько плакала, рассказывая мне об этой неблагодарности, так что моя благодарность, которую я к ней чувствовала и с жаром ей высказывала, была ей приятна. Тальен зашел на минуту в комнату к своей жене. Я его поблагодарила довольно холодно, и он мне сказал рассчитывать на него при любом случае. Дальше можно будет видеть, каким образом он сдержал слово.

Глава VII

I. 18 фрюктидора. — Прогулка по Парижу. — Госпожа де Сталь и Бенжамен Констан высказывают противоположные мнения. — Изгнание вернувшихся эмигрантов. — Досада госпожи де Понтекулан. — Положение господина и госпожи де Ла Тур дю Пен. Поведение Талейрана и Тальена в этих обстоятельствах. — II. Новое изгнание. — Встреча с другом из Америки. — Английские таможенники. — Любезный прием у леди Джернингем. — Встреча со старым другом. — Визит к госпоже Диллон. — III. Бетси и Александр де Ла Туш. — Госпожа де Ла Тур дю Пен встречается с госпожой де Рот и архиепископом Нарбоннским. — Лорд Диллон. Его отречение от веры и женитьба на актрисе мадемуазель Рожье. — Лорд Кенмар и его дочь леди Шарлотта Гульд. — IV. Властный характер госпожи д'Энен. — Эмигрантское общество. — Отъезд в Косси. — Скачки в Ньюмаркете. — Любезность леди Джернингем. — Жизнь в Косси. — Семья за столом. — V. Жизнь в Ричмонде с госпожой д'Энен. — Финансовые споры между госпожой Диллон и господином Комбом. — Наследство трудно получить. — Стесненное положение госпожи де Ла Тур дю Пен. — Трудности житья общим домом с госпожой д'Энен.

I

Мой муж занимался улаживанием своих дел и уже вступил в переговоры, чтобы выкупить часть владения Отфонтен, которое недавно было продано. И вот однажды утром, 18 фрюктидора — 4 сентября 1797 года, — когда я на заре сидела у себя на постели и кормила грудью дочь, мне вдруг послышалось, что по бульвару с грохотом проезжает артиллерия. Моя спальня выходила во двор, так что я сказала Маргарите сходить посмотреть из окна столовой, что происходит. Она вернулась с сообщением, что на бульваре полно генералов, солдат и пушек. Я скорее встала и послала разбудить мужа, который спал наверху над моей спальней. Мы оба пошли к окну, где к нам вскоре присоединилась госпожа де Валанс. Там был Ожеро, отдававший приказания. Войска перегородили улицу Капуцинов и улицу Нев-дю-Люксембург. Господин де Ла Тур дю Пен тогда отправился к господину Вилларе де Жуазеу, который жил в самом начале этой последней улицы, и оставался там до момента, когда того арестовали.

К полудню, поскольку никто нам не приносил никаких известий, мы с госпожой де Валанс, обуреваемые любопытством, вышли из дома, намереваясь идти к госпоже де Сталь. Одеты мы были скромно, чтобы не привлекать внимания. Мы думали идти по улице Нев-дю-Люксембург, но она

была перегорожена пушкой. То же самое и улица Капуцинов. Улицы де ла Пэ в ту пору еще не существовало. Нам пришлось пройти обратно до самой улицы Ришелье, чтобы найти свободный проход. Все лавки были закрыты. На улицах было много народу, но никто друг с другом не разговаривал. Добравшись до ворот во внутренний двор Лувра, мы обнаружили, что там столпилось множество людей, которым не давали пройти на набережную. Проталкиваясь и протискиваясь, мы наконец оказались в первых рядах этой толпы. Перед нами солдаты стояли цепью, чтобы дать проехать пяти или шести экипажам, которые в сопровождении большого эскорта направлялись медленным шагом к Королевскому мосту. В одном из них, последнем, мы разглядели господина Порталиса и господина Барбе-Марбуа. Заметив нас, они дружески нам кивнули, словно бы говоря: «Мы не знаем, что с нами будет». Видя этот знак, кучка тех ужасных женщин, которые встречаются лишь в дни революции и смуты, набросилась на нас с криками: «Долой роялисток!» Признаюсь, меня охватил страх. К счастью, поскольку мы находились сразу за кордоном солдат, мы протиснулись между ними и, пройдя на другую сторону, пришли к госпоже де Сталь.

Она была с Бенжаменом Констаном и очень на него рассержена, потому что он утверждал, что Директория, арестовав депутатов, совершила необходимый государственный переворот. Она высказывала опасения, как бы их не отдали под суд военной комиссии, а он не стал отвергать эту идею и сказал со свойственным ему лицемерным видом: «Это будет неприятно, но, возможно, это необходимо!» Потом он нам сообщил, что всем вернувшимся эмигрантам будет приказано снова покинуть Францию под страхом отдачи под суд военных комиссий. Эта новость меня ошеломила, и я поторопилась вернуться к себе, чтобы сообщить ее моему мужу. Увы! На улицах уже выкликали ордонанс Директории. Вернувшись, я нашла моего мужа очень озабоченным тем, как известить обо всех этих событиях его тетюшку, которая жила в Сент-Уэне. Ворота Парижа были закрыты, и никто не мог выйти за заставы без специального разрешения.

По счастью, я встретила госпожу де Понтекулан, с которой была знакома, поскольку часто виделась с ней у госпожи де Валанс. Я позже скажу, кто это такая. Она собиралась ехать в Сен-Дени, где у нее был загородный дом, и имела пропуск, выданный секцией на нее и на ее горничную. Я умоляла ее позволить мне поехать вместо этой горничной, и она, со своей обычной отзывчивостью, согласилась. Тогда, поскольку я не могла оставить мою маленькую Шарлотту, которую кормила грудью, я попросила взять меня не под видом горничной, а под видом кормилицы. Мысль о том, чтобы в ее возрасте — а ей было сорок пять — пятьдесят лет — ее приняли на заставе за мать восьмимесячного ребенка, ей пришлось по нраву. Таким образом, мы поехали вместе. Бедная женщина вскоре была разочарована.

Когда мы подъехали к городским воротам, чиновники и солдаты, вместо того чтобы поздравлять хозяйку, стали расточать комплименты кормилице. Госпожу де Понтекулан это обидело, и она не довезла меня до Сент-Уэна, хотя у нее это заняло бы не больше десяти минут лишних. Вместо этого она просто высадила меня на обочине у начала длинной подъездной дороги, которая показалась мне еще длиннее из-за веса моей дочери, в ту пору довольно упитанной.

Нетрудно представить, с какими возгласами я была встречена нашей тетушкой и госпожой де Пуа. Тетушка решила немедленно ехать обратно в Англию. При этих дамах находилось несколько бывших эмигрантов, которых необходимость снова уехать из Франции привела в отчаяние. Это резко и непоправимо отменяло все соглашения, достигнутые с приобретателями национального имущества, и можно со всем основанием утверждать, что события 18 фрюктидора были столь же пагубны для состояний частных лиц, как и сама Революция. Эти события прекратили все сделки, на которые в тот момент готовы были пойти держатели владений, недавно проданных в пользу государства.

Декрет предписывал всем эмигрантам, вернувшимся на французскую территорию, в двадцать четыре часа покинуть Париж и в восьмидневный срок Францию. Мое мнение было, что надо немедленно ехать обратно в Буй. Поскольку мы покинули Францию с оформленным паспортом и вернулись с тем же паспортом, должным образом завизированным французскими должностными лицами в Соединенных Штатах и Испании, я полагала, что к нам, которые вернулись не тайком, этот декрет не относится. Чтобы удостовериться в этом, мой муж отправился к господину де Талейрану. Тот был очень занят собственным будущим, и будущее других его совершенно не заботило. Так что он, не колеблясь, ответил, что его это не касается, и посоветовал нам представить это дело на рассмотрение министра полиции Соттена. Я тогда пошла к Тальену, который оказал мне очень хороший прием. Он изложил на бумаге ситуацию, в которой мы находились, не называя наших имен: «Частное лицо, уехавшее в 1794 году с паспортом, и т. д. и т. п.». Обстоятельства были представлены самым благоприятным образом. Тальен пообещал мне немедленно пойти к Соттену, чтобы получить у него апостиль¹⁵⁵ на эту бумагу, без которой мы не смогли бы завизировать паспорт, выданный в муниципалитете Сент-Андре-де-Кюбзак, — с этим паспортом мы приехали в Париж и именно его должны были иметь при себе, чтобы можно было выехать за заставу.

Я вернулась домой в изрядном беспокойстве и начала собирать вещи. Только что был вывешен приказ полиции, предписывающий домовладельцам сообщать о любом жильце их дома, который находится в Париже без должным образом оформленных документов. Мы не желали причи-

нять неудобства госпоже де Монтессон, поселившей нас у себя. Ее собственное положение и так уже достаточно беспокоило и заботило ее; она боялась, что сильно скомпрометирована, поскольку в течение последних нескольких месяцев принимала у себя с большим радушием тех депутатов, которые теперь были отправлены в ссылку.

Наконец, после нескольких часов тяжкого ожидания, Тальен возвратил мне запрос, который представлял на рассмотрение Соттена. Министр своей рукой дописал на нем следующее примечание: «Это частное лицо действует по закону». В записке, которую Тальен в то же время написал мне в третьем лице, он вежливо извинялся за то, что не сумел ничего добиться, но конец записки можно было передать словами: «Желаю вам счастливого пути».

II

У нас было на выбор две возможности. Мы могли попросить паспорт в Испанию и поехать в Буй, где я бы осталась на какое-то время, а мой муж добрался бы до Сан-Себастьяна. Это было бы разумнее всего. Мы могли также отправиться в Англию, а оттуда, смотря по обстоятельствам, вернуться опять в Америку. Наша тетушка мадам д'Энен имела большое влияние на моего мужа. Она склонила его выбрать второе решение. У нас было очень мало денег, но мы решились ехать в Англию, будучи уверены, что найдем в Лондоне мою мачеху госпожу Диллон и многих других близких родственников, которые, без сомнения, будут расположены прийти нам на помощь.

В Париж мы ехали, намереваясь провести там только пять или шесть недель, и потому взяли с собой лишь самые необходимые вещи. Сверх того у меня было еще несколько платьев, пошитых в Париже. Два совсем небольших сундучка вместили это скудное имущество, включая и вещи моей служанки Маргариты, которая на сей раз твердо решила не расставаться с нами. Отъезд этот имел для нас самые неприятные последствия. Мы вели переговоры с приобретателями поместья Отфонтен, но лишь для того, чтобы перенять у них покупку, поскольку бабка моя была еще жива. Однако же, поскольку по моему брачному договору я была назначена наследницей всего ее состояния, я резонно полагала, что могу вполне добросовестно приобрести принадлежавшее ей имущество. Наш новый отъезд в эмиграцию стал препятствием всем договоренностям. Провидение велело, чтобы мы с мужем окончили свою жизнь в полнейшем разорении. Оно судило нам — увы! — и иные жестокие казни. Но не будем предвосхищать горести, которые мне предстояло испытать. Описание их еще омрачит последние страницы этого рассказа.

Последние два или три дня перед нашим отъездом прошли в печали и хлопотах. Может быть, нам надо было вернуться в Буй. Ходили слухи, что Баррас, на время уступивший требованиям своих коллег, скоро восстановит свой кредит и тогда же возобновит доброе расположение к эмигрантам.

Все кругом были в отчаянии от этой новой эмиграции. Мы взяли себе три места в экипаже, который должен был в три дня доставить нас в Кале. Остальные два места занимали господин де Бово и молодой Сезар Дюкре, кузен госпожи де Валанс, любезный молодой человек, которого через несколько лет ожидала такая жалкая смерть.

Французы по природе своей веселы. Вот и мы, хотя все мы были огорчены, разорены, разгневаны, тем не менее ухитрились пребывать в хорошем настроении и смеяться. Господин де Бово, наш кузен, ехал к своей жене, урожденной мадемуазель де Мортемар, и детям, которых было трое или четверо. Жена его жила в загородном доме в Стейнз, недалеко от Виндзора, со своим дедом герцогом д'Аркурром, бывшим гувернером первого Дофина, умершего в Медоне в 1789 году. Госпожа де Бово была младшей из трех внучек герцога д'Аркура. Их мать вышла замуж за герцога де Мортемара и умерла задолго до Революции. Господин де Мортемар женился потом на мадемуазель де Бриссак, от которой имел сына, нынешнего герцога.

Мы являлись отмечаться в муниципалитет в каждом городе по пути следования, в том числе и в Кале, где мы в 11 часов вечера погрузились на *пакетбот*.

Я сидела на палубе на крышке люка, с дочерью на руках; моего сына Маргарита укладывала спать, а мой муж с самого момента, как ступил на корабль, страдал от морской болезни, хотя ветер был небольшой и ночь совершенно ясная. Какой-то господин, сидевший рядом со мной, видя, что у меня на руках ребенок, с английским акцентом предложил мне опереться на него. Когда я обернулась, чтобы его поблагодарить, лунный свет упал на мое лицо, и он воскликнул: «*Good God, is it possible!*»* Это был молодой Джеффрис, сын редактора *Edinburgh Review*. Я с ним каждый день виделась у его дяди в Бостоне, когда мы за три года до того были в этом гостеприимном городе. Мы с ним долго проговорили об Америке и о том, как я жалела о своем отъезде оттуда — эти сожаления еще усилились из-за новых опасностей эмиграции. Я дала ему понять, что, хотя вся моя родня находится в Англии, я туда еду исключительно с желанием и намерением вернуться на свою ферму, если всякая надежда вернуться во Францию угаснет или, по крайней мере, отложится на неопределенное время.

Ночь прошла в разговорах об Англии с моим спутником, и с первыми лучами зари нам показался белый Альбион, к которому принес нас сильный юго-западный ветер. Когда корабль встал на якорь в британской гавани, из люка стали выбираться грустные пассажиры, более или менее бледные

* Боже милостивый, возможно ли это!

и растрепанные. Моя несчастная служанка, которой прежде не приходилось плавать дальше, чем из Буя в Бордо, была счастлива вновь увидеть твердую землю. Мы сошли с корабля и сразу же подверглись грубому обращению английских таможенников, которые, как мне показалось, в этом отношении далеко превосходили таможенников испанских. Увидев мой паспорт, который я представила в бюро проверки паспортов, *alien office*, у меня спросили, являюсь ли я подданной короля Англии, и, когда я ответила утвердительно, мне сказали, что я должна назвать кого-то *известного* в Англии. Когда же я без колебаний назвала троих своих дядей: лорда Диллона, лорда Кенмара и сэра Уильяма Джернингема, тон и манеры служащих сразу изменились. Эти дела заняли все утро. После английского завтрака, или, лучше сказать, обеда, мы выехали из Дувра в Лондон. Ночевали мы в Кентербери или в Рочестере — я уже не помню точно название города — и на следующее утро приехали в Лондон и поселились в гостинице на Пиккадилли. Поскольку я из Дувра известила свою тетушку леди Джернингем о нашем прибытии, она отправила нам навстречу своего милого и любезного сына Эдварда, чтобы он привез нас к ней на Болтон-Роу. Она встретила меня совершенно по-матерински. Прежде всего она сообщила нам, что уезжает в деревню, в Косси, где предполагает пробыть по меньшей мере полгода. Она уговаривала нас провести это время там с ней и на свободе обдумать, что мы будем делать дальше. С моим мужем добрая тетушка была весьма любезна; она очень любила детей, и Юмбер ей сразу же пришелся по сердцу. Правду сказать, в свои семь с половиной лет он отличался необыкновенным умом, говорил и бегло читал по-французски и по-английски и уже писал под диктовку и на том, и на другом языке.

Таким образом, мы поселились на Болтон-Роу на правах детей в семье. Я вновь встретила там своего старого доброго друга шевалье Джернингема, брата сэра Уильяма, мужа моей тетушки. Верная дружба, которую он ко мне проявлял с самого моего детства, была мне не только приятна, но и полезна во время моего пребывания в Англии.

Я собиралась ехать к своей мачехе госпоже Диллон, уже два года как поселившейся в Англии, когда она сама приехала к моей тетушке. Горестные чувства охватили ее, когда мы встретились и я рассказала ей о последнем периоде жизни моего бедного отца, с которым я провела зиму 1792–1793 годов.

III

Мое прибытие в Лондон стало событием среди родни. Я снова увиделась с Бетси де Ла Туш, дочерью моей мачехи. Ее мне поручали в 1789–1790 годах; она тогда находилась в монастыре Успения, и я часто туда

приезжала ее навестить и одна только имела разрешение время от времени вывозить ее из монастыря. Она только недавно вышла замуж за Эдварда Фиц-Джеймса и была беременна своим первым ребенком. Это была милая и любезная молодая женщина, заслуживавшая лучшей участи. Она страстно полюбила своего мужа, который не отвечал ей взаимностью, и его жестокие и всем известные измены разбили ей сердце.

Ее брат Александр де Ла Туш был младше ее на три года. Красивый молодой человек, очень легкомысленный, очень веселый, небольшого ума и еще меньшей образованности, он являл все недостатки ничем не занятой эмигрантской молодежи, не обладал никакими талантами, любил лошадей, моду, интрижки, а книг не раскрывал никогда. Моя мачеха, насколько мне известно, книг в руки не брала и не могла привить ему вкус к чтению. Сама она была не лишена природного ума, обладала хорошими манерами и светскостью. Однако же я часто задавалась вопросом, почему мой отец, отличавшийся превосходным умом и обширными познаниями, женился на женщине старше себя. Она была богата, это правда, но не могла считаться, что называется, *«наследницей состояния»*. Желая превыше всего мальчика, он имел от нее лишь трех девочек. Две умерли в раннем детстве; выжила только старшая, Фанни.

Мой дядюшка-архиепископ и моя бабка мадам де Рот жили в Лондоне. Я не виделась с ними с тех пор, как от них съехала в 1788 году; тому было уже девять лет. Моя тетушка леди Джернингем полагала, что мне следовало бы засвидетельствовать им почтение, и добрый шевалье Джернингем, ее деверь, взял на себя спросить их, согласятся ли они меня принять. Моя бабка, видя, что архиепископ этого желает, не посмела воспротивиться. Однако же она поставила условием, чтобы господин де Ла Тур дю Пен меня не сопровождал. Я могла воспользоваться этим условием как предложением, чтобы к ним не ездить, но сделала вид, что не знаю о нем. Мой муж, кстати, был очень доволен, что может не ехать к ним с визитом. Как он мне признался позже, он уже тогда знал, что моя бабка очень зло о нем говорила все то время, что находилась в Лондоне. Если бы я тогда это знала, я бы наверняка отказалась к ней ехать.

Таким образом, однажды поутру я вместе с маленьким Юмбером направились на Тэйер-стрит. Не без волнения, в котором смешивалось множество разнообразных чувств, я постучала в дверь скромного домика в пять окон, в котором жили мои дядюшка и бабка. Этот дом для меня словно заместил, без всякого перехода, прекрасный особняк в Сен-Жерменском предместье, где я провела свое детство в той роскошной и великолепной обстановке, которую могут обеспечить 400 000 франков ренты. Таким доходом располагал тогда архиепископ Нарбоннский — что не помешало ему, надо сказать, оставить при своем отъезде из Франции 1 800 000 франков долгов.

Дверь мне открыл старый слуга. Увидев меня, он расплакался. Этот человек был из Отфонтена, он присутствовал на моей свадьбе. Он пошел вперед меня, и я услышала, как он взволнованным голосом объявляет: «Пришла госпожа де Гуверне». Моя бабка поднялась и подошла ко мне. Я поцеловала ей руку. Она приняла меня очень холодно, называя «мадам». Тут же вошел архиепископ и нежно меня поцеловал, обняв руками за шею. Потом, увидев моего сына, он и его многократно расцеловал. Он задал ему множество вопросов по-английски и по-французски, и ребенок отвечал с такой смелостью и проницательностью, что дядюшка был очарован. Он просил меня отпустить Юмбера вместе с ним в расположенный неподалеку дом, куда он ходил каждое утро лечиться электричеством от глухоты, и я немного боялась, что тот не захочет его сопровождать. Но ребенок, напротив, без колебаний ответил, что охотно пойдет «со старым джентльменом».

Поскольку мне, таким образом, предстояло провести полчаса наедине с бабкой, меня охватило сильное беспокойство. Я опасалась, как бы она не принялась за свои обвинения. Я дрожала также при мысли, что она наведет разговор на моего бедного отца или на моего мужа. Она равно ненавидела их обоих, а я не чувствовала в себе достаточно самообладания, чтобы хладнокровно выслушивать те нападки, которые ее неослабная ненависть могла ей подсказать. К счастью, она сдержалась до момента, когда вернулся архиепископ, очарованный Юмбером, которого электрическая машина нимало не испугала, и он даже, не моргнув глазом, принял несколько встрясок.

Дядюшка взял с меня слово прийти на завтра ужинать с шестью старыми лангедокскими епископами, которым он предоставил пансион за своим столом. Они все были мне старые знакомые. Что до моего мужа, то о нем и речи не было. Я рассказала о своих планах поехать с тетушкой в Косси на все то время, которое она там пробудет. Архиепископ выразил удовлетворение по этому поводу, а бабка издала своего рода ворчание, известное мне как предвестник того, что сейчас она не сдержится и скажет что-нибудь неприятное. Посему я поднялась уходить и поцеловала ей руку, после чего архиепископ снова меня обнял, говоря комплименты моей красоте.

Леди Джернингем, очень беспокоившаяся о результатах этого визита, была рада, что все прошло хорошо. Назавтра тетушка повезла меня к двум другим моим дядям.

Один из них был лорд Диллон, старший брат моего отца. Он жил в красивом доме на *Portman Square* со своей второй женой, двумя из дочерей и сыном, ангельски красивым ребенком восьми или девяти лет. Леди Диллон была урожденная мадемуазель Рожье, бельгийского происхождения. По всему виду она являлась тем, чем в действительности и была — старой актрисой. Мой дядя держал ее как любовницу до своей женитьбы на мисс

Фиппс, дочери лорда Малгрейва. От этой связи родился мальчик, которому по обычаю, принятому в Англии у протестантов, было разрешено носить фамилию своего отца. Как я уже сказала в начале своих мемуаров, лорд Диллон в те времена, когда он еще титуловался лишь достойным Чарльзом Диллоном, был игрок, мот и весь в долгах. Он отрекся от религии своих предков и сделался протестантом по наущению своего двоюродного деда по материнской линии лорда Личфилда, который выставил такую цену за свое наследство, состоявшее из 15000 фунтов ренты и прекрасного замка Дитчли. Обеспечив себе это прекрасное состояние и желая иметь наследника, он женился на протестантке мисс Фиппс и сделал ее столь несчастной, что она умерла в двадцать пять лет, оставив ему мальчика и девочку.

После этого мой дядя жил открыто с мадемуазель Рожье, которая родила ему двух дочерей еще при жизни его жены, и, поскольку она оказалась опять беременна, хотя была уже далеко не молода, он публично взял ее в супруги. Его сестра леди Джернингем была этим чрезвычайно огорчена. Чтобы утешить ее, он ей отдал на воспитание свою законную дочь, оставив при себе лишь двух внебрачных дочерей. Они носили его фамилию, с той только разницей, что на визитных карточках они писали не «достойная мисс Диллон», а просто «мисс Диллон». Обе они были милые девушки, красивые и хорошо воспитанные. Одна из них умерла в возрасте восемнадцати лет, а другая вышла замуж за лорда Фредерика Боклерка, брата герцога Сент-Олбанса.

Поскольку тетушка не особенно желала видеть леди Диллон, я поехала к ней с ее дочерью леди Бедингфельд, моей кузиной, в то время приехавшей на несколько дней в Лондон. Лорд Диллон принял нас должным образом, но, как светский человек, без малейшего интереса. Он предложил нам свою ложу в Опере на вечер того же дня, и мы согласились. Это было единственное благодеяние, которое я от него получила. Он платил пенсию в 1000 фунтов стерлингов своему дяде-архиепископу, которому было восемьдесят лет. Что до меня, хотя я и была дочерью его брата, он ни разу не пришел мне на помощь за те два с половиной года, что я провела в Англии.

Второй дядя, к которому я съездила, на этот раз с леди Джернингем, был лорд Кенмар, который раньше звался достойный Валентин Браун. Он встретил меня совершенно иначе, хотя я ему приходилась всего лишь племянницей по его первой жене, сестре моего отца, умершей много лет назад. Он после того женился снова. От первого брака у него была дочь, моя кузина, леди Шарлотта Браун. Она позже стала в замужестве леди Шарлотта Гульд.

Лорд Кенмар, его дочь и все его семейство приняли меня с несравненной любезностью и добротой, и в особенности дружба леди Шарлотты всегда оставалась неколебима. Ей тогда было восемнадцать лет, и с ней многие искали знакомства, поскольку она была хорошей партией с 20 000 фунтов стерлингов приданого.

Я съездила повидать в Ричмонде нашу тетушку госпожу д'Энен. Она была очень раздосадована нашими планами провести какое-то время в Косси с леди Джернингем.

Госпожа д'Энен была чрезвычайно властна, доходя в этом даже до тиранства, и все, что хоть в малейшей степени противилось ее господству, раздражало ее сверх меры. Ее власть осуществлялась главным образом над господином де Лалли, хотя, надо признать, она была ему очень полезна своей решительностью и твердостью. Но соперничества она не выносила, а поскольку господин де Лалли имел неосторожность за те три или четыре месяца, что госпожа д'Энен провела во Франции, съездить в Косси, где развлекался, словно школьник на каникулах, она возненавидела леди Джернингем. Узнав теперь, что ее племянник господин де Ла Тур дю Пен и я собираемся поселиться на полгода у леди Джернингем в деревне, она не скрывала своей досады. Все же, несмотря на свой вспыльчивый и непримиримый характер, госпожа д'Энен была не лишена чувства справедливости. Ей пришлось поэтому признать, что для нас, высадившихся в Англии без средств, было вполне естественным с радостью принять гостеприимство такой близкой родственницы, как моя тетушка Джернингем, и вдобавок пользующейся таким уважением в свете. Госпожа д'Энен и господин де Лалли жили общим домом. Возраст их обоих должен был бы препятствовать тому, чтобы общество нашло в этом совместном житье повод для скандала. Однако же над ней очень насмеялись. Госпожа д'Энен, несмотря на свои действительные большие достоинства, не пользовалась всеобщей любовью. Несколько подруг оставались ей верны, но ее характер, раздражительный и вспыльчивый, создавал ей врагов чуть ли не без ее ведома.

После трех дней житья в Лондоне я заключила, что мне не доставит никакого удовольствия оставаться там дольше. Общество эмигрантов, их пересуды, их мелкие интриги, их злословие сделали мне отвратительным пребывание там. Однажды вечером я была у госпожи д'Эннери, подруги и близкой родственницы госпожи д'Энен. Ее дочь, герцогиня де Левис, еще совсем молодая и с большими претензиями, была одной из тех бледных звезд, вокруг которых вращалось всё, что считало себя важным среди эмигрантов. Я там повстречала госпожу де Керсен и мадемуазель де Керсен и узнала, что пылкий аристократ Амеде де Дюрас, такой высокомерный и нетерпимый, не пренебрег 25 000 франков ренты этой молодой особы, родственницы госпожи д'Эннери. Ее мать сумела сохранить состояние, которое имела на Мартинике. Я была на шесть лет старше мадемуазель де Керсен и внушала ей сильный страх, как она сама мне потом сказала.

Отъезд в Косси наконец устроился, к моей большой радости. Леди Джернингем должна была поехать туда вперед нас. Было решено, таким образом, что я на несколько дней поселюсь у своей мачехи госпожи Диллон. Там я с большим удовлетворением узнала, что Эдвард де Фиц-Джеймс берет с собой верховых лошадей. Поскольку у меня была репутация отличной наездницы, он взял для меня дамское седло. Моя мачеха дала мне очаровательное платье для верховой езды, и мы предвкушали прекрасные прогулки.

Из Лондона мы выехали целым караваном: в одной берлине моя мачеха, я с дочерью и сыном, служанка и Флора, мулатка госпожи Диллон, а в другой госпожа де Фиц-Джеймс, Александр де ла Туш и мой муж. Потом еще старая гувернантка Бетси и, наконец, господин де Фиц-Джеймс, его лошади, конюхи и т. д.

Ночевали мы в Ньюмаркете, где проходили знаменитые скачки, которые мне было очень любопытно посмотреть. Мы остались там на весь следующий день. Это был последний день скачек, когда состязались за королевский приз. Мы провели весь день на поле для скачек, и, по счастью, редкостному для Англии, погода была прекраснейшая. Этот день сохранился у меня в памяти как один из самых интересных и занимательных в моей жизни. Наутро мы снова пустились в путь и к ночи приехали в Косси. Это было, кажется, в первые дни октября 1797 года.

Тетушка очень любила детей; она полностью завладела Юмбером. Сразу же после завтрака она уводила его к себе в комнату и занималась с ним все утро, давала ему уроки, заставляла писать и читать по-английски и по-французски. Даже одежда его была предметом ее забот. Привозилось платье, рединготы, белье и прочее — целый гардероб для моих детей. Ко мне она тоже была чрезвычайно добра. Она заметила, что я сама хорошо шью себе платья, и под предлогом приучения к рукоделию моей кухни Фанни Диллон, которая тоже находилась в Косси, приносила ко мне в комнату и предоставляла в мое распоряжение отрезы муслина и ткани всякого рода — этот знак внимания был мне тем более приятен, что я приехала из Франции одетой очень легко для английского климата.

Узнав, что мои дети еще не привиты — вакцина тогда только недавно была открыта, — тетушка взяла это дело на себя и пригласила своего хирурга из Норвича, чтобы выполнить эту операцию. Она окружала нас заботами всякого рода, и время, которое я провела в Косси, было для нас таким приятным, как только можно желать.

Нас было там много. За столом собиралось большое число близких родственников, особенно когда там бывала леди Бедингфельд. Вот кто сидел за стол в первые четыре месяца: сэр Уильям и леди Джернингем с тремя сыновьями, Джорджем, Уильямом и Эдвардом, леди Бедингфельд с мужем, Фанни Диллон (дочь лорда Диллона и племянница моей тетуш-

ки леди Джернингем), мы с мужем, моя мачеха Диллон с двумя ее детьми, Бетси и Александром де ла Туш, и зятем Эдвардом де Фиц-Джеймсом и еще один наш кузен, Джон Диллон. Не забудем еще мою сестру Фанни, которую называли „маленькая“, чтобы отличать от другой Фанни, моей кузины, и гувернантку. Считая доброго шевалье Джернингема и капеллана, это составляло стол на девятнадцать персон. Французский повар был превосходен, и еда обильная, без особых изысков.

Доходы, которыми располагал сэр Уильям, оценивались в 18 000 фунтов стерлингов, что в Англии не считается крупным состоянием, но они вполне позволяли ему жить на широкую ногу. Дом был старый, но удобный. Часовня, где служил капеллан, была устроена на чердаке, по обычаю католиков до эмансипации¹⁵⁶.

IV

Вся зима прошла очень приятно. В марте госпожа Диллон, моя сестра Фанни и госпожа Фиц-Джеймс с мужем вернулись в Лондон, поскольку госпожа Фиц-Джеймс должна была рожать, а мы остались в Косси до мая. Тетушка собиралась провести лето в Лондоне, и на время ее отсутствия сэр Уильям предложил нам поселиться в хорошеньком коттедже, который он выстроил в парке. Поскольку я была на пятом месяце беременности, я предпочла не оставаться в таком уединении, боясь не доносить ребенка. С другой стороны, госпожа д'Энен метала громы и молнии по поводу продолжения нашего пребывания в деревне и настаивала, чтобы мы приехали к ней в Ричмонд, где она могла поселить нас у себя. Таким образом, мы согласились поехать туда к ней, хотя мне это было не по нраву. Но мой муж не хотел обижать свою тетушку; кроме того, у нас в Лондоне были кое-какие дела, о которых я сейчас расскажу.

Я не перечитывала предыдущие тетради моих воспоминаний и не уверена, что уже рассказывала, как по прибытии в Бостон написала своему достойному учителю господину Комбу, который тогда жил у моей мачехи госпожи Диллон на Мартинике. Мой отец устроил его на хорошее место секретаря острова. Он исполнял эту должность на Сен-Кристофе и на Тобаго и, живя в доме на всем готовом, имел возможность откладывать жалованье, так что накопил сумму в 60 000 франков. Госпожа Диллон взяла у него в долг этот капитал под проценты. Когда господин Комб, находясь на Мартинике, узнал о нашем прибытии в Бостон и о нашем намерении купить землю, этот прекрасный человек, любивший меня, как отец, задумал присоединить эту сумму, свое единственное богатство, к тем средствам, которыми мы располагали, чтобы позволить нам купить более значительное владение и потом переехать к нам туда.

Тогда он попросил госпожу Диллон о возвращении одолженно-го капитала. Она не только отказала ему в этой просьбе, но и отказалась даже назначить срок возвращения. В отчаянии от крушения своих планов он убеждал, угрожал, но все было бесполезно. Каждый корабль, приходивший в Соединенные Штаты с Мартиники, приносил мне письмо от него. Он писал мне, что не отваживается покинуть госпожу Диллон в надежде, что благодаря личному присутствию сумеет вырвать у нее хоть что-то. Тем временем госпожа Диллон уехала в Англию. Перед ее отъездом бедный господин Комб, оставшийся на Мартинике, получил от нее оформленный акт о признании долга в 60 000 франков с процентами, которых накопилось к тому времени около 10 000 франков.

Приехав в Ричмонд, я получила печальное известие о смерти моего старого друга. Незадолго до того в своем последнем письме он писал, что климат островов, а более того огорчение, что я вновь оказалась без средств за пределами Франции, убивают его. Он добавлял, что пишет к госпоже Диллон, прося ее выплатить мне проценты с капитала в 70 000 франков, которые она была ему должна.

В завещании, составленном по всей форме, он оставлял мне долговое обязательство госпожи Диллон на 70 000 франков, а также вновь набравшие проценты, составлявшие 1500 или 1800 франков. С того дня, как она узнала об этом завещании, отношение госпожи Диллон к нам полностью переменялось. Она держала в Лондоне хороший дом и много тратила на званые обеды, вечера и светские удовольствия. Но когда мы нуждались в деньгах, она нас отсылала к эмигранту-креолу, который вел ее дела. На все наши попытки добиться от нее установления сроков уплаты по обязательству перед нами она отвечала уклончиво. То сахар плохо продавался, то деньги не поступали; каждый день выдвигались новые отговорки. Я обратилась к ней напрямую и была принята очень плохо. Мы поговорили об этом предмете с ее сыном Александром де Ла Тушем; мой муж также обращался к ее поверенному. Все наши действия оставались безуспешны.

В итоге нам давали как милостыню деньги, взятые из принадлежащих нам сумм. Между тем нам надо было вносить свою долю в хозяйство госпожи д'Энен, и это тоже создавало нам причину для стеснения, к которой еще добавлялась необходимость приготовить приданое для будущего ребенка, потому что все необходимое для младенческого возраста я оставила во Франции. Ах! Сколько раз я жалела, что не осталась в Косси!

Жить одним домом с госпожой д'Энен было мне невыносимо. Она поселила нас так плохо, что мы не могли никого у себя принять. Наше помещение состояло всего из двух крохотных спален в нижнем этаже, а в Англии не принято принимать посетителей в той же комнате, где спят. Я с дочерью занимала одну спальню, а господин де Ла Тур дю Пен с сыном

другую. Только вечером мы присоединялись к тетушке в красивой гостиной, которая была у нее на втором этаже. Это, конечно, было очень неудобно; но, если бы жизнь в доме была приятна, я бы из-за этого не мучилась. Я признавала великие и замечательные достоинства госпожи д'Энен и никогда не выходила из должного к ней почтения; однако же мне приходилось признать, что наши характеры плохо сочетаются. Может быть, в этом была моя вина; может быть, мне следовало оставаться нечувствительной к тем булавочным уколам, которые она мне отпускала во множестве. Господин де Лалли, человек самый робкий, не осмелился бы и на малейшую шалость, которую я могла учинить ради забавы. Я была еще молода и смешлива. В двадцать восемь лет как я могла держаться с суровостью, подобающей нашей пятидесятилетней тетушке? Она была вся в политике, ее занимала только конституция, которую надлежало дать Франции. Мне это было смертельно скучно. А потом еще были сочинения господина де Лалли, которые надо было читать и перечитывать слово за словом, каждую фразу!..

Наконец, мне хотелось жить своим домом, каким бы маленьким он ни был. Не видя средства этого достичь, я смирялась.

Глава VIII

I. Герцогиня Бульонская в Англии. — Ее зять господин де Витроль. — Странная страсть. — Сумасшедший. — II. Рождение Эдварда. — Переезд в другой дом в Ричмонде. — Смерть маленького Эдварда. — Удобство жизни в Англии: обыкновения поставщиков. — Семейство Тюизи. — Помощник в глажении. — III. Крайне стесненное положение господина и госпожи де Ла Тур дю Пен. — Бедственное положение господина де Шамбо. — Господин де Ла Тур дю Пен приходит ему на помощь. — Сто фунтов стерлингов от Эдварда Джернингема. — Мисс Лидия Уайт. — Неделя в Лондоне. — Рождение подруги. — Восьмидневная поездка. — IV. Отказ от планов поехать во Францию. — Казнь господина д'Ойямсона и господина д'Аммекура. — Поездка в Митаву господина де Дюраса и его жены. — Отказ Людовика XVIII принять ее. — Разлад между супругами де Дюрас. — V. Пришедшийся кстати абонемент в библиотеку. — Галантный сосед-оригинал. — Несчастный случай, при котором было разбито тильбюри господина де Пуа.

I

В начале лета 1798 года герцогиня Бульонская, о которой я говорила в начале этих воспоминаний, приехала в Англию, чтобы получить часть наследства, оставленного ей ее подругой герцогиней де Бирон. Если я не ошибаюсь, речь шла о 600 000 франков, помещенных в английские ценные бумаги. Госпожа де Бульон была немка, принцесса Гессен-Ротенбургская, но жизнь прожила во Франции и там была замужем за безногим калекой, который был ей мужем только по названию. Долгое и верное чувство связывало ее с принцем Эммануэлем цу Зальмом; она имела от него дочь, которая воспитывалась под вымышленным именем Терезия... Находясь в эмиграции, она выдала ее замуж за молодого советника парламента Экса господина де Витроля, который потом стал знаменит. Я сообщаю эти подробности как вступление к следующему рассказу.

Этому молодому человеку тогда могло быть двадцать восемь — тридцать лет. Он сопровождал госпожу де Бульон в Англию. Терезия оставалась в Германии с двумя или тремя из их детей. Один ребенок, трехлетний Освальд, приехал вместе с бабушкой.

Наша тетушка на три месяца сняла для госпожи де Бульон и ее зятя небольшую квартиру неподалеку от того дома, где жили мы. Когда господин де Витроль первый раз явился к нам, ему открыла моя служанка Маргарита — она обычно открывала дверь, потому что ее комната выходила в прихо-

жую. Вскоре она зашла ко мне со словами: «Вы знаете, как я распознаю людей с первого взгляда?» — «Ну да, — сказала я ей, — ты, конечно, уже вынесла суждение насчет того господина, которого только чтопустила?» — «О Боже мой, да, — отвечала она. — Этот человек безумец или такой, что способен на всё. Остерегайтесь его». Я рассмеялась, как и следовало ожидать; но, как будет видно из дальнейшего, предчувствия моей служанки ее не обманули.

Пребывание госпожи де Бульон в Ричмонде доставило нам несколько приятных приглашений. Герцогиня Девонширская дала большой завтрак для эмигрантов в своем прекрасном поместье Чизвик, а ее сестра леди Бессборо — обед в Рохэмптоне, где она проводила лето в очаровательном доме. Мы были приглашены на эти два собрания, и я с удовольствием там побывала, хотя была уже на семи с половиной месяцах беременности.

Те, кто не видел госпожу де Бульон несколько лет, не могли ее узнать. Как я уже говорила, она никогда не была красива, по крайней мере, я так полагаю; но в то время, о котором я говорю, в возрасте пятидесяти четырех или пятидесяти пяти лет, эта рослая женщина выглядела сгорбленной и буквально иссохшей. Желтая, словно выдубленная кожа обтягивала кости, и через щеки можно было насквозь пересчитать ее черные обломанные зубы. На лицо ее было по-настоящему страшно смотреть, и здоровье ее, уже много лет разрушенное, не позволяло рассчитывать, что она когда-либо сможет вновь выглядеть иначе. Спешу добавить, что ее остроумие, любезность и доброжелательность ничуть не утратили своего очарования. Я часто приходила навестить ее по утрам, и она встречала меня всегда с той же неизменной добротой. Иногда с ней в комнате находился и господин де Витроль. Когда я входила, он выходил, и я тогда видела госпожу де Бульон в волнении, которое меня удивляло. Она дрожала и жаловалась на больные нервы. Ее покрасневшие глаза свидетельствовали о слезах, следы которых еще виднелись на морщинистой коже щек. Малейший шум, захлопнутая ветром дверь заставляли ее вздрагивать. Бедная женщина с трудом возвращала себе более спокойный вид. Когда спустя полчаса я поднималась уходить, она меня удерживала со словами: «Останьтесь, останьтесь, пока кто-нибудь не придет».

Я сообщала о своих наблюдениях госпоже д'Энен, которая в тех же обстоятельствах тоже наблюдала нечто подобное и, как и я, не знала, что и думать. Однажды утром, после визита тетушки к госпоже де Бульон, я увидела, что дамы возвращаются вместе. Вскоре госпожа д'Энен зашла ко мне в сопровождении господина де Ла Тур дю Пена. «Мы вами распорядились, — сказала она. — Господин де Витроль уезжает, и госпожа де Бульон не хочет оставаться одна на квартире, хотя квартира в ее распоряжении еще на три месяца. Она вам ее уступает в обмен на вашу. Вам там будет гораздо лучше рожать». Поданный моим мужем знак дал мне понять, что следует согласиться на это предложение. Тетушка продолжила: «Ну же, надо все ей сказать. Иначе она сочтет, что вы совершенно сошли с ума».

Тогда она рассказала мне следующее: придя к госпоже де Бульон гораздо раньше обычного и не найдя никого, кто бы объявил о ее приходе, она поднялась на второй этаж и услышала приглушенные крики и рыдания. В тот момент, когда она открыла дверь спальни госпожи де Бульон, господин де Витроль торопливо вышел оттуда, держа под кафтаном какую-то вещь, которую тетушка в смятении не смогла рассмотреть. Госпожа де Бульон, бледная как смерть, откинулась в кресле, в полуобмороке и не в силах выговорить ни слова. Спустя несколько минут, понуждаемая обеспокоенными вопросами тетушки, она в конце концов поверила ей самую невероятную тайну. Господин де Витроль, несмотря на ее возраст и ужасающую худобу, вспылал к ней — или изображал, что вспылал — необъяснимой неистовой страстью. Охваченный своим безумием, он только что дал волю ярости до того, что приставил к ее груди пистолет, чтобы угрозами вырвать у нее обещание уступить его чудовищным желаниям. Ничто на свете, добавила она, не заставит ее еще хоть день оставаться одной с таким сумасшедшим. Тогда-то тетушка и привела ее к себе в дом.

Господин де Лалли и господин де Ла Тур дю Пен вместе с господином Малуэ, находившимся в это время в Ричмонде, и господином де Пуа отправились на квартиру к этому безумцу. Они боялись, как бы он в бреду не покончил с собой. Но он и не думал этого делать — он просто уложил свои вещи и отбыл в Лондон. Мужчины поехали за ним, потому что госпожа де Бульон требовала, чтобы он немедленно покинул Англию. В тот же вечер они нашли его в квартире, которую он себе снял. При виде их он принялся симулировать буйное сумасшествие с таким пылом, что они, опасаясь какой-нибудь катастрофы и не смея поверить, что все это лишь притворство, послали тут же за врачом. Не знаю, был ли врач введен в заблуждение превосходно сыгранной ролью или сделал вид, что поверил, но факт тот, что он вызвал стражников, которые надели на господина де Витроля смиренную рубашку и уложили его на кровать. Господин де Ла Тур дю Пен и трое его спутников ушли, обещав вернуться назавтра утром. Господин Малуэ вместе с несколькими другими вел тогда в Лондоне дела эмигрантов. Он занялся получением визы на паспорт господина де Витроля в *alien office**. На паспорте была сделана специальная надпись, предписывающая ему выехать из Англии в трехдневный срок с запретом возвращаться туда.

На следующее утро они вчетвером нашли нашего безумца успокоившимся и, по его словам, ничего не помнящим о том, что произошло. Тем не менее его передали в руки *государственного посыльного*, и тот отвез его, кажется, в Ярмут, где его посадили на корабль в Гамбург.

Я его увидела вновь лишь в 1814 году. Жарким августовским вечером я была у госпожи де Сталь. Мы беседовали, сидя на террасе в темноте. Появился какой-то мужчина и вмешался в разговор. Одна из присут-

* Бюро по делам иностранцев.

ствующих дам обратилась ко мне по имени, и вновь прибывший тут же схватил свою шляпу и поторопился уйти. Госпожа де Сталь воскликнула: «Куда же вы, господин де Витроль?» Но он ничего не ответил и удалился. Поскольку ночь скрывала наши лица, я смогла улыбнуться, не компрометируя его. Госпожа де Бульон уже умерла, и мы все обещались не разглашать этот случай.

II

Я поселилась, таким образом, в квартире госпожи де Бульон и там родила мальчика, которому дали имя Эдвард, как крестнику леди Джернингем и ее сына Эдварда.

Добрый шевалье Джернингем пришел меня навестить. Он мне сообщил, что моя тетушка, его невестка, была того мнения, что когда я съеду из своей нынешней квартиры, то не смогу с тремя детьми вернуться в две маленькие комнатки скромного жилья, которое я занимала у госпожи д'Энен. Кроме того, как бы мы ни были стеснены в средствах, или даже по причине этой стесненности, она полагала, что мы предпочтем жить одни и независимо. Для этого она поручила ему найти нам в Ричмонде небольшой дом. Его поиски увенчались успехом более, чем мы могли желать. Тем не менее потребовались довольно трудные переговоры, и с этим делом шевалье справился со всем рвением, к которому побуждала его дружба ко мне.

Дом принадлежал бывшей актрисе с Друри Лэйн¹⁵⁷, которая была прежде очень красива и очень в моде. Она сама там никогда не жила, но в доме все было так чисто и в таком порядке, что она не особенно хотела сдавать его внаем. Красноречие шевалье и 45 фунтов стерлингов от леди Джернингем решили дело. Этот маленький домик, настоящая игрушка, имел в ширину по фасаду не более пятнадцати футов. Внизу был коридор, хорошенюкая гостиная в два окна и неприметная лестница. На втором этаже помещались две прекрасные спальни, а наверху еще две спальни для слуг. Хорошенюкая кухня в конце коридора нижнего этажа выходила в крохотный садик из одной дорожки и двух клумб. Всюду были ковры, а проходы и лестница были отделаны красивыми английскими воощеными тканями. Этот чрезвычайно кокетливый, чистенький, красиво обставленный домик весь уместился бы в одну комнату средней величины.

Однако же я была очень несчастна, переезжая туда, потому что это был день, когда я потеряла моего бедного мальчика, всего трех месяцев от роду, но полного сил и восхитительно красивого. Его в одно мгновение унес плеврит, случившийся, как я полагала, из-за небрежности ходившей за ним английской прислуги. Тогда была уже осень, которая в Англии начинается рано. Я сама кормила моего дорогого ангела, и от горя у меня

свернулось молоко. Я была очень больна и переезжала почти при смерти с оставшимися у меня двумя детьми: сыном Юмбером, которому было девять с половиной лет, и дочерью Шарлоттой, которой исполнилось два. Поскольку теперь ухаживать надо было только за этими двумя детьми, мы уволили английскую прислугу. Служанка Маргарита немного выучилась готовить, пока я была в отъезде в Соединенных Штатах. Она с готовностью применила свои таланты, а главное, рвение, чтобы нас кормить.

Англия, где существуют такие огромные состояния, где жизнь некоторых людей так роскошна, есть в то же время страна, где бедные люди могут жить самым удобным образом. Так, например, нет никакой необходимости ходить на рынок. Мясник ежедневно, не пропуская ни дня, приезжает в определенный час и кричит у дверей: «*Butcher!*»* Ему открывают и говорят, что нужно. Нужна баранья нога? Ее принесут уже обработанной и готовой для насаживания на вертел. Нужны ребрышки? Они разложены на небольшом деревянном подносе, который мясник заберет назавтра. Деревянной шпилькой приколоты бумажка, на которой написаны вес и цена. Ничего лишнего, ничего такого, что в других местах называют «довесок». Со всеми другими поставщиками то же самое. Не приходится опасаться никаких сложностей или споров.

Уже через два дня мой сын, который говорил по-английски, как местный житель, заходил к поставщикам утром по пути в свой пансион, где оставался на весь день. В субботу он оплачивал наши траты за неделю. Ни разу не было ни ошибок, ни путаницы.

Поблизости от нас в Ричмонде жила одна достойная французская семья, господин и госпожа де Тюизи. У них было четверо сыновей, которых господин де Тюизи воспитывал сам. Каждый день, после нашего обеда, Юмбер сам шел к ним и оставался там с 7 до 9 часов. Это было его главное развлечение за день. В свой пансион он уходил после нашего завтрака, обедал там, в 6 часов возвращался домой и потом отправлялся к де Тюизи. Иногда, когда он возвращался после 9 часов, что бывало редко, его приводил обратно шевалье де Тюизи. Этот прекрасный человек, рыцарь Мальтийского ордена, был просто посланцем Провидения для всех эмигрантов, поселившихся в Ричмонде. Раз в неделю, а иногда и чаще, он пешком ходил в Лондон, и его с невообразимой бесцеремонностью нагружали поручениями.

Я его-видела каждый день. Раз в неделю я занималась глажением. Он тогда садился у огня и подавал мне утюги, проводя их предварительно по кирпичу и по наждачной бумаге, как это принято делать, когда утюги греют на каменном угле. Иногда, когда мы встречались вечером у госпожи д'Эннери, где всегда бывало много народу, или у английской дамы миссис Блунт, шевалье подходил ко мне с самым светским видом и тихонько мне говорил: «Ну что, завтра будем гладить?»

* Мясник!

Многие знакомые ему дамы-эмигрантки никогда не выходили в свет; они трудились, зарабатывая себе на жизнь. Шевалье знал мою ловкость в работе с иглой и часто, если у них не хватало времени выполнить заказ, приносил мне часть заказанной им работы; это в особенности бывало вышивание меток на белье, потому что как раз этот род работы я делала блестяще.

III

Прошло какое-то время, и мы оказались в очень стесненных обстоятельствах, поскольку госпожа Диллон никак не желала нам платить. Все наши деньги составляли 500 или 600 франков, и мы уже говорили между собой, что, когда они кончатся, нам не на что будет жить — не то чтобы негде спать, поскольку домик наш нам ничего не стоил, но буквально нечего есть. Мой друг шевалье Джернингем сообщил мне, что наш дядя лорд Диллон с величайшим бессердечием отказался прийти нам на помощь. С другой стороны, с Францией всякое сообщение было прервано.

В этот момент мы получили отчаянное письмо от господина де Шамбо, который все еще жил в Испании. Он не имел никаких известий из Франции. Ему не посылали ни единого су. Его дядя, бывший генеральный откупщик, после которого он должен был унаследовать все имущество, недавно умер, оставив завещание в его пользу. Правительство конфисковало наследство как имущество, принадлежащее эмигранту. В тот день, когда он нам писал, все его богатство составлял один последний луидор, и он мог рассчитывать только на своих друзей-испанцев, милосердие которых он уже исчерпал. Получив это письмо, господин де Ла Тур дю Пен, ни минуты не колеблясь, поделился с другом всем, что оставалось в кошельке. Он побежал к надежному банкиру и взял на 10 фунтов стерлингов вексель на предъявителя с оплатой в Мадриде. В тот же день вексель был отправлен. Это была почти половина наших денег. Мы остались с 12 фунтами стерлингов, без каких-либо иных средств на свои нужды, когда эти деньги будут израсходованы. О вспомоществовании, которое английское правительство предоставляло эмигрантам, мы просить не желали, заботясь о репутации моей семьи, особенно леди Джернингем — в отношении лорда Диллона я не испытывала никаких угрызений совести. Из уважения к памяти своего отца я все же не желала публично объявлять, что его вдова госпожа Диллон, моя мачеха, владелица дома в Лондоне, где она устраивает званые обеды, вечера и спектакли, отказывается прийти мне на помощь.

У нас оставался уже последний банковский билет на 5 фунтов стерлингов, когда однажды утром навестить меня приехал верхом мой милый кузен Эдвард Джернингем. Ему тогда только недавно исполнился двадцать один год; это был очаровательный молодой человек. Все в нем было достойно той

материнской любви, которой леди Джернингем его окружала. Остроумный, благожелательный, образованный, он соединял все достоинства зрелого возраста с приятностью и веселостью молодости. Свойственная ему доброта была под стать его возвышенным чувствам и незаурядному уму. В ответ на его дружеские чувства ко мне я его любила, как младшего брата. Он собирался уезжать в Косси и рассказал мне, что его отец выдал ему не знаю уж какую сумму денег из наследства, которое было ему завещано еще в его детские годы. «Держу пари, — сказала я, — что изрядная доля пойдет на зимнюю одежду для святых отцов из Жюйли». Это была ораторианская обитель, в которой он провел несколько лет в детстве. «Не всё», — ответил он мне, покраснев до корней волос, и заговорил о чем-то другом.

Когда он поднялся уходить, я пошла к двери посмотреть, как он будет садиться на лошадь. Он приотстал, и я увидела, как он что-то засунул в мою корзинку с рукоделием. Я не подала виду, что это заметила, поскольку он был в чрезвычайном смущении. После его отъезда я нашла у себя в корзинке запечатанное письмо на мое имя. В письме были только слова: «Моей дорогой кузине от ее друга Неда» и банковский билет на 100 фунтов стерлингов.

Через минуту вернулся господин де Ла Тур дю Пен, и я ему сказала: «Вот награда за то, что вы сделали для господина де Шамбо». Как нетрудно догадаться, утром следующего дня он отправился в Лондон, чтобы поблагодарить Эдварда, но тот уже уехал в Косси.

Через несколько дней я тоже поехала в Лондон со знакомыми английскими дамами, с которыми я часто виделась в Ричмонде. Это были две сестры, старшая из которых, мисс Лидия Уайт, была знаменита как *blue stocking*, «синий чулок». Она испытывала ко мне нечто вроде романтической страсти из-за моих американских приключений. Одна из дам хорошо пела, и мы вместе музицировали. Их книги были в моем распоряжении. Когда я утром приходила к ним с визитом, они меня удерживали у себя на весь день, а вечером не отпускали, пока я не пообещаю еще прийти на неделе. Наконец, составив план провести неделю в Лондоне, они уговорили господина де Ла Тур дю Пена отпустить меня с ними.

Это небольшое путешествие в Лондон с мисс Лидией Уайт и ее сестрой несколько ввело меня в общество. Мы ходили в Оперу, где давали *Эльфриду* и пела Банти, которую я уже слышала раньше вместе с леди Бедингфелд. Еще меня водили на многолюдное собрание у некой дамы, которую я едва разглядела. Все было заполнено людьми до самой лестницы. Присесть не стоило и мечтать. Случайно я попала в уголок салона, где пытались музицировать, хотя никто не слушал. За фортепиано сидел мужчина. Я слушала его с удивлением; мне показалось, что я никогда не слышала ничего подобного по приятности, вкусу, выразительности, тонкости. По прошествии четверти часа, видя, что его никто не слушает, он поднял-

ся и ушел. Я спросила его имя... Это был Крамер! Гостей была такая толпа, что мы с трудом выбрались из этой толчеи, но голос привратника: «*Miss White's carriage stops the way*»* заставил нас поторопиться. Это приказ, которому надо подчиняться под страхом потерять свое место в очереди и быть обреченным на лишний час ожидания.

По прошествии недели, которая показалась мне длинной и скучной, я с удовольствием вернулась в Ричмонд. За это время родилась для меня подруга, которая, может быть, прочтет эти воспоминания, когда меня уже не будет. Госпожа де Дюрас родила прежде срока, 19 августа, мою дорогую Фелиси. Мы с Клер свели близкое знакомство за то недолгое время, которое она прожила в Ричмонде, и, хотя характеры наши были не очень сходны, мы все же понравились друг другу. Она тогда была без ума от своего мужа, который ей изменял; она огорчалась из-за его измен, когда узнавала о них, со страстью и отчаянием, мало способствовавшими возвращению мужа. Спустя недолгое время после родов они сняли дом в Теддингтоне, деревне в двух милях от Ричмонда. Амеде де Дюрас был моим самым давним знакомым. В ранней юности мы с ним вместе музицировали. Эти занятия мы возобновили в Теддингтоне, куда я часто приходила на целый день. Господин де Пуа, поселившийся в Ричмонде, имел превосходную лошадь и тильбюри. Много раз бывало, что я приходила в Теддингтон пешком, а обратно в Ричмонд он меня отвозил в своем экипаже. Так прошло лето 1798 года.

Мы уезжали на восемь дней в путешествие, о котором я сохранила самые приятные воспоминания. С моей прекрасной служанкой дети мои были в полной безопасности, так что я совершенно не беспокоилась из-за этой недолгой отлучки. Я ехала с господином де Пуа в его тильбюри, а господин де Ла Тур дю Пен верхом. Проехав через Виндзор, мы заночевали в Мейденхэде и там провели следующий день, успев побывать в *Park Place* и съездить на прогулку на лодке:

Where beauteous Isis and her husband Tame
With mingled waves, for ever flow the same**.

(Prior.)

Оттуда мы поехали в Оксфорд, в Бленхейм, в Стоу и так далее, а вернулись через Эйлсбери и Эксбридж. Красивые поместья, которые нам удалось посетить, очаровали меня. Только там англичане действительно являют себя знатными сеньорами. Всю неделю нашей поездки мы наслаждались прекрасной погодой. По этому случаю замечу, что климат Англии,

* Карета мисс Уайт загораживает дорогу!

** Где прекрасная Айсис и супруг ее Тэйм
Волн смешали течение на веки веков.

(Мэтью Прайор, «Генри и Эмма»)

за пределами Лондона, сильно оклеветан. Я нашла его не хуже, чем в Голландии, и уж несравненно лучше и менее переменчивым, чем в Бельгии. Наше небольшое путешествие оставило у меня самое приятное впечатление. В моей долгой жизни есть редкие светлые пятна, как на картинах Ночного Герардо, и эта короткая поездка — одно из них.

IV

Вернувшись в Ричмонд, я вновь занялась хозяйством. Новости из Франции казались не такими плохими, как прежде. Мой муж даже строил планы отправить меня туда на несколько дней с английским паспортом, который был бы не вполне фальшивым, потому что я подписалась бы своим именем, Люси Диллон. В этот момент стало известно, что двое эмигрантов, господин д'Ойянсон и господин д'Аммекур, вернувшиеся с подложными документами, схвачены и расстреляны без всякого суда. Мне кажется, что эта история не упомянута ни в одном из многочисленных мемуаров, написанных с тех пор. Я когда-то встречала господина д'Ойянсона на балах и даже танцевала с ним. Его смерть меня потрясла гораздо больше, чем смерть его товарища по несчастью господина д'Аммекура, парламентского советника.

Это прискорбное событие побудило нас отказаться от мысли о моей поездке во Францию. Известие о нем дошло до нас как раз в тот день, когда я должна была уезжать. Лично я была счастлива, что мне не надо отправляться в это путешествие, очень для меня тягостное; не то чтобы я боялась опасности, но меня до смерти печалила мысль о расставании с мужем и детьми. Я твердо решила тогда, что не буду больше пытаться вернуться во Францию без них.

Моя жизнь в Ричмонде была очень монотонна. С госпожой Диллон я больше совсем не виделась с тех пор, как мы вырвали у нее кое-какие деньги после довольно оживленной переписки между господином де Ла Тур дю Пенom и ее поверенным в делах. Господин де Фиц-Джеймс и господин де Ла Туш воздерживались от поездок к нам в Ричмонд. Когда я ездила в Лондон, что случалось один или два раза, я виделась только с леди Джернингем или с лордом Кенмаром, который уже год как давал мне по шесть луидоров в месяц.

Раз в неделю я наносила визит госпоже де Дюрас в Теддингтоне, куда либо шла одна пешком, либо ехала в экипаже с господином де Пуа.

После рождения своей второй дочери Клары госпожа де Дюрас вместе с мужем совершила путешествие в Гамбург. Король Людовик XVIII находился по-прежнему в Митаве¹⁵⁸, и те, кто занимал высшие должности при короне или королевском доме, приезжали в этот город, когда наставало время их дежурства. Первые камергеры в свой год приезжали и весь год жили при короле.

Поскольку настала очередь дежурить господину де Дюрасу, он выразил желание привезти с собой в Митаву жену. Своих детей они поручили заботам госпожи де Тюизи. Отец госпожи де Дюрас, господин де Керсен, заседал в Конвенте во время процесса над королем. Из опасения, что это пятно, которое могла не смыть даже смерть ее отца, помешает ей быть принятой в Митаве, госпожа де Дюрас говорила, что едет якобы заниматься какими-то делами своей матери, уехавшей на Мартинику продать дом, которым она там владела. Как бы то ни было, я имела основания считать, что, когда господин де Дюрас прибыл в Гамбург, его там встретил герцог де Флери, приехавший объявить ему от имени короля, что жена его принята не будет. Таким образом, путешествие госпожи де Дюрас на этом закончилось, но я уже забыла, ездил ли в Митаву сам господин де Дюрас. В любом случае они через короткое время вернулись в Теддингтон.

Согласия в супругах было еще меньше, чем прежде. Господин де Дюрас все хуже и хуже относился к своей жене. Она день и ночь из-за этого плакала и, к несчастью, принимала жалкий вид, который смертельно раздражал ее мужа. Он это показывал без всякого стеснения, больно ее ранив, в чем я его часто упрекала. На это он отвечал, что любви не прикажешь и что он терпеть не может сцен.

Прочитав проповедь мужу, я бралась утешать жену. Я старалась внушить ей немного самостоятельности, убедить ее, что своей ревностью и упреками она делает домашнюю жизнь невыносимой и отдаляет от себя мужа. Дни проходили то хуже, то лучше, поскольку у них беспрерывно бывали визитеры; вечерами было иначе, поскольку они оставались одни. Один старый офицер корпуса телохранителей, господин де Ла Сипьер, своим присутствием почти всегда нарушал их тет-а-тет. Амеде де Дюрас часто пользовался его приходом, чтобы уехать в Лондон. Тут начинались бесконечные слезы и обвинения со стороны жены. Бедная Клер только и думала, как бы иметь романтические отношения с мужем, который был самым неромантичным человеком на свете! Конечно, он получал бы удовольствие от домашней жизни, если бы эту жизнь сделали для него приятной. Но в госпоже де Дюрас внешние проявления страсти не могли до конца скрыть высокомерия и властности, которые в дальнейшем развились еще больше. При большом уме она сделала несчастными и своих домашних, и себя саму.

V

В конце зимы мисс Уайт уехала из Ричмонда. Это меня огорчило; не то чтобы между нами завязалась прочная дружба, но она была так любезна ко мне, что я находила очень приятным ее пребывание по соседству с нами.

Здоровье мое уже некоторое время оставляло желать лучшего. Я чувствовала сильное утомление, не понимая точно, что у меня болит. Экипажа мне взять было неоткуда, а дом наш находился в довольно удаленном месте, у городского выгона. Из-за этого я перестала выходить из дома после ужина и посвящала вечера чтению книг, которые мисс Уайт, имевшая хорошую библиотеку, присылала мне в большом количестве. Абонемент в публичную библиотеку в Англии стоил дорого, и я не могла себе позволить такое удовольствие. Какова же была моя радость, когда однажды посыльный вручил мне шкатулку, на которой было надписано мое имя, и ключ от нее. Открыв шкатулку, я обнаружила там десять томов из лондонской абонементной библиотеки Укама — *Ookam's circulating library* — и каталог этой библиотеки, состоявшей из двадцати тысяч томов книг всякого рода на английском и на французском. К посылке прилагалась расписка в получении платы за абонемент на мое имя с уведомлением, что если я сдам закрытую шкатулку на почтовую карету, отправляющуюся в 7 часов утра, то вечерней почтой мне ее привезут обратно с заказанными книгами. Этот знак внимания был мне приятнее всего на свете. Я предположила, что это дело рук мисс Уайт. На мое благодарственное письмо она не ответила, из чего я заключила, что она не хотела быть узнанной.

Лето 1799 года несколько поправило мое здоровье. Наш дом у городского выгона имел общую стену с домом одного богатого лондонского олддермена. Как это принято в Англии, на расстоянии восьми — десяти футов от наших окон в нижнем этаже имелась небольшая решетка, чтобы к окнам нельзя было подойти. При доме олддермена был красивый двор с газоном, окруженный, как и наш, оградой, одна сторона которой была общая с нами. Мой сын устроил в крохотном пространстве перед оградой клумбу, которую называл своим садом. Он попадал туда через окно нашей гостиной, оно было очень низкое; перед этим окном я все время сидела с работой. Его сестра Шарлотта часто сопровождала его в этот сад. Поскольку мы жили в отдалении, рядом с нашим домом никогда никто не проходил.

Однажды я услышала, как мой сын разговаривает с олддерменом, который недавно приехал на лето в свой красивый дом рядом с нашим. Через несколько мгновений Юмбер пришел спросить моего разрешения пойти к этому господину, который его пригласил к себе. Я позволила, и он пошел к нашему соседу, имени которого я так и не узнала. Тот стал его спрашивать о нас, о моем одиночестве, о моих вкусах и т.д. Этот разговор сопровождался хорошим *luncheon**, на который были поданы сладкие пироги и фрукты. С тех пор доброжелатель-олддермен, которого я сама никогда не видела, все время посылал нам корзиночки самых лучших фруктов из своих теплиц, то для *the young gentleman***, то для *the young lady****. За-

* Полдник.

** Для юного господина.

*** Для юной дамы.

тем он распорядился устроить в той части двора, которая примыкала к разделяющей нас решетке, ступенчатую подставку, на которой разместили горшки с самыми благоуханными цветами; за цветами этими ухаживали. Эта загадочная анонимная галантность продолжалась все лето. Юмбер был частым гостем у нашего любезного соседа. Он гулял по его саду, заходил в теплицы, посещал его библиотеку. Но никогда этот оригинал не приходил ко мне, никогда не обращал взор в мою сторону, проходя по двору, и все, что я о нем знала, сводилось лишь к аромату его тубероз, фиалок и резеды.

В то лето я подверглась большой опасности. Однажды утром господин де Дюрас заехал в Ричмонд сказать мне, что он меня отвезет обедать в Теддингтон на тильбюри своего дяди господина де Пуа. Когда в 4 часа он приехал, я заметила, что в экипаж господина де Пуа запряжена новая лошадь. Амеде сообщил мне, что эту лошадь его дядя купил два дня назад и совершенно ею очарован, а лошадь, кстати, ведет себя очень смирно. Поскольку я хорошо правила лошадьми, я первая села в экипаж и взяла поводья. В тот момент, когда господин де Дюрас ставил ногу на подножку, гадкое животное опустило голову между ног, а затем с места бросилось в галоп. Господин де Дюрас упал навзничь. Лошадь понеслась по улочке *Kew Lane*, очень узкой и очень длинной, и это дало мне время обдумать, что делать, чтобы избежать гибели. Я не потеряла головы. Не отпуская поводьев, я встала и в достаточной мере овладела лошадью, чтобы не давать ей за что-нибудь зацепиться. В конце улицы был поворот под прямым углом, и я предвидела, что там моя судьба решится. И действительно, лошадь, внезапно охваченная *головокружением*, врезалась лбом в деревянный забор, окружавший какой-то огород. Удар был так силен, что я вылетела, как посланный ракеткой мячик, на капустную грядку, где меня и подобрал садовник. Я была несколько оглушена, но совершенно невредима, что не помешало этому достойному человеку повторять мне, что я мертва. Тильбюри господина де Пуа разбилось на мелкие кусочки, и, когда Амеде меня догнал, убежденный, как и садовник, что я уже не жива, он нашел меня, напротив, расположенной идти вместе с ним в Теддингтон пешком. Мой муж находился там с самого утра и ждал меня. К счастью, слух о моем падении, собравшем многочисленную толпу, не добрался до Теддингтона раньше меня. Эта прогулка, разогнав мне кровь, пошла мне очень на пользу.

От волнения, вызванного этим происшествием, нас отвлек гнев господина де Пуа. Потеря тильбюри сердила его меньше, чем мысль о том, что он, как оказалось, купил — и задорого! — лошадь, страдавшую *головокружением*. Этот добрый принц был на самом деле величайшим себялюбцем. Наивность, с которой он при каждом случае проявлял эту увлеченность собой, совершенно ее не стыдясь, была, конечно, чрезвычайно мила.

Глава IX

I. Возвращение в Косси. — Известия о 18 брюмера. — Планы возвращения во Францию. — Ожидание в Ярмуте. — Плавание. — Спешная высадка в Куксхафене. — Благополучно преодоленная болезнь. — II. На севере Германии. — В Вильдесхаузене. — Госпожа де Ла Тур дю Пен рождает дочь Сесиль. — Угроза выдворения и радушный прием. — III. На пути в Голландию. — В Утрехте. — Паспорт, выписанный господином де Семонвилем. — Неожданная встреча с госпожой д'Энен. — Прибытие в Париж. — Происшествие в гостинице Гранж-Бательер. — Жилье на улице Миромениль. — Госпожа Бонапарт. — «Волокуши». — Господин де Богарне, лучший танцор в Париже. — IV. Мораль господина де Талейрана. — Визит к госпоже Бонапарт. — Генерал Шелдон. — Принц Уэльский и миссис Фицгерберт. — Свидетельства проживания. — Комиссия по делам эмигрантов. — V. «Канарейки». — В Мальмезоне. — Галерея госпожи Бонапарт. — Холодность, с которой была встречена победа при Маренго. — Госпожа де Сталь и Бонапарт.

I

Лето 1799 года прошло без каких-либо примечательных событий. Леди Джернингем уехала в Косси и уговаривала меня снова приехать к ней туда на те полгода, что она пробудет в поместье. Оплаченная ею аренда нашего дома в Ричмонде подходила к концу, и с нашей стороны было бы неделикатно просить ее продлить аренду ради того, чтобы не принимать предложенного ею гостеприимства. Моя тетушка жила в Косси одна. Ее племянница Фанни Диллон, моя двоюродная сестра, которую она воспитала, только что вышла замуж за сэра Томаса Уэбба, баронета католического вероисповедания, человека довольно посредственного, хотя и очень хорошего происхождения. Старший ее сын Джордж Джернингем также женился, на урожденной Сельярд — девице замечательно красивой и принадлежавшей к старинной и благородной католической семье. Уильям Джернингем находился в Германии. С ней оставался ее милый Эдвард, и этого ей было довольно. В таких обстоятельствах было бы чрезвычайно неловко не поехать в Косси. Мы уже готовились пуститься в путь, когда пришло известие о нежданном возвращении из Египта генерала Бонапарта, который высадился во Фрежюсе¹⁵⁹.

Узнав об этом, мы сразу же выехали в Косси, в надежде, что сможем даже вскоре перебраться на континент и, может быть, вернуться во Фран-

цию. Как раз во время пребывания там нас достигла радостная весть о падении Директории и о революции 18 брюмера. Спустя некоторое время мы получили письма от господина де Брукана и от нашего зятя господина де Ламета, которые склонили нас вернуться во Францию через Голландию с немецкими паспортами.

Леди Джернингем предлагала, чтобы мой муж ехал один. Это, наверное, было бы и лучше, поскольку я была на седьмом месяце беременности и таким образом осталась бы рожать в Косси. Но никакие соображения не могли меня заставить расстаться с мужем на неопределенный срок. Сообщение между Англией и Францией в военное время могло быть совершенно прервано. Новости, получаемые из Гамбурга, приходили часто с опозданием на месяц. В конце концов я отвергла все предложения леди Джернингем. Одной из главных причин, по которым я утвердилась в своем решении, были пришедшиеся некстати слова моей тетушки: она однажды сказала, что ожидавшийся ребенок будет ее и что она его оставит у себя. На такое я никогда бы не согласилась. С другой стороны, на возвращение во Францию я смотрела без всякой уверенности. Я говорила себе: «Мой муж может быть снова отправлен в изгнание, как уже было прежде, и если в этот момент он окажется в Бусе, то поедет в Испанию. Как я смогу к нему добраться, одна с тремя детьми, если нельзя будет ехать через Францию? Кроме того, у меня дом в Париже, и без моего присутствия невозможно будет ничего предпринять, чтобы попытаться его продать». Короче говоря, я не желала расставаться с мужем и устояла перед всеми уговорами.

Из Лондона нам прислали датский паспорт на моего мужа, меня и детей. Мы поехали в Ярмут, чтобы там взять место на *пакетботе* королевского флота. В то время пароходов еще не было. Нам пришлось прождать в Ярмуте весь декабрь. Мы не решались вернуться в Косси, хотя расстояние было всего лишь восемнадцать миль, поскольку капитан объявил нам, что поднимет парус немедленно, как только задует попутный, то есть юго-восточный, ветер. Он едва согласился, чтобы мы оставались ждать на берегу, так он торопился отплыть при первой возможности. С каждой почтой прибывали правительственные депеши.

Никогда дни не казались мне такими печальными, как в этот месяц, проведенный в Ярмуте. Мы поселились в скверной маленькой квартирке из двух комнат; там же нам предоставляли и стол, а выйти оттуда мы никуда не могли, поскольку погода стояла ужасная. Противный ветер дул с бешеной силой. Каждый день говорили о выброшенных на берег или погибших судах. Невозможно вообразить, в какое подавленное состояние такие рассказы приводят людей, которым с минуты на минуту предстоит посадка на корабль. Я со страхом сознавала, что время идет и близится срок моих родов. Боязнь родить в пути не оставляла меня, и на самом

деле так и вышло. Мой сын по десять раз в день ходил в порт посмотреть на флюгер. Ветер, по-прежнему с северо-востока, был для нас абсолютно противным.

Наконец, однажды утром, за нами пришли, чтобы садиться на корабль, где наши вещи находились уже давно. Мы едва успели ступить на палубу, как был поднят якорь.

Я сразу же улеглась на койку. Поскольку пассажиров было много, следовало не медлить и занять для себя место. Тем более что в моем состоянии качка этого *пакетбота*, настоящей ореховой скорлупки, могла стать для меня роковой. Я легла полностью одетая. Моя койка находилась в единственной общей пассажирской каюте. Всего пассажиров было четырнадцать, всякой национальности и всякого сорта: французы, русские, немцы, курьеры и прочие. Одни страдали морской болезнью со всеми последствиями, другие пили пунш, о-де-ви или вино, и все набились в одно маленькое помещение, куда воздух проникал только через дверь. Люк, действительно, пришлось закрыть, такое сильное было волнение на море. Вонючая лампа служила освещением и днем, и ночью, внося свою долю в массу всевозможных отвратительных ощущений, от которых некуда было деться в этой ужасной дыре. Кажется, никогда я так не страдала, как в эти сорок восемь часов, которые продлилось наше плавание.

Мой муж и служанка, мучившиеся морской болезнью, лежали замертво на своих койках. Со мной вместе лежала моя дочь, напуганная видом окружавших нас мужчин. Один только мой сын в свои десять лет оставался на ногах и обо всем заботился. Он завязал знакомство с пассажирами, разговаривал по-английски с экипажем, и капитан называл его *my brave little fellow**. В середине второй ночи нашего путешествия мы несколько часов провели в сильном беспокойстве, что нас оставят на Гельголанде, небольшом островке в устье Эльбы, если река еще не освободилась ото льда. Потом капитан заявил, что, если ветер сменится на любой из северных румбов, он из-за непогоды будет вынужден вернуться в Англию, даже не попытавшись высадить пассажиров, чтобы только не быть выброшенным на берег. К счастью, мы избежали и того, и другого. Проплыв без остановки мимо острова Гельголанд, мы вошли в Эльбу и встали на якорь перед небольшим портом Куксхафен, но в порт не заходили.

Капитан спешил отделаться от пассажиров. В шлюпку в беспорядке побросали вещи, и мой муж и служанка уехали вместе с моим сыном. Что до меня, то капитан, проявив сочувствие к моему состоянию, посадил меня вместе с дочерью в отдельную лодку и приказал двум матросам высадить меня на берег как можно ближе к городу. Эта рекомендация чуть не оказалась для меня роковой. Был отлив, и, когда мы пристали к пирсу, мне было очень трудно на него подняться. Тогда двое матросов ухва-

* Храбрый паренек.

тили меня за запястья и втащили на пирс, так что я несколько мгновений висела на руках; несмотря на раскачивание лодки, они меня не выпустили, к большому счастью, потому что иначе я бы непременно упала в море. Потом они отбыли, оставив меня там одну с маленькой Шарлоттой. Я почувствовала, что очень себе навредила, но мне пришлось тем не менее пуститься в путь, чтобы встретиться с мужем. Я его увидела издалека — он был на телеге, где помещалась также служанка и наши вещи. Я добралась до них не без труда, чувствуя сильную боль в правом боку; с тех пор я всегда пребывала в убеждении, что тогда повредила себе что-то внутри в области печени. Врачи никогда не признавали эту болезнь, но я тем не менее не переставала от нее страдать с того самого дня, и теперь, когда мне семьдесят три года, я все еще от нее страдаю.

Мы постучались в две или три гостиницы, но не нашли пристанища, так много там было эмигрантов, уезжающих в Англию или приехавших оттуда.

Наконец в одной из этих гостиниц увидели, что мне плохо, и из милосердия принесли мне соломенный тюфяк и простыни, из которых устроили для меня постель прямо на полу. Маргарита меня раздела, впервые за трое суток, и я смогла лечь. Через мгновение у меня сделалась сильная лихорадка с мозговой горячкой, продолжавшаяся всю ночь. Господин де Ла Тур дю Пен, очень обеспокоенный, послал за врачом, опасаясь выкидыша или опасной болезни. После долгих поисков привели врача, который не говорил ни слова по-французски. Мне удалось, хотя и с помощью переводчика, разъяснить ему, что я приписываю свою боль в боку тому обстоятельству, что меня тянули за руки, когда матросы поднимали меня из лодки на пирс. Он поставил мне на больной бок большую припарку из овса, отваренного в красном вине, и прописал мне такое успокаивающее, что я проспала подряд двадцать четыре часа. При пробуждении я уже вполне поправилась.

II

Пока я отдыхала, мой муж успел купить за 200 франков небольшую старую коляску, достаточно просторную, чтобы вместить нас всех. Отдохнув еще второй день, мы пустились в путь в этом открытом экипаже, а дело было в январе месяце на севере Германии. К счастью, в первые дни погода благоприятствовала нашему путешествию. На четвертый же день проливной дождь шел не переставая. Маргарита и я были хоть как-то укрыты в глубине коляски, а господин де Ла Тур дю Пен и Юмбер, несмотря на зонтик, вымокли до костей. Мы остались на два дня в Бремене, чтобы высушить их одежду и плащи на прекрасных больших печках,

которые бывают в немецких домах, а заодно и отдохнуть. Потом опять настала хорошая погода, и мы снова пустились в путь. Выпало много снега, и на вересковых пустошах, по которым мы ехали, дорогу едва можно было различить. Даже двигаясь все время шагом, мы все-таки трижды за день опрокинулись, не причинив себе никакого вреда или, по крайней мере, не почувствовав этого тогда.

К вечеру мы приехали в небольшой городок Вильдесхаузен, где должны были ночевать. Городок этот находился во владениях курфюрста Ганноверского, и там стоял ганноверский гарнизон. Офицеры в тот день давали большой бал в честь другого полка, проходившего через город. Все комнаты в единственной тамошней гостинице были заняты. Мы пытались найти приют в вестибюле, у печки, и были очень опечалены перспективой провести ночь на деревянных лавках, но тут какой-то офицер, нарядно одетый для вечера с танцами, галантно обратился ко мне по-английски и сказал, что предоставляет в мое распоряжение свою комнату, поскольку сам он всю ночь пробудет на балу. Мы пошли туда, чтобы там поужинать. Когда ужин был подан, мой муж, заметив, что я ничего не ем, спросил, не плохо ли мне. Я не могла более от него скрывать, что чувствую приближение родов и мне невозможно ехать дальше. Нельзя описать его отчаяние при этих словах. Теперь уже мне пришлось его утешать уверениями, что дети рождаются повсюду и что все будет хорошо. Но из комнаты капитана надо было уходить.

Владелец гостиницы, которому знаками объяснили ситуацию, послал разбудить где-то на краю города старого парикмахера, француза по происхождению, жившего в Вильдесхаузене со времен Семилетней войны. Тот пришел очень быстро, поскольку еще не ложился из-за приготовлений к балу. Первой его заботой было побежать на поиски местного врача. Этот врач, элегантный молодой человек, явился в белых перчатках. Он вышел прямо с бала и еще не отдышался от последнего вальса. Его познания во французском языке сводились к нескольким фразам из грамматики и медицинским терминам. Поскольку я лежала на кровати, укрытая плащом, он не мог по полноте моей фигуры угадать род болезни, от которой я страдала. «Лихорадка?» — спросил он. «Да нет же», — отвечала я. «Тогда?» — продолжил он вопросительным тоном. К счастью, старый парикмахер Дени, дезертировавший из армии во время Семилетней войны, в этот момент вмешался и объяснил ему природу моей болезни. Зная, что на окраине городка можно снять две комнаты, он спросил, можно ли перевезти меня туда. Врач на это согласился и вернулся на бал. Дени побежал разбудить владельца тех двух комнат, и еще до рассвета я была там устроена.

Дом, как все дома богатых крестьян в этой части Германии, имел большие ворота, через которые можно было завести телегу в обширный сарай, тянувшийся на всю глубину здания. Справа и слева от сарая в нижнем этаже помещались две хорошие комнаты, чистые и прилично меблирован-

ные. Маргарита с обоими моими детьми, Юмбером и Шарлоттой, поместились в одной из них. Та из комнат, что побольше, досталась мне, а мой муж устроился в примыкающем к ней чулане.

У нас, к счастью, было с собой белье и все то, что могло понадобиться маленькому существу, которое должно было появиться на свет. Я еще не испытывала сильных болей и в оставшееся время смогла заняться всякими мелкими делами по нашему устройству. Лишь на следующее утро, 13 февраля 1800 года, я произвела на свет девочку чрезвычайно хрупкого сложения, родившуюся на сроке семь с половиной месяцев. Я едва смела надеяться сохранить ее, такая она была худая и тщедушная. Увы! Я сохраняла ее семнадцать лет, чтобы она была отнята у меня, украшенная всеми дарами красоты, характера, ума и наделенная достоинствами всякого рода... Господь забрал ее у меня; да пребудет Его святая воля!

Она звалась Сесиль, милое имя, которое носит, заменив ее, та, которая читает, может быть, эти строки. Пусть она прочтет здесь также мою благодарность за все то счастье, которым она озарила мою старость.

На следующий день после того, как я родила, местный бальи¹⁶⁰, который уже раз посылал за нашими паспортами, отправил одного из своих городских стражников привести к нему господина де Ла Тур дю Пена. Он сказал моему мужу на хорошем французском языке: «Мсье, ваш датский паспорт выписан на чужое имя. Вы француз и эмигрант, а в курфюршестве Ганноверском, где вы находитесь, французским эмигрантам не позволено проживать более двух суток». Господина де Ла Тур дю Пена эти слова привели в ужас. Он заявлял, что меня нельзя перевозить, так как я всего лишь несколько часов как родила. Но в отношении отъезда моего мужа бальи оставался неколебим и объявил, что он должен до исхода дня, на свой выбор, уехать дальше в Ганновер или вернуться в Бремен. Затем он добавил:

— Мсье, поскольку вы признаете, что вы француз, назовите мне свое настоящее имя.

— Ла Тур дю Пен.

— Ах, боже мой! — воскликнул бальи. — Не вы ли бывший посланник Франции в Гааге?

— Именно так.

— А, ну тогда, мсье, оставайтесь здесь сколько захотите. Мой племянник господин Хинубер еще совсем молодым человеком был посланником Ганновера в Гааге. Он часто бывал у вас, вы к нему были очень добры и т. д.

И этот достойный человек пустился перечислять ужины, чашки чаю, стаканы пунша, которые его племянник съел или выпил у нас, и контрдансы, которые тот перетанцевал у нас в гостиной. С этого момента он отдал себя в наше распоряжение, и рвение его не ослабевало. Я бы не удивилась, на самом деле, если бы он издал распоряжение всем жителям городка быть

к нашим услугам. Никогда нам не оказывали такого прямодушного гостеприимства, такой изысканной заботы, как с этого момента в этом городке.

Тамошний лютеранский священник держал учеников с пансионом, и у него были еще свои дети в возрасте моего сына, говорившие по-английски. Священник приходил за ним каждый день в час рекреации, который дети проводили на снегу; снега оставалось еще два фута. Охотники приносили для меня дичь. Добрые дамы, имен которых я так никогда и не узнала, присылали мне варенья, пироги, английские и французские книги. Что до врача, то он навещал меня каждое утро... но это было для того, чтобы я ему дала урок французского языка.

Я поправилась за две недели, и на исходе третьей недели мы уехали, успев выпить чаю у бальи, у бургомистра, у кюре и т.д. В Вильдесхаузене имелась католическая церковь. Моя новорожденная дочь была там окрещена; восприемниками от купели были старый парикмахер и его жена, которая за сорок лет, что была за ним замужем, не выучила ни слова по-французски. В ту же церковь я пришла получить благословение после родов.

III

Мы поехали по дороге на Линген, чтобы попасть в Голландию. На расстоянии в несколько лье нас сопровождала группа молодых людей. Они оставили нас в гостинице, где мы сделали остановку, чтобы покормить детей завтраком. Прежде чем расстаться с нами, они настояли на том, чтобы я выпила чашку немецкого питья из припасенных ими ингредиентов. Я думала, что это будет отвратительно на вкус, однако же, попробовав, я нашла питье превосходным. Оно состояло из подогретого вина из Бордо, в которое добавлены были яичные желтки и пряности. Среди тех, кто меня провожал, находился и врач. Именно по его указанию я выпила эту смесь, от которой слегка захмелела.

После этого наш достойный эскорт покинул нас с пылкими пожеланиями доброго пути. Пожелания их принесли нам удачу, поскольку ничего плохого с нами дальше не случилось, и моя маленькая дочь перенесла дорогу на удивление хорошо для ребенка, которому не исполнилось еще и месяца. Надо сказать, она не покидала моей груди ни днем, ни ночью, и я очень следила за тем, чтобы она ни разу не вдохнула ледяной воздух этих северных равнин. Без тщательного ухода, которым окружали ее Маргарита и я, она вряд ли перенесла бы такое долгое и трудное путешествие в марте месяце.

Наконец мы прибыли в Утрехт, и мой муж сразу же отправился в Гаагу, чтобы там ему выдал исправный паспорт посол Французской Республики при Батавской Республике¹⁶¹ господин де Семонвиль. Этот последний,

всегда поворачивавшийся туда, куда ветер дует, уже успел понравиться новому правительству, которое возглавлял Бонапарт. Господин де Ла Тур дю Пен с давних пор был близко знаком с господином де Семонвилем, так что его приняли с распростертыми объятиями и изготовили ему великолепный паспорт, подтверждающий, что он не выезжал из Утрехта с 18 фрюктидора.

Во время короткой отлучки господина де Ла Тур дю Пена в Утрехт, по величайшей случайности, заехала ненадолго госпожа д'Энен, и мой муж по возвращении из Гааги был очень удивлен, встретив свою тетюшку.

Госпожа д'Энен ехала, как я полагаю, к господину де Лафайету, который после заключения договора в Кампо-Формио вышел из тюрьмы и поселился неподалеку от Утрехта, в Виянене. Я не припоминаю, откуда она приехала тогда — из Франции или из Англии. У нее всегда было два или три разных паспорта, и она в любой момент могла сменить имя и маршрут.

Мы оставались с ней два дня, а потом уехали, воспользовавшись экипажем, который хозяева отправляли в Париж и который мы обещали доставить по назначению.

Приехав в Париж, мы поселились в отеле Гранж-Бательер. Там мой муж был разбужен посреди ночи весьма необычным образом. Служитель гостиницы во время нашего ужина несколько раз слышал, как называли имя моего сына: Юмбер. Оказалось, что некоего генерала Юмбера, проживающего, как и мы, в этой гостинице, разыскивают, чтобы арестовать. Когда явились жандармы, которым было поручено произвести арест, этот самый служитель отвел их в комнату моего мужа, утверждая, что мы в тот вечер часто повторяли имя Юмбера. Недоразумение вскоре разъяснилось. Жандармы, очень разозленные на этого служителя, который ввел их в заблуждение, пожаловались хозяину гостиницы. Этот хозяин оказался не кто иной, как бывший портной Пужоль. Он тогда разбогател, и его красавица-дочь позже вышла замуж за знаменитого живописца Ораса Верне.

Зять моего мужа Ламет и наш друг Брукан находились в Париже. Господин де Ламет поселил нас в очаровательном, полностью обставленном домике на улице Миромениль, где раньше жили двое его друзей, которые теперь уехали на все лето в деревню. Нам суждено было жить в домах, принадлежащих девицам. Дом в Ричмонде принадлежал актрисе, а этот дом был устроен для мадемуазель Мишло, бывшей любовницы герцога де Бурбона. Все стены были украшены зеркалами, причем в таком количестве, что мне пришлось затянуть большинство из них кисеей, настолько мне досаждала невозможность ни шагу сделать, не встретив отражения своей фигуры с ног до головы.

В Париже я нашла многих своих знакомых, уже вернувшихся из эмиграции. Все молодые люди в этот момент обращали свои взоры к восходящему солнцу — госпоже Бонапарт, поселившейся в Тюильри в апартаментах,

отделанных заново, как по волшебству. У нее уже были повадки королевы, но королевы самой милостивой, самой любезной, самой предупредительной. Хотя и не обладая особенно острым умом, она все же хорошо поняла планы своего мужа. Первый консул доверил своей жене миссию привлечь к нему *высшее общество*. Жозефина на самом деле убедила его, что сама принадлежала к этому обществу, что было не вполне так. Была ли она представлена ко двору? Бывала ли в Версале? Мне это неизвестно, но благодаря имени ее первого мужа, господина де Богарне, это было вполне возможно. Как бы то ни было, даже если принять, что она была представлена ко двору, она и тогда принадлежала бы к категории тех дам, которые после своего представления появлялись при дворе лишь на Новый год. Мы их дерзко называли «волокушами». Их распознавали по тому стеснению, которое им причиняли «панье» и юбки их придворных платьев — в них они запутывали и свои ноги, и ноги своих соседок. Еще они отличались тем, как поднимали ноги, проходя по галерее в Версале. В этой галерее паркет был гладкий, как лед, и мы, элегантные постоянные посетительницы Версаля, скользили по нему в своих белых туфельках, как на коньках. Невыполнение этого абсурдного требования последней моды безоговорочно заслуживало даме звание «волокуши».

Господина де Богарне я каждый день встречала в свете с 1787 по 1791 год. Поскольку с господином де Ла Тур дю Пен он также много встречался, когда мой муж был адъютантом господина де Буйе во время войны в Америке, господин де Богарне однажды ему сказал: «Приходи ко мне, я тебя представлю своей жене». Господин де Ла Тур дю Пен однажды к ним приходил, но больше с тех пор там не бывал. Общество, собиравшееся в их гостиной, было не то, что у нас. Господин де Богарне, однако же, бывал повсюду, поскольку за время войны свел знакомство со многими видными фигурами из общества. Он был хорош собой, и в те времена, когда танец был искусством, по заслугам носил титул *самого прекрасного танцора* в Париже. Я много с ним танцевала; так что, когда я узнала о его гибели на эшафоте, это у меня вызвало самое горестное чувство. Память моя представляла мне его только в контрдансе... Какой ужасный и разительный контраст!

IV

Я снова встретилась с господином Талейраном, чувства которого ко мне оставались прежними: он был любезен, но полезен по-настоящему не был. Последние два года он столь эффективно трудился над своим обогащением, что теперь жил в прекрасном собственном доме на улице Анжу, посмеиваясь втихомолку над намерением примкнуть к правительству, которое он видел у всех возвращавшихся во Францию. Он мне сказал:

- А что делает Гуверне? Он хочет чего-нибудь?
 - Нет, — ответила я, — мы рассчитываем поселиться в Бую.
 - Тем хуже для него, — воскликнул он, — какая глупость!
 - Но, — возразила я, — мы не в состоянии оставаться в Париже.
 - Ерунда, — отвечал он, — когда хочешь, деньги всегда найдутся.
- Что за человек!

Как только госпожа Бонапарт узнала от госпожи де Валанс и госпожи де Монтессон о том, что я в Париже, она пожелала, чтобы я к ней пришла. Привлечь к себе женщину еще молодую и при этом бывшую очень модную придворную даму — это была, смею сказать, победа, которой ей не терпелось похвастаться первому консулу. Я поэтому заставила себя немного поупрашивать, чтобы придать большую цену *моему снисхождению*. Наконец, однажды утром, я с госпожой де Валанс поехала к госпоже Бонапарт. Я нашла ее в гостиной в окружении женщин и группы молодых людей, которые все были мне знакомы. Госпожа Бонапарт подошла ко мне с возгласом: «А! Вот она!» Она усадила меня рядом с собой и наговорила мне множество любезностей, повторяя: «Как она похожа на англичанку!», что некоторое время спустя уже перестало быть похвалой. Она оглядела меня с головы до ног, и внимание ее особенно привлекла толстая коса из светлых волос вокруг моей головы; она не могла отвести от нее глаз. Когда мы встали, чтобы уходить, она не смогла удержаться и спросила тихонько у госпожи де Валанс, действительно ли эта коса сплетена из моих собственных волос.

Госпожа Бонапарт говорила со мной о моей мачехе госпоже Диллон с большой доброжелательностью и выражала желание познакомиться с моей сестрой Фанни, которая ей самой приходилась племянницей, поскольку матери мадам Диллон и Жозефины были сестрами. В продолжение разговора она сказала, что все эмигранты скоро вернутся, что она этому очень рада, что люди уже достаточно пострадали, что генерал Бонапарт желает прежде всего положить конец невзгодам Революции и т. д., — всё сплошь ободряющие слова. Она также спросила, как поживает господин де Ла Тур дю Пен, и выразила желание его увидеть. Она собиралась уезжать в Мальмезон¹⁶² и пригласила меня приехать туда. Во всех отношениях она была очень любезна, и я ясно увидела, что первый консул поручил ей департамент придворных дам, чтобы она заботилась о завоевании их на свою сторону, когда будет с ними встречаться. Дело это было вовсе не трудным, поскольку все они поспешили навстречу зарождающейся власти, и я не знаю никого, кроме меня самой, кто бы отказался стать придворной дамой императрицы Жозефины.

В Париже я снова встретила генерала Шелдона. Мы с ним воспитывались вместе, и он относился ко мне, как друг и брат. Этого несчастного человека поразила ужасная болезнь, которая положила конец его военной карьере, обещавшей блестящие перспективы. После всех кампаний, в которых

он участвовал, дослужившись до чина бригадного генерала, у него началась эпилепсия с частыми припадками. Его назначили комендантом маленького пограничного городка Драгиньян с небольшим гарнизоном. В Париж он приехал, чтобы попытаться получить что-то получше через генерала Кларка, будущего герцога дю Фельтра, который был его товарищем по оружию в Диллоновском полку. Не имея личного состояния, он совершил большую глупость, женившись по любви на дочери нотариуса из Драгиньяна, у которой всего богатства была только красота. Этот бедняга Шелдон всю свою жизнь совершал один неловкий поступок за другим. Его воспитал наш общий дядюшка, архиепископ Нарбоннский, и совсем молодым поручил моему отцу, который записал его в свой полк. Именно Шелдон привез знамена, захваченные при взятии Гренады. Эта победа, одержанная благодаря отваге гренадер Диллоновского полка, которые под командованием двадцатидвухлетнего Шелдона пошли на приступ, принесла ему патент полковника. Храброму юноше это только навредило, потому что с этого момента стало невозможным использовать его в прежней должности. После заключения мира он был приписан *в сопровождение* гусарского легиона де Лозена. Это не принесло ему никаких выгод, кроме обязанности купить себе форму, стоимость которой намного превосходила годовое жалованье. Потом он уехал в Англию по приглашению знаменитого красавца полковника Сен-Леже, близкого друга принца Уэльского. Этим долгим отступлением я подвожу к рассказу об одном замечательном событии, в котором мой кузен сыграл заслуживающую упоминания роль. Живя у принца и будучи осыпан его милостями, именно он, в своем качестве *англичанина католического вероисповедания*, был свидетелем бракосочетания принца Уэльского с госпожой Фицгерберт. Очень многие отрицали, что это бракосочетание имело место. Поскольку госпожа Фицгерберт была католичка и венчание проводил католический священник, вполне уместно предположить, что необходимые разрешения были получены. Этим объясняется, почему самые строгие католические дамы, и в числе прочих моя тетушка леди Джернингем, продолжали с ней видаться, несмотря на обнародование ее союза с принцем Уэльским.

Не могу объяснить почему, но мы с господином де Ла Тур дю Пенom так никогда и не были занесены в список эмигрантов. Нам надо было, таким образом, получить свидетельство о проживании во Франции за подписями девяти свидетелей; это была необходимая формальность, которой, впрочем, никто не обманывался. Я отправилась в муниципалитет нашего квартала вместе со своим отрядом свидетелей. Когда документ был подписан и снабжен всеми необходимыми *лжесвидетельствами*, мэр весьма вежливо отдал мне бумаги, сказав при этом тихонько: «Однако же все предметы вашего туалета прибыли из Лондона». Тут он рассмеялся. Что за комедия!

В Париже в то лето самая лучшая компания собиралась под сводами того дома на площади Вандом, который образует срезанную сторону пло-

щади справа, со стороны улицы Сент-Оноре. Именно там заседала *Комиссия по делам эмигрантов* — трибунал, который довольно легко было умиловить, если явиться не с пустыми руками. В толпе, которая туда набивалась, можно было встретить самых важных персон вперемешку со всякого рода поверенными в делах. Перекрывая шум самых разнообразных разговоров, раздавались главным образом слова: «Вас вычеркнули? А вас вычеркивают?» И вот уже кто-то, вооруженный вполне респектабельной и непрерывной последовательностью свидетельств о проживании во Франции, показывающей, насколько несправедливо было вносить его имя в роковой список, на пороге того же дома толкует о своих делах, похождениях и разговорах в Кобленце, Гамбурге или Лондоне.

Для французов все служит забавой. Комиссия по делам эмигрантов превратилась в собрание. Там назначали друг другу встречи, туда ходили повидать старых знакомых, поговорить о своих планах, о том, где поселиться, и т. д. Многие из возвращающихся относились к этому заведению как к своего рода бюро по устройству к месту. Отцы обсуждали, не поступить ли их сыновьям на военную службу. Начинали уже говорить о *своей стране*, которая несколько месяцев назад их так мало заботила. Носители самых славных имен Франции теснились у этих дверей рядом с представителями дворянских семейств из провинции. Как жаль, что при входе не было каких-нибудь весов вроде тех, на которых взвешивают экипажи на железных дорогах. Сколько добрых и честных провинциальных дворян, которые по возвращении с семьей из изгнания находили лишь голые стены своих жилищ, иногда даже без крыши, показали бы большой вес, чем иной герцог со звонким именем!..

Нам не было дела до комиссии, поскольку мы не числились в списке эмигрантов. Однако нужно было добиться, чтобы из этого списка вычеркнули имя моей свекрови. Хотя она и жила уже тридцать лет в монастыре английских дам на улице Фоссе-Сен-Виктор и никогда оттуда не выезжала, ее внесли в список. Следствием этой безосновательной записи стала распродажа всей обстановки из ее замка в Тессоне и двух ферм.

V

Бонапарт, перед своим отъездом на знаменитый перевал Гран-Сен-Бернар, задумал создать гусарский полк из молодых волонтеров. В офицеры этой части вскоре поступили молодые люди из высшего общества, кто был помладше годами. Среди них находился и наш племянник Альфред де Ламет, которому было всего восемнадцать лет. За светло-желтые мундиры парижане прозвали этот новый полк «канарейками». Молодые люди быстро поддались искушению купить себе хороших лошадей

и изрядно потратиться, но, увидев, что народ над ними потешается, они постепенно все перешли в армейские части.

Однажды утром я поехала в Мальмезон. Это было после сражения при Маренго¹⁶³. Госпожа Бонапарт приняла меня наилучшим образом и после завтрака, устроенного в очаровательной столовой, повела меня посмотреть свою галерею. Мы были там одни. Она воспользовалась этим, чтобы нарасказать мне вгоняющих в сон историй о происхождении имевшихся там шедевров и восхитительных небольших картин. Вот эту прекрасную картину Альбани ее заставил принять в подарок сам папа. «Танцовщицу» и «Гебу» она получила от самого Кановы. Вот то и вот это ей подарил город Милан. Я и не подумала тогда, что не стоит принимать ее слова всерьез. Но, испытывая большое восхищение перед победителем при Маренго, я бы больше уважала госпожу Бонапарт, если бы она мне сказала просто, что все эти шедевры были добыты его шпагой. Эта женщина была лгуныя по натуре. Даже когда простая правда была бы более интересна или пикантна, чем ложь, она предпочла солгать.

Меня при этом визите сопровождал бедный Адриан де Мюн, бывший тогда блестящим молодым человеком. В Мальмезоне я встретила де л'Эглей, Ла Гранжей, Жюста де Ноайля и *tutti quanti**, мысленно уже примеривающих камергерские мундиры, в которых я их потом видала.

Одна вещь очень поразила нас с мужем: та холодность, с которой парижский народ, столь легко воодушевляющийся, встретил весть о сражении при Маренго. В день годовщины 14 июля мы ходили гулять на Марсово поле в компании господина де Пуа. После смотра национальной гвардии и гарнизона на площадь вступило небольшое батальонное каре из сотни человек в грязной и разорванной одежде; у кого-то была рука на перевязи, у кого-то забинтована голова. Они несли австрийские штандарты и знамена, взятые при Маренго, и я ожидала бешеных аплодисментов, вполне ими заслуженных. Вопреки моим ожиданиям, не раздалось ни одного возгласа, и мало было признаков радости. Мы были столь же этим удивлены, сколь и возмущены, и даже потом, поразмыслив об этом на свободе, не могли найти объяснения такой холодности. Как нам рассказывали, эти храбрые солдаты прибыли почтовыми экипажами, чтобы в тот день пройти парадом перед публикой.

Госпожа де Сталь выехала из моего дома. Ее муж, как мне кажется, умер или же вернулся в Швецию. Она сначала поселилась в небольшой квартире, а потом собиралась ехать к своему отцу в Коппет. Бонапарт ее не выносил, хотя она всячески заискивала, чтобы ему понравиться. Я думаю даже, что она не бывала и у госпожи Бонапарт. Впрочем, однажды я встретила у нее в салоне Жозефа Бонапарта. Она принимала у себя людей всех режимов. У нее бывало множество эмигрантов, вернувшихся во Францию, вперемешку с прежними сторонниками Директории.

* Иже с ними.

Глава X

I. Продажа парижского дома. — Отъезд в Буй. — Рассказы жительницы Вандеи. — Несчастный случай с экипажем: преданность Маргариты. — Жизнь в Буйе. — Госпожа де Бар и ее дети. — Важное влияние, оказанное госпожой де Ла Тур дю Пен на судьбу молодого де Бара. — II. Госпожа де Морвиль. — Воспитание мадемуазель де Лалли. — Озабоченность будущим. — Конкордат и его последствия. — Архиепископ Бордо д'Авио де Санзэ. — Установление Империи. — «Да», о котором было столько беспокойства. — Госпожа д'Энен и господин де Лалли. — III. Госпожа де Дюрас с детьми гостит в Буйе. — Ее новое отношение к светской жизни. — Она старается утешить господина д'Ангосса. — Мадемуазель де Лалли и Анри д'О. — Сто тысяч франков господина де Лалли. — Смерть Маргариты. — IV. Господин де Ла Тур дю Пен отказывается просить себе должность. — Договоренность с господином де Малюз о будущем Юмбера. — Рождение Эймара, единственного из детей госпожи де Ла Тур дю Пен, который ее пережил. — Господин Марботен де Контней, дядя Анри д'О. — Свадьба мадемуазель де Лалли и Анри д'О. — Доблестная смерть лейтенанта Александра де Морвиля.

I

Наконец, к сентябрю, мы решились ехать в Буй. Наш дом в Париже мы продали довольно плохо. Он располагался в скверном квартале, на улице Бак. Я уже не помню, как мой муж употребил средства, полученные от этой продажи. При возвращении во Францию он нашел дела своего отца и свои собственные в таком беспорядке, и такое невезение преследовало его во всех его предприятиях, что ничего ему не удавалось, несмотря на его ум и способности. Конечно, все его действия были продиктованы единственно желанием улучшить состояние своих детей! Посему мир и уважение его памяти.

Из Парижа мы везли с собой учителя для сына. Это был священник, эмигрировавший в Италию и в совершенстве изучивший там итальянский язык. Звался он господин де Калонн. Общество его было мало чем замечательно. Но, хотя положение его было очень непрочное, нам дали очень хорошие рекомендации в отношении его характера и нравственности, и потому мы решили его взять. Мой муж отправился один, чтобы заехать в Тессон, а я взяла большую карету с кучером, который повез нас короткими перегонами. В карете поместились, со мною вместе, господин де Калонн, мой сын и две дочери, моя служанка Маргарита и дочь кормилицы

Юмбера, которую мы взяли к себе горничной. Юмбер уселся рядом с кучером. В Туре мы повстречали женщину, ехавшую в Бордо в небольшой повозке, нагруженной полотном и платками из Шоле. Вынужденная путешествовать в одиночку, она с радостью присоединилась к нам ради безопасности, поскольку дороги были ненадежны. Юмбер, завязав разговор с нашей попутчицей, пришел ко мне за разрешением пересесть в ее повозку. Он ехал с ней до самого Буйя.

Женщина эта была из Вандеи. Она прошла войну, присутствовала при всех сражениях, переезжала Луару и возвращалась обратно. Она рассказывала Юмберу обо всех событиях, в которых ей пришлось участвовать, и он не уставал слушать ее рассказы. Потом он пересказывал их мне, и вот так я узнала историю этой интересной и достойной восхищения войны, о которой за те пять месяцев, что мы провели в Париже, я почти ничего не слышала — так правительство заботилось о том, чтобы ее подробности не стали достоянием публики. Позже я уверилась, как я расскажу далее, что и сам Бонапарт не знал всех подробностей этой благородной борьбы до того дня, когда прочел рукописные мемуары госпожи де Ларошжаклен.

При подъезде к Бую у нас случилось ужасное происшествие. Дороги были в отвратительном состоянии, едва можно было проехать. Я подвесила посреди экипажа колыбельку, в которой лежала моя малютка Сесиль. На выезде из какой-то деревни экипаж попал в глубокую рытвину, шкворень сломался, и мы перевернулись. С той стороны, где была голова ребенка, стекло в карете было поднято — как раз на эту сторону мы и упали, впрочем, довольно мягко, поскольку ехали мы шагом. Моя бесподобная Маргарита увидела, что малютка вот-вот ударится головой о стекло, которое разбилось в осколки. Она, не колеблясь, протянула руку заслонить ее, осколками ужасно порезалась до самой кости и крикнула: «С малюткой ничего не случилось!» Но меня поначалу охватил смертельный страх, поскольку кровь бедной служанки в одно мгновение залила дитя. Вызвали местного хирурга, чтобы перевязать рану. У горничной оказалась вывихнута рука, и мне пришлось оставить ее в деревне на несколько дней.

Наконец мы приехали в Буй; я была счастлива там оказаться. Я очень нуждалась в отдыхе. Превосходная девушка, которую я там оставляла, обо всем позаботилась, несмотря на внешние признаки секвестра, вновь наложенного на замок. Мой муж приехал через несколько дней, и мы наконец собрались все вместе у себя дома.

Господин де Ла Тур дю Пен посвятил себя земледелию и воспитанию сына, в которое и я вносила свой вклад, чтобы он не забывал английский язык. Юмберу было десять с половиной лет, Шарlotte скоро исполнялось четыре, а Сесиль было шесть месяцев. Моя превосходная служанка Маргарита преданно заботилась о милых детях, проявляя к ним больше внимания и нежности, чем даже я сама.

Я была рада вновь увидиться с нашей доброй и остроумной соседкой госпожой де Бар. Ее дочь, которой шел тогда двадцатый год, проявляла ко мне большую дружбу. Еще у нее был сын семнадцати лет. Я оказала большое влияние на его судьбу, хотя он сам, возможно, этого так и не осознал. Оттого память о нем осталась мне навсегда дорога и причиняет боль.

Госпожа де Бар, женщина удивительного ума, была вдова весьма достойного офицера инженерных войск, близкого друга моего свекра. Он умер в начале Революции, и его жена уехала в деревню, не имея другого состояния, кроме земли с виноградниками, с которой она и жила. Несмотря на ее ум, добрые чувства, благородство и страстную любовь к сыну, которому было всего десять лет, когда он потерял отца, воспитание сына она совершенно запустила. Господин де Ла Тур дю Пен с жаром ее в этом упрекал, на что она отвечала, что тот не желает ничего делать, питает отвращение к книгам и не проявляет вкуса ни к какой карьере. Однако же она признавала за ним природный ум. Поскольку я не верила этим оправданиям ложно понимаемой материнской любви, она просила меня поговорить с ее сыном. Я охотно согласилась. Однажды утром он пришел ко мне, когда я в одиночестве расставляла книги в библиотеке. Я его попросила мне помочь. Он занялся этим с таким рвением и умом, что это меня поразило. Момент был благоприятный, чтобы слегка пристыдить его за необразованность, после чего я взяла с него слово вырваться из объятий лени, учиться, читать. Я ему дала с собой книги и велела составить мне из этих трудов выдержки, которые я потом проверю и поправлю, никому о том не говоря, даже его матери. Спустя две недели госпожа де Бар сказала мне, что я совершила чудо: ее сын теперь дни и ночи проводил за письменным столом. Он принес мне свои первые опыты, я их поправила, и через два месяца его превосходный ум уже развился до такой степени, что я должна была признать, что не сумею дальше оставаться его наставницей. Ему пришло желание поступить во флот, и, поскольку я хорошо знала генерального комиссара флота в Бордо господина Бержевена, я выхлопотала, чтобы его приняли во флотскую школу кандидатом. В момент отъезда бедный мальчик был в отчаянии. Он попросил у меня разрешения писать мне о своих успехах в учебе, и я обещала обязательно ему отвечать. Эта пылкая душа и сердце, пронзенное — увы! — чувством, о котором он не догадывался, нуждались в уверенности, что успехи его меня интересуют. Но не будем прерывать на середине этот печальный рассказ; я хочу его продолжить.

Юный де Бар отправился в Бордо, где учился с таким необыкновенным отличием, что через год, после экзаменов у знаменитого Монжа, его послали в Брест в звании кандидата второго класса. Когда он заехал меня навестить по пути в прекрасную школу, из которой ему предстояло выйти уже офицером, счастье его не поддавалось описанию; его обуревала

гордость и жажда славы. Когда он, облаченный в мундир, вошел в гостиную, я сначала его не узнала. Он вырос и окреп. Я с интересом говорила с ним о его успехах в учебе. Он со слезами на глазах отвечал: «Это ваших рук дело». Бедный мальчик! В Бресте на первом экзамене он показал такие же успехи. Его повысили в звании до кандидата первого класса и послали в плавание на военном корабле. Но надо было много заниматься. Он посвящал этому ночные часы. Избегая вводить мать в расходы, он плохо питался. Пришла болезнь; его кровь, сожженная занятиями и ночными бдениями, воспалилась. В несколько дней болезнь унесла его, и на мою долю выпала жестокая обязанность сообщить об этом его матери. От него осталась лишь небольшая готовальня, которую прислали домой. Ее когда-то подарил его отец моему свекру, и я отдала ее ему в подарок.

После моих собственных горестей смерть этого милого юноши составляет самое печальное мое воспоминание. Чувство, которое я вызвала в нем, было факелом, который его осветил, но при этом он же его и пожрал. Его смерть вызвала у меня почти что угрызения совести, поскольку без моего вмешательства в его жизнь он жил бы себе мирно, пусть и в невежестве, но все-таки жил бы. Его мать, оплакивая его, все же не держала на меня зла за то, что я развила в нем способности, которые она оставляла дремать. Кем бы он стал без меня? Отвечала ли бы его жизнь тому, чем она обещала быть через мое участие?

II

Но вернемся в Буй. Вскоре после того, как мы там поселились, к нам приехала кузина моего мужа госпожа де Морвиль. Она лишилась всего имущества, которым владела во Франции, и средства ее состояли главным образом из пенсии в 40 фунтов стерлингов, которую ей выплачивала Англия. Пенсия была ей назначена как вдове старшего офицера французского флота, который поступил на службу и получил чин в Англии — поступок, заметим мимоходом, довольно скверный. У нее была сестра, муж которой, господин де Вилледон, душой и телом служил Республике. Господин де Вилледон имел несчастье быть дворянином, и жена его была очень хорошего происхождения. Они решили, что должны, как тогда выражались, «внести задаток» Революции, и с этой целью купили поместье госпожи де Морвиль со всем движимым имуществом. Возвращаясь во Францию, госпожа де Морвиль еще полагала, что господин де Вилледон купил ее поместье, чтобы возратить его ей. Но вскоре она была избавлена от своего заблуждения и получила от своего имущества меньше, чем ничего: 500 или 600 франков ренты, при отсутствии крыши над головой. Мы предложили ей приют. Она приняла его с той сердечной про-

стотой, которая отличает подлинно благородных людей. Не наделенная особым умом, она имела очень возвышенную душу и превосходный характер, лишенный тех мелких неудобств, которые часто нарушают домашнюю жизнь больше, чем подлинные недостатки, когда у человека находится достаточно самообладания, чтобы такие недостатки скрывать. Госпожа де Морвиль нежно любила господина де Ла Тур дю Пена. Будучи на четыре года старше, она знала его с самого детства. У нас ей жилось очень счастливо. Ее единственный сын воспитывался в школе, основанной знаменитым Берком для молодых эмигрантов. Вернувшись из Англии в восемнадцать лет без какого-либо состояния, он записался в полк конных егерей простым егерем по протекции полковника, господина де Ла Тур Мобура. Эту протекцию он получил по инициативе госпожи д'Энен и благодаря посредничеству господина де Лафайета.

Госпожа д'Энен приезжала в Буй несколько раз за те восемь лет, что мы там прожили. В первый свой приезд, который продолжался несколько месяцев, она привезла ко мне дочь господина де Лалли, вышедшую из пансиона госпожи Кампан, и просила завершить ее образование. Мадемуазель де Лалли было около пятнадцати лет. Я с удовольствием приняла ее. Она была милая, добрая, освоила довольно хорошо правописание, музыку и танцы. Что до ума, то его воспитание было совершенно запущено. Я понимала, что порученная мне миссия потребует большого труда и ответственность эта будет для меня нелегкой. Мой муж, тем не менее, убедил меня принять ее, а его желание было для меня законом, против которого у меня и мысли не было возражать. Поскольку у нас было слишком мало средств, чтобы без затруднения взять на себя дополнительные расходы, тетушка пожелала, чтобы господин де Лалли выдал нам на пансион своей дочери сумму, эквивалентную той, что он платил за нее у госпожи Кампан. Принять такое условие показалось мне немного унижительным, но все же мы на него согласились. За господином де Лалли, кроме того, сохранялась забота о приобретении всего, что было нужно для его дочери. Ей не пришлось жаловаться на то, как это все было устроено, и я, со своей стороны, могу сказать, что нам не пришлось об этом жалеть. Занимаясь с мадемуазель де Лалли, я отрепетировала то воспитание, которое позже должна была давать своим дочерям. Мой муж взял на себя преподавание ей истории и географии. Преподавание английского языка, о котором она уже имела некоторое понятие, досталось мне, а учитель моего сына давал ей уроки итальянского языка. Наши общие чтения вслух также пошли ей на пользу. Она очень полюбила моих детей, особенно Сесиль, для которой она стала первой воспитательницей. Очень добрая, характера верного, хотя и несколько скрытного, она хорошо ладила с госпожой де Морвиль, поскольку ни та, ни другая не отличались особым умом. Я недалеко от мысли, что обе они питали ко мне чувства, близкие более к уважению

и страху, чем к любви. Что бы ни говорили, я не властна. Я никогда не требовала от тех, с кем жила, больше того, что они могли дать. Ссориться «из-за чувств» мне всегда казалось самой абсурдной вещью на свете, если речь не идет о чем-то таком, от чего зависит судьба всей жизни.

Скверное состояние наших дел беспокоило нас не в последнюю очередь потому, что нам с мужем приходилось думать о будущем наших детей. Земля в Буге, от которой осталась только ее территориальная ценность, мало что давала. Война с Англией обратила в ничто цены на вино, особенно на белые вина, которые и так уже в наших краях ценились мало. Их покупали по 4–5 франков за бочку. Мой муж устроил винокурню, чтобы производить о-де-ви¹⁶⁴, и вошел в большие расходы, чтобы привести ее в должное рабочее состояние. Но доходов от этой коммерции едва хватало нам на жизнь, а скоро уже надо было думать о будущем сына. Эта мысль все время терзала нас.

Наша тетушка и господин де Лалли писали нам из Парижа, что все те, кого мы прежде знали, встали на сторону правительства. Только что был опубликован конкордат¹⁶⁵, и восстановление в правах религии произвело огромное впечатление в наших краях. До этого люди могли присутствовать на службе только в комнатах, если не совсем уж втайне, то по крайней мере так тихо, чтобы не скомпрометировать священника, почти всегда из числа вернувшихся эмигрантов. Так что, когда в Бордо приехал уважаемый архиепископ господин д'Авио де Санзэ, а самозванец исчез без следа, это была безумная радость. Мы имели честь принимать архиепископа у себя в Буге первые два дня после его въезда в епархию. Мы собрали у себя, чтобы его встретить, всех добрых кюре из наших прежних владений, насчитывавших девятнадцать приходов. Большинство из них, недавно назначенные, вернулись из-за границы. Другие прежде скрывались у своих прихожан или в частных домах. Наш святой архиепископ вызвал всеобщее обожание. Его вступление в Бордо было триумфальным. Благодарность, которую испытывали люди, обращалась на великого человека, державшего в своих руках бразды правления. Когда он объявил себя пожизненным консулом¹⁶⁶, она проявилась почти единодушным одобрением этого решения со стороны тех, кто должен был за него голосовать.

Вскоре, наконец, в коммунах появились списки, где надо было вписать свое имя и ответить «да» или «нет» на вопрос, должен ли пожизненный консул провозгласить себя *императором*¹⁶⁷.

Господин де Ла Тур дю Пен пребывал в чрезвычайном возбуждении, пока не решил поставить «да» в списке по Сент-Андре-де-Кюбзаку. Я видела, как он в одиночку прогуливается по аллеям в саду, но не позволяла себе вмешиваться в его колебания. Наконец, однажды вечером, он пришел домой, и я с удовольствием узнала, что в итоге своих размышлений он только что написал «да».

Можно заметить, что я несколько смешиваю эпохи. Конечно, я не описываю по порядку все события, наполнявшие те восемь лет, что мы провели в Буге. Шесть месяцев из этого времени были для меня очень приятны. Это были месяцы, когда у нас жила госпожа де Дюрас со своими детьми.

Нашей тетушки тогда с нами не было, что не слишком нас огорчало. Несмотря на свое остроумие, доброту и ту дружбу, которую она питала к своему племяннику — поскольку, по моему мнению, меня она никогда не любила иначе как по ассоциации с ним, — жить с нею было утомительно. Невоздержность ее характера лишала повседневную жизнь всякого удобства. Нужно было разделять ее взгляды на любой предмет. Мы совершенно покорялись ее воле и ее фантазиям, но даже этого не доставало, чтобы обеспечить покой. Когда она находилась в Буге с господином де Лалли, ее властный характер находил себе жертву в нем, что давало нам немного отдыха. Выражаясь вульгарно, она вертела им, как хотела. Хотя она и принесла ему величайшую пользу, поставив свой собственный сильный характер на место того, который должен был бы иметь этот толстяк, представлявший собой лишь набор слов, она все равно делала его несчастным. Она возражала ему во всем, заставляя его работать над серьезными вещами, когда его склонности побуждали его заниматься одними лишь глупостями. На самом деле вкус у него был к этому. Никогда еще не бывало так мало ума в таком грузном человеке.

III

Госпожа де Дюрас приехала в Буй, чтобы у нас дожидаться мужа, который должен был за ней заехать и отвезти в Дюрас, семейную вотчину, расположенную между Бордо и Ажаном. Они недавно купили замок Юссе, в который госпожа де Керсен, мать госпожи де Дюрас, вложила средства от продажи своего дома на Мартинике. Герцогиня де Дюрас, мать Амеды, добавила к ним 400 000 франков из своих собственных средств. Этот прекрасный дом стоил им 800 000 франков, и это была превосходная сделка.

При встрече с Клер, которую я оставила в Теддингтоне в плену несчастной страсти к ее собственному мужу, я нашла ее совсем другой. Она стала одной из тех, кто задавал тон в антибонапартистском обществе Сен-Жерменского предместья. Не имея возможности выделиться красотой лица, она имела достаточно здравого смысла, чтобы отказаться претендовать на это. Она поставила себе целью блистать умом, что было ей легко, поскольку ума у нее хватало, и способностью делать дела, необходимым качеством, чтобы занимать первое место в том обществе, в котором она жила. В Париже необходимо по каждому вопросу оставлять за собой

окончательное решение, иначе тебя раздавят; говоря военно-морским языком, надо подавлять огневой мощью. Ее от природы высокомерный и властный характер более всего приготавливал ее играть такую роль. Я не знаю, внимала ли она когда-нибудь языку более или менее явного кокетства, но я склонна этому верить. Во время своего пребывания в Бюе она завязала очень оживленную переписку с господином д'Ангоссом, имея целью утешить его в горе от кончины его жены, урожденной мадемуазель де Шалон. Письма, которые она от него получала — а некоторые из них она мне показывала, — показались мне письмами человека, вполне расположенного к тому, чтобы быть утешенным. Когда я ей об этом сказала, она объявила меня чересчур добродетельной и даже несколько провинциальной. Я полагаю, что по возвращении в Париж она нашла господина д'Ангосса уже в красном камергерском мундире. Как и многие другие, он облекся в него из осторожности. Император говорил: «Я открыл им свои прихожие, и они все туда ринулись». Слова эти не могут показаться вызывающими, поскольку они справедливы и обоснованны.

В течение двух месяцев девочки де Дюрас оставались в Бюе без матери, которая уезжала вместе с мужем заниматься делами. Я их любила, как своих детей, и они сохранили добрую память об этом времени своего детства, как они сами мне это часто впоследствии повторяли. Их дружба с моими дорогими дочерьми, Шарлоттой и Сесиль, зародилась тогда и не прекращалась до самой смерти этих двух украшений моей жизни. И та и другая сохранили ко мне дочерние чувства, подтверждение которых я получала при каждом случае. Да найдут они здесь выражение моей живой и теплой благодарности!

В 1805 году я с Элизой — мадемуазель де Лалли — поехала на некоторое время в Бордо. Однажды на службе в церкви Элизу заметил молодой человек, самый замечательный во всем Бордо по своему происхождению, внешности и состоянию, — Анри д'О. Она была очень маленького роста, свежая, как роза, имела превосходные черные волосы, восхитительный цвет лица и прекраснейшие на свете глаза. Наш друг Брукан, пережив финансовые катастрофы, вызванные разорением компании военных поставок, возвратился в Бордо и поселился там на неопределенное время. Он узнал от своих друзей, что Анри д'О в лестных выражениях отзывался некоторым из своих товарищей о юной особе, находящейся на воспитании у госпожи де Ла Тур дю Пен. Как он заявлял, в Бордо ни одна девушка не держалась так прилично и достойно. Он навел справки о нас, о нашем образе жизни, о нашем поведении и пр.

Мой муж, которого назначили президентом нашего кантона, хотя он о том и не просил, поехал тогда в Париж на коронацию. Я написала ему в письме все, что мне рассказали, и он переговорил об этом с господином де Лалли. Тот в это время занимался получением довольно крупного воз-

мещения, выплаты которого ему удалось добиться; эти деньги государство ему задолжало еще со времени восстановления доброго имени его покойного отца и кассации его смертного приговора, что было за три года до Революции. Долг государства был признан Государственным Советом. Но, как и для всех финансовых обязательств, его сумма была сокращена на две трети и составляла теперь только 100 000 франков. Наполеон, желавший привлечь господина де Лалли на сторону своего правительства, пожелал, чтобы его требование было полностью удовлетворено. Когда мой муж пересказал господину де Лалли содержание письма, тот без колебаний заявил, что если он получит эту сумму, то отдаст ее своей дочери в день свадьбы. Свое слово он сдержал. Мы устроили так, чтобы провести в Бордо время карнавала и дать господину д'О возможность видеть Элизу на балах в залах прежнего интендантского ведомства, где собиралось приличное общество.

В это время меня постигло большое горе — я лишилась нашей дорогой служанки Маргариты, которую любила, как родную мать. Потерять ее было для меня очень больно. Она оставалась в сознании до последнего момента и перед концом самым нежным образом со мной простилась. У Юмбера и Шарлотты это печальное событие вызвало искреннее горе, и я была очень тронута их чувствительностью. Эта прекрасная женщина заботилась о них всеми силами.

IV

Мой муж повидал в Париже многих из своих прежних знакомых, которые все тогда были в правительстве, и в том числе господина Маре, будущего герцога Бассано. Они настойчиво советовали ему предпринять какие-то действия, чтобы получить должность. Не отказываясь наотрез, он отвечал, что если Император пожелает взять его на службу, то он сам его найдет, а роль просителя ему не пристала и т.д. Господину де Талейрану вообще непонятны были никакие соображения отвращения, но он все же чувствовал, скорее умом, нежели сердцем, что есть некое достоинство в том, чтобы не смешиваться с толпой просителей. Он ограничился тем, что пожал плечами и сказал: «Это придет в свой черед». И дальше он уже об этом не думал.

Господин де Ла Тур дю Пен вернулся в Буй. Он повидал господина Малуэ, только что назначенного морским префектом в Антверпен; там ему предстояло развернуть ту большую стройку, которую он так замечательно продвинул вперед¹⁶⁸. Они договорились между собой, чтобы Юмбер, когда ему исполнится семнадцать лет, поступил на службу в контору господина Малуэ. Службы аудиторов Государственного Совета тогда еще

не существовало, однако о ней уже начинали говорить, и мы держались того мнения, что молодому человеку, предназначенному себя к деловым занятиям, полезно было бы некоторое время поработать под присмотром такого просвещенного и способного человека, как господин Малуэ. Поскольку он питал к нам большую дружбу, мы могли поручить ему нашего сына с полным доверием. Все же мысль об этой разлуке ложилась мне на сердце тяжким грузом.

Мой муж вернулся из Парижа, и вскоре после того я заметила, мой милый сын, что беременна вами. За год до того у меня был выкидыш. Чтобы избежать нового несчастья, я решила не делать резких движений во все время беременности, которую на всем ее протяжении я переносила более или менее болезненно. Госпожа де Морвиль, Элиза, наша тетушка и господин де Лалли уехали в Тессон. Я оставалась в Бюе с моими дочерьми. Предчувствуя каким-то образом, что из всех моих милых детей вы один останетесь закрыть мне глаза, я во время этой беременности береглась, как никогда прежде.

18 октября 1806 года, одеваясь утром, я увидела, как по террасе идет мой добрый доктор Дюпуи, который уже несколько дней жил в Бюе. Смеясь, я спросила его, откуда это он так рано. Он ответил, что за ним приходили, чтобы он засвидетельствовал смерть одной нашей соседки, которая скоростижно скончалась, вставая с постели. Я хорошо знала эту даму, и как раз накануне того дня мы с ней долго разговаривали. Это происшествие до такой степени меня потрясло, что у меня тут же начались схватки, которые привели вас на свет на радость моих преклонных лет.

Я очень медленно оправлялась от родов, поскольку у меня случилась лихорадка с ежедневными приступами; все же я и во время болезни не переставала кормить.

Мы не упускали из виду такое важное дело, как брак Элизы. Под Рождество мы под предлогом вакцинации новорожденного отправились на полтора месяца в Бордо к нашему превосходному Брукану. Этот несравненный друг сумел привлечь к нашему делу господина Марботена де Контнея, бывшего парламентского советника и дядю господина д'О. Его жена была сестра матери господина д'О. Сам молодой человек после смерти своей матери, которая случилась уже довольно давно, был по-сыновнему привязан к своей тетке. Господин де Контней желал поступить на должность судьи. Господин де Лалли, как считалось, имел определенное влияние, и это было для господина де Контнея еще одной причиной постараться устроить брак своего племянника. Кроме того, без бахвальства могу сказать, что мы пользовались достаточным уважением в Бордо, чтобы это некоторым образом отразилось и на особе, уже пять лет живущей в нашей семье.

Молодые люди встречались друг с другом на нескольких балах. Элиза, которая обворожительно танцевала — в то время еще не вальсирова-

ли, и танец был искусством, — проявила там себя во всем блеске. Они виделись еще на прогулках, потом на службах в церкви, где мы неизменно встречали господина д'О. Наконец настал день, когда госпожа де Контней явилась ко мне официально, чтобы просить руки опекаемой мною молодой особы для своего племянника. Я ей ответила, как положено бывшей дипломатке, что мне неизвестны планы господина де Лалли в отношении его дочери, но что господин де Ла Тур дю Пен отправится в Буй, где тот находится в настоящее время, и сообщит ему о переданном мне предложении.

Он действительно туда поехал и вернулся на следующий день с господином де Лалли. Вскоре все было улажено. Дальше последовали поздравления, обеды, вечерние приемы. Мы приняли у себя с визитом старика-отца д'О. Это был дворянин старого закала, без малейшего следа остроумия или образованности. Рассказывали, что жена его при нем умерла от скуки. Все это не мешало ему располагать 60 с лишним тысячами франков ренты.

При подписании брачного договора господин де Лалли отсчитал господину д'О, как и обещался, сто мешочков по 1000 франков, составлявших приданое его дочери. Это был единственный раз в моей жизни, когда я видела столько денег разом.

Свадьба состоялась в Буге 1 апреля 1807 года. Цветов еще никаких не было, кроме мелких бело-розовых маргариток. Мы с госпожой де Морвиль и Шарлоттой сделали очаровательное сюрту для свадебного обеда: фон на блюде был выложен мхом, а имена Анри и Элизы составлены цветами.

Вся эта подготовка и сама свадьба доставили мне много хлопот и выбили меня из привычной колеи моей спокойной и размеренной жизни. Я была очень рада к ней вернуться, чтобы насладиться последними месяцами, которые моему сыну предстояло еще провести с нами. Наша тетушка вернулась в Париж. Господин де Лалли тоже уехал. Я осталась одна с госпожой де Морвиль. Она была счастлива увидеться со своим сыном, который приехал к ней в короткий отпуск, предоставленный ему перед отправкой с полком в Испанию. Этот милый и славный молодой человек, как я уже говорила, за шесть лет до того поступил рядовым в 22-й полк конных егерей. Теперь он уже был лейтенантом и имел наградной крест. Каждого следующего чина он удостоивался за отличие в бою, а последнюю награду получил за величайшую отвагу, проявленную во время последней кампании. Он был привлекателен как внешним очарованием, так и приятностью характера. Когда он уезжал, его бедная мать, конечно же, не думала, что обнимает его в последний раз! У меня-то было предчувствие, которое — увы! — оправдалось вполне. Спустя год он был убит в какой-то деревне в Испании, в которую он вошел на сорок шагов впереди своего отряда. Бедный Александр!

Глава XI

I. Юмбер уезжает в Антверпен. — Боль расставания. — Неудобства, причиняемые постоем офицеров и солдат в Буйе. — Последнее прощание Альфреда де Ламета. — Его гибель и отмщение его убийства. — II. Поездка Императора в Бордо. — Его переправа через Дордонь в Кюбзак. — Госпожа де Ла Тур дю Пен вызвана в Бордо к Императрице. — Прием. — Представление Императору. — Госпожа де Монтескье запуталась. — Замешательство камергера. — В салоне Императрицы. — Ее окружение. — Строгий распорядок дня, предписанный Императором. — Мадригал. — Беспокойство Жозефины из-за слухов по поводу ее развода. — Записка от Императора. — Отъезд Императрицы. — III. Возвращение в Буй. — Господин де Ла Тур дю Пен назначен в Брюссель префектом департамента Диль. — Госпожа де Ла Тур дю Пен — придворная дама испанской королевы. — Представление королеве. — Князь мира. — Концерт и партия короля. — Отъезд испанских государей.

I

В конце лета или, лучше сказать, в терминах сельского хозяйства, сразу *после сбора винограда* мне пришлось впервые расстаться с моим дорогим сыном. Ах, как тяжела была мне эта разлука! Как нужен был мне весь мой разум, вся моя покорность Божьей воле, чтобы ее перенести! Он уехал вместе с отцом, который довез его до Парижа. Как разрывалось мое сердце, когда я обнимала его перед отъездом, не ведая, сколько продлится его отсутствие! Старшая из его сестер также очень горевала. Шарлотте было тогда одиннадцать лет. Она была так развита для своего возраста, так разумна, что брат уже не считал ее за дитя. Она теряла товарища по учебе и по играм, настоящего друга. С его отъездом нас покидала радость нашей домашней жизни. Когда спустя месяц господин де Ла Тур дю Пен вернулся без сына, мы вновь острее почувствовали боль разлуки.

Замок Буй испытывал на себе тяготы военного постоя. Вся армия, направлявшаяся в Испанию, проходила через Сент-Андре-де-Кюбзак. Нам часто приходилось размещать у себя офицеров, что было весьма некстати, особенно когда я оставалась одна, поскольку их надо было принимать за ужином и в гостиной. Во время отсутствия моего мужа у меня из-за этого вышло небольшое приключение, которое я обернула тогда к своей пользе, но после которого я просила в будущем селить у себя вдвое больше рядовых пехотинцев или кавалеристов, но только не офицеров.

В Буй прислали двоих офицеров, из которых один был уже в изрядных летах. Когда он увидел наш прекрасный замок и красивую спальню, где его поместили, его охватил демагогический раж, достойный лучших времен Конвента. Дошло до того, что он, встретив меня в коридоре, набросился на меня с руганью, восклицая, что он знает, что бывшему хозяину этого дома отрубили голову, что он хотел бы, чтобы так же поступили со всеми аристократами, владеющими такими роскошными домами, и что он радовался бы, если бы замок подожгли. По лицу его я рассудила, что он из тех, кто может привести свою угрозу в исполнение. Поэтому я отвечала ему с величайшим хладнокровием: «Сударь, я предупреждаю вас, что подам жалобу».

Засим я самым вежливым образом написала полковнику, стоявшему в Сент-Андре, о речах капитана, об имени которого я спросила. Спустя полчаса полковник передал этому одержимому приказание вернуться и поступить под арест.

С этого дня к нам больше не присылали офицеров. У нас еще побывало несколько буйанов, но они шумели у нашего старшего лакея.

Как-то вечером дюжина таких неистовых вояк разместилась на ночлег в конюшнях. Вдруг, когда мы сидели за столом, в вестибюле послышался ужасный шум. Мы вскочили. Полковник ужинал с нами, это был Филипп де Сегюр. Когда они узнали среди нас своего начальника, это произвело эффект *quos ego**... Никогда я не видела таких потрясенных и удрученных лиц, как у этих ужасных солдат. Они тут же скрылись на сеновал, и когда по завершении ужина их стали искать, то их было нигде не видно.

В день большого праздника я присутствовала на мессе в Бордо. В определенный момент я заметила, что по какой-то причине внимание всех собравшихся обратилось в глубину того придела, где я находилась. Поднявшись, чтобы уходить, я заметила великолепного офицера, закутанного в просторный белый плащ, спадавший изящными складками; там, где плащ приподнимала рука, придерживавшая саблю, были видны малиновые панталоны, как у мамлюков. Выходя из церкви, он смешался с толпой, а затем двинулся в сторону дома господина де Брукана. Он вошел в дом, и, когда я шла следом за ним через двор, он обернулся с возгласом: «Ах, это же моя тетушка!» — и бросился мне на шею.

Это был мой племянник Альфред де Ламет. Какой он был красавец! Просто Аполлон Бельведерский в мундире адъютанта Мюрата! Так бедный мальчик в последний раз со мной простился. У него были печальные предчувствия, потому что, проговорив со мной два часа обо всех своих

* Я вас! Вергилий, «Энеида», I, 133–35, слова Нептуна: *Jám caelúm terrámque meó sine númine, Vénti Míscer(e) ét tantás audétis tóllere móles? Quós ego!* (Без моего изволения вы землю мешать с небесами, Ветры, решились и вод воздымать такие громады? Я вас!) (Перевод В. Брюсова.)

молодых безумствах, которые уже начали ему прискучивать, о войне, на которой он, по его словам, пока еще ни царапины не получил, он выразил желание оставить мне что-нибудь на память о себе. Открыв свой письменный прибор, он подал мне тот ножик с перламутровой рукояткой, который всегда можно было потом видеть у меня на столе. Затем он многократно нежно меня расцеловал и, видя, что глаза мои наполняются слезами, сказал мне: «Да, милая тетушка, это в последний раз!» Несчастный мальчик был подло убит посреди расположения войск маршала Сульта в Испании, когда проходил через небольшое селение, направляясь обедать к маршалу. Убийцу найти не смогли. В наказание селение отдали на разорение солдатам, которые устроили там кровавую и огненную гекатомбу.

II

Испанские дела очень заботили всех в Бордо, куда уже добрались некоторые беженцы из этой страны. Тетушка написала нам из Парижа, что Император собирается ехать в Испанию, и Жозефина, возможно, с ним, и что господин де Бассано будет в их свите. Она советовала своему племяннику ехать представиться Императору и увидаться с господином де Бассано, который к нему благоволит. Господин де Ла Тур дю Пен получил это письмо, садясь на лошадь. Он собирался в Тессон, где его присутствие было абсолютно необходимо по какому-то делу с векселем. «Я пробуду в отлучке только два дня, у меня будет время туда съездить», — сказал он и уехал. На следующий день почтой пришел приказ приготовить лошадей для Императора. Это привело меня в отчаяние, но я тем не менее жаждала увидеть этого необыкновенного человека.

Госпожа де Морвиль, моя дочь Шарлотта и я отправились в Кюбзак с решимостью не возвращаться, пока не увидим Наполеона. Мы попросили приюта у Рибе, главного комиссионера гужевых перевозок, с которым мы были знакомы, и поселились в комнате с окнами на порт. Бригантина для переправы через Дордонь была уже там, и все матросы стояли по своим местам. Все население округа выстроилось вдоль дороги. Крестьяне, продолжая проклинать человека, который забирал у них детей на войну, тем не менее желали его увидеть. Это было какое-то безумие, опьянение. Прискакал первый курьер, его желали расспросить. Генерал Друэ д'Эрлон, комендант департамента, спросил у него, когда приедет Император. Человек этот был так утомлен, что в ответ из него смогли выжать лишь одно слово: «Переправиться». Ему оседлали лошадь, он вместе с ней взошел на корабль и там упал замертво на доски; на другом берегу реки его вытащили оттуда и вновь посадили в седло.

С момента проезда курьера наше беспокойство сделалось уже лихорадочным. Что до меня, я была полностью поглощена мыслями о фатальном стечении обстоятельств, задержавшем моего мужа вдали от места, где ему следовало быть по должности. Весь муниципалитет Кюбзака был налицо, а он, президент кантона, чье место было здесь, отсутствовал. Это был упущенный случай, который уже не представится вновь. Я была этим сверх меры огорчена. Наконец, к вечеру, после целого дня ожидания, прибыл первый экипаж, а после него запряженная восьмеркой лошадей берлина в сопровождении эскорта егерей подъехала и остановилась как раз под окном, где мы находились. Из нее вышел Император в гвардейском егерском мундире. Его сопровождали двое камергеров, один из которых был господин де Барраль, и адъютант. Мэр обратился к нему с приветствием; он выслушал с видом изрядного недовольства и скуки, а затем спустился на бригантину, которая немедленно отплыла.

Этим и ограничилось для нас зрелище великого человека. Мы все троим вернулись в Буй, усталые и в дурном настроении.

Назавтра приехал мой муж. Я дала ему только позавтракать и заставила немедленно ехать в Бордо, где на следующий день ожидали императрицу. По прибытии он пошел к господину Маре, который проявлял к нему большое расположение и дружбу. Тот встретил его любезно и предупредительно, но каково же было удивление моего мужа, когда господин Маре ему сказал: «Вы были очень огорчены необходимостью поехать в Тессон именно тогда, когда Император проезжал у вас, и вы очень спешили вернуться». — «Вы, значит, виделись с Бруканом», — предположил господин де Ла Тур дю Пен. — «Нет». — «Но тогда откуда же вы это знаете?» — «Сам Император мне это сказал». Вы понимаете, какая это была неожиданность для моего мужа. «Госпожа де Ла Тур дю Пен должна приехать в Бордо, — добавил господин Маре, — и оставаться здесь все время пребывания императрицы. Завтра будет малый прием; Император желает, чтобы она там была».

Мой муж тут же отправил за мной экипаж, потому что раздумывать тут не приходилось. У меня было в Бордо несколько платьев, сшитых в то время, когда я возила Элизу на балы и вечера, устраиваемые в связи с ее замужеством. Но среди них не было ни одного черного, а двор был в трауре. Малый прием был назначен на восемь часов, а уже было пять. К счастью, я нашла красивое платье из серого атласа. Я добавила к нему кое-какую черную отделку, и хороший парикмахер вплел мне в волосы черные ленты; я сочла, что это вполне годится для женщины тридцати восьми лет, которая, скажу без тщеславия, не выглядела и на тридцать. Все собрались во дворце в большой столовой. Я почти никого не знала в Бордо, за исключением госпожи де Контней и госпожи де Салюс, которые в тот день как раз отсутствовали. Там собралось от шестидесяти до восьмидесяти женщин. Нас построили по списку, зачитанному вслух камергером господином де Беарном.

Он рекомендовал нам подровняться в линию и повторил, что никто ни под каким предлогом не должен сходить со своего места, иначе он потом не найдет, каким именем кого называть. Едва мы завершили этот почти военный маневр, как громко прозвучало: «Император!», отчего у меня забилося сердце. Он начал с края и обращался с несколькими словами к каждой даме. Когда он приблизился к месту, где стояла я, камергер что-то сказал ему на ухо. Он устремил взор на меня, улыбаясь самым милостивым образом, и, когда подошла моя очередь, сказал мне с усмешкой фамильярным тоном, оглядев меня с головы до ног: «Но вы, значит, совершенно не удручены смертью короля Дании?» Я ответила: «Не настолько, сир, чтобы пожертвовать счастьем быть представленной Вашему Величеству. У меня не было черного платья». — «А! Вот превосходное объяснение, — ответил он, — и потом, вы же были в деревне!» Затем он обратился к женщине рядом со мной: «Ваше имя, мадам?» Она пробормотала неразборчиво, он не понял. Я сказала: «Монтескье». — «А! Воистину, — воскликнул он, — прекрасное имя! Нынче утром я был в замке Ла-Бред, осматривал кабинет Монтескье». Бедная женщина, полагая, что нашла удачную мысль, произнесла: «Это был хороший гражданин». От слова «гражданин» Император подскочил. Он бросил на госпожу де Монтескье такой взгляд своих орлиных глаз, который мог бы привести ее в ужас, если бы она это поняла, и очень резко ответил: «Нет, это был великий человек». Затем, пожав плечами, он взглянул на меня, словно желая сказать: «Как глупа эта женщина!»

Императрица шла на некотором отдалении от Императора, и ей называли дам в том же порядке. Но еще до того, как она дошла до меня, ко мне подошел лакей и попросил пройти в гостиную, чтобы там ожидать Ее Величество. Несчастный камергер, не найдя более госпожу де Ла Тур дю Пен на том месте, где она была, потом без конца все путал, что дало повод для шуток на протяжении всего вечера.

Когда императрица вошла в гостиную, она показала чрезвычайную любезность ко мне и моему мужу, которого также пригласили по ее указанию. Она выразила желание видеть меня каждый вечер всё время своего пребывания в Бордо и села играть в триктрак с господином де Ла Тур дю Пен. Подали чай и мороженое. Я всё надеялась еще раз увидеть Императора и была жестоко разочарована, когда узнала, что к нему прибыл курьер из Байонны и он тут же уехал из Бордо туда.

Императрицу сопровождали две придворные дамы, госпожа де Басано и еще одна, имени которой я не могу припомнить, а также ее очаровательная чтица, будущая госпожа Сурдо, красавица, в которую был влюблен император Александр I. С ними были старый генерал Орденер, господин де Беарн и пр.

Император, хотя у него и были тогда, говоря вульгарными словами, «на руках» Испания и вся Европа, нашел время надиктовать распорядок

императрицы на каждый день в мельчайших деталях, вплоть до туалетов, которые она должна была носить. Она не желала и не могла в этом распорядке ничего изменить, разве что была бы больна и не вставала с постели. Я узнала от госпожи Маре, что Император приказал, чтобы мы с мужем приходили к ней на вечер ежедневно, что мы и делали.

Всех очень позабавила импровизация одного галантного гвардейца, который написал на будке, поставленной во дворе для часового:

Vénus ou Madame Maret,
C'est bonnet blanc ou blanc bonnet*.

Это гасконское двестишие имело большой успех.

Меж тем бедная императрица начинала ужасно беспокоиться из-за слухов о разводе, которые уже стали распространяться. Она говорила об этом с господином де Ла Тур дю Пенем, который, как мог, ее успокаивал. В дальнейшем он постарался пресечь те откровенные признания, которые неосторожная и легкомысленная Жозефина была, по-видимому, расположена сделать ему и которые представлялось небезопасным выслушивать. Она была в большой обиде на господина де Талейрана, которого обвиняла в том, что он подталкивает Императора к разводу. Мой муж сам, как никто, был в этом убежден, поскольку тот ему об этом говорил много раз во время его последней поездки в Париж, но он, разумеется, постерегся открывать это Жозефине. Она, привыкшая к поклонению одних и лживости других, находила большую приятность в том, чтобы беседовать с господином де Ла Тур дю Пенем и открывать ему свое сердце насчет предмета, о котором она не смела заговорить ни с кем из своего окружения. Ей до смерти хотелось ехать в Байонну, и она каждый день спрашивала Орденера: «Когда мы выезжаем?» На что он отвечал со своим немецким акцентом: «По прафде гофоря, я пока не снаю».

Однажды вечером я сидела рядом с императрицей за чайным столом. Она получила от Императора записку в несколько строк и, наклонясь ко мне, сказала мне очень тихо: «Он пишет как курица лапой. Я не могу прочесть эту последнюю фразу». При этом она протянула мне записку, на мгновение приложив палец к губам в знак того, что это секрет. Я успела прочесть лишь сплошные «ты» и «тебе», а потом последнюю фразу, которая гласила: «У меня тут отец и сын; это доставляет мне много хлопот»¹⁶⁹. Эту записку потом цитировали, но в сильно расширенном виде. Там было пять-шесть строк, написанных поперек порванного и сложенного вдвое листка. Если бы мне ее показали, я бы ее узнала.

После чая генерал Орденер подошел к императрице и сказал ей: «Ваше Величество выезжает завтра в полдень». Эти слова оракула обрадовали

* Венера и мадам Маре —
Это что в лоб, что по лбу.

всех. Пребывание в Бордо ввело меня в расходы, поскольку каждый вечер на протяжении десяти дней надо было наряжаться. Мне до смерти хотелось вновь увидеть моих детей. Элиза кормила своего сына и, к своему большому сожалению, не приезжала к императрице. Она была только на малом приеме, где ее принимали очень лестно. Ее муж был в составе конного почетного караула, как и все знатные молодые люди Бордо.

III

Мы, таким образом, вернулись в Буй, и, несмотря на хороший прием, оказанный нам важными персонами в Бордо, мы совсем или почти совсем не питали надежд. И действительно, как можно подумать, чтобы человек, далекий от всяких интриг, незнакомый, можно сказать, с властью, поскольку много лет уже не вмешивался ни во что происходящее, живущий вдали от света в своем замке, в уединении тем более глубоком, что он остался почти без средств, привлек бы к себе внимание орла, вершившего судьбы Франции.

Господин де Ла Тур дю Пен остался в Бордо заканчивать какие-то дела; я сидела у лампы наедине с бедной родственницей, госпожой Жозеф де Ла Тур дю Пен, которую мы из милости поселили у себя. Было 9 часов вечера, и в этот неподобающий час явился крестьянин, присланный из Бордо с запиской от моего мужа, в которой были лишь такие простые слова: «Я префект Брюсселя... Брюсселя, в десяти лье от Антверпена!» Признаюсь, я испытала сильную радость; особенно меня трогала мысль о свидании с сыном.

Господин Маре не знал, что эта должность префекта вакантна. Бумаги от министра внутренних дел прибыли в Байонну, в точности так же, как если бы они были представлены в Тюильри или в Сен-Клу, поскольку в привычках Императора никогда ничего не менялось. Он сотрясал испанскую монархию, он отправлял в изгнание двух королей, отца и сына. Это причиняло ему *«много хлопот»*, как я видела написанным его собственной рукой, но, несмотря ни на что, когда приходили бумаги от кого-то из министров, он читал, правил, менял назначения. *«Префект департамента Диль»*¹⁷⁰: на эту должность была предложена кандидатура. Он берет перо, вычеркивает предложенное имя и пишет поверх: *«Ла Тур дю Пен»*. Вот так впоследствии рассказал нам господин Маре, который никогда не выдвигал возражений, но и предложений никогда не делал. Это была очень честная машина.

Мой сын находился в Антверпене, сидел за своим секретарским столом у господина Малуэ, когда увидел, как тот бегом бежит через двор. А никто никогда не видел, чтобы господин Малуэ, степеннейший человек, из-за чего-либо ускорял шаг. Он вошел с возгласом: «Ваш отец назначен префектом Брюсселя!» Милый Юмбер, как он был рад!

Я позабыла написать об одном примечательном обстоятельстве, которое сообщу здесь. Я нахожу, мой дорогой сын, довольно необыкновенным, что в свои семьдесят три с половиной года я так точно помню все, что со мной приключалось! Все же одна вещь совершенно выпала у меня из головы. Вот она.

За несколько дней до отъезда господина де Ла Тур дю Пена из Буя в Брюссель я получила спешное письмо от нашего друга Брукана, который сообщал мне об отправке экипажа в Кюбзак. Там же он извещал меня о прибытии в Бордо короля Испании Карла IV и его недостойной жены; они размещались во дворце, и Император приказал, чтобы я служила королеве придворной дамой во время ее пребывания в Бордо, которое должно было продлиться три или четыре дня. К счастью, все наши парадные одеяния еще находились у Брукана, так что мои вещи были собраны быстро. Муж мой решил меня сопровождать, и мы выехали. Добравшись до Бордо, я сразу поспешно переделась и явилась во дворец, куда только недавно приехали Их испанские Величества. Войдя в гостиную, где размещались дежурные из свиты, я нашла там знакомых, и мне было очень приятно услышать: «Идите, идите же сюда, мы вас ждем обедать», поскольку при отъезде из Буя я успела только выпить чашку чаю.

Король и королева удалились в свои комнаты вместе с Князем мира¹⁷¹. Я там встретила господина д'Оденарда и господина Дюмануара, из которых один был шталмейстером, а другой камергером Императора, а также генерала Рейя, господина Ййекердо, одного капеллана и еще двоих или троих испанцев, чьих имен я не знала и которые не говорили по-французски. Мы сели за стол. Присутствовавшие господа сообщили мне, что назначено еще две придворных дамы — госпожа д'О (Элиза) и госпожа де Пиис — и что мне поручено их уведомить, чтобы они назавтра к полудню явились во дворец. Мне сказали также, что Их Величества будут принимать представителей власти с утра, а дам вечером. Господин Дюмануар добавил, что лично я должна находиться во дворце к 11 часам, чтобы быть представленной королеве, а затем уже я представляю ей двух других дам, назначенных служить государыне.

Во время обеда все эти господа были очень любезны и предупредительны со своей новой сослуживицей. Они беспрестанно повторяли, что повезут меня с собой до самого Фонтенбло, — я эту угрозу приняла всерьез, стала отговариваться, на что они отвечали: «Однако же, если бы Император этого пожелал, пришлось бы маршировать!» После обеда мы постарались найти средство развлечь короля в те два вечера, которые он должен был провести в Бордо; это было тем более трудно, что он не желал или *не мог* пойти в театр, из-за опасений по поводу того, какой эффект произвело бы его появление там. Я вспомнила, как в Испании мне приходилось слышать, что он страстно любит музыку и каждый вечер

исполняет партию в квартете, в котором он играет — или думает, что играет — на альте. Тогда мы решили организовать небольшой инструментальный концерт. Это дело поручили префекту господину Фоше, который, скажем попутно, пребывал в очень дурном расположении духа, поскольку его жена не была назначена в свиту королевы. С этим я ничего поделать не могла. Мне самой эта милость была совсем некстати.

Когда я уже вернулась домой, мне припомнилось, что в Мадриде говорили, будто, когда король музицирует, рядом с ним всегда находится музыкант, привычный исполнять его партию. На самом деле этот заместитель исполнял нужный пассаж, создавая королю иллюзию, будто это он сам играет. Я положила себе прибегнуть к той же уловке, только не разглашая ее, из уважения к Его королевскому Величеству, которому и так уже пришлось много претерпеть.

Назавтра в 11 часов я была во дворце, и господин Дюмануар попросил разрешения войти к королеве, чтобы меня представить. Прежде чем открыть дверь, он обернулся ко мне со словами: «Только не смейтесь!» От этого мне тут же захотелось смеяться, и, право, было над чем, потому что я увидела картину самую удивительную и неожиданную.

Королева Испании стояла посреди комнаты перед большим наклонным зеркалом. Ей затягивали шнуровку. Из всей одежды на ней была только очень узкая и короткая перкалевая юбка да газовая косынка на груди, самой иссохшей, тощей и черной, какую можно увидеть. На седых волосах располагалась в качестве головного убора гирлянда из красных и желтых роз. Королева двинулась ко мне, совершая телом такие движения, какие делают, желая выбраться из корсета; при этом горничная продолжала ее шнуровать. Рядом с королевой находился король в сопровождении нескольких других мужчин, мне незнакомых. Королева спросила у господина Дюмануара: «А это кто такая?» Он ей сказал. «Как ее имя?» — произнесла она. Он повторил, и тогда королева сказала королю несколько слов по-испански, на которые он ответил, что я весьма благородна или мое имя весьма благородно. Затем она завершила свой туалет, рассказывая при этом, что императрица отдала ей несколько своих платьев, потому что она ничего не привезла из Мадрида. Эта степень падения произвела на меня тягостное впечатление. Действительно, на государыню надели платье из желтого крепа с подкладкой из атласа того же оттенка, в котором я узнала платье, бывшее на императрице. Тут всякое желание смеяться меня оставило; я была скорее готова заплакать.

После того как королева была одета, она меня отпустила. Я пошла в гостиную, где нашла Элизу и госпожу де Пиис, и мы вместе стали ждать прибытия представителей местных властей, которых я должна была представлять Ее Величеству. В этот момент через гостиную прошел толстый мужчина с черным пластырем на лбу. Я узнала в нем знаменитого Кня-

зя мира. Он грубо прошел мимо нас, не поприветствовав, и мы согласились между собой, что ни лицо его, ни осанка не давали оснований для той благосклонности, которую ему приписывала скандальная хроника.

Гостинные тогда уже наполнились людьми, и королеву известили о начале приема. Я называла ей одного за другим глав корпораций и начальников административных органов начиная с архиепископа, единственного, с кем она заговорила. Господин Дюмануар делал то же самое для короля, который показал себя гораздо любезнее. Когда обход был завершен, мы вернулись в малую гостиную, где королева стала говорить со мной очень громко, прежде всего выразив мне свое беспокойство по поводу отсутствия известий о прибытии Тудо, любовницы Князя мира, а затем сказала, что «она знает, что ее двое сыновей в плену, что это ее вполне устраивает, что с ними никогда не случится столько плохого, сколько они заслуживают, что оба они чудовища и причины всех ее несчастий»¹⁷². Все это она выкрикивала очень громким голосом, причем бедняга король не пытался заставить ее замолчать. Меня это приводило в трепет. Наконец она отпустила нас со словами: «До вечера».

Устояв перед уговорами моих сослуживцев по импровизированному двору, которые приглашали меня с ними обедать, я ушла домой и там пересказала мужу речи этой злой матери.

Вечером был малый прием и представление королеве многих незнакомых мне женщин. Госпожа де Пиис называла мне их имена, а я их повторяла королеве. Затем мы вернулись в малую гостиную, где была устроена музыка; сзывая музыкантов, король изо всех сил закричал: «Мануэлито!» Это было имя Князя мира. Королю подали его скрипку; он сам ее настроил, после чего начался квартет, и задуманный мною подставной музыкант играл партию короля, в которой бедный государь все время путался. Затем разнесли мороженое и шоколад, и мы отправились спать.

Назавтра с утра был визит, длившийся четверть часа, а вечером та же музыка. На следующий день, к своей большой радости, я узнала о предстоящем отъезде членов испанской королевской семьи. Префект и архиепископ явились с ними проститься. Затем мы сели в экипаж, чтобы доехать до переправы через реку, поскольку моста тогда еще не было. Там мы нашли уже готовую бригантину, и после переправы я простилась с этими несчастными государями. Бедный король ничуть, как казалось, не понимал своего печального положения. В его поведении совершенно не было достоинства и серьезности. Во время переправы через реку он все время беседовал с моим слугой, находившимся на палубе. Этот добрый немец ни за что не соглашался поверить, что то был король. Он мне потом говорил: «Но, мадам, значит, он ни о чем не печалится!»

Вот вся история моей короткой службы при дворе Карла IV и при особе его ужасной жены-королевы.

Глава XII

I. Начало новой жизни. — Записка госпоже де Морвиль. — Обоснованность выбора господина де Ла Тур дю Пена в качестве префекта для Брюсселя. — Первые префекты в этом городе: господин де Понтекулан и господин де Шабан. — Упоминание в поэме «Жалость». — II. Отъезд из Буя. Визит в Юссе. — Мадемуазель Фанни Диллон и князь Пиньятели. — Планы брака Фанни Диллон и генерала Бертрана сталкиваются с трудностями. — Визит к Императрице Жозефине с деликатным поручением. — Огорчение и смерть госпожи де Фиц-Джеймс. — III. Жены должностных лиц в Брюсселе. — Госпожа де Шамбарльяк и госпожа Бетц. — Вдовствующая герцогиня Аренберг. Ее ужины. Прием, оказанный ею господину и госпоже де Ла Тур дю Пен. — Изучение брюссельского общества. — Организация дома. — Граф де Лидекерке. — IV. Наполеон наконец добивается согласия мадемуазель Фанни Диллон на брак с генералом Бертраном. — Восемь дней на то, чтобы пожениться. — Своевременное вмешательство госпожи де Ла Тур дю Пен. — Встреча с генералом Бертраном. — Все детали свадебной церемонии установлены Императором. — V. Госпожа де Ла Тур дю Пен принята Императором в Сен-Клу. — Подписание брачного договора. — Бертраны из Шатору. — Венчание в Сен-Лё. — Изумрудный гарнитур королевы Гортензии.

I

Вот и начинается новая жизнь! Я покидаю свой огород, кур, цветы, отвечающие моим вкусам размеренные мирные занятия, чтобы отправиться вести совершенно иной образ жизни. Но Провидение наделило меня желанием всегда стараться наилучшим образом все устроить во всех ситуациях, в какие я попадала. Итак, как я уже сказала, было 9 часов вечера, когда я получила с посыльным записку от господина де Ла Тур дю Пена, извещавшую меня о его назначении префектом в Брюссель. Поскольку раздумья полностью меня захватили, мне скоро стала в тягость бестолковая болтовня нашей кузины госпожи Жозеф де Ла Тур дю Пен. Я ей предложила разойтись спать. Но сначала я, однако, написала госпоже де Морвиль, что новое назначение моего мужа ничего не меняет в наших с ней отношениях и что я надеюсь, что она поедет с нами в Брюссель. Она в это время была у друзей в двух лье от Буя. Я отдала приказание, чтобы ей доставили мою записку с рассветом, чтобы у нее не было времени задаться печальным вопросом: «А что же будет со мной?» Я могла оставить ее в замке Буй, где ее содержание не вводило бы нас в расходы. Но почему бы не предоставить ей возможность разделить нашу счастливую судь-

бу, когда она делила с нами несчастья? Кроме того, благодаря ее нежной к нам привязанности она должна была быть нам очень полезна. Она была совершенно необразованна, невеликого ума, но очень наблюдательна, а также очень хорошо разбиралась в характерах людей. Преданность ее моему мужу была безгранична, и она всегда стремилась служить его интересам. К моим детям она относилась, как к своим. Благодарение Богу, я никогда не брала им гувернантки, но я знала, что могу их оставить в полной безопасности с госпожой де Морвиль, когда меня на короткое время разлучали с ними светские обязанности, которые я старалась сделать как можно более редкими. За эти несколько часов, проведенных в одиночестве у себя в комнате, я успела передумать больше, чем в обычное время за полгода. Когда в жизни происходят какие-то события, то, о чем не успеваешь подумать за первые двадцать четыре часа, — это уже вещи бесполезные и переливание из пустого в порожнее. Когда на следующий день к завтраку приехал мой муж, он нашел меня уже совершенно готовой говорить с ним о переменах в нашей жизни и о тех приготовлениях и планах, которые, по моему мнению, были нужны в этой связи.

Шарлотте было тогда одиннадцать с половиной лет. Она была очень развита для своего возраста, и ее одолевала жажда все знать и всему научиться. Она принялась листать все географические книги про Бельгию, рассматривать карты этой страны, и, когда ее отец, хорошо ее знавший, по приезде стал задавать ей вопросы о департаменте Диль, она уже знала все его статистические данные. Что до маленькой Сесиль, которая в свои восемь лет уже была хорошей музыкантшей и знала итальянский язык, то ее первый вопрос был о том, будет ли у нее в Брюсселе учитель пения.

Мой муж сразу же сделал необходимые распоряжения в замке Буй и, к несчастью, доверился человеку, за которого, как он считал, мог ручаться, как за самого себя. Все заботы о доме и упаковке вещей были оставлены мне.

Господин де Ла Тур дю Пен получил приказ прибыть в Париж незамедлительно, поскольку его предшественник господин де Шабан уже уехал из Брюсселя, отправившись организовывать департаменты в Тоскане, только что присоединенной к Империи¹⁷³. Наш друг Брукан, который был еще более моего мужа рад его удаче, приехал за ним через несколько дней, и они вместе поехали в Париж.

Новость об этом назначении захватила врасплох всех, кто уже давно искал милости, но не получал. Никто не хотел поверить, что за господином де Ла Тур дю Пеном пришли, как за Цинциннатом, оторвать его от плуга, чтобы поручить ему самую прекрасную префектуру во Франции.

Выбор этот был, однако, самым лучшим, какой могла подсказать необыкновенная прозорливость Наполеона, и вот почему: Брюссель представлял из себя завоеванную столицу, и пока еще не было приложено

никаких усилий, чтобы привязать ее к новому отечеству. Этим благородным городом, привыкшим к придворной жизни, до сих пор управляли лишь средствами темными и презренными.

Тамошний первый префект господин де Понтекулан был, несомненно, человек благородного происхождения и аристократического поведения. Бывший офицер полка французской гвардии, он провел молодость в Версале и Париже и, возможно, преуспел бы в Брюсселе, если бы не его жена, о которой я уже говорила. Считалось, что она спасла ему жизнь во время Террора. Раньше она была любовницей Мирабо, который печатал свои книги у ее мужа Леже. Говорят, она прежде была красива, но теперь от этого не оставалось и следа. Потом, когда она уже была госпожой де Понтекулан, ее видали в салоне у Барраса, что не могло служить хорошей рекомендацией. Когда муж привез ее в Брюссель, ее прошлое было мало привлекательным для аристократического высшего общества, прежде составлявшего двор эрцгерцогини.

Господин де Понтекулан, окруженный французскими интриганами, набросившимися на Бельгию, как на добычу¹⁷⁴, совершенно не заботился о делах управления. Император отозвал его, назначив в Сенат, и прислал ему на смену господина де Шабана. Тот, человек честный, просвещенный, твердый и прекрасный администратор, исправил многие злоупотребления, наказал растраты и снял с должности виновных. Все его действия были справедливы и разумны. Достаточно было бы идти по проложенным им путям, чтобы хорошо управлять этим краем. Но он ничего не сделал для преодоления того морального отстранения, которое высшие классы сохраняли в отношении французского господства. Эта задача выпала нам — моему мужу и, смею сказать, также и мне, поскольку источником всякого влияния такого рода служит салон.

Господин де Шабан, надо сказать, был женат, но его жена, болезненная, никому не известная, взятая, по слухам, из низших классов общества, не устраивала приемов, и потому ее никто никогда не видел.

В Брюсселе мне предшествовала своего рода романтическая репутация. Ею я была обязана своим приключениям в Америке, упомянутым в примечании к поэме Делиля «О Жалости». Придворная дама Марии-Антуанетты, сестры столь любимой всеми в Бельгии эрцгерцогини, в дальних краях жившая посреди леса и доившая коров, представляла собой нечто пикантное и возбуждавшее любопытство.

II

Сделав все распоряжения в Бую и отправив подводами все то, что, как я считала, пригодится нам в Брюсселе, чтобы сократить огромные расходы на обустройство приличного дома, я выехала на почтовых лошадях

с госпожой де Морвиль, дочерьми и маленьким Эймаром. Господин Мейер из Бордо предоставил мне экипаж, который я потом для него продала в Брюсселе. На два или три дня мы останавливались в Юссе, чтобы повидаться с мадам де Дюрас, к большой радости и ее дочерей, и моих. Я тогда полюбовалась этим прекрасным поместьем, которое моя милая Фелиси теперь еще более украсила и которое я больше никогда уже не увижу. Потом я приехала в Париж и на три или четыре недели остановилась у тетушки — та жила тогда вместе с господином де Лалли в своем красивом доме на улице Миромениль, который она потом продала.

Госпожа Диллон уже давно вернулась из Англии. Я отправилась ее повидать, поскольку она очень хорошо принимала господина де Ла Тур дю Пена, когда он за год до того проезжал через Париж с Юмбером. Моя сестра Фанни выросла. Ей тогда было двадцать три года, и она, хотя и не была красива, имела вид очень достойный. К ней уже не раз сватались, но из всех претендентов на ее руку уже не было в живых того, кого она предпочитала и за кого вышла бы замуж, — князя Альфонса Пиньятелли. Грудная болезнь унесла этого милого молодого человека. Он выражал желание перед смертью жениться на Фанни, чтобы иметь возможность оставить ей свое состояние. Несмотря на его настойчивые уговоры, она от этого отказалась. Дни несчастного были сочтены, и она полагала, что с ее стороны будет неделикатно по отношению к семье господина Пиньятелли вступить с ним в союз в его последние минуты, хотя она очень его любила и была бы счастлива, даже потеряв его, носить его имя. Меня это очень огорчило, потому что я предпочла бы, чтобы моя сестра звалась Пиньятелли, а не Бертран.

И уж поскольку это вульгарное имя сорвалось с моего пера, здесь надо рассказать о том, что произошло во время последней поездки моего мужа в Париж.

Император неоднократно говорил императрице и самой Фанни, как он желает ее брака с Бертраном, который давно был в нее влюблен. Моя сестра не желала соглашаться, и Император был этим недоволен. Узнав о предпочтении, которое она оказывает Альфонсу Пиньятелли, он прекратил свои уговоры, но после смерти князя снова начал ее осаждать. Господин де Ла Тур дю Пен оказался в Париже как раз тогда, когда госпожа Диллон обещала дать окончательный ответ, и она попросила его увидеться с Императрицей и сообщить ей о категорическом отказе моей сестры. Поручение было довольно деликатное, однако он за него взялся. Императрица приняла его у себя в спальне; там был глубокий альков, на дневное время задернутый плотной и очень широкой занавесью из толстой ткани — настоящей стеной из расшитого атласа, которую удерживала на месте тяжелая золотая бахрома. Она усадила его рядом с собой на канapé, придвинутое к занавеси. Поскольку они были тет-а-тет, господин

де Ла Тур дю Пен без околичностей передал Императрице то, что ему было поручено, с извинениями, что ему приходится сообщать решение, противное желаниям Императора. Императрица очень настаивала; в ходе разговора, который вышел довольно долгим, он высказывал весьма аристократические чувства, которые не вызвали у нее неудовольствия. Наконец, поговорив с ним о нем самом, обо мне, о наших детях, о его состоянии, о его планах, она его отпустила. Мой муж тут же пошел к госпоже Диллон дать отчет о состоявшемся разговоре. Тем же вечером он был у господина де Талейрана; тот взял его под руку, как имел привычку это делать, когда желал поговорить накоротке. «Что вам за забота, — сказал он, — отказывать генералу Бертрону в руке вашей свояченицы? Какое вам до этого дело?» — «Но так хотела Фанни, — отвечал господин де Ла Тур дю Пен, — и мой возраст позволяет мне быть ей вместо отца». — «К счастью, — продолжал хитрый лис, — в конце концов, вы не навредили своим делам с этим вашим аристократизмом. В Тюильри теперь это любят». — «Кто же вам рассказал об этом? — спросил мой муж. — Вы что, виделись с Императрицей?» — «Нет, — отвечал тот, — но я видел Императора, который слушал вас!» Возможно, именно этот разговор, подслушанный из-за занавеси, и сделал господина де Ла Тур дю Пена префектом в Брюсселе.

Бедную Бетси, госпожу де Фиц-Джеймс, я нашла в последней стадии чахотки, от которой она вскоре умерла. Ее изящное и хрупкое сложение не вынесло того потока горестей, который на нее излился. Ее муж содержал любовницу, и повсюду — в театре, на променаде — его видели с ней, но никогда не видели у бедной умирающей женщины. Ее мать госпожа Диллон приняла ее и поселила у себя. Там она оканчивала свою короткую и печальную жизнь, погибая от того, что англичане называют *a decline**. У нее не было никаких болей в груди, она не страдала, просто силы постепенно покидали ее. Увидев меня, она протянула мне свою маленькую исхудавшую ручку; я не могла скрыть своих чувств, поскольку по-настоящему любила ее, и она мне сказала: «Надо возблагодарить Бога, что он забирает меня с этого света, где мне больше не на что надеяться». По ее бледным щекам скатились две крупных слезы. Спустя две недели она угасла. Из четырех рожденных ею детей в живых осталось трое. Старший был мальчик, она его потеряла во время своей второй беременности. Потеря этого ребенка, которого смерть унесла за несколько часов, стала для нее таким сильным ударом, что дитя, которое она тогда носила, оказалось слабоумным. Это была девочка. Ее забрала госпожа Диллон и оставила при себе. Не знаю, что с ней случилось после смерти госпожи Диллон. Остальные двое детей, мальчики, — это нынешний герцог Фиц-Джеймс и его брат Шарль.

* Чахотка.

С Фанни очень милостиво обращались Императрица и Император. Незадолго до того была поездка в Фонтенбло; поскольку Император желал, чтобы она в ней участвовала, он послал ей 30 тысяч франков на туалеты.

III

Мне будет трудно в точности рассказать о моем пребывании в Брюсселе. Я была там принята с чрезвычайной доброжелательностью. Там очень любят светскую жизнь, и все были довольны, что у них наконец есть салон префекта, который держит дама, принадлежавшая прежде к аристократическому классу. Жены разных должностных лиц, поселившиеся в городе, не блистали манерами и полагали, совершенно напрасно, угодить правительству, не входя ни в какие расходы и хлопоты ради бельгийских дам. Две из них превосходили меня по должности своих мужей: жена генерала, который командовал дивизией, имевшей ставку в Брюсселе, и жена первого председателя имперского суда, который также помещался в Брюсселе.

Первая из них, госпожа де Шамбарльяк, савойская красавица, в девичестве звалась мадемуазель де Куси. С ее племянником господином де Куси мы потом были знакомы. Рассказывали, что она была монахиней или послушницей, и ее муж во время одной из итальянских кампаний похитил ее и женился на ней. Хотя ей было уже сорок, она была еще довольно красива. Привыкнув жить среди военных всякого рода, она усвоила дурной тон, к которому примешивались, однако, некоторые аристократические отблески. Понятно, что я не могла, да и не желала водиться с такой особой. Ее прошлое меня отталкивало. Я ее всегда представляла себе в гусарском мундире, который она, по рассказам, надевала, когда следовала за мужем во многих его кампаниях. Что до генерала де Шамбарльяка, то это был глупец, который с самого первого дня из ревности стал враждовать с моим мужем.

Вторая дама была жена первого председателя суда господина Бетца, ученого немца большого ума и способностей. Она принадлежала к самому низшему классу социальной лестницы. Довольно уродливая в свои тогдашние пятьдесят лет, она, однако, раньше могла быть и красива. Ее видели всегда разряженной, декольтированной и причесанной, как молодая особа. Я принимала ее у себя на больших вечерах, но не припомню, чтобы сама когда-либо бывала у нее в доме, хотя и не забывала изредка наносить ей визиты.

Сильнейшую ревность у этих двух дам вызывало то, что они не ужинали у *вдовы* — а эти ужины составляли большое отличие и проводили демаркационную линию между слоями брюссельского общества.

«*Вдовой*» называли вдовствующую герцогиню Аренберг, урожденную графиню де Ла Марк и последнюю из потомков *Арденнского Вепря*.

Она представляла собой, как говорил архиепископ Малинский¹⁷⁵ аббат Прадт, идеал *королевы-матери*. Она жила в доме, выделенном для вдов дома Аренберг, ведя образ жизни простой, но благородный. Каждый день она приглашала к ужину некоторое число гостей обоего пола, разного возраста. Обедала она всегда одна, выезжала в открытом экипаже при любой погоде и виделась в течение дня со своими детьми, главным образом со слепым сыном, которого нежно любила. Всякий раз, когда легкое недомогание, вызванное подагрой, не позволяло ему выходить из дома, она непременно приезжала к нему.

С 7 до 9 часов она принимала визиты. Если кто-то приходил после этого времени, швейцар спрашивал его, приглашен ли он к ужину. Если ответ был отрицательный, посетителя не пускали. Тут уже прибывали приглашенные, и таково было окружающее герцогиню почтение, что никто в Брюсселе не позволил бы себе приехать в полдесятого. В 10 часов, даже если кто-то заставил бы себя ждать до этого момента, она звонила в колокольчик и без всякого нетерпения говорила: «Теперь можно подавать».

После ужина играли в лото до полуночи. Когда на вечере присутствовал ее сын, он садился сыграть партию в вист или, предпочтительно, партию в триктрак с господином де Ла Тур дю Пенон, если тот тоже там был. Там собиралось не больше пятнадцати — восемнадцати человек, избранных из числа самых уважаемых горожан или знатных иностранцев. Но иностранцы бывали редко, поскольку Франция воевала со всей Европой и туда нельзя было приезжать, как это стало возможно потом.

До Революции я часто встречала герцогиню Аренберг в Париже, в доме де Бово, где ко мне относились с большой добротой. Кроме того, я знала, что еще раньше меня в Брюссель прибыли адресованные герцогине письма от госпожи де Пуа и супруги маршала Бово. Так что уже на следующий день после моего приезда я в сопровождении мужа отправилась навестить эту почтенную особу. Мы были приняты с исключительной доброжелательностью и приглашены к ужину в тот же день. Герцогиня пожелала, чтобы я ей представила своего сына Юмбера, приехавшего в Брюссель нас встретить. Это был сигнал того, с каким уважением с нами следует обращаться. Весь город пожелал у нас отметить, посетители являлись лично. Ответные визиты я делала с особым тщанием и никого не забыла. Я завела систематические списки всех особ, которые ко мне приезжали. Рядом с именем я записывала кратко сведения, которые мне удалось собрать о каждой семье из разговоров или из книг о дворянских родах, которые я доставала в библиотеке Бургундии¹⁷⁶ — она была и остается очень богатой такого рода трудами. В помощь для этой работы у меня были в отношении настоящего времени генеральный секретарь префектуры господин де Версейден де Варек, а в отношении прошлого старый командор Мальтийского ордена Нейпорт, который приезжал ко мне каждый вечер. Слу-

стя месяц я была знакома с брюссельским обществом так, словно провела там всю мою жизнь. Я знала обо всякого рода связях, распрях, мелких дрязгах и прочем. Это была настоящая работа, и я ею занималась с тем рвением, с которым всегда относилась к необходимым делам.

Наш дом стоил нам больших денег. Кажется, мой муж получил некоторую сумму на обустройство, но я в этом не уверена. Штат служащих включал двух слуг в ливреях и одного мальчика-посыльного, также в ливрее, одного привратника, одного камердинера-метрдетеля, одного кабинетного служителя, который также прислуживал в дни приемов, и двух человек на конюшне. Мы жили во дворце, в котором после жил король Голландии. Мои личные комнаты, красивые и удобные, располагались на одном уровне с теми, где проходили большие приемы. Там были, в частности, хорошенькая гостиная и биллиардная. Я с самого начала объявила, что ни под каким предлогом не буду принимать по утрам. Утренние часы я посвящала воспитанию моих дочерей; я присутствовала на их уроках или же управлялась с ними на прогулку пешком или в экипаже.

Вскоре мы близко познакомились со многими особами; в их числе были господин де Тразеньи с женой, принц Август Аренберг, командор Нейпорт и другие. Мой муж с радостью возобновил знакомство с графом де Лидекерке, который до Революции был его товарищем по оружию в полку Руаяль-Комтуа, где господин де Ла Тур дю Пен был заместителем полкового командира. Граф де Лидекерке женился на мадемуазель Дезандруэн, которой по наследству должно было достаться огромное состояние; изрядная часть его уже ей принадлежала. У них был только один сын и две дочери. Молодому человеку было тогда двадцать два года; он служил аудитором Государственного Совета. Поскольку шли разговоры о том, чтобы придать каждому префекту по аудитору, дабы эти молодые люди обучались делам администрации, и использовать их как секретарей личного кабинета префекта, господин де Лидекерке просил господина де Ла Тур дю Пена, своего бывшего командира, подать запрос, чтобы его сына назначили к нему.

Наш сын Юмбер покинул Антверпен, где господин Малуэ был ему вторым отцом, и вернулся в Брюссель, чтобы заниматься и готовиться к экзамену в Государственный Совет, который должен был состояться через несколько месяцев.

IV

В сентябре 1808 года я получила письмо от моей мачехи госпожи Диллон. Она сообщала мне, что моя сестра в конце концов, после долгих колебаний, решилась выйти замуж за генерала Бертрана, будучи побежденной, с одной стороны, его постоянством, а с другой — возобновившимися

уговорами Императора, которому никто не мог ни в чем отказать, столько грации и обольщения он прилагал, чтобы получить желаемое. Моя сестра отличалась тогда чрезвычайным легкомыслием — легкомыслием креолки, подобно своей матери. Наполеон пожелал, чтобы она сопровождала императрицу Жозефину в поездке в Фонтенбло. Чтобы там она могла показать себя наилучшим образом, он отправил ей, как я уже говорила ранее, 30 000 франков на туалеты для этой поездки, продолжавшейся восемь дней. Во время поездки от нее и было получено наконец согласие на планируемое замужество, которое она до тех пор так упрямо отвергала.

Он решил, что свадьба состоится немедленно, хотя моя сестра и ссылалась на то, что ее мать только что потеряла дочь, бедную мадам де Фиц-Джеймс. Император, столкнувшись с такими проволочками и рассудив, что эти две женщины, будучи предоставлены сами себе, никогда не выберутся из своего затруднительного положения, сказал Фанни: «Вызовите свою сестру, она все устроит. Я через восемь дней уезжаю в Эрфурт¹⁷⁷. Надо, чтобы вы к тому времени были замужем».

Я узнала об этом из письма герцога Бассано, поскольку ни госпожа Диллон, ни Фанни не сообразили мне написать. Хотя письмо было очень любезное, оно настолько походило на приказ, что мне и в голову не пришло отказать. Через два часа после получения письма я уже выезжала в Париж. На рассвете я приехала к госпоже д'Энен; она проснулась и была совершенно ошеломлена, увидев меня у своей постели. Она по-прежнему держала для нас комнату в своем красивом доме на улице Миромений, где жила тогда. Я задержалась у тетушки лишь на самое короткое время, чтобы сменить платье и послать за наемным экипажем; выпив чашку чаю, я велела везти себя к госпоже Диллон на улицу Жубер. Там я узнала, что она уже несколько дней как находится в загородном доме у госпожи де Буань, неподалеку от Сен-Клу. Никаких распоряжений на мой счет она не оставила. Тогда я спросила название этого дома и дорогу к нему и тут же отправилась туда, предварительно написав короткую записку герцогу Бассано, чтобы уведомить его о моем приезде.

После полутора часов пути я приехала в Борегар, дом госпожи де Буань, расположенный выше Мальмезона. Било половину двенадцатого, когда я туда добралась, а госпожа Диллон была еще в постели. Фанни воскликнула: «Ах! Мы спасены, моя сестра здесь!» Ее мать, напротив, была охвачена страхом при мысли о том, как моя деятельность заставит ее пошевелиться. Она ни о чем не подумала заранее. Я начала с того, что посоветовала ей встать с постели, одеться, позавтракать и возвращаться в Париж вместе со мной и моей сестрой. В этот момент приехал генерал Бертран. До тех пор я с ним никогда не встречалась; он, возможно, знал, что госпожа Диллон поручала моему мужу дать отказ на его предложение о браке два года назад. Он чувствовал себя очень неуютно, будучи по на-

туре чрезвычайно застенчив. Чтобы он перестал стесняться, я предложила ему выйти прогуляться по парку, пока госпожа Диллон будет одеваться. Во время этой прогулки, которая продолжалась больше часа, мы с ним так легко и хорошо поладили, что к возвращению уже обо всем договорились и все устроили.

В гостиной мы нашли госпожу де Буань, с которой я не виделась со времен ее детства, и ее мать мадам д'Омон, сестру Эдуарда Диллона и всех прочих Диллонов из Бордо. Эти дамы, и та и другая, терпеть меня не могли. Однако же, когда было объявлено, что завтрак подан, им пришлось предложить мне позавтракать. Меня это тем более устраивало, что я так ничего еще и не ела, кроме чашки чаю, выпитой в 7 часов утра у госпожи д'Энен. Бедный генерал был счастлив, что наконец нашелся кто-то, кто прекратит проволоочки его будущей тещи; он с радостью наблюдал, как мы садимся в экипаж, чтобы ехать в Париж, и обещал навестить нас вечером.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, скажу, что назавтра утром все было готово, подписание брачного договора решено и назначено на вечер следующего дня. В мэрии вывесили объявление. По особому приказу было созвано чрезвычайное заседание суда. Главного судью Ренье разбудили в 5 часов утра, чтобы он издал не знаю уж какой акт, который должен был послужить заменой выписки о крещении моей сестры, поскольку госпожа Диллон потеряла ту выписку, которая у нее была, или, может быть, вообще никогда ее не имела. Курьер, даже самый расторопный, не успел бы съездить в Авен во Фландрии, где моя сестра родилась, и вернуться до дня, на который Наполеон назначил свадьбу. Он, кроме того, постановил, чтобы церемония состоялась в Сен-Лё, у королевы Гортензии. Поскольку он объявил, что, возможно, будет сам присутствовать на бракосочетании, вышеупомянутая королева была очень внимательна к тому, чтобы в точности исполнить все приказания, данные Императором в отношении этого торжества. Вот так в тот момент, когда вокруг него должны были вот-вот собраться все властители, бывшие у его ног, великий человек нашел время распорядиться о мельчайших деталях свадьбы своего любимого адъютанта.

V

Я была представлена Императору в Сен-Клу; меня представляла госпожа де Бассано. К 8 часам утра мне надо было быть у нее, в придворном платье и шляпке с перьями. Император принял меня самым милостивым образом, расспрашивал о Брюсселе, о тамошнем обществе, о *высшем обществе*, с улыбкой, которая словно желала сказать: «Вам только такое и нравится». Потом он посмеялся, что заставил меня так рано встать, и немного

насмешничал по этому поводу над госпожой де Бассано; она выслушивала эти насмешки с несколько обиженным видом, который был ей замечательно к лицу. Император тогда очень был ею увлечен, как она мне потом рассказывала.

Я предвижу, сын мой, что вы улыбнетесь, читая, как я устраивала все в гостиной для подписания договора и хотела поставить на стол письменный прибор с бумагой и перьями, но во всей квартире моей мачехи и ее дочери ничего подобного не нашла. Хорошо, что я об этом подумала заранее. К счастью, совсем рядом жил д'Экспильи, тогдашний известный писчебумажный торговец. Я отправила своего слугу принести все, чего требовали обстоятельства, и моя мачеха была приятно удивлена моим присутствием духа.

Сильные мира сего приехали вместе с женихом. Были зачитаны статьи договора, которых я уже не помню. Я думаю, что они были благоприятны для моей сестры. Фанни, выглядевшая в тот день очень выигрышно, держалась превосходно. Среди присутствующих было трое или четверо Бертранов, приехавших из Шатору. Услышав имя одного из них, мы с господином де Талейраном обменялись улыбками. Он был лесным инспектором и прозывался *Бертран де Буаларж**. Его жена, очень молодая и чрезвычайно хорошенькая, никогда не выезжала из *своих мест* и оттого робела так, что ее делалось жалко. Я очень ее опекала в Сен-Лё, куда мы на следующий день отправились ночевать.

Вечер накануне бракосочетания прошел довольно бесцветно. Была устроена музыка. Завтрак на следующий день был не более занимателен. Бракосочетание должно было состояться в половине четвертого. Прибыло все начальство: маршалы, генералы и пр. Кортёж пешком отправился в часовню. Венчание совершал епископ Нанси аббат д'Омон, который позже стал архиепископом Флоренции. Затем был подан обед, а после обеда были танцы. Из Парижа приехало много молодежи. Королева Гортензия, которая любила танцы и превосходно танцевала, была, однако же, в дурном настроении из-за довольно забавного происшествия. Император сам не появился, но дал знать королеве Гортензии, что он осмотрел гарнитур с изумрудами в окружении бриллиантов, который Фанни подарила Императрица, и нашел его недостаточным. Поскольку он знал, что у нее есть похожий, он просил ее добавить его к подаренному ее матерью. Она не ожидала ничего подобного, и ей это очень не понравилось. Но пришлось подчиниться.

* Буквально «Бертран из Широкого Леса».

Глава XIII

I. Зимний сезон в Брюсселе. — Королева Гортензия недовольна. — Семейства де Сольр и дю Крой. — Прибытие Марии-Луизы в Компьень. — Нетерпение новобрачных. — Любезное разрешение архиепископа Вены. — II. Высшее общество Брюсселя переходит на сторону правительства Империи. — Почетный караул. — Наполеон и Мария-Луиза в Брюсселе. — Представление и партия в вист. — Обед с Императором. — Его подшучивание над королем Жеромом. — Бал в ратуше. — Отъезд Императора. — Потомок коннетабля времен Людовика Святого. — III. Лето в Брюсселе. — Посещение верфей в Антверпене. — Экзамен Юмбера в Государственном Совете. — Господин де Ла Тур дю Пен переносит болезненную операцию. — Господин Дюпюитрен и мадемуазель Буае. — IV. Нападение англичан на Флиссинген и Антверпен. — План военной кампании, предложенный архиепископом Малинским. — Импровизированный госпиталь в Камбре. — Интриги против господина де Ла Тур дю Пена. — Раздражение Императора стихает благодаря подпоручику Луазо. — Казимир де Монтрон в заключении в замке Ам. — V. Юмбер едет супрефектом во Флоренцию. — Генералу Бертрану дан отпуск. — 300 фунтов стерлингов господина де Лалли. — Господин де Шатобриан и трио его обожательниц. — Его первая книга. — Мемуары госпожи де Ларошжаклен с пометками Императора. — «Адвокат Патлен» в Тюильри. — VI. Первые признаки начала родов у Марии-Луизы. — Придворным, странным образом, разрешено удалиться. — Рождение Римского короля. — Виктор Самбюи спешит за своими 10 000 франков ренты. — Малое крещение. — Старые ворчуны. — Ребенок не выглядит родившимся утром того же дня.

I

Я вернулась в Брюссель после нескольких очень скучных торжественных свадебных обедов; в частности, обедали у четверых свидетелей: де Талейрана, де Бассано, Лебрена и четвертого, имя которого я забыла. Я с радостью уехала обратно к мужу и детям. Осень и зима прошли в Брюсселе очень приятно. Я дала два или три хороших бала. Госпожа де Дюрас приезжала к нам на две недели со своими дочерьми. Я их возила на танцевальные вечера и в театр, где у префектуры была превосходная ложа. Они очень хорошо провели время.

Королева Гортензия проезжала через Брюссель во время своей последней поездки к мужу в Амстердам на несколько дней. Я видела ее, когда она была в городе. Она демонстрировала беспримерное недовольство необходимостью ехать исполнять свои королевские обязанности¹⁷⁸.

Я уже не помню, в том ли самом году она получила в Ахене известие о благополучном разрешении от бремени своей невестки, имевшем место

в Милане в 9 часов утра. В полдень об этом узнали в Париже, в половине второго в Брюсселе, и в 8 часов вечера конным почтовым курьером известие было доставлено в Ахен. Телеграф, пар и железные дороги изменили мир!

Кажется, примерно в то же время единственная дочь принца де Сольра вышла замуж за Фернана де Кроя, своего кузена. Фернан де Крой был второй сын герцога де Кроя, старшего брата принца де Сольра. Свадьба была устроена в замке Рельх с большой пышностью и совершенно аристократической роскошью. Этот прекрасный замок находится в окрестностях Монса, вне пределов департамента Диль. Господин де Сольр, которого я знала в своем детстве еще совсем юным, как и его братьев, часто приезжал в Брюссель. Никто из членов их семьи не пошел на сближение с имперским режимом. Герцог де Крой, отец новобрачного, жил в Вестфалии, в небольшом княжестве Дюльмен, правителем которого он был. Герцог д'Авре, отец принцессы де Сольр и дядя принца, находился в Англии вместе с Людовиком XVIII. Вся эта семья вызывала недовольство Императора. Он желал или полагал устрашить их преследованиями. Свадьба, которая праздновалась в Рельхе, дала для этого повод. Господин де Сольр со всей родней был сослан в Рельх. Это было почти смешно, потому что никто из них не имел намерения оттуда отлучаться. Герцог де Монморанси избежал ссылки, отправив своего сына на службу и согласившись на то, чтобы его жена стала придворной дамой новой императрицы. Господина де Верака сделали камергером. Господина де Карамана отправили в ссылку в Пьемонт, где он некоторое время оставался в заключении в Иврее.

Не претендуя на роль историографа, я ничего не стану писать о бракосочетании императора Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой. Сообщу только то, что рассказала мне моя сестра о прибытии принцессы в Компьень. Она сама была тому свидетельницей, а кроме того, от своего мужа Бертрана могла узнать некоторые обстоятельства, неизвестные другим.

Итак, Император находился в Компьене с новыми придворными дамами Императрицы и с беспредельным нетерпением ожидал встречи со своей новой супругой. Во дворе замка его ждала уже заложённая коляска, чтобы везти к ней навстречу. Когда прискакал передовой гонец, Наполеон тут же поспешил сесть в коляску и выехал навстречу берлине, в которой находилась эта столь желанная супруга. Экипажи остановились. Дверцу берлины открыли, и Мария-Луиза готовилась выйти из нее, но ее супруг не дал ей времени это сделать. Он забрался в берлину, поцеловал свою жену, бесцеремонно отправил свою сестру, королеву Неаполитанскую, на переднее сиденье экипажа и уселся рядом с Марией-Луизой. По прибытии в замок он вышел первым, подал ей руку и провел ее в гостиную, где заранее собрались все приглашенные особы. Время было уже позднее. Император представил одну за другой всех придворных дам, затем мужчин. По окончании этого представления он взял Императрицу за руку

и отвел ее в ее комнаты. Все присутствующие полагали, что государыня занимается своим туалетом. Прождали час, и все уже проголодались и начинали думать об ужине, когда главный камергер объявил, что Их Величества *удалились на покой*. Бертран сказал на ухо своей жене: «Они легли в постель». Все были очень удивлены, но никто не показал виду, и все пошли ужинать.

На следующий день моя сестра узнала от своего мужа, что Мария-Луиза представила Императору некое разрешение или декларацию, подписанную архиепископом Венским, о том, что *«бракосочетание по доверенности достаточно для того, чтобы можно было приступить к исполнению супружеского долга без дальнейших церемоний»*.

Поскольку мой зять был человек самый правдивый, я ни на мгновение не сомневаюсь в подлинности этой истории.

II

В Брюсселе этот брак с эрцгерцогиней отмечался большими празднествами. Воспоминания о времени австрийского владычества далеко еще не изгладились. Брюссельское благородное сословие, до тех пор мало сближавшееся с новой властью, а теперь привлеченное достойным обхождением префекта из аристократического класса, сочло этот момент благоприятным, чтобы отбросить свою прежнюю неприязнь, которая делалась уже обременительна.

Узнав, что Император собирается привезти молодую императрицу в столицу прежних бельгийских владений ее отца, господин де Ла Тур дю Пен сформировал почетный караул для замка Лакен. Караул этот состоял исключительно из бельгийцев, ни одного французского служащего там не было. Командование им принял на себя маркиз де Тразеньи; в заместители ему был назначен маркиз д'Аше. Молодые люди, намеревавшиеся делать карьеру в гражданской администрации или в армии, воспользовались этим случаем, чтобы показать себя. Среди них были и молодой де Лидекерке, и наш бедный сын Юмбер. Форма у них была совсем простая: зеленый мундир и малиновые панталоны. Они были верхом на очень хороших лошадях. Моя сестра приехала в Брюссель и жила в здании префектуры. Она присутствовала на торжественном обеде, который мы давали в честь почетного караула и на который дамы пришли с ленточками цветов его формы.

Нет ничего утомительнее описания праздников, так что я обойду стороной подробности иллюминации, транспарантов и прочего, тем более что и мне самой стоило бы большого труда их припомнить.

Император прибыл обедать в замке Лакен. На следующее утро он принимал почетный караул и представителей всех органов власти. Мэр,

герцог д'Юрсель, представил ему муниципалитет. Вечером был малый прием, и я представляла дам, с которыми почти со всеми была знакома. Мария-Луиза ни одной из них не сказала ни слова личного. Самые славные имена — к примеру, герцогиня Аренберг или графиня де Мерод, урожденная принцесса Бергская — говорили ее слуху не больше, чем имя госпожи П., жены генерального сборщика налогов.

После малого приема мне была оказана честь играть в карты с Ее Величеством. Кажется, мы играли в вист. Герцог д'Юрсель называл мне, какие карты следовало сбросить, и предупреждал, когда была моя очередь сдавать. Эта комедия продолжалась около получаса. Моим партнером был, как мне кажется, граф де Мерод, а партнером Императрицы — господин де Тразеньи. После этого Император удалился к себе в кабинет, все разошлись, и я была рада вернуться к себе.

На следующий день должен был состояться большой бал в ратуше. Поэтому я немного огорчилась, когда меня пригласили обедать в замке Лакен, — я не представляла себе, как мне найти время между обедом и балом сменить туалет или, по крайней мере, верхнее платье. Однако же удовольствие видеть и слышать Императора на протяжении двух часов было слишком велико, чтобы я не оценила по достоинству это приглашение. Меня сопровождал герцог д'Юрсель, и, поскольку он должен был потом оказаться в ратуше, чтобы встречать Императора, я распорядилась, чтобы моя горничная ждала там с готовым другим туалетом.

Этот обед был одним из тех событий моей жизни, о которых я сохранила самые приятные воспоминания. Собравшиеся, общим числом восемь, занимали места вот в таком порядке: Император, по правую руку от него королева Вестфалии, дальше маршал Бертье, король Вестфалии, императрица, герцог д'Юрсель, госпожа де Буйе и, наконец, я, слева от Императора. Он со мной разговаривал почти все время о фабриках, о кружевах, о размере поденной платы, о жизни кружевниц, потом о памятниках, о древностях, о богоугодных заведениях, об общинах бегинок, о народных нравах. К счастью, я была в курсе всего этого. «Сколько зарабатывает кружевница?» — спросил он у герцога д'Юрселя. Бедняга был в некотором замешательстве, пытаясь назвать цифру в *сантимах*. Император увидел его неуверенность и обратился ко мне: «Как называется здешняя монета?» — «*Эскален*, это шестьдесят три сантима», — ответила я. «А, ну хорошо», — сказал он.

За столом просидели не более трех четвертей часа. Вернувшись в гостиную, Император выпил большую чашку кофе и снова стал беседовать. Сначала речь шла о туалете Императрицы, который он находил хорошим. Затем, прервавшись, он спросил меня, довольна ли я своим жильем. «Я неплохо устроена, — отвечала я, — в квартире Вашего Величества». — «А, еще бы, — сказал он, — она ведь довольно дорого обошлась. Ее обустра-

ивал тот мошенник... (имя я не припомню), секретарь господина Понтекулана. Но половина потраченного пошла ему в карман, не в обиду будь сказано моему брату, — добавил он, повернувшись к королю Вестфалии, — который взял его к себе на службу, потому что он любит плутов». И он пожал плечами. Жером готовился ответить, когда заметил, что Император перешел уже в разговоре на другую тему. Он перескочил на герцога Бургундского и Людовика XI, а с них довольно резко свернул на Людовика XIV, заявив, что тот был по-настоящему велик лишь в последние свои годы. Видя, с каким интересом я его слушаю, а главное, что я его понимаю, он вернулся к Людовику XI и сказал так: «У меня на его счет есть свое мнение, и я знаю, что оно не такое, как у всех». После нескольких слов о постыдных деяниях царствования Людовика XV он произнес имя Людовика XVI и тут, с видом почтительным и печальным, сказал: *«Этот несчастный государь!»*

Потом он заговорил о чем-то другом, насмешничал над своим братом, что тот принимает у себя в Вестфалии «отбросы французского общества», и Бог знает, сколько еще дурных шуток Жерому пришлось бы услышать, если бы в этот момент кто-то не сказал, что пора ехать на бал.

Мы с господином д'Юрселем поспешили к экипажу, и его лошади га-лопом доставили нас в ратушу. Я поднималась по лестнице, перешагивая через ступеньки. Меня ждал приготовленный туалет, я его надела, и меня уже можно было полностью переодетой вернуть в бальную залу, когда прибыл Император.

Он сделал комплимент моей расторопности и спросил, собираюсь ли я танцевать. Я ответила, что нет, потому что мне сорок лет. На это он рассмеялся, сказав: «Многие другие танцуют и не раскрывают вот так своего возраста». Бал был прекрасен. Он продолжился после ужина, за которым пили здоровье Императрицы, думая о том, что у нее, возможно, были причины не танцевать.

На следующее утро Император и его молодая супруга уехали. Разукрашенная яхта доставила их до конца брюссельского канала, где стояли экипажи, чтобы везти их в Антверпен. При входе на яхту господин де Ла Тур дю Пен заметил маркиза де Тразеньи, командира почетного караула. Опасаясь, что Император не пригласит его занять место на яхте, где было очень тесно, он назвал его имя, добавив: «Его предок был коннетаблем у святого Людовика». Эти слова произвели на Императора магическое действие; он немедленно подозвал маркиза де Тразеньи и долго с ним говорил. Короткое время спустя его жена была назначена придворной дамой. Она делала вид, что рассержена этим назначением, хотя в глубине души была очень рада. Госпожа де Тразеньи была урожденная Мальдегем, а ее мать — урожденная д'Аржанто.

После этой поездки Императора мы вернулись к своему обычному образу жизни в Брюсселе. Лето прошло в посещениях различных загородных домов, куда нас приглашали обедать. Мы ездили в Антверпен присутствовать на спуске на воду большого семидесятичетырехпушечного корабля — одного из девяти, которые строились тогда на этой верфи. Наш добрый друг господин Малуэ, будучи морским префектом, руководил этими работами. Меня до крайности интересовали все подробности постройки этих кораблей, и моя дочь Шарлотта, отличавшаяся не по возрасту зрелым умом и проницательностью, приобрела там множество новых познаний и идей, которыми, увы, ей недолго пришлось наслаждаться.

Наш сын Юмбер поехал в Париж сдавать экзамен. Для двадцатилетнего молодого человека непростым делом было отвечать на целую череду вопросов, которые ему задавали. Но еще более волнующим был момент, когда Император, сидя в кресле, начинал спрашивать у стоящего перед ним кандидата совершенно неожиданные вещи. Юмбер услышал, как экзаменатор говорит Наполеону на ухо, указывая на него: «Это один из самых достойных», и эти добрые слова его приободрили. Император спросил его, знает ли он какой-нибудь иностранный язык, на что он ответил: «Итальянский и английский, как и французский». Та легкость, с которой он говорил по-итальянски, как раз и решила дело с его назначением супрефектом во Флоренцию. Чтобы увеличить число мест, куда можно было бы назначить аудиторов, их отправляли супрефектами в центры департаментов, где до тех пор эти обязанности исполняли префекты.

Хотя время, прошедшее с той поры, о которой я сейчас начну рассказ, несколько смешало мои воспоминания, мне представляется, что смехотворное предприятие англичан с высадкой во Флиссингене и Антверпене имело место летом 1809 года¹⁷⁹.

Господин де Ла Тур дю Пен тогда только что перенес болезненную операцию по удалению распухшего лимфатического узла пониже щиколотки. Уже несколько лет он испытывал сильную боль каждый раз, стоило ему задеть эту небольшую, не крупнее горошины, опухоль. За последние месяцы она немного еще выросла, что увеличивало опасность задеть ее чем-нибудь твердым. Скверный брюссельский хирург прописал разрезающую примочку на больное место, чтобы размягчить там кожу и тем облегчить удаление опухоли. К несчастью, мой муж последовал этому совету, и через несколько часов после наложения примочки у него начались ужасные боли, причем вся ступня сильно воспалилась. Меня это обеспокоило, и я отправила описание консультации, составленное моим превосходным врачом господином Бранднером, в Париж нашей тетушке. Она сама отнесла его к господину Буае, тот внимательно его прочитал и подпи-

сал внизу с прямолинейной откровенностью: «Если господина де Ла Тур дю Пена не прооперируют в течение четырех дней, то через восемь дней ему придется отрезать ногу».

Этот вердикт привел в ужас госпожу д'Энен, и она решила отправить в Брюссель господина Дюпюитрена, первого ученика господина Буае. Он приехал в 5 часов утра и сначала отправился в баню, а потом уже явился в префектуру. За мгновение до этого я получила письмо от тетушки, предупреждавшее меня о прибытии хирурга и передававшее слова господина Буае.

Господин Дюпюитрен вошел, осмотрел рану, и, когда мой муж спросил его, когда будет операция, ответил: «Немедленно». Затем, поговорив коротко со своим помощником, он попросил меня удалиться, добавив, что всё скоро будет сделано. Я пошла в соседнюю комнату, и те двадцать минут, что длилась операция, показались мне двадцатью часами. Когда господин Дюпюитрен вышел, он сказал мне, что никогда еще не делал более трудной операции. Пот стекал у него со лба. Он пошел в приготовленную для него комнату и лег в постель. Я нашла моего бедного мужа очень бледным, а наш сын Юмбер, который оставался с отцом, был еще бледнее. Однако больной не испытывал боли и вскоре спокойно уснул. До того он десять дней не смыкал глаз.

Вечером я отсчитала господину Дюпюитрену сто луидоров плюс издержки на почтовых лошадей, да еще десять луидоров его помощнику. Я отдала ему сверх того красивую кружевную вуаль, прося подарить ее от моего имени мадемуазель Буае, на которой он, по его словам, через несколько дней должен был жениться. Но бракосочетание не состоялось. Господин Дюпюитрен поссорился с господином Буае, своим учителем и благодетелем, не женился на его дочери и оставил себе мою вуаль.

IV

Господин де Ла Тур дю Пен только выздоравливал от перенесенной операции и еще не ходил, когда однажды утром или, лучше сказать, ночью нарочный от господина Малуэ привез известие о том, что в устье Шельды вошел английский флот из нескольких кораблей с высокой посадкой и множества транспортных судов. На рассвете телеграф донес эту весть до Парижа, но Наполеона там тогда не было. Архиканцлер¹⁸⁰ Камбасерес развернул бурную деятельность по сбору войск. Все направляемые отряды доставлялись почтовыми лошадьми, что привело к необычайной суматохе. Англичане, вместо того чтобы взять Антверпен и разрушить наши арсеналы и верфи, что им было бы легко сделать, развлекались тем, что осаждали Флиссинген. Таким образом, они дали время Бернадоту

собрать армию из национальных гвардейцев и гарнизонов нескольких городов. Подробности этой смехотворной вылазки англичан можно прочитать во всех мемуарах того времени. Господин де Ла Тур дю Пен не имел никакого отношения к военным делам. Однако же он созвал всю национальную гвардию департамента Диль, хотя потом, как станет видно далее, его обвиняли в том, что он это делал слишком медленно.

Я расскажу здесь об одном довольно примечательном происшествии, коснувшемся меня лично.

Эта экспедиция вызывала у нас такой интерес, что мы почти каждый день ездили в Антверпен. В то время железной дороги еще не существовало. Поэтому мы разместили по дороге трех сменных лошадей для запряжки в тильбюри. Одна из них находилась в Мехелене. Мы выезжали из Брюсселя в 5 часов утра; в 8 часов мы приезжали в Антверпен, где завтракали с господином Малуэ, а в полдень уже возвращались обратно в Брюссель к прибытию почты. Однажды по дороге мы заехали на чашку чая к архиепископу Малинскому де Прадту, и в разговоре, который касался как раз этой пресловутой экспедиции англичан, архиепископ нам сказал: «Этот лорд Чатэм просто дурак. Вместо того чтобы входить в устье Шельды, откуда он теперь не знает, как выйти, ему надо было спуститься до Брескенса и высадить свои войска там, где у нас нет ни души, чтобы им противостоять. Тогда он мог бы взять контрибуцию с части Бельгии — Брюгге, Гента, Брюсселя и прочих». Господин де Прадт изложил свой план кампании, не упустив ни единой детали. Он наметил маршрут, по которому надо было следовать, указал, какие суммы денег и серебряные вещи можно было бы захватить, какие церкви и денежные кассы разграбить, и закончил возгласом: «Что бы он натворил там, в глубине Германии?» Все это, сказанное решительным и молодецким тоном, мало гармонирующим с облачением священнослужителя, показалось мне так комично, что по возвращении в Брюссель я стала писать об этом тетушке, которая тогда находилась в Муши у госпожи де Пуа. Мое письмо не дошло до адресата, и я скажу ниже, что с ним стало.

Национальные гвардейцы из Вогезов и восточных департаментов, прибывшие со своих гор, были направлены на остров Вальхерен, где вскоре подверглись атакам не англичан, а лихорадки. Через восемь дней госпитали Антверпена, Мехелена и Брюсселя были уже переполнены больными. Господин де Ла Тур дю Пен устроил госпиталь в помещениях нового заведения для приема нищих в аббатстве Камбре. Популярность, которой он пользовался во всех классах общества, проявилась в том, что в ответ на его личное обращение к публике с призывом жертвовать на устройство госпиталя за двадцать четыре часа было принесено в префектуру и переправлено в Камбре 300 матрасов, 400 пар простынь и пр. Через несколько дней я посетила этот импровизированный госпиталь. Больные были все моло-

дые люди, призванные по рекрутскому набору. В зале на сто коек не было видно ни одного лица старше двадцати лет. Это было скорбное зрелище.

Враги моего мужа, во главе с генералом Шамбарляком, не преминули попытаться ему навредить, и по возвращении Императора стали говорить, что национальная гвардия Брюсселя не выступила на Антверпен по вине префекта. Господин Малуэ, недавно назначенный государственным советником, сообщил ему об интригах, которые против него плелись. Герцог де Ровиго, среди прочих, добивался смещения господина де Ла Тур дю Пена по причине личного свойства. Он посылал в Брюссель госпожу Гамелен, знаменитую интриганку и безнравственную женщину, чтобы заручиться согласием господина де Ла Тур дю Пена заняться переговорами о браке его шурина господина де Фодоя с мадемуазель де Шпанген, которая после стала госпожой Вернер де Мерод. Мой муж наотрез отказался и таким образом воспрепятствовал союзу этой молодой особы с большим негодяем. Она за это надолго сохранила к нему живейшую благодарность.

Император приезжал в Бельгию, но провел в Лакене лишь несколько часов. Мой муж явился туда и попросил о личной аудиенции. Прежде чем она состоялась, было объявлено о приходе чинов корпуса городской стражи и штаба национальной гвардии. Наполеон, по сделанным ему докладам, обошелся с ними очень сурово. Командир национальной гвардии, имя которого я забыла, попытался оправдаться, обвиняя префекта. Тогда один подпоручик гвардии, выйдя из группы офицеров, отважно сказал: «Прошу разрешения Вашего Величества опровергнуть все то, что этот господин только что сказал». Затем, входя в суть дела, он разъяснил все происшедшее с отвагой и ясностью, которые очаровали Императора. Тот дослушал его до конца, не прерывая. Когда он закончил, Император хлопнул его по плечу и сказал: «Вы смелый молодой человек. Кто вы?» — «Начальник бюро национальной гвардии в префектуре». — «Ваше имя?» — «Луазо». Император, обернувшись к обвинителям, произнес такие слова: «Все, что он сказал, — правда». Вернувшись к себе в кабинет, он велел позвать господина де Ла Тур дю Пена и выслушал его благожелательно, хотя раньше был в сильном раздражении.

Тем же вечером Луазо получил патент на чин подпоручика в полку и на следующий день отправился к месту своей службы. После того бедный мальчик принял участие во всех военных кампаниях и в последней из них был тяжело ранен в лицо. Кажется, он от этой раны умер.

Я с моих юных лет была знакома с Казимиром де Монтроном, о котором говорили так много разного. Его мать была подругой по монастырю нашей тетушки госпожи д'Энен, и, хотя жизнь их сложилась очень по-разному, дружеские чувства между ними сохранились. Кроме того, господин де Ла Тур дю Пен очень покровительствовал молодому Казимиру, когда тот поступил на службу. Таким образом, когда мы с ним изредка

встречались, наши с ним отношения носили характер по-настоящему сердечный. Он незадолго до того ездил в Ахен к княгине Боргезе, с которой, по-видимому, был близок. По возвращении он нашел в Антверпене не кого-нибудь, а Наполеона. Я не знаю, что там произошло, но на следующий день, когда мы завтракали, мне передали записку от господина де Монтрона с такими словами: «Простите меня, что не пришел напроситься к вам на чашку чаю — это из-за двух жандармов, которые желают отвезти меня в замок Ам». Мой муж немедленно поехал в отель Бельвю, где господина де Монтрона держали под строгим караулом, и видел, как он садится в экипаж ехать в Ам. Там его держали в заключении, кажется, около двух лет. Его близкого друга господина де Талейрана это ничуть не заботило.

V

В конце зимы 1810–1811 годов мы с господином де Ла Тур дю Пенom съездили на два месяца в Париж, чтобы проводить нашего сына Юмбера, который отправлялся во Флоренцию. Моя сестра Фанни была тогда в Париже со своими двумя детьми, из которых младшей, маленькой Гортензии, было всего три месяца. Фанни родила по возвращении из долгой поездки по Германии с мужем, генералом Бертраном; во время этой поездки экипаж не раз опрокидывался. Незадолго до родов она провела несколько дней со мной в Брюсселе. Генерал Бертран сопровождал Императора при осмотре подступов к Антверпену. В какой-то момент он со своей лошастью скатился с дамбы. Император крикнул ему сверху: «У вас нога сломана?» — «Нет, Сир». — «Ну хорошо, поезжайте к вашей свояченице в Брюссель. Потом приедете ко мне в Париж». Так что они оба оставались у меня до тех пор, пока Фанни, которая была уже на девятом месяце беременности, не решила уехать, чтобы рожать в Париже.

Мы оставили в Брюсселе госпожу д'Энен, моих дочерей и господина де Лалли, который числился *«английским пленным»*. Он был очень заинтересован не утрачивать этого статуса, чтобы сохранить пенсию в 300 фунтов стерлингов, которую ему выплачивало за это английское правительство, уж не знаю почему.

В Париже я встретила с госпожой де Беранже. Она жила в том же доме, где у нас была квартира. В Брюсселе я виделась с ней каждый день, когда она жила у своего отца, графа де Ланнуа. Тот был сенатором, и, когда он отправлялся заседать в Париж, дочь его сопровождала. Госпожа де Беранже, госпожа де Левис и госпожа де Дюрас были три жрицы храма, в котором обожествляли господина де Шатобриана. Он позволял этим трем дамам окружать себя лестью, любовью и восхищением столь преувеличенным, что зрелище это казалось мне прямо-таки смехотворным. Рев-

нуя друг к другу при видимости близкой дружбы, они все три не упускали случая взаимно очернить друг друга в глазах божества, которое на редкость охотно поглощало их фимиам.

Мое пребывание в Париже дало двум из них, госпоже де Дюрас и госпоже де Беранже, повод надеяться, что я соглашусь докладывать каждой о том, какие милости великий человек оказывает другой. Но от меня они никаких откровенностей не дождались.

Госпожа де Дюрас однажды утром нашла меня за чтением книги, которую мне одолжил господин де Нарбонн. Это было самое первое сочинение господина де Шатобриана, написанное по возвращении его из Америки, в духе крайне революционных и безбожных идей. Он его опубликовал в Англии в очень малом количестве экземпляров, а впоследствии сделал все возможное, чтобы их разыскать и сжечь. В Париже с этой книгой не были знакомы, и тот экземпляр, который я читала, был, возможно, единственным привезенным туда. Госпожа де Дюрас, узнав, что именно я читаю, набросилась на меня, как львица, чтобы вырвать у меня книгу. Но я села сверху, и она не смогла отобрать ее силой. Тогда моя бедная подруга кинулась к моим коленям и со слезами заклинала меня дать ей этот том. Я устояла перед ее просьбами, и она ушла от меня в ярости и отчаянии. Сцена была прямо как в мелодраме.

Еще одно прочитанное мною сочинение оказалось тоже весьма любопытным и интересным. Это были «Мемуары» госпожи де Ларошжаклен¹⁸¹. Она доверила свою рукопись господину де Талейрану для передачи Наполеону, желавшему ее прочитать. Из какого-то недоверия к герцогу де Ровиго, бывшему тогда министром полиции, господин де Талейран не пожелал выпускать из рук оригинал рукописи и сам надиктовал ее текст секретарю; именно эту копию, которая была отдана Императору и на которой тот сделал примечания карандашом, он мне и дал почитать. Там можно было видеть где подчеркнутые места, где восклицательные знаки на полях, где пометки «хорошо!», «прекрасно!», «превосходно!», «О! Герой Ариосто!» и пр. Легко можно себе представить, что государю пришла на ум строка «Если бы я не был Цезарем...». Не могу передать, с каким интересом я это читала.

Мой дорогой Юмбер уехал во Флоренцию. Этот отъезд, пролог долгой разлуки, был для меня очень чувствителен. В ваших руках, дорогой Эймар, находятся триста пятьдесят писем, которые он мне написал за свою короткую жизнь. Я была ему столь же другом, сколь и матерью. Его отъезд причинил мне боль, которая заново усиливалась от каждого его письма. Потому я очень хотела сразу же вернуться в Брюссель. Но мой муж нашел уместным не покидать Париж до разрешения Императрицы от бремени, которого ожидали со дня на день.

Однажды вечером меня пригласили на спектакль, который давали в Тюильри в небольшой галерее, где был устроен театр. Публика

собралась в гостиной Императрицы. Император подошел прямо ко мне. С чрезвычайной доброжелательностью он заговорил сначала о моем сыне, потом воскликнул, как нравится ему простота моего платья, мой хороший вкус, мой достойный вид, — это всё вызвало большое удивление нескольких дам в бриллиантах, которые задавались вопросом, кто бы могла быть эта новенькая. В галерее меня поместили на скамью совсем рядом с Императором. Прекрасные актеры играли *«Адвоката Патлена»*¹⁸². Пьеса, очень комичная, чрезвычайно позабавила Наполеона. Он хохотал. Присутствие великого человека не помешало мне делать то же самое. Это очень ему понравилось, как он потом сказал, насмехаясь над дамами, которые посчитали себя обязанными сохранять серьезный вид.

Приглашение на этот спектакль почиталось за большую милость. Там было не более пятидесяти дам.

VI

Наконец, вечером 19 марта, у Императрицы начались схватки. Госпожа де Тразеньи, бывшая в этот момент в Париже, отправилась в Тюильри и провела ночь со всеми дежурными, высшими сановниками и прочими. Наутро, около 8 или 9 часов, я побежала к ней на улицу Гренель, это было в двух шагах от нас. Господин де Ла Тур дю Пен и я беседовали с господином де Тразеньи, который перед тем ходил в Тюильри узнать новости, когда приехала его жена; мы немедленно набросились на нее с расспросами. Она сама была беременна и очень устала. Она нам рассказала, что Император вошел в гостиную для дежурных, где находилась она со своими сослуживицами, и сказал им: «Дамы, вы можете на два-три часа пойти к себе. В родах у Императрицы наступил перерыв. Она уснула, и Дюбуа говорит, что она родит только около полудня». После этих слов все разошлись. Госпожа де Тразеньи уже успела отцепить накидку — она была в придворном платье, — когда раздался первый пушечный выстрел от Дома инвалидов. Она немедленно сбежала опять по лестнице и села в свой экипаж. Мы вышли на улицу. Все экипажи остановились. Торговцы у дверей своих лавок, жители в окнах — все считали выстрелы. Было слышно вполголоса: «Три, четыре, пять и т. д.». После каждого выстрела проходило около минуты. После двадцатого наступило глубокое молчание. Но при двадцать первом выстреле раздался стихийные, непосредственные крики: «Да здравствует Император!» Через несколько мгновений мы стали свидетелями несчастного случая с Виктором Самбюи, лошадь которого упала на повороте к улице Иллерен-Бертен. Он был первым пажом, и ему было поручено отвезти в Сенат весть о рождении Римского короля¹⁸³ — миссия, которая должна была принести ему 10 000 франков ренты. Проезжая

по Королевскому мосту, он увидел, что улица Бак запружена народом, и решил, что лучше будет ехать в объезд. При падении он сильно ушибся, но сознания не потерял и смог сказать, чтобы его посадили обратно на лошадь. Потом он выпил рюмку о-де-ви и снова пустился в галоп, догоняя свои 10 000 франков.

Вечером я обедала у своей сестры; туда к нам пришли сообщить, что малое крещение новорожденного состоится в 9 часов и что дамы, представленные ко двору, могут присутствовать на церемонии.

Мы отправились туда с госпожой Диллон и моей сестрой. Нас впустили в павильон Флоры, и мы прошли через все комнаты до залы Маршаллов. Гостиные были заполнены знатью Империи, мужчинами и женщинами. Все теснились, чтобы встать рядом с проходом, по которому кортеж должен был пройти в часовню; проход держали свободным распорядители. Мы умело маневрировали, так что нам удалось оказаться на лестничной площадке и потом получить возможность пойти вслед за новорожденным. С этого места нам открывалось ни с чем не сравнимое зрелище «ворчунов» из старой гвардии, выстроившихся по одному на каждой ступеньке лестницы, каждый с крестом на груди. Они стояли не шевелясь, но на их мужественных лицах рисовалось живейшее волнение, и я видела, как слезы радости текут у них из глаз. Появился Император рядом с госпожой де Монтескье, которая несла ребенка с открытым лицом на подушке из белого атласа в кружевах. У меня было время хорошо его рассмотреть, и я с тех пор осталась в убеждении, что этот ребенок родился не в то утро. Тайну эту выяснять бесполезно, поскольку карьера того, кто составлял ее предмет, была краткой. Но я была этим расстроена и озабочена, хотя, конечно, ни с кем этим не делилась, кроме моего мужа.

Глава XIV

I. Луи Бонапарт покидает трон Голландии. Администрация господина де Селя. — Государственный советник Реаль смущен салоном госпожи де Ла Тур дю Пен. — Мария-Луиза в Лакене. — Враждебность господина де Прадта. — Комиссар полиции Бельмар. — Священники, не принявшие конкордат. — II. Начало военной кампании в России. Передвижения войск и реквизиции. — Предусмотрительность географа Лапика. — Два брата Робиано. — Шарлотта де Ла Тур дю Пен. — Господин де Лидекерке посылает просить ее руки. — Юмбер назначен супрефектом в Санс. — III. Смещение префекта Брюсселя. — Госпожа де Ла Тур дю Пен едет в Париж. — Просьба об аудиенции. — Разговор с Императором. — Удивление господина де Монталиве. — Господин де Ла Тур дю Пен назначен префектом в Амьен. — На приеме при дворе. — Любезность Наполеона. — IV. Последние дни в Брюсселе. — Сожаление населения. — Свадьба Шарлотты де Ла Тур дю Пен. — Прекрасное проявление характера господина де Шамбо.

I

Несколько дней спустя мы вернулись в Брюссель, куда Император собирался приехать весной. Его брат Луи покинул голландский трон, на котором железная рука Наполеона не давала ему делать то добро, которое он намеревался совершить. Как я знаю от самого короля Вильгельма, Луи оставил по себе в этой стране очень достойную память. Совершенно иначе оценивалась административная деятельность господина де Селя, зятя госпожи де Валанс; о нем там вспоминают с ужасом. Император поставил его префектом в Амстердам, и он там совершил все зло, на которое способен беспринципный человек, сочетающий в себе ум и злобу.

Насколько я помню, именно тогда, весной 1811 года, у нас был с инспекцией специально командированный государственный советник; таких инспекций префекты всегда опасались. Советники эти были своего рода шпионы высокого ранга, полные решимости найти недостатки даже у тех, кого они не могли не уважать. На долю господина де Ла Тур дю Пена выпал господин Реаль, и с самого первого его визита мой муж понял, что тот постарается навредить ему насколько сможет. Во время его пребывания мы дали в его честь обед с последующим приемом. Я сказала дамам, относившимся ко мне доброжелательно, что они доставят мне удовольствие, если придут провести вечер у нас. Перейдя после обеда в большую гостиную, мы нашли там в сборе самых видных особ брюссельского

общества, мужчин и женщин. Господин Реаль был поражен именами, ма-
нерами, уборами. Он не мог сдержаться и сказал господину де Ла Тур дю
Пену: «Сударь, этот салон ужасно меня смущает». На что мой муж отве-
тил: «Я очень этим огорчен, но, к счастью, на Императора он такого впе-
чатления не производит».

Наполеон приехал в Бельгию в конце лета вместе с Императрицей.
В Брюсселе он не останавливался, но, поскольку Мария-Луиза все еще
сильно недомогала после родов, он оставил ее в замке Лакен. Нас при-
гласили приходить туда ежедневно провести вечер и поиграть в лото. Это
продолжалось около недели и было очень скучно. Императрица пока-
зала себя очень бесцветной и неинтересной; из этого состояния она так
и не выходила. Каждый день она мне говорила одно и то же, давая пощу-
пать свой пульс: «Как вы полагаете, у меня лихорадка?» Я неизменно ей
отвечала: «Мадам, я в этом не понимаю». Там было несколько мужчин,
с которыми можно было поговорить за чаем, в том числе маршал Мортье
и господин де Беарн. Герцогу д'Юрселю, по его должности мэра, надлежа-
ло предлагать утренние прогулки сообразно с погодой. В тот день, когда
Мария-Луиза посещала музей, она как будто заметила прекрасный порт-
рет своей знаменитой бабки Марии-Терезии. Герцог д'Юрсель предложил
ей повесить его в замке Лакен, в ее гостиной, но она ответила: «Ах, нет,
для этого он не годится — рама слишком старая». Другой раз он ей ука-
зал в качестве интересного направления для прогулки участок леса Суань,
известный как место паломничества эрцгерцогини Изабеллы, святость
и доброта которой остались в сердце народа. Она ответила, что не любит
лесов. В общем и целом эта незначительная женщина, столь недостойная
того великого человека, судьбу которого она разделяла, словно бы нароч-
но старалась обидеть, насколько это было в ее власти, тех самых бельгий-
цев, сердца которых были так расположены ее полюбить. Я ее потом ви-
дала уже только лишившейся трона, но по-прежнему столь же неумной.

Господин де Талейран летом 1811 года приезжал председательство-
вать в избирательной коллегии, которая должна была избрать одного се-
натора и двух депутатов Законодательного корпуса. По крайней мере, мне
кажется, что речь шла об этом; у меня в голове немного путаются разные
конституции. Он приехал с большой свитой и дал несколько обедов в пре-
красных комнатах особняка Аренбергов, предоставленных в его распоря-
жение слепым герцогом. По этому поводу мы снова с ним увиделись; его
благородные и очаровательные манеры весьма комично контрастировали
с манерами архиепископа Малинского, смотревшегося Скапеном в лило-
вой сутане.

Император при последнем своем проезде через Мехелен прилюдно до-
прашивал господина де Прадта насчет того плана кампании, который тот
придумал взамен плана лорда Чатэма. Это утвердило господина де Прадта

в мысли, что я виновна в доносе на него после того завтрака, который он устроил для нас с мужем во время высадки англичан на острове Вальхерен, — тогда за завтраком он в деталях излагал нам этот план.

Император любил, чтобы каждый занимался своим делом, и не преминул безжалостно посмеяться над архиепископским проектом вторжения. В результате господин де Прадт меня возненавидел. Он говорил об этом господину де Талейрану, который, со своей стороны, посмеялся и над ним, и над его идеей насчет моего шпионства. Эти шутки продолжались все четыре дня, пока князь и вице-электор — мне кажется, такой титул был присвоен господину де Талейрану¹⁸⁴ — заседал в коллегии. Это привело архиепископа в еще большее отчаяние и окончательно озлобило его не только против меня, что мне было довольно безразлично, но также и против моего мужа. Он с большим пылом стал нам вредить, и я думаю, что не ошибусь, приписав усилиям господина де Прадта и генерального комиссара полиции Бельмара смещение господина де Ла Тур дю Пена с поста префекта. Как бы то ни было, оба они могли быть тому причиной. Бельмару, который был генеральным комиссаром полиции в соседних бельгийских департаментах, несмотря на все его попытки, так и не удавалось включить департамент Диль в свою юрисдикцию. С архиепископом у него было полное согласие насчет ареста священников, не поддерживающих правительство и отказывающихся признавать конкордат. Многие из них уже были помещены в темницы замка Ам. Рассказывали, что как-то Бельмар требовал от архиепископа выдать некоторых священников, укрывающихся в его епархии. Тот отвечал: «Вы хотите восемь? Я вам выдам сорок пять!» Глава этих священников по имени Стевенс, их советчик и опора, скрывался в департаменте Диль, где, надо признать, господин де Ла Тур дю Пен не слишком активно его разыскивал. Он бы, впрочем, не преминул этим заняться, если бы счел, что таков его долг; но ему представлялось, что такие преследования скорее могут повредить правительству, чем быть ему полезны.

II

В середине весны 1812 года через нас начали проходить войска, направлявшиеся в Германию. Несколько полков молодой гвардии прибыли в Брюссель и встали там на постой, а другие только проследовали через город на почтовых. Поступали указания собрать у фермеров подводы, запряженные каждая четверкой лошадей. Иногда приказ приходил только утром, и надо было к вечеру того же дня собрать восемьдесят — сто подвод с запасом фуража на два дня. Жандармы скакали во все стороны галопом, чтобы оповестить фермеров, а те, будучи вынуждены оставить свои плуги

и полевые работы, были очень недовольны. Но кто посмел бы сопротивляться? Никому, от Байонны до Гамбурга, и мысли такой не пришло бы. Мы несколько раз устраивали плотное угощение для офицеров, которые прибывали в 10 часов вечера, а в полночь должны были уже снова ехать. Нет сомнения, что очень мало кому из тех храбрых вояк суждено было уцелеть в этой роковой кампании.

Мы не были готовы к мысли, что французская армия может пойти на Москву. Так, когда господин де Ла Тур дю Пен, съездив на несколько дней в Париж, привез оттуда красивую карту Германии, Польши и России, мы удивились тому, что картограф Лапи добавил на полях небольшой квадратик, на котором располагалась Москва. Карта не доходила до меридиана этого города, и, когда мы ее прикрепили к обоям в гостиной и все стали ее рассматривать, каждый не преминул высказаться, что это совершенно излишняя предусмотрительность со стороны географа. Это было предсказание!

Во время этой короткой отлучки моего мужа мне представился случай осуществить одно внезапно принятое решение; в жизни мне такое удавалось не раз. Однажды утром, еще до завтрака, вошел бледный и взволнованный советник префектуры, временно замещавший префекта. Он держал в руках три или четыре приказа о назначении подпоручиков и аудиторов. В их числе, среди прочих, были и приказы на обоих де Робинано: младший назначался подпоручиком в полк, отправляющийся в действующую армию, а его старший брат — аудитором. Подпоручик был женат и имел двоих маленьких детей. Какое горе для этой семьи! Не теряя ни минуты, я определила, что буду делать. Я побежала к матери братьев Робинано, сообщила ей эту ужасную новость и сказала: «Сейчас 9 часов; поезжайте в полдень в Париж вместе с вашей невесткой. Найдите там господина де Ла Тур дю Пена. Пусть ваш старший сын едет с вами и примет назначение поручиком в армию, чтобы его брат остался дома». Бедная женщина уже сорок лет не выезжала из Брюсселя. Молодая госпожа де Робинано согласилась с моим мнением, и в полдень обе они пустились в путь. Они добились того, чтобы отец двоих мальчиков остался с семьей. Эти бедные женщины часто потом благодарили меня за ту решимость, на которую я их сподвигла.

В последние месяцы того же года молодой де Лидекерке неотступно ухаживал за моей старшей дочерью Шарлоттой. Ей тогда было шестнадцать лет, она была очень рослая и имела очень достойный вид, хоть и не была красива. Это была «благородная девица» в полном смысле слова. Ее ум, одновременно живой и рассудительный, ее способность к пониманию, ее память опережали ту материнскую заинтересованность, с которой я посвящала себя ее воспитанию. Хотя она была уже весьма образованна, страсть к учению владела ею до того, что приходилось отбирать у нее

книги и не давать зажигать свет по ночам, а то бы она до рассвета всё читала или писала. Однако ее нельзя было упрекнуть ни в каком педантизме или претенциозности. Она была веселой и оригинальной, но не насмешницей. Достоинства ее сердца еще превосходили достоинства разума. Милосердная, как велит религия, готовая услужить всем, она не упускала никакого случая быть полезной. Ее манеры были столь любезны и очаровательны, что на нее не обижались за ее превосходство.

Молодой Лидекерке, движимый влечением сердца, к которому примешивался и некоторый расчет, понял, что мадемуазель де Ла Тур дю Пен, с ее личными достоинствами, именем и связями, пусть и не имеющая состояния, больше подойдет ему, чем какая-нибудь добрая бельгийка, богатая и никому не известная. Он заявил своим родителям, что никогда не женится ни на ком, кроме моей дочери. Его отец выдвинул кое-какие возражения. Но его мать, в надежде на то, что политической карьере ее сына будет способствовать брак, выводящий его за пределы родного края, добилась от своего мужа согласия. В первый день 1813 года в 10 часов утра мне доложили о приходе госпожи де Лидекерке. Она просила руки моей дочери для своего сына. Я была готова к этому предложению, приняла его и с радостью дала согласие. Госпожа де Лидекерке пожелала увидеть мою дочь, обняла ее, и было решено, что бракосочетание состоится через шесть недель. Мы дали за Шарлоттой только 2000 франков ренты, и еще наша тетушка госпожа д'Энен предоставила ей приданое¹⁸⁵.

Моя дочь Сесиль тогда уже полгода как находилась в монастыре Берлемон, готовясь к первому причастию. Я обещала забрать ее оттуда на день свадьбы ее сестры. Тогда же мы получили известие, что Юмбер, бывший тогда супрефектом во Флоренции, только что получил назначение супрефектом в Санс в департаменте Йонна. Эта новость довершила нашу радость. Мы совершенно не ожидали той катастрофы, которая нам предстояла.

III

Господин де Ла Тур дю Пен поехал в Нивель присутствовать при жеребьевке рекрутов или, лучше сказать, при новом рекрутском наборе, необходимом для продолжения предпринятой Императором войны. Я была у себя в комнатах одна перед завтраком, когда пришел генеральный секретарь префектуры с помертвевшим лицом и сообщил мне, что курьер из Парижа только что привез приказ об отставке моего мужа и назначении ему на смену господина д'Удето, префекта Гента.

Эта новость поразила меня как громом, поскольку в первый момент я увидела в ней прежде всего причину для разрыва сговоренного брака моей дочери. Однако я решила не уступать без боя и собралась сей же час

ехать в Париж, не дожидаясь господина де Ла Тур дю Пена, к которому я отправила курьера. К чести господина де Лидекерке должна сказать, что он с поспешностью и жаром, который, должно быть, удивляет его сейчас при воспоминании о тех обстоятельствах, пришел убеждать меня ничего не менять в наших планах.

Я оставила нашу тетушку и госпожу де Морвиль паковать все имущество, которое принадлежало нам в здании префектуры, и в 4 часа пустилась в путь в Париж. Мне пришлось столько успеть сделать и уладить за два часа, что я уезжала уже усталой. Ночь, проведенная в скверной почтовой карете, и тревога, вызванная нашим новым положением, причинили мне довольно сильную лихорадку, с которой я и прибыла в Париж в 10 часов вечера на следующий день. Я приехала к госпоже де Дюрас, которой не оказалось дома. Ее дочери только что легли спать. Они встали и послали за матерью. Та, вернувшись, нашла меня у себя в комнатах на диване, усталую до изнеможения. У нее не было места, чтобы поселить меня у себя. Но у нее были ключи от квартиры нашего общего друга ше-валье де Тюизи. Приехавшие со мной горничная и слуга пошли туда приготовить мне постель, и я сразу же улеглась, но не нашла покоя, в котором так нуждалась. Госпожа де Дюрас пришла ко мне на следующий день рано утром вместе с врачом Овити, за которым она послала. Он нашел у меня еще сильную лихорадку. Но я ему объявила, что мне любой ценой надо встать на ноги и до вечера я должна быть в состоянии поехать в Версаль. Тогда он дал мне успокоительный настой, от которого я проспала до 5 часов. Не знаю, в каком состоянии здоровья я пребывала. В любом случае я об этом совершенно не заботилась.

Я облачилась в очень элегантный туалет, послала за наемным экипажем и поехала за госпожой де Дюрас. Вместе с ней мы отправились в Версаль. Император был в Трианоне. Мы остановились в гостинице на улице Оранжери, где нас поместили в комнатах вместе. Я тут же раскрыла свой письменный прибор. Госпоже де Дюрас я рассказала только, что хочу получить аудиенцию у Его Величества; когда она увидела, как я беру большой лист хорошей бумаги и переписываю на него с черновика, вынужтого из моей папки, она меня спросила: «Кому же вы пишете?» — «Кому? — отвечала я. — Императору, разумеется. Я не люблю мелочиться».

Когда письмо было написано и запечатано, мы снова сели в экипаж и поехали отвезти его в Трианон. Там я спросила дежурного камергера; я предусмотрительно приготовила для него записочку. По счастью, это оказался Адриан де Мюн, который был со мной в большой дружбе. Он подошел к экипажу и пообещал мне, что в 10 часов, когда Император придет к чаю к Императрице, он передаст ему мое письмо. Свое обещание он сдержал и был столь же доволен, сколь и удивлен, когда Наполеон, взглядев на адрес, сказал сам себе: «Госпожа де Ла Тур дю Пен пишет очень

хорошо. Я уже не первый раз вижу ее почерк». Эти слова подтвердили мои подозрения, что некое письмо, адресованное госпоже д'Энен, которое она так никогда и не получила и в котором я в довольно шутливом тоне пересказывала план кампании, придуманный архиепископом Малинским взамен плана лорда Чатэма, было перехвачено.

После поездки в Трианон мы вернулись к себе в гостиницу. Около 10 часов вечера, когда мы с Клер обсуждали, получу ли я свою аудиенцию, гостиничный служитель, который до этого момента смотрел на нас как на простых смертных, открыл дверь в совершенной растерянности и воскликнул: «Приехали от Императора!»

В ту же секунду вошел человек, весь в галунах, со словами: «Его Величество ждет госпожу де Ла Тур дю Пен завтра в 10 часов утра».

Эта добрая весть не помешала мне спать, и на следующее утро, выпив большую чашку кофе, который Клер приготовила собственноручно, чтобы, как она сказала, пробудить мой разум, я отправилась в Трианон. Меня заставили подождать 10 минут в гостиной перед той комнатой, где Наполеон принимал посетителей. Там никого не было, что меня очень устраивало, потому что я нуждалась в этом моменте одиночества, чтобы собраться с мыслями. Разговор наедине с этим необыкновенным человеком — довольно важное событие в жизни, и все же я заявляю здесь от чистого сердца, может быть, с гордыней, что я не испытывала ни малейшего смущения.

Дверь открылась; секретарь жестом подал мне знак войти, а затем закрыл за мной обе створки. Я оказалась перед Наполеоном. Он сделал шаг мне навстречу и довольно любезно сказал: «Мадам, я опасаюсь, что вы мною очень недовольны».

Я поклонилась в знак согласия, и разговор начался. Спустя столько лет я не смогу вспомнить все подробности беседы, а записи, которые я составила об этой долгой аудиенции, продолжавшейся по часам пятьдесят девять минут, потеряны. Вкратце, Император пытался мне доказать, что он *должен* был поступить так, как поступил. Тогда я в немногих словах описала ему состояние брюссельского общества, уважение, которое мой муж там снискал в отличие от всех предыдущих префектов, визит Реалья, глупость генерала Шамбарляка и его жены, расстриженной монахини, и т.д. Все это было рассказано очень быстро, и, поскольку его одобрительный вид меня подбодрил, я под конец сказала Императору, что моя дочь выходит замуж за одного из самых знатных сеньоров Брюсселя. Тут он меня прервал, положив свою красивую руку мне на локоть, и сказал: «Я надеюсь, что это не сорвет намеченный брак; а если и так, то вам не надо о том жалеть».

Затем, ходя взад-вперед по большой гостиной (я следовала рядом), он произнес слова, которые, возможно, говорил единственный раз в жизни, и мне досталась привилегия их выслушать: «*Я был неправ. Но что делать?*»

Я отвечала: «Ваше Величество может все исправить».

Тут он коснулся рукою лба и сказал: «Да, по префектурам идет работа; сегодня вечером придет министр внутренних дел».

Затем он назвал четыре или пять департаментов и добавил: «Есть еще Амьен. Это вам подойдет?»

Я, не колеблясь, ответила: «Превосходным образом, Сир».

«Тогда так тому и быть, — сказал он. — Можете пойти сказать это Монталиве».

И с той очаровательной улыбкой, о которой столько говорили, добавил: «Ну, теперь вы меня простили?»

Я с самым лучшим видом отвечала ему: «Мне тоже надо просить у Вашего Величества прощения, что я с Вами говорила так свободно».

«О, вы очень хорошо поступили».

Я сделала реверанс, и он подошел к двери, чтобы самому мне ее открыть.

При выходе я встретила Адриана де Мюна и Жюста де Ноайля, которые спросили меня, устроила ли я свои дела. Я им ответила только, что Император был со мной очень милостив. Не теряя времени, я опять села в экипаж, и мы с госпожой де Дюрас, которая, не в силах сдерживать нетерпение, пришла дожидаться меня на аллею Трианона, вернулись в Париж.

Высадив госпожу де Дюрас у ее дверей, я поехала к господину де Монталиве и добралась туда около половины третьего. Он принял меня по-дружески, с очень опечаленным видом, и сказал: «Ах, я ничего не мог поделать. Император очень настроен против вашего мужа. Ему много чего наговорили. Якобы к вам ездят, как ко двору». Чтобы немного подшутить над ним, я отвечала: «Но нельзя ли было бы найти моему мужу другое место?» — «О, — отвечал он, — я никогда не посмел бы предложить подобное Императору. Когда он к кому-то не расположен, заслуженно или незаслуженно, его трудно переубедить». — «Ну, если так, — откликнулась я с несколько лицемерным видом, — надо склонить голову. Однако, когда вы поедете нынче вечером в Трианон представлять на подпись четыре приказа о назначении префектов...» — «Но откуда вы об этом знаете?» — воскликнул он с жаром. Делая вид, что не понимаю, я продолжила: «Вы представите господина де Ла Тур дю Пена на должность префекта Амьена». Он посмотрел на меня потрясенно, а я просто добавила: «Император поручил мне сказать это вам». Господин де Монталиве вскрикнул, схватил меня за руки с большим расположением и интересом и сказал, оглядев меня с ног до головы: «Действительно, я должен был догадаться, что такой красивый туалет поутру — это не для меня».

Известие о назначении господина де Ла Тур дю Пена появилось в тот же вечер в *Le Moniteur*, и я получала поздравления от своих знакомых, которые до того были удручены новостями о его опале. На самом деле эта отставка послужила к чести моего мужа, как можно будет видеть далее.

Я осталась еще на несколько дней в Париже, дожидаясь графа де Лидекерке и господина де Ла Тур дю Пена, которые приехали ко мне туда

для подписания брачного договора наших детей. В это время при дворе был малый прием, и я туда поехала с госпожой де Мюн. Наряд мой был очень прост, без единого драгоценного украшения, вразрез с привычками дам Империи, сплошь усыпанных драгоценностями, и в тронном зале я оказалась в заднем ряду, так что только голова моя виднелась над двумя женщинами небольшого роста, которые попросту влезли передо мной. Император вошел, пробежал глазами три ряда дам, кое с кем поговорил с видом довольно рассеянным, а затем, заметив меня, улыбнулся той своей улыбкой, которую старались описать все историки и которая была действительно замечательна контрастом, который она составляла со всегда серьезным, а иногда даже и суровым выражением его лица. Но каково же было удивление моих соседок, когда Наполеон, продолжая улыбаться, сказал мне такие слова: «Довольны ли вы мной, мадам?» Дамы вокруг меня расступились направо и налево, и я, сама не знаю как, оказалась в переднем ряду. Я поблагодарила Императора в самом искреннем тоне. Сказав мне несколько любезных слов, он отошел. То был последний раз, когда я видела этого великого человека.

IV

Я уехала обратно в Брюссель, куда меня влекло желание скорее увидеть моих детей и где у меня было, кроме того, множество дел. Господин де Ла Тур дю Пен поехал через Амьен, чтобы приготовить нам квартиру. Потом он приехал ко мне вместе с моим дорогим Юмбером, вернувшимся из Флоренции и получившим в Париже свой приказ о назначении супрефектом в Санс. Кто мог предугадать в тот момент, что через десять месяцев он будет оттуда изгнан вюртембергскими войсками.

Когда господин де Ла Тур дю Пен в последних числах марта приехал в Брюссель, он нашел меня с детьми в доме у маркиза де Тразеньи, который предоставил нам доброе и сердечное гостеприимство. Господин д'Удето без всякой деликатности объявил, что уже через день после моего возвращения в Брюссель он переезжает в префектуру. Я хотела, чтобы он не нашел никакого следа нашего пятилетнего проживания в доме, где он поселится. Все нам принадлежавшее было запаковано и вывезено. Что до мебелировки, принадлежащей префектуре, то каждый предмет был поставлен на место, указанное в инвентарном списке. Недостачи никакой не было. Господин д'Удето такая щепетильность привела в дурное расположение духа, и он еще более ощутил те сожаления, которые все классы вслух высказывали по поводу перевода господина де Ла Тур дю Пена. Он сыскал предлог, чтобы вернуться в Гент и оставаться там до нашего отъезда, назначенного на 2 апреля. Моя дочь должна была выйти замуж первого числа.

Мой муж, подобно Гусману*, мог сказать:
Я был владыкой здесь, один еще я властвую.

Посему он позвал начальника полиции господина Малеза и поручил ему не допустить никаких слишком уж явных демонстраций со стороны населения во время бракосочетания нашей дочери. Мэр, герцог д'Юрсель, с той же целью назначил для бракосочетания в муниципалитете поздний час, половину одиннадцатого вечера. Это не помешало народу толпами стоять по всем улицам, по которым мы должны были ехать к ярко освещенной ратуше. Только и слышно было, что сожаления и добрые пожелания в адрес господина де Ла Тур дю Пена. Когда мы вернулись после бракосочетания в ратуше к госпоже де Тразеньи, мы нашли все гостиные в нижнем этаже освещенными, а под окнами размещались большой группой все городские музыканты, готовясь исполнить нам серенаду. Мой муж, как и следовало ожидать, был очень тронут этими проявлениями доброжелательного отношения общества.

На следующее утро моя дочь венчалась в домашней часовне герцога д'Юрселя. После прекрасного завтрака в кругу родных и друзей они с мужем поехали в Нуази, куда за несколько часов до них отправился ее свекор. Я провожала ее до Тирлемона. Это была горестная разлука. А ведь мне надо было выглядеть счастливой, хотя это было далеко не так!.. Мой зять незадолго до того был назначен супрефектом в центр департамента, в Амьен. Таким образом, благодарение небу, мы с Шарлоттой не должны были долго оставаться вдали друг от друга.

До сих пор я ничего не говорила о господине де Шамбо, нашем друге и товарище по несчастью во времена нашей эмиграции в Америку. Он вступил во владение небольшим состоянием, которое ему причиталось, и проводил в Брюсселе большую часть своих свободных дней. Дела его требовали, чтобы он подолгу жил на юге Франции. Последний год он занимал в Антверпене должность, правда, временную, но обеспечивавшую ему продвижение. Когда до него дошли известия о катастрофе, из-за которой мы должны были столь поспешно покинуть Брюссель, он, зная о скверном состоянии наших дел, немедленно приехал к господину де Ла Тур дю Пену и сказал: «Вы выдаете замуж дочь и теряете свое место. У меня есть 60 000 франков в ценных бумагах, я вам их привез. Пользуйтесь ими, как своими». Он присутствовал на бракосочетании Шарлотты, которой приходился крестным отцом.

Когда я пишу эти строки здесь, в Пизе, в начале 1845 года, мне больше ничего не известно об этом прекрасном человеке. Я виделась с ним десять лет назад в Париже. В то время он жил в небольшом загородном доме в Эпине и был в полном подчинении у двух молодых служанок, прискорбным образом взявших власть над стариком. Они позаботились о том, чтобы он не сблизился с нами. Нашего бедного друга, вероятно, уже нет на свете.

* Персонаж трагедии Вольтера «Альзира, или Американцы».

Глава XV

I. Амьенское общество. — Префектура. — Наши знакомые в окрестностях. — Таланты Сесиль. — Реквизиции, рекрутский набор и почетная гвардия. — Генерал Дюпон. — Появление казаков. — Мерлен из Тионвиля и вербовка заключенных из тюрем. — II. Поездка в Муши. — Ссоры госпожи де Дюрас и ее зятя Леопольда де Тальмона. — «Человек, не имевший ни одного недостатка, при многих пороках». — Разговор с господином де Талейраном. — Его ненависть к Наполеону. — III. Аудитор Государственного Совета де Бомон. — Его интриги в Амьене и выдворение его из департамента. — Бегство Юмбера из Санса. — В прихожей у господина де Талейрана. — «Да здравствует король!» — Раздача белых кокард. — Революция вычеркнута из истории. — Приготовление к приему короля. — Господин де Блакас. — Мукомолы Амьена. — *Te Deum*. — Хороший обед не оставляет короля равнодушным. — IV. Нелюбезное поведение принцессы Ангулемской. — Преданность госпожи де Моссион. — Празднество у принца Шварценберга. — Господин де Ла Тур дю Пен возвращается на дипломатическую службу. — Юмбер назначен лейтенантом черных мушкетеров.

I

В апреле 1813 года мы приехали в Амьен, где нам предстояло стать свидетелями событий, которых мы совсем не ожидали. Мы нашли там своего зятя маркиза де Ламета, дружба которого уже обеспечила нам очень благожелательный прием со стороны дворянства и видных горожан, до тех пор очень не жаловавших прежних префектов.

Состав местных властей был довольно скверный. В самом Амьене недавно покончил с собой один из высших чиновников, главный сборщик налогов, из числа голосовавших за казнь короля. На смену ему назначили его зятя, господина д'Оберсера. Из числа магистратов генеральный прокурор господин де Ла Мардель, бывший гусарский офицер, вел себя так, словно и не переставал быть гусаром. Председатели судебных палат были люди совершенно незнатные. Их жены обращали на себя внимание гротескными оборотами речи и смешными манерами. Они на публике именовали своих мужей то «*моя курочка*», то «*мой крысенок*». В качестве командира дивизии мы имели господина д'Эгремона. Его жена была хорошенькая и довольно добродушная особа. Такое окружение не могло подходить ни Шарлотте, ни мне, и с самого начала моего пребывания там я устраивала так, чтобы составить свое общество только из достойных лю-

дей. Гарнизон в Амьене стояла команда пополнения полка гвардейских егерей. Командовал ими майор господин Ле Термелье, очень милый и приятный в компании человек. Мы поддерживали отношения также с семейством де Брэ, очень уважаемыми амьенскими негоциантами, и со многими другими, имена которых я, к сожалению, уже забыла.

Дом, отведенный под префектуру, был очарователен. Его только недавно обставили заново, элегантно и роскошно. В нижнем этаже помещалась квартира, в которой поселились мы с мужем. Рядом находился кабинет префекта, сообщавшийся с помещениями администрации. Окна выходили на великолепный сад, занимавший семь или восемь арпанов, где были всякие посадки. Мы имели удовольствие жить почти как в деревне.

Первые дни лета прошли очень приятно. Мы часто ездили обедать к кому-нибудь из соседей, кто проводил летний сезон в окрестностях: к госпоже д'Обервиль, к семейству Руже, к господину де Виму, к маркизу де Ламету. Моя дочь Сесиль, которой в то время было тринадцать лет, уже обладала заметным талантом к музыке, а также очаровательным голосом очень широкого диапазона. На те пять лет, что мы провели в Брюсселе, я ей нашла превосходного учителя итальянского языка. Этот уроженец Рима французским не владел и приучил мою дочь говорить на прекрасном римском наречии. Она с легкостью разговаривала на этом языке. Они с Шарлоттой, кроме того, читали не только по-итальянски, но и по-английски. Мы очень хорошо устроились в Амьене, когда стали слышны первые раскаты грома. Все были так уверены в счастливой судьбе Наполеона, что никому и в голову не приходило, чтобы ему следовало опасаться какого-нибудь другого врага, кроме морозов, которые были для него столь фатальны во время российской кампании.

Тем временем после Лейпцигской битвы начались реквизиции, наборы людей и организация кавалерийских полков почетной гвардии. Эта последняя мера повергала семьи в отчаяние.

Господину де Ла Тур дю Пену понадобилась в этих условиях вся твердость, на какую он был способен. Он добросовестно служил правительству, и мысль о реставрации еще не приходила ему в голову. Он не предвидел ее и не желал. Все ошибки и пороки, ставшие причиной первой Революции, были еще слишком живы в его памяти, чтобы он мог без опасений думать о том, как возвращающаяся из изгнания королевская семья принесет с собой, по слабости своей, всякого рода злоупотребления. Справедливое изречение «Они ничего не забыли и ничему не научились!» часто приходило ему на ум. Однако же он старался, по мере возможности, несколько смягчать на практике порядок организации почетной гвардии. Больше всего сопротивления определенные меры встречали среди богатых людей, и мне часто приходилось слышать от него: «Они охотнее отдают своих детей, чем свои деньги». В таком городе, как Амьен, который

жил производством шерстяных тканей, реквизиции были очень тяжелы, и мой муж особенно опасался алчности и плутовства реквизиционеров.

Пушечная пальба в Лаоне, которую мы слышали в Амьене, заставила нас впервые задуматься о том, что наша территория будет захвачена. Через несколько дней господин д'Удето, префект Брюсселя, убежавший от вторжения, вошел вечером в нашу гостиную как раз в тот момент, когда господин д'Обессер, видевший все в розовом свете, говорил нам, что он только что получил письмо из Брюсселя и что Бельгии нападение не угрожает.

Вскоре после того сообщили о появлении в полях недалеко от города отряда казаков под командованием генерала Гейсмара. Как раз в это время через Амьен проезжал генерал Дюпон под охраной жандармов. Сначала из замка Жу, куда Наполеон отправил его в заключение после Байленской капитуляции¹⁸⁶, его перевели в Дулланскую крепость. Теперь его везли в Тур, чтобы союзники его не освободили. Доехал он только до Парижа, и то суровое обращение, которому он подвергался, сыграло в его пользу.

Казаки подъезжали так близко к Амьену, что их было видно с колокольни собора. Стоявший в городе гарнизоном эскадрон егерей, которым командовал наш любезный майор, выехал им навстречу и так хорошо их отогнал, что они больше не появлялись.

Моя дочь Шарлотта ожидала родов, и мы не рискнули оставлять ее в здании префектуры, думая о том, что если город возьмут, то дом префекта будет в числе первых отдан на разграбление. В городе нам любезно предоставили квартиру, и мы поселили там Шарлотту вместе с ее сестрой Сесиль и тобой, мой милый сын. Туда же перенесли большую часть наших вещей из префектуры, где я осталась с моим мужем.

Однажды вечером из Парижа прибыл незнакомый нам человек. Это был Мерлен из Тионвиля. По его словам, ему было поручено сформировать отряд добровольцев, и у него был с собой приказ министра полиции Ровиго набирать в тюрьмах всех, кто был осужден не за тяжкие преступления. Он забрал с собой всех этих негодяев, и больше о них ничего не слышали.

II

Наша тетушка госпожа д'Энен на осень поселилась в замке Муши возле Бове у своей подруги принцессы де Пуа. Госпожа де Дюрас также находилась там вместе со своими дочерьми, и меня пригласили провести там несколько дней. Господин де Ла Тур дю Пен уговорил меня принять приглашение и попросил на обратном пути проехать через Париж, чтобы повидать господина де Талейрана и узнать новости. Господин де Талейран до того передал ему письмо через Мерлена из Тионвиля. Но пись-

мо это было столь туманным, а репутация посланца столь скверной, что мой муж, далекий от всяких интриг, опасался быть вовлечен помимо своей воли в какую-нибудь затею господина де Талейрана, который ни перед чем не останавливался и охотно выдвигал вперед людей, чтобы потом бросить их, спасая себя.

Таким образом, я отправилась в Муши и пробыла там три дня. Я приехала туда за два часа до обеда, увиделась с доброй принцессой де Пуа и с нашей тетушкой, а потом поднялась к госпоже де Дюрас. Я нашла ее в очень дурном настроении; она уже успела после нескольких смехотворных сцен поссориться со своим зятем, Леопольдом де Тальмоном. Они дошли до того, что писали друг другу письма с объяснениями на четырех страницах *from my own apartment**, как говорит *Le Spectateur*. Она стала мне пересказывать в подробностях свои обиды, потом показала мне письмо Леопольда, написанное утром того же дня; чтение его убедило меня в том, что он прав во всем. Так я ей и сказала с откровенностью, продиктованной нежной и искренней дружбой. Тогда ее гнев обратился на меня, и два дня моего пребывания в Муши я употребила на то, чтобы ее вразумить, но не преуспела в этом. Госпожа де Пуа, очень недовольная сценами, которые госпожа де Дюрас устраивала в гостиной, за столом и в присутствии слуг, потеряла надежду, что это когда-нибудь прекратится, после того как я ей сказала, что моего влияния на это не хватило.

Я уехала утром после завтрака, направляясь в Амьен через Париж. Не желая там ночевать, я заехала на квартиру господина де Лалли, который находился в Муши.

Задержавшись только на самое короткое время, чтобы слегка освежиться, я поехала к господину де Талейрану, которого нашла у него в комнате одного. Он принял меня, как и всегда, с той милой фамильярной любовью, от которой никогда не уклонялся в обращении со мной. О нем говорят много дурного — и он заслуживает, возможно, еще больше, хотя к нему не всегда справедливы, — и к нему можно было бы применить слова Монтескье, сказанные о Цезаре: «Этот человек не имел ни одного недостатка, хотя у него было немало пороков»**. Так вот, несмотря ни на что, он обладал обаянием, какого я не встречала ни у кого другого. Как бы вы ни вооружались против его аморальности, поведения, образа жизни, всего, в чем его упрекали, в конце концов он все равно обольщал вас, как птичку, которую завораживает взгляд змеи.

* Писано в моих личных апартаментах.

** III. Монтескье, «Размышления о причинах величия и падения римлян», глава XI «О Помпее и Цезаре»: «...Много говорят о счастье Цезаря; но этот необыкновенный человек обладал такими великими достоинствами, не имея ни одного недостатка, при многих пороках, что всегда оставался бы победителем, какой бы армией ни командовал, и управлял бы любой республикой, в какой бы он ни родился...»

В нашем разговоре в тот день не было ничего особенно замечательно-го. Я нашла только, что он с неким особым нажимом повторяет, что господин де Ла Тур дю Пен находится в Амьене на *хорошем, очень хорошем* месте. Я сообщила ему о своем намерении ехать на следующий день с утра. Он мне сказал этого не делать. Императора ждали как раз на следующий день; он собирался с ним увидеться, а потом приехать ко мне и тогда уже сказать мне, на который час я могу заказать почтовых лошадей, — это во всяком случае не должно было быть раньше 10 часов вечера.

Я вернулась к себе очень недовольная тем, что придется задержаться в Париже еще на сутки. Написав моему мужу об этой задержке, я постаралась занять себе следующий день, отправившись завтракать к моей доброй подруге госпоже де Морвиль и сделав несколько визитов. Париж показался мне мрачным, но еще до наступления темноты я услышала несколько пушечных выстрелов, объявляющих о приезде Императора. Великий человек возвращался в свою столицу, но вслед за ним уже шел враг!

В 10 часов лошади для меня были запряжены и ждали у моих дверей. Почтовый возница начинал уже проявлять нетерпение, да и я тоже, когда в 11 часов приехал господин де Талейран: «Что за безумство ехать в такой холод, да еще в открытой коляске! Но у кого это вы здесь живете?» — «У Лалли». Тут он взял со стола свечу и стал рассматривать гравюры в красивых рамках, развешанные по стенам комнаты: «А, Карл II, Яков II, да-да!» И он поставил подсвечник обратно на стол. «Боже мой, — воскликнула я, — что за дело до Карла II и Якова II! Вы видели Императора. Как он? Что он делает? Что он говорит после поражения?» — «Да оставьте же меня в покое с вашим Императором. Это конченный человек». — «Как конченный? — произнесла я. — Что вы хотите сказать?» — «Я хочу сказать, — отвечал он, — что это человек, который будет прятаться под кроватью!» Это выражение не произвело на меня в тот момент такого впечатления, как после продолжения нашего разговора. Я знала на самом деле, какую ненависть и обиду господин де Талейран питал в отношении Наполеона, но никогда еще я не слышала, чтобы он высказывался с такой горечью. Я засыпала его вопросами, на которые он отвечал только: «Он потерял все, что у него было... Он на пределе. Вот и все». Потом, пошарив у себя в кармане, он вытащил оттуда газету на английском языке и, подложив в огонь два полена, добавил: «Сожжем еще немного дров у бедняги Лалли. Вот, держите, поскольку вы знаете английский, прочтите-ка мне вот это место». Тут он показал мне довольно длинную статью, отчеркнутую на полях карандашом. Я взяла газету и прочитала:

Обед, данный принцем-регентом герцогине Ангулемской.

Я остановилась, подняла на него глаза, а он с бесстрастным выражением лица сказал: «Читайте же, а то ваш возница зажался». Я стала читать дальше. В статье описывалась обеденная зала, задрапированная небесно-

голубым атласом с букетами лилий, убранство стола, сплошь украшенное тем же королевским цветком, севрский сервиз с видами Парижа и т. д. Дочитав до конца, я остановилась и в недоумении посмотрела на него. Он забрал у меня газету, медленно ее сложил, положил обратно в свой обширный карман и сказал со своей тонкой лукавой улыбкой, одному ему присущей: «Ах, какая же вы глупая! Теперь уезжайте, только не простудитесь». И, позвонив, сказал моему лакею: «Подгоните экипаж мадам». На этом он меня оставил, только крикнул мне, надевая плащ: «Передайте от меня большой привет Гуверне. Я ему это посылаю к завтраку. Вы приедете как раз ко времени».

Я так рано добралась до Амьена, что господин де Ла Тур дю Пен к этому времени еще не встал. Не теряя ни мгновения, я пересказала ему приведенный выше разговор, который всю ночь так занимал мои мысли, что не давал мне заснуть. Он нашел в нем объяснение некоторых слов, сказанных в замешательстве Мерленом из Тионвиля, и рекомендовал мне держать в строжайшей тайне то, что я узнала, потому что если Бурбоны собирались взойти на трон такими средствами, то, по его словам, им не суждено было остаться там надолго.

III

За несколько дней до того в Амьен прибыл с особым поручением аудитор Государственного Совета; по его словам, ему надлежало ускорить набор почетной гвардии. Это был молодой человек самой очаровательной внешности и элегантных манер. Звался он господин де Бомон. Понемногу стало заметно, что он выдвигает неумеренные претензии. Хотя открыто его не в чем было упрекнуть, господин де Ла Тур дю Пен все же установил за ним пристальное наблюдение и вскоре узнал, что тот вступает в сношения со всеми самыми скверными людьми в городе. Наш сын Юмбер привез из Флоренции одного молодого итальянца, с которым потом расстался в Сансе из-за какой-то скабрезной истории с женщиной. Господин де Ла Тур дю Пен назначил его на должность в канцелярии префектуры, и он давал уроки итальянского моим дочерям. Он был необыкновенно умен. Ему поручили следить за тем, что делает господин де Бомон. Очень скоро он открыл его поползновения против моего мужа и его связи со всеми прежними террористами в городе, а также его сношения с Андре Дюмоном, супрефектом Аббевиля.

Господин де Ла Тур дю Пен решил от него избавиться. Он вызвал его к себе в кабинет. Когда тот явился, он объявил ему, что поведение его стало известно, что оно ставит под угрозу спокойствие в городе, за которое он в ответе как префект, и что он полагает, что тому в течение часа следует

покинуть Амьен, а через два часа быть уже за пределами департамента. Он добавил также, что если тот не подчинится добровольно, то двое жандармов, ожидающие наготове в приемной, им займутся. Этот человек был так захвачен врасплох таким заявлением, что не посмел сопротивляться.

В то же время мой муж велел Юмберу ехать в Париж, чтобы узнать новости. Мой сын уже две недели находился в Амьене. Будучи изгнан из своей супрефектуры вюртембергскими войсками, он приехал к нам, чтобы поправить здоровье, пошатнувшееся из-за подхваченного в Сансе плеврита; он был очень болен, когда враг подошел к городу. Желая любой ценой избежать плена, он в последний момент среди ночи покинул Санс, взяв с собой двоих больных солдат, которых он до того приютил и лечил у себя в супрефектуре. Его подняли и усадили в седло, один из солдат сел на круп лошади, чтобы его поддерживать, и так они выехали на дорогу на Мелен; туда он добрался почти при смерти. Те двое солдат так о нем заботились, что через два дня сумели посадить его в экипаж и перевезти в Париж к госпоже д'Энен, где он оставался до выздоровления. Оттуда он приехал к нам в Амьен. Чтобы вознаградить двоих своих спасителей, он помог им поступить в гвардию. Потом он с ними снова встретился в Генте¹⁸⁷.

Юмбер приехал в Париж к господину де Талейрану как раз тогда, когда тот принимал у себя в гостях императора Александра¹⁸⁸. Он провел ночь на скамеечке, которую ему указал господин де Талейран, велел никуда оттуда не уходить, чтобы быть под рукой, когда он сочтет нужным отправить его обратно в Амьен. В 6 часов утра господин де Талейран похлопал его по плечу. Юмбер увидел, что тот причесан и одет в парадное платье. «Езжайте, — сказал он ему, — с белой кокардой и кричите „Да здравствует король!“».

Юмбер был не вполне уверен, что проснулся. Тем не менее он встряхнулся, пустился в путь и приехал в Амьен, куда уже добрались новости о происходящих событиях, и господин де Ла Тур дю Пен не знал, что делать — признавать ли их или опровергать. Но общество не замедлило высказать свое мнение. Реквизиции, набор в почетную гвардию и прочее вывели из терпения все классы. Страх перед иностранными державами доводил беспокойство до предела. В один момент, словно электрическим ударом, крики «Да здравствует король!» раздались из всех уст. Горожане бросились на двор префектуры, чтобы получить белые кокарды, которыми Юмбер, уезжая из Парижа, набил все ящики своей коляски. Запас кокард вскоре был исчерпан. Я, однако, придержала достаточное количество для офицеров, которые во главе со своим храбрым майором Ле Термелье явились получить их из моих рук. Их физиономии, впрочем, не свидетельствовали об искренности этого шага, который совершался скрепя сердце. Только один из них, пожилой, с седыми усами, тихо сказал мне: «Я с радостью надеваю снова эту кокарду». Те, кто помоложе, были мрачны и печальны. Им казалось, что слава от них ускользает.

Днем, когда распространился слух о приезде Людовика XVIII, перед нами — господином де Ла Тур дю Пеном и мной — начали заискивать. Через несколько дней, когда стало известно, что префект поедет в Булонь встречать короля, что Его Величество остановится в Амьене и будет ночевать в префектуре, многие люди приходили ко мне и приносили всевозможные вещи для украшения дома: часы, вазы, картины, цветы, апельсиновые деревья в кадках.

Господин де Дюрас, который должен был заступить на годичное дежурство, проехал через город, чтобы встречать короля в Булони. Столько произошло всяких потрясений, но он сохранил все прежние предубеждения, всю ненависть, всю мелочность, все обиды прежних времен, словно и не было никакой революции, и наверняка часто повторял про себя слова, которые мы слыхали от него в его молодые годы, хотя он это потом и отрицал: «Сброд должен потеть!»

Господин де Пуа также отправился в Булонь, но остановился в Амьене, очень обеспокоенный тем, как примет его король, поскольку его сын Жюст де Ноайль был камергером Императора, а невестка — фрейлиной Императрицы. Сколько я ни говорила ему, что его семья, как и многие другие, заплатила ужасную дань Революции, жертвами которой стали его отец и мать, это его не успокаивало. Но у меня не было времени ободрять его, и я поручила своей дочери его уговаривать, пока сама я распоряжалась устройством стола на двадцать пять кувертов, который король должен был почтить своим присутствием. Я была в столовой, когда вошел какой-то господин и сказал несколько слов моему лакею тоном, который мне не понравился. Я подошла к нему и без околичностей спросила, по какому делу он здесь. Он попытался произвести на меня впечатление, заявив, что принадлежит к свите короля. Он очень удивился, когда ему пришлось понять, что я решительно намерена оставаться хозяйкой у себя в доме и совершенно не расположена позволять собой командовать. С ворчанием он удалился. Это был господин де Блакас.

Господин де Ла Тур дю Пен сообщил мне запиской, что король принял его с большой добротой и будет ночевать в префектуре вместе с герцогиней Ангулемской. Все было готово в назначенный час. Двенадцать юных девушек из Амьена, во главе которых была моя дочь Сесиль, очаровательная в свои четырнадцать лет, ожидали, чтобы преподнести букеты Мадам.

Экипаж, в котором находились король и Мадам, везли члены цеха мельников Амьена, которые потребовали этого по своей старинной привилегии. Эти достойные люди, числом пятьдесят или шестьдесят, все одетые за свой счет в новые одеяния из серого с белым сукна и в больших шляпах из белого фетра, сначала провезли королевский экипаж до собора, где епископ пропел *Te Deum*. Двери церкви держали закрытыми и открыли только после того, как король уселся в свое кресло у алтаря. Тогда

послышался шум, как от наводнения, и меньше чем за минуту эта огромная церковь заполнилась так, что и пылинке негде было упасть.

Когда я сейчас думаю о той массе глупостей, которые привели к свержению с трона его брата, я чувствую почти что стыд за то волнение, которое вызвало у меня зрелище этого старика, благодарящего Бога за свое возвращение на трон своих предков. Мадам простерлась перед алтарем в слезах, и я всем сердцем была с нею в тех чувствах, которые она должна была испытывать. Увы! Эта иллюзия не продержалась и двадцати четырех часов.

Мукомолы затем отвезли короля в префектуру, где он перед обедом принял городские корпорации и жителей города с той любезностью, присутствием духа и очарованием, которые его в высшей степени отличали. В 7 часов сели за стол. Обед был превосходный, вина прекрасные, к чему король был особенно чувствителен и за что я снискала множество любезных комплиментов. Господин де Блакас только тут обнаружил, что эта самая жена префекта, с которой он, простой провансальский дворянин, считал возможным разговаривать в бесцеремонном тоне, оказывается, дама прежнего двора. Он был очень смущен своей неловкостью и изо всех сил меня обхаживал, чтобы заставить забыть его первоначальное поведение; это ему, однако, не удалось.

IV

Мой кузен Эдвард Джернингом и его очаровательная жена сопровождали короля из Англии во Францию, и тот очень милостиво заявлял, что Эдвард служил его делу, публикуя в английских газетах статьи, имевшие большой успех. Эдвард, как и его жена, предчувствовал, насколько костюм Мадам, совершенно английский, не понравится наполеоновскому двору, собравшемуся в Компьене в ожидании нового суверена. Оба они понимали необходимость не задевать чувства людей с первого же взгляда. По их настоянию я поговорила об этом с фрейлиной Мадам мадемуазель де Шуази, которая потом стала госпожой д'Агу, и с господином де Блакасом, который сказал это королю. Но ничто не могло преодолеть упрямства принцессы.

Увы! Это было не единственное, в чем можно было ее упрекнуть за короткое время ее пребывания в Амьене.

Утром перед отъездом она приняла нескольких дам, которых я ей представляла. В их числе была госпожа де Моссион, урожденная де Фужере, жена ректора университета в Амьене, дама достохвальных добродетелей и поведения, заслуживающая величайшего уважения. Последнее ничуть не преувеличение, как следует из истории, которую я пересказала мадему-

азель де Шуази: будучи в заключении в Консьержери в одно время с королевой, госпожа де Моссион получила возможность выбраться оттуда благодаря какому-то обстоятельству, которого я не припоминаю. Она нашла средство передать несчастной государыне предложение обменяться с ней одеждой и занять место на ее постели, а королева бы вышла из тюрьмы. Эта преданность, достойная восхищения в молодой женщине, которой тогда было восемнадцать лет, несомненно, заслуживала по меньшей мере *любезного* приема. Она его не получила: Мадам не сказала ей ни слова. Я не знаю, какое чувство во мне было сильнее, удивление или негодование. Как бы то ни было, я никогда не забывала этот случай, и, когда теперь, тридцать лет спустя, я о нем вспоминаю, мне кажется, что все, что случилось потом, было по заслугам.

Мой зять перестал быть французом, сделавшись подданным нового короля Нидерландов, того самого принца Оранского, которого я видела в Англии в положении совсем необеспеченном. Он вернулся к своей семье в Брюссель вместе с моей дочерью, и эта разлука была мне очень тяжела. Я возвратилась в Париж, и мы с мужем поселились в хорошей квартире в доме номер 6 по улице Варенн; наш сын Юмбер тоже поселился там.

Вечером в день приезда я была вместе с госпожой де Дюрас на празднике, который давал генералиссимус австрийских войск принц Шварценберг. Там я увидела всех победителей и была свидетельницей всех низостей, которыми их окружали и, можно сказать, осыпали.

Какое любопытное зрелище для философского ума! Всё напоминало о Наполеоне: мебель, ужин, люди. Мне приходила мысль о том, что из всех собравшихся там одни дрожали перед Императором, когда бывали побиты, другие домогались прежде его милости или хотя бы улыбки, и ни один не казался мне достойным быть его победителем. О, без сомнения, картина была интересная, хотя и глубоко печальная. Госпожа де Дюрас видела в этом только счастье быть женой первого камергера этого года. Падение великого человека, завоевание нашей страны, унижительная доля принимать у себя победителей — ничто из этого, похоже, ее не беспокоило. Со своей стороны, я испытывала чувство стыда, которое, вероятно, никто больше не разделял.

Господин де ла Тур дю Пен предвидел, что его административная карьера окажется классом ниже того, на что он имел право, хотя это и отвечало его вкусам. Он пожелал вернуться на дипломатический пост, который занимал на момент Революции. Господин де Талейран, министр иностранных дел, предложил ему назначение в Гаагу. Новый король Голландии¹⁸⁹ этого желал, и господин де Ла Тур дю Пен охотно принял этот пост, хотя мог рассчитывать и на более высокое назначение. Но слова господина де Талейрана «Все равно, берите это» дали ему понять, что на него были другие планы.

Мой сын Юмбер, увы, соблазнился лестной возможностью поступить в военную свиту короля. Военным министром был генерал Дюпон, бывший адъютант моего отца, питавший ко мне большую привязанность. Юмбер, желавший жениться, предпочитал остаться в Париже, вместо того чтобы ехать префектом в какой-нибудь дальний французский городок. Его очаровательная внешность, остроумие, манеры, образованность открывали ему двери лучших домов Парижа во всех слоях общества. Его назначили лейтенантом «черных мушкетеров», названных так по масти их лошадей. Это соответствовало чину эскадронного командира в армии.

Глава XVI

I. Господин де Ла Тур дю Пен направлен на Венский конгресс. — Его жена провожает его до Брюсселя и возвращается через Турне и Амьен. — Рака святого Элефтера. — Александр де Ламет в должности префекта Амьена. — Жизнь в Париже. — Господин де Лидекерке награжден орденом Почетного легиона. — Аббат де Монтескье в должности министра внутренних дел. — II. Андре Дюмон и его ненависть к господину де Ла Тур дю Пену. — Клеветнический памфлет. — Вышитые шляпки госпожи Бертран. — Двор и происки бонапартистов. — Смерть маленькой дочери госпожи де Лидекерке. Госпожа де Лидекерке едет в Вену к мужу. — Болезнь Эймара. — Выздоровление, на которое уже не надеялись. — Истоки его увлечения искусством. — III. При дворе Людовика XVIII. — Допуск во дворец и во внутренние апартаменты. — Большой стол в день Святого Людовика. — Два бала у герцога Беррийского. — Альбертина де Сталь. — Веллингтон и аббат де Прадт. — IV. Самонадеянность господина де Блакаса. — Завтрак в Турецком саду. — Известие о высадке Наполеона в заливе Жуан. — Госпожа де Ла Тур дю Пен решает ехать в Брюссель. — У министра финансов господина Луи. — Ночь беспокойного ожидания. — V. В Брюсселе. — Визит к королю Голландии. — Герцог Беррийский ограблен. — Роспуск Венского конгресса. — Господин де Ла Тур дю Пен направлен с поручением к герцогу Ангулемскому.

I

В то время, когда было принято решение о созыве Венского конгресса, я как-то утром находилась в кабинете господина де Талейрана. Господин де Ла Тур дю Пен уехал в Брюссель, чтобы присутствовать на коронации нового короля и вручить ему свои верительные грамоты. Он должен был вернуться через день или два.

Я собиралась покинуть кабинет министра иностранных дел и уже взялась за ручку двери, чтобы ее открыть, как вдруг заметила на лице господина де Талейрана то знакомое мне выражение, с которым он обычно собирался проделать какой-нибудь фокус в своем ремесле. «Когда возвращается Гуверне?» — спросил он. «Завтра», — отвечала я. «А! — сказал он. — Так поторопите его с возвращением, потому что он должен ехать в Вену». — «В Вену? — отозвалась я. — А зачем?» — «Вы, значит, ничего не понимаете. Он едет посланником в Вену, в ожидании конгресса, где он будет одним из послов». Я вскрикнула, но он добавил: «Это секрет. Не говорите об этом, а его отправьте ко мне, как только он выйдет из экипажа».

Я с нетерпением дожидалась мужа, держа приятную новость в тайне от всех, за исключением моего сына Юмбера.

Это назначение принесло моему мужу множество завистников. Госпожа де Дюрас была в негодовании. Она хотела бы, чтобы этот пост получил господин де Шатобриан, к которому она тогда питала самую пылкую страсть. Адриан де Лаваль не мог утешиться даже обещанием, что он будет назначен послом в Испанию, и все кричали о несправедливости, потому что мой муж сохранял вдобавок и свой пост в Гааге.

В своей семье мы решили, хотя меня это очень огорчало, что господин де Ла Тур дю Пен поедет в Вену один, а я останусь в Париже, чтобы заниматься женитьбой Юмбера. Господин де Ла Тур дю Пен написал Огюсту, нашему зятю, уже намеревавшемуся вступить на дипломатическое поприще в своей стране, приглашая его поехать с ним в Вену в качестве личного секретаря или просто путешественника, поскольку тот больше не был французом, став снова подданным Нидерландов. Мы подумали, что если господин де Ла Тур дю Пен останется в Вене после конгресса, то нам будет несложно добиться от короля Нидерландов назначения Огюста в посольство в Вене. Тогда мы с Шарлоттой приехали бы к своим мужьям. Эти планы, как и многие другие, были в дальнейшем опрокинуты событиями публичной и частной жизни. Было все же решено, что я доеду с моим мужем до Брюсселя. Там он заберет с собой зятя, а я увезу дочь с ее ребенком в Париж. Так и было сделано.

Перед отъездом из Парижа, где оставался Юмбер, я поместила Эймара в пансион к учителю господину Гийемену, на улице Нотр-Дам-де-Шан; об этом заведении у меня были самые лучшие отзывы. Кроме того, я поручила своего сына заботам хозяйки этого дома. Все позволяло мне предполагать, что о нем будут хорошо заботиться. Ниже будет рассказано, чем эти люди ответили на мое доверие.

Наше путешествие из Брюсселя обратно в Париж прошло очень приятно, хотя я была весьма опечалена и огорчена, что не поехала с господином де Ла Тур дю Пенем в Вену. Однако ничто не позволяло мне предвидеть, что его отсутствие должно продлиться так долго, как оказалось на деле. Вдобавок меня уверили, что из министерства иностранных дел отправляются по два раза в неделю экстраординарные курьеры, и это позволяло мне надеяться, что я буду регулярно получать от своего мужа самые свежие новости.

Мы проехали через Турне, где в подробностях осмотрели две прекрасных фабрики, ковров и фарфора, а также собор. Мы видели там великолепную раку святого Элефтера, недавно откопанную в саду, где ее спрятали при первом вторжении французов. Дальше наш путь прошел через Амьен. Мы остались в этом городе на два дня, чтобы уладить кое-какие дела, касающиеся мебелировки, с Александром де Ламетом, который толь-

ко что был назначен префектом на смену господину де Ла Тур дю Пену. Моя дочь Шарлотта была наделена живым и проницательным умом. Она быстро обнаруживала слабости окружающих и имела особый талант проливать свет на их смешные черты и претензии. Она нарочно подстрекала Александра де Ламета проявлять свое высокое мнение о самом себе, благодаря чему в течение двух дней, проведенных нами в Амьене, перед нами разыгрывалась настоящая комедия.

По прибытии в Париж мы получили известия от наших путешественников. Я устроилась у себя в квартире, а Шарлотта поселилась в комнатах, которые раньше занимал ее отец.

Я водила ее к своим знакомым. Каждый день мы вместе наносили визиты дочерям мадам де Дюрас — это была цель нашей утренней прогулки — или проводили у них вечера. Одна из них, Фелиси, вышла замуж за молодого Леопольда де Тальмона, а другая, Клара, жила в Тюильри с матерью. Моя дочь Сесиль была еще слишком молода, чтобы выезжать в свет, — ей не было еще и пятнадцати лет. Все утренние часы были у нее посвящены урокам, а вечерами она выезжала с нами только либо к госпоже д'Энен, нашей тетушке, либо к госпоже де Дюрас, когда у той не было званого вечера.

Генерал Дюпон, бывший адъютант моего отца, очень заботившийся о моих интересах, устроил награждение Огюста крестом Почетного легиона за заслуги в должности супрефекта Амьена в момент Реставрации. Я отправила награду Огюсту в Вену, что доставило ему большое удовольствие.

По правилам он должен был бы получить это отличие по представлению аббата де Монтескье, который был тогда министром внутренних дел. Но я была у него совершенно не в фаворе, и мне было бы неприятно прибегать к его содействию. У меня не было и никакой личной причины это делать, поскольку ни мой муж по дипломатической части, ни мой сын в армии не относились к его министерству. Господин де Монтескье вместе с сутаной вернул себе и манеру держаться, приличествующую служителям церкви; но я не могла забыть, как видела его в театре одетым в розовый жилет и смеющимся во все горло над фарсами Брюне, и его новое поведение казалось мне смешным и нарочитым. Вдобавок, в силу одного обстоятельства, о котором я сейчас расскажу, мы с ним были не в ладах.

II

Как я уже сказала, когда король прибыл из Англии, господин де Ла Тур дю Пен встречал его в Булони. Проезжая туда через Аббевиль, одну из супрефектур своего департамента, он счел необходимым заявить тамошнему супрефекту Андре Дюмону, что считает невозможным представить его

королю, в силу обстоятельств его прошлой жизни, к сожалению, слишком известных. Его роль в Конвенте, его поведение в бытность комиссаром — все это, по мнению префекта, составляло непреодолимое препятствие для представления его новому государю. Поэтому господин де Ла Тур дю Пен попросил его — а если тот не соглашался по доброй воле, то он это ему приказывал — уехать из Аббевиля под каким-нибудь предлогом на то время, когда там будет проезжать король. На посту его мог временно заменить один из советников префектуры.

Андре Дюмон, памятный кровавыми делами, согласился с этим распоряжением, которое по обоюдному согласию должно было остаться в тайне между ним и господином де Ла Тур дю Пенем. Сам король не знал о том, что произошло. Несмотря на это, цареубийца затаил сильную обиду на своего префекта. Сразу же после отъезда господина де Ла Тур дю Пена в Вену он издал брошюру, в которой, ссылаясь на то, как великодушно было поступлено с другими цареубийцами, выставял себя жертвой недоброжелательства моего мужа, обвиняя его в несправедливости, злоупотреблении властью и даже в лихоимстве и пр.

Мне написали из Амьена, что этот пасквиль был отправлен в Париж для дальнейшего распространения силами господина Бенуа, главного секретаря департамента внутренних дел и друга Дюмона. Мой сын Юмбер пошел к господину Бенуа, который принял его довольно плохо. Он попытался если не оправдать Дюмона, что было бы невозможно, то показать, что суровость моего мужа была чрезмерной.

Со своей стороны, я отправилась к министру полиции господину Беньо, чтобы сообщить ему об этой публикации, которой он, возможно, мог бы воспрепятствовать. Это было бы очень кстати, поскольку она была такого рода, что повредила бы господину де Ла Тур дю Пену в его новом положении. Надо было предвидеть, что ею попытаются воспользоваться его недоброжелатели.

Господин Беньо, как и всегда, был очень любезен и мил. Разговор затем перешел на другие темы, в частности, на интриги бонапартистов, которые при дворе и в роялистских салонах было принято отрицать, но министра полиции они очень заботили. Под конец долгой беседы наедине он спросил меня: «Видитесь ли вы с вашей мачехой госпожой Диллон?» — «Конечно», — ответила я. «Так вот, — сказал он, — окажите ей услугу. Сообщите ей, что госпожа Бертран не нуждается в *вышитых шляпках*». Я хотела узнать подробнее, о чем речь, но он утверждал, что этого будет достаточно; и я ушла.

Назавтра я вместе с моими дочерьми поехала с визитом к своей мачехе. Она уже страдала от той болезни, которой предстояло унести ее три года спустя. Поговорив о вещах незначительных, я, уже вставая, тихо сказала ей: «Моя сестра не нуждается в *вышитых шляпках*». Она ахну-

да и воскликнула: «Люси, во имя неба, кто вам это сказал?» — «Господин Беньо», — отвечала я. Услышав это имя, она осела в своем кресле и тихим голосом сказала: «Ах! Все потеряно!»

Но нет, увы, ничего не было потеряно для заговорщиков, потому что кругом упорно не желали верить в заговор. В Тюильри, у министров, у госпожи де Дюрас, у герцогини д'Эскар роялисты состязались в том, кто лучше сумеет высмеять «дрожащих трусов», которые везде видели Наполеона. Кругом музицировали, танцевали, забавлялись, как школьники на каникулах. Как-то вечером в то время у госпожи де Дюрас были двое или трое генералов с женами в дорогих уборах, в их числе маршал Султ и его супруга. Господин де Караман наклонился ко мне и сказал: «Вот, на вас смотрят глаза Богоматери Пилар». Действительно, ходили слухи, что два огромных бриллианта в серьгах супруги маршала были сняты с этого чудотворного изображения Богоматери, столь почитаемого в Испании. Несмотря на богатый убор, эта очень некрасивая дама выглядела маркитанткой.

Моя бедная Шарлотта имела несчастье потерять свою маленькую дочь, после того как в восемь месяцев перестала ее кормить. У девочки резались зубы, и она сгорела за два дня. Она умерла на моих руках, и я оплакивала ее, как если бы это было мое собственное дитя. Горе матери еще более усиливало мою печаль. Я пыталась развлечь мою бедную Шарлотту, отвезя ее на весь следующий день к госпоже д'Энен, пока Юмбер занимался печальными делами похорон несчастного милого ребенка, о котором мы все скорбели.

В тот самый момент, когда мы были у госпожи д'Энен и к нам туда приехал Юмбер, прибежала моя горничная в сильном смятении и сообщила, что ему надо возвращаться домой, потому что его там ждут. Шарлотта слышала, хотя горничная говорила очень тихо, что речь шла о господине де Лидекерке, приехавшем из Вены курьером. Оба, и брат, и сестра, были охвачены страхом, не случилось ли чего с их отцом. Они бросились во двор, вскочили в кабриолет Юмбера и уехали до того, как я успела понять, что происходит.

Благодарение Богу, их предчувствия не оправдались. Мой муж пребывал в добром здравии, а наш зять Огюст был просто послан с депешами в качестве экстраординарного курьера, которого отправляли из Вены каждую неделю. Через два дня ему надо было ехать обратно, и он спешил обнять свою жену. Отчаяние Шарлотты, потерявшей свое дитя, навело меня на мысль отправить ее с мужем в Вену. Поскольку ее отец нежно ее любил, ее присутствие там стало бы и для него невыразимым счастьем. У меня был отличный дорожный экипаж. Я озаботилась покупкой и упаковкой всего необходимого, чтобы у моей дочери были элегантные туалеты для празднеств предстоящего конгресса. Вдобавок я предоставила в ее

распоряжение свою горничную, особу очень умелую. Она была полностью снаряжена. Благодаря моей обычной деловитости, как только решения были приняты, через день моя дочь была готова отправиться в путь. Она сразу же уехала в Вену со своим мужем, который вез депеши от господина де Талейрана, еще остававшегося в Париже.

Я осталась одна со своей юной Сесиль, которой тогда было пятнадцать лет, и двумя сыновьями, Юмбером и Эймаром. Этого последнего я чуть было не лишилась вскоре из-за плеврита, вызванного небрежением хозяйина его пансиона. Я навещала Эймара дважды в неделю, по воскресеньям и четвергам. В один из этих дней, в конце ноября, когда я пришла, мне сообщили, что он простужен. Я сразу забеспокоилась, и тут меня повели в лазарет. Он представлял собой скверную комнату в нижнем этаже, со стороны двора, с окном на северную сторону. Я пришла в совершенный ужас, увидев открытыми и дверь, и окно, под тем предлогом, как мне сказали, что там «дымит печка». Своего сына я нашла в сильной лихорадке, и симптомы чрезвычайно меня встревожили. Я затребовала врача этого заведения. Он должен был прийти только назавтра. Услышав это, я без промедления села в экипаж и поехала за своим врачом Овити. Он жил на улице Дюфо, довольно далеко от улицы Нотр-Дам-дю-Шан. К счастью, я его встретила; хотя он сам был в большом беспокойстве из-за состояния здоровья своей молодой жены, он все же решил поехать со мной.

Прошло более двух часов, пока мы добрались обратно в пансион. Состояние Эймара еще ухудшилось. Овити, возмущенный тем, что его поместили в такой скверной комнате, сказал мне: «Мадам, если вы желаете сохранить своего ребенка, его надо увезти отсюда». С этими словами, завернув его в одеяло, он сам отнес его в экипаж, я села с ними, и мы его привезли ко мне. Несколько дней ему делалось все хуже и хуже. Овити приходил трижды в день. На шестой день он обратился за консультацией к своему отцу и к господину Галле, знаменитому тогдашнему врачу. Они сказали моему сыну Юмберу, что надо подготовить меня к утрате его брата и что тот «не переживет ночь». После чего они получили каждый по наполеондору за этот вердикт и удалились, чтобы больше не возвращаться.

Овити, однако, не опускал руки. Он послал за *жилетом из шпанских мух* к аптекарю, единственному в Париже, который такие делал. Этот жилет надели на маленькое, уже исхудавшее тело моего восьмилетнего ребенка, и он оказался укрыт им полностью, за исключением рук. Каждые пятнадцать минут ставили новые горчичники к ступням, и одновременно каждые две минуты кофейной ложечкой давали освежающее и питательное питье. На следующее утро тело бедного малютки представляло собой одну сплошную рану, но лихорадка спала, и Овити произнес столь сладостные для слуха матери слова: «Он спасен!»

Выздоровление было долгим. К тому дню, когда врач предписал свежий воздух и физические упражнения, погода стала уже так плоха, что я не могла вывести маленького больного на улицу. Тогда мне пришлось в голову испросить карточку художника, чтобы водить его в музей. Это было словно предчувствие будущего вкуса Эймара к искусству. Через госпожу де Дюрас я получила разрешение водить его туда с нянькой каждый день. Там он мог бегать в свое удовольствие. Через полтора месяца, когда погода улучшилась настолько, чтобы можно было без опасений гулять в Тюильри, мой сын жалел о расставании с музеем и картинами, сюжеты и авторов которых он уже знал. Я не сомневаюсь, что те долгие часы, проведенные в музее, много способствовали развитию в Эймаре склонности к искусствам и дали ему первое художественное воспитание.

III

В ту зиму, когда здоровье моего сына больше не внушало никакого беспокойства, я стала много выезжать в свет. Я старалась собирать известия, слухи, часто даже сплетни, чтобы изложить их в письмах, которые я регулярно писала господину де Ла Тур дю Пену и дважды в неделю отправляла с курьерами министерства иностранных дел. Поскольку я жила совсем рядом с министерством, я запечатывала свои письма только тогда, когда господин Рейнхардт, который занимался этой частью отправки почты, присылал ко мне за ними посыльного. Если бы та корреспонденция не была потом сожжена, как я скажу ниже, она бы помогла сделать эти мемуары более пикантными и интересными. Теперь, когда столько дней пролетело над моей головой, и пришла уже старость, и память моя более или менее повредилась, я чувствую, что многие факты и подробности ускользают от меня.

Как проходило мое время после реставрации монархии? Я отправлялась сначала в Тюильри, когда король принимал дам, — это было примерно раз или два в неделю. В качестве прежней придворной дамы королевы я была там принята. Это означало, что вместо того, чтобы смешиваться с толпой женщин, толкавшихся в первой гостиной, так называемой гостиной Дианы, в ожидании, пока король *прокатится* — ходить он не мог — по тронному залу, я сразу занимала место на расставленных в зале диванчиках вместе с другими дамами, пользовавшимися такой же привилегией. Там были и многие мужчины, которые тоже имели туда доступ, и мы, удобно устроившись, беседовали до момента, пока сакраментальное слово «Король!» не заставляло нас подняться на ноги и принять более или менее приличную и почтительную позу. Затем мы одна за другой проходили мимо королевского кресла. Король всегда находил что-нибудь смешное

или любезное сказать мне. Так, в день святого Людовика в галерее Дианы было торжественное застолье. Вдоль большей части галереи была устроена загородка и оставлен проход для всех тех, кто желал увидеть подковообразный стол, за которым сидело королевское семейство. Король один занимал торец стола, сидя лицом к любопытствующим. По одной из боковых сторон помещались герцог Ангулемский и его жена, а напротив них герцог Беррийский и, может быть, еще герцог Орлеанский, но что касается последнего, я утверждать не берусь. Позади короля стояли высшие придворные, а дальше на ступеньках женщины. В тот день я предпочла остаться *в народе*, чтобы пройти вдоль загородки с моими дочерьми. Король заметил меня в проходящей толпе и крикнул мне: «Это как в Амьене!» Это вызвало ко мне большое почтение среди доброго народа.

Герцог Беррийский дал в ту же зиму два бала, куда была приглашена вся бонапартистская знать: герцогини де Ровиго и де Бассано и пр. Они не танцевали и, по виду, пребывали в самом скверном настроении, несмотря на все авансы и заботы принца и его адъютантов. Мы с госпожой де Дюрас привозили на эти балы Альбертину де Сталь. Мы ее совершенно преобразили после того, как добились от ее матери, которая сама, несмотря на свои пятьдесят лет, по-прежнему одевалась, как канатная плясунья, разрешения одеть ее по нашему вкусу. Это удалось нам не без труда, поскольку пришлось переделывать все, что она носила, вплоть до сорочки. Все нашли ее так переменившейся к лучшему, что с этого дня она забросила свои прежние привычки к английским туалетам. Герцог де Брولли был в нее очень влюблен, и, если я не ошибаюсь, как раз на одном из этих балов он и решил просить ее руки у ее матери.

Поскольку я упомянула о госпоже де Сталь, здесь следует сказать, что я возобновила свое давнее знакомство с нею, когда она вернулась в Париж вскоре после Реставрации. Я уже виделась с нею прежде, в 1800 году, когда приехала из Англии, незадолго до того времени, когда Наполеон заставил ее покинуть Париж, и потом в разные другие моменты. 18 фрюктидора она проявила себя большой революционеркой, увлекаемая своей более чем близкой связью с Бенжаменом Констаном. Ее последнее преобразование совершилось в Англии, откуда она вернулась роялисткой. Она с остроумием и любезностью принимала у себя знаменитостей из всех стран Европы, которых было немало в Париже зимой 1814–1815 годов.

Я была у нее в салоне в тот день, когда в Париж прибыл герцог Веллингтон. Там собралось еще сто человек, которым всем было любопытно увидеть этого уже ставшего знаменитым персонажа. Мое знакомство с герцогом относилось ко временам моего детства. Разница в возрасте между нами была невелика, а его мать леди Морнингтон была очень близка с моей бабушкой госпожой де Рот. Мы провели немало вечеров вместе: юный Артур Веллингтон, его сестра леди Анна и я. Позже я встречалась

с леди Анной в Англии, в Хэмптон-Корте, когда я приезжала туда повидать старого штатгальтера принца Оранского. Герцог признал меня как старинную подругу. Должно быть, и ему в этом салоне, где на него было устремлено столько взоров, было приятно найти кого-то, кто мог бы ему отвечать, если бы он о чем-то спросил.

Среди присутствующих находился человек, сгоравший от желания завязать разговор с героем дня. Это был господин де Прадт, уже упоминавшийся архиепископ Малинский. Госпожа де Сталь подвела их друг к другу. Господин де Прадт, убедившись, что герцог прекрасно говорит по-французски, начал ему объяснять дела Европы и Франции. Полчаса он проговорил без остановки. Что до герцога, то он едва мог вставить несколько восклицаний, которые архиепископ принял за знаки восхищения. Невероятное самолюбие господина де Прадта часто заводило его за пределы допустимого. Так, говоря об Императоре, он осмелел настолько, что произнес такие слова: «И наконец, милорд, Наполеон однажды сказал: „Есть лишь один человек, который помешает мне стать хозяином Европы“». Каждый предполагал, что продолжением этой речи будет: «И этот человек, милорд, — это вы!» Но нет же — он продолжал так: «И этот человек — это я!» Герцог Веллингтон воскликнул: «О!» — и не мог удержаться, чтобы не засмеяться ему в лицо, что ни в коей мере не обескуражило архиепископа¹⁹⁰.

Во время пребывания герцога в Париже перед отъездом на Венский конгресс я встречала его почти каждый день. Я ему представила своего сына Юмбера, к которому он был очень добр. Юмбер в совершенстве говорил по-английски. Он освоил этот язык в Америке и в Англии. Он также хорошо знал итальянский. В ту зиму, когда Париж был полон иностранцев, его часто принимали за англичанина или итальянца. Из Парижа герцог Веллингтон уехал на конгресс, где уже находился господин де Талейран.

IV

Господин де Блакас жил на широкую ногу. Его заносчивость не позволяла ему допустить ни малейшего подозрения о заговоре. Он пожимал плечами и насмехался над теми, кто склонен был полагать, что Наполеон уже ужасно близок.

Однажды Юмбер пришел очень озабоченный. Возвращаясь из мушкетерских казарм, он повстречал двух генералов — я не могу припомнить их имена, один из них был мулат, — с которыми был довольно близко знаком в Сансе. Они пригласили его пойти позавтракать с ними в Турецком саду; Юмбер согласился. После устриц и шампанского эти господа начали его прошупывать насчет правительства, общего недовольства,

сожалений о том, что они не служат больше Императору. Затем, при содействии шампанского, они дошли до таких откровенностей, которыми Юмбер был поражен и весьма обеспокоен. Он был далек от того, чтобы предвидеть, с какой отвагой Наполеон рискнет высадиться на французский берег, но разговор двоих его сотрапезников дал ему ясно понять, что готовится вербовка. Те два генерала были люди довольно мало известные, но Юмбер мысленно легко добрался до руководителей заговора, а главное, до королевы Гортензии, у которой собирался руководящий комитет бонапартистов. Когда госпоже де Дюрас было рассказано об этом завтраке и о разговоре, при котором он присутствовал, она также забеспокоилась и поделилась своим беспокойством с мужем. Тот поговорил об этом с королем; но находившийся рядом господин де Блакас все смягчал и поднимал на смех людей, которые верили в возвращение Императора.

Как-то вечером в первых числах марта я была у госпожи де Дюрас в Тюильри. Было много народу, среди прочих генерал Дюлоуа и его жена. Я заметила, как они обмениваются меж собой непонятными знаками, которые возбудили мое живейшее любопытство. Они словно говорили: «Нет, они ничего не знают». Госпожа Дюлоуа, казалось, еще и боялась чего-то и испытывала большое желание удалиться, особенно когда через салон проходил господин де Дюрас, вернувшийся с церемонии королевского отхода ко сну. В этот момент она покраснела, встала и вышла, уведя за собой своего мужа. Я осталась последней после ухода гостей и дождалась, пока госпожа де Дюрас придет обратно из комнаты своего мужа, куда она последовала за ним. Я увидела, что она очень взволнована, и она сказала мне: «Происходит что-то ужасное, но Амеде не хочет мне рассказать, что именно». Тогда я вернулась домой вместе с Юмбером, и мы с ним, как всегда, перебрали все возможные гипотезы, кроме верной. На следующее утро по Парижу распространилась весть о высадке в заливе Жуан. Ее принес лорд Лукан. Выехав накануне вечером в Италию, в нескольких станциях от Парижа он повстречал курьера, который ехал из Лиона с этим известием. Лорд тут же повернул обратно в Париж, где и сообщил об этом.

Последствия этого события уже стали достоянием истории. Я удовольствуюсь здесь рассказом о том, что касается меня лично.

Я слишком хорошо знала, с одной стороны, двор, а с другой стороны, силу партии Наполеона, чтобы испытывать хоть малейшие сомнения насчет эффективности мер, которые будут приняты.

Господин де Ла Тур дю Пен, хотя и являлся одним из четырех послов Франции на Венском конгрессе и временным поверенным в дипломатических делах Франции в Австрии, тем не менее оставался по-прежнему в должности посланника Франции в Голландии. Я считала, что не могу оставаться в Париже, когда туда вот-вот придет Наполеон, и что мне надо ехать в Брюссель или в Гаагу. Мои планы были доложены королю

господином де Жокуром, замещавшим должность министра иностранных дел. Он одобрил мою решимость, и я стала готовиться к отъезду.

Юмбер, как только было принято решение об отъезде короля, уже не мог покидать мушкетерские казармы. Вследствие этого я оказалась совершенно одна со всеми хлопотами по устройству путешествия, которое мне предстояло совершить с моей дочерью Сесиль, которой тогда было шестнадцать лет, и сыном Эймаром, которому было восемь.

У меня осталось в памяти множество мелких затруднений, из которых я выходила с обычным своим хладнокровием. По прошествии стольких лет они уже не представляют интереса. Я расскажу, однако, о следующем. Я пришла вечером к министру финансов, чтобы получить жалованье господина де Ла Тур дю Пена, которое я хотела взять с собой. Король должен был уезжать тогда же в полночь. Войдя в кабинет министра, господина Луи, с которым я уже давно была довольно близко знакома, я нашла его в ужасном гневе: «Посмотрите, — сказал он мне, указывая на сотню маленьких бочонков вроде тех, в которых продают анчоусы, — я распорядился приготовить эти бочонки, в каждом из которых по 10–15 тысяч франков золотом. Я хотел поручить по одному бочонку каждому телохранителю, назначенному сопровождать короля, а эти господа отказываются их брать, заявляя, что это не их дело». С этими словами он подписал мне распоряжение о выдаче, по которому я сразу же получила положенную сумму. Я затем отнесла деньги к своему поверенному, чтобы он мне обменял их на золото. Я просила господина Луи отдать мне один из бочонков с золотом, сложенных у него в кабинете, но он наотрез отказал. Когда я выходила от своего поверенного, уже пробило 9 часов, и он мне сказал вернуться в 11 часов, чтобы он мне отдал золото, которое раздобудет.

Я заехала попрощаться к своей тетушке госпоже д'Энен, которая также решила уехать. Я нашла ее в обществе господина де Лалли в невыразимом смятении; она паковала вещи, жестикулировала, торопила своего толстого друга, который никак не мог ничего закончить. Увидев меня, она воскликнула: «А вы что же, не едете, раз у вас такой спокойный вид?»

Я оставила ее посреди свертков и пакетов, гневающейся на господина де Лалли, и поехала попрощаться со *своим министром* господином де Жокуром, завизировать у него паспорт и попросить дорожную на почтовых лошадей — вещь необходимую, поскольку к полуночи, вероятно, ни одной лошади бы уже не осталось. Наконец, когда било 11 часов, я вернулась к своему поверенному на улицу Сент-Анн. Он отдал мне 12000 франков в свернутых столбиках наполеондоров. У меня был наемный кабриолет. Садясь в экипаж, я сказала кучеру: «Ко мне домой». Я жила на улице Варенн, в доме номер 6. Мы хотели ехать через Карусель, но из-за отъезда короля там проезда не было. Мой кучер поехал по улице Риволи. Въезжая на мост Людовика XVI, он услышал, что бьет полночь. Тут он

резко остановился и заявил мне, что ни за что на свете не сделает дальше ни шагу. Он сказал, что живет в Шайо и в полночь ворота будут закрыты; он требовал, чтобы я с ним расплатилась, и предлагал дальше продолжать путь *пешком*.

Напрасно я употребляла все мое красноречие и обещала ему большие чаевые, чтобы он довез меня хотя бы до фиакра. Он отказался. Мне пришлось выйти из экипажа, хотя я и была охвачена смертельным страхом. К счастью, в ту же минуту я услышала шум экипажа. Это был фиакр, и, благодарение Богу, пустой! Я бросилась к нему, обещая кучеру щедрое вознаграждение, чтобы он отвез меня домой.

Вернувшись, я сразу же послала за почтовыми лошадьми. Несмотря на мою подорожную *по особому поручению*, несмотря на подпись министра, я прождала до 6 часов утра двух несчастных кляч для запряжки в небольшую коляску, в которую уселись я с Эймаром, моя милая Сесиль и молоденькая бельгийская горничная, которую я сама воспитала и потом оставила у себя на службе.

Все эти долгие часы ожидания я провела у окна, прислушиваясь, не ведут ли лошадей. Никогда я не испытывала такого нетерпения. В Париже царила глухая тишина. Однако каждую минуту под окном проходили какие-то люди, все следуя в одном и том же направлении. По большей части это были солдаты, их можно было узнать в свете уличных фонарей по клеенчатым чехлам, надетым на их кивера. Хотя погода стояла хорошая, все военные, чтобы скрыть белую кокарду, надели этот отличительный знак объединения, украшенный букетиком фиалок.

V

Наше путешествие не было отмечено никакими происшествиями. Только где-то около Перонна или Ама мы видели, как по поперечной дороге, пересекающей большой тракт, широкой рысью в беспорядке скачет отряд кирасир. Проезжая мимо нас, они крикнули: «Да здравствует Император!»

Мы приехали живые и здоровые в Брюссель, и я там наняла маленькую квартирку на улице Намюр у адвоката господина Юара. Кажется, он потом был министром у короля Леопольда. Я с большим нетерпением ожидала известий из Вены. Отправка курьерской почты, которая посылалась обычно в министерство иностранных дел и с которой мой муж и моя дочь Шарлотта писали мне, была, без сомнения, прервана. Хотя я сообщила им обоим о своем отъезде в Брюссель, я по многим причинам опасалась, что надолго останусь без вестей от них. Так оно на самом деле и произошло.

В Брюсселе я встретила всех своих знакомых, как бельгийцев, так и французов. Все меня хорошо принимали, за исключением бонапартистов, к числу которых относились и семейства Тразеньи и Мерси.

Король Голландии находился в Брюсселе. Я представилась ему, и он меня превосходно принял. Мы сидели на канapé в бывшем кабинете господина де Ла Тур дю Пена. Повернувшись ко мне, он сказал: «Находясь в этой гостиной, я стараюсь по вдохновению найти средство стать столь же любимым, как был ваш муж». Увы! Бедный государь в этом не преуспел. Я настойчиво говорила ему об интересах моего зятя, который стал теперь его подданным. Возможно, именно этот разговор открыл ему путь к дипломатической карьере. Я желаю, чтобы он об этом помнил.

Госпожа де Дюрас также приехала в Брюссель со своей дочерью Кларой и матерью, госпожой де Керсен. Через несколько дней после нашего приезда эту последнюю разбил апоплексический удар; это случилось вечером, за чаем. Бедная женщина совсем заговаривалась. О ней совершенно не жалели. Ее дочь, впрочем, обращалась с ней очень хорошо, но своему зятю она была очень в тягость.

Еще до этого печального происшествия мы с госпожой де Дюрас проводили вечер вместе, когда нам объявили, что некий знакомый нам *господин* желает с нами поговорить. Добавили еще, что он не смеет явиться к нам в гостиную, поскольку не одет должным образом. В то время постоянно приходилось быть готовыми к чему-нибудь необычному. Мы вышли на площадку лестницы в Отель де Франс. Там мы увидели лакея, сплошь покрытого грязью, которого мадам де Дюрас сразу же узнала. Он открыл перед нами дверь в комнату, и мы оказались перед герцогом Беррийским. Он рассказал нам, что полковник *добровольческого отряда*, то есть сборища разбойников, по имени Латапи, ограбил его на дороге, обчистил все экипажи и забрал у него все вплоть до рубашек. Поскольку я очень хорошо знала Брюссель, он поручил мне добыть ему заново всё необходимое. Я тут же связалась с доброй мадам Брюнель, которой с большим удовольствием доставила этот выгодный заказ. Позже я еще буду говорить об этом Латапи, имя которого только что было упомянуто.

Моя дорогая дочь Шарлотта приехала спустя некоторое время из Вены одна со своей горничной и отцовским лакеем. Она рассказала мне, что конгресс был распущен при известии о высадке Наполеона в Каннах. Каждый бежал со всех ног, и державы, всегда готовые стать врагами, помирились перед лицом общей опасности. Все уже думали только о том, как заставить Францию дорого заплатить за прием, оказанный ею своему герою, который сделал ее столь могучей и славной и в то же время приобрел ей столько врагов.

Дофин¹⁹¹ в южных провинциях собрал что-то вроде партии, которая могла бы сделаться значительной при другом руководителе. Искали кого-то, кто бы отвез этому принцу уверения в союзе держав ради

уничтожения Наполеона. Господин де Ла Тур дю Пен, как всегда, преданный долгу, согласился поехать в Марсель к Дофину. Он выехал; его зять доехал с ним до Генуи и оттуда привез мне в Брюссель вести о моем муже. В Брюсселе молодой де Лидекерке встретился со своей женой, а я смогла ему объявить, когда он приехал, что обеспечила ему положение при короле, его государе.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1913 ГОДА

Автор «Дневника пятидесятилетней женщины» Генриетта-Люси Диллон родилась в Париже, на улице Бак, 25 февраля 1770 года. 21 мая 1787 года в Монфермее она вышла замуж за графа Фредерика-Серафена де Гуверне.

Со смертью своего отца, погибшего на эшафоте 28 апреля 1794 года, граф де Гуверне принял титул графа де Ла Тур дю Пен де Гуверне. Впоследствии он был возведен в достоинство пэра Франции и маркиза де Ла Тур дю Пен указами от 17 августа 1815 года и от 13 марта 1820 года.

* * *

Граф де Гуверне появился на свет в Париже, в доме своих родителей на улице Варенн, 6 января 1759 года. В шестнадцать лет, в 1775 году, он поступил на военную службу в артиллерию в чине второго лейтенанта, а в 1777 году получил чин капитана кавалерии и был назначен в кавалерийский полк Берри.

В 1779 году его назначили заместителем начальника штаба в армию графа де Во, которая тогда готовилась высадиться в Англии, а через короткое время он стал адъютантом губернатора Антильских островов маркиза де Буйе. Под его командованием он прослужил последние три года войны в Америке и скоро стал другом своего начальника. Со временем он получил чин подполковника в пехотном полку Руаяль-Комтуа и на момент своей женитьбы на мадемуазель Люси Диллон 21 мая 1787 года продолжал служить в этом полку. На следующий год он был назначен командиром полка Руаяль-Вессо.

Из мемуаров его жены мы узнаем о дальнейших событиях жизни господина де Ла Тур дю Пена вплоть до времени «Ста дней».

На момент высадки Наполеона в заливе Жуан господин де Ла Тур дю Пен находился в австрийской столице, куда был направлен сразу после первой Реставрации — сначала в качестве временного посланника, а затем в качестве одного из полномочных представителей Франции на Венском конгрессе.

Оставив свою подпись на знаменитой декларации 13 марта 1815 года, поставившей Наполеона вне закона, он, с согласия господина де Талейрана, отправился в Тулон, чтобы попытаться удержать губернатора этого города маршала Массена на стороне короля, а затем в Марсель для встречи с герцогом де Ривьером.

Затем ему надо было присоединиться на юге к герцогу Ангулемскому, который получил от короля приказание следовать в Ним. Но в Марселе он получил известия о капитуляции герцога в Пон-Сент-Эспри и тогда, приняв с согласия герцога де Ривьера некоторые необходимые меры, зафрахтовал судно, чтобы уехать в Геную, а оттуда уже вернуться в Вену. Из-за непогоды или, вернее, по злой воле капитана судна ему пришлось плыть в Барселону. Из Барселоны он через Мадрид направился в Лиссабон и уже оттуда отплыл в Лондон. За те двадцать четыре часа, что он пробыл в Лондоне, он имел честь повстречаться с герцогиней Ангулемской, чтобы поставить ее в известность о положении дел во Франции. После этой встречи он той же ночью выехал в Дувр, оттуда добрался до Остенде и приехал в Гент к Людовику XVIII.

После битвы при Ватерлоо господин де Ла Тур дю Пен отправился в Париж одновременно с королем.

В августе следующего года он участвовал во всеобщих выборах в качестве председателя коллегии выборщиков департамента Сомма.

17 числа того же месяца он был возведен в достоинство пэра Франции Людовиком XVIII, который в тексте указа назвал его своим «союзником» — связи его семьи также были к тому основанием.

Как изложено в мемуарах, господин де Ла Тур дю Пен был назначен послом при дворе Нидерландов незадолго до того, как его направили в Австрию сначала в качестве временного посланника, а затем в качестве одного из полномочных представителей Франции на Венском конгрессе. В октябре 1815 года он в должности посла прибыл в Брюссель, чтобы вручить верительные грамоты королю Вильгельму I и присутствовать на его коронации.

Вернувшись вскоре после того в Париж, чтобы присутствовать на заседаниях Палаты пэров, господин де Ла Тур дю Пен с первых дней декабря участвовал в дебатах по процессу над маршалом Неем.

Было решено, что члены палаты могут сопровождать голосование по приговору обоснованием своего мнения, и господин де Ла Тур дю Пен, пользуясь этой возможностью, голосовал за смертную казнь, но при этом сделал следующее заявление:

Я осуждаю маршала Нея к наказанию, о котором сказано в заключении господина Генерального прокурора, но, поскольку я далек от того, чтобы считать его единолично ответственным за несчастья этого фатального времени, я нахожу его во многих отношениях до-

стойным снисхождению короля, и я воспользовался бы в этой связи правом, данным мне согласно статье 595 Кодекса уголовного разбирательства, если бы не считал более благоприятным для Его Величества предоставить виновного его суду, его милости и, может быть, его политическим соображениям, продиктованным теми обстоятельствами, в которых мы находимся и о которых Его Величество может судить лучше, чем кто-либо иной.

Этот призыв к королевскому милосердию, как известно, не был услышан.

Несколькими неделями позже, 28 января 1816 года, господин де Ла Тур дю Пен лишился своего старшего сына Юмбера при ужасных, трагических обстоятельствах, о которых будет рассказано ниже.

Через несколько дней он уехал обратно в Гаагу и вернулся к исполнению обязанностей полномочного посла при дворе Нидерландов.

В течение следующего года господина и госпожу де Ла Тур дю Пен, уже переживающих такое горе, постигло новое несчастье. 20 марта 1817 года тяжелая болезнь унесла их младшую дочь Сесиль — она умерла в Ницце, куда ее привезла мать.

В сентябре 1818 года герцог де Ришелье вызвал к себе господина де Ла Тур дю Пена, чтобы тот поехал в качестве его заместителя на конгресс в Ахен, где должны были обсуждаться условия вывода иностранных войск с французской территории.

Сразу после закрытия конгресса господин де Ла Тур дю Пен вернулся на свой пост в Гаагу. В конце 1819 года он приехал в Париж к открытию сессии Палаты пэров, чтобы присутствовать на заседаниях, и еще оставался там, когда 13 февраля 1820 года был убит герцог Беррийский.

Как раз во время его пребывания в Париже, в январе 1820 года, восстали испанские войска, собранные на острове Леон для отправки в Америку, — это восстание было началом испанской революции.

В связи с этими событиями французское правительство решило отправить в Испанию чрезвычайного представителя; для исполнения этой миссии был назначен господин де Ла Тур дю Пен, но интриги англичан воспрепятствовали его отъезду.

Мы напоминаем об этом назначении, поскольку с ним связано одно небезынтересное происшествие. Здесь мы воспроизведем рассказ о нем так, как об этом написал сам господин де Ла Тур дю Пен:

Поскольку судьба, к несчастью, пожелала, чтобы Луи-Филипп занял место в истории, я хотел бы поместить здесь небольшой относящийся к нему анекдот, который, в отличие от множества других, заслуживает прочтения. В 1820 году правительство вызвало меня

из Гааги, где я был послом, на сессию в Палату пэров. В конце января в Париже получили известие о революции в Испании. Господин де Ришелье, в то время председательствовавший в совете, пригласил меня к себе и сказал: «Господин де Ла Тур дю Пен, мы в пренеприятном положении, король очень желает, чтобы вы ехали в Испанию... и т. д. и т. п.».

Поскольку я хочу рассказать не о себе, я пропущу то, что говорилось в этом отношении, и скажу только, что после публичного прощания с королем я, по принятому порядку, отправился затем к принципам и принцессам и, в последнюю очередь, к герцогу Орлеанскому.

Он принял меня с присущими ему вежливостью и непринужденностью в обращении и даже с особым вниманием, поскольку отправка меня в Испанию в таких обстоятельствах свидетельствовала о некоем благоприятном для меня мнении.

Он постарался продлить этот чисто формальный визит и, желая вызвать меня на разговор об указаниях, которые я должен был ранее получить, сказал мне: «Господин де Ла Тур дю Пен, я, разумеется, не буду столь нескромен, чтобы пожелать проникнуть в содержание полученных вами инструкций, но, если бы я имел честь давать вам указания в таких обстоятельствах, я бы поручил сказать королю Испании, что ему следует окунуться в поток событий и предоставить этому потоку нести себя, не пытаясь ни на мгновение ему противостоять».

«Монсеньор, — отвечал я ему, — если бы мне были даны такие указания, я бы их отверг и посоветовал бы хотя бы предоставить событиям действовать самим по себе, не беря на себя труд посылать кого-то, чтобы их еще подстегнуть».

На этом я оставил герцога Орлеанского, которого с тех пор мне не случалось больше видеть, поскольку я все время отсутствовал в Париже.

Видя все то, что происходит в Испании сегодня, в сентябре 1836 года, я припомнил этот разговор и решил записать его. Я испытываю искушение спросить теперь герцога Орлеанского, считает ли он все еще правильным давать себя нести таким потокам.

Вскоре после этого, в апреле 1820 года, господин де Ла Тур дю Пен был назначен послом в Турин. Он немедленно поехал к месту службы и не покидал его до января 1830 года, за исключением четырехмесячного пребывания в Риме в 1824 году.

Когда господин и госпожа де Ла Тур дю Пен находились в Турине, их постиг новый удар. 1 сентября 1822 года умерла Шарлотта, их единственная остававшаяся в живых дочь (она вышла замуж 20 апреля 1813 года в Брюсселе за графа Огюста де Лидекерке Бофора). Она скончалась в зам-

ке Фоблан недалеко от Лозанны, где остановилась на пути из Турина в Берн, к мужу, бывшему тогда посланником Нидерландов в Швейцарской Республике.

В январе 1830 года господин де Ла Тур дю Пен, решив отойти от дел, приехал в Париж и вскоре поселился в Версале — усталый, огорченный и недовольный тем направлением, которое принимали события.

Там он находился, когда случилась Революция 1830 года. 2 августа в 3 часа утра он выехал из Версаля в Орлеан, полагая, что король, покинув Рамбуйе, поедет этой дорогой, чтобы добраться в Тур и найти опору на Юге и особенно в Вандее, и что там он сможет к нему присоединиться.

Назавтра, узнав об отречении короля и его отъезде в Шербур, господин де Ла Тур дю Пен решил ехать в свое поместье в Буге, возле Сент-Андре-де-Кюбзака. Оттуда он отправил в Палату пэров в качестве ноты протеста следующее письмо:

Господину Паскье, председателю Палаты пэров.
Сент-Андре-де-Кюбзак (Жиронда), 14 августа 1830 г.
Господин канцлер!

Имею честь просить вас известить Палату пэров официально, что моя совесть и разум в равной степени отказываются признать трон вакантным в ущерб герцогу Бордосскому и что вследствие этого я не принесу присяги, которую от меня требуют, поскольку это прямо противоречило бы той присяге, которую я уже принес.

Честь имею и т. д.

Председатель Палаты пэров зачитал это письмо на заседании 21 августа, и 22 августа оно было опубликовано в «Мониторе».

События августа 1830 года также положили конец миссии господина де Ла Тур дю Пена при дворе короля Сардинии. Свободный от всяких дел, он мирно провел остаток года в своем поместье в Буге.

Но вскоре его ждали новые неприятности. Эймар, последний оставшийся в живых из его детей, побуждаемый благородным энтузиазмом к делу утверждения легитимности, присоединился к тому движению, которое в 1831 году готовилось в Вандее. Он был арестован, заключен в тюрьму, и его отец, не желая разлучаться с ним, все четыре месяца разделял с ним заключение и в Бурбон-Ванде, и в Фонтене.

После выхода на свободу в апреле 1832 года Эймар де Ла Тур дю Пен вскоре снова направился в Вандею, чтобы примкнуть к герцогине Беррийской.

Неудачный исход этого предприятия известен.

После ареста герцогини Беррийской Эймара де Ла Тур дю Пена снова стали разыскивать и преследовать.

Господин де Ла Тур дю Пен считал оскорбительными нападки на своего сына, которые появлялись в то время во многих газетах, и с жаром встал на его защиту в письме в одну из таких газет, «Индикатор». Этот листок не стал публиковать письмо, но оно было перепечатано в номере газеты «Гиень» за 7 августа 1832 года.

За это письмо его автору пришлось предстать перед уголовным судом Бордо, и 15 декабря 1832 года он был приговорен к 1000 франков штрафа и трем месяцам тюремного заключения. Эти три месяца, с 20 декабря 1832 года по 20 марта 1833 года, господин де Ла Тур дю Пен провел в форте А вместе со своей женой, которая отказалась его покидать.

Что до Эймара де Ла Тур дю Пена, то он примерно в то же время за свое участие в вандейском предприятии герцогини Беррийской был приговорен заочно к смертной казни. К счастью, с ноября 1832 года ему удалось укрыться на острове Джерси.

Учитывая приговор, вынесенный его сыну, которому пришлось отправиться в изгнание, и преследования, которым подвергался он сам, господин де Ла Тур дю Пен принял решение уехать за границу.

По выходе из тюрьмы он поселился в Ницце, куда к нему приехали жена и сын. По политическим причинам ему пришлось покинуть этот город, и он перебрался в Турин, а оттуда в Пиньероль, где оставался до 28 августа 1832 года.

Срочные дела потребовали приезда господина и госпожи де Ла Тур дю Пен во Францию.

Они пробыли там всего год и снова отправились за границу, намереваясь поселиться в Лозанне. Туда они приехали в ноябре 1835 года, перед тем проведя несколько недель в Сузе.

В Лозанне господин де Ла Тур дю Пен умер 26 февраля 1837 года, в возрасте семидесяти восьми лет.

Так закончилась жизнь, полная событий, озаряемая иногда ясными днями, но чаще наполненная тревогами и несчастьями.

Господин де Ла Тур дю Пен встречал бури, обрушивавшиеся на него и его близких, с несравненной твердостью характера, редким величием души, с той простотой и постоянным добродушием, которых не могло изменить никакое испытание, с тем отсутствием озлобления по отношению к событиям и людям, которое отличало старинные знатные французские семейства былых времен.

На всем протяжении своей дипломатической карьеры он рьяно отстаивал интересы и честь Франции. Всецело преданный королю, он сохранял при этом полную независимость от его министров, с которыми всегда говорил с прямоотой и твердостью, выступая против любых мер, если они представлялись ему противоречащими священным интересам страны.

Вот в каких словах говорил о нем вскоре после его кончины один из самых близких к нему людей. Этой оценкой закончим знакомство с ним:

Господин де Ла Тур дю Пен умел украсить жизнь окружающих его людей всем очарованием, какое могут доставить самая чистая и верная душа, самый твердый, добрый и уравновешенный характер, самый образованный и любезный ум. Он оставался одним из редких обломков того иного, дореволюционного общества, которое подвергается столь рьяным обвинениям в наши дни лишь потому, что для презирающих его оно уже стало древней историей.

Господин де Ла Тур дю Пен сохранял присущие ему изящные манеры, изысканную вежливость, элегантную церемонность, и в то же время сердечность и теплоту дружбы, которая соединяла видных персон, принадлежавших к этому обществу.

* * *

В «Дневнике пятидесятилетней женщины» маркиза де Ла Тур дю Пен повествует нам обо всех заметных событиях своей жизни от рождения до конца марта 1815 года. Когда закончились «Сто дней», она полагала, что теперь уже, в свои зрелые годы, обрела покой; будущее представлялось ей окончательно определенным. Увы! Это было не так. Годы после революции 1830 года, как мы уже сказали в части, посвященной господину де Ла Тур дю Пену, готовили ей новые невзгоды всякого рода.

Ее история после 1815 года остается тесно связанной с историей ее мужа, которого она сопровождала сначала в Гаагу, а затем в Турин. Она даже разделила с ним, как мы упоминали выше, трехмесячное тюремное заключение в форте А с 20 декабря 1832 года по 20 марта 1833 года.

Она поехала с ним и в Италию, а затем в Швейцарию в добровольное изгнание, которое он избрал, чтобы разделить участь своего сына Эймара, и на ее руках господин де Ла Тур дю Пен скончался в Лозанне 20 февраля 1837 года.

Через некоторое время она вместе с Эймаром — единственным оставшимся в живых из ее детей — уехала в Италию, где в конце концов поселилась в Тоскане, в Пизе. Там она и встретила смерть 2 апреля 1853 года в возрасте восьмидесяти трех лет.

У маркизы де Ла Тур дю Пен было шестеро детей. Она потеряла одного за другим, как уже было сказано, всех, кроме одного из сыновей. В мемуарах, которые заканчиваются мартом 1815 года, рассказано о смерти только двоих, хотя «Дневник пятидесятилетней женщины» она начала писать четыре с половиной года спустя, 1 января 1820 года.

За это время, между 1815 и 1820 годом, она потеряла еще двоих из своих детей: старшего сына Юмбера 28 января 1816 года и младшую дочь Сесиль 20 марта 1817 года.

Юмбер де Ла Тур дю Пен родился в Париже 19 мая 1790 года. В последние годы Империи он был супрефектом во Флоренции, затем в Сансе. В период Реставрации он был назначен офицером в корпус Черных мушкетеров, а позднее стал адъютантом маршала Виктора, герцога Беллуно.

Он погиб при очень драматических обстоятельствах.

Когда он получил назначение адъютантом герцога Беллуно, в числе адъютантов маршала был майор Маланден — офицер, вышедший из рядовых, грубый, необразованный, отважный, прямодушный и верный, но очень обидчивый в вопросах чести; все свои чины он заслужил на поле брани в различных битвах Империи.

В тот самый день, когда Юмбер де Ла Тур дю Пен, первый раз явившись на службу к маршалу, вошел в отведенную для адъютантов комнату, он встретил там среди других офицеров штаба и майора Маландена.

Тот при появлении своего нового сослуживца, молодого Юмбера де Ла Тур дю Пена, в шутку сразу накинулся на него с упреками по поводу какой-то незначительной детали военной формы, в выражениях грубых и неприятных.

Мы воспроизведем здесь отрывок из рассказа одного из потомков маршала де Беллуно в том виде, в каком он услышал эту историю сам от старшего сына маршала:

Господин де Ла Тур дю Пен, услышав эти резкости, покраснел до корней волос и непременно ответил бы, но тут появился маршал, чтобы посмотреть сделанную работу; он отправил майора с каким-то поручением к военному министру, и майор удалился с торопливостью человека, который привык выполнять приказы без промедления.

Через несколько мгновений маршал ушел к себе, и господин де Ла Тур дю Пен тоже не замедлил уйти.

Он сразу же пошел в дом, который занимала его семья, и, стараясь, насколько возможно, сдерживать терзающие его чувства, проследовал в кабинет к отцу.

— Отец, — сказал он, — вот происшествие, жертвой которого только что стал один молодой офицер, получивший такое же назначение, как я. — И он рассказал о том, что произошло только что в адъютантской, не упуская ни малейшей детали и с должным хладнокровием, чтобы старому дворянину не пришло в голову никакое подозрение. — Этот офицер, — добавил он, — если и не принадлежит к числу моих друзей, то, во всяком случае, равен мне по положению, и то, что затрагивает его честь, затрагивает и мою... Что он должен делать?

— Вызвать обидчика, — отвечал старик.
— А если ему будут принесены извинения?
— Отклонить их... Твой товарищ должен показать себя в присутствии высмеявшего его человека тем более заботящимся о своей репутации, что за свои чины он не платил кровью, подобно этому человеку.

— Спасибо, отец... — и молодой офицер удалился.

В тот же вечер он отправил к майору Маландену секунданта с требованием удовлетворения.

В окружении маршала это вызвало большое смятение. Маршал поручил своему собственному сыну заняться урегулированием условий встречи противников. В этот момент открылись редкостные достоинства, таившиеся в глубине души отважного майора. Он без ложного стыда предложил признать свою неправоту и неосновательность своих речей.

От оскорбленного последовал отказ принять сожаления, в каких бы выражениях они ни были сформулированы. Тогда, поскольку мастерство Маландена в обращении с пистолетом было всем известно, свидетели предложили в качестве оружия саблю... Снова последовал отказ... Предложили шпагу, но опять безуспешно. Наконец они вынуждены были уступить непреклонному упорству, с которым оскорбленная сторона требовала использовать пистолеты, и было решено, что дуэль состоится на завтра в Булонском лесу и что с расстояния в двадцать пять шагов противники сделают по одному или несколько выстрелов до тех пор, пока один из них не будет всерьез выведен из строя.

В тот вечер глубокая печаль воцарилась в доме маршала, который, понимая всю деликатность ситуации, должен был лишь закрывать глаза на происходящее; товарищи майора Маландена демонстрировали ему своим молчанием сожаление о той прискорбной крайности, которую он по неосторожности вызвал, а он сам впервые за долгое время позабыл выпить после ужина полбутылки рома, что, по его словам, было единственным средством, налаживавшим его пищеварение.

Что до господина де Ла Тур дю Пена, то он провел этот вечер в кругу семьи, спокойный и радостный; самым естественным тоном он при всех отдал необходимые распоряжения, чтобы ему на завтра рано утром оседлали его лошадь, под предлогом запланированной прогулки с друзьями.

Лишь целуя на прощанье мать перед тем, как отправиться к себе в комнаты, он едва мог сдержать невольную дрожь и быстро сжал губы, которые хотели все же дать выход тому, что было у него на душе.

Назавтра, ясным, безветренным, хотя и холодным утром, две группы — одна из трех, другая из четырех всадников — порознь направились к воротам Майо, которые служили в то время главным въездом в Булонский лес. Четверо из числа участников прогулки были в повседневной военной форме, один со знаками различия армейского хирурга, двое в гражданском платье, но по их манере держаться можно было без труда угадать, что им привычен мундир.

Подъехав к поляне, которая была выбрана местом для дуэли, всадники спешили и привязали лошадей за уздечки к обступившим поляну деревьям. Две группы приблизились друг к другу, свидетели обменялись несколькими словами, в то время как противники вежливо поприветствовали друг друга.

Свидетели привезли в седельных кобурах оружие, принадлежащее одному и другому дуэлянту; по жребию выпало использовать для дуэли пистолеты господина де Ла Тур дю Пена. Их зарядили и отдали в руки противникам, которые уже заняли места на отмеренном расстоянии друг от друга.

В этот момент, перед тем как был дан сигнал начинать, майор Маланден, который с самого своего прибытия на место лихорадочно крутил усы, подал знак, что хочет что-то сказать. Громким, хотя и слегка дрожащим голосом, с остановившимся взглядом, с бледным лицом он произнес такие слова:

— Господин де Ла Тур дю Пен, в присутствии этих господ я полагаю своим долгом еще раз заявить вам, что сожалею о своей скверной шутке. Двое храбрых парней не должны из-за этого резать друг друга.

Господин де Ла Тур дю Пен мгновение колебался, а потом медленно направился к майору. Все сердца бились сильнее, каждый втайне чувствовал облегчение, что видит прекращение драмы. Но когда молодой человек подошел к своему противнику, то вместо того, чтобы протянуть ему руку, он поднял ее и ударил Маландена в лоб рукояткой пистолета:

— Мсье, — сказал он ему осипшим голосом, — я думаю, теперь вы больше не станете отказываться драться.

И он вернулся на свое место.

Майор изменился в лице; в глазах его словно промелькнула искра безумия — это был не гнев, а смятение льва, которому газель плюнула в лицо...

— Он покойник, — произнес он, распрямляясь.

После такой сцены должна была последовать единственная развязка, и как можно быстрее. Был дан сигнал начинать. Господин де Ла Тур дю Пен выстрелил первым... Тогда его противник вытянул руку, и услышали, как он отчетливо проговорил:

— Бедный мальчик! Бедная мать!

Раздался выстрел, и молодой человек, повернувшись кругом, упал лицом на землю. Пуля попала ему прямо в сердце.

Сесиль де Ла Тур дю Пен родилась 13 февраля 1800 года при обстоятельствах, о которых рассказано в мемуарах, в Вильдесхаузене, небольшом городке в пограничье ганноверских земель и великого герцогства Ольденбургского. В сентябре 1816 года в Гааге, где господин де Ла Тур дю Пен занимал пост полномочного посла Франции при дворе Нидерландов, она была помолвлена с графом Шарлем де Мерси-Аржанто.

К тому времени он уже десять лет доблестно служил во французской армии. Он участвовал в кампаниях Империи и особенно отличился в бою при Ханау, за который был награжден столь завидным в то время крестом Почетного легиона.

В письме, датированном 7 сентября 1816 года, Шарлотта де Лидекерке Бофор сообщает о помолвке своей сестры Сесиль де Ла Тур дю Пен их двоюродной бабушке леди Генри Диллон, урожденной Фрэнсис Трант. Некоторые фрагменты письма представляют интерес с точки зрения той оценки, которую оно дает характеру жениха, графа Шарля де Мерси-Аржанто.

7 сентября 1816 г.

Мама поручила мне, дорогая тетушка, сообщить вам о событии, которое всех нас очень радует. Вы, конечно, догадываетесь, что я говорю о замужестве нашей Сесиль. Публика, без сомнения, уже донесла вам как о верном деле о том, что было до сих пор лишь в планах, а решено еще ничего не было. Вы, возможно, были удивлены нашим молчанием, но вы прекрасно знаете, что о таких вещах не объявляют, пока они не будут вполне решены. Мы бы даже не стали об этом говорить, если бы господин д'Аржанто не был вынужден уведомить об этом короля, чтобы получить его одобрение, вследствие чего все стало известно публике.

Я уверена, что вы разделите ту радость, которую доставляет нам это отрадное событие. Что до меня, то я сердечно радуюсь тому, что сестра моя будет замужем в той же стране, что и я, и ее земли будут в 6 лье от тех, что со временем будут принадлежать нам.

Человек, за которого она выходит замуж, обладает всеми достоинствами, которые могут сделать женщину счастливой, благороднейшими и бескорыстнейшими чувствами, приятнейшими манерами, уверенностью и твердостью, необходимыми мужу и защитнику, наконец, всем, чего можно пожелать в человеке, с которым предстоит прожить жизнь.

Он десять лет воевал, и вследствие этого его характер сформировался как характер человека, который прошел через все события

жизни, который знает свет, который жил посреди того, что только есть самого блестящего, самого соблазнительного, я бы даже добавила, самого испорченного, так, что ни чувства его, ни принципы от этого не пострадали. Это испытания, после которых можно полностью доверять человеку, который прошел их и не пал их жертвой.

Вы знаете его семью, его брата и невестку, которая станет для Сесиль второй матерью, — это еще одна удача, поскольку она не может полагаться на то, что ее собственная мать всегда будет рядом, тогда как ей, учитывая ее крайнюю молодость, еще долго нужна будет наставница.

Состояние Шарля не значительное, но у него есть достаточно, чтобы сделать счастливым брак, в котором состоянию придавалось самое малое значение и среди выгод которого оно занимало наименьшее место.

Немало событий за последние двадцать лет показали нам, что состояние — вещь непрочная и легко может рухнуть, и признаюсь, что нахожу разумным не делать его *the first point* при заключении брака...

Леди Генри Диллон незамедлительно отправила своей племяннице, маркизе де Ла Тур дю Пен, поздравления — которые, несомненно, были несколько подпорчены некоторыми сомнениями, потому что именно в ответ на эти поздравления госпожа де Ла Тур дю Пен написала тетушке следующее письмо. Мы приведем отрывки из него, чтобы дополнить сведения из письма графини де Лидекерке Бофор о личности и характере жениха.

Гаага, 15 сентября 1816 г.

Благодарю вас, дорогая моя тетушка, за ваше милое письмо и поздравления, несмотря на некоторые сомнения, которые могли бы меня обеспокоить, если бы само лицо Шарля д'Аржанто не говорило больше о его характере, чем все брюссельские кумушки могли когда-либо и еще смогут когда-либо сказать. Уж поверьте, что я, дожив до сорока семи лет, могу судить о характере человека. Все, что я вижу в характере моего будущего зятя, все, что я знаю об обстоятельствах его жизни, о его чувствах, о его мнениях, о возвышенном строе его души, о его чувствительности, о его сердце, доказывает мне, что я даю моей Сесиль, на весь долгий жизненный путь, который им предстоит, я надеюсь, пройти вместе, надежного друга и благородного защитника. Меня вполне устраивает, что он военный, что он знал войну и ее опасности: «*None but the brave deserves the fair**».

* Лишь храбрые достойны прекрасных.

От этого он лишь больше будет радоваться своей домашней жизни; он не пожелает уже слишком много видеть свет, успев его повидать и оценить; он будет чувствовать истинные блага жизни, блага, сладость которых я вкушаю уже тридцать лет и которые поддерживали и утешали меня во всех моих невзгодах. Это все предисловие очень серьезное, моя дорогая Фанни, но расположение мыслей, которое царит в вашем письме, я должна признать, не обрадовало меня. Я убеждена, что вам наговорили дурного о Шарле, и это меня не удивляет. У него тем более хватает врагов, что он обладает столькими достоинствами: красивой внешностью, состоянием, прекрасным именем, превосходным характером, острым умом и блестящим положением, представляющим немалые выгоды. Чего еще надо, чтобы всколыхнуть трясину завистников и завистниц, коими изобилует Брюссель, всех этих людей, которые были у моих ног и снова будут, когда узнают, что король очарован этим браком, что он занимается его устройством, что он говорит о нем самым милым и лестным образом, и что те, кто делает мне гадости, отнюдь не окажут этим почтения королю.

Сесиль де Ла Тур дю Пен пленяла красотой лица, приятностью характера, многими достоинствами, о которых нам в один голос рассказывают семейные предания. Граф Шарль де Мерси-Аржанто влюбился в нее, и, говоря о будущем, можно с уверенностью утверждать, что планируемый брак был бы тем, что называют браком по взаимной склонности. В этот момент невеста заболела. Все заботы, которыми ее окружали, оставались безуспешны. Ее отправили из Гааги в Ниццу, в более мягкий климат, но здоровье к ней больше не вернулось, и она умерла там 20 марта 1817 года. Ее могила на кладбище в Ницце еще сохранилась.

Смерть невесты привела в отчаяние графа Шарля де Мерси-Аржанто. Отказавшись от блестящих честолюбивых планов, на осуществление которых позволяли надеяться первые успехи его в армии, он оставил военную карьеру и вступил на монашеское поприще. Он стал архиепископом Тирским¹⁹² и умер 16 ноября 1879 года в возрасте девяноста трех лет в Льеже, где жил на покое.

Высокого роста, чрезвычайно почтенного вида, с правильными чертами лица, с благородными манерами, тонким и образованным умом, добрым и легким характером, снисходительный к окружающим, граф Шарль де Мерси-Аржанто внушал уважение и привязанность всем, кто оказывался рядом с ним.

Нам было дано знать его в годы его старости. Лишь лицо его несло отпечаток прожитых лет. Стан оставался стройным и прямым, характер молодым и жизнерадостным, ум сохранил всю свою живость.

Воспоминание о столь печально окончившейся помолвке осталось запечатлено в его памяти. Он часто говорил об этом со своими друзьями. За три года до смерти он еще писал об этом в адресованном нам письме — там можно найти отзвук горестного сожаления, вызванного разрывом связи, от которой он ждал счастья, и воспоминание о том знамени, под которым он служил:

Льеж, 2 февраля 1877 г.

Мой дорогой Эймар!

Истинно могу сказать, что никогда еще воспоминание не было встречено с большей благодарностью, я бы даже сказал, с более глубоким чувством!

Узы, соединяющие меня с вашей семьей, дорогой Эймар, существуют очень давно, и вы знаете, что они должны были бы стать еще более тесными, если бы Бог не призвал к Себе ту, которая должна была бы стать связующим звеном!..

При мне появился на свет ваш отец, и с тех пор я любил его, как сына. Эту привязанность я перенес и на его детей, в особенности на вас, мой дорогой Эймар. Кое-что делает мою симпатию к вам еще сильнее: это карьера, которую вы для себя избрали и которую с таким успехом начали! Это мундир, который вы носите, — не такой точно, поскольку я всегда служил в гусарах, но это не важно, ведь это все тоже знамя, столь часто покрытое славой!

[...]

Я тоже, дорогой Эймар, позволю себе послать вам мою фотографию. Да получите вы ее с тем же чувством, с которым я получил вашу! Когда взгляд ваш обратится на портрет этого девяностолетнего старика, вы скажете себе: «Это мой самый старый друг», и я смею добавить, что это самый преданный ваш друг.

Присоединяю, дорогой Эймар, к самой нежной благодарности выражение моей сердечной привязанности.

Ш., архиепископ Тирский.

Как самому старому и самому преданному из моих друзей я должен был посвятить ему несколько строк в предисловии к этим мемуарам.

После смерти дочери Сесиль у маркизы де Ла Тур дю Пен еще оставались один сын, Эймар, и одна дочь, Шарлотта. Она, как рассказано в мемуарах, 20 апреля 1813 года в Брюсселе вступила в брак с графом Огюстом де Лидекерке Бофором. Вскоре мать лишилась также и ее. Как мы уже говорили, она умерла в замке Фоблан недалеко от Лозанны 1 сентября 1822 года.

Таким образом, из шести детей только один сын, Эймар, пережил своих родителей. Мемуары указывают нам на это: именно ему мать предпознала «Дневник пятидесятилетней женщины».

Можно предполагать, что маркиза де Ла Тур дю Пен написала эти мемуары в несколько приемов, с большими перерывами. Действительно, первая часть датирована 1 января 1820 года, а в самих мемуарах мы находим следы того, что последние страницы были написаны, или по крайней мере переписаны набело, лишь в период между 1839 и 1842 годами.

Что до второй части, то черновик или беловик был начат лишь 7 февраля 1843 года.

Таким образом, маркиза де Ла Тур дю Пен умерла, не окончив принятого труда. Рассказ о событиях ее жизни останавливается на марте 1815 года, а скончалась она лишь 2 апреля 1853 года.

С маркизой де Ла Тур дю Пен ушел один из последних реликтов дореволюционного высшего общества, традиции которого, позволительно будет сказать, теперь исчезли совершенно.

Чтение «Дневника пятидесятилетней женщины» позволит оценить значение той, которая его написала, и прекрасные качества ее ума, сердца и души. Те, кто ее знали и чьи воспоминания до нас дошли, уважали и любили ее.

Редко, говорили они, соединяется вместе столько основательности и столько очарования, столько спокойствия духа и столько совести, столько неизменной любви к долгу и столько благожелательности.

Наделенная безупречной памятью, которая в разговоре позволяла вернуть разнообразные воспоминания о столь разных эпохах, госпожа де Ла Тур дю Пен была в высшей степени интересна для людей мыслящих и серьезных, но также и для молодежи, чьи вкусы она понимала, а ошибки прощала.

Ее портрет дополняют наилучшим образом несколько слов, которыми ее муж, господин де Ла Тур дю Пен, за год до своей смерти начинает хронологический рассказ о своей жизни:

Я собираю здесь воспоминания о своей жизни с той, которая за время скоро уже пятидесятилетнего союза составляла счастье и утешение моего существования, столь часто и болезненно омрачаемого невзгодами.

Я не имею иного намерения, как оставить после себя своей жене возможность вспомнить о вновь и вновь постигавших нас превратностях, которые ее мужество всегда превозмогало с самым непоколебимым спокойствием. Меня радует мысль, что я, обрисовывая себя перед ее взором, дам ей средство увидеть себя саму в самом выгодном свете.

Абсолютная самоотверженность есть главнейшее качество этой души, и воображение неспособно придумать жертву превыше той преданности, на которую она способна... Я останавливаюсь на этом, ибо не смогу исчерпать всего, что имею сказать.

* * *

Рукопись «Дневника пятидесятилетней женщины» по смерти автора досталась ее сыну Эймару, маркизу де Ла Тур дю Пен. Он оставил ее по завещанию своему племяннику Аделену, графу де Лидекерке Бофору, который сам перед смертью передал ее одному из своих сыновей, полковнику графу Эймару де Лидекерке Бофору.

Эта рукопись показалась достаточно интересной, чтобы заслуживать печатной публикации, хотя бы для того, чтобы обеспечить ее сохранение.

Пусть эти тома сохраняют память о маркизе де Ла Тур дю Пен и станут свидетельством сыновней привязанности к ее памяти со стороны одного из ее потомков.

*Париж, июль 1906 г.
Э. де Лидекерке Бофор*

Комментарий

¹ До самой Революции в отдельных провинциях (Лангедок, Бретань, Бургундия, Прованс, Дофине, Беарн и др.) сохранялись собственные сословные собрания — провинциальные штаты. Такие провинции назывались *pays d'États*, в отличие от «провинций с избирательным правом» (*pays d'élection*), где роль штатов играли особые коллегии, давно утратившие свой выборный характер.

² *Триктрак* — французский вариант игры в нарды.

³ Св. Губерт (ок. 650 — 727), первый епископ Льежа, считается покровителем охотников. День его памяти у католиков — 3 ноября.

⁴ *Лье (lieu)* — около 4 км.

⁵ Речь идет о войне за независимость США (1775–1783), в которую с 1778 г. официально вступила и Франция.

⁶ Речь идет о событиях Вильямитской, или Якобитской, войны (1689–1691), когда Яков II Стюарт, свергнутый с английского престола в результате «Славной революции» 1688 г., пытался вернуть себе власть, опираясь на шотландское и особенно на ирландское национальное движение. В решающей битве на реке Бойн (1690) ополчение, собранное Яковом II и поддержанное несколькими французскими полками, потерпело поражение. После этого король бежал во Францию, но ирландцы, оставшиеся без вождя, сопротивлялись еще более года.

⁷ Лимерикское соглашение (1691), завершившее Якобитскую войну, предоставило ирландцам-католикам (сторонникам Якова II) лишь право эмиграции, а также относительную свободу культа, вскоре сведенную на нет.

⁸ Одно из сражений войны за испанское наследство (1701–1714).

⁹ Битва при Деттингене (ныне Карлштейн, юго-восточнее Франкфурта-на-Майне) — сражение в войне за австрийское наследство (1740–1748). В этой битве австрийцы, англичане и ганноверцы под командованием короля Георга II одержали победу над французской армией маршала де Ноайля.

¹⁰ Сражение при Фонтенуа (в Эно, ныне в Бельгии, 11.05.1745) также было частью войны за австрийское наследство. Французы под командованием Морица Саксонского нанесли в этой битве поражение союзным войскам — англичанам, австрийцам и голландцам.

¹¹ Вероятно, это произошло во время так называемой второй марунской войны (1795–1796) — восстания беглых рабов на Ямайке. Часть полка осталась во Франции. Согласно ордонансу от 1 января 1791 г., прежние части французской армии были реорганизованы, а наследственные полки упразднены, и Диллоновский полк вошел в состав 87-го пехотного полка.

¹² Генри Огастес, 13-й виконт Диллон (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

¹³ Эта коллекция — Альбертина — в наши дни является одним из крупнейших в мире собраний графики и располагается в Вене, в бывшем дворце эрцгерцога Альбрехта (у автора — Альберта). Основана она была в 1776 г., на нынешнее место переехала в 1795 г., с 1822 г. доступна для публики.

¹⁴ *Граф и графиня Северные* — под этим именем в 1782–1784 гг. путешествовали по Европе цесаревич Павел Петрович (будущий император Павел I) и его жена Мария Феодоровна.

¹⁵ Достопочтенная Катрин Диллон (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

¹⁶ *Сен-Кристоф* — по-английски Сент-Кристофер или Сент-Китс. В 1625 г. здесь была основана первая на Малых Антильских островах французская колония. В дальнейшем остров стал объектом борьбы между англичанами и французами и несколько раз переходил из рук в руки. В январе 1782 г., в результате битвы при Сент-Кристофере, остров в последний раз перешел в руки Франции, но по Версальскому договору (1783) был окончательно уступлен Англии. В настоящее время вместе с соседним островом Невис составляет отдельное государство.

¹⁷ *Арпан* — старинная французская мера длины (180 парижских футов, то есть 58,52 м) и площади (примерно 3424,6 м²).

¹⁸ Версальский мир 1783 г., завершивший войну за независимость США и связанную с ней войну Англии с Францией и Испанией.

¹⁹ В древности Ним (Nemausus), перестроенный при Августе и ставший римской колонией, был одним из крупнейших городов римской Галлии. Здесь сохранились амфитеатр (ок. 60 г. н. э.), храм, освященный пасынками Августа (последние годы до н.э.), известный как «Квадратный дом» (Maison Carrée), самый высокий из сохранившихся до наших дней акведуков — Пон-дю-Гар (Pont du Gard) и др. Уже в XVIII в. эти великолепно сохранившиеся памятники стали объектом археологических исследований. В издании 1913 г. комментатор Э. де Лидекерке Бофор приводит полный латинский текст надписи: «C. Caesari Augusti F. L. Caesari Augusti F. Cos. Designato Principibus Juventutis» — и комментарий: «Кай и Луций были сыновьями Агриппы и внуками Августа, который усыновил их как наследников».

²⁰ *Синдик* — юрист, ведущий судебные дела какой-либо организации.

²¹ Дворец *Марли* был построен в 1679–1684 гг. для отдыха короля в узком кругу. После смерти Людовика XIV он был почти заброшен и пришел в запустение, а в 1806 г. снесен. Сохранился только дворцовый парк, расчищенный в конце XIX в. силами энтузиастов и в наши дни охраняемый государством. Композицию этого дворца повторяет дворец Марли в Петергофе (1720–1723), хотя и не являющийся простым подражанием французскому прототипу.

²² *Интендант* — в старой Франции наместник провинции. Первоначально, при Ришелье, интенданты лишь контролировали губернаторов, но постепенно должность губернатора стала чисто формальной, а реальные полномочия перешли к интендантам, подчиненным только королю. После учреждения должности префектов (1800) к ним перешла большая часть функций прежних интендантов.

²³ Мари-Жозефина-Роза Таше де Ла Пажери, впоследствии императрица Жозефина (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

²⁴ Александр де Ла Туш и Бетси де Ла Туш, впоследствии герцогиня де Фиц-Джеймс (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

²⁵ *Остров Тобаго* (в нынешнем государстве Тринидад и Тобаго) в XVII–XVIII вв. попеременно принадлежал Испании, Голландии, Англии, Франции и Курляндии. Франция владела им в 1713–1763 и 1783–1794 гг. По условиям Парижского мира 1814 г. он подлежал возвращению Франции, но после Ста дней условия мира были пересмотрены и остров остался английским.

²⁶ *Остров Синт-Эстатиус* (св. Евстафия, франц. Сент-Эташ) — один из Малых Антильских островов, в XVII–XVIII вв. переходил из рук в руки 22 раза. В феврале 1781 г. остров был захвачен англичанами (голландский губернатор не оказал сопротивления, так как еще не знал об объявлении Англией войны своей стране). В ноябре того же года он был отбит французами под командованием маркиза Буйе и по условиям мира 1784 г. окончательно возвращен Нидерландам, владением которых остается и сейчас.

²⁷ Фрэнсис Диллон, позднее жена генерала графа Бертрана (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

²⁸ Архиепископский дворец в Нарбонне в XIX в. был почти полностью перестроен.

²⁹ *Dillon's country* — район в нынешнем графстве Уэстмит (Западный Мит) в центральной Ирландии. С XIII в. здесь находились владения англо-нормандских лендлордов Диллон. Одной из ветвей этого рода позже стали Диллоны из Костелло-Гэлена (Коннахт), к которым и принадлежали предки автора. Другой линией были Диллоны из Роскоммона, младшая ветвь Диллонов-Килкорнан, от которых происходят «Диллоны из Бордо». Кроме того, глава семейства Роберт Диллон, о котором здесь говорится, владел небольшим замком Терфор (Terrefort, Château Dillon) неподалеку от Бордо, по которому назывался «сеньором де Терфор». Его сын Роберт претендовал в Ирландии на титул графа Роскоммон, но ему было в этом отказано.

³⁰ В оригинале ошибочно написано «Кароли» (M. De Karoly). Знакомство графа И. Каройи с семейством Э. Диллона состоялось в Париже и Флоренции.

³¹ *Ла Тур дю Пен* (*La Tour du Pin*), старинный владетельный род из Дофине (в королевстве Арелат), известный не позднее чем с XII века. Основу могущества рода заложил Альбер II (1176–1226), участник третьего крестового похода. В 1282–1349 гг. сеньоры де Ла Тур дю Пен носили титул дофинов Вьенских и графов д'Альбон: Юмбер I (Humbert I, 1282–1306), Жан VIII (1306–1319), Гиг VIII (1319–1333), Юмбер II (1333–1349). Не имея прямых наследников, незадолго до смерти Юмбер II продал Дофине королю Филиппу VI Валуа с условием, что титул дофина Вьеннского всегда будет принадлежать наследнику французского престола. В дальнейшем сохранилось несколько ветвей потомков этой династии по боковым линиям. В их числе была и ветвь Гуверне, к которой принадлежала семья мужа автора данных мемуаров.

³² Герцог Орлеанский после провозглашения республики (1792) и своего избрания в Конвент отказался от титула и стал называться «гражданином Эгали-те» («Равенство»).

³³ Этот полк был создан в 1697 г. и несколько раз менял название в зависимости от фамилии командира: Дорингтонский (1697–1718, командир Уильям Дорингтон), де Рот (1718–1766, Мишель Лесли, граф де Рот, а затем его сын Шарль), Роскоммонский (1766–1770, Роберт Диллон, граф Роскоммон), Уолл-ский (1770–1775, 1776–1791, виконт Шарль Жозеф Огюстен Уолш де Серран). В 1775–1776 гг. назывался «легионом Дофине», поскольку солдат-ирландцев в нем уже не было, но протест офицеров-ирландцев привел к восстановлению прежнего названия. В 1791 г. преобразован в 92-й пехотный полк; в 1796–1798 гг. расформирован.

³⁴ Жан-Шарль де Фиц-Джеймс, 3-й герцог Фиц-Джеймс (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

³⁵ Шарль де Фиц-Джеймс, 2-й герцог Фиц-Джеймс, маршал Франции (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

³⁶ *Французская гвардия* называлась так в отличие от швейцарской гвардии и других частей личной охраны короля.

³⁷ В июльские дни 1789 г. французская гвардия частично перешла на сторону восставших парижан, частично же просто перестала выполнять приказы из Версаля.

³⁸ В то время — графа де Гуверне (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

³⁹ Луи-Аполлинер де Ла Тур дю Пен-Монтобан (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

⁴⁰ Клер-Сюзанн де Ла Тур дю Пен де Гуверне. В браке стала маркизой де Ламет (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

⁴¹ До 1661 г. — суперинтендант финансов; с 1791 г. — министр финансов.

⁴² Так называлось особое управление, отвечавшее за расходы короля на развлечения любого рода, не входившие в число постоянных (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

⁴³ Девичья фамилия мадемуазель де Комнин — Стефанополи. Ее предки в XIII–XV вв. владели княжеством в Пелопоннесе и претендовали на происхождение от императорской династии Комнинов (1081–1185 в Византии, 1204–1461 в Трапезунде). Доказать такую генеалогию было очень сложно, поскольку архивы поздней Византии либо погибли, либо оставались недоступны для европейцев.

⁴⁴ Первая ассамблея нотаблей заседала с 22 февраля по 25 мая 1787 г., вторая — с 6 ноября по 12 декабря 1788 г. Это была последняя попытка королевской власти найти выход из катастрофического финансового кризиса, не прибегая к созыву Генеральных штатов. Из-за эгоизма привилегированных сословий обе ассамблеи кончились провалом, что сделало революцию неизбежной.

⁴⁵ Точнее 25 мая. Автор не раз оговаривается, что не пишет историю событий и не имеет под руками необходимых документов, поэтому многие даты приводятся по памяти и с неизбежными в таких случаях мелкими ошибками.

⁴⁶ Замок *Буй* (Bouilh) находится в Сент-Андре-де-Кюбзак, в 26 км к северо-востоку от Бордо. К 1780-м годам он был полуразрушен. Ж.Ф. де Ла Тур дю Пен, став в 1781 г. генерал-лейтенантом, пригласил Людовика XVI посетить Гиень, на что тот ответил: «Но там же нет ни единого замка, чтобы меня принять!» Тогда владелец начал капитальную перестройку замка, чтобы в нем принять короля. В основу реконструкции лег проект знаменитого в то время архитектора Виктора Луи. В 1835 г. (за два года до смерти) его сын Ф. С. де Ла Тур дю Пен, муж автора данных мемуаров, продал замок креолу с Реюньона Ф. Юберу де Монфлери, потомки которого владеют Бум до сих пор. В 1938 г. замок Буй был включен в национальный реестр исторических памятников. С 1996 г. он служил съемочной площадкой для нескольких фильмов.

⁴⁷ *Жардиньерка* — узкий столик для цветов, стоящий впритык к стене.

⁴⁸ *Эгретка* (от *aigrette* — цапля) — род броши с птичьим пером, крепящейся к волосам или к головному убору.

⁴⁹ Братья короля — граф Прованский, будущий Людовик XVIII, и граф д'Артуа, будущий Карл X. Герцог де Пентьевр — Луи-Жан-Мари, герцог де Пен-

тьевр и де Рамбуйе; его отец Луи-Александр был сыном Людовика XIV и его фаворитки мадам де Монтеспан. Принцы Конде были потомками Луи I де Бурбон-Конде, дяди короля Генриха IV.

⁵⁰ Обе эти должности не имеют прямого соответствия на других языках. В иерархии двора королевы они шли сразу же следом за управительницей; в частности, *dame d'honneur* замещала управительницу на время ее отсутствия.

⁵¹ *Салон Геркулеса* находится на втором этаже Версальского дворца и входит в комплекс Больших покоев короля. Название получил по картине на плафоне «Апофеоз Геркулеса». При Людовике XV использовался как бальная зала, при Людовике XVI — для приема посольств, в 1789 г. — для приема представителей третьего сословия.

⁵² *Мадам Елизавета* — младшая сестра короля; Мадам — жена старшего из его братьев (в описываемое время — жена графа Прованского, Мария-Жозефина Савойская).

⁵³ Право сидеть в кресле, на стуле со спинкой или на складном табурете без спинки при версальском дворе предоставлялось в соответствии со сложной иерархией, зависевшей от титула, служебного ранга, а также от того, происходит ли это в присутствии короля или королевских детей, внуков и т. д.

⁵⁴ *Месье* — в данном случае титул брата короля, следующего за ним по старшинству.

⁵⁵ *Тильбюри* — легкая открытая повозка с двумя крупными колесами. Обладала высокой проходимостью, но из-за легкости и скорости считалась довольно опасной.

⁵⁶ Дело тут не столько в нерешительности короля, сколько в финансовой катастрофе, которая поразила Францию еще с конца правления Людовика XV, а после публикации бюджета в 1781 г. стала явной для всех. Угроза надвигающегося государственного банкротства не позволяла Франции в те годы вести сколько-нибудь активную внешнюю политику, а тем более воевать.

⁵⁷ Вся история Республики Соединенных провинций заполнена борьбой между штатгальтерами (статхаудер, *нидерл.*) из Оранской династии и Генеральными штатами. Самыми острыми эпизодами этой борьбы были противостояние между Й. ван Олдербарневельдом и Морицем Оранским, а затем правление Яна де Витта (1650–1672). Дважды должность штатгальтера вообще упразднилась лидерами Генеральных штатов («первое бесстатхаудерное правление» — 1650–1672, второе — 1702–1747). В конце XVIII в. республика переживала тяжелейший кризис. Власть олигархии Амстердама подвергалась атакам с двух сторон — «патриотов» слева и «оранжистов» справа. «Патриоты» были сторонниками идей Просвещения и радикальными демократами; их опорой были промышленная буржуазия, интересы которой приносились в жертву торговой и финансовой олигархией, а также городские низы. Оранжисты (сторонники Оранской династии) опирались на дворянство восточных провинций и добивались установления монархии. В 1775 г. правительство под давлением «патриотов» заключило с Францией оборонительный и наступательный союз, направленный в основном против Англии. Но в 1787 г., когда в Голландию вторглись прусские войска (подробности событий автор мемуаров описывает достаточно полно), Франция отказалась выполнять свои обязательства перед Голландией, что изумило даже

англичан, уже готовившихся к войне. Причиной этого стало плачевное состояние французских финансов.

⁵⁸ Оранжевый цвет был символом Оранской династии.

⁵⁹ Маркиза де Ментенон умерла в 1719 г.

⁶⁰ Дело не только в том, что умеренные просветители во Франции были поклонниками английской конституции и потому уже англофилами. В 1786 г. был заключен англо-французский торговый договор («договор Идена — Райневая»), в результате которого Францию наводнили дешевые и качественные английские фабричные товары. Французские предприятия, технически более отсталые, не выдерживали такой конкуренции. Все это до крайности обострило экономический кризис в стране и приблизило начало Революции.

⁶¹ В XVIII в. Елисейские поля представляли собой парковую зону, продолжавшую сад Тюильри и открытую для людей любого звания. Однако эта зона пользовалась дурной репутацией, так что для обеспечения безопасности гуляющих в 1777 г. у заставы Шайо был даже установлен пост швейцарской гвардии.

⁶² Ныне Национальный театр комической оперы (Opéra-Comique) на площади Буальдьё.

⁶³ *Панье* (panier, буквально «корзина») — фижмы, каркас из прутьев или китового уса, на котором держалась очень широкая юбка. Во времена Марии-Антуанетты панье достигли таких гипертрофированных размеров, что их приходилось снабжать шарнирами, наподобие нынешних каркасов складных зонтиков. С началом Революции мода на панье прошла, но в XIX в. возродилась в виде моды на кринолины.

⁶⁴ *Типу-Саиб*, или Типу Султан, — махараджа (1782–1799) княжества Майсур на крайнем юге Индии, оказывавший упорное и успешное сопротивление англичанам. Успехи Майсура в этой борьбе привлекали внимание всей Европы, и Типу Султан стремился получить поддержку от любых противников Англии, прежде всего от Франции.

⁶⁵ *Полк Вессо* (regiment des Vaisseaux) был создан в 1638 г., королевским (Royal-Vaisseaux) стал с 1669 г.; с 1 января 1791 г. преобразован в 43-й пехотный полк, существующий и поныне. Ф. С. де Ла Тур дю Пен командовал этим полком с 10 марта 1788 г. по 21 октября 1791 г.

⁶⁶ «*Заира*» — трагедия Вольтера на сюжет, близкий к шекспировскому «Отелло».

⁶⁷ *Ипекакуана* (она же рвотный корень) — растение из семейства мареновых, происходит из Бразилии. Применялось как отхаркивающее, а в больших дозах — как рвотное средство.

⁶⁸ «*Танкред*» — трагедия Вольтера.

⁶⁹ В дореволюционной Франции парламент представлял собой окружной верховный суд во главе с президентом. Всего в стране было 17 таких парламентов, не подчиненных друг другу. Должность советника парламента можно было продать, купить или передать по наследству.

⁷⁰ Т. А. Лалли-Толлендаль был губернатором Французской Индии в 1758–1761 гг. В это время шла Семилетняя война, и французы уже успели потерпеть в Индии ряд поражений. Лалли вначале добился некоторых успехов и даже осадил Мадрас, но в 1761 г. он был принужден сдаться англичанам в Пондишери

с остатками своих войск. В итоге Франция потеряла все свои владения в Индии, кроме нескольких портов. Хотя причины этого поражения были гораздо глубже, чем просчеты отдельных генералов, всю вину свалили на Лалли. По возвращении во Францию он был обвинен в измене, злоупотреблении властью, жестокости (не менее десяти раз ему пришлось подавлять солдатские бунты) и в 1766 г. казнен.

⁷¹ Канун революции был ознаменован стихийными бедствиями. Вслед за засухой и градобитием 13 июня 1788 г. настала необычайно холодная зима 1788–1789 гг., когда в Париже морозы доходили до -17°C — в морском климате Франции такой холод переносится гораздо тяжелее, чем в странах континентального климата. Однако причины революции, разумеется, не сводятся к аномальным природным явлениям, хотя такие объяснения имели место.

⁷² Мария-Антуанетта не оправдала надежд, которыми была встречена поначалу, поэтому ее престиж быстро упал до нуля. После скандального дела об ожерелье (1785–1786), приобретенном мошенниками якобы для нее, даже парижская полиция рекомендовала королеве не появляться в столице во избежание инцидентов.

⁷³ Генри, 8-й виконт Диллон (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

⁷⁴ Ричард, 9-й виконт Диллон (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

⁷⁵ Фрэнсис Диллон (Frances Dillon) (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

⁷⁶ Чарльз, 10-й виконт Диллон, кузен и зять Ричарда, 9-го виконта Диллон (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

⁷⁷ Генри, 11-му виконту Диллон, брату Чарльза, 10-го виконта Диллон (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

⁷⁸ «Славная кампания 1745 года» — второе якобитское восстание в Шотландии, во главе которого встал «Молодой претендент» принц Карл Эдуард (его отец, «Старый претендент» Джеймс Стюарт, сын и наследник Якова II, был уже слишком стар, чтобы командовать лично). Франция поддержала эту попытку, направив в помощь якобитам, в частности, ирландскую бригаду. Несмотря на ряд частичных успехов, якобиты не смогли привлечь на свою сторону сколь угодно широкие круги населения и были разбиты. Этим событиям посвящены романы Вальтера Скотта «Уэверли» и Р.Л. Стивенсона «Владелец Баллантрэ».

⁷⁹ Жан-Батист Ревельон был владельцем Королевской обойной мануфактуры Фоли-Титон в Сент-Антуанском предместье Парижа. На этой мануфактуре, в частности, был изготовлен монгольфьер, на котором в 1783 г. впервые поднялся в воздух человек. На избирательных собраниях выступал за отмену цеховой регламентации и меры по выходу из торгово-промышленного кризиса, поразившего Францию с 1787 г. В апреле 1789 г., за несколько дней до намеченного открытия Генеральных штатов, вместе с другим фабрикантом, Анрио, публично предложил принять меры по снижению цен на продовольствие, что, по его мнению, позволило бы снизить заработную плату и удешевить производство, «чтобы рабочий мог прокормиться на 15 су» (в день). Эти слова стали известны, и рабочие поняли это как желание посадить их на голодный паек. Когда же 27 апреля стало известно об отсрочке открытия Генеральных штатов, начался бунт. Рабочие и люмпены

разгромили мануфактуру и дом Ревельона (укрывшегося в Бастилии) и Анрио. Из толпы при этом раздавались выкрики в пользу герцога Орлеанского. Бунт был подавлен войсками, было не менее 200 жертв. «Дело Ревельона» повлияло на настроения депутатов Генеральных штатов.

⁸⁰ Эта процессия состоялась в понедельник, 4 мая 1789 г., в день открытия заседаний Генеральных штатов.

⁸¹ Такую оценку речи Неккера разделяют и другие авторы (как мемуаристы, так и позднейшие историки).

⁸² «*Мучная война*» — под таким именем известны продовольственные волнения в конце апреля — начале мая 1775 г. Либерализация цен, предпринятая Тюрго, обернулась подорожанием хлеба, в то время как голод и без того был уже обычным явлением. 2 мая толпа голодающих явилась в Версаль с жалобой, и Людовик XVI говорил с ними с балкона. В итоге двое вожаков были повешены, а сама жалоба оставлена без последствий.

⁸³ 17 июня депутаты третьего сословия (и примкнувшая к ним часть депутатов духовенства) объявили себя Национальным собранием; 20 июня последовала знаменитая клятва в зале для игры в мяч. В ответ 23 июня состоялось «королевское заседание» Штатов: король лично выступил с речью, обещал крайне умеренные реформы и объявил, что проведет их сам, без чьей-либо помощи. При этом он попытался отменить предыдущие решения депутатов и потребовал, чтобы те разошлись по своим сословным палатам. Этим требованиям депутаты не подчинились, что было уже открытым вызовом королю. Применить силу король не смог: армия начала переходить на сторону Национального собрания уже на следующий день.

⁸⁴ Проблемы с продовольствием начались в Париже еще несколькими месяцами ранее. Мнение, что они кем-то были организованы специально, — весьма характерная деталь подобных событий.

⁸⁵ 11 июля 1789 г. король отправил в отставку министра финансов Неккера, на котором держались все надежды на оздоровление экономики, и приказал ему немедленно покинуть Францию. Новое министерство было составлено из крайних реакционеров. При первом же известии об этих событиях, 12 июля, в Париже началось восстание, кульминацией которого (уже на третий день) стало взятие Бастилии.

⁸⁶ *Площадь Людовика XV* — ныне площадь Согласия. 12 июля 1789 г. принц де Ламбеск, по приказу парижского коменданта Безанваля, во главе драгун из своего полка Руаяль-Альман (Королевского немецкого) попытался очистить эту площадь от собравшегося народа. Имея опыт в боях, но не в полицейских акциях, и не получая никаких указаний сверху, он действовал нерешительно. Тем временем слухи о том, что на площади якобы убивают мирных прохожих, привели к взрыву возмущения, к тому же французские гвардейцы перешли на сторону восставших и дали отпор немецким драгунам. К вечеру Ламбеск отступил на Марсово поле, а вскоре Безанваль, не получая из Версаля ни поддержки, ни указаний, вообще вывел войска из столицы.

⁸⁷ Жозеф Франсуа Фулон — парламентский советник, неоднократно занимавший высокие посты по ведомству финансов. В частности, на него было возложено снабжение провиантом армии, стоявшей под Парижем, что служило полем

для огромных хищений за счет солдат и революционизировало армию больше, чем любая агитация. 12 июля 1789 г. король назначил Фулона министром финансов на место уволенного Неккера. После падения Бастилии Фулон пытался скрыться, но 22 июля вместе со своим зятем Бертье был опознан в Париже и, несмотря на вмешательство Лафайета, стал жертвой самосуда.

⁸⁸ Король прибыл в парижскую ратушу 17 июля. Здесь он был вынужден признать победу восставших и принять от мэра трехцветную кокарду.

⁸⁹ Граф д'Артуа покинул Францию 16 июля, убедившись в бесполезности попыток реванша. Турин, куда он уехал, стал первым центром контрреволюционной эмиграции.

⁹⁰ Заседание Национального собрания в ночь с 4 на 5 августа мемуаристы называли то «ночью энтузиазма», то «ночью чудес». На этом заседании дворянские депутаты — герцог д'Эгийон и виконт де Ноайль — предложили отмену феодальных прав, а духовенство отказалось от десятины. К этому времени крестьяне уже захватывали помещичьи поля и поджигали замки в таких масштабах, что более дальновидные депутаты от дворянства предпочли представить отказ от феодальных прав как добровольную жертву на алтарь отечества. Правда, они попытались хотя бы обеспечить компенсацию (личные формы зависимости крестьян и барщинные повинности отменялись немедленно и безусловно, а имущественные права подлежали выкупу), но последующее развитие событий свело на нет эту попытку.

⁹¹ *Фанар* («Маяк», ныне Фенер) — район Стамбула на берегу Золотого Рога. Греческие жители этого квартала (фанариоты) были известны как крупнейшие финансисты, державшие в руках как османскую казну, так и ведомство иностранных дел, поскольку обладали европейским образованием и к тому же были христианами, что облегчало для них контакты с европейцами. В руках фанариотов в XVIII в. постоянно находились господарские престолы Молдавии и Валахии, все высшие церковные должности в балканских провинциях, а также пост великого драгомана (переводчика), фактически — министра иностранных дел Османской империи.

⁹² *День св. Людовика* — 25 августа, годовщина смерти Людовика IX.

⁹³ Этот банкет состоялся 1 октября и принял характер роялистской демонстрации.

⁹⁴ *Первый дофин* — Луи Жозеф Ксавье Франсуа (1781–1789), старший сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Умер от туберкулеза 4 июня 1789 г., до этого считался наследником престола.

⁹⁵ Королю приходилось рассчитывать только на национальную гвардию (буржуазное ополчение), поскольку после восстания 12–14 июля в Париже стало окончательно ясно, что армия больше не может служить опорой режима.

⁹⁶ *«Бычий глаз»* (Œil-de-bœuf) — огромный салон в Версале, созданный в 1701 г. Ж. Ардуэн-Мансаром, фактически прихожая перед спальней короля, где придворные ожидали выхода монарха. Название получил по имеющемуся в нем овальному окну. У Т. Карлейля «Œil de bœuf» — переносное обозначение придворной аристократии или королевского правительства (подобно тому как османское правительство называли «Портой» также по имени помещения, где оно заседало).

⁹⁷ 12 июля 1790 г. Учредительное собрание приняло закон о гражданском устройстве духовенства. По этому закону многие старинные епархии (в том числе Нарбоннское архиепископство) упразднились; епископы и кюре избирались в том же порядке, что и депутаты (причем даже не требовалось, чтобы избиратели были католиками); епископы могли лишь извещать папу о своем избрании, но не нуждались в его санкции. Закон встретил сильную оппозицию среди клира, поэтому декрет от 27 ноября того же года потребовал от всех священников присяги Гражданскому устройству под угрозой лишения места. С этого момента французское духовенство делилось на «присягнувшее» (лояльное к революции) и «неприсягнувшее» (роялистское). Такое положение сохранялось до наполеоновского конкордата 1801 г.

⁹⁸ *Курбевуа* — городок близ Нейи, в 8 км к северо-западу от центра Парижа.

⁹⁹ Дело не только в том, что Тацит, нарисовавший резко критические портреты римских императоров, считался «бичом тиранов» и что поэтому консерваторы относились к его почитателям настороженно. Стиль Тацита считался трудным по сравнению, например, с ясным и четким («императорским») стилем Цезаря. Поэтому способность читать Тацита говорила о хорошем владении латынью.

¹⁰⁰ Римский лагерь *Lausodunum* на месте нынешней Лозанны впервые упоминается в 15 г. до н.э., уже после смерти Цезаря.

¹⁰¹ *Восстание гарнизона Нанси* (l'affaire de Nancy, 5–31 августа 1790 г.) было самым крупным солдатским выступлением этого периода. Поводом к нему стал отказ командира-владельца полка Шатовье-Сюисс выплатить солдатам задержанное жалование. Солдаты и раньше видели, что офицеры их обворовывают, чему способствует беспорядок в бухгалтерии. Поэтому начались самочинные расправы с офицерами и их аресты. Генерал Мальсень, направленный Лафайетом для наведения порядка, был арестован. После этого 16 августа военный министр Ж. Ф. де Ла Тур дю Пен (свекор автора) потребовал от Собрания указа о подавлении беспорядков, а 18-го Лафайет отдал соответствующий приказ генералу Буйе, который после трехчасового боя овладел городом. Учредительное собрание выразило благодарность Буйе, но народ, собравшийся на митинг под его окнами, требовал головы Буйе и ареста министров.

¹⁰² Эта дуэль произошла 12 ноября 1790 г.

¹⁰³ Это произошло в ночь с 20 на 21 июня 1791 г. Уже следующей ночью король и его семья были задержаны в городке Варенн (отсюда название всего эпизода — «бегство в Варенн»), а 25 июня доставлены под охраной обратно в Париж.

¹⁰⁴ Роялисты явно пытались свалить всю вину за неудачу на одного лишь Ферзена. Между тем Ферзен был не только не единственным организатором бегства короля, но и не главным виновником его провала.

¹⁰⁵ Граф Прованский (будущий Людовик XVIII) бежал из Парижа в ту же ночь, что и король с королевой, но в направлении Брюсселя. Прибыв туда, он тут же объявил себя регентом — на том основании, что король находится в плену и не может действовать по собственной воле.

¹⁰⁶ В ноябре 1792 г., уже после провозглашения республики, слесарь Гамен сообщил министру внутренних дел, жирондисту Ж. М. Ролан де Ла Платьеру, что по заказу короля изготовил ему потайной сейф для секретных документов. Ролан вскрыл этот сейф, но передал документы Конвенту только после того, как

ознакомился с ними сам. Эти бумаги не только доказывали контрреволюционные интриги короля, но и компрометировали ряд депутатов (в том числе Мирабо и Талейрана), уличенных в тайных связях с Людовиком. Скандал усугубился подозрениями в адрес самого Ролана, которого обвиняли в том, что он скрыл бумаги, уличающие его друзей-жирондистов.

¹⁰⁷ Поведение маршала В.Ф. де Брольи, бывшего военным министром с 12 по 16 июля 1789 г., ставит под сомнение заслуженность его репутации. Как известно, накануне штурма Бастилии он не дал верным ему войскам даже внятных указаний.

¹⁰⁸ *Великий Пенсионарий* — высшее должностное лицо провинций Голландия и Зеландия, фактически играл роль главы правительства Голландской республики.

¹⁰⁹ *Сентябрьские расправы* (massacres de septembre) — массовые убийства заключенных в тюрьмах в сентябре 1792 г. На фоне приближения к Парижу пруссаков, под впечатлением от того беспощадного тона, которым был пронизан манифест герцога Брауншвейгского, а также под влиянием слухов о роялистском заговоре в самом Париже толпа врывается в тюрьмы и расправляется со всеми «подозрительными». Законодательное собрание и Коммуна оказались не в силах пресечь массовый самосуд.

¹¹⁰ В 1714–1795 гг. страна официально называлась Австрийскими Нидерландами. Название «Бельгия» (от галльского племени белгов и римской провинции Белгика) впервые появилось во время Брабантской революции 1789–1790 гг., когда 11 января 1790 г. было объявлено о создании «Бельгийских соединенных штатов».

¹¹¹ Битва при Жемаппе произошла 6 ноября 1792 г.

¹¹² После переворота 10 августа 1792 г., покончившего с монархией, Лафайет отказался признать новое правительство и арестовал комиссаров, которых послало к нему Собрание. Он рассчитывал выступить против якобинцев со своей армией, но не нашел поддержки. 19 августа он был объявлен изменником и в ту же ночь бежал вместе с А. Ламетом и С. де Ла Тур-Мобуром.

¹¹³ Некоторая неточность: Австрия была провозглашена империей лишь 11 августа 1804 г., когда стало ясно, что Наполеон вот-вот ликвидирует прежнее политическое устройство Германии. До этого австрийский монарх носил титул императора Священной Римской империи, а тот комплекс габсбургских земель, который в XIX в. оформился в Австро-Венгерское государство, вообще не имел общего официального названия.

¹¹⁴ Генерал Артур Диллон потребовал от войск присяги не только королю, но и Конституции 1791 г., формально еще не отмененной. 21 августа он написал письмо Собранию, в котором обещал верность нации и законам, после чего комиссары Собрания временно оставили его на посту.

¹¹⁵ Капитуляция Антверпена произошла 27 ноября 1792 г.

¹¹⁶ 15–16 января 1793 г. в Конвенте проходило голосование о судьбе низложенного короля; 21 января он был казнен. Многие депутаты были вначале настроены на сохранение жизни короля, но под давлением массовых настроений были вынуждены изменить свое мнение (это и имеется в виду под «трусливыми отказами»).

¹¹⁷ Ж. Ф. де Ла Тур дю Пен сделал это для того, чтобы избежать обвинений в использовании казенных средств для частного строительства.

¹¹⁸ Бордо был одним из центров «федералистского» движения.

¹¹⁹ *Цареубийцами* (régicides) роялисты называли всех членов Конвента, голосовавших за казнь короля в январе 1793 г. Впрочем, даже Реставрация не сразу решила, как с ними поступать, поскольку некоторые из них пошли на службу новому режиму (и среди них — Жозеф Фуше, создатель системы политической полиции). Только в 1816 г. был издан закон, по которому все цареубийцы изгонялись из Франции.

¹²⁰ См. примечание к главе V, раздел IV.

¹²¹ В 1790 г. площадь Дофина была переименована в Национальную, в 1811–1814 гг. называлась площадью Римского Короля; с 1883 г. по наши дни — площадь Гамбетта.

¹²² *Трехдневная лихорадка* — одна из форм малярии.

¹²³ Война, мятежи и хозяйственная разруха поставили Францию перед угрозой голода, во многих городах пришлось ввести карточную систему на продовольствие. В этих условиях, в целях экономии муки, 25 ноября 1793 г. (5 фримера) специальным декретом Конвента на всей территории Республики была запрещена выпечка хлеба высоких сортов. Допускалось изготовление только одного сорта хлеба, который и назывался «секционным» (секции — местные революционные комитеты), или «хлебом равенства».

¹²⁴ В историю она вошла как Тереза Тальен и чаще всего упоминается под этим именем.

¹²⁵ А (Hâ) — замок XV в. в Бордо, во времена Террора служивший тюрьмой.

¹²⁶ *Сорез* — город в Лангедоке, в 80 км от Нарбонна.

¹²⁷ *Арматор* — лицо, снаряжающее за свой счет судно и имеющее свою долю как в риске, так и в прибыли от этого предприятия. Арматор мог быть в то же время и капером (в военное время). Однако в Бордо, где судостроение возникло лишь в XVIII в., арматоры были больше связаны с так называемой торговлей по треугольному маршруту: из Западной Африки в Вест-Индию везли рабов, из Вест-Индии во Францию — хлопок, сахар, табак, ром и другие колониальные товары.

¹²⁸ В отличие от Кутона, направленного в Лион и стремившегося свести репрессии к минимуму, или Каррье, устраивавшего в Нанте массовые казни из идейных соображений, Тальен и Изабо превратили террор в средство личного обогащения. Это было одной из главных причин той позиции, которую они заняли 9 термидора, когда Тальен сыграл одну из ключевых ролей в свержении Робеспьера.

¹²⁹ Госпожа де Ла Тур дю Пен ошибается, говоря, что преемником Тальена в Бордо в качестве комиссара Конвента стал Жюльен Тулузский, которому в то время было 34 года. Робеспьер, по собственной инициативе, направил в этот город, чтобы сменить Тальена и контролировать действия Изабо, молодого человека крайне экзальтированных взглядов, члена Якобинского клуба, всего лишь 19 лет от роду, Жюльена Парижского, старшего сына члена Конвента Жюльена из Дрома (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

¹³⁰ *Бек д'Амбез* (Bec d'Ambès) — место слияния Гаронны и Дордони, начало их общего эстуария — Жиронды.

¹³¹ *Кордуанская башня* (Phare de Cordouan) — маяк на островке в устье Жиронды, в нынешнем виде существует с XVI в.

¹³² Первая берберийская война (США против пиратских государств Северной Африки — Алжира, Туниса и Триполитании) имела место лишь в 1801–1805 гг., вторая, окончательно решившая проблему берберийского пиратства, — в 1815 г. До этого европейские страны платили пиратам Магриба большую дань за беспрепятственный проход своих судов.

¹³³ *Киберонская экспедиция* (июнь — июль 1795 г.) — десант эмигрантов, высаженный с помощью английского флота на полуострове Киберон (на юге Бретани, в 30 км от города Ванн) для поддержки вандейских повстанцев. Роялисты рассчитывали на всеобщее восстание против республики, однако этого не случилось, к тому же между командирами начались конфликты из-за главенства. 19 июля силы экспедиции были разгромлены республиканским генералом Л. Гошем, расстрелявшим более 700 пленных.

¹³⁴ *Бостонское чаепитие* — акция протеста американских колонистов 16 декабря 1773 г. в ответ на действия британского правительства, введшего так называемые акты Таушенда (косвенные налоги на ряд товаров, которые в итоге были отменены, но оставлен налог на чай), в результате которой в Бостонской гавани был уничтожен груз чая, принадлежавший Английской Ост-Индской компании. В ответ английские власти приняли «пять нестерпимых актов», по которым, среди прочего, Массачусетс лишился хартии на самоуправление. Это событие стало катализатором Войны за независимость.

¹³⁵ *Лоялисты* — во время Американской революции так назывались сторонники сохранения колониального режима. Особенно сильны они были в старых привилегированных центрах — Бостоне и Нью-Йорке.

¹³⁶ Согласно историкам войны в Америке, это был генерал Гейтс. Сменив генерала Скайлера на посту командующего, он заставил капитулировать генерала Бергойна в Саратоге (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

¹³⁷ Ошибка автора. Следует читать «Массачусетс». Коннектикут находится к югу от этого последнего (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

¹³⁸ Нортгемптон — город в штате Массачусетс, а не столица Коннектикута (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

¹³⁹ Следует читать «Массачусетс» (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

¹⁴⁰ Эти сведения, скорее всего, легендарны. Основателем владений Ренсселеров был Кильян ван Ренсселер, один из первых директоров Голландской Вест-Индской компании, от которой в 1629 г. получил владение Ренсселерсвик (Rensselaerswyck) близ нынешнего Олбани, штат Нью-Йорк. В своем имении пользовался правами патруна (*patroon*, сеньор), то есть феодального владельца, включая право устанавливать гражданские и уголовные законы; фермеры считались его арендаторами, платили ренту и не имели права собственности на землю. В 1664 г. голландская колония была захвачена англичанами, передана во владение герцогу Йоркскому (будущему королю Якову II), поддерживавшему феодальные порядки, и переименована в его честь; после этого патрунства стали манорами. В 1775 г. феодальные права были отменены Континентальным конгрессом, и маноры стали просто крупными имениями. Тем не менее Ренсселерам удалось

сохранить свои владения до 1840-х гг. — дольше, чем любым другим владельцам. После смерти Стефена ван Ренсселера III (1839) наследники попытались собрать с арендаторов просроченные платежи. Это привело к восстанию фермеров штата Нью-Йорк («война антиренты», Anti-Rent War, 1839–1846); в результате этого восстания остатки феодальных прав землевладельцев были отменены. Одно из графств штата Нью-Йорк (к востоку от Олбани, на стыке с Массачусетсом и Вермонтом), ранее входившее в манор этого семейства, до сих пор называется по их имени — Ренсселер.

¹⁴¹ С сентября 1792 г. Талейран находился в Англии с дипломатическим поручением. В это время из документов, обнаруженных в «железном шкафу», выяснилось, что еще ранее он предлагал свои услуги королю, после чего Талейран решил не возвращаться во Францию. В начале 1794 г. он был выслан из Англии на основании «Закона об иностранцах», после чего эмигрировал в США.

¹⁴² «Городская кухня» (франц.).

¹⁴³ Поводом для отставки А. Гамильтона была не низкая зарплата, а политическая борьба со сторонниками Т. Джефферсона — «демократическими республиканцами» (предшественники нынешней демократической партии США). Популярность министра к этому времени была сильно подорвана его общим курсом, направленным на защиту интересов только торговых и финансовых кругов, участием в расправе с восставшими фермерами Пенсильвании, невыгодным для США договором с Англией (1794), а также скандальным делом с его любовницей.

¹⁴⁴ До 1795 г. остров Гаити делился на две части: французскую колонию Сан-Доминго и испанскую — Санто-Доминго. По Базельскому миру 1795 г. испанская часть острова отошла к Франции.

¹⁴⁵ Город Кап-Франсе, сожженный в 1793 г., в то время столица французской колонии Сан-Доминго. Ныне город в Республике Гаити под именем Кап-Аитьен (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*). В конце 1793 г., в ходе гражданской войны, охватившей колонию, Кап-Франсе был разгромлен 10-тысячной армией восставших рабов, разрушение было довершено пожаром.

¹⁴⁶ На самом деле английская кварта равна 1,135 литра (*примечание Э. де Лидекерке Бофора к изданию 1913 г.*).

¹⁴⁷ После начала восстания рабов в Сан-Доминго (1791), переросшего затем в Гаитянскую революцию, многие французы бежали оттуда в США. Часть из них вместе с роялистами попыталась в 1793 г. основать в восточной Пенсильвании, на реке Саскуэханна, земледельческую колонию под названием Asylum (Убежище). Деньги на их обустройство дали «финансист американской революции» Роберт Моррис, банкир и филантроп Стивен Жирар (уроженец Бордо, оставшийся в Америке с 1776 г.), а также генеральный контролер Пенсильвании Джон Николсон. В колонии успели побывать Талейран и будущий король Луи Филипп; ходили даже слухи, что самый большой дом в поселке предназначен для Марии-Антуанетты и ее детей, если им удастся спастись. Но в конце 1790-х гг. Р. Моррис и Дж. Николсон обанкротились, после чего поселенцы начали покидать поселение, окончательно угасшее в 1803 г. Тем не менее поселок Asylum существует до сих пор (штат Пенсильвания, графство Брэдфорд). Остатки французской колонии с 1954 г. превращены в музейный комплекс.

¹⁴⁸ Это так называемый договор Джея (Jay Treaty), подписанный в декабре 1794 г. между Англией и США (а не одним лишь штатом Нью-Йорк). Договор урегулировал спорные вопросы торговли и мореплавания, но содержал унижительные для США пункты. Так, американские суда не получили права заходить в гавани и реки британской Канады, ограничивалось их плавание в Вест- и Ост-Индии, в то время как английские суда могли заходить в любые порты США. Кроме того, договор был явно направлен против революционной Франции, в то время как американцы еще помнили значение французской помощи для завоевания ими независимости. Партия джефферсоновских республиканцев резко выступила против этого договора, но в июне 1795 г. Конгресс его все же ратифицировал.

¹⁴⁹ Базельский мир с Испанией был заключен 22 июля 1795 г.

¹⁵⁰ *Битва при Сен-Кантене* произошла 10 августа 1557 г. и стала одним из завершающих событий в Итальянских войнах (1494–1559). При этом испанцы разрушили монастырь св. Лаврентия, особо чтимого в Испании, и Филипп II решил взамен построить новый монастырь этого святого близ Мадрида. Уже в ходе строительства было решено, что монастырь станет также дворцом и усыпальницей испанских монархов.

¹⁵¹ *Бидасоа* (исп.), *Бидассоа* (фр.) — река в Наварре и Стране Басков. По ее нижнему течению проходит граница между Францией и Испанией.

¹⁵² Оба эти органа были созданы по конституции III года Республики (1795), принятием которой завершилась работа Конвента. Совет Пятисот представлял собой нижнюю, а Совет Старейшин — верхнюю палату парламента. После переворота 18 брюмера (1799) обе палаты были распущены.

¹⁵³ Талейран впервые стал министром иностранных дел 15 июля 1797 г.

¹⁵⁴ *Переворот 18 фрюктидора* (4 сентября 1797 г.) был вызван замыслами роялистов по подготовке реставрации. Глава Директории Баррас, узнав об опасности, обратился за помощью к находившемуся в Италии Бонапарту, который поручил дело генералу Ожеро. В ночь на 4 сентября Ожеро без сопротивления арестовал ряд депутатов и редакторов газет, которых Совет Пятисот без суда сослал в Гвиану. После этого Директория лишилась поддержки правых, а подавление прерияльского восстания (20–23 мая 1795 г.) оставило термидорианский режим без поддержки левых. Сложилось положение, в котором военная диктатура генерала Бонапарта оказалась единственным выходом.

¹⁵⁵ *Апостиль* — форма заверения документа для его предъявления в другой стране.

¹⁵⁶ Билль об эмансипации католиков (Roman Catholic Relief Act) был принят в 1829 г. и отменил почти все ограничения в правах католиков, действовавшие с XVI в.

¹⁵⁷ *Друри Лэйн* — старейший из ныне существующих лондонских театров, основан в 1663 г.

¹⁵⁸ Людовик XVIII жил в Митаве, бывшей столице Курляндского герцогства (ныне Елгава, Латвия), в 1798–1801 и 1804–1807 гг. Впервые он прибыл туда по приглашению Павла I.

¹⁵⁹ Генерал Бонапарт прибыл во Фрежюс 9 октября 1799 г. Его путь к Парижу превратился в триумфальную встречу. Ровно через месяц, 9 ноября (18 брюмера), Бонапарт разогнал Директорию и встал у власти.

¹⁶⁰ *Балли* (bailli) — в дореволюционной Франции губернатор баляжа, единицы второго порядка после провинции.

¹⁶¹ *Батавская Республика* — «дочерняя» (марионеточная) республика, созданная французами в 1795 г., после оккупации ими Голландии, взамен упраздненной Республики Соединенных провинций. В 1806 г. была преобразована в Голландское королевство во главе с Луи Бонапартом (братом Наполеона); в свою очередь, это королевство в 1810 г. было аннексировано Французской империей.

¹⁶² *Мальмезон* (Malmaison) — усадьба близ Парижа, принадлежавшая с 1799 г. императрице Жозефине.

¹⁶³ Сражение при Маренго произошло 14 июня 1800 г.

¹⁶⁴ *О-де-ви* (eau de vie, от латинского *aqua vitae* — «вода жизни») — общее название крепких напитков, получаемых из слабоалкогольного сырья путем перегонки. В данном случае речь идет об о-де-ви из виноградного сырья, которую теперь принято называть «бренди» («коньяком» или «арманьяком» называются только аналогичные напитки, произведенные в соответствующей местности).

¹⁶⁵ Конкордат 1801 г. положил конец конфликту между папским престолом и французскими властями, длившемуся с 1790 г. По его условиям сохранялась свобода вероисповедания (католицизм оставался лишь «религией большинства французов»), священнослужители назначались государством, церковь признавала секуляризацию своих владений во Франции и т. д.

¹⁶⁶ Плебисцит, признавший Наполеона пожизненным консулом, состоялся 10 мая 1802 г.

¹⁶⁷ Провозглашение Наполеона императором прошло в несколько этапов: сенатусконсульт 18 мая 1804 г.; плебисцит в ноябре того же года; официальная коронация 2 декабря 1804 г.

¹⁶⁸ В 1803 г. Антверпен был объявлен главным военным портом на севере Франции. В последующие 10 лет французы построили здесь два огромных дока и расширили устье Шельды, так что порт мог принять до 42 линейных кораблей одновременно.

¹⁶⁹ То есть Карл IV и Фердинанд VII. При приближении французов к Мадриду началось восстание, в Аранхуэсе толпа едва не растерзала временщика М. Годоя («князя мира»). После этого 19 марта перепуганный Карл IV отрекся в пользу своего сына Фердинанда и одновременно обратился к Мюрату за помощью, но уже через два дня (по соглашению с Мюратом) взял свое отречение назад как «вынужденное». Тогда Наполеон вызвал Фердинанда в Байонну якобы для арбитража, после чего Карл, опасаясь, как бы Фердинанд не добился от императора решения в свою пользу, сам поспешил туда же вместе с женой и Годоем. В итоге Наполеон отстранил от власти обоих Бурбонов, отправив их в почетную ссылку в разные замки во Франции, а испанский трон передал своему брату Жозефу.

¹⁷⁰ *Диль* (Dyle) — французский департамент с центром в Брюсселе, существовал с 1795 по 1814 г.

¹⁷¹ «*Князь мира*» — титул Мануэля Годоя с 1795 г., присвоен ему испанским королем за роль в заключении Базельского мира с Францией.

¹⁷² Двое сыновей королевы — Фердинанд VII и дон Карлос, впоследствии претендент на испанский престол после смерти брата.

¹⁷³ Тоскана до 1801 г. была великим герцогством, престол которого занимала одна из линий Габсбургов (герцог Фердинанд III был вторым сыном императора Леопольда II). В 1801 г. Наполеон преобразовал это государство в «королевство Этрuria» во главе с пармскими Бурбонами, а в 1807 г. присоединил Тоскану непосредственно к Франции. На ее территории были созданы департаменты Арно (центр — Флоренция), Средиземноморье (Ливорно) и Омбоне (Сиена).

¹⁷⁴ После 9 термидора характер войн, которые вела революционная Франция, изменился. Жирондисты и тем более якобинцы видели их цель в своего рода интернациональной помощи народам, борющимся против тирании, и не ставили своей задачей аннексии. В этом духе был выдержан декрет Конвента от 19 ноября 1792 г. Термидорианская буржуазия продолжала прикрываться этой риторикой, но действовала уже в чисто эгоистических целях — как внутри Франции, так и во внешней политике. При Наполеоне различие между «старыми департаментами» (Францией в границах до 1792 г.) и «новыми департаментами» уже ничем не прикрывалось, а экономическое развитие «новых департаментов» целенаправленно сдерживалось.

¹⁷⁵ *Малин* (Malines) — французское название города Мехелен в нынешней бельгийской провинции Антверпен. От этого слова происходит русское выражение «малиновый звон»: колокола, изготовленные мехеленскими (малинскими) мастерами, славились на всю Европу чистотой звучания.

¹⁷⁶ Вероятно, речь идет о нынешней Королевской библиотеке Бельгии в Брюсселе. Основу ее заложила личная библиотека бургундского герцога Филиппа III Доброго (1419–1467), владевшего Брюсселем с 1430 г. и сделавшего его столицей своих владений.

¹⁷⁷ В Эрфурте с 27 сентября по 14 октября 1808 г. Наполеон вел переговоры с Александром I, результатом которых стало взаимное недоверие обоих императоров.

¹⁷⁸ Брак Гортензии и Луи Бонапарта был несчастливym, муж жестоко ревновал королеву. В 1809 г. Гортензия разошлась с мужем и покинула Амстердам.

¹⁷⁹ *Голландская экспедиция 1809 г.* была частью войны пятой коалиции (Англия и Австрия) против Наполеона. Россия, связанная тильзитскими обязательствами, участвовала в этой войне на стороне Франции, но негласно предупредила австрийцев, что делает это лишь для отвода глаз и всерьез воевать не будет; ответной услугой Австрии стали столь же показательные действия корпуса Шварценберга в Отечественной войне 1812 г. В июле 1809 г. англичане высадились на острове Вальхерен, близ устья Шельды, и взяли расположенный на нем город Флиссинген, однако маршал Бернадот успел увести французский флот в Антверпен. Тем временем стало известно, что Австрия, разбитая Наполеоном при Ваграме, уже запросила мира. После этого экспедиция потеряла смысл, так как главной ее целью было отвлечь французские силы с Дуная. Потери англичан составили 4 тыс. человек (из них только 106 — в бою, остальные — от малярии) и колоссальную сумму денег. Уже в сентябре начался вывод английских войск с Вальхерена, полностью завершившийся в декабре.

¹⁸⁰ Название этой должности Наполеон заимствовал из Священной Римской империи, где этим словом (*Erzkanzler*) обозначался глава имперской канцелярии, в отличие от канцлеров княжеств. Начиная с «Золотой буллы» Карла IV

(1356) этот титул был окончательно закреплен за архиепископом Майнцским. Наполеон стремился придать своему государству внешние атрибуты прежних западноевропейских империй и тем самым представить себя их правопреемником, поэтому он активно копировал не только римские, но и средневековые германские образцы.

¹⁸¹ Виктория де Ларошжаклен в первом браке была женой маркиза Луи Мари де Лескюра (1766–1793), одного из военачальников роялистов во время войны в Вандее. Ее знаменитые мемуары посвящены в основном этим событиям.

¹⁸² «Адвокат Пьер Патлен» (*La Farce de Maître Pathelin*) — французский анонимный фарс (ок. 1470-х), одна из вершин западноевропейской средневековой драматургии. Имя хитрого и беспринципного адвоката Патлена стало нарицательным, в одном ряду с такими знаменитыми трикстерами, как Уленшпигель или герой «Романа о Лисе», а фраза из этого фарса «вернемся к нашим баранам» вошла во все европейские языки. Начиная с XVII в. на тему «Патлена» был написан ряд комедий и опер.

¹⁸³ *Римский король* — титул, заимствованный из Священной Римской империи, второй по рангу после императорского. Вначале он обозначал императора до того, как тот будет коронован папой в Риме. При Штауфенах этот титул носил наследник и соправитель, назначенный императором еще при своей жизни; до XV в. его иногда принимали «антикороли» (*Gegenkönige*) — мятежные претенденты на трон. Золотая булла 1356 г. отменила римскую коронацию: для принятия титула императора стало достаточно избрания курфюрстами. Последний итальянский коронационный поход был предпринят Максимилианом I в 1508 г. и не достиг Рима. При Габсбургах титул римского короля носил наследник престола.

¹⁸⁴ Неуверенность автора вызвана тем, что слово *électeur* во французском языке может обозначать разные понятия: 1) избиратель, выборщик; 2) курфюрст (*Kurfürst*, буквально «князь-избиратель»), то есть германский князь, имеющий право участвовать в избрании императора. По «Золотой булле» 1356 г. курфюрстов было всего 7, к концу XVIII в. их число возросло до 9. Наполеон создал в 1801 г. еще 5 курфюршеств, и автор, видимо, сомневается, не получил ли подобный титул также и Талейран.

¹⁸⁵ Из детей Огюста де Лидекерке Бофора и Шарлотты известны двое. Первый — Аделен де Лидекерке Бофор (1816–1890), депутат Палаты представителей от округа Динан (1847–1890), мэр города Селль-ле-Динан в провинции Намюр (1854–1857, 1859–1884), член-корреспондент Королевской комиссии по памятникам и ландшафтам, входил в правление банка *Société Generale* и Общей компании железнодорожных материалов. Вторая — дочь Сесиль, которую после смерти матери воспитывала бабушка Генриетта-Люси и которую она, наряду с сыном Эймаром, упоминает здесь как утешение своей старости и как возможную читательницу этих мемуаров.

¹⁸⁶ *Байлен* (*Bailén*) — городок в Андалузии, в провинции Хаэн. Здесь в июле 1808 г. испанские патриоты под командой графа Ф. Х. де Кастаньоса и Т. фон Рединга нанесли французам первое большое поражение, окружив армию генерала Дюпона и принудив ее к сдаче. Эффект Байленской (или Андухарской) капитуляции был таков, что король Жозеф Бонапарт уже на десятый день после своего вступления в Мадрид предпочел уйти за Эбро, а миф о непобедимости на-

полеоновских войск впервые был поколеблен не только в Испании, но и во всей Европе. Наполеон возложил вину за катастрофу на командующего — генерала П. Дюпона, действительно допустившего в этой кампании серьезные ошибки.

¹⁸⁷ В Генте во время Ста дней укрывался Людовик XVIII и его приближенные.

¹⁸⁸ Во время пребывания войск союзников в Париже император Александр I 12 дней провел в роскошном особняке Талейрана на улице Сен-Флорантен, напротив сада Тюильри: Елисейский дворец, где хотел поселиться российский государь, по анонимным сведениям, заминировали, и Талейран, славившийся своим гостеприимством, немедленно предложил свой дом к услугам императора и свиты — ему очень нужны были тесные контакты с Александром.

¹⁸⁹ После разгрома Наполеона прежняя Голландская республика была объединена с Бельгией в Королевство Нидерландов (официально с 15 марта 1815 г., в личной унии с Люксембургом). Первым королем стал Вильгельм (Виллем) I, сын штатгальтера Вильгельма V, о котором говорилось в начале данных мемуаров (часть I, глава VII).

¹⁹⁰ Возможно, слова аббата были неверно поняты из-за его самоуверенного тона, а фраза: «И этот человек — это я!» — принадлежала самому Наполеону. Видимо, император хотел сказать, что помешать ему могут только его же собственные ошибки.

¹⁹¹ Дофин — в данном случае Луи-Антуан, герцог Ангулемский, сын графа д'Артуа. Сам граф (будущий Карл X) хотя и был наследником, ввиду бездетности Людовика XVIII, но не мог носить титул дофина, так как был не сыном, а братом правящего короля.

¹⁹² Архиепископство Тирское существовало в Палестине во времена крестовых походов (1124–1290) и подчинялось латинской патриархии Иерусалима. В 1616 г. оно было формально восстановлено в качестве диоцеза *in partibus infidelium* (без конкретной территории).

Аннотированный именной указатель

А

Абрантес (Abrantès), Лаура, герцогиня д' (Лаура Жюно, урожд. Лаура Пермон, 1784–1838). Дочь Ш. М. Пермона, наместника Корсики, и Панории Комнин. С 1800 г. замужем за адъютантом Наполеона — генералом Жюно (будущим герцогом д'Абрантес). Автор знаменитых мемуаров. 11, 62, 71, 265

Аваре — Антуан Луи Франсуа де Безиад или Безьяд (Antoine Louis François de Béziade), граф, затем герцог д'Аваре (comte, duc d'Avaray, 1759–1811), приближенный графа Прованского, сопровождал его в изгнании. 171

Авио дю Буа де Санзэ, Шарль Франсуа (Charles François d'Aviau du Bois de Sanzay, 1736–1826), архиепископ Вьенский (1790–1801), затем архиепископ Бордоский (1802–1826). 363, 368

Авре (Navré), Жозеф Анри Максимилиан де Крой (de Croÿ), герцог д' (1744–1839), отец принцессы де Сольр и дядя принца. 396

Айен (Ayen), Анна Луиза Генриетта д'Агессо, герцогиня д' (1737–1794). 178

Аламбер, Жан Лерон д' (d'Alembert, 1717–1783), философ, математик и механик, автор «принципа д'Аламбера» в механике. В 1751–1757 гг. вместе с Д. Дидро возглавлял издание «Энциклопедии». Член Парижской академии наук и Французской академии, иностранный член Петербургской академии наук. 97

Александр I, российский император (1801–1825). 378, 424, 475, 477

Александр, секретарь де Нарбонна, а затем Тальена. 209, 217, 223, 224

Аликс — см. Ла Тур де Пен Гуверне, Шарлотта де.

Альбани (Albani), Франческо (1578–1660), итальянский художник, писавший в основном на мифологические сюжеты. 18, 362

Альберт Казимир Саксен-Тешенский (Albrecht Kasimir von Sachsen, Herzog von Teschen, 1738–1822), с 1781 г. — последний австрийский наместник Нидерландов, которыми управлял вместе со своей женой, эрцгерцогиней Марией Кристиной. Его собрание графики стало основой знаменитой галереи Альбертина, до сих пор расположенной в бывшем венском дворце герцога. 37

Альбре (Albret), Берар д' (Bérard Ier), из дома Альбре, одного из ведущих баронских родов Гаскони, в 1341 г. получил от английского короля Эдуарда III баронство Кюбзаге. 190

Аммекур, д', французский эмигрант. 338, 346

Ангело, грек, переводчик при турецком после. 322

Ангосс, д', один из камергеров наполеоновского двора. 363, 370

Ангран д'Аллере (Angran d'Alleray), королевский судья по уголовным делам, отец Мари Аделаид де Ла Люцерн. 133

Ангулемская, герцогиня (Мария Тереза Шарлотта Французская, Madame Royale, 1778–1851), старшая дочь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, «узница Тампля», единственная из их детей, пережившая Революцию. В 1799 г., находясь в Митаве, Курляндия (ныне Елгава, Латвия), вышла замуж за своего двоюродного брата — герцога Ангулемского, будущего дофина. Их брак остался бездетным. 418, 422, 425, 436, 444

Ангулемский, герцог (Луи Антуан д'Артуа, 1775–1844), сын Карла X, последний дофин Франции (1824–1830). В эмиграции с 16 июля 1789 г., участвовал в ряде контрреволюционных экспедиций. Вернулся во Францию в дни первой Реставрации. В 1823 г. возглавил экспедицию, подавившую революцию в Испании. В 1799 г. вступил в брак со своей двоюродной сестрой Марией Терезой Шарлоттой Французской (1778–1851), единственной выжившей дочерью Людовика XVI и Марии-Антуанетты; детей не имел. 113, 429, 436, 444

Андилья (Andilla), Мария Кристина (Китти, 1771–?), баронесса д', дочь Майкла Лэнгтона и Марии Диллон, сестры Теобальда Диллона. Вышла замуж за барона д'Андилья, жила в Валенсии. 299, 304, 310

Андре (André), Джон (1750–1780), майор английской армии, выходец из гугенотской семьи, осевшей в Англии. С 1779 г. возглавлял Британскую секретную службу в Америке, вел переговоры с генералом Арнольдом о сдаче Вест-Пойнта. Был взят в плен и казнен как шпион. 288–290, 292

Аренберг (Arenberg), Август (Огюст-Мари-Раймон), принц д', более известен как граф де Ла Марк (de La Marck, 1753–1833), французский военный и дипломат. Депутат Генеральных штатов от дворянства, друг и единомышленник Мирабо. Участвовал в Брабантской революции в Бельгии (1789–1790). Позже на австрийской службе. С 1815 г. в Брюсселе, на службе нидерландского короля. Издал свою переписку с Мирабо. 140, 391

Аренберг (Arenberg), Луи Анжельбер д' (Людвиг Энгельберт фон, 1750–1820), по прозвищу «Слепой герцог», 6-й герцог Аренберг. В 24 года потерял зрение из-за несчастного случая на охоте. После ликвидации своего герцогства (в связи с роспуском Священной Римской империи) удалился ко двору Наполеона: сенатор (1806), граф Империи (1808). Последние годы прожил в Бельгии. 390, 409

Аренберг (Arenberg), Луиза Маргарита, графиня де Ла Марк (1730–1820), вдова герцога Шарля Мари Раймона д'Аренберга, мать Л. А. д'Аренберга. 384, 389, 390

Аренберг (Arenberg), Мария Луиза Франциска, дочь австрийского фельдмаршала герцога Шарля д'Аренберга (1721–1778), жена князя Людвиг фон Штаремберга. 176

Аренберг (Arenberg), Полина-Луиза-Антуанетта-Кандида, урожд. де Бранка (de Brancas), герцогиня д' (1755–1812), жена «Слепого герцога» Аренберга. 398

Аржанто, д', девичья фамилия матери Марии Луизы де Тразеньи. 399

Ариосто (Ariosto), Лудовико (1474–1533), итальянский поэт и драматург. Самое знаменитое его произведение — «Неистовый Роланд» (Orlando furioso). 405

Аркур (Harcourt), Франсуа-Анри, герцог д' (1726–1802), военный и администратор. Известен также как «граф Лилльбон», по одному из своих титулов. Губернатор Нормандии (1775–1789), воспитатель «первого дофина» Луи-Жозефа (1786–1789). Создал в своем имении один из лучших парков Франции, написал трактат по парковой архитектуре. В 1789 г., после смерти дофина и голодных бунтов в Нормандии, вынужден был бежать из провинции. С 1790 г. в эмиграции. 88, 328

Арнольд (Arnold), Бенедикт (1741–1801), американский генерал, участник войны за независимость США. Участник захвата форта Тикондерога и битвы при Квебеке (1775), при Саратоге (1777). Обвиненный в злоупотреблении властью и корыстных действиях, перешел на сторону англичан, которым обещал сдать Вест-Пойнт. Бежал в Англию. Во время наполеоновских войн ему было отказано в просьбах поступить в британскую армию, так как англичане ему не доверяли. 288–290, 292

Артаксеркс — здесь: персонаж библейской Книги Есфирь. 29

Артуа, граф д', будущий король Карл X. 20, 60, 88, 90, 113, 118, 120, 131, 164, 462, 467, 477

Артур, знаменитый парижский ювелир 1780-х гг. 113

Астурийский, принц — титул наследника испанского престола. Здесь имеется в виду король Карл IV в бытность его наследником. 313

Аше, маркиз д' — Максимилиан Луи ван дер Ноот (Maximiliaan Lodewijk van der Noot, 1764–1847), последний барон Шоонховен. член Брабантских штатов от второго сословия, камергер австрийского двора. В королевстве Нидерланды — камергер Вильгельма I, член нижней палаты. С 1816 г. — граф ван дер Ноот и маркиз д'Аше. 397

Байи (Bailly), Жан Сильвен (1736–1793), астроном, первый председатель Учредительного собрания, конституционный монархист. В 1759 г. рассчитал орбиту кометы Галлея. Руководил депутатами во время Клятвы в зале для игры в мяч. Первый мэр Парижа (июль 1789 — ноябрь 1791 г.). После участия в расстреле на Марсовом поле (июль 1791) утратил популярность и ушел в отставку. Казнен во время Террора. 136

Баленвилье (Ballainvilliers), Шарль Бернар де (1757–1835), адвокат короля, советник парижского парламента (1777), последний интендант Лангедока (1786–1790). Во время Революции выполнял секретные поручения короля. После упразднения интендантства он отказался от должности мэра Монпелье и эмигрировал в Англию. 70

Банги (Banti), Бриджиды (1757–1806), итальянская оперная певица, славившаяся сильным и гибким голосом. В 1793–1802 гг. примадонна Королевского театра в Вестминстере. 344

Бар, де, соседка автора в Буе. 363, 365

Барбе-Марбуа (Barbé-Marbois), Франсуа (1745–1837), французский политик и дипломат. Сразу после 9 термидора вошел во вновь созданный клуб Клиши (Clichy), объединявший роялистов и правых республиканцев. С 1795 г. депутат Совета пятисот. После переворота 18 фрюктидора (4.09.1797) сослан в Гвиану. Вернулся в 1800 г. При Наполеоне министр финансов (1801–1806). Председатель счетной палаты в 1807–1834 гг. 321, 325

Барнав (Barnave), Антуан (1761–1793), политик эпохи Революции, конституционный монархист. Депутат от третьего сословия в Генеральных штатах; вместе с А. Ламетом и А. Дюпором образовал так называемый «триумvirат». Один из основателей Якобинского клуба, в котором «триумвиры» возглавили правое крыло. После взятия дворца Тюильри (10 августа 1792 г.) там были обнаружены документы, уличавшие Мирабо и Барнава в сношениях с двором; в связи с этим был арестован и спустя год казнен. 166, 169

Барневельд — Йохан ван Олдербарневелт (1547–1619), видный государственный деятель периода Нидерландской революции. 92, 463

Барраль (Barral) — видимо, виконт Андре Орас Франсуа де Барраль (1743–1829). 377

Баррас (Barras), Поль Жан Франсуа Никола, виконт де (1755–1829), политик Революции. Был близок к якобинцам, голосовал за казнь короля, но участвовал в перевороте 9 термидора. В 1795 г. — фактический глава Директории, член всех ее составов. Современники отзывались о нем как о крайне коррумпированном и циничном политике, неразборчивом в средствах. Среди его многочисленных любовниц в разное время были,

в частности, Тереза Тальен и Жозефина Богарне. После 18 брюмера отправлен в отставку, с 1810 г. изгнан. Вернулся при Реставрации. 311, 319–321, 328, 386, 473

Барре, французский капитан шлюпа. 299, 302

Бартез, парижский врач. 109

Бассано, герцог — см. Маре, Юг-Бернар.

Бассано, госпожа де — см. Маре, Мари Мадлен.

Беарн (Béarn), Александр Леон Люс де Галар де Брассак де (1771–1844), камергер Наполеона, выполнявший для него ряд деликатных поручений. 377, 378, 409

Бедингфельд (Bedingfield), леди — см. Джернингем, Шарлотта.

Бедфорд, Фрэнсис Расселл, 5-й герцог Бедфорд, до этого маркиз Та-висток (1765–1802), вигский политик. 68, 253

Бейермон, случайные соседи автора в Бордо. 199

Бек, мисс, горничная. 48

Бельмар, генеральный комиссар полиции в бельгийских департаментах. 408, 410

Бентхайм, граф де — видимо, граф Фридрих Карл фон Бентхайм-Бентхайм (1731–1803). Его графство утратило самостоятельность в 1806 г., а после Венского конгресса отошло к Ганноверу. 73

Бенуа, главный секретарь департамента внутренних дел при первой Реставрации. 432

Беньо (Beugnot), Жак Клод (1761–1835), французский политик и юрист. Депутат Законодательного собрания, конституционалист. В октябре 1793 г. арестован, освобожден после 9 термидора. При Империи — советник Люсьена Бонапарта в бытность его министром внутренних дел (1799–1800), в 1807 г. министр финансов Жерома Бонапарта (Вестфальское королевство). Граф Империи (1810). В 1814 г. — министр внутренних дел во временном правительстве. Генеральный директор полиции (1814). Во время Ста дней сопровождал короля в Гент. 432, 433

Беранже, Мари Эме (1774–1826), дочь графа де Ланнуа (Lannoy). Вторым браком за Антуаном де Беранже (1774–1849), пэром Франции. 404, 405

Бервик, герцог, Джеймс Фиц-Джеймс (Jacques Fitz-James, duc de Berwick, 1670–1734), незаконный сын Якова II и Арабеллы Черчилль, маршал Франции (1706). Родился и воспитывался во Франции. При Якове II приехал в Англию, получил титул герцога, в 1689–1691 гг. сражался в Ирландии на стороне якобитов. После этого поступил на французскую службу. Организовал Бервикский ирландский пехотный полк. Во время войны за испанское наследство командовал в Испании, за победу при Альмансе получил уже от Людовика XIV титул герцога де Фиц-Джеймс. Погиб в битве при Филипсбурге во время войны за польское наследство. 63

Бергойн (Burgoyne), Джон (1722–1792), английский генерал. дважды член парламента. В 1777 г., во время Войны за независимость США, командовал армией, направившейся к Нью-Йорку из Квебека, взял форт Тикондерога, но в октябре 1777 г. был разбит при Саратоге и капитулировал. 253, 289, 471

Бержевен (Bergevin), Огюст-Анн, сьер Кермао (sieur de Kermao, 1753–1831), генеральный комиссар порта Бордо при Консульстве. 365

Берк (Burke), Эдмунд (1729–1797), британский политик англо-ирландского происхождения, публицист и просветитель. Его книга «Размышления о Французской революции» (1790) считается классическим изложением идеологии консерватизма. 367

Бернадот (Bernadotte), Жан-Батист Жюль (1763–1844), маршал Франции. Был известен якобинскими симпатиями и независимым поведением, что осложняло его отношения с Наполеоном. С 1807 г. наместник в Северной Германии. Гуманно обращался с пленными шведами, поэтому в 1810 г. был приглашен на шведский престол — в качестве наследного принца и регента (1810–1818), а затем и короля (Карл XIV Юхан, 1818–1844). В 1812 г. заключил союз с Россией, по окончании Наполеоновских войн сформулировал принцип шведского нейтралитета. Его потомки — единственная династия, основанная при участии Наполеона и сохранившая престол до нашего времени. 401, 475

Беррийская, герцогиня (урожденная Мария Каролина Неаполитанская, 1798–1870), жена герцога Беррийского. Дочь Франциска I, короля Обеих Сицилий, сводная сестра испанской королевы Марии Кристины. В 1816 г. вышла замуж за герцога Беррийского, наследника французского престола, убитого в 1820 г. Мать «чудесного ребенка» герцога Бордоского, будущего графа Шамбора, Генриха V. В 1832 г. возглавила восстание легитимистов в пользу своего сына — сначала в Марселе, а затем в Вандее. Восстание окончилось поражением и вошло в историю как «заговор герцогини Беррийской». Супружеская жизнь этой четы давала поводы для сплетен и для отстранения ее сына (герцога Бордоского) от наследования (при Июльской монархии). После того как выяснилось, что герцогиня беременна от второго (тайного) брака с итальянским графом (маркизом) Эктором Луккези-Палли, она лишилась поддержки легитимистов и остаток жизни провела как частное лицо. 8, 20, 447, 448

Беррийский, герцог (Шарль Фердинанд д'Артуа, 1778–1820), второй сын графа д'Артуа (будущего Карла X), младший брат герцога Ангулемского. С началом революции эмигрировал, вступил в эмигрантскую армию принца Конде. Во время Ста дней был назначен главнокомандующим, но не смог сдержать переход солдат на сторону Наполеона и бежал в Гент. При Реставрации был назначен наследником, так как и его дядя Людовик XVIII, и старший брат герцог Ангулемский были бездетны. 13 апреля

1820 г. был смертельно ранен террористом-одиночкой Луи Лувелем. По-смертным сыном герцога Беррийского был граф де Шамбор (герцог Бородский), роялистский претендент в 1870–1880-х гг. 429, 436, 441, 445

Бертолон, Пьер Бертолон де Сен-Лазер (Bertholon de Saint-Lazaire, 1741–1800), аббат, физик, член Королевского научного общества в Монпелье. Друг Б. Франклина, один из первых исследователей электричества. Опубликовал целый ряд трудов в этой области (например, о пользе громоотвода); особенно интересовался электрическими явлениями в человеческом организме и их связью с состоянием здоровья (работы 1780 и 1786 гг.); обращался также к вопросам социальной гигиены. 47, 53

Бертран (Bertrand), Анри Гасьен (1773–1844), генерал, адъютант Наполеона. Участвовал во всех походах Наполеона, начиная с Египетской кампании; последовал за ним на Эльбу, а затем на остров Святой Елены. После 1830 г. возглавлял Политехнический институт. 5, 384, 387, 388, 391, 392, 395–397, 404

Бертран (Bertrand), Гортензия (1810–1889), дочь Фанни Диллон, сводной сестры автора. 404, 429, 432

Бертран де Буаларж (Bois-Large), лесной инспектор из Шатору. Брат генерала А. Бертрана, адъютанта Наполеона и мужа Фанни Диллон. 394

Бертье (Berthier), Жан-Батист (1721–1804), королевский инженер-географ и архитектор, построил здания нескольких министерств в Версале, впервые спроектированные с учетом пожарной безопасности. Отец маршала Л. А. Бертье. 137

Бертье (Berthier), Луи Александр (1753–1815), французский офицер, маршал Франции (1804). Сын географа, привычный к работе с картой, постоянно занимал штабные должности. Участник войны за независимость США. Фактический командующий версальской Национальной гвардией в 1789 г. Начиная с Египетской экспедиции — начальник штаба при Наполеоне, разработал планы всех кампаний до 1814 г. включительно. Разработал принципы штабной службы, использовавшиеся во многих европейских армиях. Владетельный князь Невшательский (1806), князь Ваграмский (1809). Погиб в Бамберге за две недели до битвы при Ватерлоо при невыясненных обстоятельствах. 130, 135, 137, 145, 398

Бертье де Совиньи (Bertier de Sauvigny), Луи Бенинь Франсуа (1737–1789), интендант Парижа (1776–1789), зять Фулона. Жестоко подавил голодные бунты 1775 г. (la guerre des farines), в то же время пытался изыскать меры для улучшения продовольственного снабжения столицы. Во время голода, сопровождавшего начало Революции, был обвинен в том, что он якобы намеренно не пропускает продовольствие в Париж, чтобы уморить голодом третье сословие. После взятия Бастилии скрылся, но через неделю был схвачен и убит одновременно с Фулоном. 126, 467

Бессборо (Bessborough), Генриетта Понсонби, графиня, урожд. Гарриет Спенсер (1761–1821), сестра герцогини Девонширской. 339

Бетманн, дочь консула Вангеймерта. 216

Бетси, гувернантка. 334

Бетси, девушка из Трой, штат Нью-Йорк. 264, 265, 270

Бетц, первый председатель суда в Брюсселе. 389

Бике, слуга в замке Буй. 317

Бирон (Biron), Арман-Луи, племянник Л. А. де Гонто-Бирона — см. Лозен.

Бирон (Biron), Луи-Антуан де Гонто, герцог (1701–1788), маршал Франции. 65, 66

Бирон (Biron), Мари-Амели, урожд. де Буффлер, герцогиня де (1751), жена Армана-Луи де Гонто-Бирона, герцога де Лозена, одна из «соединенных принцесс» — см. Лозен, Мария-Амелия.

Бирон (Biron), Франсуаза Полина де Ларошфуко, маркиза де Северак, герцогиня де (1723–1794), жена герцога Л. А. Бирона. Казнена во время Террора. 97

Блакас д'О (Blacas d'Aulps), Пьер Луи Жан Казимир, граф де (1771–1839), французский дипломат, роялист. Сражался в Вандее. В 1797 г. добился для Бурбонов убежища в России. При первой Реставрации министр двора. Пэр Франции (1816), 1-й герцог де Блакас (1821), посол в Риме и Неаполе. В 1830 г. последовал за Карлом X в изгнание. 418, 425, 426, 429, 437, 438

Бло (Blot), Мари-Полина Шарпантье д'Эннери, графиня де (1734–1801), кузина жены Ж. Ф. де Ла Тур дю Пен Гуверне и принцессы д'Энен, придворная дама герцогини Орлеанской — сначала жены старого герцога, а затем жены будущего Филиппа Эгалите. 67, 83

Блунт (Blount), знакомая автора во время эмиграции в Англии. 342

Бово (Beauvau), Шарль-Жюст, принц де Бово и принц де Краон (1720–1793), маршал Франции (1783). В 1789 г. в течение пяти месяцев государственный секретарь по военным делам (военный министр). 97, 116, 124, 390

Бово-Краон (Beauvau-Craon), Марк-Этьен де (1773–1849), камергер Наполеона (1809), граф (1810). Его мать — Луиза Демье д'Аршиак (Louise Desmiers d'Archiac), состояла в родстве с Сесиль Маргарит де Гино, матерью Ф. С. де Ла Тур дю Пена, почему автор и называет его «нашим кузеном». 328

Богарне (Beauharnais), Александр Франсуа Мари, виконт де (1760–1794), сын губернатора Мартиники маркиза Франсуа де ла Ферте-Богарне. Депутат Генеральных штатов от дворянства, одним из первых поддерживал требования третьего сословия, но сопротивлялся травле королевской семьи. С 1792 г. воевал на стороне Республики. Командующий Рейнской

армией с мая 1793 г.; в июне 1793 г. был вынужден согласиться на капитуляцию Майнца. По этому поводу был обвинен в измене и казнен за несколько дней до 9 термидора. Его жена Роз (Жозефина), с которой он жил раздельно с 1785 г., позже вышла замуж за Наполеона; сын — Евгений Богарне, маршал и вице-король Италии; дочь Гортензия — королева Голландии (1836–1810), жена Луи Бонапарта и мать Наполеона III. 18, 350, 358

Богарне, Жозефина де, урожд. Мари Роз Жозефа де Таше де ла Пажери (1763–1814), дочь плантатора с Мартиники. В первом браке (1779) замужем за виконтом Александром де Богарне, едва не была казнена вместе с ним накануне Термидора. Затем была любовницей генерала Гоша, Барраса, одной из видных «причудниц» (*merveilleuses*) того времени. В 1796 г. вышла замуж за генерала Бонапарта, усыновившего обоих ее детей — Евгения Богарне и Гортензию; через этот брак Наполеон установил контакты со многими политиками. В 1804–1809 гг. — императрица французов, пользовалась заметной популярностью. Сохранила свой титул и после развода с Наполеоном. 4, 5, 17, 18, 99, 245, 322, 350, 357–359, 362, 374, 376, 379, 384, 392, 461, 474

Боделок, парижский акушер. 109

Бойд, матрос. 222, 231, 250

Боклерк (Beauclerc), Фредерик (Frederick de Vere, 1773–1850), брат герцога Сент-Олбанса, английский крикетист. С 1826 г. президент Мэрилебонского крикетного клуба. 32, 332

Бомец (Beaumetz или Beaumez), Бон Альбер Бриуа де (1755–1801?), депутат Генеральных штатов от дворянства Артуа, конституционный монархист, друг Талейрана. После 10 августа 1792 г. эмигрировал. В США женился, принял американское гражданство. Вместе с женой в 1796 г. уехал в Калькутту, где с марта 1801 г. его следы теряются. 260, 264–266

Бомон (Beaumont), Габриэль-Адриан Бертран, маркиз де (род. 1789), аудитор Государственного совета. 418, 423

Бомон (Beaumont), Полина (Мари Мишель Франсуаза), баронесса де (1768–1803), дочь министра де Монморена. С 1786 г. замужем за графом Кристофом Франсуа де Бомон д’Оти, с которым развелась после 15 лет жизни в разлуке. Известна пылкой любовью с Шатобрианом, на руках которого она и умерла в Риме от туберкулеза. 133

Бонами, креол из Кап-Франсэ (Гаити). 274, 275, 293

Бонапарт (Bonaparte), генерал — см. Наполеон I.

Бонапарт (Bonaparte), г-жа — см. Богарне, Жозефина де.

Бонапарт (Bonaparte), Жером (1784–1860), младший брат Наполеона, король Вестфалии (1807–1813). 395, 399

Бонапарт (Bonaparte), Жозеф (1768–1844), старший брат Наполеона, король Неаполя (1806–1808), затем король Испании (Хосе I, 1808–1813). 362, 474, 476

Бонапарт (Bonaparte), Каролина (1782–1839), самая младшая из сестер Наполеона, с 1800 г. жена маршала Мюрата, в 1808–1815 гг. королева Неаполитанская (по мужу). В 1810 г. сопровождала невесту Наполеона, эрцгерцогиню Марию-Луизу, на ее пути во Францию. В 1815–1831 гг. жила в Австрии, с 1831 г. — во Флоренции. 396

Бонапарт (Bonaparte), Луи (1778–1846), один из младших братьев Наполеона, в 1806–1810 гг. король Голландии. Муж Гортензии Богарне, отец Наполеона III. 408, 474, 475

Бонапарт (Bonaparte), Полина (Мари-Полетт, 1780–1825), любимая сестра Наполеона. Жена генерала Шарля Леклерка (†1802), которого сопровождала в экспедиции на Гаити, а затем (с 1803) — князя Камилло Боргезе. 404

Бонапарт, Гортензия, урожд. де Богарне (1783–1837), королева Голландии (1806–1810). Дочь Жозефины и Александра де Богарне, удочерена Наполеоном. С 1802 г. замужем за Луи Бонапартом, которого Наполеон в 1806 г. сделал королем Голландии. Из ее детей младший сын — Луи-Наполеон, будущий Наполеон III; сын от Шарля де Флао, внебрачного сына Талейрана, — герцог де Морни, будущий ближайший советник Наполеона III. 384, 393–395, 438, 475

Бони (Bonie), Жак (род. ок. 1763), житель Бордо. 199–201, 203, 212–223, 299, 311, 314, 315

Бонкаер, посол Франции в Нидерландах, назначенный Дюмуре взамен Ф. С. де Ла Тур дю Пена; в должность не вступил. 174, 175

Боргезе (Borghese), Полина — см. Бонапарт, Полина.

Бордоский, герцог (Анри Шарль д'Артуа, более известен как граф де Шамбор, 1820–1883), посмертный сын герцога Беррийского, легитимистский кандидат на престол («Генрих V»). Воспитывался своей теткой Марией Терезией Шарлоттой, единственной уцелевшей дочерью Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Формально считался королем в течение одной недели в августе 1830 г., между отречением Карла X и воцарением Луи-Филиппа. 20

Боссе (Боссе-Рокфор, Bausset-Roquefort), Луи-Франсуа де (1748–1824), французский писатель. Последний епископ Алеса (1784–1790), кардинал (1817). Протестовал против гражданского устройства клира. Арестован во время Террора, освобожден после 9 термидора. Барон Империи, при Реставрации — председатель королевского совета по общественному образованию (министр просвещения) в 1815 г., пэр (с 1815), член Французской Академии (1816), герцог де Боссе-Рокфор (1817). 57

Бофор-Спонтен (Beaufort-Spontin), Фредерик Огюст Александр, герцог де (1751–1817), владелец герцогства в Брабанте. 37

Бранднер, врач из Брюсселя. 400

Бранкас (Branças), герцогиня де, хозяйка салона Барраса, роялистка. 319, 322

Браун, леди Шарлотта (ок.1769–1852), дочь лорда Кенмара и Шарлотты Диллон, в замужестве леди Шарлотта Гульд, кузина автора. 33, 324, 332

Бреге (Bréguet), Абрахам-Луи (1747–1823), французский часовщик из Невшателя, автор ряда изобретений в своей области: системы автоподвода, противоударной защиты, турбийона (механизма для компенсации влияния силы тяжести на точность хода) и др. Созданные им механические часы («брегет») упоминает Пушкин в 1-й главе «Евгения Онегина», а основанная им фирма «Бреге» существует до сих пор. 216

Бретей (Breteuil), Анн-Франсуа-Виктор Ле Тоннелье де (1726–1794), выходец из семьи ирландских якобитов, сын графа де Во (Vaux). С 1752 г. генеральный викарий в Суассоне, затем в Нарбонне; с 1763 г. епископ Монтобана. Депутат Генеральных штатов от духовенства, противник совместного голосования сословий и Гражданского устройства духовенства. Арестован в Руане в 1794 г., умер в тюрьме. 58

Бриссак, Аделаида-Полина-Розали де Коссе-Бриссак (Adélaïde-Pauline-Rosalie de Cossé-Brissac, 1765–1820), вторая жена герцога Ж.В. де Мортемара. 328

Брольи (Broglie), Виктор (Ашиль Шарль Леонс Виктор), герцог (1785–1870), французский политический деятель. Министр иностранных дел при Июльской монархии (1832–1834, 1835–1836), премьер-министр (1835–1836). Муж Альбертины, дочери мадам де Сталь. 436

Брольи (Broglie), Виктор-Франсуа (1718–1804), маршал Франции (1759). 11 июля 1789 г., одновременно с отставкой Неккера, был назначен военным министром, но не смог справиться с восстанием в Париже и предотвратить штурм Бастилии. Пять дней спустя, 16 июля, был назначен главным маршалом Франции (*maréchal général des camps et armées du roi*), но в тот же день эмигрировал вместе с принцами. Позже воевал в армии Конде. В 1797–1799 гг. — русский генерал-фельдмаршал. 123

Броньяр (Brogniart), Александр-Теодор (1739–1813), парижский архитектор, работал в стиле неоклассицизма. Среди его творений — дворец Биржи (ныне «дворец Броньяра») и кладбище Пер-Лашез. 210

Брукан (Broqueurs), Габриэль-Жозеф де Бубе де (ок. 1749 — ок. 1828), до Революции чиновник ведомства государственных доходов, в период Революции, Консульства и Империи — поставщик продовольствия для армии. Друг семьи де Ла Тур дю Пен. 172, 184, 188, 190–195, 200, 201, 203, 214–217, 223, 225, 226, 299, 311, 315, 321, 351, 357, 370, 372, 375, 377, 381, 385

Брун, зять Лэнгтона, живший в Мадриде. 310

Брэ, де, негоцианты в Амьене. 419

Брюн (Brune), Гийом Мари-Анн (1763–1815), революционный генерал. Друг Марата и Дантона, подавлял мятежи на юге Франции в 1793–

1795 гг. Во время подавления Вандемьерского восстания (1795) познакомился с Бонапартом. Захватил Швейцарию, после чего стал командующим в Италии (1798) и Голландии (1799), где отразил русско-английский десант. Участник переворота 18 брюмера, маршал Франции (1804). Сохранил республиканские взгляды, из-за которых отправлен в отставку в 1805 г., несмотря на значительные военные успехи. Во время Ста дней — на стороне Наполеона. Убит роялистами в Авиньоне во время белого террора. 191

Брюне (Brunet, псевд.), Жан-Жозеф Мира (1766–1853), комический актер и директор театра. 431

Брюнель, соседка автора в Брюсселе. 441

Буае, врач из Парижа. 400, 401

Буань (Voigne), Аделаида Шарлотта Луиза Элеонора, в браке графиня де (1781–1866), более известна как Адель д'Омон (д'Осмон или д'Осмонд. Дочь маркиза Рене Эсташа д'Омона, французского дипломата, и Элеоноры Диллон (1753–1831), дочери Роберта Диллона из Бордо, придворной дамы Мадам Аделаиды (незамужней дочери Людовика XV). При Июльской монархии — хозяйка салона, подруга королевы Марии-Амелии. Любовница канцлера Этьена-Дени Паскье, подруга русского дипломата К. О. Поццо ди Борго и, возможно, российского канцлера К. В. Несельроде. Ее мемуары, опубликованные в 1907–1908 гг., вызвали светский скандал. 11, 392, 393

Буйе (Bouillé), госпожа де — Анна-Мария-Елена Робертина Уолш де Серран (Walsh de Serrant). Жена генерала Луи-Жозефа Амуре де Буйе дю Шариоля, маркиза де Буйе (1769–1850), сына генерала Ф. К. де Буйе. 398

Буйе (Bouillé), Франсуа Клод Амур де Шариоль, маркиз де (1739–1800), французский генерал, двоюродный брат Лафайета. Во время англо-французской войны 1778–1783 — генерал-губернатор Мартиники, успешно оборонял Антильские острова. В 1791 г. участвовал в организации бегства короля, после провала которого был обвинен в измене и эмигрировал. Умер в Англии. «Ненавистный генерал Буйе» упоминается в 5-м куплете полного текста «Марсельезы». 56, 161–163, 165, 358, 443, 461, 468

Бульонская (de Bouillon), герцогиня, урожд. Мария-Гедвига фон Гессен-Рейнфельс-Ротенбург (1748–1801), жена Жака-Леопольда де Ла Тур д'Овернь, герцога Бульонского с 1792 г. Одна из «соединенных принцесс», кружка принцессы д'Энен. 92, 97, 99, 131, 338

Бульонский, герцог, Жак Леопольд де Ла Тур д'Овернь (1746–1802), последний герцог Бульонский. 99

Бурбон, герцог де, Луи Анри Жозеф де Бурбон-Конде (1756–1830), сын принца Луи-Жозефа де Бурбон-Конде. До 1818 г. носил титул герцога де Бурбон; в 1818 г. унаследовал титул принца Конде и стал его последним носителем. Женат на сестре герцога Орлеанского (Эгалите); отец герцога Энгиенского. 85, 357

Бурбоны, королевская династия, младшая ветвь дома Капетингов. С перерывами, в основном на время наполеоновских войн и революций, занимала престолы Франции (1589–1792, 1814–1830), Испании (с 1700 по настоящее время), Неаполя и Сицилии (1734–1861) и Пармы (1748–1802, 1847–1859). Французская (старшая) линия Бурбонов пресеклась в 1883 г. со смертью графа де Шамбора. 19, 54, 173, 319, 423, 463, 474, 475

Бурдоннэ-Блоссак (Bourdonnaye-Blossac), Шарль Эспри Клэр де ла (1752–1829), муж Луизы Филиппы де Шовлэн. Маркиз, барон Империи, мэр Реймса. 43

Буффлер, госпожа де — см. Лозен, Мария Амелия де.

Буше, смотритель почтовой станции в Сенте. 199, 207, 208

В

Валанс, граф де — Тимбрюн де Тьембронн (Timbrune de Thiembronne), Жан-Батист Сирюс Аделаид де (1757–1822), военный деятель, генерал (1790). Был близок к герцогу Орлеанскому (будущему Эгалите), разделял либеральные взгляды. Депутат Генеральных штатов от дворянства, в Учредительное собрание не входил. Эмигрировал вместе с Дюмурье (1793), вернулся при Консульстве. Сенатор (1805), граф де Валанс (1808), участвовал в испанской кампании, а затем в кампании в России, включая Бородинское сражение. В качестве прокурора сената подписал акт об утрате Наполеоном прав на французский престол. Во время Ста дней вновь в сенате, после Ватерлоо договаривался с союзниками об условиях перемирия. При второй Реставрации — в палате пэров. Имя увековечено на Триумфальной арке в Париже. 83, 101, 107, 120

Валанс, Пульхерия Фелисите Эдме Николь, урожд. Брюлар де Жанлис (Brûlart de Genlis, 1767–1847), младшая дочь г-жи де Жанлис, жена графа де Валанс (1784). 101, 107, 118, 119, 120, 125, 139, 147, 156, 164, 208, 316, 319, 320, 324, 325, 328, 359, 408

Валлори, де, телохранитель, убитый во время похода женщин на Версаль (5 октября 1789). 145

Ван Бюрен (Van Buren), одна из старейших фамилий Нью-Йорка, входящая к первым голландским поселенцам. К ней, в частности, принадлежал Мартин Ван Бюрен, 8-й президент США (1837–1841). В книге упоминаются Ван Бюрены — фермеры в районе Олбани. 261–263

Вангеймерт, шведский консул в Бордо в 1793. 216

Вашингтон (Washington), Джордж (1732–1799), военный лидер американской революции, командующий Континентальной армией, затем 1-й президент США (1789–1797). 178, 249, 257, 267, 288, 290

Веллингтон (Wellington), Артур Уэлсли (Wellesley), 1-й герцог Веллингтон (1769–1852), английский фельдмаршал, командующий в битве при Ватерлоо. 20, 429, 436, 437

Верак, де, камергер Наполеона. 396

Верне (Vernet), Орас (Эмиль Жан Орас, 1789–1863), французский художник, баталист и пейзажист. Совершил переворот в батальной живописи, освободив ее от штампов классицизма. В 1836 и 1842–1843 гг. приезжал в Россию по личному приглашению императора Николая I; во время второго визита король Луи-Филипп поручил ему неофициальную дипломатическую миссию. 357

Версейден де Варек, де, генеральный секретарь префектуры Диль. 390

Виктор (Клод-Виктор Перрен, герцог Беллуно, 1764–1841), маршал Франции. Сын нотариуса, в 15 лет поступил на военную службу. С Наполеоном познакомился в 1793 г. при взятии Тулона. Произведен в маршалы за роль, которую сыграл в битве при Фридланде (1807). При Реставрации перешел на сторону Бурбонов. В 1821–1823 гг. военный министр. 450

Виктор Амадей III, король Сардинский и герцог Савойский (1773–1796). Одна из его дочерей, Мария Жозефина Луиза, была женой графа Прованского (Людовика XVIII), другая, Мария Тереза — графа д'Артуа (будущего Карла X). 131

Вилларе де Жуазе (Villaret de Joyeuse), Луи Тома (1747–1812), морской офицер, роялист. Член Совета пятисот (1796). После переворота 18 фрюктидора (4.09.1797) сослан в Гвиану, вернулся в 1800 г. В 1802–1809 гг. губернатор Сент-Люсии и Мартиники, в 1809–1812 гг. — Венеции. 321, 324

Вилледон, муж сестры г-жи де Морвиль, республиканец. 366

Вильбек, прежний хозяин Джудит. 273

Вильгельм I Оранский (1772–1843), король Нидерландов (1815–1840). 408, 444, 477

Вильгельм III Оранский, штатгальтер Республики Соединенных провинций (Нидерландов, 1672–1702), король Англии (1689–1702, до 1694 совместно со своей женой Марией II Стюарт). 258, 259

Вильгельм V Оранский, штатгальтер Республики Соединенных провинций (1751–1795). 477

Вим, де, житель Амьена. 419

Виотти (Viotti), Джованни Баттиста (1755–1824), итальянский скрипач и композитор, создатель «парижской» скрипичной школы, учитель М. К. Огинского и Р. Крейцера. В Париже с 1782 г., с 1789 г. — один из директоров «Театра Месье», организованного графом Прованским (позже «Театр Фейдо»). Во время Революции вступил в Национальную гвардию. В июле 1792 г. покинул Францию. 110

Висо, маркиза дель, сестра герцога дель Инфантадо. 34, 37

Витроль (Vitrolles), Эжен Франсуа Огюст д'Арно, барон де (1774–1854), французский политик. Эмигрировал, воевал в «армии принцев». При Реставрации — депутат и министр, ультрароялист. 338–341

Витт (Witt), Ян де (1625–1672), государственный деятель, великий пенсионарий (высшее должностное лицо) провинции Голландия, фактически глава республики в 1650–1672 гг. 92, 463

Во (Vaux), граф Ноэль Журда де (1705–1788), маршал Франции (1783). В 1779 г. поставлен во главе армии, предназначенной для высадки в Англии, но уже в 1780 г. этот проект был оставлен. 443

Вобан (Vauban), французский эмигрант в Брюсселе в 1792 г., один из потомков маршала Вобана. 177

Вогийон, Поль-Франсуа де Келен, герцог де ла (de Quelen de La Vauguion, 1746–1828). французский дипломат. Государственный секретарь (министр) иностранных дел с 13 по 16 июля 1789 (после отставки Неккера). С 1790 г. эмигрант, в 1795–1797 гг. один из четырех министров при Людовике XVIII. Пэр Франции (1814). 43

Водрей (Vaudreuil), Жозеф Иасинт Франсуа де Поль де Риго, граф де (1740–1817), приближенный Марии-Антуанетты, друг графа д'Артуа и любовник графини де Полиньяк. 29

Водрей, семейство из Сен-Папуля. 47, 58

Вольтер (Voltaire, настоящее имя Франсуа-Мари Аруэ, 1694–1778), крупнейший философ-просветитель, писатель и историк. В 1791 г. по решению Конвента его останки были перенесены в Пантеон, причем церемония превратилась в революционную демонстрацию. 97, 107, 170, 417, 464

Вотье, мадемуазель, имя, под которым принцесса д'Энен вернулась в Париж к 1797 г. 319

Буайе д'Аржансон, Полина-Рене-Софи (Pauline-Renée-Sophie le Voyer de Paulmy d'Argenson), вдова Ги де Лаваля. 62

Г

Галилей, Галилео (1564–1642), итальянский физик, астроном и математик. 46

Галле (Hallé), Жан Ноэль (1754–1822), знаменитый врач начала XIX в. В 1794 г. защищал Лавуазье на суде. При Наполеоне и Карле X — «первый медик», что сочетало обязанности лейб-медика и министра здравоохранения. Президент французской Академии наук (1813), один из составителей «Французской фармакопеи» (1813), автор или редактор целого ряда трудов в этой области. 434

Галлиен (Gallienus), Публий Лициний Эгнаций, римский император (253–268). 209

Гальвес, графиня де. 311

Гамелен (Gamelin), г-жа. 403

Гамильтон (Hamilton), Александр (1755 или 1757–1804), один из виднейших деятелей Американской революции, первый министр финансов США в правительстве Дж. Вашингтона (1789–1795). 267, 288, 290, 291, 472

Ганнибал (247–183 до н. э.), карфагенский полководец, командующий во Второй Пунической (или «Ганнибаловой») войне (218–201 до н. э.). В 218 г. до н. э. со своим войском, включавшим и боевых слонов, совершил знаменитый переход через Альпы. 157

Гейер, один из богатейших владельцев недвижимости в Бостоне. 249, 251–253

Гейсмар, Федор Клементьевич (барон Фридрих Каспар фон, 1783–1848), русский генерал от кавалерии. Выходец из Вестфалии, с 1805 г. на русской службе. Во время Заграничного похода русской армии (1813–1814) командовал отрядами казаков. 420

Гейтс (Gates), Горацио (1727–1806), американский генерал времен войны за независимость. С 1777 г. возглавлял Северную армию в штате Нью-Йорк, командующий в битве при Саратоге (1777). 288–290, 292, 471

Гемене (Guéméné), Анри Луи Мари де Роган, принц де (1745–1809), великий камергер Франции (1775). Был женат на своей кузине Виктории-Арманде-Жозефине де Роган, принцессе Мобюиссон, воспитательнице королевских детей, но роскошь и дорогостоящие чудачества привели в 1783 г. к громкому банкротству, заставившему обоих супругов со скандалом покинуть свои посты. Во время революции, оставив жену во Франции, эмигрировал и поступил на австрийскую службу. 24, 28, 29, 34, 37

Генрих Прусский (Фридрих Генрих Людвиг, 1726–1802), младший брат Фридриха II, крупный прусский полководец и дипломат. Имел репутацию галломана, во время Революции окружал себя французскими эмигрантами. Его дворец на Унтер-ден-Линден — ныне главное здание Берлинского университета имени Гумбольдта. 104, 107

Гиббон, Эдуард (1737–1794), английский историк, с 1782 г. жил в Лозанне. Автор 6-томной «Истории упадка и разрушения Римской империи», переведенной на все европейские языки. 164

Гийемен, учитель, владелец пансиона в Париже. 430

Гин (Guînes), герцог де, Адриен Луи де Бонньер (Adrien Louis de Bonnières, comte de Souastre puis duc de Guînes, 1735–1806), придворный и дипломат, приближенный Марии-Антуанетты. В 1771 г. был послом в Лондоне и оказался в центре громкого скандала («дело де Гина»), ставшего одной из причин отставки министра д'Эгийона; при поддержке Марии-Антуанетты оправдан специальной комиссией (семью голосами против шести). Герцог (1776). Депутат собрания нотаблей (1787), губернатор

Артуа (1788). Во время Революции эмигрировал, вернулся при Консульстве. 100, 106, 127, 164, 169

Говер (Ливсон-Говер, Leveson-Gower), Джордж Гренвилль, 1-й герцог Сазерленд (1758–1833), английский политик и дипломат. 68, 111

Гогенварт (Hohenwart), Сигизмунд-Антон, граф фон (1730–1820), австрийский церковный деятель, родом из Герлахштейна в Крайне (ныне Домжале в Словении). В 1803–1820 гг. князь-архиепископ Венский (Fürsterzbischof von Wien). 397

Годой (Godoy), Мануэль (1767–1851), фаворит испанской королевы Марии-Луизы. Уже в 25 лет (1792) стал герцогом Алькудия и первым министром, получил множество других титулов. За роль в заключении Базельского мира с Францией (1795), по условиям которого потери Испании ограничились островом Санто-Доминго, получил титул «Князя мира» (Príncipe de la Paz), под которым и фигурирует во многих источниках того времени. Последовал в изгнание вместе с королем и королевой. 381

Грамон (Gramont), Антуан Эраклюс-Аженор, герцог де Гиш и де (Antoine IX Héraclius-Agénor de Gramont, duc de Guiche, puis 9e duc de Gramont, 1789–1855), сын Аглаи де Полиньяк. Служил в России и в Англии. В 1808–1809 гг. воевал в Испании и Португалии на стороне англичан, позже поступил на службу к герцогу Ангулемскому, с которым после Июльской революции 1830 г. отправился в новую эмиграцию. 131

Грамон (Gramont), Антуан-Луи-Мари, герцог де Гиш (1780), де Грамон (1799), принц де Бидаш (1755–1836), капитан королевских телохранителей. Муж Аглаи де Полиньяк. Министр королевского дома в Кобленце (1791). До 1814 г. оставался при Людовике XVIII. При Реставрации и при Июльской монархии — пэр Франции. 131, 138, 141

Грамон (Gramont), или чаще Полиньяк (Polignac), Аглая (Aglaié Louise Françoise Gabrielle de Polignac, 1768–1803), дочь герцога Жюля де Полиньяка и Иоданды де Полиньяк, фаворитки Марии-Антуанетты. В 12 лет выдана за герцога Антуана-Луи-Мари де Грамон и де Гиш, получила прозвище «Гишетты». В эмиграции с 16 июля 1789 г. 131

Грандисон, лорд и леди, — вероятно, Джордж Мейсон-Вильерс, 2-й граф Грандисон (1751–1800), и его жена Гертруда (1750–1793), дочь Фрэнсиса Сеймур-Конвей, 1-го маркиза Хертфорда. 37

Грегуар, консьерж в замке Ж.Ф. де Ла Тур дю Пена. 207, 208, 212, 319

Гуверне (Gouvernet), Пьер-Луи-Франсуа де Ла Тур дю Пен, аббат де (1730–1816), каноник капитула в Маконе, брат Ж. Ф. де Ла Тур дю Пена. 80, 82

Гуверне (Gouvernet), Филипп-Антуан-Габриэль-Виктор Шарль де Ла Тур дю Пен, маркиз де (1723–1794), дальний родственник мужа автора. Женат на Жанне-Магдалине Бертен (1727–?), сестре маркизы д'Оссен. Арестован в марте 1793 г., вскоре освобожден, затем казнен вместе с Ж. Ф. де Ла Тур дю Пен. 186, 188

Гуверне (Gouvernet), Эймар де Ла Тур дю Пен, граф де Полен, маркиз де (Aumar de La Tour du Pin, marquis de Gouvernet, comte de Paulin, 1806–1867); сын автора. После провала авантюры герцогини Беррийской — в эмиграции. 3, 4, 8, 10, 18, 20, 363, 373, 387, 405, 429, 430, 434, 435, 439, 440, 447–449, 456, 458

Гувьон (Gouvion), Жан-Батист де (1747–1792), бригадный генерал, двоюродный брат маршала Гувьона де Сен-Сир. В 1791 г. избран в Законодательное собрание; ушел в отставку в связи с мятежом в Нанси. Убит 11 июня 1792 г. в сражении при Ла Глизюэль, близ Мобежа, где он находился в авангарде армии Лафайета. 171

Д

Дамас (Damas), аббат де — вероятно, Франсуа де Дамас-Крю (Damas-Crux, 1739–1829). 147, 187

Дамас (Damas), Шарль де (Étienne-Charles, duc de Damas-Crux, 1754–1846), военный и политический деятель. Во время войны за независимость США командовал полком в Индии, но был взят в плен. Эмигрировал, создал собственный легион, участвовавший в войнах против Республики, позже сблизился с герцогом Ангулемским. Вернулся после Реставрации. Герцог (1816). Во время Июльской революции отказался присягать Луи Филиппу и покинул верхнюю палату, в 1832 г. ушел в отставку из армии. 170

Дамас (Damas), граф Роже де (1765–1823), французский военный. В 1783 г. тайно покинул Францию и при поддержке принца де Линя поступил на русскую службу (в русских источниках упоминается как «Рожер де Дама»). Участвовал во взятии Очакова (в качестве адъютанта князя Г. А. Потемкина) и Бендер. Вернувшись в Париж, он стал свидетелем начала революции и в 1790 г. вновь вернулся в русскую армию, участвовал в штурме Измаила. В этот период был близок к герцогу А. Э. де Ришелье. Во время войн коалиций против Французской республики выполнял ряд поручений Людовика XVIII и графа д'Артуа. Вернулся во время первой Реставрации. Во время Ста дней был губернатором Лиона, но не смог удержать контроль над гарнизоном и бежал вместе с королем. 109

Девонширская, герцогиня, Джорджиана Кэвендиш, урожд. Спенсер (1757–1806), жена Уильяма Кэвендиша, 5-го герцога Девонширского. 339

Дежарден, француз, колонист в штате Нью-Йорк. 274–276

Дезандруэн (des Androuins), Жюли Каролин (1769–1836), жена графа де Лидекерке. 391

Дезиль (Désilles), Андре (1767–1790), офицер Королевского пехотного полка, уроженец Сен-Мало (Бретань). Во время восстания гарнизона Нанси, 31 октября 1790 г., попытался предотвратить кровопролитие,

но был тяжело ранен и 17 октября скончался от сепсиса. В память подвига Дезиля воздвигнута триумфальная арка в Нанси и названы улицы в Ренне и Сен-Мало. 163, 165

Делиль (Delille), Жак (1738–1813), поэт, представитель позднего классицизма. Профессор латинской поэзии в Коллеж де Франс. Его перевод «Георгик» Вергилия (1769) вызвал похвалу Вольтера, благосклонность Марии-Антуанетты и графа д'Артуа, от которого Делиль за это получил доходное аббатство. Эмигрировав, вернулся в 1802 г. 107, 386

Дени, парикмахер-француз из Вильдесхаузена. 354

Деспо (дом Деспо), бенедиктинский монах, глава коллежа в Сорезе. 58

Джернингем (Jerningham), Джордж Уильям (1771–1851), сын Уильяма Джернингем и леди Фрэнсис Джернингем, тетки автора, 7-й баронет Стаффорд, кузен автора. 82, 83, 334, 350

Джернингем (Jerningham), Уильям («шевалье Джернингем»). 82, 329, 330, 335, 341, 343

Джернингем (Jerningham), Уильям (1736–1809), 6-й баронет Стаффорд, муж леди Фрэнсис Джернингем, тетки автора. 82, 329

Джернингем (Jerningham), Шарлотта Джорджиана Бедингфельд (1769–1854), дочь леди Фрэнсис Джернингем, кузина автора. 73, 181, 332, 334, 344.

Джернингем, леди Фрэнсис (Frances Jerningham, 1747–1825), дочь Генри Диллона, 11-го виконта Диллон, тетка автора. Муж — сэр Уильям Джернингем (1736–1809), 6-й баронет Стаффорд. 75, 82, 119, 181, 324, 329–335, 341, 343, 344, 346, 350, 351, 360

Джернингем, Уильям, сын Уильяма Джернингем, 6-го баронета Стаффорд, и леди Фрэнсис Джернингем, тетки автора. 334, 350

Джернингем, Эдвард, сын Уильяма Джернингем, 6-го баронета Стаффорд, и леди Фрэнсис Джернингем, тетки автора. 329, 334, 338, 343, 344, 350, 426

Джеффри (Jeffrey), Фрэнсис (1773–1850), редактор и издатель «Эдинбургского обозрения» (Edinburgh Review), близкого к вигам, вел в нем литературную критику. 328

Джеффри (Jeffrey), Джон (1775–1848), брат лорда Фрэнсиса Джеффри, редактора „Edinburgh Review“. 253

Джон (Squaw John), абориген. 274, 279

Джудит, негритянка, рабыня семейства де Ла Тур дю Пен. 261, 273, 286, 297, 300, 301

Диллон (Dillon), Анна-Луиза (1748–1832), вторая дочь Роберта Диллона из Бродо, замужем за Исааком Жасинтом Жог де Мартенвилем (Jogues de Martainville, 1739 — после 1792). 59

Диллон (Dillon), Артур (1670–1733), прадед автора. Родился в Роскоммоне (Ирландия). В 1690 г., после поражения якобитов при Лиме-

рике, во главе своего полка перешел на французскую службу. Участвовал во многих сражениях Войны за испанское наследство. Занимал должность посла в Париже от имени Старого Претендента («Якова III», Джеймс Фрэнсис Эдуард Стюарт), от которого получил титулы виконта (1717) и графа (1721) Диллон. 30, 33, 55

Диллон (Dillon), Артур (1750–1794), граф, отец автора. Участник войн в Вест-Индии, отличился при взятии острова Гренада. Депутат от дворянства в Генеральных штатах, представлял Мартинику, но не раз голосовал против интересов плантаторов. Сторонник преобразований, но в то же время роялист. В январе 1792 г. получил от Лафайета назначение командовать левым крылом Северной армии (в Шампани). После 10 августа 1792 г. принес клятву на верность Конституции 1791 г.; когда же Лафайет пытался повернуть армию на Париж, пытался повторно добиться от войск присяги закону и королю, однако сумел оправдаться перед новой властью и принес клятву нации; был смещен с поста командующего, но остался при армии. Командуя ее авангардом, отличился в нескольких сражениях в Шампани, в том числе при Вальми. В 1793 г., когда после казни короля стало неизбежным вступление Англии в войну, предложил план экспедиции в Ирландию. После контрмер, предпринятых в этой связи британской разведкой, был арестован, но оправдался. В 1794 г. был обвинен бывшим депутатом Лафлотом (уже арестованным) в попытке насильственно освободить Дантона и Демулена, с которыми он был близок; также был казнен. Имя на северной стороне Триумфальной арки в Париже. 3, 5, 6, 17, 23–25, 29, 31, 32, 35, 39, 41–44, 47, 55, 56, 60, 63, 77, 116, 135, 166, 179, 180, 184, 186–188, 200, 205, 214, 249, 254–256, 310, 329–332, 335, 343, 360, 428, 431

Диллон (Dillon), Артур Ришар (1721–1806), двоюродный дед автора, последний архиепископ Нарбоннский (с 1763). До этого занимал должности епископа Эвре (1753–1758) и архиепископа Тулузского (1758–1763). Эмигрировал, отказавшись принять конституционную присягу 1790 г. и конкордат 1801 г. Умер в Лондоне. 5, 6, 12, 23, 26, 28, 31, 33, 41–57, 59, 63–66, 68, 72–80, 83, 91, 95, 102, 115, 116, 132, 133, 213, 324, 330, 331, 360

Диллон (Dillon), Генри (1668–1714), 8-й виконт Диллон, лорд. Член парламента, созванного в Дублине в 1689 г. Яковом II (представитель графства Западный Мит), наместник графства Роскоммон. 32, 114, 465

Диллон (Dillon), Генри, брат отца автора (род. 1759), последний владетельный полковник Диллоновского полка после его восстановления в Англии в 1794. 31, 32, 42

Диллон (Dillon), Генри, лорд (1705–1787), 11-й виконт Диллон, брат Чарльза, Джеймса и Эдварда Диллонов, третий владетельный полковник Диллоновского полка. Оставил французскую службу в 1743 г., чтобы сохранить титул ирландского лорда, и передал полк своему брату Джеймсу. 30–32, 80, 114, 465

Диллон (Dillon), Джеймс, рыцарь Мальтийского ордена, третий из братьев. Убит в 1745 г. при Фонтенуа (война за австрийское наследство), женат не был. 31, 32

Диллон (Dillon), Джон, кузен автора. 335

Диллон (Dillon), Жоржина (Georgine Dillon, 1799–1827), дочь Эдуарда («красавчика Диллона»), жена графа Иштвана Каройи (с 1820). Сын от этого брака — Эде (Эдуард Мано Ференц) Каройи де Надь-Карой (1821–1879). 60

Диллон (Dillon), Лаура, урожд. Лаура де Жирарден де Монжеральд (de Girardin de Montgérald, 1749–1817), вторая жена Артура Диллона, мачеха автора. Ранее она какое-то время была любовницей А. де Богарне, мужа Жозефины. Мать Жозефины и отец Лауры Диллон — двоюродные брат и сестра. 6, 55, 77, 256, 324, 327, 329, 330, 332, 334–336, 343, 346, 359, 387, 388, 391–394, 407, 432

Диллон (Dillon), леди Генри (†1828), урожденная Фрэнсис Трант, жена дяди автора. 32, 453, 454

Диллон (Dillon), леди Мэри, урожд. Мари Рожье (Rogier), вторая жена (с 1787) лорда Чарльза Диллона, 12-го виконта Диллон. 324, 331, 332

Диллон (Dillon), леди Шарлотта, виконтесса Dillon of Lichfield, урожд. Ли (Lee, 1720–1794), дочь Джорджа-Генри, 2-го герцога Личфилда, пэра Англии и внука Карла II от герцогини Кливленд. Жена виконта Генри Диллона, бабка автора по отцовской линии. 269

Диллон (Dillon), Мэри (†1786), сестра Артура Ришара Диллона. 33, 115, 116

Диллон (Dillon), Мэри (1746–1782), дочь Роберта Диллона, жена президента Большой палаты парламента Бордо П.-М.-А. де Лави. 59

Диллон (Dillon), Мэри, урожд. Дикконсон (Dicconson, 1745–1764), жена Роберта Диллона (из роскоммонской линии), дочь гувернера принца Уэльского (Старого Претендента). 59

Диллон (Dillon), Ричард (1688–1737), лорд, виконт, троюродный брат Чарльза Диллона, владетельный полковник Диллоновского полка. 30, 32, 114, 465

Диллон (Dillon), Роберт (1710–1764), сеньор Терфора, из линии Диллонов из Роскоммона, происходящей от лордов Килл Корнан. Переехал в Бордо, где занялся коммерцией. 59, 461

Диллон (Dillon), Роберт (Робер-Гийом, 1754–1837), третий сын Роберта Диллона, генерал-лейтенант. 59, 461

Диллон (Dillon), Теобальд (†1691), лорд, 7-й виконт Диллон (Dillon of Costello-Gallin), пэр Ирландии. Погиб в битве при Аугриме (1691), сражаясь на стороне якобитов. 30, 32

Диллон (Dillon), Теобальд (1745–1792), французский бригадный генерал, кузен (?) отца автора, крестный отец Элизабет Франсуазы («Фанни»)

Диллон. Участник войны за независимость США, включая захват Гренады и осаду Саванны. В 1792 г., в самом начале войны, ему была поручена недисциплинированная и необученная колонна, к тому же плохо снабжавшаяся. На пути от Лилля к Турне эта колонна отступила без боя при одном только виде австрийских кавалеристов, и солдаты с криками об измене убили своего генерала и еще четырех лиц. По настоянию жирондистов и фельянов убийцы Т. Диллона были казнены. 304

Диллон (Dillon), Теобальд (1747–1819), старший сын Роберта Диллона, лагерный маршал. 60

Диллон (Dillon), Уильям (Уильям-Генри, или Билли, 1760–1788), четвертый сын Роберта Диллона, капитан в гусарском полку Лозена. 60

Диллон (Dillon), урожд. де Рот (de Rothe), Тереза-Люси (Thérèse-Lucy de Dillon, 1751–1782), мать автора. 5, 24, 33–35, 77

Диллон (Dillon), Фанни (Фрэнсис Шарлотта Диллон-Ли, леди Уэбб, 1780–1819), дочь лорда Диллон-Ли от первой жены Генриетты-Марии Фиппс. С 1799 г. замужем за сэром Томасом Уэббом, 6-м баронетом Одсток (1775–1823). 37, 332, 334, 335, 350, 359

Диллон (Dillon), Фрэнк (Фрэнк-Теобальд), шевалье де (1764–1837), пятый сын Роберта Диллона. Офицер в гусарском полку Лозена, затем в Диллоновском полку (1789), лагерный маршал (1815). 60

Диллон (Dillon), Чарльз (†1741), брат деда автора, второй полковник Диллоновского полка (с 1728). 30, 32

Диллон (Dillon), Шарлотта (Шарлотта Боклерк, урожд. Диллон-Ли, 1788–1866), дочь Чарльза Диллон-Ли и Мари Рожье. Замужем за Фредериком Боклерком. 331, 332

Диллон (Dillon), Шарлотта, в замужестве Браун, графиня Кенмар (Browne, Countess of Kenmare, 1755–1782). 33

Диллон (Dillon), Эдвард (Чарльз Эдвард, граф Диллон, 1750–1839), второй сын Роберта Диллона, по прозвищу «красавчик Диллон» (le Beau Dillon), французский военный и дипломат. Участник войны в Америке, в том числе взятия Гренады. Был близок к Марии-Антуанетте, герцогине де Полиньяк и графу д'Артуа. В годы Революции и Империи — в эмиграции. При Реставрации посол Франции в Гааге, Дрездене, Флоренции. 60, 188

Диллон (Dillon), Эдвард, брат Чарльза, Генри и Джеймса Диллонов. Полковник Диллоновского полка в 1745–1747. Убит в 1747 г. в битве при Лауфельде (война за австрийское наследство). 31, 32, 59, 60, 114, 465

Диллон (Dillon), Элеонора (1753–1831), жена маркиза Рене-Эташа д'Омона. Мать Адель д'Омон, в замужестве графини де Буань, и маркиза Райнульфа д'Омона. 393

Диллон (Dillon), Элизабет Франсуаза (Фрэнсис, Фанни, 1785–1836), младшая сестра автора (от второго брака ее отца с Лаурой

Жирарден де Монжеральд). С 1808 замужем за генералом Анри Гасье-ном Бертраном, адъютантом Наполеона. Вместе с ним была при Наполеоне на острове Святой Елены. 5, 6, 56, 256, 330, 335, 359, 384, 387–389, 392, 394, 404, 407

Диллон (Диллон-Ли, Dillon-Lee), Генри Огастес, 13-й виконт Диллон (1777–1832), лорд, писатель, член палаты общин. Опубликовал ряд трудов по юриспруденции и положению католиков в Ирландии. 32, 35, 461

Диллон (Диллон-Ли, Dillon-Lee), Чарльз (1745–1813), дядя автора, лорд, 12-й виконт Диллон, губернатор графства Майо. Из-за многочисленных долгов жил в Брюсселе, не появляясь в Англии. В 1767, после признания папой Ганноверской династии, перешел из католичества в англиканство ради наследства лорда Личфилда (с этого времени принял двойную фамилию Диллон-Ли). 31, 32, 34, 35, 42, 222, 324, 331, 332, 334, 343

Диллоны из Костелло-Галлена (Dillon of Costello-Gallen), ирландский виконтский род из графства Майо (запад Коннахта). Титул виконта Диллон создан в 1622 г. Яковом I Стюартом, и в настоящее время его носит 22-й представитель. Автор ссылается на членов этого рода с 7-го по 13-го носителя титула. 59, 461

Дорсет, Джон Фредерик Сэквилл (Sackville), 3-й герцог Дорсет (1745–1799), с 1784 г. посол Великобритании во Франции. Уже через два дня после взятия Бастилии, в донесении своему министру, оценил это событие как «величайшую революцию». 86, 104, 111

Драмголд, ирландский офицер, который вел денежные дела Ж. де Лалли-Толлендаля. 115, 116

Драммонд, урожд. Миддлтон, Элизабет, герцогиня Пертская (1690–1773), замужем за Джеймсом Драммондом, графом Пертским (титул герцога он получил от Претендента). 42

Друэ д'Эрлон (Drouet d'Erlon), Жан-Батист (1765–1844), французский военный, участник сражения при Аустерлице, осады Данцига (1807), кампаний в Испании и Португалии. Граф Империи (1808). При первой Реставрации — командир дивизии. Во время Ста дней поднял военный мятеж в Северной армии в пользу Наполеона, в течение недели удерживал Лилль до подхода императора, затем сражался при Ватерлоо. Изгнан, вернулся в 1820 г. В 1834–1835 гг. военный губернатор Алжира. Маршал Франции (1843). 376

Дюгомье (Dugommier), до 1785 г. фамилия Кокиль (Coquille), Жак Франсуа (1738–1794), французский военный. В 1793 г. осаждал Тулон, захваченный англичанами, и принял план, предложенный капитаном Бонапартом (будущим Наполеоном). В 1794 г. командовал армией на испанском фронте. В ноябре 1794 г. погиб в сражении под Сан-Себастьяном. 188

Дюдон (Dudon), Жан-Батист-Пьер-Жюль (1750–1793), бывший прокурор и генеральный адвокат парламента Бордо. Его отец носил то же имя. 193

Дюжон (Dujon), Мари Мадлен, жена Р. де Мушар де Шабана. 386

Дюко (Ducos), Жан-Франсуа (1765–1793), член Конвента, жирондист. Голосовал за казнь короля. Друг и деверь Фонфреда, казнен вместе с ним. 190

Дюкре, Сезар, кузен госпожи де Валанс. Погиб в результате несчастного случая: в него попала ракета, когда он, находясь в лодке, наблюдал за фейерверком. 328

Дюлолуа (Dulauloy), Шарль Франсуа (1761–1832), дивизионный генерал, участник революционных и наполеоновских войн. Во время первой Реставрации — генеральный инспектор артиллерии. Во время Ста дней — пэр и губернатор Лиона. При второй Реставрации — в отставке. 438

Дюлон, посредник в переговорах между автором и У. Шортом. 178

Дюмануар, камергер императрицы Жозефины. 381–383

Дюмон (Dumont), Андре (1764–1838), французский юрист. Член Конвента, монтаньяр, голосовал за казнь короля. При Наполеоне — супрефект Абвиля (1799–1814). При Реставрации изгнан как царевубийца, жил в Бельгии. 423, 429, 431, 432

Дюмурье (Dumouriez), Шарль Франсуа (1739–1823), французский генерал. Еще до Революции отличился отчаянной храбростью в нескольких войнах. В 1770 г., посланный в помощь Барской конферерации, превысил полномочия, собрал собственный отряд и был разбит при Ланцкороне (в 30 км от Кракова) самим Суворовым. Министр иностранных дел (март-июнь 1792), в то время близок к жирондистам. В том же году, после бегства Лафайета, стал командующим Северной армией, одержал победы при Вальми и Жемаппе. Обвиненный в тайных сношениях с противником, поднял мятеж, но после издания им прокламации о восстановлении королевской власти армия отказалась его поддержать. Бежал к австрийцам, после долгих скитаний обосновался в Англии, где и умер. Оставил мемуары. 166, 174, 175, 179, 184, 186

Дюпети-Туар (Dupetit-Thouars, Aubert du Petit-Thouars), Аристид (1760–1798), французский морской офицер, капитан. В 1792 г. был отправлен на поиски экспедиции Лаперуза, но арестован в Бразилии и отправлен в Лиссабон. Некоторое время был в эмиграции в США. Вернулся в 1795 г. В битве при Абукире героически погиб, командуя линейным кораблем «Tonnant». 166, 174, 175, 179, 184, 186

Дюпон де л'Этан (Dupont de l'Etang), Пьер-Антуан (1765–1840), французский военный, брат генерала Дюпон-Шомона и епископа Дюпона де Пурса (Dupont de Poursat). В 1792 г. адъютант Теобальда Диллона, пытался спасти его от взбунтовавшихся солдат и сам при этом едва не погиб; после этого — старший адъютант у его кузена Артура Диллона (отца автора), вместе с ним участвовал в битве при Вальми. С 1795 г. начальник топографического кабинета Директории (фактически генштаба). После

18 фрюктидора в отставке как роялист. Вернулся на службу в 1799 г., участвовал в перевороте 18 брюмера, позже в битвах при Маренго, Ульме, Фридланде. В 1808 г. командовал в Испании войсками, потерпевшими в июле 1808 г. первое большое поражение при Байлене (в Андалусии); был окружен и вынужден капитулировать. За это поражение был отдан под суд и находился в тюрьме до отречения Наполеона. При первой Реставрации — военный министр (1814), но память о Байлене подорвала его популярность в армии. Депутат Палаты представителей. После Июльской революции в отставке. 418, 420, 428, 431, 476, 477

Дюпон де Немур (du Pont de Nemours), Пьер Самюэль (1739–1817), политический деятель и экономист. Его труды по экономике, написанные в духе школы физиократов, оказали влияние на Адама Смита. Депутат Учредительного собрания (правое крыло), во время переворота 10 августа 1792 г. пытался лично защищать королевскую семью. При Терроре осужден на смерть, но освобожден после 9 термидора. После переворота 18 фрюктидора (4.09.1797) бежал в США, где стал влиятельным приверженцем Т. Джефферсона. При первой Реставрации ненадолго возвращался во Францию, которую вновь покинул во время Ста дней. 321

Дюпуи, врач из Бордо. 184, 195, 199, 212, 315, 316, 372

Дюпюитрен, парижский хирург, ученик Буае. 395, 401

Дюрас (Duras), Амеде де Дюрфор де (Amédée-Bretagne-Malo de Durfort, duc de Duras, 1771–1838), герцог, убежденный роялист. В 1791 г. был при короле, позже эмигрировал; вернулся в 1801 г. с согласия Людовика XVIII, но при империи оставался в тени. При Реставрации — пэр и камергер. 110, 124, 333, 338, 345–347, 349, 369, 370, 425, 438

Дюрас (Duras), Клер де, урожд. де Коэтнемпреан де Керсен (de Coëtnempren de Kersaint), герцогиня де (Claire Louise Rose Bonne Lechat de Kersaint, 1777–1828), писательница. Дочь Армана де Керсена (1742–1793). Эмигрировала в 1794 г., вернулась в 1801. С 1797 г. жена Амеде де Дюрфора. При Реставрации — хозяйка литературного салона. С 1804 г. сблизилась с Шатобрианом, убедившим ее в 1823 г. издать хотя бы один из написанных ею романов — «Урика» (Ourica). Два других ее романа были опубликованы лишь в XX в. 8, 19, 333, 338, 345–347, 363, 369, 370, 387, 395, 404, 405, 413–415, 418, 420, 421, 427, 430, 431, 433, 435, 436, 438, 441

Дюрас (Duras), Луиза-Генриетта-Шарлотта-Филиппина, герцогиня де (1745–1832), старшая дочь Филиппа де Ноай, замужем (с 1760) за Эммануэлем-Селестом Дюрфором, герцогом де Дюрас, придворная дама королевы Марии Лещинской, а затем Марии-Антуанетты. 72, 77, 86

Дюрас (Duras), маршал де — Дюрфор, Эммануэль-Фелисите де, герцог де Дюрас (1715–1789), маршал Франции. 76

Дюрфор (Durfort), графиня Генриетта-Этьеннетта Клод Дениз, дочь Дени Филибера Тиру де Монсож (1715–1786), начальника почт, жена

графа Этьена-Филиппа де Дюрфор (1753–1837), генерал-лейтенанта, пэра Франции. 99

Е

Екатерина II (София Августа Фредерика фон Анхальт-Цербст), российская императрица (1762–1796). 109

Екатерина Вюртембергская (1783–1835), дочь герцога (с 1806 короля) Вюртемберга Фридриха I, племянница императрицы Марии Феодоровны, с 1807 г. жена вестфальского короля Жерома Бонапарта. 398

Елизавета I, королева Англии (1558–1603) из династии Тюдоров. 59

Елизавета Французская, принцесса (Элизабет Филиппин Мари Элен, «Мадам Елизавета» 1764–1794), самая младшая сестра Людовика XVI, Людовика XVIII и Карла X. Не желала ни при каких условиях покинуть Францию, поэтому не вышла замуж и не эмигрировала, хотя относилась к революции резко отрицательно и добивалась введения иностранных войск. Казнена во время Террора. 5, 88, 95, 139, 142, 156, 159, 170, 265, 463

Ж

Жанлис (Genlis), Стефани Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де (1746–1830), французская писательница. В молодости любовница герцога Орлеанского (будущего Филиппа Эгалите), а затем воспитательница его детей, в том числе герцога Шартрского, будущего короля Луи-Филиппа. Во время революции была близка к орлеанистам и даже к якобинцам, но позже была вынуждена эмигрировать. В период Реставрации критически переоценила свои прежние взгляды. 13, 101, 117–120, 265

Женец, мелкий торговец-француз из Олбани, штат Нью-Йорк. 274

Жиарден (Girardin), Клэр Элизабет, урожд. Хук де Гэтвил (Hooke de Gatteville, 1725–?), мать г-жи де Ла Туш. 55

Жозефина, императрица — см. Богарне, Жозефина.

Жокур (Jaucourt), Арнай-Франсуа (1757–1852), французский генерал и политик, при Реставрации несколько раз занимал министерские посты. 439

Жуае (Joueux), основатель имения Фоли-Жуае близ Ливри. 45

Жубер, казначей лангедокских Штатов. 57

Жубер, невестка казначея Жубера. 57, 58

Жюинье де Нешелль (Juigné de Neuchelles), Антуан Элеонор Леон Леклерк де (1728–1811), архиепископ Парижский в 1781–1789 гг. (формально до 1802). До 1789 г. щедро занимался благотворительностью

и церковным просвещением, добавляя к церковным суммам на эту цель личные средства. Депутат Генеральных штатов от духовенства, занял умеренно прогрессивную позицию, в частности, призвав отказаться от церковной десятины. После нападения на него толпы (июнь 1789) с согласия короля покинул Францию. Вернулся в 1802 г., после конкордата Наполеона с папством. 83

Жюльен (Julien), Жан, известен как «Жюльен Тулузский» или «Жюльен из Тулузы» (1750–1828), депутат Конвента, голосовавший за казнь короля. В 1793 г. был уличен во взятках при ликвидации дел французской Ост-Индской компании, но скрылся от ареста; после 9 термидора объяснял эти события личной ненавистью Робеспьера к нему, но к политической деятельности больше не был допущен. Изгнан как царевубийца в 1816 г., бежал в Турин. В тексте упомянут ошибочно: на самом деле речь здесь идет о Жюльене Парижском. 222, 224, 470

Жюльен (Julien), Марк-Антуан (1775–1848), «Жюльен Парижский» или «Жюльен-младший», революционер, журналист и педагог. С 1791 г. в Якобинском клубе. С 1792 г. комиссар Конвента, друг Робеспьера; в мае 1794 г. выявлял в Париже тайных жирондистов и в то же время пытался смягчить крайности Террора, в том числе и в письмах к Робеспьеру; раскрыл злоупотребления Каррье в Нанте, Тальена в Бордо и добился их отзыва. После падения Робеспьера арестован; освобожден после вандемьерского мятежа роялистов (1795). Позже колебался между симпатиями к якобинцам, Бабефу и Наполеону. С 1810 г. сблизился с Песталоцци. При Реставрации — журналист и педагог, пропагандист ланкастерской системы. 470

Жюмильяк (Jumilhac), либо Жозеф Леон Мари Шапелль де Жюмильяк (Chapelle de Jumilhac, 1773–1854), известный музыкант-любитель, либо его старший брат генерал Антуан Пьер Жозеф де Жюмильяк, участник Киберонской экспедиции, муж Симплиции де Жюмильяк, сводной сестры А.Э. де Ришелье. 215

Жюмильяк (Jumilhac), Симплиция, маркиза де, урожд. Арманд Симплиси Габриэль де Виньеро дю Плесси де Ришелье (1778–1840), дочь Луи-Антуана-Софи де Виньеро дю Плесси, сводная сестра А. Э. де Ришелье. 109

3

Зальм-Зальм (Salm-Salm), Эммануил, герцог цу, поклонник герцогини Бульонской. 92, 99, 338

Замор, негр, служивший у автора во Франции. 166, 170, 174, 176, 179, 183, 195, 201, 202, 215, 224, 254

И

Изабелла Клара Евгения, эрцгерцогиня (1566–1633), старшая дочь Филиппа II Испанского. Жена эрцгерцога Альбрехта VII Австрийского, с 1598 г. штатгальтер Испанских Нидерландов (вместе с мужем). 409

Изабо (Ysabeau), Клод-Александр (1754–1831), деятель эпохи якобинской диктатуры. До революции — священник, затем преподаватель в Вандомской военной школе и Турском коллеже. В 1793 г. вместе с Тальеном руководил подавлением мятежа федералистов (жирондистов) в Бордо, а затем террором в том же городе. В 1794 г. руководил реорганизацией армии Восточных Пиренеев, действовавшей против Испании. Участник переворота 9 термидора, когда именно он бросил Робеспьеру знаменитую фразу: «Да, тиран, ты самый большой изверг среди людей, настал час твоей гибели!». С 1795 г. в Совете старейшин. При Наполеоне заведовал парижской почтой. При Реставрации попал под действие закона об изгнании цареубийц. Эмигрировал в Бельгию; вернулся в Париж только после Июльской революции 1830 г., за год до смерти. 184, 191, 193, 206, 209, 222, 223, 225, 470

Ийекердо (Iyequerdo), придворный испанского короля Карла IV. 381

Имекур (Вассиньяк д'Имекур, Vassinhac d'Imecourt), Мари Луи Шарль де (1747–1786), 5-й маркиз д'Имекур, муж Ш.Ф. де Шовлен. 43

Инфантадо (Infantado), Мария Анна Виктория Вильгельмина, урожденная принцесса цу Зальм-Зальм, герцогиня дель Инфантадо, мать герцога Педро дель Инфантадо и маркизы дель Висо. 34, 37

Инфантадо (Infantado), Педро де Алькантара Альварес де Толедо, 13-й герцог дель (1768–1841), испанский государственный деятель. Глава регентского совета в 1812–1814 и 1823 гг., глава правительства (1825–1826). 37

Иоав, полководец израильского царя Давида, упоминаемый во 2-й и 3-й Книгах Царств. 29

Иосиф II, император Священной Римской империи (1765–1790), старший брат Марии-Антуанетты. 47, 54

Иосиф, сын Иакова и Рахили, персонаж последних глав Книги Бытия (Быт. 37, 39–50). Различные эпизоды из истории Иосифа (в том числе история с женой Потифара) часто становились сюжетом художественных произведений. 268

К

Кабаррюс, Терезия — см. Тальен, Тереза.

Кавальканти (Cavalcanti), секретарь А. и Ш. де Ламетов. 168, 169

Казалес (Cazalès), Жак Антуан Мари де (1758–1805), драгунский капитан, депутат Генеральных штатов, затем Учредительного собрания. Яркий оратор правых, энергичный защитник сословного строя. Осенью 1789 г. дрался на дуэли с Барнавом, причем оба дуэлянта не пострадали. После Вареннского кризиса эмигрировал, участвовал в экспедиции против Тулона (1793). Вернулся во Францию при Консульстве. 166, 169

Кайяр, временный дипломатический представитель Франции в Гааге в 1787–1791 гг. 173–175

Калонн (Calonne), Шарль Александр де (1734–1802) генеральный контролер финансов (1783–1787). Пытался оздоровить государственные финансы с помощью займов, поскольку прочие резервы уже были исчерпаны Тюрго и Неккером. Не добившись решения проблемы, убедил короля созвать собрание нотаблей. В 1791 г. некоторое время возглавлял эмигрантское «правительство» в Кобленце, добивался восстановления абсолютизма и сословного строя в дореволюционном виде. 70

Калонн, священник, учитель Юмбера де Ла Тур дю Пен. 363

Камбасерес (Cambacérès), Жан-Жак-Режи де (1753–1824), юрист и политик. В 1792 г. член Конвента (фракция «болота»), прославился искусством лавировать между лагерями. В 1799–1804 гг. — второй консул, в 1804–1814 гг. — архиканцлер Империи и президент Сената, герцог Пармский (1808). В этот период ближайший советник Наполеона и редактор «Гражданского кодекса». При Реставрации изгнан как цареубийца, но в 1818 г. восстановлен в правах. 401

Кампан (Campan), Жанна Луиза Генриетта, урожд. Генриетта Жене (Genest, Genêt, 1752–1822), писательница и педагог, первая камеристка королевы Марии-Антуанетты. После 1794 г. руководила пансионом для девиц в Сен-Жермен-ан-Лэ. При Наполеоне — начальница института в Экуане, где воспитывались дочери и сестры отличившихся военных. 367

Канова (Canova), Антонио (1757–1822), итальянский скульптор, считавшийся самым значительным скульптором своего времени. Крупнейшие собрания его работ — в Лувре и в Эрмитаже. 18, 362

Каппель (Capelle или Carpelle), Каролина Фортюне, урожд. Коллар, мать Мари Лафарж. 120

Караман (Caratman), де — вероятно, Франсуа Жозеф де Рике де Караман, третий сын Виктора Мориса де Рике де Караман и Марии-Анны д'Энен-Лиетар, от которой в 1804 г. унаследовал титул принца Шимэ (Chimay), французский военный, с 1820 г. нидерландский сенатор. Более всего известен как третий и последний муж Терезы Тальен. 396, 433

Каранси (Carancy), Поль-Антуан Максимилиан Казимир, принц де (1768–1824), старший сын герцога П.-Ф. де Ла Вогийона. Женат на Флоранс Констанс де Рошешуар-Фодоа. 43

Карл II, английский король (1660–1685) из династии Стюартов. 422

Карл III, король Испании (1759–1788) из династии Бурбонов. 309

Карл IV (1748–1819), король Испании (1788–1808). После низложения жил в изгнании в Компьене, а затем в Риме. 312, 313, 381, 383, 474, 475

Карл Смелый (Charles le Téméraire), последний и самый известный герцог Бургундский (1467–1477), сильный противник короля Людовика XI. 399

Карл, эрцгерцог (Карл Людвиг Иоганн Йозеф Лаврентий, герцог Тешенский, 1771–1847), крупный австрийский полководец и реформатор армии. 37

Карлос Мария Исидро де Бурбон (1788–1855), второй сын Карла IV и Марии-Луизы. До 1830 г., когда у Фердинанда VII родилась дочь Изабелла, считался наследником престола. После смерти брата объявил себя королем Карлом V и развязал Первую карлистскую войну (1833–1839). 383

Карлос, дон (1545–1568), принц Астурийский, сын испанского короля Филиппа II. После тяжелых конфликтов с отцом был им заточен во дворце Алькасар и через полгода там же скончался. Романтизированная история этого принца стала сюжетом трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос» (1787), по которой позже была написана одноименная опера Дж. Верди (1867). 313, 474

Каройи де Надь-Карой, граф Иштван (István Károlyi de Nagy-Károly, 1797–1881), один из богатейших магнатов Венгрии, политик и дипломат. Будучи членом австрийского посольства в Париже, пользовался теплым приемом при дворе Людовика XVIII и Карла X, а через брак с Жоржиной Диллон (1820) породнился с французской аристократией. Участник Венгерской революции 1848–1849 гг., за свой счет сформировал гусарский полк; был арестован вместе с премьер-министром Лайошем Баттяни, освобожден после уплаты большого штрафа; в политику вернулся после австро-венгерского компромисса 1867 г. Первым браком женат на Жоржине Диллон, вторым — на Франциске Эстергази, третьим — на Марии Орци. 60, 461

Кастри (Castries), Мария-Луиза Филиппина (†1796), дочь герцога А.-Л. де Бонньер де Гина. С 1778 замужем за Шарлем де Ла Круа де Кастри, с 1784 г. герцогом де Кастри. 164

Кастри (Castries), семейство. 166, 168

Кастри (Castries), Шарль Эжен Габриэль де ла Круа, маркиз де (de La Croix de Castries, 1727–1801), маршал Франции. В 1780–1787 гг. морской министр, назначен по рекомендации своего друга Неккера, провел успешную реформу флота. 13 июля 1789 г., после отставки Неккера, отказался вновь принять морское министерство и в октябре того же года эмигрировал. Позже воевал в составе «армии принцев», был главой кабинета графа Прованского. 168

Кастри (Castries), Шарль, маркиз (с 1784 герцог) де (Арман Шарль Огюстен де Ла Круа де Кастри, 1756–1842), сын бывшего морского министра Ш. Э. де Кастри. Депутат Генеральных штатов от дворянства; поддержал отмену феодальных привилегий, но остался роялистом. После октябрьских событий 1789 г. стал защитником короля. В ноябре 1790 г. дрался на дуэли с Шарлем-Мало де Ламетом, которому нанес легкую рану; якобинская пресса обвинила его как «убийцу», его дом был разгромлен толпой, а сам он вынужден эмигрировать в Швейцарию. Вернулся при Реставрации, пэр Франции (1817). 168, 169

Кастри (Castries), Эдмон де ла Круа де (1787–1866), 2-й герцог де Кастри, участник наполеоновских войн, помощник при маршале Даву. Во время похода в Россию (1812) попал в плен. С 1821 г. командор ордена Почетного Легиона. 169

Кастри, Мария Адриана де Бонньер де Гин (de Bonnières de Guines), урожд. де Кастри (1759–1795), герцогиня де, жена маркиза Ш. де Кастри. 169

Кенмар (Kenmare), лорд, Валентин Браун (Valentine Browne, 1754–1812), 7-й баронет Браун, 1-й барон Каслросс и 1-й виконт Кенмар (1798), 1-й граф Кенмар (1801). Женат первым браком на Шарлотте Диллон (1755–1782), дочери Генри Диллона, 11-го виконта Диллон. 33, 324, 329, 332, 436

Кенмар (Kenmare), Шарлотта, урожд. Диллон (1755–1782), дочь Генри Диллона, 11-го виконта Диллон, и сестра Артура Диллона. Замужем за Валентином Брауном, впоследствии графом Кенмар. 33–35

Кергарадек (Kerkaradec или Carcaradec), Жозеф Мари Рогон де (1742–1802), подполковник полка Руаяль-Вессо, командир того же полка с октября 1791 по май 1792 г., сменил на этом посту Ф. С. де Ла Тур дю Пена. 106

Кергарадек, Рогон де (Rogon de Carcaradec или Kerkaradec — в разных источниках встречаются варианты), дворянское семейство из северной Бретани (район Ланьона, департамент Кот-дю-Нор, ныне Кот-д'Армор). В Киберонской экспедиции погибли три его представителя: лейтенант Арман Мари Луи, лейтенант Иасинт Мари Феликс Мадлен и капитан Луи Мари Теодор. 230

Керсен (Kersaint), Арман, граф де (Guy-Armand Simon de Coëtneupren de Kersaint, comte de Kersaint, 1742–1793), французский морской офицер и революционный политик. Участвовал в вест-индских кампаниях Семилетней войны и войны за независимость США, а также в Марокканской экспедиции 1767 г. Автор нескольких изобретений, трудов по военно-морским вопросам. План реорганизации флота, который он предложил Учредительному собранию, был расценен как утопический и отклонен. В 1792 г. контр-адмирал, якобинец, затем фейян. Депутат Конвента, голо-

совал против казни короля, что привело к его собственной казни во время Террора. Отец писательницы Клер де Дюрас. 347

Керсен (Kersaint), Клер Луиза Франсуаза, урожд. де Поль д'Алессо д'Эраньи (de Paule d'Alesso d'Eragny), родственница госпожи д'Эннери, дальняя родственница второй жены Артура Диллона (мачехи автора) и Жозефины. Жена графа Армана де Керсена (1742–1793), мать Клер де Дюрас. 333, 369, 441

Керсен (Kersaint), мадемуазель де — см. Дюрас (Дюра), Клер.

Клара, дочь г-жи де Дюрас — Клара Генриетта Филиппина Бенжамина де Дюрфор (1799–1863), впоследствии замужем за герцогом Розан-Дюрас (Rauzan-Duras). 346, 431, 441

Клари (Claris), жена одного из президентов парламента из Монпелье. 62, 70

Кларк (Clarke), Анри-Жак-Гийом (1765–1818), французский военачальник ирландского происхождения времен Революции и Империи. В 1797 г. возглавлял французскую делегацию на переговорах в Люневиле. В 1805–1806 гг. управлял Веной, а затем Берлином. Военный министр (1807–1814, 1815–1817), герцог де Фельтр (1809), маршал Франции (1816). 360

Клермон-Тоннер (Clermont-Tonnerre), Станислас Мари Аделаид, граф де (1757–1792), член Учредительного собрания, лидер фракции дворянства, примкнувшей к третьему сословию. Сочетал преданность идеалам свободы с монархизмом. Пользовался огромной популярностью до 1791 г., когда был обвинен в пособничестве бегству короля. В день свержения королевской власти (10 августа 1792) арестован, освобожден властями, но тут же убит мятежниками. 104, 113

Клинтон (Clinton), Генри (1730–1795), английский генерал, участник Семилетней войны. Главнокомандующий английскими войсками в Америке (1778–1782), оборонял Нью-Йорк, где было много лоялистов (сторонников Англии). Не оказал помощи Корнуоллису, что привело к капитуляции последнего при Йорктауне. 289

Кокрэйн (Cochrane), Томас (1775–1860), английский адмирал и политик, впоследствии известный своими действиями в Южной Америке. 302

Коллар, биржевой маклер. 120

Комб, органист из Безье, учитель автора. Позже — личный секретарь Ф. С. де Ла Тур дю Пена в бытность его послом в Гааге, впоследствии секретарь администрации острова на Мартинике. 34, 35, 37, 41, 48, 56, 175, 324, 335, 336

Комнин, Панория Стефанополи де (Panogia de Comnène), уроженка Корсики. Ее предки были правителями Мани (Μάνη) в Пелопоннесе и настаивали на своем происхождении от трапезундской династии Комнинов (Κομνηνοί), в конце XVII в. обосновались в одном из кварталов г. Аяччо

(Корсика). Брат — Деметрио Стефанополи, «князь Комнин» (1749–1821), служил в эмигрантской армии Конде, а в 1797 г. готовил антиосманское восстание в Греции, претендентом на трон которой он какое-то время считался. Муж — Шарль Мартен Пермон, поставщик армии, а затем гражданский губернатор Корсики. Семья состояла в дальнем родстве с Бонапартами, в их доме умер отец Наполеона. Дочь — Лаура, герцогиня д'Абрантес (см.). 62, 71, 462

Конде (Condé), Луи-Жозеф де Бурбон, 8-й принц Конде (1736–1818), французский военный. Из рода Бурбон-Конде, потомков дяди Генриха IV. Участвовал во второстепенных сражениях Семилетней войны, талантливым полководцем не считался. Возражал против разгона парламента канцлером Мопу, за это в последние годы Людовика XV был в отставке. В собрании нотаблей (1787) выступал против ограничения прав дворянства и духовенства. Покинул Францию в 1789 г., с 1791 г. приступил к организации «армии эмигрантов». Этот корпус участвовал в войне 1-й коалиции, но не достиг особых успехов. После мира в Кампо-Формио (1797) корпус перешел на русскую службу, воевал в Швейцарии, затем (в составе армии Суворова) в Италии. После выхода России из коалиции корпус перешел на австрийскую службу, а в 1801 г., по условиям Люневильского мира, был распущен. После этого Конде жил в эмиграции в Англии, во Францию вернулся вместе с Людовиком XVIII. 85, 106, 463

Кондорсе (Condorcet), Никола, маркиз де (1743–1794), философ и математик. Считается родоначальником теории прогресса (позднее сочинение «Очерк исторической картины прогресса человеческого духа»). Во время Революции был близок жирондистам. В марте 1794 г. был арестован, покончил жизнь самоубийством в тюремной камере (как предполагается, отравился ядом, который всегда носил в перстне). 97

Констан (Constant), Бенжамен (1767–1830), французский писатель и публицист, уроженец Лозанны. В 1794–1807 гг. — фактический муж г-жи де Сталь. С 1796 г. активно участвовал в политической жизни Франции. Во время Ста дней Наполеон поручил ему разработать «Дополнительный акт» к конституции, вошедший в историю как «бенжаменовский акт». Мировую известность ему принес роман «Адольф». 301, 320, 321, 324, 325, 436

Констебль, старший брат Шелдонов. 82

Крамер (Cramer), Иоганн-Баптист (1771–1858), пианист и композитор. 435

Кристиан VII Безумный, король Дании (1766–1808). 378

Крой (Сгоў), герцог де — см. Авре, герцог д'.

Крой (Сгоў), Фернан (Фернан-Виктор-Филипп) де (1791–1865), второй сын герцога Огюста-Луи де Крой. Женат на Анне-Луизе-Констанции, дочери принца Э.-М. де Крой-Сольр. 396

Крой-Сольр (Croÿ-Solre), Эмманюэль-Максимильен, принц де (1768–1848), генерал-лейтенант, пэр Франции. Женат на своей кузине: Аделаида-Мария-Луиза-Жюстина-Жозефина, принцесса де Крой (1768–1846). 396

Куад, парижский хирург. 104, 110

Куаньи (Coigny), Жан-Филипп, шевалье де (1743 — ок.1806), французский офицер, с 1784 г. лагерный маршал. 83, 92, 99, 100

Куаньи (de Franquetot de Coigny), Габриэль Огюстен де Франкто, граф де (1740–1817), брат герцога де Куаньи, отец Эме де Куаньи. 83, 92, 99, 100

Куаньи (de Franquetot de Coigny), Франсуа Анри де Франкто, 2-й герцог Куаньи (1737–1821). 83, 92, 99, 100

Куаньи, Эме (Coigny, Aimée, 1769–1820), полностью Анна Франсуаза Эме де Франкто де Куаньи, герцогиня де Флери, позже графиня де Монрон, придворная дама и хозяйка салона. В 1791 г. эмигрировала, но затем вернулась в Париж. В 1793 г. арестована и заключена в тюрьму Сен-Лазер. Здесь ее встретил Андре Шенье, воспевавший ее как «юную пленницу» (la Jeune Captive). После 9 термидора освобождена и вернула прежнее место в свете. В этот период сблизилась с Талейраном, а в эпоху Империи — с роялистами. 43

Куртей (Courteilles), де, мать Мелани де Куртей — см. Фио де Ла Марш, Мадлен Мелани.

Куртей (Courteilles), Мадлен Мелани Генриетта де Барбери де (1745–1804), жена графа Э. де Рошешуар. 108

Куртиврон, де, французский эмигрант. 164

Контней — видимо, Марботен де Контней (Marbotin de Conteneuil), Маргарита-Генриетта, урожд. де Шавай де Фужера (de Chavailles de Fougeras), дочь советника парламента в Бордо, жена Жака-Франсуа де Марботен-Контней. 373, 377

Кюрзе (Cuzay), маркиз де, отец Сесиль Терезы де Монконсей. 69

Кюстин (Custine), маркиз Астольф де, французский писатель и путешественник. Внук генерала Адама де Кюстина, командовавшего Рейнской армией и казненного во время Террора. Убежденный монархист и сторонник наднациональной церкви. Опубликовал путевые заметки об Англии, Швейцарии, Испании (на них ссылается автор данных мемуаров) и др. Наиболее известен книгой «Россия в 1839 году», в которой весьма критически описал Николая I и российские высшие слои его времени. 308

Л

Ла Люцерн, Мари Аделаид де, урожд. Ангран д'Аллере (Angran d'Alleray), жена С.А. де Ла Люцерн. 133

Ла Люцерн, Сезар Анри де (César Henri de La Luzerne, 1737–1799), генерал-лейтенант, генерал-губернатор Подветренных островов (1785–1787); морской министр (1787–13 июля 1789, 16 июля 1789–1790). 133

Ла Мардель, де, генеральный прокурор в Амьене в 1813 г. 418

Ла Марк, граф де — см. Аренберг, Огюст.

Ла Марк, Гийом I де (Guillaume I de La Marck, Wilhelm I von der Marck), по прозвищу Арденнский Вепрь (le Sanglier des Ardennes, 1446–1485), феодальный сеньор из Льежа, известный своими разбоями и участием в феодальных войнах. Предок многих аристократических фамилий Бельгии, в том числе герцогского дома Аренберг. 389

Ла Пажери — см. Таше де Ла Пажери

Ла Рош Эймон (La Roche-Aymon), Шарль-Антуан де (1697–1777), кардинал с 1771 г., до этого архиепископ Нарбоннский (1752–1763), с 1763 г. архиепископ Реймский и примас Франции. 51

Ла Сипьер, де, офицер корпуса телохранителей. 347

Ла Тур дю Пен (La Tour du Pin), г-жа Жозеф де, кузина автора, упоминается автором как «бедная родственница». 380, 384

Ла Тур дю Пен (La Tour du Pin), граф Жан-Фредерик де (1727–1794), отец Фредерика-Серафена, свекор автора. Генерал, депутат Генеральных штатов. Военный министр Франции (август 1789 — ноябрь 1790). Отдал генералу Буйе приказ о подавлении восстания солдат в Нанси. 15, 47, 60, 62, 68, 69, 72, 79, 82, 127, 130–132, 135, 137, 140–142, 150–152, 154, 160, 166–168, 172, 175–177, 184, 188, 190, 200, 196, 207, 317, 318, 443, 468

Ла Тур дю Пен (La Tour du Pin), свекровь автора — см. Монконсей (Monconseil), Сесиль Маргарита Серафина де Гино.

Ла Тур дю Пен (La Tour du Pin), маркиза де — предположительно Жанна-Магдалена Бертен (1727–?), сестра маркизы д'Оссен. В 1748 г. она вышла замуж за маркиза Филиппа-Антуана-Габриэля-Шарля де Ла Тур дю Пен Гуверне (1723–1794). 84

Ла Тур дю Пен (La Tour du Pin), урожд. Диллон, Генриетта-Люси, маркиза де Ла Тур дю Пен Гуверне (1770–1853), автор представленных мемуаров (passim). 3–232, 249–458, 476

Ла Тур дю Пен (La Tour du Pin), Фредерик-Серафен, граф де Гуверне, маркиз де (1759–1837), муж автора. 6, 8, 11, 15, 18, 47, 60–62, 67–83, 90–95, 100, 102–107, 110, 112, 117, 122, 127–130, 133–148, 150, 153, 156, 162, 163, 165, 166, 169–175, 179, 183–200, 206–208, 211, 212, 214, 216–231, 251–255, 262, 263, 266, 271, 272, 275, 276, 279–286, 291, 292, 299–306, 310, 311, 313–320, 324–340, 343–346, 351–360, 363–381, 384–392, 395, 397, 399–432, 435, 438–451, 453, 457, 462

Ла Тур дю Пен (La Tour du Pin), Юмбер Фредерик де (1790–1816), сын автора. 7, 8, 18, 150, 152, 169, 179, 180, 192, 195, 225, 249, 252, 274, 281, 287, 294, 299, 305, 319, 321, 329–331, 334, 342, 348, 349, 353, 355, 357, 363,

364, 371, 374, 380, 387, 390, 391, 395, 397, 400, 401, 404, 405, 408, 412, 416, 418, 423, 424, 427, 428, 430, 432–434, 437–439, 445, 450–452

Ла Тур дю Пен Гуверне (La Tour du Pin Gouvernet), Сесиль (1800–1817), дочь автора. 7, 17, 350, 364, 367, 370, 385, 412, 418–420, 425, 431, 434, 439, 440, 445, 450, 453–456

Ла Тур дю Пен Гуверне (La Tour du Pin Gouvernet), Сесиль де, маркиза де Ламет, сестра мужа автора, первая жена О. Ламета — см. Ламет (Lameth), маркиза де

Ла Тур дю Пен Гуверне (La Tour du Pin Gouvernet, де Лидекерке Бофор), Шарлотта де (1796–1822), дочь автора. Муж (с 1813) — нидерландский камергер и дипломат Огюст де Лидекерке Бофор (Liedekerke Beaufort, 1789–1855). 7, 8, 18, 311, 316, 319, 325, 342, 348, 353, 355, 364, 370, 371, 373, 374, 376, 385, 400, 408, 411, 412, 417–420, 429–431, 433, 440–442, 446, 453, 456

Ла Турдю Пен-Монтобан (La Tour du Pin-Montauban), Луи Аполлинер де (1744–1807), кузен Ж. Ф. де Ла Тур дю Пен Гуверне. В 1777–1783 гг., после аннексии Францией Лотарингии и возведения Нанси в ранг епархии, — первый епископ Нанси, затем архиепископ Ошский (1783–1801). При Наполеоне — архиепископ Труа (1801–1802). 66, 462

Ла Тур Мобур (de Faÿ de La Tour-Maubourg) — полковник, позже генерал. Один из трех братьев: Шарль-Сезар (1756–1831), либо Виктор (1768–1850), либо Жюст-Шарль (1774–1846). 166, 178, 469

Ла Тур Мобур, Виктор (Мари Виктор Никола) де Фай де (Charles-César de Faÿ de La Tour-Maubourg, 1768–1850), кавалерийский военачальник. Брат Шарля-Сезара и Жюста-Шарля де Ла Тур-Мобур. В 1802–1805 г. — командир конно-егерского полка, за битву при Аустерлице произведен в генералы. Участник Бородинского, Дрезденского и Лейпцигского сражений, военный министр в 1819–1821 гг. 367

Ла Туш (La Touche), Александр Ле Вассор де Ла Туш де Лонгпре, сын второй жены Артура Диллона от первого брака (по некоторым источникам, от Александра де Богарне). 324, 330, 334–336, 346, 461

Ла Туш (La Touche), графиня де — см. Диллон, Лаура.

Ла Туш (La Touche), Элизабет (Бетси) Ле Вассор де Ла Туш де Лонгпре (Elisabeth (Betsy) Le Vassor de La Touche de Longpré, 1775–1808), дочь второй жены Артура Диллона от первого брака. В 1798 г. вышла замуж за Эдуарда Фиц-Джеймса (1776–1838). 47, 55, 56, 256, 324, 329, 330, 334, 335, 384, 388, 392, 461

Лаборд (Laborde), или Делаборд, Жан-Жозеф (1724–1794), финансист и меценат, придворный банкир Людовика XV, друг и приближенный Шуазеля. Глава Индийской компании, во время войны за независимость США предоставил 12 миллионов ливров на снаряжение французской

экспедиции. В 1784 г. получил титул маркиза за заслуги перед короной. Известен биржевыми спекуляциями и великолепными постройками. Казнен во время Террора как бывший банкир короля. 152, 167

Лаборд (Laborde), Натали де (1774–1835), дочь банкира Ж.-Ж. Лаборда, жена Шарля де Ноайля. 152, 166

Лаваль, Ги-Андре-Пьер, де Монморанси-Лаваль, герцог де (1723–1798), маршал Франции, участник войны за австрийское наследство и Семилетней войны. Во время Революции остался в Париже. 66

Лаваль, Ги-Мари-Анн-Луи де Монморанси, маркиз де (†1786), старший брат Адриана де Лавалья, капитан в полку короля, муж Полины Вуайе д'Аржансон. 62

Лаваль, Мари-Луиз де Монморанси-Люксембург, герцогиня де (1750–1829), мать Адриана де Лавалья. 62

Лаваль, маркиз, затем герцог Адриан де (Anne-Adrien-Pierre de Montmorency-Laval, 1768–1837), французский дипломат. Во время Революции и Империи в эмиграции. В 1814 г. одним из первых выехал в Кале для встречи Людовика XVIII, от которого тогда же получил титул принца. Позже был послом в Мадриде, Вене, Лондоне и др. 62, 66, 430

Лавессьер, де, член парламента Бордо, казнен во время Террора. 184, 191

Лави (Lavie), Поль-Мари-Арно де (1747–1801), президент Большой палаты парламента в Бордо (с 1768). Депутат Генеральных штатов от дворянства Бордо. Муж Мэри Диллон, дочери Роберта Диллона. 59

Лавор, де, эмигрант, бывший офицер конституционной гвардии Людовика XVI. 302, 311, 313

Лаврентий Римский, св. (ок. 225–258), католический и православный святой. Уроженец Оски (ныне Уэска, в Арагоне), что способствовало его особому почитанию в Испании. В частности, план посвященного ему дворца-монастыря Эскориал (San Lorenzo de El Escorial) выполнен в виде решетки — орудия мученичества св. Лаврентия. 312, 473

Лалли (Lally), Джейн, урожд. Диллон, дочь Теобальда Диллона (7-го виконта), мать Джерарда Лалли. 114

Лалли (Lally), Джерард (Жерар, †1737), ирландский дворянин из графства Голуэй, якобит, отец генерала Т.А. де Лалли-Толлендаля. После капитуляции Лимерика (1691) бежал во Францию вместе с Яковом II. В 1707 г. получил от Старого Претендента титул баронета. С 1708 г. — подполковник в Диллоновском полку. 114, 115

Лалли (Lally), Элизабет Фелисите Клод де (1786–1883), дочь Жерара де Лалли-Толлендаля. Вышла замуж за графа д'О, к которому впоследствии перешел титул графов Лалли. Несколько лет до своего замужества она воспитывалась в семье де Ла Тур дю Пен. 363, 367, 370

Лалли-Толлендаль (Lally-Tollendal), Жерар (Трофим-Жерар), маркиз де (1751–1830), узаконенный внебрачный сын генерала Т. А. Лалли-

Толлендаля. После многолетней борьбы добился оправдания своего отца. В 1789 г. депутат Генеральных штатов от дворянства, умеренный монархист. С октября 1789 г. в эмиграции. Женился на Элизабет-Шарлотте Хэлкетт (1768–1850), от которой имел единственную дочь. Жил с принцессой д'Энен. 82, 104, 112, 114–116, 125, 126, 148, 150, 151, 157, 160–162, 321, 333, 337, 340, 363, 367–373, 387, 395, 404, 421, 422, 439

Лалли-Толлендаль (Lally-Tollendal), Томас Артур де (1702–1766), граф де Лалли, барон де Толлендаль, французский генерал ирландского происхождения, в 1758–1761 гг. губернатор и командующий войсками во Французской Индии. После поражения казнен по ложному обвинению в измене и злоупотреблении властью. 104, 112, 114–116

Ламбаль (Lamballe), Мария-Тереза-Луиза Савойская-Кариньян, принцесса де (1749–1792), подруга королевы Марии-Антуанетты, с 1775 г. управительница дома королевы, оставалась при Марии-Антуанетте до последней возможности, арестована в августе 1792 г. и отправлена в тюрьму Лафорс; погибла во время «сентябрьских убийств» 1792 г. 86

Ламбеск (Lambesc), Шарль-Эжен Лотарингский, герцог Эльбеф, принц де (1751–1825), наследный полковник кавалерийского Королевского немецкого полка (Royal-Allemand). 12 июля 1789 г., с началом восстания в Париже, получил приказ с помощью немецких драгун очистить от толпы площадь перед Тюильри (ныне площадь Согласия), но не смог его выполнить и отступил. После взятия Бастилии был отдан за эти события под суд, но оправдан. В 1789 г. эмигрировал. В дальнейшем служил в Австрии, с 1796 г. фельдмаршал-лейтенант. При Реставрации получил обратно все свои прежние титулы вместе с местом пэра и званием маршала Франции, но, зная свою непопулярность, отказался вернуться. 126, 466

Ламет (Lameth), Александр (Александр-Теодор-Виктор), граф де (1760–1829), Участник войны за независимость США, полковник в армии Рошамбо, ранен при Йорктауне. В 1787 г. участвовал в южном путешествии Екатерины II, о чем упоминает Л.-Ф. Сегюр. Депутат от дворянства в Генеральных штатах, в июне перешел на сторону третьего сословия. На заседании ночью 4 августа — один из инициаторов отмены феодальных прав. Вместе с Барнавом и Дюпором составил «триумvirат», возглавлявший левое крыло Учредительного собрания. После провозглашения республики попытался привести свои войска к повторной присяге королю; потерпев неудачу, вместе с Лафайетом перешел на сторону австрийцев, но был ими арестован. Пробыл в австрийской тюрьме до 1797 г., при Консульстве вернулся во Францию. Барон Империи (1810). Во время Ста дней поддержал Наполеона. При Реставрации — либеральный депутат. Автор «Истории Учредительного собрания». 72, 76, 133, 166, 168, 169, 171, 172, 178, 429–431

Ламет (Lameth), Альфред де (1783–1809), второй сын Огюстена Шарля де Ламет и Сесиль де Ла Тур дю Пен Гуверне, племянник автора. Адъютант Мюрата, затем лейтенант в армии маршала Сульта, погиб в Испании. 83, 361, 374, 375

Ламет (Lameth), маркиза де (или «г-жа») — Сесиль де Ла Тур дю Пен Гуверне, сестра мужа автора, замужем за Огюстеном Шарлем де Ламет. 78, 79, 82, 94, 130, 168

Ламет (Lameth), Огюстен Луи Шарль де, маркиз де Энанкур (Hénencourt, 1755–1837), старший брат А., III. и Т. де Ламетов. В первом браке женат на Сесиль де Ла Тур дю Пен Гуверне, сестре мужа автора. В отличие от братьев, участия в Революции не принимал. При Консульстве — сенатор. 72, 76, 94, 171, 172, 183, 185, 299, 319, 351, 357, 418, 419

Ламет (Lameth), Теодор (Александр-Теодор-Виктор, 1756–1854), военный и политик. Брат О., А. и III. де Ламетов. Депутат Законодательного собрания от департамента Юра (1791). Один из семи депутатов, голосовавших против объявления войны Австрии. В 1793 г. снят с командования войсками и бежал. Вернулся при Консульстве, но в политике больше не участвовал. 72, 76, 171, 172

Ламет (Lameth), урожд. Брольи (de Broglie), Мария-Тереза де (1732–1819), сестра маршала де Брольи, с 1751 г. замужем за Луи Шарлем де Ламет (1723–1761). Мать братьев Ламетов: Огюстена, Александра, Теодора и Шарля-Мало. 171

Ламет (Lameth), Шарль-Мало-Франсуа де (1757–1832), французский военный и политик, сторонник конституционной монархии. Участник войны за независимость США, ранен при осаде Йорктауна. Депутат Генеральных штатов от дворянства провинции Артуа. В 1790 г. ранен шпагой на дуэли с маркизом де Кастри. Председатель Законодательного собрания (5 июля 1791). После эмиграции брата Александра был арестован, но сумел бежать в Гамбург. Вернулся в 1797 г., но вновь изгнан после переворота 18 фрюктидора, вернулся после 18 брюмера. При Реставрации — генерал-лейтенант, при Июльской монархии — депутат. 72, 76, 166, 168, 169, 171, 172, 203

Ланжерон (Langeron), граф Александр Луи Андро (Александр Федорович, 1763–1831), русский полководец и администратор, генерал от инфантерии. С 16 лет во французской армии, участвовал в войне за независимость США. Эмигрировав в 1790 г., сразу же принят на русскую службу. Участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг., трех русско-турецких (1787–1791, 1806–1812, 1828–1829) и в наполеоновских войнах. Участвовал во взятии Парижа в 1814 г., но нашел, что за годы революции Франция слишком изменилась, и вернулся в Россию. Градоначальник Одессы в 1816–1820 гг., новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1815–1822). Умер в Петербурге от холеры, погреб-

бен, по его собственной воле, в Одессе. Его имя носит район, две улицы и пляж в Одессе. 109

Ланнуа (Lanrou), Кретъен Жозеф Эрнест Грегуар, граф де Ланнуа, де Ла Моттери и де Либерши (1731–1822), по прозвищу «красавец Ланнуа». При Империи — сенатор. Женат на урожд. де Мерод, отец г-жи де Беранже. 404

Лансинг, Генри, фермер из Олбани. 271, 272

Лансинг, фермерский род из Олбани, штат Нью-Йорк. 270

Лаперуз (La Pérouse), Жан Франсуа де Гало, граф де (1741 — ок. 1788), французский мореплаватель. В 1785 г. возглавил французскую кругосветную экспедицию, в ходе которой открыл ряд географических объектов (в том числе пролив между Сахалином и Японией, носящий его имя). В 1788 г. экспедиция погибла у Новых Гебрид.

Ларошжаклен (La Rochejaquelein), Виктоар де Дониссан де (1772–1857), известна также как маркиза де Лескюр (Lescure), маркиза де Ларошжаклен — по мужу (с 1802). Участница роялистского восстания в Вандее, позже в эмиграции, вернулась при Консульстве. Автор знаменитых мемуаров. 20, 364, 395, 405, 476

Ларошфуко (Ларошфуко-Ланжак), Доминик де (1712–1800), архиепископ Альби с 1749, Руанский с 1759 г., кардинал с 1778 г., командор ордена Св. Духа с 1780 г. Депутат Генеральных штатов, твердый противник революции, в мае-июне 1789 г. председательствовал в палате духовенства. После 14 июня отказался участвовать в работе Учредительного собрания. После провозглашения республики эмигрировал. 44

Латапи (Latarie), Поль-Альбер-Мари де (1786–?), полковник, приверженец Наполеона. В 1817 г. вместе с другими бонапартистами (включая Руле и Понтекулана) отплыл в Бразилию, якобы для поддержки повстанческой «Республики Пернамбуку». Попав в плен, изложил свой подлинный авантюристический план: с помощью флота Кокрэна и южноамериканских повстанцев вызволить Наполеона с острова Святой Елены и доставить его в Бразилию. 441

Лафайет (La Fayette), Адриана, маркиза де (урожд. Адриана де Ноайль, мадемуазель д'Айен, 1759–1807), жена Ж. де Лафайета. 166, 178

Лафайет (La Fayette), Жильбер, маркиз де (1757–1834). Участник войны за независимость североамериканских колоний Англии (США), начальник штаба Континентальной армии (фактически адъютант генерала Вашингтона), с 1778 г. командующий Северной армией. Участник многих сражений, в том числе взятия Йорктауна. Автор первого проекта «Декларации прав человека и гражданина». В 1789–1791 гг. командующий Национальной гвардией. После расстрела на Марсовом поле (июль 1791) его популярность резко упала. После низложения короля перешел к австрийцам, но был ими арестован и провел 5 лет в тюрьме. Во Францию

вернулся при Консульстве, но с Наполеоном не сотрудничал. При Реставрации — в либеральной оппозиции (радикальный либерал и орлеанист). Во время Июльской революции (1830) вновь возглавил Национальную гвардию и решил исход борьбы в пользу Луи-Филиппа. 126, 130, 134, 136, 138, 139, 142–144, 150, 155, 158–160, 166, 168, 169, 171, 178, 179, 257, 291, 357, 367

Лафарж, Мари-Фортюне, урожд. Капель (Cappelle, Capelle-Lafarge, 1816–1852), обвиняемая по делу об отравлении мышьяком своего мужа Шарля Лафаржа, женившегося на ней ради приданого (1840). Дело вызвало широкий общественный резонанс, у обвиняемой было много сторонников, включая Жорж Санд. Впервые в истории приговор был вынесен на основании научной токсикологической экспертизы, в истории которой он сыграл заметную роль. Написала в тюрьме книгу воспоминаний, амнистирована незадолго до смерти в связи с неизлечимой болезнью. 117, 120

Ле Термелъе, майор, командир полка гвардейских егерей. 419, 424

Лебрен, свидетель на свадьбе генерала Бертрана и Фанни Диллон. 395

Левис (Lévis), Полина Луиза Франсуаза де Поль д'Эннери, герцогиня де (1771–?), жена Пьера Марка Гастона де Левис, поклонница Шатобриана. 333, 404

Леже (Lejay), Луи Лоран Эдме, издатель книг Мирабо, первый муж Анны-Элизабет Марэ. 386

Лейнстер, Джеймс Фиц-Джеральд (1722–1773), 1-й герцог Лейнстер (с 1766). 119

Ленорман, случайный спутник автора на обратном пути в Европу. 302

Леонар (Léonard), мсье Леонар, полное имя — Леонар-Алексис Отье (Autié или Autier ок. 1751–1820), известный парижский куафер (парикмахер) и стилист. В Париже с 1769 г., с 1772 г. — парикмахер Марии-Антуанетты. Основал академию стиля прически (Académie de coiffeur), издавал «Дамский журнал». В 1792 г. эмигрировал в Россию, во Францию вернулся в 1814 г. 89, 111

Леопольд I, король Бельгии (1831–1865) из Саксен-Кобург-Готской династии. 440

Лианкур (Liancourt), Франсуа Александр Фредерик, герцог де Лианкур, затем (с 1792) 7-й герцог де Ларошфуко (1747–1827), французский политик и филантроп, один из зачинателей социальной политики во Франции. Именно ему принадлежит знаменитый ответ королю в ночь после взятия Бастилии: «Но ведь это бунт?» — «Нет, Ваше Величество, это революция». Член Учредительного собрания, где выступал за социальную политику. После провозглашения Республики покинул Францию и вернулся только после Реставрации. В 1799 г. опубликовал книгу путевых заметок «Путешествие в США в 1795, 1796 и 1797 гг.», на которую ссылается автор данных мемуаров. 24, 274, 284–286

Лидекерке Бофор (Liedekerke Beaufort), граф Эймар Мари Фердинанд де (1846–1909), полковник французской службы, правнук автора мемуаров. 8, 458

Лидекерке Бофор (Liedekerke Beaufort), Иларион, граф де (1762–1841), член верхней палаты в Соединенном королевстве Нидерландов, гофмаршал. Отец О. де Лидекерке Бофор, мужа Шарлотты де Ла Тур дю Пен, дочери автора. 391, 411, 433

Лидекерке Бофор (Liedekerke Beaufort), Огюст (Флоран Шарль Огюст), граф де (1789–1855), префект департамента Сомма при Наполеоне, затем посол Нидерландов в Швейцарии, позже полномочный министр Бельгии в Риме. Муж Шарлотты де Ла Тур дю Пен Гувэрне. 384, 391, 397, 408, 411–413, 429, 442, 446, 456

Лидекерке Бофор (Liedekerke Beaufort), Сесиль-Клэр-Серафин де (1818–?), внучка автора, дочь Шарлотты де Лидекерке Бофор, воспитывалась автором после смерти матери. 355

Лидекерке Бофор (Liedekerke Beaufort), Шарлотта де — см. Ла Тур дю Пен Гувэрне, Шарлотта де.

Лидекерке Бофор, Аделен, граф де (Hadelin Stanislas Humbert de Liedekerke Beaufort, 1816–1890), сын Огюста де Лидекерке Бофор и Шарлотты де ла Тур дю Пен Гувэрне (внук автора), бельгийский политический и культурный деятель. 8, 458

Личфилд, 4-й лорд, Роберт Ли (1706–1776). 35, 222, 332

Логборо (Loughborough), Александр Уэддерберн, граф Росслин, лорд Логборо (1733–1805), шотландский юрист и политик. 151

Лозен (Lausun), Мария-Амелия, урожд. де Буффлер (Boufflers, 1751–1794), с 1788 г. герцогиня де Бирон, жена Армана-Луи де Лозена. Была воспитана бабкой по отцовской линии Мадлен Анжеликой де Нефвиль де Виллеруа (1707–1787) (во втором браке замужем за Шарлем-Франсуа де Монморанси, маршалом и герцогом де Люксембург), поклонницей и покровительницей Ж.-Ж. Руссо. Руссо упоминает о ней в своей «Исповеди». В 1791–1792 гг. дважды эмигрировала, но затем возвращалась, чтобы ее имущество не было конфисковано; попала под подозрение и во время Террора была казнена. 92, 98

Лозен (Lauzun), Арман-Луи, граф де Гонто-Бирон, герцог де (1747–1793), с 1788 г. герцог де Бирон, французский генерал. Участник войны за независимость США. В Генеральных штатах объявил себя либералом, примкнул к орлеанистам. Во время Революции под именем генерала Бирона командовал Северной, а затем Рейнской армией. В 1793 г., во время подавления восстания в Вандее, был обвинен в измене и казнен. 24, 28, 92, 98, 360

Ломени де Бриенн (Loménie de Brienne), Этьен Шарль де (1727–1794), архиепископ Тулузы (1763–1788), затем Санса, кардинал (1788–1791). Генеральный контролер (министр) финансов (1787–1788), предпринял

последнюю попытку поправить государственные финансы без помощи Генеральных штатов. Присягнул революционному Гражданскому устройству духовенства. В 1791 г. отлучен папой от церкви, в 1793 арестован революционными властями, умер сразу после ареста. 48, 101

Лоне (de Launay, по-русски иногда Делоне), Бернар Рене, маркиз де (1740–1789), последний комендант Бастилии (1776–1789). Во время штурма Бастилии командовал обороной крепости, отдал приказ стрелять в толпу; после взятия крепости был арестован и убит. 126

Лоу (Law), брат лорда Лэндаффа, спутник Талейрана в его путешествии по США. 261, 266–268, 287, 288, 290–292

Луазо (Loiseau), подпоручик, начальник бюро национальной гвардии в префектуре Диль. 395, 403

Лудольф (Ludolf), Вильгельмина Констанция — см. Сен-При (Saint-Priest), графиня де.

Лузиньян (Lusignan), маркиз Юг-Тибо-Анри-Жак де Лезе де (1749–1814), депутат от дворянства в Генеральных штатах, затем депутат Учредительного собрания, конституционный монархист. Эмигрировал в 1790, исключен из списка эмигрантов в 1800. 138

Луи (Louis), Жозеф-Доминик («барон Луи», 1755–1837), французский политик и дипломат. Министр финансов при Реставрации и Июльской монархии (апрель 1814 — март 1815, июль–сентябрь 1815, 1818–1819, 1830, 1831–1832). 429, 439

Луи-Филипп I (1773–1850), последний французский король (1830–1848) из Орлеанской династии. Сын Филиппа Эгалите, до восшествия на престол носил титул герцога Орлеанского. В мемуарах упоминается как герцог Шартрский (перед Революцией). 13, 20, 113, 118

Лукан (Lucan), Ричард Бингем, лорд (1799), 2-й граф Лукан (1764–1839), пэр Ирландии, английский политик (тори). 438

Льяно (Llano), граф де, испанский посланник в Гааге в 1791 г. 173

Лэнгтон (Langton), Кармен 1773–?), младшая дочь Майкла и Марии Лэнгтонов. Вышла замуж за испанского дворянина Бласа де Аранса. 299, 304, 310

Лэнгтон (Langton), Майкл (1737–1810), английский купец, выходец из мелкого ирландского дворянства, живший в Кадисе. В 1809 г. большая часть семьи Лэнгтонов вернулась в Англию и обосновалась в Бате. 299, 304, 306, 309

Лэнгтон (Langton), Мария (†1821), сестра генерала Теобальда Диллона, жена купца Майкла Лэнгтона. 304, 310

Любомирская (Lubomirski), Розалия, урожд. Ходкевич, княгиня (1768–1794), жена киевского кастеляна Александра Любомирского, известна как одна из красивейших дам своего времени. В 1792 г. окончательно переехала из Варшавы в Париж. Казнена во время Террора. 104, 113

Людовик IX Святой, король Франции (1226–1270). 78, 106, 130, 136, 137, 154, 395, 399, 429, 436, 467

Людовик XI, король Франции (1461–1483). 399

Людовик XIV Великий, король Франции (1643–1715). 30, 52, 62, 65, 69, 108, 116, 140, 142, 148, 207, 399, 460, 463

Людовик XV Возлюбленный (*le Bien-Aimé*), король Франции (1715–1774). 12, 30, 31, 40, 66, 69, 115, 126, 187, 399, 463

Людовик XVI (1754–1793), король Франции (1774–1792), казненный во время революции. 6, 15, 19, 23, 28, 148, 171, 186, 302, 399, 462, 463, 466–469

Людовик XVII — Луи-Шарль (1785–1795), второй сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты. После смерти старшего брата Луи-Жозефа стал дофином, после казни короля роялисты признали его Людовиком XVII. Сохранился в Тампле («узник Тампля»), умер в 10 лет от туберкулеза. 139

Людовик XVIII, король Франции (1814–1824, с перерывом на «Сто дней» в 1815). До 1795 г. носил титул графа Прованского. 19, 75, 88, 171, 210, 338, 346, 396, 425, 429, 444, 462, 468, 473, 477

Людовик Жозеф («первый дофин», 1781–1789), старший сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Умер в семилетнем возрасте от туберкулеза. 467

Люинь (*Luynes*), Полина-Гортензия д'Альбер де (1774–1858), жена Матье де Монморанси-Лавалья (1788), придворная дама Марии-Антуанетты. 86, 187

Люксембург (Монморанси-Люксембург, *Montmorency-Luxembourg*), Шарль-Франсуа Фредерик II де (1702–1764), маршал Франции. Женат вторым браком на М.А. де Невилль де Вильруа. 27, 97, 98

Люксембург, мадемуазель де — см. Монморанси-Люксембург, Бонна Шарлотта Рене Аделаида.

М

Мадам, почетное титулование жены Месье (старшего из братьев короля). С 1774 г. его носила Мария Жозефина Савойская (1753–1810), жена графа Прованского, будущего Людовика XVIII. В 1795 г., когда она формально стала королевой (в изгнании), титул Мадам перешел к ее сестре Марии Терезе Савойской, жене графа д'Артуа (будущего Карла X), а после ее смерти (1805) не использовался. Кроме того, Мадам (с указанием имени) могли именоваться ближайшие родственницы короля. В последних главах данных мемуаров под Мадам, видимо, имеется в виду герцогиня Ангулемская (см.). 5, 88, 95, 139, 142, 146, 156, 159, 170, 171, 265, 425–427

Мадей, хозяйка бостонского дома, где одно время жила семья автора. 255

Мадемуазель — титул дочери старшего из братьев короля. Здесь — Аделаида Орлеанская (1777–1847), дочь Филиппа Эгалите. 117

Мазарини, Луиза Жанна де Дюрфор де Дюрас, герцогиня де (1735–1781), французская аристократка и меценатка. 49

Майе (Maillé), Генриетта Виктория, герцогиня де (1770–1809), дочь Жака-Шарля Бервика, 5-го герцога Фиц-Джеймс (1743–1805), генерала на французской службе, придворная дама Марии-Антуанетты с 1788 г. Жена (с 1784) Шарля де Майе де ла Тур-Ландри, герцога де Майе (1770–1837). 86, 130, 139

Майе (Maillé), герцог де — Шарль де Майе де ла Тур-Ландри (Charles de Maillé de La Tour-Landry, 1770–1837), второй герцог де Майе, приближенный графа Прованского (gentilhomme de la chambre de Monsieur). Эмигрировал вместе с принцами, вернулся в 1801 г. для улаживания семейных дел. 139

Макартни (Macartney), Джордж (1737–1806), английский дипломат и колониальный администратор. В 1764 г. вел переговоры в Петербурге с Н. А. Паниным о союзе северных держав, направленном против франко-австрийского сближения. В 1776–1779 гг. губернатор Гренады; после морского сражения при Гренаде остров был взят Диллоновским полком, а губернатор сдался, исчерпав все возможности сопротивления. 56

Мак-Харти, ирландский купец. 59

Маланден, майор, убивший на дуэли Юмбера де Ла Тур дю Пен. 450–452

Мале, де, командир национальной гвардии в Руссе. 150, 158

Малез, начальник полиции в Брюсселе во времена Наполеона. 417

Малуэ (Malouet), Пьер Виктор де (1740–1814), администратор и публицист. Депутат Генеральных штатов от третьего сословия, монархист. В 1792–1801 гг. в эмиграции, при Наполеоне восстановлен на службе. Член Государственного совета (1810–1812), барон (1810). При первой Реставрации — морской министр (с мая 1814 до смерти спустя четыре месяца). 340, 363, 371, 372, 380, 391, 400–403

Мальдегем (Maldeghem), Мария Луиза (1785–1844) — см. Тразеньи, Мария Луиза.

Мальсень (Malseigne), Франсуа-Ксавье-Жозеф Гюйо де Мальсень, маркиз де Маиш (Guyot de Malseigne, marquis de Maïche, 1759–1824), генерал. В августе 1790 направлен Лафайетом из Безансона в Нанси для наведения порядка, но был арестован восставшими солдатами.

Мандини, итальянский бас. 110

Марбеф (Marbeuf), Ив Александр де (1734–1799), епископ Отёнский (1767–1788), затем архиепископ Лионский (с 1788). В 1791 г. эмигрировал. 155

Марботен де Контней (Marbotin de Conteneuil), Жан-Франсуа, советник парламента Гиени (1768), в 1789 г. член генеральной ассамблеи дворянства в Бордо. Барон Империи (1810), президент палаты имперского суда в Бордо с 1811 г., затем президент королевского суда в Бордо с 1816 г. 363, 372

Маргарита, служанка и подруга автора. 5, 7, 12, 23, 26, 34–36, 104, 110, 146, 147, 156, 165, 176, 179, 180, 195, 210, 214, 215, 222, 225, 311, 316, 317, 319, 324, 327, 328, 338, 342, 353, 355, 356, 363, 364, 371

Маре (Maret), Мари Мадлен, урожд. Лежеас-Карпантье (Legéas-Carpentier, 1780–1827), дочь мэра Дижона Мартена Лежеас-Карпантье, жена герцога Бассано (Юг-Бернар Маре), фрейлина императрицы Жозефины, а затем Марии Луизы. 378, 379, 393, 394, 436

Маре (Maret), Юг-Бернар (1763–1839), французский дипломат и журналист. При Учредительном собрании издавал его печатный орган — «Бюллетень собрания». В 1792 г. назначен послом Франции в Неаполь, но по дороге был пленен австрийцами и лишь в 1795 г., вместе с другими французскими заложниками, был обменян на Марию Терезу (Madame Royale), дочь Людовика XVI и Марии-Антуанетты. При Наполеоне — его личный секретарь, герцог Бассано (1809), министр иностранных дел (1811–1813). При Реставрации в изгнании до 1820 г., при Июльской монархии — пэр Франции. 376, 377, 380, 392, 395

Мария-Антуанетта, урожд. Мария Антония Йозефа Иоганна Габсбург-Лотарингская (1755–1793), королева Франции. Дочь императора Священной Римской империи Франца I Стефана Лотарингского и Марии Терезии, эрцгерцогини Австрийской и королевы Богемской и Венгерской; сестра императоров Иосифа II (1780–1790) и Леопольда II (1790–1792). С 1770 г. замужем за Людовиком XVI. Казнена во время Террора. 5, 6, 12, 13, 15, 23, 24, 29, 34, 35, 43, 63, 67, 70, 72, 77, 79, 80, 82, 84–89, 91–93, 96, 102–106, 113, 117, 121, 123, 130, 135, 136, 138, 139, 141, 142, 144, 145, 147, 150–156, 170, 171, 184, 194, 196, 205, 216, 321, 386, 465

Мария Кристина Йоханна Йозефа Антония Саксен-Тешенская (1742–1798), эрцгерцогиня, дочь императора Франца I Стефана Лотарингского и императрицы-королевы Марии Терезии. В 1781–1792 гг. фактически управляла Австрийскими Нидерландами вместе с мужем. 34, 37, 166, 176

Мария Терезия (Maria Theresia), императрица Священной Римской империи (1745–1780, по браку с Францем I Стефаном Лотарингским) и наследственная правительница владений Габсбургов: королева Богемии и Венгрии, эрцгерцогиня Австрии и др. Мать императоров Иосифа II и Леопольда II и королевы Марии-Антуанетты. 409

Мария Феодоровна (София Мария Августа Луиза Доротея Вюртембергская, 1759–1828), вторая жена Павла I, российская императрица (с 1796), мать императоров Александра I и Николая I. 5, 34, 37, 460

Мария, дочь рабыни Джудит. 300

Мария-Луиза (Marie-Louise von Österreich, 1791–1847), эрцгерцогиня, дочь императора Франца II (I), вторая жена Наполеона, императрица Франции (1810–1814). В 1816–1847 гг. герцогиня Пармская. Во втором браке (1821) за фельдмаршал-лейтенантом Адамом Альбертом фон Нейпергом (1775–1829), в третьем (1834) за графом Бомбелем. 18, 395–398, 408, 498

Мария-Луиза Бурбон-Пармская (1751–1819), испанская королева, жена Карла IV. Фактически управляла страной с помощью своего фаворита М. Годоя, «Князя мира». Ф. Гойя написал целую серию ее портретов; ему же принадлежит карикатура на нее — лист 55 из серии «Капричос» («До самой смерти»), где в образе молодящейся 80-летней старухи угадываются черты королевы. С 1808 г. в изгнании вместе с мужем и Годоем. 246, 381

Мармонтель (Marmontel), Жан Франсуа (1723–1799), романист, драматург, философ и поэт. Секретарь Академии после смерти д'Аламбера (1783), автор статей по истории литературы в «Энциклопедии». 107

Мартель, негоциант из г. Коньяк. 199, 209, 210, 311, 323

Мартенвиль (Martainville), Альфонс-Луи-Дьедонне Жог де (1777–1830), сын Исаака Жасента Жог де Мартенвиля и Анны Диллон (дочери Роберта Диллона), журналист и драматург (автор талантливых водевилей), убежденный роялист. Уже в 1794 г. предстал перед революционным трибуналом за статью, направленную против закона о «максимуме» (о предельных ценах на продовольствие). В 1818 г. основал газету «Белое знамя», где нападал не только на противников монархии, но даже на умеренных роялистов; после нескольких судебных процессов был вынужден прекратить издание. 59

Мартенвиль (Jogues de Martinville), Исаак Жасент Жог де (1739 — после 1792), сын Луи-Бернара Мартенвиля, поставщика флота в Кадисе. Муж Анны Диллон, отец журналиста Альфонса де Мартенвиля. 59

Марэ (Marais), Анна-Элизабет (ок. 1765–1844), первым браком замужем за издателем Л. Леже, вторым — за графом Луи-Гюставом Ле Дульсе де Понтекуланом. 326, 386

Массена, Андре (1758–1817), маршал Франции. Получил титулы герцога Риволи, а затем князя Эсслингского. После неудачной кампании 1810 г. в Португалии отошел от активной деятельности. 444

Матисен (Matthiessen), Конрад Иоганн (1752–1823), коммерсант из Гамбурга, первый муж Генриетты де Серсей. 119

Матье де Монморанси, графиня де — см. Люинь, Полина-Гортензия.

Мейер, голландский консул в Бордо. 223, 226, 387

Мелгрейв, 1-й барон, Константин Фиппс (1722–1775). 32, 35

Ментенон (Maintenon), Франсуаза д'Обинье, маркиза де (1635–1719), фаворитка Людовика XIV, с 1683 г. в тайном браке с ним. В 1684 г. основала Сен-Сирский приют — первую светскую женскую школу в Европе,

по образцу которой позже был создан Смольный институт в Петербурге. 69, 92, 95, 464

Мерлен из Тионвиля — Мерлен (Merlin), Антуан Кристоф (1762–1833), политический деятель. Член Законодательного собрания и Конвента, где прозван «Мерлен из Тионвиля» для отличия от однофамильца, Мерлена из Дуэ. В этот период был крайне левым радикалом, предложил конфискацию имущества эмигрантов. Участник переворота 9 термидора, после которого занял умеренные позиции. Член Совета пятисот. В 1802 г. голосовал против пожизненного консульства, после чего был вынужден уйти из политики. 418, 420, 423

Мерод (Merode), Жан-Батист Вернер, граф де (1797–1840), сын графа Шарля-Гийома де Мерод фон Вестерлоо и принцессы Бергской, бельгийский политический деятель, участник бельгийской революции 1830 г. 403

Мерод (Merode), графиня де, урожд. принцесса Бергская (Marie Joséphine d'Ongnies, Princesse de Grimberghe, 1760–1842). 398

Мерод (Merode), Шарль Гийом, граф де Мерод фон Вестерлоо (1762–1830), австрийский министр при Иосифе II, мэр Брюсселя, сенатор и граф Империи при Наполеоне, затем гофмейстер в Нидерландах. 398

Мерси-Аржанто (Mercy-Argenteau), Шарль-Жозеф-Бенуа, граф де (1787–1879), жених Сесиль де ла Тур дю Пен, позже титулярный архиепископ Тирский. 453, 455

Месье (Monsieur), при Старом Режиме почетный титул брата короля, следующего за ним по старшинству. Сохранялся пожизненно, кроме случая, когда его носитель сам становился королем. В 1776–1795 гг. этот титул носил граф Прованский Луи Станислас Ксавье. После того, как в 1795 г. он был в эмиграции провозглашен королем Людовиком XVIII, титул перешел к следующему брату — графу д'Артуа, будущему Карлу X. 75, 88, 156, 171, 463

Меттерних (Metternich), князь Клеменс Венцель Лотар цу Меттерних-Виннебург (1773–1859), министр иностранных дел и глава правительства Австрии (1809–1848), государственный канцлер (1821–1848). Один из создателей Венской системы международных отношений и «баланса сил» (европейского равновесия), главный организатор Венского конгресса, один из инициаторов Священного союза. 176

Меттерних (Metternich), князь Франц Георг Карл фон Меттерних-Виннебург (1746–1818), дипломат на службе архиепископа Трира, а с 1773 г. — на австрийской службе, входил в круг приближенных Кауница. Полномочный министр Австрийских Нидерландов до 1794 г.; представлял Австрию на переговорах в Раштатте (1797). Отец канцлера Клеменса фон Меттерниха. 176

Миддлтон, Чарльз, 2-й граф Миддлтон, приближенный Якова II Стюарта. В 1684–1688 гг. государственный секретарь Северного департамента

(в его обязанности входило управление Северной Англией, Шотландией и отношения с протестантскими государствами). Буквально за месяц до «Славной революции», в октябре 1688 г., получил более престижный пост государственного секретаря Южного департамента, ведавший Южной Англией и отношениями с католическими и мусульманскими странами (позже, с 1782 г., Северный департамент стал министерством внутренних дел, а Южный — иностранных). После революции строил планы возвращения престола Якову II, в 1692 г. находился в Тауэре, а затем переехал к якобитскому «двору» в Сен-Жермен-ан-Лэ. Женат на дочери лорда Кардигана (католика). 42

Минк, негр, раб семейства де Ла Тур дю Пен. 261, 271, 272, 284, 297

Мирабо (Mirabeau), Оноре Габриэль Рикети, граф де (1749–1791), один из ведущих деятелей Французской революции на ее первом этапе, крупнейший оратор своего времени. Конфликты с отцом, многочисленные скандалы в личной жизни, крайний радикализм — все это создало ему дурную репутацию, чем и объясняется наблюдение автора: на первом заседании Генеральных штатов никто не хотел садиться с ним рядом. Составил «Декларацию прав человека и гражданина». Незадолго до смерти Мирабо появились слухи, что он получает деньги от королевы и двора, но лишь после захвата Тюильри и обнаружения документов в «железном шкафу» (сейфе короля) это было доказано. 117, 122, 131, 140, 234, 386, 469

Мишель, парижский врач, лечивший мать автора. 34

Мишло (Michelot), Маргерит Катрин, оперная певица, любовница герцога Луи-Анри-Жозефа де Бурбон-Конде (1756–1830), от которого имела двух дочерей. 357

Могол (Великий) — см. Шах Алам II.

Мольд, де, посол Франции в Нидерландах с 1792 г. 166, 175

Мольд, урожд. Салюс, графиня де, фламандская дворянка. 115

Мольер, голландский банкир. 176

Монж (Monge), Гаспар (1746–1818), математик и инженер, член Парижской академии наук (1780), создатель начертательной геометрии. При Революции — морской министр (1792–1793), затем организатор военного производства. Участник египетской экспедиции Бонапарта, президент Египетского института наук и искусств (1798–1799), вернулся во Францию вместе с Наполеоном. При Империи — президент Сената (1806–1807), граф де Пелюз (1807). 365

Монжеру (Montgeroult), Элен, урожд. де Нерво (Nervo), маркиза де (1764–1836), пианистка, композитор и импровизатор. 110

Монкальм-Гозон (Montcalm-Gozon), Арманда-Мария, маркиза де (1777–?), дочь Луи-Антуана-Софи де Виньеро дю Плесси, сводная сестра А.Э. де Ришелье. 109

Монконсей (Monconseil), маркиз Этьен Луи Антуан Гино де (Guinot de Monconseil, 1695–1782), генерал-лейтенант (1748). 62, 69, 70, 207, 318

Монконсей (Monconseil), Сесиль Маргарита Серафина де Гино де, дочь маркиза Этьена Гино де Монконсей (1695–1782), жена Ж. Ф. де Ла Тур дю Пен Гуверне. 62, 68, 69, 72, 78, 79, 82, 84, 443

Монконсей (Monconseil), Сесиль Тереза Полина де, урожд. де Риу де Кюрзе (de Rioult de Curzay, 1707–1787), жена маркиза Э.Л. де Монконсей (1725), бабка мужа автора. Фрейлина Екатерины Опалинской (бывшей польской королевы, жены Станислава Лещинского). Была близка со многими известными людьми своего времени, среди них были лорд Честерфилд, маршал Ришелье и др. 62, 67, 68–70, 72, 73, 78, 84, 97, 100, 207

Монморанси (Montmorency), Рауль (1790–1862), сын герцога Ш. де Монморанси. 396

Монморанси (Montmorency), Шарль (Анн Шарль Франсуа), герцог де. (1768–1846). Эмигрировал, вернулся при Наполеоне. 396

Монморанси-Лаваль (Montmorency-Laval), Матье-Жан-Фелисите де (1766–1826), военный и политик. Депутат Генеральных штатов от дворянства, присоединился к третьему сословию. С 1793 г. в эмиграции, вернулся в 1795. Участник заговора Мале (1812). Пэр Франции (1815), министр иностранных дел (1821–1822), герцог (1822). 62, 187

Монморанси-Люксембург (Montmorency-Luxembourg), Бонна Шарлотта Рене Аделаида де (1773–1840), жена Адриана де Лавалья. 66

Монморен (Montmorin), Франсуаза де Тан, графиня де (1741–1794). Казнена во время Террора. 130, 132, 141

Монморен Сент-Эрем (Montmorin Saint-Hérem) граф Арман Марк де (1745–1792), министр иностранных дел (1787–1789, 1789–1792), государственный министр (1790–1791). Уволен вместе с Неккером, вновь назначен после взятия Бастилии. Монархист, близкий советник короля. После Вареннского кризиса обвинен в соучастии, оправдан, но принужден уйти в отставку. Погиб во время «сентябрьских убийств» 1792 г. 132, 170, 173

Монсож (Montsaugé), Антуанетта (1746–1813), урожд. Буре. 99

Монтазе (Montazet), Антуан де Мальвен де (1713–1788), архиепископ Лионский в 1758–1788. 47, 49

Монталиве (Montalivet), Жан-Пьер Бассашон, граф де (1766–1823), политический деятель, во время Революции – конституционный монархист. Министр внутренних дел в 1809–1814; пэр (1819). 408, 415

Монтескье (Montesquieu), госпожа де, жительница Бордо. 374, 378, 407

Монтескье (Montesquieu), Шарль-Луи де Секонда, барон де (1689–1755), философ, писатель и политический мыслитель, одна из ключевых фигур французского Просвещения. В литературе более всего известен романом «Персидские письма», в политике – сочинением «Дух законов». 378, 421

Монтескью-Фезенсак (Montesquiou-Fézensac), Франсуа-Ксавье-Марк-Антуан де (1757–1832), аббат Болье (1782). Депутат Генеральных штатов от духовенства, голосовал с правыми. В эмиграции с 1792 г. Вернулся после 9 термидора, стал одним из лидеров роялистов в Париже, состоял в переписке с эмигрантским двором. Передал Наполеону письмо от Людовика XVIII, в котором тот советовал первому консулу «пойти по стопам Монка» (английского республиканского генерала, осуществившего в 1660 г. реставрацию Стюартов); после этого был выслан в Ментону (близ Монако), но других преследований не было. При первой Реставрации — министр внутренних дел (май 1814 — март 1815 г.). Пэр Франции (1815). 429, 431

Монтессон, госпожа де (Madame de Montesson), урожд. Шарлотта-Жанна Боро де ла Ай де Риу (1738–1806), парижская аристократка, писательница и хозяйка салона. Овдовев, вступила в тайный брак с герцогом Орлеанским Луи-Филиппом Толстым, отцом Филиппа Эгалите. Во время Террора арестована, но после 9 термидора освобождена. Тетка госпожи де Жанлис. 27, 92, 100, 101, 107, 113, 118, 125, 126, 156, 164, 186, 187, 319–321, 327, 359

Монтолье (Montolieu), Изабелла де, урожд. Элизабет Жанна Полина Полье де Боттен (Polier de Bottens, 1751–1832). Писательница и переводчица, родилась и жила в Лозанне. 164

Монтрон (Montrond) Казимир де (1768–1843), французский дипломат, доверенное лицо Талейрана, глава его «тайного кабинета» (cabinet occulte), поддерживавший, в частности, связи с финансовыми кругами. С 1809 в немилости у Наполеона. Во время Ста дней и при второй Реставрации выполнял сложные дипломатические поручения. 395, 403, 404

Монфермей, госпожа де — вероятно, Катрин Эжени Гайяр де Бомануар, жена Ж.-И.-Л. Окара (Noquart, 1752–1798). 90

Монфермей, сеньор в Монфермее, близ Ливри-Гарган (ныне в департаменте Сена-Сен-Дени), — на тот момент, вероятно, Жан-Иасинт-Луи Окар (Noquart, 1752–1798). 45

Морвиль (Maurville), де, кузина Ф. С. де Ла Тур дю Пен Гуверне. 363, 366, 367, 372, 373, 376, 384, 385, 387, 413, 422

Морен, де, житель Бордо, участник федералистского заговора. 211

Моретон де Шабрийян, комендант Брюсселя, — вероятно, Жозеф-Доминик де Моретон, маркиз де Шабрийян (Moreton de Chabrilan, 1744–1793), кавалерийский офицер, в период Революции — бригадный генерал. 166, 181

Морнингтон (Mornington), Анна Уэлсли, урожд. Хилл-Тревор, графиня Морнингтон (1742–1831), англо-ирландская аристократка. Жена Гаррета Колли Уэлсли, 1-го графа Морнингтона), и мать герцога Веллингтона, победителя при Ватерлоо. 436

Моррис, владелец фирмы в Филадельфии. Скорее всего, имеется в виду Роберт Моррис (1734–1806), американский банкир, получивший

прозвище «Финансист революции», один из «отцов-основателей США». Сенатор от Пенсильвании, единственный в истории этой страны суперинтендант финансов (1781–1784), уполномоченный по морскому флоту (морской министр, 1781–1784). Огромные расходы по финансированию государства в итоге привели его к разорению. 274, 286, 472

Мортемар, Жан-Батист Мари де Рошешуар, принц де Тоннэ-Шарант, герцог де (Victurnien Jean-Baptiste Marie de Rochechouart, prince de Tonnay-Charente puis 10^e duc de Mortemart, 1752–1812), генерал и поэт. Член собрания нотаблей, затем депутат Генеральных штатов от дворянства, поддерживал Неккера; с 1790 г. в отставке, с 1791 г. в эмиграции, воевал в составе «армии принцев». 328

Мортемар, Жан-Виктор де Рошешуар, герцог де (de Rochechouart Mortemart, 1712–1771), отец г-жи де Мортемар. 328

Мортемар, Казимир-Луи-Викторньен, принц де Тоннэ-Шарант (Casimir-Louis-Victurnien, 11^e duc de Mortemart, 1787–1875), сын Ж.Б. де Мортемара. С 1811 ординарец Наполеона. Пэр Франции (1824). В 1828–1830 гг. посол в России, пользовался милостями Николая I. Во время Июльской революции Карл X назначил его премьер-министром (29–30 июля), но вступить в должность он уже не успел. В 1831–1833 гг. вновь посол в России: в 1849 — сторонник Луи Наполеона; при Второй империи — сенатор. 328

Мортемар, Натали-Генриетта-Викторньенн де Рошешуар (Nathalie-Henriette-Victurnienne de Rochechouart Mortemart, 1774–1854), младшая внучка герцога Ф.-А. д'Аркура, жена камергера М.-Э. де Бово-Краона, придворная дама императрицы Марии Луизы. 328

Мортемар, урожд. Анн-Катрин-Габриэль д'Аркур де Лилльбонн (Anne-Catherine-Gabrielle d'Harcourt de Lillebonne, 1753–1778), первая жена герцога Ж. В. де Мортемара, мать г-жи де Мортемар (герцогини де Бово). 328

Мортье (Mortier), Эдуар Адольф (1768–1835), маршал Франции. Герцог Тревизо (1808). В 1812 г. — командующий Молодой гвардией, губернатор Москвы; старался смягчить приказы, направленные на разрушение города. В сражении на Березине сыграл значительную роль в спасении остатков французской армии. В 1814 г. участвовал в обороне и сдаче Парижа. Пэр Франции в 1814–1815 гг. и с 1819 г. Посол в России (1830–1834), премьер-министр и военный министр (1834–1835). Погиб при покушении Жозефа Фески на Луи-Филиппа. 409

Моссион (Maussion), Анжелика де, урожд. де Фужере (Fougeret, 1772–1951), жена Луи Юрбена де Моссиона (1765–1831), ректора университета в Амьене. 418, 426, 427

Мунье (Mounier), Жан Жозеф (1758–1806), юрист из Гренобля. Сыграл большую роль в провинциальных штатах Дофине (1788), что обеспе-

чило ему избрание в Генеральные штаты. В сентябре 1789 г. — председатель Учредительного собрания. После событий 5 октября 1789 г. сложил свои полномочия, в 1790 г. эмигрировал в Швейцарию. При Империи — префект департамента Иль-э-Вилэн (в Бретани), член Государственного совета. 150, 157, 161

Муши (Mouchy), Филипп де Ноайль, принц де Пуа, 1-й герцог де (1715–1794). 178, 188

Мэт, паромщик на переправе через Гудзон. 280

Мюн (Mun), Адриан (Жан Антуан Клод Адриан) де (1773–1843), камергер Наполеона. 362, 413, 415

Мюн (Mun), Генриетта, урожд. д'Юрсель (Ursel, 1782–1849), дочь герцога Вольфганга д'Юрсель и Марии фон Аренберг, жена Адриана де Мюна. 416

Мюрат (Murat), Иоахим (1767–1815), один из самых известных наполеоновских маршалов, великий герцог Берга (1806–1808), король Неаполя (1808–1815). 375, 474

Н

Нагль, подруга матери автора. 39

Нантуйе (Nantouillet), госпожа де — вероятно, урожденная Мари-Рене Бутен (Boutin), жена Этьена Шарля Феликса Лаллеман, графа де (1696–1781). 95

Наполеон I Бонапарт, император французов (1803–1814, 1815). 8, 17–19, 155, 171, 181, 244, 265, 272, 318, 350, 357, 359, 361–364, 371, 376, 384, 385, 392–422, 427, 429, 433, 436–438, 441–444, 469, 474–477

Наполеон II — Наполеон Франсуа Жозеф Шарль Бонапарт (1811–1832), сын и наследник Наполеона и Марии Луизы. С трехлетнего возраста жил в Австрии, при дворе своего деда Франца I, который дал ему титул герцога Рейхштадтского. Умер в 21 год от туберкулеза. 395, 406, 470, 476

Нарбонн-Лара, Луи-Мари-Жак-Альмарик де (1755–1813), французский генерал. По слухам — внебрачный сын Людовика XV. Военный министр (1791–1792), после падения монархии эмигрировал. Вернулся при Консульстве. С 1810 г. адъютант Наполеона. Летом 1812 г. вел в Вильно переговоры с Александром I, стремясь отвлечь внимание царя от французских военных приготовлений и в то же время провести разведку. Умер на посту коменданта Торгау. 134, 209, 405

Невилль де Вильруа (de Neufville de Villeroy), Мадлен Анжелика де (1707–1787), жена Жозефа Мари де Буффлер (1706–1747), а затем маршала Шарля Франсуа Фредерика де Монморанси-Люксембург, покровительница Руссо. 97

Ней (Ney), Мишель (1769–1815), маршал Франции, герцог Эльхингенский (1808) и князь Москворецкий (1813) — за Бородинское сражение, которое во Франции называют «сражением при Москве-реке» (*bataille de la Moskova*). При отступлении Наполеона от Москвы командовал арьергардом, прикрывавшим основные силы, при переправе через Березину сумел спасти остатки армии. В 1814 г., после взятия союзниками Парижа, уговорил Наполеона отречься, поддержал Бурбонов. Во время Ста дней под давлением солдат перешел на сторону Наполеона, проявил храбрость при Ватерлоо. В связи с этим был осужден за измену и расстрелян. При этом военный суд, состоявший из бывших соратников маршала, объявил себя некомпетентным в его деле, и смертный приговор был вынесен палатой пэров. 444

Нейпорт (Nieuport), Шарль-Франсуа ле Прюдом д'Айи, шевалье де (1746–1827), командор Мальтийского ордена. 390, 391

Неккер (Necker), Жак (1732–1804), уроженец Женевы, банкир и политик. Трижды министр финансов Франции (1776–1781, 1788–11.07.1789, 16.07.1789–4.09.1790), пытался проводить либеральные реформы в экономике; нередко прибегал к государственным займам. Впервые опубликовал государственный бюджет (1781). В народе был очень популярен: весть о его второй отставке (в июле 1789) стала сигналом к восстанию в Париже и к штурму Бастилии. 97, 117, 122–124, 127, 466, 467

Неккер (Necker), Сюзанна, урожд. Кюршо де ла Нассе (1737–1794), жена Ж. Неккера, хозяйка салона, мать Ж. де Сталь. 92, 97, 124, 133

Неккер, мадемуазель — см. Сталь, Анна Луиза Жермена.

Ноайль (Noailles), г-жа — Мелани де Талейран-Перигор, племянница Талейрана, дочь его брата Аршамбо де Талейран-Перигора. Замужем за Жюстом де Ноайлем, 7-м принцем де Пуа (1777–1846), французским политиком, роялистом. 265

Ноайль (Noailles), Луи Марк Антуан, виконт де (1756–1804), французский офицер. Участник войны за независимость США, глава французской делегации при капитуляции Йорктауна. Депутат Учредительного собрания, левый. На ночном заседании 4 августа 1789 одним из первых предложил отменить дворянские привилегии. В 1791 г., после «бегства в Варенн», на улицах Парижа спас королеву от разъяренной толпы. Был назначен командовать армией Севера, но почти сразу эмигрировал. Вернулся уже при Консульстве. В 1802 г. участвовал в подавлении революции на Гаити. Командовал кораблем «Курьер» в бою с английским корветом «Hasard» (ноябрь 1803), одержал победу, но скончался от ран.

Ноайль (Noailles), Луиза (1758–1794), жена виконта Луи Марка Антуана де Ноайля. 178

Ноайль (Noailles), Шарль (Шарль-Артюр-Тристан Лангедок) де (1771–1834), старший сын герцога Филиппа Луи де Ноайль де Пуа. 114, 124, 150, 152

Ноайль, граф Алексис де (1783–1835), французский политик. При Империи в оппозиции, арестован (1809–1810), в кампании 1813 г. — адъютант Бернадота, в то время фактического правителя Швеции, в 1814 г. — адъютант графа д'Артуа. На Венском конгрессе — один из помощников Талейрана. При Реставрации — депутат, крайний роялист. После Июльской революции перешел на сторону Луи Филиппа. 178

Ноайль, де, Анна Клод Луиза д'Арпажон, герцогиня де (1729–1794), жена Филиппа де Ноайля, герцога де Пуа. Первая статс-дама королевы Марии Лещинской, а затем жены наследника Марии-Антуанетты, от которой получила прозвище «Мадам Этикет» за скрупулезность в требованиях придворного церемониала. Казнена во время Террора. 92, 96–98, 105, 121, 124–126, 143, 144, 147, 152, 166, 167, 186, 187, 265, 319, 321, 326, 390, 402, 420, 421

Ноайль, Жюст де, 7-й принц де Пуа (1777–1846), французский политик, роялист. Во время Революции скрывался в Париже. С 1806 г. — камергер Наполеона. В 1814–1819 гг. французский посол в Петербурге, пользовался милостью Александра I. С 1827 г. в отставке, занимался благотворительностью. 265, 362, 415, 425

Ноайль, маршал — см. Пуа, Филипп де.

Новион, де, офицер из полка Ф. С. де Ла Тур дю Пена. 274, 279

Нориссар, до революции администратор монетного двора в Лиможе. 317

О

О (d'Aux), Анри Раймон д'О де Лескур (1782–1870), муж Элизы де Лалли, политик, пэр (1830), позже маркиз д'О-Лалли. 363, 370–373

О (d'Aux), Жан Жак д'О де Лескур, отец Анри д'О. 373

О'Гриди, девицы, случайные знакомые автора в Швейцарии. 164

Оберсер, д' (d'Haubersaert), житель Амьена. 418

Овити (Auvity), Амбруаз-Филибер-Леон (1788–1847), парижский хирург. 413, 434

Овити (Auvity), Жан-Абрахам (1754–1821), парижский хирург, специалист по болезням новорожденных. 434

Оденард (Audenarde), д' — вероятно, Шарль-Эжен Лален д'Оденард (1779–1859), сын придворной дамы Жозефины, шталмейстер Наполеона. В описываемый момент служил в Байонне. 381

Ожеро (Augereau), Пьер-Франсуа-Шарль (1756–1816), французский военный деятель. Выдвинулся при подавлении восстания в Вандее. Отличился в Итальянской кампании (1796–1797). Командовал подавлением роялистского мятежа 18 фрюктидора (4.09.1797). Маршал Империи (1814–1815), герцог Кастильоне. 324, 473

Ойянсон (Oilliamson), граф Гийом д' (†1799), французский эмигрант. Расстрелян 3 августа 1799 г. после неудачной попытки тайно вернуться во Францию. Как указывает комментатор издания 1913 г., автор ошибочно относит это событие к лету 1798 г. 346

Окар (Hosquart), президент парламента, отец Ж. Окара, сеньора де Монфермей. 46

Олив, семья французских негоциантов. 291, 301, 302

Омон (Aumont), Луи Мари д'Омон де Рошбарон, маркиз де Вилькер и де Пьенн, герцог д' (1732–1799), военный, назначенный в 1787 г. послом в Гаагу, но не вступивший в должность. 43, 93, 104, 108

Омон (Aumont), Луи Мари Селест, герцог д'Омон, де Вилькье и де Пьенн (d'Aumont, de Villequier et de Piennes, 1762–1831), полковник, депутат Генеральных штатов. Эмигрировал в Англию, вернулся уже при Реставрации. Член палаты пэров с 1815 г. 43, 108, 173

Омон (Osmond), Антуан Эташ д' (1754–1823), аббат. Родился на Гаити. В эмиграции, вернулся в 1802 г. После конкордата — епископ Нанси и Туля (1802–1810), архиепископ Флоренции (1810–1814, назначен Наполеоном, но не получил папского утверждения), затем вновь епископ Нанси и Туля (1814–1823). 394

Омон (Osmond), маркиза д', мать г-жи де Буань — см. Диллон, Элеонора. 393

Омон (Osmond), Рене Эташ, маркиз (1751–1838), муж Элеоноры Диллон. 59

Оранская, принцесса, — Вильгельмина Прусская, принцесса Оранская (1751–1820), жена Вильгельма V, последнего штатгальтера Нидерландов, племянница Фридриха II. После поражения в 4-й англо-голландской войне (1780–1784) партия патриотов потребовала реформ государственного строя. Партию оранжистов (сторонников династии) возглавила его жена. В 1787 г. «Батавская революция» была подавлена прусскими войсками. Зимой 1794–1795 гг. Нидерланды были заняты войсками Французской республики, а штатгальтер и его жена бежали в Лондон. В 1813 вернулась в Нидерланды, королем которых в 1815 г. стал ее сын Вильгельм. 92, 93, 174, 176

Оранско-Нассауский дом (Оранская династия), штатгальтеры Республики Соединенных провинций (1581–1795), затем короли Нидерландов (с 1815 г. по настоящее время). 92, 173, 463, 464

Орднер (Ordener), Мишель (1755–1811), генерал Революции и Империи. Выходец из Лотарингии (отсюда немецкий акцент, отмеченный автором). В 1803 г. руководил захватом герцога Энгиенского на баденской территории. Граф Империи (1808); с 1810 г. управляющий императорским дворцом в Компьене, где содержались низложенные испанские монархи — Карл IV и Мария Луиза Пармская. 378, 379

Орлеанские, принцы, потомки Филиппа I (1640–1701), брата Людовика XIV. Его сын Филипп, герцог Шартрский (1674–1723) был регентом при малолетнем Людовике XV (1715–1723). Его правнук, Луи Филипп II Орлеанский, известен как Филипп Эгалите; сын последнего, Луи Филипп, — последний король Франции (1830–1848). 117, 118

Орлеанский, герцог, Луи Филипп Жозеф (1747–1793), правнук регента Филиппа (1715–1723). До 1785 г. носил титул герцога Шартрского. Став после смерти своего отца герцогом Орлеанским, создал в принадлежавшем ему Пале-Рояле своего рода теневой двор, оппозиционный королю; нарастала вражда между ним и королевой. Во время революции депутат Генеральных штатов. В 1792 г. избран от департамента Сена (то есть от Парижа) в Конвент, где сидел на скамьях монтаньяров. В этот период он отказался от титула и принял имя Филипп Эгалите (*égalité* — «равенство»). В 1793 г. голосовал за казнь своего кузена — короля Людовика XVI. Однако в том же году был раскрыт заговор генерала Дюмурье, и сын герцога Луи-Филиппа (будущий король), заподозренный в причастности к этому заговору, бежал за границу. В связи с этим Филипп Эгалите был обвинен в измене, осужден (без каких-либо улик) и в ноябре 1793 г. казнен. 61, 82, 85, 92, 98, 101, 104, 111, 113, 118–120, 130, 136, 138, 140, 144, 146, 151, 166, 183, 302, 436, 446

Орлеанский, герцог — см. Луи-Филипп I.

Освальд, сын Терезии, — Огюст-Освальд де Витроль (Vitrolles, 1796–1876). 338

Оссен (Ossun), графиня — Женеви́ева де Грамон, графиня д'Оссен (Geneviève de Gramont, comtesse d'Ossun, 1751–1794), придворная дама, ведавшая гардеробом королевы (*dame d'atours*), и близкая подруга Марии-Антуанетты, расходы которой пыталась сдерживать. Племянница Шуазеля, министра эпохи Людовика XV. Казнена во время Террора по обвинению в том, что не донесла о бегстве королевы в Варенн. 86

Оссен (Ossun), Шарль Пьер Иасен, граф, затем маркиз д' (1750–1790), командир полка Руаяль-Вессо (Royal des Vaisseaux) в 1773–1788 гг. Мать — Луиза-Тереза де Окар де Монфермей. 106

Отёнский (d'Autun), епископ — см. Талейран-Перигор, Ш. М.

П

Павел I, российский император (1796–1801). В 1782–1784 гг., будучи еще наследником, вместе с женой предпринял путешествие по Европе под именем графа Северного. 5, 34, 37, 460

Паизиелло (Paisiello), Джованни (1741–1816), итальянский композитор и педагог. В 1776–1784 гг. придворный композитор в Петербурге, затем — в Неаполе. 211

Палье, знакомый автора в Лозанне. 164

Памела, урожд. Стефания Каролина Анна Симс, или Памела Брюлар де Силлери (Pamela Brûlart de Sillery, 1773–1831), леди Эдвард Фиц-Джеральд. Ее происхождение неизвестно; циркулировали слухи, что она была дочерью С. де Жанлис от Филиппа Орлеанского (Эгалите). Формально считалась сиротой, удочеренной Жанлис, воспитывалась вместе с детьми герцога Орлеанского, имя «Памела» получила по известному в то время роману С. Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель». Ее поклонником был Камилл Демулен, видный якобинец. С 1792 г. замужем за Э. Фиц-Джеральдом; обвенчались тайно в Турне (ныне Бельгия), единственным свидетелем был будущий король Луи Филипп. Активно участвовала в попытках мужа поднять восстание в Ирландии, была не менее популярна в стране, чем ее муж. После гибели мужа была вынуждена бежать в Гамбург; там вновь встретилась с Жанлис, но их отношения быстро пришли к разрыву. Во втором браке (1800) замужем за Дж. Питкэрном. 117–119

Паскье, Этьен Дени (1767–1862), член Государственного совета и префект парижской полиции при Наполеоне (с 1808 г. барон), неоднократный министр иностранных дел при Реставрации, талантливый оратор. При Луи-Филиппе — председатель палаты пэров, канцлер Франции (1837), герцог (1844). 447

Пенн (Penn), Уильям (1644–1718), основатель колонии (штата) Пенсильвания, квакер-пацифист, основатель Филадельфии. Конституция, составленная им для Пенсильвании, во многом послужила основой для Конституции США. 281

Пентьевр (Penthièvre), герцог де, Луи Жан Мари де Бурбон (1725–1793), внук Людовика XIV и мадам де Монтеспан, придворный и военачальник. Тесть герцога Орлеанского (Филиппа Эгалите). После смерти жены (1754) мало появлялся при дворе. 85, 462, 463

Перигор (Périgord), аббат — см. Талейран-Перигор, Ш.М.

Перигор — см. Талейран-Перигор.

Перигор, Габриэль-Мари де Талейран, граф де (1726–1795), участвовал в сражениях Семилетней войны. С 1770 г. наместник Пикардии. После разгона парижского парламента и его преобразования в чисто судебный орган, подчиненный королевской администрации (январь 1771), назначен комендантом Лангедока, где в его задачи входила реформа тулузского парламента в том же духе. Сводный брат Шарля Даниэля де Талейран-Перигор, отца знаменитого Талейрана. 51, 54, 71

Периньон (Pérignon), Катарин-Доминик (1754–1818), генерал Республики. Депутат Законодательного собрания (1791), занимался вопросами организации армии. Отличился в сражениях на испанском фронте (1793–1795). Возглавлял французскую делегацию на мирных переговорах

с Испанией, подписал Второй договор в Сан-Ильдефонсо. При Наполеоне стал маршалом, но занимал административные должности и вел новые переговоры с Испанией. При Реставрации военный губернатор Парижа (1816), маркиз (1817). 299, 310

Перрен де Беллун (Perrin de Bellune), Наполеон Виктор Франсуа, герцог Беллуно (1796–1853), сын маршала Виктора, сообщение которого о гибели Юмбера де ла Тур дю Пен приводит автор «Предисловия правнука». 450

Пиз, капитан корабля, на котором семья автора отплыла в Америку. 222, 226

Пиис (Piis), Байонн де Копьен д'Аму, маркиза де (1752–1830), придворная дама, назначенная Наполеоном ко двору Карла IV в Байонне. Жена маркиза Шарля Антуана де Пиис (1737–1794), погибшего в Бордо во время Террора. 381–383

Пико (Picot), Жан-Батист, шевалье де Пико-Паккаде (Picot-Rassadeux), плантатор из колонии Сан-Доминго (ныне Гаити), в 1791 г. жил в Байонне. 172

Пико (Picot), Мария Анна (1768–1825), жена Шарля де Ламета. 172

Пиньятелли (Pignatelli), Альфонс, князь из неаполитанской фамилии, жених Фанни (Э. Ф.) Диллон (сестры автора), умер рано. Вероятно, это Альфонс-Луи-Филипп-Гонзаг Пиньятелли де Гонзаг, граф де Фуэнтес и д'Эгмонт Пиньятелли-Арагонский (1774–1807). 384, 387

Пирс, миссис, ее мать и ее дочь, жительницы Бостона. 251

Пирс, Салли, дочь миссис Пирс. 252

Питкерт (Pitcairn), Джозеф (1764–1844), американский консул в Гамбурге. 119

Пиччини (Piccini), Никколо (1728–1800), итальянский и французский оперный композитор. В 1776 г. переселился в Париж, где преподавал пение Марии-Антуанетте и возглавлял Итальянский театр. Разгоревшаяся в это время борьба между его поклонниками и приверженцами музыкальной школы К.-В. Глюка вошла в историю как «война глюкистов и пиччинистов». 34

Плантамур, житель Женевы. 161

Полиньяк (Polignac), Аглая — см. Грамон, Аглая.

Полиньяк (Polignac), Диана Луиза Августина, графиня де (1746 или 1748 — после 1818), сестра мужа герцогини Иоланды де Полиньяк, фрейлина Елизаветы Французской (Мадам Елизаветы), младшей сестры Людовика XVI. Покинула Францию после штурма Бастилии вместе со всей семьей. В 1796 г. выпустила мемуары. Последние годы прожила в Петербурге, дата ее смерти точно не установлена. 23, 29, 113, 131

Полиньяк (Polignac), Жюль (Арман Жюль Франсуа), герцог де (1746–1817), муж Иоланды де Полиньяк, благодаря фавору которой получил

герцогский титул. Эмигрировал вместе с женой на третий день после взятия Бастилии (по совету королевы, опасавшейся за их жизнь). Позже воевал в «армии эмигрантов», затем уехал в Россию, где получил от Екатерины II земли на Украине. При Реставрации — пэр. 113, 131

Полиньяк (Polignac), Иоланда (Жюли) Мартина Габриэль де Поластрон, в браке графиня, затем (1780) герцогиня де Полиньяк (1749–1793), ближайшая подруга и фаворитка королевы Марии-Антуанетты, воспитательница королевских детей. Через два дня после взятия Бастилии покинула Францию вместе со всей семьей. Умерла в Вене через полтора месяца после смерти королевы. 23, 29, 60, 113, 131

Полиньяк (Polignac), Луи-Эракль-Арман, маркиз де (1717–1792), дядя герцога Ж. де Полиньяка. 90, 113, 131

Помпиньян, де, из окрестностей Тулузы, один из претендентов на руку автора. 58

Понс (Pons), старый граф де. 164

Понтекулан (Pontécoulant), жена Луи-Гюстава де Понтекулана — см. Марэ, Анна-Элизабет.

Понтекулан (Pontécoulant), Луи-Гюстав Ле Дульсе (Le Doulcet), граф де (1764–1853), французский либеральный политик. Монтаньяр, позже жирондист, но всегда стремился к политической умеренности: на суде над королем голосовал за ссылку и за отсрочку, во время Директории защищал свободу печати, во время суда над Бабефом противостоял реакции. После переворота 18 фрюктидора эмигрировал, вернулся при Консульстве. Префект Диля (Брюсселя, 1800–1805), сенатор (1805), граф Империи (1808). В 1813 г. организатор обороны северо-восточной границы. При Реставрации пэр. 384, 386

Порталис (Portalis), Жан-Этьен-Мари (1746–1807), политический деятель, юрист. Во время Революции — защитник старинных вольностей Прованса. При Терроре арестован. Член Совета старейшин, притивник Директории. После переворота 18 фрюктидора (4.09.1797) спасся бегством, вернулся при Консульстве. Участвовал в разработке Гражданского кодекса Наполеона, заключении конкордата и др. 321, 325

Потифар (в церковнославянском варианте — Пентефрий), в Библии — египетский вельможа, жена которого пыталась соблазнить Иосифа (Быт. 39:1–20). 268

Потье, слесарь из Мирамбо, укрывавший Ф. С. де Ла Тур дю Пена во время Террора. 319

Прадт (Dufour de Pradt), Доминик Фредерик Дюфур де (1759–1837), аббат, дипломат, племянник кардинала де Ларошфуко. Депутат Генеральных штатов от духовенства. В 1791 г. эмигрировал, вернулся при Консульстве. Епископ и духовник Наполеона. Архиепископ Малинский в 1809–1814. Вместе с Талейраном активно участвовал в реставрации Бурбонов.

Видный историк международных отношений. Оставил мемуары. 44, 390, 402, 408–410, 429, 437

Прайм, негр, раб семейства де Ла Тур дю Пен. 261, 273–275, 282, 286, 295, 296, 301

Прайор (Prior), Мэтью (1664–1721), английский поэт и дипломат. 345

Прево, Антуан Франсуа (1697–1763), аббат, бенедиктинец, писатель. Наиболее известны его романы «Английский философ» («Кливленд», 1732–1739), уже в 1760–1767 гг. переведенный на русский язык, и «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731), ставший основой для опер Ж. Массне и Дж. Пуччини. 38

Прованский, граф — см. Людовик XVIII.

Пуа (Роix), герцогиня де — см. Ноайль, де, Анна Клод Луиза д'Арпажон, герцогиня де.

Пуа (Роix), Филипп Луи Марк Антуан де Ноайль, принц де (1752–1819), капитан королевской гвардии, генерал-лейтенант. Интендант и губернатор Версаля (1778–1789). Депутат Учредительного собрания, умеренный. 10 августа 1792 г., во время штурма Тюильри, защищал короля в его прихожей. Скрывался после этого несколько недель, затем эмигрировал в Англию. Вернулся во Францию в 1800 г., а к активной деятельности — только после Реставрации. Пэр Франции (1814), герцог (1817). 112, 116, 121, 166, 178, 338, 340, 345, 346, 349, 362, 425, 459

Пуа (Роix), Филипп, виконт де Ноайль, герцог де Муши и принц де Пуа (1715–1794), маршал Франции. Участник войны за австрийское наследство, позже посол в Испании. Казнен во время Террора. 112

Пужоль, хозяин гостиницы в Париже, тесть Ораса Верне. 357

Пьенн, де — см. Омон, Луи Мари Селест.

Пюиморен (Puymaurin), Никола-Жозеф Маркасю де (1718–1791), генеральный синдик лангедокских Штатов. 52

Пюисегюр (Puységur), Луи Пьер де Шастене, граф де (1727–1807), военный министр в министерстве Ж. Неккера (с 30 ноября 1788 г. по 12 июля 1789 г.). Во время восстания 10 августа 1792 г. защищал Тюильри с небольшим отрядом. Эмигрировал после казни короля, вернулся при Консульстве. 127

Пюлли (Pully), Жанна Полина Рандон де (1776–1859), дальняя родственница принцессы д'Энен по линии Гино де Монконсей и д'Аршиаков. 150, 157

Р

Равез (Ravez), Огюст Симон Юбер Мари, граф де (1770–1849), юрист, родом из Лиона. В 1792 г. был обвинен в заговоре, освобожден специаль-

ным указом, но был вынужден перебраться в Бордо, где служил магистратом. В начале осени 1793 г. был председателем Народного общества бордоской молодежи. При Реставрации занимал высокие государственные посты: субсекретаря юстиции (1817–1818), председателя палаты депутатов (1818–1823, 1824–1827), первый президент королевского суда в Бордо (1824–1830). По убеждениям — правый центрист, поддерживал связи с Бурбонами и при Июльской монархии. 199, 200

Радклиф (Рэдклиф, Radcliff), Анна, урожд. Уорд (1764–1823), английская писательница, одна из создательниц «готического романа». 58

Раймон, парижский архитектор. 45

Расселл, бостонское семейство. 253

Расселл, Джон (1766–1839), лорд, 6-й герцог Бедфорд (с 1802), брат Ф. Расселла, вигский политик. Наместник Ирландии в 1806–1807. Сторонник бонапартизма, противился вмешательству Англии в войну в Испании. 68

Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский художник и архитектор эпохи Возрождения. 257, 291, 313

Реаль (Réal), государственный советник, инспектировавший Диль в 1811 г. Вероятно, это граф Пьер-Франсуа Реаль (1757–1834), политик и юрист. 408, 409, 414

Ребиндер (Rehbinder), барон Бернгард Отто фон (1662–1742), генерал, затем фельдмаршал на службе Савойского дома (Сардинского королевства), участник Войны за испанское наследство. Разбит при Бриансоне Артуром Диллоном, прадедом автора. 30

Ревельон (Réveillon), Жан-Батист (1725–1811), владелец Королевской обойной мануфактуры Фоли-Титон в Сент-Антуанском предместье Парижа, разгромленной за неделю до открытия Генеральных штатов. Во время революции Ревельон эмигрировал в Англию, умер в Париже. 117, 120, 121, 233, 465, 466

Рей (Reille), генерал. 381

Рейи (Reuilly), Полина (Франсуаза Полина Фортюне) Шовиньи де Бло, госпожа де (1761–1829), любовница, а с 1791 г. жена герцога д'Омон. 104, 108

Рейнхардт (Rheinhardt), почтовый чиновник. 435

Ренсселер (van Renssellaer), голландское семейство, владевшее огромными землями в штате Нью-Йорк. 249, 253, 258, 281, 284, 285, 298, 471, 472

Ренсселер, г-жа — см. Скайлер, Маргарита («Пегги»). 249, 259, 267, 285

Ренсселер, паж Вильгельма III Оранского. Сведения, сообщаемые о нем автором (об основании манора Ренсселеров), легендарны: ко времени Вильгельма III владения Ренселлеров в Олбани существовали уже более полувека. 258, 259

Ренсселер, Стефен (Стивен) ван (Stephen van Rensselaer III, 1764–1839), один из богатейших землевладельцев штата Нью-Йорк. Зять генерала Ф. Скайлера, женат на его дочери Маргарите («Перги») Скайлер. Федералист, сенатор штата Нью-Йорк, позже член конгресса США. 258, 259, 262, 272, 273, 276, 301, 472

Ренье (Régnier), Клод Амбруаз, герцог де Масса (1736–1814), французский политик и юрист, хранитель печати (министр юстиции, 1802–1813), министр полиции (1802–1804). 393

Рианкур, кюре в Монфермее. 83

Рибан, жена знаменитого в то время парфюмера. 70

Рибе, главный комиссионер гужевых перевозок в Бордо. 376

Ривьер, Шарль Франсуа Риффардо де (1765–1828), виконт, затем маркиз (1817), затем 1-й герцог де Ривьер (1825). Активный сторонник Бурбонов, близкий к графу д'Артуа (будущему Карлу X), участник войны в Вандее. В марте 1815 г. безуспешно пытался помешать высадке Наполеона с острова Эльбы во Францию; после неудачи этой попытки бежал в Барселону вместе с герцогом Ангулемским, откуда вернулся после окончания Ста дней. С августа 1815 г. пэр Франции. 444

Римский король — см. Наполеон II.

Ришелье (Richelieu), Арман Эммануэль де Виньеро дю Плесси (Эммануил Осипович), герцог де (1766–1822), внук маршала де Ришелье. До революции носил титул графа де Шинон. В 1790 г. по поручению королевы выехал в Вену к ее брату, императору Иосифу II, за помощью. После неудачи этой миссии поступил на русскую службу (1790–1814, с перерывами). Участвовал в штурме Измаила (1790) под командой Суворова. При Павле в 1797–1800 гг. командир лейб-кирасирского полка. В 1803–1814 гг. градоначальник Одессы, сыграл важную роль в ее превращении в крупный торговый порт; одновременно в 1805–1814 — Новороссийский генерал-губернатор. После Реставрации вернулся во Францию, где по предложению Александра I был назначен премьер-министром (1815–1818, 1820–1821). В 1826 г. в Одессе ему был установлен знаменитый памятник (так называемый «Дюк»), ставший одним из символов города. 13, 43, 104, 108, 109, 445, 446

Ришелье, Арман Жан дю Плесси, герцог и кардинал де (1585–1642), первый министр при Людовике XIII (1624–1642), фактически завершивший формирование абсолютной монархии во Франции. 57, 460

Ришелье, Луи-Франсуа-Арман де Виньеро дю Плесси, герцог де (1696–1788), маршал Франции. Особенно прославился своими действиями во время войны за австрийское наследство (1741–1748). 59

Робеспьер (Robespierre), Максимилиан (1758–1794), лидер якобинцев, фактический глава якобинской диктатуры (июнь 1793 — июль 1794). 17, 131, 265, 316, 470

Робиано, де, дворянская семья итальянского происхождения. Одна из ее ветвей при Карле V осела в Бельгии. 408, 411

Ровиго, герцог — см. Савари, Анн Жан Мари Рене.

Роган (Роган-Гемене, Rohan-Guéméné), Луи Рене Эдуард, кардинал, принц де (1734–1803), князь-епископ Страсбургский. После скандального дела об ожерелье королевы (1785) был посажен в Бастилию, оправдан по суду (как было установлено, он сам стал жертвой мошенников), но выслан из Парижа. В 1791 г. низложен Национальным собранием за попытки опереться на внешние силы в борьбе за сохранение своего церковного княжества; после этого покинул Францию. 24

Роган-Шабо (Rohan-Chabot), Александр-Луи-Огюст, принц де Леон, герцог де (1761–1816), полковник в полку графа д'Артуа, затем генерал-лейтенант. Эмигрировал в 1789 г., вернулся в 1800 г. До 1807 г. носил титул принца де Леон (старинного удела в северо-западной Бретани), затем унаследовал титул герцога Роган-Шабо. Участвовал в испанской войне и в походе Наполеона на Россию. 164

Розамонда — Луиза Роза Эме де Валанс (Louise Rose Aimé de Valence, октябрь 1789–1860), младшая дочь Тимбрюн де Тимброна, графа де Валанс. В 1816 г. вышла замуж за Этъена Мориса Жерара (Gérard, 1773–1852), наполеоновского генерала (при Июльской монархии с 1830 г. — маршал и военный министр). 148, 164

Роксанти, де, французский консул в Кадисе. 304, 306, 310, 314

Рокур, мадемуазель (mademoiselle Raucourt, сценический псевдоним), Франсуаза Мария-Антуанетта Сосрот (Saucerotte, 1756–1815), актриса из Комеди Франсез, в описываемое время любовница принца д'Энен. Между 1776 и 1779 г. гастролировала в России. 92, 97

Ромм, синдик лангедокских Штатов. 52

Рот (Rothe), Люси Катрин де, урожд. Люси Кэри (1727–1804), дочь Лауры Диллон и шотландского лорда Люциуса Кэри, виконта Фолкленда. Жена генерала Эдуарда де Рота, мать Терезы-Люси де Рот и бабка автора. 5, 12, 13, 23–26, 29, 34–36, 38, 39, 41–63, 67, 68, 47, 72–84, 90, 91, 94–98, 100, 102, 104, 115, 132, 324, 327, 330, 331, 436

Рот (Rothe), урожд. Миддлтон, леди Кэтрин де (1685–1763), жена генерала Майкла Рота, сына Эдуарда Рота из Килкенни, мать генерала Шарля Эдуарда де Рота, прабабка автора. 42

Рот (Rothe), Шарль Эдуард де (1710–1766), генерал, командир ирландского полка на французской службе. Отец Терезы-Люси де Диллон, матери автора. 25, 42, 461

Рошешуар Фодоа (Rochechouart Faudoas), Констанция (1771–1855), жена герцога Вогийона (de Quelen de La Vauguyon). 12, 43, 67, 100, 104, 108–110, 167

Рошешуар Фодоа (Rochechouart Faudoas), Мадлен (1765–1790), старшая дочь графа Э. де Рошешуара, первая жена Луи Мари Селеста д'Омон. 12, 43, 67, 100, 104, 108–110, 167

Рошешуар Фодоа (Rochechouart Faudoas), Розали де (1768–1830), дочь Эмери Луи Роже де Рошешуар Фодоа. В 12 лет была выдана замуж за 15-летнего графа Шинона (будущего герцога Ришелье). Из-за плохого здоровья жены их брак остался фиктивным, и супруги виделись лишь изредка, хотя питали друг к другу глубокое уважение. 12, 13, 43, 67, 100, 104, 108–110, 167

Рошешуар Фодоа (Rochechouart Faudoas). Эмери Луи Роже, граф де (1744–1791), генерал, участник ассамблеи нотаблей, а затем депутат Генеральных штатов от дворянства. Сторонник идей Просвещения, входил в группу 47 дворянских депутатов, примкнувших к третьему сословию. Участвовал в заседании Учредительного собрания в «ночь чудес» 4 августа 1789 г., отменившем феодальные привилегии. 67, 104, 108–110, 167

Рубенс, Питер Пауль (1577–1640), фламандский живописец. 257

Руже, амьенское семейство. 419

Руссо (Rousseau), Жан-Жак (1712–1778), философ-просветитель и писатель, представитель радикального крыла Просвещения. Один из основоположников романтизма и сентиментализма. 13, 97, 98

Руссо, хирург в Олбани, француз. 280

Рутледж (Rutledge), американский посланник в Мадриде. 311, 314

С

Сабран (Sabran), Эльзеар Луи Мари, граф де (1774–1846), писатель и артист. Первую трагедию («Ганнибал», не издана) написал в 15 лет. Друг Ж. де Сталь. 107

Савари (Savary), Анн Жан Мари Рене (1774–1833), генерал, адъютант и доверенное лицо Наполеона, с 1802 г. директор бюро тайной полиции. Руководил операцией по похищению герцога Энгиенского и расправой с ним. Герцог Ровиго (1808). Участник ряда наполеоновских войн. Министр полиции (1810–1814), главнокомандующий французских войск в Алжире (1830–1833). 403, 405, 420, 436

Савоньер (Savonnières), ранен во время похода женщин на Версаль (5 октября 1789). 141

Саган (Sagan), Доротея (1793–1862), знаменитая светская дама, мемуаристка. Младшая дочь Петра Бирона, последнего герцога Курляндского, и графини Доротеи фон Медем. Жена Эдмона, племянника Талейрана (с 1809 по 1824 г.), и любовница самого Талейрана, несмотря на почти 40-летнюю разницу в возрасте; унаследовала его огромное состояние. Носила целый ряд титулов, в том числе герцогини Дино и Саган. Герцогство

Саган (ныне Жагань, в Силезии) унаследовала в 1843 г. от сестры, там же прожила последние годы. В ее имении, помимо королей, бывали Ференц Лист и Шопен. 265

Салли В..., девушка из Бостона. 254, 255

Салюс, де, жительница Бордо, племянница де Лавессьера. 191, 377

Самбюи (Sambuу), Виктор (Витторио Бальбо Бертоне), граф де (1793–1846), уроженец Турина, в молодости паж Наполеона. Участвовал в российской кампании. При Реставрации — на сардинской службе, впоследствии посол в Австрии. 395, 406

Сансак (Bardonin de Sansac), Жанна Мари Бардонен де (1768–1814). 218

Сансак (Bardonin de Sansac), Жан-Батист Бардонен, граф де (1766–1826), французский политический деятель, депутат в 1820–1824 гг. Во время Революции эмигрировал, вернулся в 1813 г. 200

Сантерр (Santerre), Антуан Жозеф (1752–1809), деятель Революции. Участник штурма Бастилии, затем капитан Национальной гвардии, играл заметную роль при штурме королевского дворца (10 августа 1792 г.). Во время казни короля ему приписывали приказ заглушить барабанным боем речь, с которой король хотел обратиться к публике (впрочем, на самом деле неясно, кто отдал такой приказ). В 1793 г. направлен для подавления мятежа в Вандее, но после нескольких успехов был разбит и предан суду. 130, 148

Северная, графиня (comtesse du Nord, псевдоним) — см. Мария Федоровна.

Северный, граф (comte du Nord, псевдоним) — см. Павел I.

Сегье (Séguier), Жан-Франсуа (1703–1784), французский ботаник, археолог и эпиграфист. Вел археологические исследования в своем родном Ниме. Прочтение надписи, приводимой в данных мемуарах, долгое время оспаривалось в науке, но было подтверждено позднейшими исследованиями. 47, 51

Сегюр (Ségur), Филипп Анри де (1724–1801), маршал Франции. Внук регента Филиппа Орлеанского. В 1780–1787 военный министр, провел успешные реформы французской армии (в частности, создал постоянный генштаб). Во время Террора — в тюрьме, за год до смерти получил пенсию от Наполеона. Его старший сын Луи-Филипп де Сегюр — посол Франции в России (1785–1789), сопровождавший императрицу в поездке на юг, автор знаменитых записок о России в екатерининское время. 90, 91, 375

Сель (Celles), барон Филипп де (Antoine Philippe Fiacre Ghislain de Visscher, comte de Celles 1779–1841), префект департамента Зюдерзее с центром в Амстердаме (1810–1813). Уроженец Бельгии, перешедший на службу к Франции. Муж Фелиси де Валанс (с 1810 г.); в период Империи — граф. Жестко проводил меры, требуемые Наполеоном, в том числе связанные с континентальной блокадой (что разрушало экономику

Амстердама) и с военными призывами. Этим он вызвал ненависть голландцев и в 1813 г., во время восстания, спасся бегством. 408

Сель (Selles), Фелиси де, урожд. де Баланс, внучка г-жи де Жанлис, жена графа де Сель. 156

Сельярд (урожд.), жена Джорджа Джернингема. 350

Семонвиль, Шарль-Луи Юге де Монтаран, граф, позже маркиз де (Charles-Louis Huguet de Montaran, comte puis marquis de Sémonville, 1759–1839), французский дипломат. В 1799–1805 гг. посол Франции при Батавской республике, созданной в Нидерландах после их оккупации Францией. С 1805 г. сенатор Империи. При Реставрации — великий референдарий Палаты пэров (до 1834). 350, 356, 357

Сен-Бланкар (Saint-Blancard), граф де — либо Жан Арман-Луи-Александр де Гонто-Бирон, маркиз де Сен-Бланкар (1746–1826), либо его брат Шарль-Мишель де Гонто-Бирон, маркиз де Сен-Бланкар, виконт де Гонто-Бирон (1751–1826). 24

Сен-Леже (Saint Leger), полковник, друг принца Уэльского. 360

Сен-Мар (Cinq-Mars), Анри Куаффье де Рюзе, маркиз де (1620–1642), фаворит Людовика XIII. Возглавил заговор против кардинала Ришелье, был разоблачен и казнен. 58

Сен-При (Saint-Priest), графиня де, урожд. графиня Вильгельмина Констанция фон Лудольф (von Ludolf, (1752–1807), жена графа Ф. Э. де Сен-При. Дочь графа Вильгельма фон Лудольф и гречанки из стамбульского квартала Фанар. 70, 130, 132, 133

Сен-При (Saint-Priest), Жан Эммануэль Гиньяр, виконт де (1714–1785), отец Ф.Э. де Сен-При. Интендант Лангедока (1785–1786). 62, 70

Сен-При (Saint-Priest), Мари-Жозеф Эммануэль де Гиньяр, виконт де (1740–1802 или †1794 — по разным данным), брат Ж. Э. Гиньяра де Сен-При. 55, 70

Сен-При (Saint-Priest), Франсуа Эммануэль Гиньяр, 1-й граф де (1735–1821), французский дипломат. посол Франции в Стамбуле (1768–1785). В качестве посредника участвовал в заключении Кючук-Кайнарджийского мира. Позже посол в Нидерландах (1787). Министр без портфеля в 1788 г. Уволен вместе с Неккером, но после взятия Бастилии стал министром королевского двора (1789–1791), а затем министром внутренних дел (август 1790 — январь 1791 г.). В 1791 г. эмигрировал, вернулся во Францию после Реставрации. Пэр Франции с 1815 г. Его сын граф Гийом Эммануэль (Эммануил Францевич Сен-При, 1776–1814) с 1793 г. состоял на русской службе, был тяжело контужен в Бородинском сражении, командовал 8-м пехотным корпусом при Лейпциге и погиб в сражении при Реймсе. Другой сын, граф Шарль Арман (Карл Францевич, 1782–1863), был близок к А. Э. Ришелье и А. Ф. Ланжерону, служил председателем Одесского коммерческого суда (1808–1812), подольским граж-

данским (1812–1815) и херсонским (1818–1821) губернатором. В 1821 г. уехал во Францию, стал пэром; после революции 1848 г. вернулся в Россию, где и жил до конца дней. 47, 54, 55, 70, 92, 93, 133, 140–142, 172

Сент-Мари, гвардеец, охранявший королеву во время похода на Версаль (5 октября 1789) и подавший ей сигнал спастись. 146

Серан (Sérent), Арман-Луи, герцог де (1736–1822), военный и политик, гувернер детей графа д'Артуа с 1780 г. 118

Серафима (1793–1795), дочь автора. 7, 15, 17, 184, 192, 288, 294

Серсей (Sercey), Перонн Роз Генриетта де (1770–1849), племянница графини С. де Жанлис. 117–119

Сесиль, внучка автора — см. Лидекерке Бофор, Сесиль.

Сесиль, дочь автора — см. Ла Тур де Пен Гуверне, Сесиль.

Сийес (Sieyès), Эммануэль-Жозеф (1748–1836), более известен как аббат Сийес. Накануне Революции — генеральный викарий епископа Шартрского, известность приобрел своими брошюрами, изданными накануне созыва Генеральных штатов, особенно брошюрой «Что такое третье сословие?». Депутат от третьего сословия, составил или редактировал ряд важнейших документов Революции. Был якобинцем, затем фельяном и в итоге примкнул к «болоту». Во время Террора отошел от политики. В 1799 г. член Директории, поддержал Бонапарта. После 18 брюмера в течение полутора месяцев — один из трех консулов. При империи — сенатор, граф (1808). При Реставрации изгнан как царевубийца, вернулся при Июльской монархии. 171

Симиан (Simiane), Диана-Аделаида де Дамас д'Антиньи, графиня де (1761–1835). 147

Симон, дворцовый слуга. 137

Сисе (Cisé), Жером Шампион де (1735–1810), архиепископ Бордоский, политический деятель. Депутат Генеральных штатов от духовенства, с августа 1789 г. исполнял роль хранителя печати (*garde des sceaux*, министра юстиции). После принятия Гражданского устройства духовенства (1790) подал в отставку. В 1791 г. эмигрировал в Брюссель. После возвращения (1802) стал епископом Экс-ан-Прованс, а в 1808 г. — графом Империи. 58, 133

Скайлер (Schuyler), Маргарита («Пегги», 1758–1801), третья дочь генерала Ф. Скайлера, жена С. ван Ренсселера III. 285

Скайлер (Schuyler), Элизабет (1757–1854), вторая дочь генерала Ф. Скайлера, жена Александра Гамильтона. 285

Скайлер (Schuyler), полковник, брат генерала Ф. Скайлера. 261

Скайлер (Schuyler), внук генерала Ф. Скайлера; вероятнее всего, сын его старшего сына Джона, женатого на урожденной Ренсселер. 294

Скайлер (Schuyler), Филип (1733–1804), американский генерал, сенатор от штата Нью-Йорк. Из старой голландской семьи штата Нью-Йорк.

Делегат Континентального конгресса (1775). Сыграл важную роль в сражении при Саратоге (1777). Сенатор в конгрессе США первого созыва, а затем вновь с 1797 г. Тесть А. Гамильтона, член федералистской партии. 4, 7, 249, 253, 258, 259, 261–265, 267, 272, 284, 289, 295, 298

Скайлер Черч (Schuyler Church), Анжелика (1756–1814), старшая дочь генерала Ф. Скайлера. Муж — Джон Баркер Черч (1748–1818), английский бизнесмен и политик. Сохранилась ее переписка с Джефферсоном, Гамильтоном и Лафайетом. 253, 259, 285

Скапен (Scapin), главный герой комедии Мольера «Плутни Скапена». 409

Смит, полковник, лидер выступлений в Нью-Йорке против торгового договора с Англией. 291, 292

Сольр (Solre), принц де — см. Крой-Сольр, Эмманюэль-Максимильен.

Соттен де ла Кузэндьер (Sotin de la Coindière), Жан Мари (1764–1810), министр полиции при Директории (июль 1797 — февраль 1798), один из руководителей переворота 18 фрюктидора (4.09.1797). 326, 327

Сталь (Staël), Альбертина де (1797–1838), дочь Жермены де Сталь. С 1816 жена Виктора де Броули. 429, 436

Сталь (Staël, Сталь фон Гольштейн), урожд. Неккер, (Анна Луиза) Жермена (1766–1817), писательница, публицист, теоретик литературы. Вместе с Шатобрианом считается родоначальником романтизма во французской прозе. Дочь министра Жака Неккера. Во время Революции пользовалась своим влиянием, чтобы спасти многих заключенных от гильотины, но в сентябре 1792 г. вынуждена была бежать из Парижа. В изгнании в 1792–1796 гг. В 1802 г. выслана из Парижа Наполеоном, поскольку ее салон стал центром оппозиции. Кроме художественных произведений, оставила записки о многих посещенных ею странах, в том числе о России, где она побывала в июле-сентябре 1812 г. 4, 20, 42, 92, 97, 130, 133, 301, 311, 319–321, 324, 325, 340, 341, 350, 362, 436, 437

Сталь фон Гольштейн (Staël von Holstein), барон Эрих Магнус (1749–1802), шведский дипломат, с 1783 г. временный поверенный в делах, а с 1785 г. — шведский посол в Париже. С 1786 г. муж Жермены, дочери Неккера, впоследствии знаменитой мадам де Сталь. 42

Стевенс (Stevens), Корнель (1747–1828), бельгийский священник, основатель (1802) так называемой церкви «стевенистов», или «малой церкви», отрицающей как Гражданское устройство духовенства, так и наполеоновский конкордат 1801 г. Сам Стевенс не порывал с официальной церковью и лишь осуждал угодливость духовенства по отношению к светской власти. 410

Сульт (Soult), Николя Жан де Дье (1769–1851), наполеоновский маршал. Отличился при Аустерлице, Йене и Прейсиш-Эйлау. В 1808–1814 гг. командовал французскими войсками в Испании. При первой Реставра-

ции военный министр; во время Ста дней — начальник штаба Наполеона; изгнан, но в 1819 г. получил разрешение вернуться. После Июльской революции — военный министр (1830–1834). В 1832–1834, 1839–1840, 1840–1847 — председатель Совета министров. 376, 433

Сурдо (Sourdeau), урожд. Гильбо (Guillebeau); ходили слухи, что в нее был влюблен Александр I. 378

Сьюзи, соседка автора в Олбани. 287

Сэж (Saige), Франсуа-Арман де Сэж, барон де Ботиран (1734–1793), влиятельный судовладелец из Бордо, миллионер. В 1789 г. командир национальной гвардии в Бордо, с 1790 г. трижды избирался мэром (до 31 мая 1793). Казнен во время Террора. 192, 212, 217

Сюар (Suard), Жан Батист Антуан (1732–1817), французский журналист, неперенный секретарь Французской академии. Во время Террора жил в провинции, позже был выслан, вернулся при Консульстве. 97, 107

Сюрже, нотариус из Бордо. 190, 200

Т

Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord), Аршамбо де (1762–1838), первый герцог Талейран, младший брат Ш.М. де Талейрана. Его потомки носили титул герцогов Талейран. 100, 156, 164

Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord), Аршамбо де (†1794), урожд. Мадлен Генриетта Сабина Оливье де Сенозан де Вирвиль (de Senozan de Virville, 1764–1794), невестка Талейрана, жена его младшего брата Аршамбо, казнена утром 9 термидора. 261, 265

Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord), Шарль Даниэль, граф де (1734–1788), генерал-лейтенант, из младшей линии Талейран-Перигоров. Отец Ш. М. де Талейрана. 47, 51, 54, 71, 155

Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord), Шарль-Морис де (1754–1838), многолетний руководитель французской внешней политики. Епископ Отёнский (1788–1791), депутат Генеральных штатов от духовенства (1789–1791). Министр иностранных дел Франции (1797 — июль 1799, ноябрь 1799–1807, май 1814 — март 1815), глава французской делегации на Венском конгрессе (сентябрь 1814 — июнь 1815). При второй Реставрации не у дел; в 1830–1834 посол в Лондоне. 4, 7, 8, 12, 16–19, 111, 150, 155, 156, 249, 260, 261, 264–268, 272, 274, 276, 280, 284, 286, 290–292, 298, 301, 302, 311, 319–322, 324, 326, 350, 358, 371, 379, 388, 394, 395, 404, 405, 409, 410, 418, 420–422, 424, 427, 429, 434, 437, 444

Талейран-Перигор, Луи (1784–1808), старший сын Аршамбо де Талейран-Перигора, погиб во время наполеоновских войн. 265

Талейран-Перигор, Эдмон (1787–1872), второй сын Аршамбо де Талейран-Перигора. При Наполеоне — полковник, в 1814 г. попал в плен при Мюльберге. Вернувшись во Францию, перешел на службу к Бурбонам; генерал-лейтенант (1823), пэр (1821), второй герцог де Талейран (1838). Умер во Флоренции. Женат на Доротее Курляндской (Саган). 265

Тальен (Tallien), Жан-Ламбер (1767–1820), журналист и политик, левый якобинец. Публично одобрил «сентябрьские убийства» (расправу толпы над заключенными в парижских тюрьмах, 1792) и участвовал в составлении циркуляра, призывавшего повторить то же самое в провинции. В сентябре 1793 г. в качестве комиссара Конвента выехал в Бордо, где руководил подавлением мятежа федералистов (жирондистов), а затем репрессиями, на которых разбогател. Здесь же он влюбился в Терезу Кабаррюс, использовавшую свое влияние на Тальена, чтобы спасти хотя бы часть осужденных. Уличен Жюльеном Парижским в злоупотреблениях и отозван в Париж. На заседании Конвента 9 термидора он первым начал атаку на Робеспьера и добился его ареста. Активно участвовал как в подавлении восстания парижских санкюлотов, так и в разгроме роялистского десанта на Кибероне (1795); в последнем случае велел расстрелять пленных, вопреки обещанию. При Директории стал терять политический вес: уже в 1796 г. его попытка спасти часть прежних друзей, участвовавших в «заговоре равных» Бабефа, не имела особого успеха. При Наполеоне играл третьестепенные роли. При Реставрации не был репрессирован как цареубийца только из-за болезни. 7, 16, 191, 199, 204–206, 209, 212, 214–217, 222–224, 311, 322–324, 326, 327, 470

Тальен (Tallien), Тереза, урожд. Хуана Мария Игнасия Тереза Кабаррюс (Cabarrús Galambert, 1773–1835), светская дама времен Революции и Директории. Дочь Франсиско Кабаррюса, испанского финансиста французского происхождения (из Байонны). Ее отец был дружен со всеми четырьмя ключевыми фигурами испанского просвещенного абсолютизма: графом П. де Аранда, П. Кампоманесом, графом Х. Флоридабланка, Г.М. де Ховельяносом; основал испанский государственный банк, а кончил жизнь министром финансов при короле Жозефе Бонапарте. Родилась в Мадриде, но с 5 лет жила во Франции. С 1788 г. жена маркиза де Фонтене, после развода (1791 или 1793 г.) вновь взяла девичью фамилию. Во время Революции обратилась к Конвенту с петицией о правах женщин. Во время Террора пыталась выехать в Испанию, но была задержана в Бордо и арестована. Здесь она встретила Ж.-Л. Тальена и стала его любовницей. Использовала свое положение, чтобы спасти многих заключенных. Согласно легенде, подтолкнула Тальена к выступлению против Робеспьера, позже получила прозвище «Богоматери Термидорской» (Notre-Dame de Thermidor). Вышла замуж за Тальена в 1794 г., но порвала с ним, когда тот утратил политическое влияние. Во время Директории — хозяйка сало-

на, законодательница парижских мод, признанная глава так называемых «причудниц» (les Merveilleuses). В 1803 г. официально развелась с Талье-ном и в 1805 г. вышла замуж за Франсуа-Жозефа де Рике де Карамана, будущего принца де Шиме. 4, 7, 16, 199, 203–206, 209, 210, 214–217, 222–224, 226, 243, 322, 323, 470

Тальмон (Talmont), Леопольд (Шарль Луи Анри) де ла Тремуи, принц де (†1815), первый муж Фелиси де Дюрфор. 418, 421, 431

Тацит, Корнелий (50-е — ок. 120), один из крупнейших римских историков, сенатор и консул. 157, 468

Таше де Ла Пажери, урожд. Роз Клэр де Верже де Сануа (des Vergers de Sanois, 1736–1807), из креольской семьи, практически всю жизнь прожила на Мартинике. Мать Мари-Жозефы-Розы Таше де ла Пажери, будущей императрицы Жозефины. 55, 461

Терезия — Мария-Терезия-Вильгельмина-Жозефина-Антуанетта де Фольвиль (de Folleville, 1773–1839), приемная дочь принцессы Бульонской. 338

Тетар, бывший конюх Ж.Ф. де Ла Тур дю Пена, помогавший мужу автора скрываться во время Террора. 197

Тиар де Бисси (Thiard de Bissy), граф Анри Шарль Габриэль де (1723–1794), французский военный и поэт, роялист. 10 августа 1792 г. участвовал в защите Тюильри. Казнен за день до переворота 9 термидора. 100

Типпу-Саиб (точнее, Типу Султан, 1750–1799), махараджа, а затем султан Майсура (1782–1799), сын Хайдар Али Сахиба. Пытался сопротивляться англичанам (англо-майсурские войны), для чего искал поддержки Франции. Погиб при штурме англичанами его столицы Серингапатана (Шрирангапатнам). 104, 105, 464

Тиссерандо, спутники автора на обратном пути в Европу. 303, 304, 307

Тиссо (Tissot), Самюэль Огюст Андре Давид (1728–1797), швейцарский медик, работавший в Лозанне, профессор медицины в Павии. Автор популярной книги «Советы людям о здоровье», трудов о нервных болезнях, один из основоположников эпилептологии. 151, 164

Толедо, кабальеро де, брат герцога дель Инфантадо. 37

Тразеньи (Trazegnies), Жиль Лебрен (1199–1276), коннетабль Франции при Людовике IX Святом. 399

Тразеньи (Trazegnies), Жорж Филипп, маркиз де (1762–1849), президент депутации избирательной коллегии департамента Диль, граф Империи (1811). Женат на графине Марии Луизе де Мальдегем (1785–1844). 391, 397–399, 406, 416, 441

Тронсон де Кудрэ (Tronson du Coudray), Гийом Александр (1750–1798), адвокат. Прославился как защитник в ряде политических процессов, в частности, на процессе Марии-Антуанетты. Выступал также на процессе «132 нантских умеренных» (сентябрь 1794), добился не только их

оправдания, но и признания, что политическим обвиняемым не должны непременно приписываться «преступные или контрреволюционные намерения». Член Совета старейшин (1795), подозревался в сочувствии роялистам. После переворота 18 фрюктидора (4.09.1797) сослан в Гвиану, где и умер. 321

Ту (Thou), Франсуа Огюст де (1604–1642), фактический руководитель заговора маркиза де Сен-Мара, казненный вместе с ним. 58

Тудо (Tudó), Пепита (Хосефа Петра Франсиска де Паула де Тудо и Каталан, 1779–1869), любовница М. Годоя, который в 1807 г. добился для нее титула графини де Кастильо-Фьель. Последовала за ним в изгнание; в 1834 г. пыталась вернуть часть его конфискованного имущества. 383

Тюизи (Thuisy), шевалье де, семья французских эмигрантов в Ричмонде. 338, 342, 347, 413

Турго (Turgot), Анн Робер Жак (1727–1781), французский администратор и экономист, приверженец философии Просвещения, один из основоположников экономического либерализма. В начале правления Людовика XVI был назначен генеральным контролером (министром) финансов. В 1776 г. был уволен после 20 месяцев управления экономикой. 97, 466

У

Уайт, Лидия, знакомая автора в Ричмонде. 338, 344, 345, 347, 348

Удето (Houdetot), граф Фредерик-Кристоф д' (1778–1859), префект департамента Шельда (1809, Гент), затем деп. Диль (1813, Брюссель). В 1815 г. некоторое время был префектом Кальвадоса, смог защитить департамент от грабежей пруссаков. Пэр (1819), свободный член Академии изящных искусств (1841). Депутат законодательного собрания (1849); после 1851 г. поддерживал Наполеона III. 412, 416, 420

Уильям, офицер, жених Салли В... 254, 255

Укам (Ookam), владелец публичной библиотеки в Англии. 348

Уолш де Серран (Walsh de Serrant), Антуан Жозеф Филипп, граф (1744–1817), французский военный. С 1770 по 1788 г. полковник Уолшского полка, до этого — Роскоммонского, которым до него командовал Роберт Диллон, граф Роскоммон. 63, 461

Урика (Ourica, †1799?), африканка. Сирота, в 1786 г., в возрасте около 5 лет, была привезена губернатором Сенегала Станисласом де Буффлером в подарок его бездетной тетке Мари-Шарлотте де Роган-Шамбо, жене маршала Бово-Краона. Умерла от туберкулеза, предположительно в 1799 г. Прототип героини романа Клер де Дюрас «Урика». 124

Уэбб (Webb), леди Фрэнсис — см. Диллон, Фанни (Фрэнсис Шарлотта Диллон-Ли).

Уэбб (Webb), Томас, 6-й баронет Одсток (1775–1823), муж Фанни Диллон, двоюродной сестры автора. 32, 350

Уэлсли (Wellesley), Анна, в замужестве Culling Smith (1768–1844), в первом браке жена Генри Фицроя, во втором — политика и придворного Чарльза Каллинг Смита. Сестра герцога Веллингтона. 436

Уэльский, принц, титул наследника английского престола. Здесь имеется в виду будущий Георг IV, регент (1811–1820), затем король Великобритании (1820–1830). 350, 360

Ф

Фагель (Fagel), предположительно — Хендрик Фагель (1765–1838), секретарь нидерландских Генеральных штатов в 1791, после 1815 г. — нидерландский дипломат на службе у короля. 174

Фагель (Fagel), Роберт, барон (1771–1856), третий брат секретаря Фагеля, посланник Нидерландов в Париже во времена Реставрации. 174

Фалькенштейн, граф (псевдоним) — см. Иосиф II.

Фанни, дочь лорда Диллона — см. Диллон, Фрэнсис Шарлотта.

Фанни — см. Диллон, Элизабет Франсуаза.

Фелиси — Фелисите де Дюрфор (Claire Louise Augustine Félicité Maclovie de Durfort, 1798–1883), дочь Амеде де Дюрфора (герцога де Дюрас) и Клер де Керсен. В браке — принцесса де Тальмон, а позже — графиня де Ларошжаклен, фрейлина герцогини Беррийской. 8, 345, 387, 431

Фельтр, герцог — см. Кларк, Анри-Жак-Гийом.

Фенелон, де, из Монтобана, один из претендентов на руку автора. 58

Фердинанд VII, король Испании (1808, 1814–1833). 380

Ферзен (Fersen), граф Ханс Аксель фон (1755–1810). С 1778 г. жил в Париже, где стал одним из близких друзей Марии-Антуанетты. В 1780 г. при содействии шведского короля Густава III был направлен в Америку, где в чине полковника воевал в составе немецкой пехоты под знаменами графа де Рошамбо. В 1787 г. недолгое время сопровождал Густава III во время русско-шведской войны. Однако вскоре его отец был арестован за участие в конфликте между шведским королем и дворянством. Ферзен вернулся в Париж, где застал начало революции. В 1791 г. участвовал в организации бегства королевской семьи. После этого уехал в Вену, где пытался добиться помощи от брата королевы, императора Леопольда II. После казни королевы вернулся в Швецию, где в 1801 г. стал риксмаршалом (главой придворного ведомства). Во время шведской революции 1809 г. занял легитимистские позиции, считался «густавианцем» — сторонником реставрации

абсолютистских порядков времен Густава III. В 1810 г. был убит толпой в ратуше Стокгольма. 24, 171, 468

Феррари, учитель пения, агент принцев. 201, 210

Филипп II, король Испании (1556–1598) из династии Габсбургов. 312, 473

Фингерлин Бишинген (Fingerlin Bischingen), Гаспар Анри фон (1776–1856). 119

Фио де Ла Марш (Fyot de La Marche), Мадлен Мелани (ок. 1720 – ?), в замужестве де Барбери де Куртей, мать Мелани де Куртей. 108, 110

Фиппс (Phipps), Генриетта-Мария (1757–1782), дочь Константина Фиппса, 1-го лорда Малгрейва (Mulgrave), одного из незаконных потомков Якова II. Первая жена Чарльза Диллона, мать Генри-Огастеса Диллон-Ли, 13-го виконта Диллон. 32, 35, 332

Фицгерберт (Fitzherbert), урожд. Смит, Мария Анна (1756–1837), фаворитка и тайная супруга (1785–1806) принца Уэльского, будущего Георга IV. 350, 360

Фиц-Джеймс, Бетси — см. Ла Туш, Бетси.

Фиц-Джеймс, герцогиня де, урожд. Мари де Тиар де Бисси (de Thiard de Bissy), жена герцога Ж.-Ш. де Фиц-Джеймса. 63

Фиц-Джеймс, Жак-Шарль де, 5-й герцог де (1743–1805), владетельный полковник Бервикского полка. В 1791 г. эмигрировал вместе со своим полком и вступил в эмигрантскую армию принца Конде. 63, 461, 462

Фиц-Джеймс, Эдвард (1776–1838), 6-й герцог Фиц-Джеймс, аристократ и политик. Воевал в «армии принцев», позже эмигрировал в Англию. Во время Реставрации — пэр, крайний легитимист. Женат на Бетси де Ла Туш. 330, 334, 335, 335, 346

Фиц-Джеральд (FitzGerald), Эдвард, лорд (1763–1798), 5-й сын герцога Лейнстера. Предпринял две экспедиции по Северной Америке. Бурно приветствовал Французскую революцию, объявил об отказе от титула лорда. Вернувшись на родину, стал членом «Общества объединенных ирландцев». Играл активную роль в подготовке Ирландского восстания 1798 г., в частности, вел переговоры с Директорией о французской поддержке. За несколько дней до восстания был арестован, оказал сопротивление и вскоре скончался от полученной раны (не слишком серьезной, но ему отказали в лечении). Муж Памелы Брюлар де Силлери (Стефания Каролина Анна Симс), воспитанницы г-жи де Жанлис. 117, 119

Флери (Fleury), Андре Эркуль Мари Луи де Россе де Рокозель, герцог де (André Hercule Marie Louis de Rosset de Rocozels, duc de Fleury, 1767–1810), французский военный и придворный. В эмиграции один из приближенных Людовика XVIII. 347

Флери, виконт де, один из потенциальных женихов автора. 62, 67

Флессель (Flesselles), Жак де (1730–1789), интендант Мулена, Ренна, затем Лиона, купеческий старшина (мэр) Парижа в 1789 г. Пытался

сорвать вооружение формирующегося ополчения (впоследствии Национальной гвардии). Убит сразу после взятия Бастилии. 126

Флора, мулатка, прислуга госпожи Диллон. 334

Флорида Бланка (Floridablanca), Хосе Моньино-и-Редондо, граф (1728–1808), глава испанского правительства в 1777–1792 гг. Добился не только изгнания иезуитов из Испании, но и папского запрещения их ордена. Заботился о развитии торговли и путей сообщения, помог графу Франсиско Кабррьосу (отцу Терезы Тальен) создать государственный банк. После смерти Карла III (1788) и начала Французской революции перешел к реакционному курсу, но в 1792 г. получил отставку. После вторжения Наполеона в Испанию стал главой Центральной хунты в Аранхуэсе, но вскоре умер. 309

Фодоа (Faudoa), маркиз Поль Эжен де (1788–1844), военный. Брат Фелисите де Фодоа-Барбазан де Сегенвиль (1785–1841), вышедшей в 1802 г. за генерала Р. Савари, впоследствии герцога Ровиго. 403

Фолкленд (Falkland), лорд, Люциус Генри Кэри (Cary), 6-й виконт Фолкленд (1687–1730), шотландский аристократ. Титул наследовал от своего дальнего родственника Энтони Кэри, первого лорда Адмиралтейства в 1693–1694 гг., в честь которого названы Фолклендские острова. После смерти королевы Анны Стюарт (1715) перешел на службу к якобитам и в подчинение к Артуру Диллону. Участвовал в заговоре Аттербери (1721), после его провала побывал в Риме у Старого Претендента, от которого получил титул графа. Затем поселился в Сен-Жермен-ан-Лэ, тогдашнем центре якобитов во Франции. В этот период он женился на Лауре, дочери Артура Диллона; их единственная дочь Люси Кэри — бабушка автора мемуаров. 33, 42, 63

Фонтене, Жан Жак Девен, маркиз де (Devin de Fontenay, 1762–1817), первый муж Терезы Тальен. 222, 224

Фонтене, маркиза де — см. Тальен, Тереза.

Фонфред (Boyer-Fonfrède), Жан-Батист (1766–1793), оратор, член Конвента, жирондист. Голосовал за казнь короля. Осужден в числе 22 других жирондистов и казнен. 190

Фостер, дворецкий у Лоу. 291

Фостер, миссис, домоправительница у Лоу. 290

Фоше (Fauchet), Жан Антуан Жозеф (1761–1834), французский дипломат, посол Франции в США. При Империи — префект департамента Вар, а затем Жиронды, барон (1805), уволен при первой Реставрации. 382

Франц II (I), последний император Священной Римской империи (под именем Франц II, 1792–1806), первый император Австрии (Франц I, 1804–1835). Племянник Марии-Антуанетты, тесть Наполеона. 178

Фридрих II Великий, король Пруссии (1740–1786). 92, 107

Фридрих Вильгельм II, король Пруссии (1786–1797). 92

Фукье-Тенвиль (до Революции — Фукье де Тенвиль, Fouquier de Tinville), Антуан Кантен (1746–1795), французский юрист. Общественный обвинитель при Чрезвычайном уголовном трибунале (с 1792), вскоре преобразованном в Революционный трибунал, выступал в роли прокурора на всех основных политических процессах (в частности, на процессе Марии-Антуанетты). Поддержал переворот 9 термидора, но был арестован, обвинен во многочисленных актах произвола и злоупотребления властью и казнен. 166, 175, 196

Фукье-Тенвиля брат, секретарь посла Мольда — возможно, Пьер-Элуа Фукье д'Эруэль (Pierre-Éloi Fouquier d'Hérouël, 1744–1810), до революции служивший камер-фурьером (придворным служителем) при Людовике XVI. Депутат Генеральных штатов от третьего сословия, ничем себя не проявил. 166, 175

Фулон (Foullon), Жозеф Франсуа, барон де Дуэ (1715–1789), занимал в разное время несколько постов по финансовому и интендантскому ведомствам, замешан в хищениях. Министр финансов в «сточасовом министерстве» Бретейля-Брольи (13–16 июля 1789). После взятия Бастилии (два дня спустя) Фулон пытался скрыться, но был опознан и убит. 126, 466, 467

Фултон, Роберт (1765–1815), американский инженер. В 1786–1797 гг. жил в Англии, в 1797–1806 гг. — во Франции. Наиболее известен как создатель первого парохода (проекты — с 1793 г., первое плавание — 1807 г.). На основе его конструктивной схемы В. Гесте построил в Петербурге первый чугунный мост — Полицейский, затем Народный, ныне Зеленый (1806). 288

X

Харди (Hardy, Hardÿ), Жан (1762–1802) англичанин, родившийся в Арденнах. Начал службу в 1803 г. солдатом в полку Месье, ко времени революции дослужился до сержанта-фуражира. Участник сражения при Вальми (1792), уже в конце 1793 г. — бригадный генерал. Участник экспедиции в Ирландию (1798), взят в плен, но обменен. С октября 1801 г. присоединился к генералу Леклерку, направленному на Гаити для подавления революции рабов, принял сдачу генерала Кристофа (будущего «короля Гаити» в 1811–1820 гг.). Умер в Кап-Франсэ (ныне Кап-Аитьен) от желтой лихорадки. 169

Харпер, американский моряк. 228, 231

Хинубер (Хинюбер, Hinüber), Георг Шарлотт (1764–1828), ганноверский посланник в Гааге в начале 1790-х гг. Позже — тайный советник, дипломат и историк искусства. 355

Хонтхорст (Honthorst), Геррит ван (1590–1656), нидерландский художник, последователь Караваджо. Получил в Италии прозвище «Ночного Герардо» (Gherardo delle Notti) за свои картины, мастерски изображающие сцены при ночном или искусственном свете. 346

Хэлкетт (Halkett), Элизабет Уэддерберн (ок.1759–1850), дочь Джона, 4-го баронета Питфиррэн (Pitfirrane), племянница лорда Логборо, любовница, а затем жена Ж. де Лалли-Толлендаля. 150, 151

Ц

Цезарь, Гай Юлий (100–44 до н.э.), римский полководец и государственный деятель, диктатор, сыгравший важнейшую роль в смене республиканского режима империей. 57, 157, 405, 421, 468

Цинциннат, Луций Квинкий (ок. 519 — после 439 до н.э.), римский военачальник, патриций. По преданию, передаваемому Титом Ливием, удалившись от государственных дел, лично пахал землю, когда к нему явилась депутация сената просить, чтобы он принял диктаторскую власть и спас Рим от напавших на него соседей. Разбив врагов, Цинциннат отказался от диктатуры и вернулся на свое поле. Эта история часто повторялась в XVIII–XIX вв. как образец гражданской добродетели. 385

Ч

Чатэм (Chatham) лорд, — Джон Питт, 2-й граф Чатэм (1756–1836), брат премьер-министра Уильяма Питта Младшего. В 1809 руководил неудачной Вальхеренской экспедицией (десантом англичан в устье Шельды). 402, 409, 414

Челлини, Бенвенуто (1500–1571), итальянский скульптор и живописец позднего Возрождения. 312, 313

Черч, г-жа — см. Скайлер Черч, Анжелика.

Ш

Шабан, Рене Мушар де (René Mouchard de Chaban, 1757–1814), администратор при Империи. Во время Революции — умеренный. Префект департамента Диль (Dyle), то есть Брюсселя, в 1805–1808. Благодаря проявленным на этом посту административным талантам был переведен в Тоскану, затем стал государственным советником, а с 1810 г. занимал высокие посты в Гамбурге. Умер от эпидемии во время осады Гамбурга войсками союзников. 384–386

Шале — вероятно, Эли-Шарль де Талейран-Перигор, принц де Шале (Hélie-Charles de Talleyrand- Périgord, comte de Grignols, marquis d'Excideuil et prince de Chalais, 1754–1829), 1-й герцог Перигор (1816), пэр Франции (1814), и его жена Элизабет Мари Шарлотта де Пойян де Байлен (de Poynan de Baylens, †1828). 177

Шалон, урожд. мадемуазель де, жена д'Ангосса. 370

Шамбарльях (Chambarlhac) — Жак Антуан де Шамбарльях (Jacques-Antoine de Chambarlhac de Laubespain, 1754–1826), дивизионный генерал, участник Итальянской кампании 1796–1797 гг., отличившийся в битве при Арколе. При Консульстве расправлялся с вандейскими повстанцами (шуанами). В 1809 г. оборонял побережье Нидерландов от английского десанта, но не смог предотвратить захват Флиссингена. Барон Империи (1811). В 1813 г. находился в Брюсселе, принял все возможные меры обороны и подал в отставку только после капитуляции Парижа. Во время Ста дней присоединился к Наполеону, при второй Реставрации вышел в отставку. 389, 403, 414

Шамбарльях (Chambarlhac), Франсина (Жанна Франсуаза Антуанетта), урожд. де Бернар де Куси (de Bernard de Coucy, 1772–1818), вторая жена Ж.А. де Шамбарльяха. 384, 389, 414

Шамбо (Chambeau), Блез Этьен Шарль Даре де, (Dareix de Chambeau, род. 1767), родственник де Брукана, вместе с автором эмигрировавший с США. 199, 200, 205, 210, 215, 217, 219, 222, 225, 228, 249, 257, 261, 265, 272, 273, 276, 280, 282–284, 287, 293, 294, 297, 303, 311, 316, 338, 343, 344, 408, 417

Шамбо (Chambeau), старший — Пьер Даре де Шамбо (Dareix de Chambeau), владевший небольшим поместьем в Вик-Фезенсак близ Оша, отец Б. Даре де Шамбо. 225

Шапталъ (Chaptal), Жан-Антуан Клод, граф Шантелу (Chanteloup, 1756–1832), видный французский химик, профессор химии в Монпелье. Занимался в основном прикладными исследованиями. В 1880 предложил метод улучшения качества вина, названный в его честь «шапталлизацией». Министр внутренних дел (1800–1804). 57

Шаретт де ла Контри (Charette de la Contrie), Франсуа Атаназ де (1763–1796), монархист, глава роялистских войск в Вандее («Католической и Королевской армии»). Взят в плен и расстрелян в Нанте. 305

Шарлотта, дочь автора — см. Ла Тур де Пен Гуверне, Шарлотта де.

Шартрский, герцог — см. Луи-Филипп I.

Шатле (Châtelet), Диана Аделаида, урожд. де Рошешуар, герцогиня дю (род. 1732). 43

Шатле (Châtelet), Луи Мари Флоран де Ломон д'Араккур, герцог дю (1727–1793). 62, 66

Шатобриан (Chateaubriand), Франсуа-Рене, виконт де (1768–1848), писатель и дипломат, один из крупнейших представителей романтизма. В политике — ультрароялист, но понимал невозможность полного возврата к дореволюционным порядкам и потому поддерживал конституционную Хартию 1814 («хартию 1814 года»). Государственный министр (1815–1816), министр иностранных дел (1822–1824), поддерживал политику Священного Союза. Пэр Франции (1815–1830). 395, 404, 405, 430

Шах Алам II, падишах империи Великих Моголов (1759–1764, 1772–1788, 1788–1806, с перерывами). В 1764 г. его огромная армия была разбита при Буксаре 7-тысячным отрядом майора Г. Манро (Munro), а сам он сослан в Илахабад. В 1788 г., когда афганцы на время захватили Дели, был низложен и ослеплен, но вскоре вернул престол. После битвы при Дели (сентябрь 1803), в которой маратхи были разбиты англичанами, перешел на положение пенсионера Ост-Индской компании, формально сохранив свой титул. 267, 268

Шварценберг (Schwarzenberg), Карл Филипп, князь цу (1771–1820), австрийский фельдмаршал, затем генералиссимус. В 1812 г. возглавил австрийский корпус, приданный в помощь Великой армии, однако избегал активных действий. В 1813 г. командующий Богемской армией и главнокомандующий войск союзников. В Лейпцигской битве командовал южным флангом. 31 марта 1814 г. возглавлял австрийские войска при их вступлении в Париж. 418, 427, 475

Шелдон (1757–1801), Доминик, дальний родственник автора. Начал службу в Диллоновском полку. Участник войны за независимость США, в том числе взятия острова Гренада. Во время Революции — генерал (Рейнской, затем Итальянской армии), глава английского дивизиона. Умер, находясь на посту коменданта г. Перпиньян в Руссильоне. 56, 61–64, 67, 68, 166, 168, 350, 359, 360

Шелдон, братья. 82

Шелдон, кузина автора. 90

Шик, негодант из Бордо. 317

Шимэ (Chimay) — Лаура-Августа де Фиц-Джеймс, принцесса де Шимэ (1744–1814), правнучка Якова II, жена брата мужа принцессы д'Энен. Придворная дама (dame d'honneur) и подруга Марии-Антуанетты, с которой разделяла вкус к музыке и опере. В 1775 г. Мария-Антуанетта, едва став королевой, уволила герцогиню де Ноайль с должности dame d'honneur и назначила на ее место принцессу де Шимэ. После событий октября 1789 г. — в эмиграции, вернулась при Наполеоне. 86, 97

Шимэ (Chimay), принц — Шарль д'Альзас-Энен-Лиетар (d'Alsace-Hénin-Liétard), последний принц де Шимэ и Священной Римской империи (1744–1794). 69

Шинон (Chinon), граф де — см. Ришелье, Арман Эммануил дю Плесси.

Шнец, офицер, друг Артура Диллона. 166, 180–183

Шовиньи, Александр-Анри де Шовиньи де Бло (de Chauvigny de Blot, 1751–1805), аббат, последний епископ Ломбезский (1787–1790). Эмигрировал в Италию (1791), а затем в Англию, где и скончался. Не признал конкордат 1801 г. 62, 67, 68

Шовлен (Chauvelin), Луиза Филиппа де (1763–1798). жена Ш. де ла Бурдоннэ-Блоссака. 43

Шовлен (Chauvelin), Шарлотта Фердинанда де (?–?), жена маркиза М.Л.Ш. д'Имекура. 43

Шорт (Short), Уильям (1759–1849), американский дипломат. Личный секретарь Т. Джефферсона во время его пребывания в Париже, временный поверенный в делах США во Франции (1789–1792), затем посол в Нидерландах (1792). Вел успешные переговоры о рефинансировании внешнего долга США. 166, 178

Шпанген, графиня Виктория де (Victoire de Spangen Uyternesse, 1799–1845), с 1818 г. жена графа Вернера Жан-Батиста де Мерод. 403

Шпигель, Лауренс Питер ван де (1737–1800), великий пенсионарий Зеландии (1785–1788) и Голландии (1788–1795), оранжист. Занял свой пост в Голландии во время прусской оккупации. 175

Штаремберг (Starhemberg), Людвиг, князь фон (1762–1833), австрийский дипломат. Был послом в Петербурге, затем в Гааге, позже — в Лондоне. 166, 176

Шуазель (Choiseul), аристократический род, известный с 1060 г. Насчитывает целый ряд видных представителей, среди которых маршалы, высшее духовенство, министры, депутаты и пр. 27, 150, 151

Шуази (Choisy), Анна Генриетта Шарлотта де (1759–1841), фрейлина герцогини Ангулемской. Муж — Антуан Жан Габриэль д'Агу (d'Agoult). 426, 427

Э

Эгалите, Филипп — см. Орлеанский, герцог, Луи Филипп Жозеф.

Эгль, де л' — см. Эсперанс де л'Эгль.

Эгремонт (Aigremont, или Дэгремонт, Daigremont), Гийом Франсуа д' (1770–1827), французский кавалерист, прошел службу от солдата до бригадного генерала. В 1813 командир дивизии в департаменте Сомма (Амьен), с декабря 1813 — военный комендант того же департамента. При Реставрации — кавалер ордена Св. Людовика (1814), комендант департамента Алье. 418

Эдвард, сын автора, родившийся в Англии, прожил три месяца. 329, 338, 341

Эдуард III, король Англии (1327–1377). 190

Эдуард, негр герцога Орлеанского. 166, 183

Эймар (Аумар), маркиз де Ла Тур дю Пен, сын автора — см. Гуверне, Эймар де Ла Тур дю Пен.

Экспильи, д', торговец писчебумажными товарами. 394

Эллисон, дама из Олбани, жена священника. 281, 287

Эммери (Emmery), Жан-Луи Клод (1742–1823), адвокат из Меца, депутат Генеральных штатов от третьего сословия, умеренный монархист. С 1791 г. член кассационного суда, во время Террора арестовывался. При Директории член Совета пятисот. При Наполеоне член Государственного совета, при Реставрации — палаты пэров. 291

Энгиенский (d'Enghien), Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог (1772–1804), сын герцога де Бурбон. Эмигрировал в 1789 г., сражался в «армии эмигрантов» под командой собственного деда. После 1801 г. жил в Баденском княжестве, в политике не участвовал. В 1804 г. по приказу Наполеона похищен и расстрелян. 85

Энен (Hénin), Аделаида-Фелисите-Генриетта, урожд. Гино де Монконсей, принцесса д' (1750–1824), дочь госпожи де Монконсей, младшая сестра матери Ф. С. де Ла Тур дю Пена. 6, 67, 68, 72–75, 77–80, 82, 84, 86, 90, 92, 96, 97, 101, 104, 105, 113, 146, 148, 152, 153, 167, 176, 178, 251, 253, 260, 319, 321, 324, 327, 333–337, 339, 341, 350, 357, 363, 367, 392, 393, 401, 403, 404, 412, 414, 420, 424, 431, 433, 439

Энен (Hénin), Шарль-Жозеф-Александр-Марселен д'Альзас-Энен-Лиетар, принц д', капитан роты телохранителей графа д'Артуа (будущего Карла X). 69, 92, 97, 98, 131

Эннери, Роз-Бенедикт, урожд. д'Алессо д'Эраньи, замужем за братом графини де Бло (двоюродным братом принцессы д'Энен). Дальняя родственница Лауры Диллон (мачехи автора) и Клер де Керсен, матери Клер де Дюрас. 333, 342

Энсел, бывший арматор китобойных судов. 302

Эпремениль (Epréménail), Жан-Жак Дюваль д' (1745–1794), юрист и публицист, одно время президент парижского парламента. В деле Лалли-Толлендаля выступал против пересмотра. Депутат Генеральных штатов, контрреволюционер. Казнен в 1794 г. 104, 112

Эрвильи (d'Hervilly), Луи Шарль, граф д' (1755–1795), офицер-роялист. Участник войны за независимость США. В 1791 г. подавлял волнения в Нанте. Во время штурма Тюильри (август 1792 г.) оборонял короля во главе швейцарских гвардейцев. Фактически руководил попыткой высадки роялистов в Бретани (Киберонская экспедиция, июнь-июль 1795 г.), был ранен в одной из стычек и умер от ран в Лондоне. 230

Эрмина — Фортюне Элизабет Эрмини Комптон (1775–1822), считается дочерью госпожи де Жанлис от герцога Орлеанского. Замужем за бароном Жаком Колларом (Collard). 120

Эскар — правильно des Cars, Жан Франсуа де Перюсс (Pérusse), герцог де Кар (1747–1822), муж старшей дочери банкира Лаборда, французский генерал. Внук маршала Жака Фиц-Джеймса. Генерал-лейтенант (1788), в эмиграции с 1790 г., выполнял дипломатические поручения эмигрантского двора в Стокгольме и Берлине. Вернулся при Реставрации. 152, 433

Эсперанс де л'Эгль (l'Espérance de l'Aigle) — Луи л'Эсперанс дез Акр, маркиз де л'Эгль (1764–1851), бригадный генерал. 62, 67

Эстен (Estaing), Жан Батист Шарль Анри Эктор, граф д' (1729–1794), французский генерал и адмирал. Во время англо-французской войны 1778–1783 гг. провел несколько морских операций в Вест-Индии,

из которых удачными были только захват островов Доминика, Сент-Люсия и Гренада. Во время революции поддерживал реформы, но остался верен королевской семье. Казнен во время Террора. 64, 130, 135, 137, 143, 147

Эстергази (Esterházy), Валентин Ладислас, граф д' (1740–1805), французский военный. Его предки, принадлежавшие к богатейшему венгерскому роду графов Эстергази, поддержали восстание Ференца Ракоци II и после его окончания обосновались во Франции. В 1764 г. стал полковником гусарского полка своего имени. В 1770 г. по поручению Шуазеля отвез портрет дофина в Вену для его невесты, с этого времени был приближен к Марии-Антуанетте. Во время Революции эмигрировал вместе с братьями короля; позже обосновался в России, где Екатерина II и Павел I наделили его землями. 93, 94

Ю

Юар (Huart), адвокат в Брюсселе. 440

Юар (Huart), Эдуард, барон д' (1800–1884), министр финансов Бельгии (1834–1839). Автор смешивает его с адвокатом, у которого семья де Ла Тур дю Пен останавливалась в Брюсселе в 1815 г., во время Ста дней. 440

Юар, учитель танцев. 84, 85

Юмбер (Humbert) — см. Ла Тур дю Пен, Юмбер Фредерик де.

Юмбер, Жан Жозеф Амабль (Jean Joseph Amable Humbert, 1767–1823), революционный генерал. Участвовал в подавлении восстания в Вандее, в 1796 г. был приписан к Рейнской армии. В 1798 г. возглавил десант, высаженный в Ирландии для поддержки восстания «Общества объединенных ирландцев», но был разбит англичанами и попал в плен. Позже участвовал в нескольких кампаниях в Вест-Индии. Уволенный в 1803 г., уехал в США, примкнул к знаменитому пирату Жану Лаффиту. Участвовал в англо-американской войне 1812–1815 гг. и в мексиканской революции. Кончил жизнь учителем в Новом Орлеане. 357

Юрсель (Ursel), герцог Шарль-Жозеф д' (1777–1860), мэр Брюсселя в 1810–1814 гг., позже нидерландский министр водного хозяйства и общественных работ (1815–1819), бельгийский сенатор (1839–1859). 398, 399, 409, 417

Я

Яков II (James II, 1633–1701), король Англии, Шотландии и Ирландии из династии Стюартов (1685–1688). 30, 32, 33, 42, 114, 116, 422, 459, 465, 471

Содержание

Предисловие переводчика	3
Дневник матери. Предисловие научного редактора.....	10

Часть I

Глава I.....	23
I. Намерения автора.....	23
II. Окружение, в котором прошли первые годы жизни мадемуазель Диллон. — Ее двоюродный дед Артур Диллон, архиепископ Нарбоннский. — Ее отец Артур Диллон, шестой владетельный полковник Диллоновского полка. — Ее мать, придворная дама. — Ее бабка госпожа де Рот: ее высокомерный и несдержанный характер, ее ненависть к своей дочери.....	24
III. Воздействие этого на мадемуазель Диллон, автора мемуаров. — Ее грустное детство и ранний жизненный опыт. — Ее убеждает от заразы ее служанка, крестьянка Маргарита.....	25
IV. Нравы в обществе в конце XVIII века, перед Революцией. — Состояние и образ жизни архиепископа Нарбоннского. — Наряды мужские и женские. — Обеды и ужины. Балы, более редкие, чем теперь.....	26
V. Замок Отфонтен: жизнь, которую там вели. — Людовик XVI ревнует к славе отфонтенской охоты. — В десять лет мадемуазель Диллон ломает ногу на охоте. У ее постели для нее разыгрывают театральные пьесы, ей читают романы. — Зарождение у нее вкуса к творениям воображения	28
VI. Поездка в Версаль в 1781 году. — Бал гвардейцев-телохранителей по поводу рождения первого Дофина. — Сопоставление этого блестящего благополучия и последующих несчастий. — Королева и дамы семейства Полиньяк. — Дружеские чувства королевы к госпоже Диллон.....	29
VII. Генеалогический очерк о семействе Диллонов, владетельных полковников полка, носившего их имя. — Краткая история Диллоновского полка.....	30
Генеалогия дома лордов Диллон.....	32
Глава II.....	34
I. Болезнь госпожи Диллон. — Ей прописывают воды в Спа. — Гнев ее матери госпожи де Рот. — Вмешательство королевы. — Отъезд в Брюссель. — Виконт Чарльз Диллон и леди Диллон. — Леди Кенмар.....	34

II. Учеба мадемуазель Диллон. — Ее учитель, органист Комб. — Ее пылкое желание всему учиться. — Она предчувствует жизнь, отмеченную приключениями. — Скверные условия, в которых она воспитывается. — Ее разлучают с ее служанкой Маргаритой.....	35
III. Пребывание в Брюсселе. — Визиты к эрцгерцогине Марии-Кристине. — Самая прекрасная в Европе коллекция гравюр. — Пребывание в Спа. — Господин де Гемене. — Герцогиня Инфантадо и маркиза дель Висо. — Граф и графиня Северные. — Английская горничная пытается оказать дурное влияние на мадемуазель Диллон. — Ее предпочтения в чтении. — Ее расположение к преданности.....	36
IV. Возвращение в Париж. — Смерть госпожи Диллон.....	38
V. Мнение автора мемуаров о причинах Революции	40
VI. Описание поместья Отфонтен. — Подробности о состоянии. — Госпожа де Рот. — Ее скверный характер. — Печальные последствия этого для ее внучки	41
VII. Перемена образа жизни и места жительства. — Покупка поместья Фоли-Жуаёз в Монфермее. — Работы по обустройству этого поместья. — Их влияние на практические познания мадемуазель Диллон.....	34
Глава III.....	47
I. Ежегодные поездки мадемуазель Диллон в Лангедок с 1783 по 1786 год с ее двоюродным дедом, архиепископом Нарбоннским. — Как путешествовали в то время. — Экипажи. — Еда. — Архиепископ Лиона господин де Монтазе: популярность этого прелата в своей епархии	47
II. Дорога в Лангедок. — Гостиница в Монтелимаре. — Происшествие при переправе через поток. — Проезд через Конта-Венессен. — Въезд в Лангедок. — Внешность и характер архиепископа Нарбоннского. — Ним: Амфитеатр и Квадратный дом; господин Сегье. — Прибытие в Монпелье. — Господин де Перигор	49
III. Представление королю «добровольного дара». Депутация. — Прогулка в Марли. — Процветание Лангедока. — Обустройство в Монпелье. — Аббат Бертолон и его уроки физики. — Обеденный этикет. — Ливрея Диллонов. — Общество Монпелье. — Господин де Сен-При и император Иосиф II	52
IV. Возвращение господина Диллона во Францию. — Он женится на госпоже де Ла Туш. — Противодействие этому браку со стороны госпожи де Рот. — Господин Диллон принимает назначение на должность губернатора Тобаго. — Первые проекты замужества мадемуазель Диллон. — Доверенность, оставленная ее отцом архиепископу Нарбоннскому.....	55
V. В Але. — В Нарбонне. — Испуг. — В Сен-Папуль. — Знакомство с семейством Водрей. — Претенденты. — VI. Пребывание в Бордо. — «Генриетта-Люси». — Другое семейство Диллон. — Предчувствия: граф де Ла Тур дю Пен. — Граф де Гуверне.....	57

Глава IV	62
I. Новые планы замужества. — Маркиз Адриан де Лаваль. — Состояние и положение мадемуазель Диллон. — Полки ирландской бригады. — Господин Шелдон доставляет королю захваченные у противника знамена....	62
II. Портрет мадемуазель Диллон. — Маршал Бирон, командир полка французской гвардии. — Его планы на случай, если бы он имел несчастье лишиться госпожи своей супруги. — Герцог дю Шатле сменяет его в должности командира полка французской гвардии	64
III. Разрыв с Адрианом де Лавалем. — Виконт де Флери. — Господин Эсперанс де л'Эгль. — Граф де Гуверне. — Аббат де Шовиньи, посредник в сватовстве. — Мадемуазель Диллон принимает решение о своем замужестве. — Воспоминания. — Графиня де Ла Тур дю Пен. — Маркиз и маркиза де Монконсей. — Подожженный парик Людовика XIV	66
IV. Последняя поездка в Монпелье. — Смещение господина де Сен-При с поста интенданта Лангедока. — Первая попытка смещения сословий. — Затворница госпожа Клари. — Мадемуазель Комнин. — Герцогиня д'Абрантес	70
Глава V	72
I. Созыв ассамблеи нотаблей. — Возвращение в Париж. — Смерть госпожи де Монконсей	72
II. Предложение господина де Гуверне принято. — Подготовка. — Визит госпожи д'Энен. — Подписание условий брачного договора. — Наряд в день помолвки. — Правила вежливости того времени. — Политика. — Четверо братьев Ламет. — «Делатели»	73
III. Первые радости. — Королева и госпожа де Дюрас. — Гнева госпожи де Рот удается избежать. — Брачный договор	76
IV. Граф и графиня де Ла Тур дю Пен. — Два визита. — У королевы	78
V. В Монфермей. — Приданое и «корзинка» от жениха. — Комнаты новобрачной.	80
Глава VI	82
I. Свадьба в высшем обществе конца XVIII века. — Венчание. — Банты для шпаг, темляки, желуди для епископских шляп, веера. — Наряд новобрачной. — Столы для слуг и крестьян	82
II. Представление королеве. — Репетиция с учителем танцев. — Наряд для представления ко двору. — Церемониальные объятия. — Удачное отсутствие герцога Орлеанского	84
III. Воскресный церемониал двора. — «Shake hands». — Проявления мелкой женской ревности у королевы. — Портрет короля. — Процессия к мессе. — Искусство ходить по Версальскому дворцу. — Месса. — «Волокуши». — Королевский обед. — Табуреты. — Аудиенции у принцев и принцесс. — Игра в карты у короля. — Сбор милостыни для бедных. — Дух недовольства, свойственный тому времени	85
IV. Госпожу де Рот приводят в дурное расположение духа развлечения ее внучки. — Ее враждебность. — Слухи о войне в Голландии	90

Глава VII	92
I. Гражданская война в Голландии. — Принцесса Оранская. — Слабость французского правительства. — Франция окончательно бросает патриотов на произвол судьбы. — Скверное впечатление, произведенное этим на общественное мнение	92
II. Госпожа де Ла Тур дю Пен в Энанкуре. — Поездка в Лилль. — Кюре, бывший современником госпожи де Ментенон. — Возвращение в Монфермей. — Недоразумение	94
III. У госпожи д'Энен. — Ригоризм. — Ложи королевы в разных театрах. — Общество госпожи д'Энен. — Госпожа Неккер и госпожа де Сталь. — «Секта экономистов». — Госпожа д'Энен. — Господин д'Энен и мадемуазель Рокур. — Тогдашнее всеобщее безразличное отношение к безнравственности. — «Соединенные принцессы». — Герцогиня де Пуа. — Госпожа де Лозен, впоследствии герцогиня де Бирон; ее муж, ее библиотека. — Герцогиня Бульонская; калека. — Принц цу Зальм-Зальм. — Шевалье де Куаньи	95
IV. Госпожа де Ла Тур дю Пен в обществе. — Госпожа де Монтессон и герцог Орлеанский. — Разрыв госпожи де Ла Тур дю Пен с ее родственниками	100
Глава VIII	104
1788. — I. Жизнь в доме госпожи д'Энен. — Лето 1788 года в Пасси. — Внимание королевы к госпоже де Ла Тур дю Пен. — Распорядок в спальне королевы. — Послы Типпу-Саиба	104
II. Господин де Ла Тур дю Пен — командир полка Руаяль-Вессо. — Недисциплинированность офицеров этого полка	106
III. Принц Генрих Прусский. — Его вкус к французской литературе. — Представление «Заиры»	107
IV. Дом семейства Рошешуар. — Господин де Пьенн и госпожа де Рейи. — Граф де Шинон, впоследствии герцог де Ришелье	107
V. Неудачные роды госпожи де Ла Тур дю Пен. — Два знаменитых врача. — Хирург Куад. — Концерты в доме семейства Рошешуар. — Бал у лорда Дорсета	109
VI. Приближение революционной катастрофы. — Уверенность множества честных людей. — Неудача господина де Ла Тур дю Пена на выборах в Генеральные Штаты. — Господин де Лалли и господин д'Эпремениль — секретари Ассамблеи дворянства. — Председатель господин де Клермон-Тоннер. — Княгиня Любомирская. — Популярность герцога Орлеанского. — Причины антипатии между королевой и герцогом Орлеанским. — Популярность английских мод	111
VII. Происхождение господина де Лалли-Толлендаля. — Подавление бунта в полку. — Господин де Лалли в иезуитском коллегиуме. — Как он принял решение добиваться посмертной реабилитации своего отца, генерала де Лалли-Толлендаля. — Влияние, которое на него оказывала мадемуазель Мэри Диллон	114

Глава IX	117
1789. — I. Госпожа де Жанлис и павильон в монастыре Бель-Шасс. — Воспитание юных принцев Орлеанских. — Памела. — Генриетта де Серсей. — Дочь госпожи де Жанлис. — Любопытное происхождение госпожи Лафарж	117
II. Скачки в Венсене. — Первые скопления народа. — Поджог складов Ревельона. — Милосердный поступок	120
III. Обустройство в Версале. — Первое заседание Генеральных Штатов: поведение короля и королевы. — Мирабо. — Речь господина Неккера. — Слабость двора. — Отъезд господина Неккера	121
IV. 14 июля 1789 года: как госпожа де Ла Тур дю Пен узнала о восстании; его первые последствия	125
V. Возвращение госпожи де Ла Тур дю Пен в Париж. — Воды в Форже. — 28 июля: страх, охвативший в этот день все население. — Господин и госпожа де Ла Тур дю Пен успокаивают население Форжа. — В Гайфонтене госпожу де Ла Тур дю Пен принимают за королеву. — Население вооружено	127
Глава X	130
I. Господин де Ла Тур дю Пен — отец возглавляет военное министерство. — Официальные обеды. — Начало эмиграции. — Ночь 4 августа. — Разорение семейства де Ла Тур дю Пен. — Распорядок в доме военного министра. — Госпожа де Монморен и госпожа де Сен-При. — Ведомство генерального контролера финансов и госпожа де Сталь	130
II. Организация национальной гвардии в Версале: ее командующий господин д'Эстен, заместитель командующего господин де Ла Тур дю Пен, начальник штаба господин Бертье. — Публичная казнь. — Празднование дня святого Людовика в 1789 году. — Освящение знамен национальной гвардии в церкви Нотр-Дам-де-Версаль. — Национальная гвардия Парижа и господин де Лафайет	134
III. Обед телохранителей во дворце. — Дофин обходит столы. — Ленточка госпожи де Майе	138
IV. День 5 октября. — Король на охоте. — Париж идет на Версаль. — Меры по обороне. — Парижские женщины в Версале 5 октября. — Бунт национальной гвардии Версаля. — Планы отъезда королевского семейства в Рамбуйе. — Захват министерств. — Колебания короля. — Господин де Лафайет у короля. — Спокойствие восстановлено	139
V. День 6 октября. — Вооруженная банда захватывает дворец. — Расправа с телохранителями. — Покушение на убийство королевы. — Присутствие герцога Орлеанского среди повстанцев. — Отъезд королевского семейства в Париж. — Король поручает охрану Версальского дворца господину де Ла Тур дю Пену. — Сантерр. — Госпожа де Ла Тур дю Пен находит убежище в Сен-Жермене	144

Глава XI	150
I. Госпожа де Ла Тур дю Пен поселяется в Париже. — Господин де Лалли и мисс Хэлкетт. — Военное министерство размещается в особняке Шуазелей. — Недисциплинированность в армии. — Рождение Юмбера-Фредерика де Ла Тур дю Пена. — Женидьба Шарля де Ноайля. — Милости королевы к госпоже де Ла Тур дю Пен.....	150
II. Праздник Федерации. — Парижский гарнизон. — Делегации. — Энтузиазм парижского населения. — Состав национальной гвардии. — Господин де Лафайет. — Епископ Отёнский. — Месса. — Зрелище, которое представляло собой Марсово Поле. — Королевское семейство	153
III. Поездка в Швейцарию. — Полина де Пюлли. — Приключение в Доле. — У господина де Мале, командира национальной гвардии этого города. — Дольская коммуна. — Четыре дня в плену. — Вмешательство офицеров полка Руаяль-Этранже. — Отъезд из Доля. — Женевское озеро	156
IV. Бунт в гарнизоне Нанси. — Господин де Ла Тур дю Пен послан парламентаром. — Господин де Мальсень, комендант города, бежит из-под стражи. — Подавление бунта. — Опасность, которой подвергся господин де Ла Тур дю Пен. — Последствия эмиграции офицеров	161
V. Пребывание в Лозанне. — Ле Паки. — Гостиница в Сешероне. — Возвращение в Париж через Эльзас	164
Глава XII	166
I. Жизнь в Париже. — Госпожа де Ноайль. — Эмигранты. — Господин де Ла Тур дю Пен — отец покидает пост военного министра. — Его сын отказывается занять этот пост и получает назначение полномочным посланником в Голландию. — Жизнь на улице Варенн. — Братья Ламеты руководят захватом особняка де Кастри. — Дуэль Барнава и Казалеса. — В Энанкуре. — Бегство в Варенн. — Мемуар господина де Ла Тур дю Пена, написанный с целью убедить короля отказаться подписывать конституцию.....	166
II. Отъезд в Голландию. — Семейство Ламет. — Женидьба Мало. — Оранжевая кокарда. — Семейство Фагель. — Полная удовольствий жизнь в Гааге. — Дюмурье отзывает господина де Ла Тур дю Пена.....	171
III. Его сменяет господин де Мольд. — Его секретарь — брат Фукье-Тенвиля. — Распродажа мебели. — Принц Штаремберг. — Известие о битве при Жемаппе. — Эрцгерцогиня Мария-Кристина тайно покидает Брюссель. — Испуг и бегство эмигрантов, нашедших приют в этом городе.....	175
IV. Декрет против эмигрантов. — Бегство господина де Лафайета, Александра де Ламета и господина де Ла Тур Мобура. — Посланник Соединенных Штатов в Гааге, Шорт. — Госпожа де Лафайет в Оломоуце. — Артур Диллон приносит присягу на верность королю	177
V. Возвращение госпожи де Ла Тур дю Пен во Францию. — Господин Шнец. — В Антверпене. — Город во власти солдатни. — Нелепое обмундирование французской армии под Антверпеном. — Притеснение со стороны господина Моретона де Шабрийяна	

в Брюсселе. — Нежданный завтрак. — Ночь в Монсе. — Эдуард, негр герцога Орлеанского, и его эскадрон. — Верность Замора.....	179
Глава XIII.....	184
I. Самоанализ	184
II. Притеснения на французских дорогах. — Жизнь в Пасси. — Отношения господина Диллона с жирондистами и с Дюмуре. — 21 января 1793 года.....	185
III. Господин де Ла Тур дю Пен — отец в Парижской Коммуне. — Портрет Артура Диллона. — Уединенная жизнь в Бюе. Семейное счастье.....	188
IV. Бордо и федералисты. — Баронство Кюбзаге. — Арест господина де Ла Тур дю Пена — отца. — Его сын и невестка находят приют в Каноле у господина де Брукана. — Окрестности Бордо и революционная армия. — Жестокая казнь господина де Лавессьера в Ла Реоли. — Гильотина в Бордо.....	189
V. Рождение Серафины. — Господин де Ла Тур дю Пен скрывается. — Акушер Дюпуи. — Госпожа Дюдон и комиссар Изабо.....	192
VI. Арест господина де Брукана. Его охрана и винный погреб. — Обыск в Каноле. — Где находит себе приют жалость! — Времяпровождение госпожи де Ла Тур дю Пен и господина Дюпуи в Каноле	193
VII. Очная ставка королевы и бывшего военного министра. — Его сын спешно покидает Буй. — Дорожное происшествие в Сен-Жени. — Три месяца взаперти в Мирамбо.....	196
Глава XIV.....	199
I. Неизвестный нахлебник. — Господин Равез. — Замок Буй опечатан.....	199
II. Убежище в Бордо в доме Бони. — «Максимум» и «секционный хлеб». — Вывешивание списков на домах. — Очереди у дверей лавок булочников и мясников. — Аресты англичан и американцев. — «Прекрасная гризетка».....	200
III. Неожиданная протекция. — Госпожа Тальен. — Разговор с Тальеном. — Его обвиняют в том, что он защищает аристократов.....	203
IV. Крестьянин из Сентонжа. — Господин де Ла Тур дю Пен находит убежище в Тессоне. — Новое бегство. — Недолгий приют у почтмейстера Буше. — Возвращение в Тессон	206
V. Празднество «Богини Разума» в Бордо. — Господин Мартель в революционном трибунале. — «Карточки безопасности». — Облавы. — Господин де Шамбо. — Оригинальный план бегства. — Госпожа де Морен. — Отличные омлеты.	209
Глава XV.....	212
I. Внушающее опасения положение госпожи де Ла Тур дю Пен в Бордо и ее мужа в Тессоне. — Свидетельства проживания за подписями девяти свидетелей. — «Очаровательная кормилица». — Избеженная опасность опознания	212

II. Как госпожа де Ла Тур дю Пен решила уехать в Америку. — Американское судно «Диана». — Опасная миссия. — Приготовления к отъезду	213
III. Завтрак в Каноле. — Нежданный визит. — Под руку с Тальеном. — Часы господина Сэжа.....	215
IV. Паспорт гражданина Латура. — Тревожное ожидание. — Санкюлот Бони в Тессоне. — Возвращение. — Встреча. — Как господин де Ла Тур дю Пен добрался из Тессона в Бордо.....	217
Глава XVI.....	222
I. Выдача паспорта в мэрии. — Тальен отозван, а Изабо визирует паспорт, сам того не зная. — Жюльен Тулузский и его сожаления. — Господин де Фонтене и бриллианты его жены. — Последние приготовления.....	222
II. Прощание с Маргаритой. — Господин де Шамбо едет с нами. — Посадка в лодку с «Дианы». — Встречи с военными кораблями. — Избегнутая опасность опознания в Пойяке.....	225
III. «Диана» и ее экипаж. — Размещение на борту. — Неудобный способ укладываться спать. — Капитан Пиз и алжирские пираты. — «Аталанта». — «Диана» ускользает от нее. — У Азорских островов. — Судьбоносный отказ капитана высадить пассажиров там.....	227
IV. Светлыми кудрями и фривольными мыслями пришлось пожертвовать. — Кухня на «Диане» и кок Бойд. — Опасения по поводу продовольствия. — Корабельная собака. — Лоцман. — Бостонский рейд. — Радость прибытия.	230

Часть II

Глава I.....	249
I. Несмотря на свой изрядный возраст, автор приступает ко второй части своих мемуаров.....	249
II. «A welcome breakfast». — Любопытство бостонских французов остается не удовлетворено. — Прощание с экипажем «Дианы». — Радость оказаться в дружественной стране. — Удовольствие от хорошего завтрака после двух месяцев лишений. — Временное жилье в Бостоне.....	250
III. Господин Гейер. — Собака Блэк. — Доброе отношение жителей Бостона к новоприбывшим эмигрантам. — Генерал Скайлер. — Распродажа ненужных вещей	251
IV. История любви.....	254
V. Отъезд в Олбани. — Госпожа де Ла Тур дю Пен узнает о смерти своего отца. — Девственный лес. — Деревянный дом. — Прекрасная семья. — Тост за здоровье Вашингтона. — Гостиница в Лебаноне. — Господин де Шамбо делит кровать с незнакомцем	255
VI. Прибытие в Олбани. — Поджог города, устроенный неграми. — Любезный прием, оказанный генералом Скайлером и семейством Ренсселер. — Сбывшийся сон. — «Petroon». — Госпожа Ренсселер. — Талейран в Америке.....	258

Глава II.....	261
I. Жизнь на ферме ван Бюренгов. — Господин де Шамбо поступает в ученики к столяру. — Госпожа де Ла Тур дю Пен узнает о смерти своего свекра. — Обучение занятиям фермерши. — Опасная переправа	261
II. Покупка фермы. — Временное жилье в Трое. — «Log house». — Неожиданный визит господина де Талейрана	263
III. Известия о 9 термидора. — Госпожа Аршамбо де Перигор. — Мнение госпожи де Ла Тур дю Пен о господине де Талейране. — Господин Лоу. — Министр финансов так беден, что не может содержать семью. — Предложение весьма любезное и оригинальное.....	265
IV. Начало зимы: снегопад и замерзание рек. — Первые встречи с дикарями. — Переезд на ферму. — Покупка первого негра, Минка	268
V. Обустройство на ферме и ремонт дома. — Деятельность госпожи де Ла Тур дю Пен. — Покупка негра Прайма. — Двое счастливых: негрityнка Джудит и ее муж.....	271
Глава III.....	274
I. Новые знакомства: господин Бонами и господин Дежарден. — Масло госпожи де Ла Тур дю Пен. — Семейство поселенцев. — Домашняя жизнь. — Полезный подарок	274
II. Приход весны. — Дикари. — Их верность данному слову. — Их страсть к рому; отвратительная сцена. — «Old Squaw».....	276
III. Визит господина де Новиона. — «Squaw John». — Переправа на пароме, вызвавшая сильный испуг. — Маленький Юмбер у госпожи Эллисон.....	279
IV. Квакеры-трясуны. — Поездка в их поселение.....	281
V. Госпожа де Ла Тур дю Пен одевается как фермерша. — Визит господина де Лианкура и господина Дюпети-Туара.....	284
VI. Жестокий поступок. — Господин де Талейран и банкир Моррис. — Планы поездки в Филадельфию и Нью-Йорк.....	286
Глава IV	288
I. Что навело Фултона на мысль применить пар для движения судов. — Поездка в Нью-Йорк. — Река Гудзон. — Вест-Пойнт. — Предательство генерала Арнольда и казнь майора Андре.....	288
II. Пребывание в Нью-Йорке. — Госпожа де Ла Тур дю Пен сожалеет, что не увидела генерала Вашингтона. — Господин Гамильтон. — Интересные разговоры у господина Лоу. — Народные волнения в Нью-Йорке. — Желтая лихорадка. — Спешный отъезд. — Генерал Гейтс. — Шлюп садится на мель. — Двое неопытных фермеров.....	290
III. Возвращение на ферму. — Смерть Серафины. — Возвращение к религии	293
IV. Сбор яблок и производство сидра. — История коня. — Сбор урожая маиса и «frolicks». — Приготовления к зиме. — Стирка на ферме. — Приготовление масла. — V. Замерзание реки: необходимые предосторожности. — Непорядочный дипломат: как госпожа де Ла Тур дю Пен получила портрет королевы и другие вещи	288

Глава V	299
I. Известия из Франции: возвращение конфискованного имущества. — Решено возвращаться во Францию. — Сожаления госпожи де Ла Тур дю Пен. — Она дает свободу своим рабам	299
II. Отъезд в Европу. — Ожидание в Нью-Йорке. — Капитан Барре, командующий французским военным шлюпом. — «Мария-Хосефа». — Пассажиры. — Корабельная швея. — Прибытие в Кадис	301
III. Карантин. — Таможенный досмотр. — Забавное удивление испанцев. — Маленький Юмбер и монахи. — Господин Лэнгтон. — Консул Республики — бывший маркиз. — Как в то время путешествовали по Испании. — Сеньор семи лет от роду. — Бой быков	303
IV. Отъезд из Кадиса. — Дом господина Лэнгтона. — Испанский экипаж. — Гостиницы. — Девочка, выбравшая неудачный момент для своего появления на свет. — Нежелание испанцев выступать свидетелями	306
V. Крещение. — Собор Кордовы. — Остановка в живописном месте. — Сьерра-Морена. — Города Ла Карлота и Ла Каролина. — Аранхуэс. — Мадрид. — Семейства Лэнгтон и Андилья. — Маршал Периньон. — Мадемуазель Кармен Лэнгтон	308
Глава VI	311
I. Отъезд из Мадрида. — Господин де Шамбо расстается со своими друзьями. — Экипаж «colliegas», в который запрягают семь мулов. — Эскориал. — Дом принца. — Ла Гранха. Господин Рутледж. — Прибытие в Сан-Себастьян. Бони встречает нас там	311
II. Опасения госпожи де Ла Тур дю Пен при возвращении во Францию. — Прибытие в Байонну. — Допрос и путевой лист. — Волосы, имеющие большую ценность. — Встреча с господином де Бруканом. — Прибытие в Буй. — Разорение в замке. — Спасенная библиотека. — Приезд Маргариты. — Ее жизнь во время Террора. — Рождение Шарлотты	314
III. Отлучка господина де Ла Тур дю Пена. — Страх перед «нагревателями». — Расстроенное состояние. — Как было продано владение Сеневер. — Утрата памятных семейных вещей	317
IV. Поездка в Париж. — Баррас и контрреволюция. — Опустошение в замке Тессон. — Господин де Талейран становится министром иностраннных дел благодаря госпоже де Сталь. — Легкомысленные заговорщики: «черные воротнички». — Неосторожные речи	319
V. Завтрак у господина де Талейрана. — Галантность турецкого посла по отношению к госпоже де Ла Тур дю Пен. — Тальен ревнует свою супругу. — Невероятная неблагодарность господина Мартеля	322
Глава VII	324
I. 18 фрюктидора. — Прогулка по Парижу. — Госпожа де Сталь и Бенжамен Констан высказывают противоположные мнения. — Изгнание вернувшихся эмигрантов. — Досада госпожи де Понтекулан. — Положение господина и госпожи де Ла Тур дю Пен. Поведение Талейрана и Тальена в этих обстоятельствах	324

II. Новое изгнание. — Встреча с другом из Америки. — Английские таможенники. — Любезный прием у леди Джернингем. — Встреча со старым другом. — Визит к госпоже Диллон	327
III. Бетси и Александр де Ла Туш. — Госпожа де Ла Тур дю Пен встречается с госпожой де Рот и архиепископом Нарбоннским. — Лорд Диллон. Его отречение от веры и женитьба на актрисе мадемуазель Рожье. — Лорд Кенмар и его дочь леди Шарлотта Гульд	329
IV. Властный характер госпожи д'Энен. — Эмигрантское общество. — Отъезд в Косси. — Скачки в Ньюмаркете. — Любезность леди Джернингем. — Жизнь в Косси. — Семья за столом.....	333
V. Жизнь в Ричмонде с госпожой д'Энен. — Финансовые споры между госпожой Диллон и господином Комбом. — Наследство трудно получить. — Стесненное положение госпожи де Ла Тур дю Пен. — Трудности житья общим домом с госпожой д'Энен	335
Глава VIII.....	338
I. Герцогиня Бульонская в Англии. — Ее зять господин де Витроль. — Странная страсть. — Сумасшедший.....	338
II. Рождение Эдварда. — Переезд в другой дом в Ричмонде. — Смерть маленького Эдварда. — Удобство жизни в Англии: обыкновения поставщиков. — Семейство Тюизи. — Помощник в глажении.....	341
III. Крайне стесненное положение господина и госпожи де Ла Тур дю Пен. — Бедственное положение господина де Шамбо. — Господин де Ла Тур дю Пен приходит ему на помощь. — Сто фунтов стерлингов от Эдварда Джернингема. — Мисс Лидия Уайт. — Неделя в Лондоне. — Рождение подруги. — Восьмидневная поездка.....	343
IV. Отказ от планов поехать во Францию. — Казнь господина д'Ойямсона и господина д'Аммекура. — Поездка в Митаву господина де Дюраса и его жены. — Отказ Людовика XVIII принять ее. — Разлад между супругами де Дюрас	346
V. Пришедшийся кстати абонемент в библиотеку. — Галантный сосед-оригинал. — Несчастный случай, при котором было разбито тильбюри господина де Пуа.....	347
Глава IX	350
I. Возвращение в Косси. — Известия о 18 брюмера. — Планы возвращения во Францию. — Ожидание в Ярмуте. — Плавание. — Спешная высадка в Куксхафене. — Благополучно преодоленная болезнь.....	350
II. На севере Германии. — В Вильдесхаузене. — Госпожа де Ла Тур дю Пен рождает дочь Сесиль. — Угроза выдворения и радушный прием	353
III. На пути в Голландию. — В Утрехте. — Паспорт, выписанный господином де Семонвилем. — Неожиданная встреча с госпожой д'Энен. — Прибытие в Париж. — Происшествие в гостинице Гранж-Бательер. — Жилье на улице Миромений. — Госпожа Бонапарт. — «Волокуши». — Господин де Богарне, лучший танцор в Париже	356

IV. Мораль господина де Талейрана. — Визит к госпоже Бонапарт. — Генерал Шелдон. — Принц Уэльский и миссис Фицгерберт. — Свидетельства проживания. — Комиссия по делам эмигрантов	358
V. «Канарейки». — В Мальмезоне. — Галерея госпожи Бонапарт. — Холодность, с которой была встречена победа при Маренго. — Госпожа де Сталь и Бонапарт.....	361
Глава X.....	363
I. Продажа парижского дома. — Отъезд в Буй. — Рассказы жительницы Вандеи. — Несчастный случай с экипажем: преданность Маргариты. — Жизнь в Бую. — Госпожа де Бар и ее дети. — Важное влияние, оказанное госпожой де Ла Тур дю Пен на судьбу молодого де Бара.....	363
II. Госпожа де Морвиль. — Воспитание мадемуазель де Лалли. — Озабоченность будущим. — Конкордат и его последствия. — Архиепископ Бордо д'Авио де Санзэ. — Установление Империи. — «Да», о котором было столько беспокойства. — Госпожа д'Энен и господин де Лалли.....	366
III. Госпожа де Дюрас с детьми гостит в Бую. — Ее новое отношение к светской жизни. — Она старается утешить господина д'Ангосса. — Мадемуазель де Лалли и Анри д'О. — Сто тысяч франков господина де Лалли. — Смерть Маргариты.....	369
IV. Господин де Ла Тур дю Пен отказывается просить себе должность. — Договоренность с господином де Малуэ о будущем Юмбера. — Рождение Эймара, единственного из детей госпожи де Ла Тур дю Пен, который ее пережил. — Господин Марботен де Контней, дядя Анри д'О. — Свадьба мадемуазель де Лалли и Анри д'О. — Доблестная смерть лейтенанта Александра де Морвиля	371
Глава XI.....	374
I. Юмбер уезжает в Антверпен. — Боль расставания. — Неудобства, причиняемые постоем офицеров и солдат в Бую. — Последнее прощание Альфреда де Ламета. — Его гибель и отмщение его убийства.....	374
II. Поездка Императора в Бордо. — Его переправа через Дордонь в Кюбзаке. — Госпожа де Ла Тур дю Пен вызвана в Бордо к Императрице. — Прием. — Представление Императору. — Госпожа де Монтескье запуталась. — Замешательство камергера. — В салоне Императрицы. — Ее окружение. — Строгий распорядок дня, предписанный Императором. — Мадригал. — Беспокойство Жозефины из-за слухов по поводу ее развода. — Записка от Императора. — Отъезд Императрицы.....	376
III. Возвращение в Буй. — Господин де Ла Тур дю Пен назначен в Брюссель префектом департамента Диль. — Госпожа де Ла Тур дю Пен — придворная дама испанской королевы. — Представление королеве. — Князь мира. — Концерт и партия короля. — Отъезд испанских государей.....	380

Глава XII	384
I. Начало новой жизни. — Записка госпоже де Морвиль. — Обоснованность выбора господина де Ла Тур дю Пена в качестве префекта для Брюсселя. — Первые префекты в этом городе: господин де Понтекулан и господин де Шабан. — Упоминание в поэме «Жалость»	384
II. Отъезд из Буа. Визит в Юссе. — Мадемуазель Фанни Диллон и князь Пиньятелли. — Планы брака Фанни Диллон и генерала Бертрана сталкиваются с трудностями. — Визит к Императрице Жозефине с деликатным поручением. — Огорчение и смерть госпожи де Фиц-Джеймс	386
III. Жены должностных лиц в Брюсселе. — Госпожа де Шамбарльак и госпожа Бетц. — Вдовствующая герцогиня Аренберг. Ее ужины. Прием, оказанный ею господину и госпоже де Ла Тур дю Пен. — Изучение брюссельского общества. — Организация дома. — Граф де Лидекерке	389
IV. Наполеон наконец добивается согласия мадемуазель Фанни Диллон на брак с генералом Бертраном. — Восемь дней на то, чтобы пожениться. — Своевременное вмешательство госпожи де Ла Тур дю Пен. — Встреча с генералом Бертраном. — Все детали свадебной церемонии установлены Императором	391
V. Госпожа де Ла Тур дю Пен принята Императором в Сен-Клу. — Подписание брачного договора. — Бертраны из Шатору. — Венчание в Сен-Лё. — Изумрудный гарнитур королевы Гортензии	393
Глава XIII	395
I. Зимний сезон в Брюсселе. — Королева Гортензия недовольна. — Семейства де Соль и дю Крой. — Прибытие Марии-Луизы в Компьень. — Нетерпение новобрачных. — Любезное разрешение архиепископа Вены	395
II. Высшее общество Брюсселя переходит на сторону правительства Империи. — Почетный караул. — Наполеон и Мария-Луиза в Брюсселе. — Представление и партия в вист. — Обед с Императором. — Его подшучивание над королем Жеромом. — Бал в ратуше. — Отъезд Императора. — Потомок коннетабля времен Людовика Святого	397
III. Лето в Брюсселе. — Посещение верфей в Антверпене. — Экзамен Юмбера в Государственном Совете. — Господин де Ла Тур дю Пен переносит болезненную операцию. — Господин Дююитрен и мадемуазель Буае	400
IV. Нападение англичан на Флиссинген и Антверпен. — План военной кампании, предложенный архиепископом Малинским. — Импровизированный госпиталь в Камбре. — Интриги против господина де Ла Тур дю Пена. — Раздражение Императора стихает благодаря подпоручику Луазо. — Казимир де Монтрон в заключении в замке Ам	401
V. Юмбер едет супрефектом во Флоренцию. — Генералу Бертрану дан отпуск. — 300 фунтов стерлингов господина де Лалли. — Господин де Шатобриан и трио его обожателей. — Его первая книга. — Мемуары	

госпожи де Ларошжаклен с пометками Императора. — «Адвокат Патлен» в Тюильри.....	404
VI. Первые признаки начала родов у Марии-Луизы. — Придворным, странным образом, разрешено удалиться. — Рождение Римского короля. — Виктор Самбюи спешит за своими 10 000 франков ренты. — Малое крещение. — Старые ворчуны. — Ребенок не выглядит родившимся утром того же дня	406
Глава XIV	408
I. Луи Бонапарт покидает трон Голландии. Администрация господина де Селя. — Государственный советник Реаль смущен салоном госпожи де Ла Тур дю Пен. — Мария-Луиза в Лакене. — Враждебность господина де Прадта. — Комиссар полиции Бельмар. — Священники, не принявшие конкордат	408
II. Начало военной кампании в России. Передвижения войск и реквизиции. — Предусмотрительность географа Лапика. — Два брата Робияно. — Шарлотта де Ла Тур дю Пен. — Господин де Лидекерке посылает просить ее руки. — Юмбер назначен супрефектом в Санс	410
III. Смещение префекта Брюсселя. — Госпожа де Ла Тур дю Пен едет в Париж. — Просьба об аудиенции. — Разговор с Императором. — Удивление господина де Монталиве. — Господин де Ла Тур дю Пен назначен префектом в Амьен. — На приеме при дворе. — Любезность Наполеона	412
IV. Последние дни в Брюсселе. — Сожаление населения. — Свадьба Шарлотты де Ла Тур дю Пен. — Прекрасное проявление характера господина де Шамбо.....	416
Глава XV	418
I. Амьенское общество. — Префектура. — Наши знакомые в окрестностях. — Таланты Сесиль. — Реквизиции, рекрутский набор и почетная гвардия. — Генерал Дюпон. — Появление казаков. — Мерлен из Тионвиля и вербовка заключенных из тюрем.....	418
II. Поездка в Муши. — Ссоры госпожи де Дюрас и ее зятя Леопольда де Тальмона. — «Человек, не имевший ни одного недостатка, при многих пороках». — Разговор с господином де Талейраном. — Его ненависть к Наполеону	420
III. Аудитор Государственного Совета де Бомон. — Его интриги в Амьене и выдворение его из департамента. — Бегство Юмбера из Санса. — В прихожей у господина де Талейрана. — «Да здравствует король!» — Раздача белых кокард. — Революция вычеркнута из истории. — Приготовления к приему короля. — Господин де Блакас. — Мукомолы Амьена. — Te Deum. — Хороший обед не оставляет короля равнодушным	423
IV. Нелюбезное поведение принцессы Ангулемской. — Преданность госпожи де Моссион. — Празднество у принца Шварценберга. — Господин де Ла Тур дю Пен возвращается на дипломатическую службу. — Юмбер назначен лейтенантом черных мушкетеров.	426

Глава XVI.....	429
I. Господин де Ла Тур дю Пен направлен на Венский конгресс. — Его жена провожает его до Брюсселя и возвращается через Турне и Амьен. — Рака святого Элефтера. — Александр де Ламет в должности префекта Амьена. — Жизнь в Париже. — Господин де Лидекерке награжден орденом Почетного легиона. — Аббат де Монтескье в должности министра внутренних дел.....	429
II. Андре Дюмон и его ненависть к господину де Ла Тур дю Пену. — Клеветнический памфлет. — Вышитые шляпки госпожи Бертран. — Двор и происки бонапартистов. — Смерть маленькой дочери госпожи де Лидекерке. Госпожа де Лидекерке едет в Вену к мужу. — Болезнь Эймара. — Выздоровление, на которое уже не надеялись. — Истоки его увлечения искусством	431
III. При дворе Людовика XVIII. — Допуск во дворец и во внутренние апартаменты. — Большой стол в день Святого Людовика. — Два бала у герцога Беррийского. — Альбертина де Сталь. — Веллингтон и аббат де Прадт	435
IV. Самонадеянность господина де Блакаса. — Завтрак в Турецком саду. — Известие о высадке Наполеона в заливе Жуан. — Госпожа де Ла Тур дю Пен решает ехать в Брюссель. — У министра финансов господина Луи. — Ночь беспокойного ожидания	437
V. В Брюсселе. — Визит к королю Голландии. — Герцог Беррийский ограблен. — Роспуск Венского конгресса. — Господин де Ла Тур дю Пен направлен с поручением к герцогу Ангулемскому	440
Предисловие к изданию 1913 года	443
Комментарий.....	459
Аннотированный именной указатель.....	478

МЕМУАРЫ МАРКИЗЫ ДЕ ЛА ТУР ДЮ ПЕН

Перевод с французского языка И. В. Шубиной

Выпускающий редактор *Д. Л. Вишняцкая*

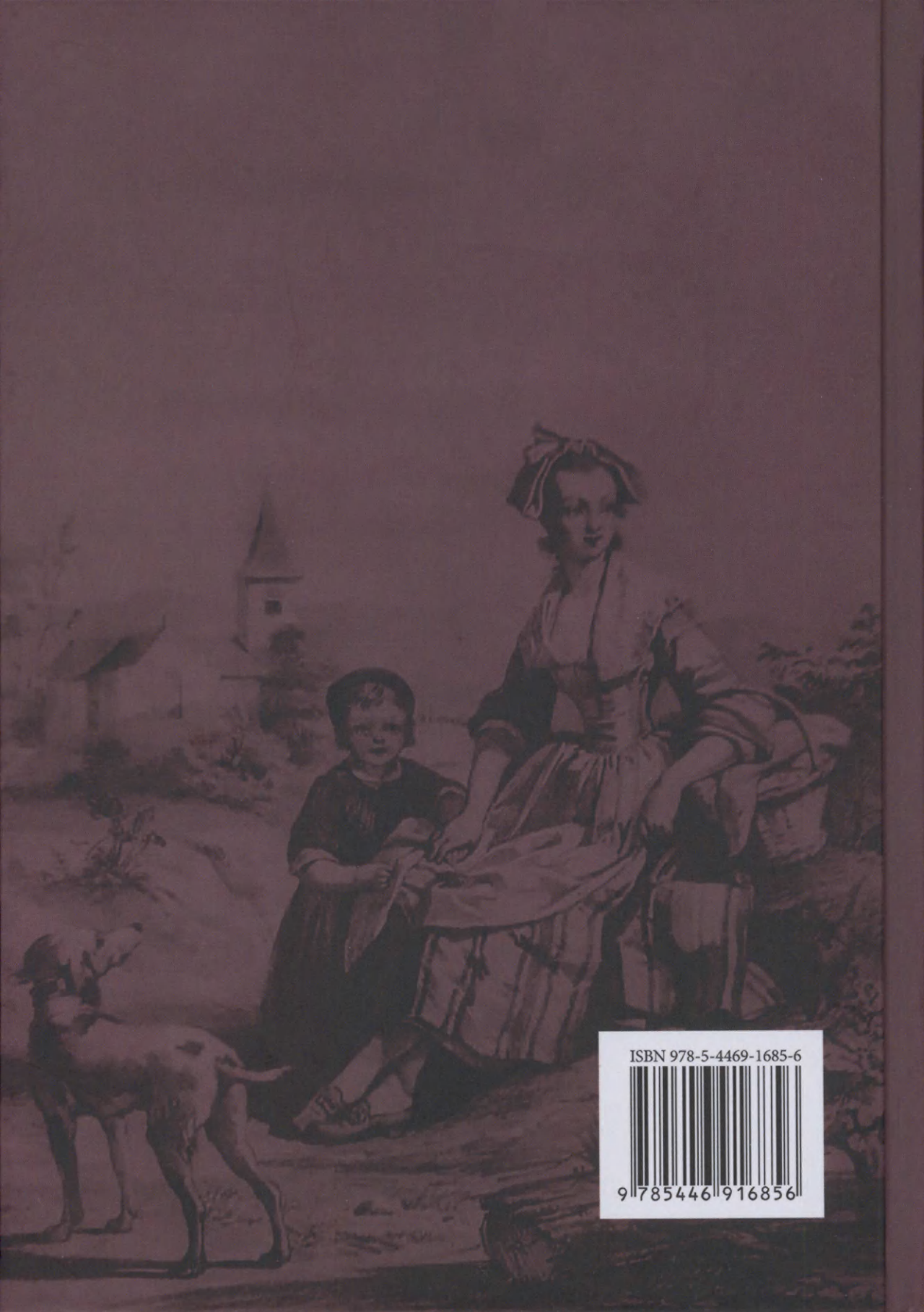
Корректор *Д. А. Сеницина*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 14.03.2020. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 46,8
Тираж 400 экз. Заказ № 1213

Издательство «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82

ISBN 978-5-4469-1685-6

9 785446 916856